

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 176.25

The gift of

EUGENE SCHUYLER

HARVARD COLLEGE LIBRARY

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ТРЕТІЙ
ТОМЪ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-ая.

АВГУСТЪ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

П. П. ШЕРШЕНКО

И. П. ШЕРШЕНКО

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1868.

- I. — СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА. — Трагедія Шиллера, въ пяти дѣйствіяхъ. — IV-V. —
К. К. Павловой.
- II. — НЕСЧАСТНЫЕ. — Разсказы изъ быта смѣльныхъ — III. Въ объѣхѣхъ. — С. Б. Максимовъ
- III. — ШКОЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ. — 1814—1820 гг. — Изъ мнѣхъ завѣсокъ. — М. П. Погодинъ
- IV. — ПОЗДНѢЙШИЯ БОЛНЕНІЯ ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ. — Историческій разсказъ.
II. Самоубійецъ 1845-го года. — П. А. Середы.
- V. — РОССІЙСКОЕ ВІВЕЛІЙСКОЕ ОБЩЕСТВО. — 1812—1826. — I. Основаніе Общества и жизнь
его дѣятельность до удаленія кн. А. П. Голицына.
- VI. — СЕБЪТАТОРЫ-КОЛОНИСТЫ ВЪ РОССІИ. — Историческіе очерки. — III. Мещинцы. —
VII-XII. — А. А. Клауса.
- VII. — ЗАПИСКИ О РОССІИ XVII и XVIII вѣка, по дописаніямъ голландскихъ резидентовъ. —
II. Посольство Бредероде, Басса и Ложики въ Россію, и ихъ дописаніе Генеральнымъ
Штатамъ, 1615—1616 гг. — III. Три письма Исаака Массы въ Генеральнымъ Штатъ
тамъ 1616—1618 гг. — Перев. съ голландск. рукоп.
- VIII. — ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — САМАРСКОЕ ЗЕМСТВО. — IV-VIII. — П. П. Колупанова
- IX. — ПО ПОВОДУ СТАТЬИ БАРОНА Н. КОРФА: «Земство на югѣ Россіи и борьба его
съ сусликами (объ одной изъ причинъ голода)». — Сообщено.
- X. — ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.
- XI. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — САМОУПРАВЛЕНІЕ, ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА
ВЪ ПРУССІИ. — К.
- XII. — КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Июль. — I. Русская литература.
- XIII. — ВІСЬМОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новая книга.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

СЕНТЯБРЬСКАЯ КНИГА „ВЪСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЫЙДЕТЬ 6-го СЕНТЯВРЯ.

Въ виду обширности романа Б. Ауэрбаха, редакція нашла необходимымъ
пачать печатаніе его не въ октябрѣ, какъ было объявлено, а въ сентябрѣ,
что и составляетъ причину замедленія въ выпускѣ сентябрьской книги.

1879, Oct. 6.

Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul
at Birmingham, Eng.

131.84

~~Star 302~~

P Star 176.25

С М Е Р Т Ъ

ВАЛЛЕНШТЕЙНА

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Шиллера.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ *).

Въ домъ бургомистра въ Эгру.

ЯВЛЕНІЕ I.

БУТТЛЕРЪ — входя.

Вступилъ сюда онъ. Рокъ его влекъ въ Эгру.
За нимъ желѣзная рѣшетка пала,
Какъ передъ нимъ спустился этотъ мостъ,
И давъ ему пройти, поднялся снова —
Спасенья путь пресѣкъся для него.
До этой точки, Фридландъ, и не далъ! —
Гласить судьба. Возникъ въ землѣ Богемской
Ты дивнымъ метеоромъ, пролагая
По небесамъ блестящую черту,

*) См. выше, стр. 5—120.

И у межи богемской пасть ты должень!
 — Отъ прежнихъ ты знаменъ своихъ отревся,
 И въ счастье вѣришь старое свое,
 Безумный! Въ императорскую область
 Внести войну, домашній разорить
 Святой очагъ — мечемъ вооружаешь
 Преступную ты руку. Берегись!
 Тобою править мести духъ свирѣпый,
 И мечь тебя погубить самого.

ЯВЛЕНИЕ II.

БУТTLЕРЪ, ГОРДОНЪ.

ГОРДОНЪ.

Вы это? — Какъ я разговора съ вами
 Ждалъ съ нетерпѣньемъ! Герцогъ измѣнилъ!
 О Боже мой! И онъ бѣглець бездомный!
 И голова его оцѣнена!
 Скажите мнѣ, какъ въ Пильзенѣ все это
 Произошло?

БУТTLЕРЪ.

Письмо вы получили,
 Которое послалъ я вамъ съ гонцомъ?

ГОРДОНЪ.

И все исполнилъ, какъ вы мнѣ велѣли,
 Впустилъ его я въ крѣпость, потому
 Что кесарскимъ предписано мнѣ словомъ
 Повиноваться слѣпо вамъ во всемъ.
 Но, — вы меня простите, — какъ увидѣлъ
 Я герцога, въ сомнѣннѣ невольню
 Я снова впалъ. Вступилъ не какъ опальный
 Онъ въ городъ. На челѣ его, какъ встарь,
 Величье властителя сіяло,
 Повиновенья требую. Спокойно,
 Какъ въ дни порядка, принялъ отъ меня
 Отчетъ онъ. Человѣкъ въ бѣдѣ привѣтливъ,
 И ласково бываетъ къ малымъ людямъ
 Величье павшее. Но герцогъ свую,

Съ достоинствомъ, слова мнѣ одобренья
Отмѣриваль, какъ господинъ слугѣ.

БУТТЛЕРЪ.

Все точно такъ, какъ вамъ писалъ я: войско
Врагамъ онъ продалъ, Прагу имъ и Эгру
Отдать хотѣлъ. Узнавъ о томъ, вся рать
Оставила его. Сюда пришли съ нимъ
Лишь пять полковъ подъ Терцкаго начальствомъ.
Объявленъ онъ въ опалѣ, и представить
Его живымъ или мертвымъ кесарь въ долгъ
Вмѣняетъ каждому изъ слугъ своихъ.

ГОРДОНЪ.

Такой вельможа! Кесарю измѣнникъ!
Что значить все величье земное!
Я часто думалъ: не къ добру все это;
Погубить герцога его же сила,
Его же власть, которой нѣтъ предѣла.
Ростутъ желанья: человекъ не долженъ
Отъ собственной воздержности зависѣть;
Его въ предѣлахъ держать лишь законъ,
Обычая лишь битая дорога.
Власть герцога неслыханна была,
Онъ ею съ императоромъ равнялся;
Отъ послушанья гордый умъ отвыкъ.
Да, жаль такого человека! Кто же
Тамъ устоять бы могъ, гдѣ Фридландъ палъ!

БУТТЛЕРЪ.

Успѣете жалѣть, когда онъ будетъ
Нуждаться въ состраданьи. Онъ теперь
Еще опасенъ. Подступаютъ шведы,
И вскорѣ, если мы не примемъ мѣръ,
Соединятся съ нимъ. Нельзя намъ медлить,
Нельзя мнѣ допустить, чтобъ онъ свободный
Отсюда вышелъ. Жизнью и честью
Я обязался взять его здѣсь въ плѣнъ,
И помощи отъ васъ я ожидаю.

ГОРДОНЪ.

Увы! Зачѣмъ до нынѣшняго дня
 Я дожилъ! Онъ мнѣ самъ здѣсь далъ начальство,
 Онъ эту крѣпость мнѣ препоручилъ,
 И быть ему она должна тюрмою.
 Намъ, подчиненнымъ, произвола нѣтъ,
 Одинъ лишь тотъ, кто силенъ и свободенъ,
 Влеченьямъ сердца можетъ уступать.
 А мы должны жестокаго закона
 Быть исполнители; доступна намъ
 Одна лишь добродѣтель — послушанье.

БУТТЛЕРЪ.

Не жалуйтесь, что въ дѣйствіяхъ своихъ
 Такъ стѣснены вы. Гдѣ свободы много,
 Тамъ много заблужденій. Безопасенъ
 Повиновенья только узкій путь.

ГОРДОНЪ.

Итакъ, покинуть герцога всѣми. Столькихъ
 Обогадилъ онъ съ щедростію царской.
 Его рука всегда была готова
 Дарами вѣждаго осыпать.

Взглянувъ на Буттлера.

Поднялъ

Иного онъ изъ праха въ санъ высокій
 И въ почести возвелъ его; а друга
 Надежнаго въ нуждѣ и злополучьи
 Ни одного себѣ не приобрѣлъ.

БУТТЛЕРЪ.

Здѣсь, вижу я, есть другъ ему нежданнѣй.

ГОРДОНЪ.

Мнѣ милостью его нельзя хвалиться.
 Быть можетъ, онъ въ величьи и не вспомнилъ
 Про друга юности своей. Вдали
 Отъ герцога я былъ удержанъ службой.
 Меня изъ виду потерялъ онъ здѣсь,
 Гдѣ, не участвуя въ его щедротахъ,

Свободу сердца я себѣ сберегъ.
 Когда меня начальникомъ назначилъ
 Онъ замка этого, еще былъ вѣренъ
 Онъ долгу своему; не обману я
 Его довѣрья, честно охраняя
 Что поручить онъ честности моей.

БУТТЛЕРЪ.

Скажите жъ, императора велѣнье
 Хотите ли исполнить, мнѣ помочь
 Его взять въ плѣнъ?

ГОРДОНЪ.

Когда все это правда,
 Что вы сказали; если измѣнилъ
 Онъ императору и продалъ войско,
 И крѣпости хотѣлъ открыть врагамъ, —
 Нѣтъ для него спасенья. Но что меня
 Изъ всѣхъ другихъ назначили орудьемъ
 Погибели его — жестоко это.
 Въ Бургау служили вмѣстѣ при дворѣ
 Пажами мы, но я былъ старшій.

БУТТЛЕРЪ.

Знаю.

ГОРДОНЪ.

Тому теперь едва-ль не тридцать лѣтъ;
 Исполненъ былъ уже стремлений смѣлыхъ
 Двадцатилѣтній юноша тогда.
 О важныхъ онъ лишь помышлялъ предметахъ,
 Какъ мужъ созрѣлый, тихъ и молчаливъ
 Межъ нами былъ, съ самимъ собой въ бесѣдѣ,
 Чуждъ нашихъ игоръ дѣтскихъ. Но минуты
 Восторженности странной находили
 Внезапно на него, и вырывался
 Изъ глубины таинственной души
 Могучей мысли лучъ, и мы дивились
 Его словамъ, не зная, было-ль это
 Безумья рѣчь, иль Божье вдохновенье.

БУТТЛЕРЪ.

Тамъ и случилось то, что задремавши
 Разъ у окна, онъ съ высоты упалъ
 Двухъ-ярусной и всталъ безъ поврежденій.
 Есть слухъ, что были съ нимъ съ тѣхъ поръ припадки
 Безумья.

ГОРДОНЪ.

Задумчивѣе сталъ онъ,
 И сдѣлался католикомъ. Въ немъ чудо
 Спасенія его вдругъ перемѣну
 Произвело. Себя онъ существомъ
 Предъизбраннымъ почелъ и дерзновенно,
 Какъ будто-бъ знать несчастія не могъ,
 Пошелъ невѣрною стезею жизни;
 И насъ судьба далѣко развела.
 Къ величію и славѣ быстрымъ шагомъ
 Онъ восходилъ; за нимъ слѣдилъ я взоромъ.
 И голова кружилась. Сталъ онъ вскорѣ
 И графъ, и князь, и герцогъ, и диктаторъ.
 И мало ужъ ему всего, онъ руку
 Къ коронѣ королевской простираетъ
 И въ бездну падаетъ.

БУТТЛЕРЪ.

Молчите. Вотъ онъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПРЕЖНЕ, ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ входитъ, разговаривая съ **БУРГОМИСТРОМЪ** Эгры.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вашъ городъ прежде вольный былъ? Зачѣмъ же
 У васъ орелъ не цѣлый на гербѣ,
 А только половина?

БУРГОМИСТРЪ.

Имперскимъ

Мы были городомъ; но двѣсти лѣтъ,
 Какъ городъ у Богеміи въ закладѣ.

Отрѣзанъ потому до половины
Гербовый нашъ орелъ, куда насъ
Не выкушитъ имперія.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Свободы
Достойны вы. Не увлекайтесь только
Словами злоумышленныхъ людей.
Большую-ль подать съ васъ беруть?

БУРГОМИСТРЪ.

Такою,
Что намъ вносить ее едва возможно.
Мы-жъ содержать должны и гарнизонъ.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Вамъ будетъ льгота. Есть здѣсь протестанты?
Да, да, я знаю, въ городѣ ихъ много
Скрывается. Признайтесь мнѣ: вы сами,
Не правда ли?

Глядитъ въ глаза испуганному бургомистру.

Не бойтесь, иезуитовъ
Я ненавижу; еслибъ только могъ,
Ихъ изъ имперіи давно-бъ я выгналъ.
Обѣдня, библія, мнѣ все равно;
Я это доказалъ, я лютеранамъ
Въ Глогау самъ церковь выстроилъ. Скажу вамъ —
Какъ васъ зовутъ?

БУРГОМИСТРЪ.

Пахгельбель, ваша свѣтлость.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

О томъ, что вамъ повѣрю я, съ другими
Не говорите вы. Да, бургомистръ,
Пришла пора, могучіе падутъ,
И слабые возвысятся. Но это
Межь нами пусть. Владычество испанцевъ
На двухъ престолахъ близится къ концу,
Устанавливается порядокъ новый.
Вы видѣли-ль на небѣ три луны?

ВЪСТНИКЪ ВВРОПЫ.

БУРГОМИСТРЪ.

Со страхомъ видѣлъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вытянулись двѣ
Въ кровавые кинжалы, и осталась
Лишь средняя свѣтла, не измѣнясь.

БУРГОМИСТРЪ.

Мы полагали, что бѣду отъ турокъ
Пророчить намъ оно.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Отъ турокъ, нѣтъ.
На западѣ падуть и на востокѣ
Два государства, говорю я вамъ,
И лютеранъ лишь уцѣлѣетъ вѣра.

Замѣчаетъ БУТТЛЕРА и ГОРДОНА.

Мы слышали пальбу съ дороги влѣво,
Какъ ѣхали сюда. Была ли вамъ
И здѣсь она слышна?

ГОРДОНЪ.

Да, ваша свѣтлость,
По вѣтру прямо съ юга неся гуль.

БУТТЛЕРЪ.

Отъ Нейштадта или Вендена должно быть.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Дорогой этой подступаютъ шведы.
А какъ силенъ вашъ гарнизонъ?

ГОРДОНЪ.

У насъ
Сто восемьдесятъ человѣкъ способныхъ,
Всѣ остальные инвалиды.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Много-ль

Стоить въ Иоахимсталѣ?

ГОРДОНЪ.

Укрѣпить

Считая нужнымъ этотъ постъ, отправилъ
Туда теперь я двѣсти мушкетеровъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Хвалю я вашу осторожность. Видѣлъ
Въѣзжая я, что строите вы также
Здѣсь укрѣпленья.

ГОРДОНЪ.

Намъ грозитъ Рейнграфъ

Такъ на-скоро еще два бастіона
Построить я велѣлъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Усердный вы

Слуга царю, и я доволенъ вами.

Постъ въ Иоахимсталѣ снять, какъ и другіе
Въ томъ направленіи.

Бутлеру.

Гордону.

Вамъ, комендантъ,

Препоручаю я мою жену,
Дочь и сестру. Я самъ здѣсь не останусь,
Жду только писемъ. Завтра же, чѣмъ свѣтъ
Изъ крѣпости я выступлю съ полками.

Я В Л Е Н І Е IV.

ПРЕЖНИЕ, ТЕРЦКІЙ.

ТЕРЦКІЙ.

Желанныя и радостныя вѣсти!

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какія же?

ТЕРЦІЙ.

Подъ Нейштадтомъ дрались,
И шведы взяли верхъ.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ? Кто-жь принесъ
Извѣстье?

ТЕРЦІЙ.

Селянинъ изъ Тиршенрейта.
Бой завязался по закатѣ солнца.
Отрядъ имперскихъ войскъ напалъ неожиданно
На шведскій станъ. Дралися два часа,
Имперскихъ тысяча легло на мѣстѣ,
И съ ними ихъ полковникъ. Вотъ что было
Мнѣ сказано.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто-жь въ Нейштадтѣ могъ поспѣть?
Не Альтрингеръ, — не прилетѣлъ же птицей.
Четырнадцать онъ миль стоялъ оттуда
Еще вчера. Галласъ, во Фрауенбергѣ,
Войскъ и понынѣ не собралъ своихъ.
Ужели Суйсъ впередъ ступилъ такъ смѣло?
Не можетъ быть.

ТЕРЦІЙ.

Сейчасъ узнаемъ все,
Вотъ Илло къ намъ идетъ съ веселымъ видомъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ПРЕЖНИЕ, ИЛЛО.

ИЛЛО — Валленштейну.

Къ тебѣ гонецъ съ докладомъ прискакалъ.

ТЕРЦІЙ.

Слухъ о побѣдѣ подтвердился-ль?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Съ вѣстью

Какою присланъ онъ, и вѣмъ?

Илло.

Рейнграфомъ;

А вѣсть его тебѣ сказать могу.

Рать шведская стоитъ пять миль отсюда,

Подъ Нейштадтомъ, Максъ Пикколомини

Ударилъ съ конницею на нее;

Была рѣзня ужасная, но шведы

Верхъ взяли большинствомъ; полкъ Папенгеймцевъ,

И Максъ съ нимъ, легъ на мѣстѣ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Гдѣ гонецъ?

Веди меня къ нему.

Хочетъ идти. Дѣвица НЕЙБРУННЪ *вбѣгаетъ*
въ комнату, за ней нѣсколько слугъ.

НЕЙБРУННЪ.

Ахъ! Помогите!

Спасите!

Илло и Терцкѣй.

Что такое? Что случилось?

НЕЙБРУННЪ.

Княжна....

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ И ТЕРЦКѢЙ.

Она узнала?...

НЕЙБРУННЪ.

Умираетъ!

Поспѣшно уходитъ, за ней Валленштейнъ и Терцкѣй.

ЯВЛЕНИЕ VI.

БУТTLЕРЪ, ГОРДОНЪ.

ГОРДОНЪ.

Что это значить? Растолкуйте мнѣ.

БУТTLЕРЪ.

Паль въ битвѣ тотъ, кого она любила,
Вождь Папенгеймцевъ, Пикколомини.

ГОРДОНЪ.

Несчастливая!

БУТTLЕРЪ.

Что Илло говорилъ,
Вы слышали, Рейнграфъ подходитъ.

ГОРДОНЪ.

Слышалъ.

БУТTLЕРЪ.

Двѣнадцать у него полковъ, и пять
Прибывшихъ съ герцогомъ стоятъ вблизи.
У насъ всего мой полкъ, и гарнизонныхъ
Сто восемьдесятъ человекъ.

ГОРДОНЪ.

Все такъ.

БУТTLЕРЪ.

Съ отрядомъ этимъ малымъ невозможно
Намъ плѣнника такого удержать.

ГОРДОНЪ.

Конечно, нѣтъ.

БУТTLЕРЪ.

Обезоружить нашихъ

И герцога освободить врагамъ
Не трудно будетъ.

ГОРДОНЪ.

Да, конечно.

БУТТЛЕРЪ.

Знайте,

Я за успѣхъ порукой. Отвѣчаю
Я головой за голову его.
Во что-бъ ни стало, данное я слово
Исполнить долженъ. Коль уйти онъ можетъ
Отъ насъ живой — онъ мертвый не уйдетъ.

ГОРДОНЪ.

Какъ? Боже правый! точно-ль я васъ понялъ?
Ужели....

БУТТЛЕРЪ.

Смерть его необходима....

ГОРДОНЪ.

Такой вы грѣхъ свершите?

БУТТЛЕРЪ.

Я — иль вы.

Онъ завтрашняго утра не увидитъ.

ГОРДОНЪ.

Убить его хотите вы?

БУТТЛЕРЪ.

Хочу.

ГОРДОНЪ.

Довѣрившаго вамъ!

БУТТЛЕРЪ.

Его судьба!

ГОРДОНЪ.

Военачальника?

БУТТЛЕРЪ.

Имъ былъ онъ, да.

ГОРДОНЪ.

Того, чѣмъ былъ онъ, въ памяти затмить
 Не можетъ преступленье никакое.
 — И безъ суда?

БУТТЛЕРЪ.

Судомъ да будетъ казнь!

ГОРДОНЪ.

Убийство это, но не правосудье!
 Судья обязанъ выслушать виновныхъ.

БУТТЛЕРЪ.

Вина ясна. Судьей былъ императоръ.
 Верховную мы волю совершимъ.

ГОРДОНЪ.

Свершеніемъ кровавыхъ приговоровъ
 Не должно торопиться; можно слово
 Обратнo взять, — жизнь возвратитъ нельзя.

БУТТЛЕРЪ.

Хотятъ поспѣшной службы государи.

ГОРДОНЪ.

Мужь благородный палачемъ не служить.

БУТТЛЕРЪ.

Предъ смѣлымъ дѣломъ храбрыхъ не дрожить.

ГОРДОНЪ.

Приносить храбрыхъ въ жертву жизнь, не совѣсть.

БУТТЛЕРЪ.

Дадимъ ли выйти мы ему отсюда —
Зажечь войны свирѣпый пламень вновь?

ГОРДОНЪ.

Свободу отнимите у него,
Но жизнь ему оставьте, дѣломъ лютымъ
Не упреждайте ангела пощады.

БУТТЛЕРЪ.

Его-бъ лишить я жизни не хотѣлъ,
Когда-бъ имперскихъ шведы не разбили.

ГОРДОНЪ.

Зачѣмъ ему я замокъ отворилъ?!

БУТТЛЕРЪ.

Судьба ему наноситъ смерть, — не мѣсто.

ГОРДОНЪ.

Мнѣ ввѣренную крѣпость защищая,
Въ бою упорномъ я бы честно палъ.

БУТТЛЕРЪ.

И тысячи бойцовъ погибли-бъ храбрыхъ.

ГОРДОНЪ.

За долгъ свой, удостоившись хвалы, —
Но на убійствѣ зломъ лежитъ проклятье.

БУТТЛЕРЪ — вынимая изъ кармана бумагу.

Вотъ манифестъ: онъ герцога взять въ плѣнъ
Вамъ также, какъ и мнѣ велитъ. Хотите-ль
Вы на себя отвѣтственность принять,
Коль онъ къ врагамъ уйдетъ, виною нашей?

ГОРДОНЪ.

Я немощный! О, Господи!

БУТTLЕРЪ.

Ручайтесь
За всё послѣдствія, и будь что будетъ,
Я все на васъ слагаю.

ГОРДОНЪ.

Боже мой!

БУТTLЕРЪ.

Вы знаете-ль другое средство волю
Исполнить императора? Скажите.
Паденія его хочу, — не смерти.

ГОРДОНЪ.

Чему быть должно, вижу также ясно,
Но сердце бьется иначе во мнѣ.

БУТTLЕРЪ.

Съ нимъ, здѣсь, и этотъ Терцкій, этотъ Илло,
Должны погибнуть.

ГОРДОНЪ.

О, не ихъ мнѣ жаль!

Они своей корысти уступали,
Не вѣрѣ въ тайную созвѣздій власть.
Въ грудь безмятежную его они-то
Вложили сѣмя страсти роковой,
Несчастный плодъ старательно питали.
Будь злая мзда за злое дѣло имъ.

БУТTLЕРЪ.

И прежде герцога ихъ смерть постигнетъ.
Я все устроилъ. Ихъ хотѣлъ средь пира
Схватить я ночью и держать въ плѣну;

Но лучше и короче такъ. — Сейчасъ же
Я приказанья нужны раздамъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНИЕ, ИЛЛО и ТЕРЦКІЙ.

ТЕРЦКІЙ.

Теперь не то ужъ будетъ! Завтра къ намъ
Примкнуть двѣнадцать тысячъ храбрыхъ шведовъ;
Тогда — на Вѣну! Веселѣй, старикъ,
Не хмурься при такой хорошей вѣсти.

ИЛЛО.

Да, нашъ чередъ предписывать законы
И отомстить злодѣямъ, насъ безстыдно
Покинувшимъ. Одинъ уже наказанъ,
Максъ Пиеколомини. Когда-бъ имъ всѣмъ
Такая-жъ, какъ ему, досталась доля!
Какой ударъ для старика! Возвысить
Свой древній родъ, и княжества добиться
Всю жизнь свою старался, и теперь
Хоронить онъ единственнаго сына.

БУТТЛЕРЪ.

Жаль доблестнаго юноши. Самъ герцогъ
Быль, очевидно, огорченъ извѣстьемъ.

ИЛЛО.

Послушай, другъ, того-то одобрять
Я и не могъ, за то съ нимъ и бранился,
Что итальянцевъ этихъ онъ всегда
Предпочиталъ намъ, и теперь, клянуса,
Онъ былъ бы радъ всѣхъ мертвыми насъ видѣть,
Коль могъ бы тѣмъ жизнь Максу возвратить.

ТЕРЦКІЙ.

Оставь въ покоѣ мертвыхъ. Насъ сегодня

Твой угощаетъ полкъ, такъ дѣло въ томъ,
Кто перепьетъ кого. Въ честь карнавалу
Всю пропируемъ ночь, и будемъ ждать,
При полныхъ кубкахъ, авангарда шведовъ.

ИЛО.

Да, нынче всѣ повеселимся вмѣстѣ.
Намъ наступаютъ дни труда. Мечъ этотъ
Не отдохнетъ, покуда вдоволь онъ
Австрійскою не обольется кровью.

ГОРДОНЪ.

Что за слова, фельдмаршалъ! Что за злоба
На государя вашего!

БУТТЛЕРЪ.

Побѣдѣ

Не слишкомъ радуйтесь этой; быстро
Вращается фортуны колесо,
Еще силенъ, повѣрьте, императоръ.

ИЛО.

Есть войско у него, — нѣтъ полководца.
Король венгерскій новичекъ въ войнѣ;
Галласъ? — Несчастливъ, рать лишь губить даромъ;
А змѣй Октавіо ужалить можетъ
Въ пята украдкою, но онъ въ сраженьи
Противу Фридланда не устоитъ.

ТЕРЦІЙ.

Должна взять наша. Не отстанетъ счастье
Отъ герцога. Извѣстно, что австрійцы
Лишь съ Валленштейномъ могутъ побѣждать.

ИЛО.

И рать онъ вскорѣ сильную сберетъ.
Спѣшать толпой къ его знаменамъ славнымъ;
Минувшихъ дней успѣхи повторятся;
Великъ, какъ прежде, будетъ онъ опять.

Глупцы, его покинувшіе нынѣ,
 Поймутъ, что вредъ себѣ лишь нанесли.
 Приверженцамъ своимъ раздастъ онъ земли,
 И наградитъ ихъ съ щедростію царской
 За службу ихъ, а мы къ нему всѣхъ ближе.

Гордону.

Тогда онъ вспомнитъ и о васъ, возьметъ васъ
 Изъ захолустья этого, поставитъ
 На мѣсто видное.

ГОРДОНЪ.

Доволенъ я,
 Возвыситься желанья не имѣю.
 Гдѣ высота, тамъ угрожаетъ бездна.

ИЛЛО.

Теперь вамъ уже здѣсь нѣтъ дѣла, завтра
 Вступаютъ въ крѣпость шведскіе полки. —
 Пора на пиръ намъ, Терцкій, да прикажемъ
 Мы шведамъ въ честь весь городъ освѣтить.
 А кто откажется, тотъ злой измѣнникъ.

ТЕРЦКІЙ.

Не нужно. — Герцогъ недоволенъ будетъ.

ИЛЛО.

Какъ?! Наша воля здѣсь, и гдѣ мы правимъ,
 Не смѣй никто имперскимъ называться!
 Спокойной ночи! Гордонъ, позаботьтесь
 Въ послѣдній разъ о крѣпости сегодня,
 Дозоръ пошлите, можно и пароль
 Перемѣнить. Когда ударитъ десять,
 Вы отнесете къ герцогу ключи,
 И кончена здѣсь ваша должность. Завтра
 Вступаютъ въ крѣпость шведскіе полки.

ТЕРЦКІЙ — уходя, Буттлеру.

Вы будете къ намъ въ замокъ?

БУТТЛЕРЪ.

Въ пору буду.

Терціи и Илло уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БУТТЛЕРЪ, ГОРДОНЪ.

ГОРДОНЪ.

Несчастные! Какъ слѣпо и безопасно,
 Побѣдой упоенные своей,
 Въ убійственную сѣть они впадаютъ?
 Я не могу жалѣть о нихъ, о дерзкомъ
 Злодѣѣ томъ, который хочетъ кровью
 Облиться государя своего.

БУТТЛЕРЪ.

Дозоръ пошлите, какъ онъ вамъ велѣлъ,
 Отъ нападенья крѣпость охраняйте.
 А я, какъ скоро въ замкѣ будутъ оба,
 Ворота тотчасъ запереть велю,
 Чтобъ въ городѣ о дѣлѣ не узнали.

ГОРДОНЪ.

О, не спѣшите —

БУТТЛЕРЪ.

Слышали вы сами:

Съ разсвѣтомъ дня настанетъ шведовъ власть,
 Намъ эта ночь дана. — Они проворны,
 Еще проворнѣй будемъ мы. — Иду. —

ГОРДОНЪ.

Не доброе вашъ предвѣщаетъ взоръ.
 Мнѣ дайте слово.

БУТТЛЕРЪ.

Солнце закатилось,
 Темнѣетъ вечеръ роковой. Спокойны

Въ своемъ высокомѣрїи они.
 Ихъ предаеть судьба намъ беззащитныхъ,
 Ихъ жизнь, среди мечтаній объ успѣхѣхъ,
 Мечъ быстро прекратитъ.—Великій мастеръ
 Разсчитывать былъ герцогъ, онъ умѣлъ
 Разчислить все, по своему удобству
 Людми располагалъ онъ произвольно
 И двигалъ ихъ, какъ шашки на доскѣ.
 Онъ ближняго достоинствомъ и честью
 Играть не зазирался, безпрестанно
 Разсчитывалъ, мудрилъ — и наконецъ,
 Разсчетъ его окажется невѣрнымъ,
 Окажется, что жизнь онъ просчиталъ. —
 Какъ Архимедъ, трудяся надъ задачей,
 Падеть внутри онъ круга своего.

ГОРДОНЪ.

Забудьте герцогу его проступки;
 Припомните души его величье,
 Все, что въ немъ есть достойнаго любви,
 Всѣ достохвальныя его дѣянья
 Припомните, и пусть они теперь
 Какъ ангелы, съ любовью о пощадѣ,
 Удержутъ мечъ, надъ нимъ взпесенный.

БУТТЛЕРЪ.

Поздно!

Я долженъ чуждъ быть жалости, я долженъ
 Кровавыя имѣть лишь мысли.

Взявъ Гордона за руку.

Гордонъ!

Не изъ душевной ненависти — князя
 Я не люблю, и въ правѣ не любить, —
 Но не изъ ненависти буду нынѣ
 Убийцею его. Падеть онъ жертвой
 Своей судьбы. Несчастье править мной,
 Враждебное стеченіе событий.
 Мнить человекъ, что воленъ отъ въ поступкѣхъ!
 О, нѣтъ! Власть темная играетъ имъ,
 И грозно, изъ его же произвола,
 Необходимость злую создаетъ.
 Когда-бъ во мнѣ и говорила жалость —
 Его я долженъ все-таки убить.

ГОРДОНЪ.

О, если сердце жалость вамъ внушаетъ,
 Предайтесь ей. — Гласъ сердца — Божій гласъ!
 Соображенья мудрыя ума
 Лишь дѣло человѣческое; счастье
 Какое дать вамъ можетъ преступленье!
 Нѣтъ, кровь добра не порождаетъ! Этимъ
 Подняться-ль чаете! Владыкамъ, вѣрьте,
 Убийство можетъ нравиться порой,
 Но имъ всегда убійца ненавистенъ.

БУТТЛЕРЪ.

Вы знать не можете, такъ не заботьтесь.
 За чѣмъ идутъ сюда такъ скоро шведы?
 Его бы милосердью государя
 Я предоставилъ, не лишилъ бы жизни,
 Но слово данное сдержать я долженъ,
 И онъ умретъ. — Я обезчестенъ, Гордонъ,
 Когда уйдетъ отсюда онъ къ врагамъ. —

ГОРДОНЪ.

О, чтобы жизнь спасти такую —

БУТТЛЕРЪ — быстро.

Что?

ГОРДОНЪ. .

Пожертвовать собою можно. Будьте
 Великодушны. Доблестны по нашимъ
 Поступкамъ мы, не по сужденью свѣта.

БУТТЛЕРЪ — гордо и холодно.

Да, человекъ онъ знатный; — я, напротивъ,
 Неважное лице, вотъ ваша мысль.
 Что за нужда, по вашему, срамить-ли
 Себя иль нѣтъ рожденный въ низкомъ званьи,
 Лишь только-бъ былъ спасенъ свѣтлѣйшій князь. —
 Собою дорожить здѣсь въ правѣ каждый.
 Себя могу цѣнить я какъ хочу;

И нѣтъ того на свѣтѣ челоуѣка,
 Въ сравненіи съ кѣмъ я-бъ презиралъ себя,
 Велики мы по мѣрѣ нашей воли;
 Такъ какъ своей я вѣренъ — онъ умиеть. —

ГОРДОНЪ.

О, я скалу поколебать пытаюсь!
 Не женщина васъ родила, нѣтъ чувствъ
 Въ васъ челоуѣческихъ. — Вамъ не могу я
 Препятствовать; — но да избавить Богъ
 Его изъ рукъ не милосердыхъ вашихъ!

Оба уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Комната герцогини.

ТЭКЛА, въ креслахъ, блѣдна, съ закрытыми глазами. Герцогиня и дѣвица НЕЙ-
 БРУННЪ около нея. ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ и ГРАФИНЯ въ разговорѣ между собой.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ до нея дошла такъ скоро вѣсть?

ГРАФИНЯ.

Она бѣды ждала. Слухъ о сраженіи,
 Въ которомъ палъ имперскихъ войскъ полковникъ,
 Замѣтно испугалъ ея. Гонцу
 На встрѣчу бросилась она, и тутъ же
 Все вывѣдала отъ него. Хватились,
 И въ слѣдъ ей поспѣшили мы, — лежала
 Она безъ чувствъ ужъ на его рукахъ. —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

И бѣдную ударъ постигнуть этотъ
 Внезапно такъ! — Приходить-ли въ себя? —

ГЕРЦОГИНЯ.

Глаза открыла.

ГРАФИНЯ.

Оживаетъ.

ТЭКЛА — оглядываясь.

Гдѣ я?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — подходитъ къ ней, и обнимаетъ ее.

Опомнись Тэкла. Будь тверда, взгляни,
Вотъ мать твоя,—тебя отецъ твой держитъ
Въ объятяхъ.

ТЕКЛА — приподымается.

Гдѣ онъ? Его здѣсь нѣтъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Кого, мой другъ?

ТЭКЛА.

Того, кто молвилъ слово

Ужасное.

ГЕРЦОГИНЯ.

Не вспоминай о немъ,
Мое дитя! Отъ этого предмета
Мысль удали.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Пусть изливаетъ скорбь
Она въ словахъ, пусть плачетъ, — плачьте съ нею.
Великое она познала горе,
Но верхъ возьметъ надъ нимъ; она отцовскимъ
Одарена неодолимымъ духомъ. —

ТЭКЛА.

Я не больна, — я встать теперь могу.
Что плачетъ мать? Ее я испугала,
Мнѣ лучше, помню ясно все. —

Встаетъ и смотритъ вокругъ.

Гдѣ онъ?

За чѣмъ его скрываютъ отъ меня?
Я въ силахъ выслушать его.

ГЕРЦОГИНЯ.

Нѣтъ, Тэкла,
Ты вѣстника несчастія увидѣть
Вновь не должна —

ТЭКЛА.

Отецъ!

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Мой милый другъ!

ТЭКЛА.

Я не слаба, — со всѣмъ оправлюсь вскорѣ. —
Не откажите въ просьбѣ мнѣ.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ какой?

ТЭКЛА.

Позвольте этого гонца мнѣ видѣть,
И выслушать наединѣ. —

ГЕРЦОГИНЯ.

Нѣтъ! нѣтъ!

ГРАФИНЯ — Валленштейну.

Нѣтъ, этого ты допустить не долженъ.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Зачѣмъ его ты видѣть хочешь, Тэкла?

ТЭКЛА.

Я успокоюсь какъ узнаю все,
Хочу услышать правду. Мать, я вижу,
Меня щадить. Я не хочу пощады.
Ужаснѣйшее сказано. Страшнѣе
Ничто не можетъ быть.

ГРАФИНЯ И ГЕРЦОГИНЯ — Валленштейну.

Не позволяй! —

ТЭКЛА.

Мной овладѣлъ неожиданный ужасъ, выдалъ
Передъ чужимъ меня онъ человѣкомъ,
Мою онъ видѣлъ слабость, я упала
Въ его объятья, стыдно мнѣ — должна я
Вновь уваженье заслужить его,
Съ нимъ говорить, чтобъ не унесъ онъ мнѣнья
Дурного обо мнѣ. —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ея желанье

Я одобряю, — и готовъ исполнить.
Позвать его.

Дѣвица Нейбруннъ уходитъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Но при свиданіи этомъ,
Я, мать твоя, присутствовать хочу. —

ТЭКЛА.

Наединѣ съ нимъ быть я бы желала,
Владѣла-бъ больше я тогда собой.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Пусть будетъ такъ. Одну ее оставьте.
Есть горести, въ которыхъ человѣкъ
Лишь самъ себѣ дать можетъ облегченье.
Въ своей лишь силѣ сильная душа
Опору ищетъ. Не въ чужой груди,
Но въ собственной найдетъ она возможность
Перенести ударъ. — Она храбра.
Съ ней обращаться я, какъ съ героиней,
А не какъ съ робкой женщиной хочу. —

Идетъ.

ГРАФИНЯ.

Куда идешь? Отъ Терцаго я знаю,

Что завтра утромъ отъѣзжаешь ты,
Насъ оставляя здѣсь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Да, остаетесь
Вы подъ надежною защитой.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ!

Возьми ты насъ съ собой. Не принуждай насъ
Со страхомъ ждать, въ уединеннѣ мрачномъ,
Исхода предпріятыя твоего.
Свершившееся бѣдствіе не трудно
Перенести. — Но дѣлаетъ ужаснымъ
Его вдали сомнѣнье и боязнь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто говорить о бѣдствіи? Не встати
Твои слова. Я счастья ожидаю.

ГРАФИНЯ.

Такъ дай намъ быть съ тобою. Не оставляй
Насъ въ этомъ мѣстѣ грустныхъ ожиданій.
Здѣсь тяжело на сердцѣ. Смертью вѣетъ
Средь этихъ стѣнъ, какъ въ склепѣ гробовомъ.
Сказать я не умѣю, какъ противенъ
Домъ этотъ мнѣ. — Возьми съ собою насъ. —
Проси, сестра, чтобъ онъ насъ взялъ отсюда,
Проси со мною, Тэкла, милый другъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Хочу я мѣсту этому значенье
Дать доброе; пусть милыхъ мнѣ моихъ
Оно хранить. —

НЕЙБРУННЪ — возвращается.

Нарочный шведскій здѣсь.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Наединѣ его оставьте съ нею.

Уходить.

ГЕРЦОГИНЯ.

Ты поблѣднѣла, Тэкла, ты не можешь
Съ нимъ видѣться. Послушайся меня.

ТЭКЛА.

Таеъ пусть вблизи останется здѣсь Нейбруннѣ.

Герцогиня и графиня уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ Ж.

ТЭКЛА, ШВЕДСКІЙ КАПИТАНЪ и ДѢВИЦА НЕЙБРУННѢ.

КАПИТАНЪ — почтительно подходитъ.

Княжна — прощенія просить я долженъ, —
Моя неосторожность — каеъ я могъ —

ТЭКЛА — съ благородствомъ.

Вы видѣли меня въ моемъ страданьи.
Васъ, незнакомца, сдѣлалъ чувствъ моихъ
Повѣреннымъ несчастный нынѣ случай.

КАПИТАНЪ.

Вамъ быть я долженъ ненавистенъ, слово
Сказалъ я скорбное.

ТЭКЛА.

Вина моя.

Его исторгла я у васъ. Вашъ голосъ
Былъ голосъ рока моего. Мой ужасъ
Прервалъ повѣствованье. — Васъ прошу я
Мнѣ повторить его теперь.

КАПИТАНЪ — съ нерѣшимостію.

Княжна, —

Возобновить оно страданье ваше.

ТЭКЛА.

Я слышать въ силахъ — въ силахъ быть хочу.
Какъ началось сраженье? Говорите.

КАПИТАНЪ.

Стояли, нападенья не предвидя,
Мы въ лагерѣ, почти неугрѣбленномъ,
При Нейштадтѣ. Вдругъ, подъ конецъ ужь дня,
У лѣса пыль взвилась, и въ лагерь внесся
Передовой отрядъ, крича:—Враги!
Мы на коней вскочить едва успѣли,
Какъ и вломились уже Папенгеймцы,
Во весь опоръ несясь чрезъ засѣку;
Неистойвой промчались толпою
И черезъ ровъ они, которымъ станъ
Былъ обведенъ, но храбрость безразсудно
Ихъ увлекла, пѣхота далеко
Отъ нихъ отстала; Папенгеймцы только
Пустились отважному вождю
Отважно вслѣдъ —

Текла содрогается. — Капитанъ умолкаетъ, но она ему даетъ знакъ продолжать.

Всей конницею нашей
Мы спереди и съ фланговъ тутъ на нихъ
Ударили, и ихъ ко рву прижали,
Гдѣ наскоро построенной пѣхоты
На встрѣчу имъ уже свергали копыя
Стальной щетиной. Не могли они
Ни отступить, ни двинуться впередъ,
Стѣсненные ужасно отовсюду,
Тогда Рейнграфъ воззвалъ, чтобъ вождь ихъ честно
Съ дружиной сдался. — Но не отвѣчая,
Полковникъ Пикколомини —

Текла, пошатнувшись, хватается за стулъ.

Его

Узнали по пернатому мы шлему,
И волосамъ, спустившимся до плечъ.
Коня прищпоривъ, первый черезъ ровъ
Пронесся онъ, — полкъ въ слѣдъ за нимъ пустился.
Но ужъ свершилося, — его свагунъ,
Копьемъ пронзенный, въ бѣшенномъ испугѣ
Сталъ на дыбы, далеко сброшенъ всадникъ,

И удиламъ не повинуюсь больше,
Толпа коней помчалась чрезъ него. —

Тесла, которая послѣднія его слова сопровождала знаками возрастающаго ужаса, начинаетъ дрожать, и готова упасть. Дѣвица Нейбруннъ поддерживаетъ ее.

НЕЙБРУННЪ.

Княжна! Княжна!

КАПИТАНЪ — тронутый.

Я удаляюсь.

ТЭБЛА.

Нѣтъ! —

Прошло. — Договорите. —

КАПИТАНЪ.

Смерть вождя
Полеъ привела въ отчаянную ярость;
О собственномъ не думая спасенія,
На насъ какъ тигры бросились они,
Насъ раздражая лютостью своею.
И кончилась тогда лишь схватка злая,
Когда послѣдній Папенгеймецъ палъ.

ТЭБЛА — дрожащимъ голосомъ.

И гдѣ же — гдѣ? — Вы мнѣ не все сказали.

КАПИТАНЪ — послѣ короткаго молчанія.

Сегодня мы его похоронили.
Двѣнадцать юношей, родовъ знатнѣйшихъ
Потомки, одръ несли; во слѣдъ шло войско.
Украшенъ былъ вождя младого гробъ
Вѣнкомъ лавровымъ; на него Рейнграфъ
Самъ положилъ свой мечъ побѣдоносный.
Лились и слезы. Многіе изъ насъ
Извѣдали его великодушье
И кроткій нравъ, и всѣ о немъ жалѣли.
Рейнграфъ желалъ его спасти, но самъ онъ
Спасеніе отвергнулъ. — Говорять
Онъ умереть хотѣлъ. —

НЕЙБРУННЪ — ТѢЛѢ, которая закрыла лице руками.

Княжна! Взгляните,
О Боже мой! — Зачѣмъ хотѣли вы
Услышать это. —

ТѢЛА.

Гдѣ его могила? —

КАПИТАНЪ.

Гробъ въ церковь монастырскую поставленъ,
Близъ Нейштадта, покуда отъ отца
Не получили вѣсти.

ТѢЛА.

Монастырь —
Во имя чье?

КАПИТАНЪ.

Святой Екатерины.

ТѢЛА.

Далеко-ль до него? —

КАПИТАНЪ.

Семь миль считаютъ.

ТѢЛА.

Какой дорогою отсюда ѣдутъ?

КАПИТАНЪ.

Черезъ Тиршенрейтъ на Фалькенбергъ, и тамъ
Черезъ посты передовые наши. /

ТѢЛА.

Кто командиръ?

КАПИТАНЪ.

Полковникъ Секендорфъ. —

ТЭБЛА.

Подходить къ столу, и вынимаетъ изъ ларчика кольцо.

Мое вы горе видѣли, и мнѣ
Участье показали. Встрѣчи нашей

Подаетъ ему кольцо.

На память это отъ меня примите. —
Довольно. — Можете идти, —

КАПИТАНЪ.

Княжна —

Тэкла, молча, даетъ ему знакъ идти, и удаляется отъ него. Капитанъ
хочетъ говорить. Дѣвица Нейбруннъ повторяетъ знакъ, данный Тэклой,
онъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТЭКЛА, НЕЙБРУННЪ.

ТЭКЛА — бросается въ объятія Нейбруннъ.

Теперь на дѣлѣ докажи свою
Мнѣ преданность. Будь мнѣ подругой вѣрной.
Должны мы ѣхать въ эту ночь. —

НЕЙБРУННЪ.

Куда же? —

ТЭКЛА.

Куда? — Есть въ мірѣ мѣсто лишь одно.
Туда, гдѣ гробъ его.

НЕЙБРУННЪ.

Туда вы ѣхать
Зачѣмъ хотите же, княжна?

ТЭКЛА.

Зачѣмъ?

Несчастливая! Когда бы ты любила,
Ты-бъ не спросила такъ. Тамъ все хранится,
Что отъ него осталось на землѣ.

Мнѣ это мѣсто стало всей вселенной.
О, не удерживай меня. Мы средство
Должны найти сегодня же бѣжать.

НЕЙБРУННЪ.

Подумали ли вы о гнѣвѣ князя?

ТЭБЛА.

Меня ничей ужь не пугаетъ гнѣвъ.

НЕЙБРУННЪ.

О злой молвѣ, о порицаньи свѣта?

ТЭБЛА.

Я къ мертвому иду. О, Боже мой!
Не пастъ въ объятъя друга молодого,
Въ его могилу я сойти хочу. —

НЕЙБРУННЪ.

Двѣ женщины — однѣ. —

ТЭБЛА.

Вооружусь я,
Защитницею буду я твоею.

НЕЙБРУННЪ.

Въ глухую ночь —

ТЕБЛА.

Мракъ ночи скроетъ насъ.

НЕЙБРУННЪ.

Въ ненастье —

ТЭБЛА.

Онъ на ложѣ ли покойномъ
Подъ конскими копытами лежалъ?

НЕЙБРУННЪ.

О, Боже правый! — И стоять тамъ шведы!
Насъ не пропустятъ. —

ТЭЛА.

Люди же они.
Несчастію вездѣ дають дорогу. —

НЕЙБРУННЪ.

Такой далекій путь! —

ТЭЛА.

Страшится-ль дали
Къ святымъ мѣстамъ идущій пилигримъ?

НЕЙБРУННЪ.

Какъ выдти намъ изъ Эгры?

ТЭЛА.

Намъ ворота
Отворить золото.

НЕЙБРУННЪ.

Коль насъ узнаютъ —

ТЭЛА.

Въ несчастной странницѣ исвать не будутъ
Дочь Фридланда. —

НЕЙБРУННЪ.

Какъ намъ добыть коней?

ТЭЛА.

Шталмейстеръ мой доставитъ ихъ. Иди,
Зови его. —

НЕЙБРУННЪ.

Возьметса-ль это сдѣлать
Безъ вѣдома онъ князя?

ТЭБЛА.

Да. — Иди. —

НЕЙБРУННЪ.

И мать свою хотите вы покинуть?
 Что будетъ съ ней тогда? —

ТЭБЛА.

О, мать моя!

НЕЙБРУННЪ.

Она въ такомъ ужъ горѣ? — Нанесете-ль
 И этотъ ей послѣдній вы ударъ?

ТЭБЛА.

Иначе не могу. — Иди, не медли. —

НЕЙБРУННЪ.

Обдумайте и взвѣсьте все, княжна.

ТЭБЛА.

Все взвѣшено, что взвѣсить было можно.

НЕЙБРУННЪ.

И послѣ, что же съ вами будетъ тамъ?
 Чѣмъ кончится?

ТЭБЛА.

Тамъ Богъ меня наставитъ.

НЕЙБРУННЪ.

Вашъ духъ смущенъ, теперь и этимъ средствомъ
 Успокоенья не найдете вы. —

ТЭБЛА.

Глубокое найду успокоенье,

Какъ тамъ нашель и онъ. — Не трать же словъ!
 Спѣши! Меня порывъ неодолимый,
 Загадочный, влечетъ къ его могилѣ.
 Тамъ легче будетъ мнѣ; спадетъ тамъ съ сердца
 Страданія невыносимый тнеть.
 Мои польются слезы. О, не медли?
 Мы ужъ давно могли-бъ въ дорогѣ быть;
 Не успокоюсь я, пока не вырвусь
 Изъ этихъ стѣнъ, — сводъ надо мной готовъ
 Обрушиться. — Меня отсюда гонить
 Власть неземная. — Чтò за чувство это? —
 Рядъ призраковъ несетъ, ликовъ блѣдныхъ
 Ужасный рядъ, и наполняетъ домъ.
 Мнѣ мѣста нѣтъ — все больше ихъ и больше! —
 Кругомъ толпясь безжизненной толпой,
 Они меня, живую, вытѣсняють. —

НЕЙБРУННЪ.

Вы такъ меня пугаете, княжна,
 Что я сама остаться здѣсь не смѣю.
 Вамъ приведу сейчасъ же Розенберга. —

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТЭЛА.

Да, духъ его зоветъ меня; зовутъ
 Товарищи съ нимъ падшіе безстрашно.
 Винить меня въ постыдномъ замедленіи
 Дружина вѣрная. — Вождя ихъ жизни
 И въ смерти не покинули они.
 Такъ поступить умѣлъ ихъ сонмъ суровый;
 А я — въ земномъ останусь ли краю!
 — Нѣтъ! Былъ и мнѣ сплетенъ вѣнокъ лавровый,
 Который взялъ въ могилу ты свою.
 Жизнь безъ любви не стоитъ сожалѣнья,
 Ее какъ даръ напрасный и пустой
 Бросаю я. — Въ ней были упоенья;
 Во время то, какъ я сошлась съ тобой,
 На землю день спустился золотой;
 Приснились мнѣ два чудныя мгновенья! —

Въ тревожный міръ я, робкая, вошла.
 У входа ты стоялъ, какъ добрый геній,
 Сіялъ просторъ лучами безъ числа.
 Изъ баснословныхъ дѣтства оболщений
 Меня ты взнесъ въ иное бытіе,
 Роскошною вдругъ жизнью ожила я,
 И первымъ чувствомъ было счастье рая,
 И первый взглядъ мой въ сердце палъ твое! —

Она задумывается, и потомъ продолжаетъ съ содроганіемъ.

— И вотъ судьба, съ жестокостью своей,
 Беретъ его, и въ пышномъ жизни цвѣтѣ
 Его бросаетъ подъ ноги коней. —
 — Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ! —

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТЭКЛА, НЕЙБРУННЪ и РОЗЕНБЕРГЪ.

НЕЙБРУННЪ.

Вотъ онъ, княжна, и все готовъ устроить.

ТЭКЛА.

Ты намъ коней доставишь, Розенбергъ?

РОЗЕНБЕРГЪ.

Доставлю.

ТЭКЛА.

Хочешь ли ты ѣхать съ нами?

РОЗЕНБЕРГЪ.

Хотя-бъ на край земли.

ТЭКЛА.

Но воротиться
 Уже тогда ты къ герцогу не можешь.

РОЗЕНБЕРГЪ.

При васъ останусь.

ТЭБЛА.

Награжу тебя,
И новую найду тебѣ я службу.
Берешься-ль насъ изъ Эгры вывести тайно?

РОЗЕНБЕРГЪ.

Берусь.

ТЭБЛА.

Когда намъ можно ѣхать?

РОЗЕНБЕРГЪ.

Тотчасъ.

Куда мы ѣдемъ?

ТЭБЛА.

Мы, — скажи ему. —

НЕЙБРУННЪ.

Мы ѣдемъ въ Нейштадтъ.

РОЗЕНБЕРГЪ.

Все готово будетъ.

Уходитъ.

НЕЙБРУННЪ.

Княжна! — Вотъ герцогиня. —

ТЭБЛА.

Боже мой!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТЭБЛА, НЕЙБРУННЪ и ГЕРЦОГИНЯ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Ушелъ онъ. Ты спокойнѣе, я вижу.

ТЭБЛА.

Спокойнѣе. — Теперь мнѣ лечь позвольте,

И Нейбруннъ пусть останется со мною.
Мнѣ надо отдохнуть.

ГЕРЦОГИНЯ.

Да, отдохни.
Могу теперь идти хоть съ утѣшеньемъ
Къ отцу я твоему. Прости.

ТЭВЛА.

Простите! —
Обнимаетъ герцогиню въ сильномъ волненіи.

ГЕРЦОГИНЯ.

Ты не вполнѣ еще сповойна, Тэкла,
Ты вся дрожишь, дитя мое, и сердце
Такъ сильно бьется на моей груди. —

ТЭВЛА.

Мнѣ нуженъ сонъ. — Простите — доброй ночи! —
Между тѣмъ, какъ она освобождается изъ
объятий матери, занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Въ Эгрѣ.

Комната Буттлера.

БУТТЛЕРЪ, МАІОРЪ ГЕРАЛЬДИНЪ.

БУТТЛЕРЪ.

Двѣнадцать сильныхъ выберите вы
Драгуновъ, пивами вооружитесь
Велите имъ. Стрѣлять мы не должны.
Ихъ скройте близъ столовой, и въ то время,
Какъ сласти подадутъ, войдете въ залу
Вы всѣ, крича: — Кто здѣсь за государя?

Я опрокину столъ. На нихъ обоихъ
 Вы броситесь, и ихъ убьете. — Замка
 Запремъ ворота, и приставимъ стражу,
 Чтобъ слухъ пока до князя не проникъ. —
 Идите. — Капитаны Деверу
 И Макдональдъ пришли?

ГЕРАЛЬДИНЪ.

Сейчасъ здѣсь будутъ. Уходитъ.

БУТТЛЕРЪ — одинъ.

Отълаживать нельзя. — Ужъ за него
 И граждане. — Какое-то безумье
 Вдругъ непонятно овладѣло ими.
 Они здѣсь всѣ въ немъ видятъ миротворца,
 Возстановителя златого вѣка. —
 Имъ магистратъ оружье раздаетъ.
 Ужъ вызвались ихъ сто быть стражей князя. —
 Спѣшить должны мы. Угрожаетъ сила
 И внѣшнихъ намъ и внутреннихъ враговъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

БУТТЛЕРЪ, ДЕВЕРУ и МАКДОНАЛЬДЪ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Ждемъ приказаній, генераль. —

ДЕВЕРУ.

Что лозунгъ?

БУТТЛЕРЪ.

Да здравствуетъ нашъ императоръ!

ДЕВЕРУ и МАКДОНАЛЬДЪ — отступаютъ.

Какъ? —

БУТТЛЕРЪ.

Да здравствуетъ Австрійскій царскій домъ!

ДЕВЕРУ.

Да герцогу вѣдь присягнули мы? —

МАКДОНАЛЬДЪ.

Не защищать его-ль пришли мы въ Эгру?

БУТТЛЕРЪ.

Намъ защищать имперіи врага?

ДЕВЕРУ.

Да ты же самъ вѣдь насъ привелъ къ присягѣ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Послѣдовалъ за нимъ вѣдь ты сюда же.

БУТТЛЕРЪ.

Чтобъ тѣмъ, вѣрнѣе погубить его.

ДЕВЕРУ.

Да, развѣ такъ! —

МАКДОНАЛЬДЪ.

Оно другое дѣло.

БУТТЛЕРЪ — Деверу.

Злодѣй! Свой долгъ такъ забываешь ты? —

ДЕВЕРУ.

Я твоему примѣру, генераль,
Шель въ слѣдъ, и думалъ, что коль ты быть можешь
Измѣнникомъ, и я могу.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Не смѣемъ

Мы разсуждать, оно твоя забота.

Ты нашъ начальникъ, насъ веди хоть въ адъ,

Мы не попятимся.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

БУТTLЕРЪ — кротче.

Ну да, вѣдь знаемъ
Другъ друга мы.

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Да, кажется мнѣ такъ.

ДЕВЕРУ.

Мы воины фортуны. Служимъ мы
Тому, кто больше дастъ.

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Само собой.

БУТTLЕРЪ.

Останетесь теперь вы въ службѣ честной.

ДЕВЕРУ.

Съ охотою.

БУТTLЕРЪ.

И будете богаты.

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Что вдвое лучше.

БУТTLЕРЪ.

Слушайте-жъ меня.

ДЕВЕРУ И МАЕДОНАЛЬДЪ.

Мы слушаемъ.

БУТTLЕРЪ.

Повелѣваетъ кесарь,
Чтобъ герцогъ Фриландъ взять былъ и представленъ
Живой иль мертвый.

ДЕВЕРУ.

Такъ гласитъ приказъ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Живой иль мертвый, да.

БУТТЛЕРЪ.

И награжденье
Великое, помѣстїя и деньги
Получить тотъ, кто это совершить.

ДЕВЕРУ.

Да, связано-то хорошо; не скупы
Тамъ на слова. Мы знаемъ. А дадутъ
На дѣлѣ-то цѣпочку золотую,
Хромую влячу, иль похвальный листъ. —
Князь лучше платитъ.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Да, онъ тароватъ. —

БУТТЛЕРЪ.

Тому конецъ. Его звѣзда померкла. —

МАКДОНАЛЬДЪ.

Да вѣрно-ль это?

БУТТЛЕРЪ.

Я вамъ говорю.

ДЕВЕРУ.

Его минуло счастье?

БУТТЛЕРЪ.

Навсегда.

Онъ также бѣденъ какъ и мы.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Какъ мы? —

ДЕВЕРУ.

Да, если такъ, его оставить надо.

БУТТЛЕРЪ.

Его ужъ двадцать тысячъ человекъ
Оставили. — Должны мы сдѣлать больше —
Его убить. —

ДЕВЕРУ И МАКДОНАЛЬДЪ — отступая.

Убить! —

БУТТЛЕРЪ.

Убить — и вы
Мной выбраны для этого.

ДЕВЕРУ И МАКДОНАЛЬДЪ.

Мы двое?

БУТТЛЕРЪ.

Вы двое, капитаны Деверу
И Макдональдъ.

ДЕВЕРУ — помолчавъ.

Ищи другого. —

МАКДОНАЛЬДЪ.

Да,

Ищи другого. —

БУТТЛЕРЪ — Деверу.

Ты робѣешь, трусь! —
Сгубивши душу до тридцати. —

ДЕВЕРУ.

Подумай:
На полководца руву наложить! —

МАКДОНАЛЬДЪ.

Убить того, кому мы присягнули.

БУТТЛЕРЪ.

Присягу онъ измѣной уничтожилъ.

ДЕВЕРУ.

Нѣтъ. — Дѣло слишкомъ страшное оно. —

МАКДОНАЛЬДЪ.

Есть совѣсть и у насъ.

ДЕВЕРУ.

Не будь онъ вождь,
Такъ много лѣтъ командовавшій нами —

БУТТЛЕРЪ.

Вотъ затрудненье?

ДЕВЕРУ.

Да. Кого-бъ ни назваль
Другого ты, — не откажусь, зарѣжу,
Коль государь велить, родного сына.
Но мы солдаты — и *убить вождя*,
Такой тяжелый грѣхъ и преступленье,
Что отпустить не можетъ духовникъ.

БУТТЛЕРЪ.

Я папа твой, и грѣхъ я отпускаю.
Скорѣй рѣшайтесь —

ДЕВЕРУ — стоять въ раздумьи.

Нѣтъ — нельзя.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Нельзя. —

БУТТЛЕРЪ.

Ну, — такъ ступайте, — и сюда пришлите
Мнѣ Песталуца. —

ДЕВЕРУ.

Песталуца — гмъ!

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Зачѣмъ тебѣ онъ нуженъ, генераль?

БУТТЛЕРЪ.

Коль не хотите вы, такъ есть другіе. —

ДЕВЕРУ.

Нѣтъ! Если должно умереть ему, —
 Такъ заслужить и мы награду можемъ.
 Какъ думаешь, братъ Маедональдъ?

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Да, если
 Тому быть *должно*, и нельзя иначе. —
 Награду взять не дамъ я Песталуцу.

ДЕВЕРУ — подумавъ.

Когда же пасть онъ долженъ?

БУТТЛЕРЪ.

Этой ночью.

Прибудутъ завтра шведы.

ДЕВЕРУ.

Генераль,
 Ты мнѣ за все ручаешься? —

БУТТЛЕРЪ.

Ручаюсь.

ДЕВЕРУ.

И точно-ль это воля государя?
 И ясно-ль это связано? Порою
 Убійству рады, а убійцѣ казнять.

БУТTLЕРЪ.

Слова приказа: — Взять живымъ или мертвымъ. —
Живымъ же, сами видите, нельзя. —
Табь мертвымъ.

ДЕВЕРУ.

Какъ же до него дойти?
Полками Терцкаго весь городъ полонъ. —

МАЕДОНАЛЬДЪ.

И Терцкй самъ, да Илло.

БУТTLЕРЪ.

Съ нихъ начнутъ.

ДЕВЕРУ.

И ихъ зарѣжутъ?

БУТTLЕРЪ.

Прежде чѣмъ его. —

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Ну, Деверу, — кровавый будетъ вечеръ. —

ДЕВЕРУ.

Взялся-ль ужъ кто за это? Я берусь. —

БУТTLЕРЪ.

Оно уже маіору Геральдину
Поручено. Они пируютъ въ замкѣ.
Во время ужина съ людьми своими
Онъ нападетъ на нихъ, и ихъ заколетъ.
Съ нимъ Песталуцъ и Лесли.

ДЕВЕРУ.

Генераль!
Тебѣ вѣдь все равно. Мнѣ помѣняться
Съ маіоромъ дай.

БУТTLЕРЪ.

Его опаснѣй дѣло.

ДЕВЕРУ.

Опаснѣе? Да что-жь ты полагаешь!
Мнѣ страшень князя взоръ, не мечь его.

БУТТЛЕРЪ.

Зачѣмъ тебѣ его бояться взора? —

ДЕВЕРУ.

Ты знаешь, генераль, что я не трусь.
Но видишь ли, тому недѣли нѣтъ,
Какъ двадцать мнѣ пожаловалъ червонцевъ
На этотъ онъ кафтанъ; а коли нынѣ
Увидитъ онъ, что съ пивой я стою,
И взглянетъ на кафтанъ мой, — то, — то — знаешь, —
То — я не трусь, нѣтъ, чортъ меня возьми!

БУТТЛЕРЪ.

Князь этотъ далъ тебѣ кафтанъ — и ты,
Бѣднякъ, за то его убить не хочешь.
А далъ ему одежду императоръ
Подрагоцѣннѣй, — княжескую далъ
Онъ мантию ему. — И чѣмъ же онъ
Благодарить хотѣлъ? — Измѣной злою!

ДЕВЕРУ.

И въ самомъ дѣлѣ. — Благодарность — вздоръ.
— Убью его. —

БУТТЛЕРЪ.

И совѣсть успокоить
Коль хочешь ты, сними съ себя кафтанъ,
— Тогда себя и упрекать не будешь.

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Все такъ. — Но затрудненъе есть одно. —

БУТТЛЕРЪ.

Какое затрудненъе?

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Что сможемъ
Противъ него копьемъ мы и мечемъ?
Его не ранишь. Онъ вѣдь зачарованъ.

БУТТЛЕРЪ — вспыхивъ.

Вздоръ! —

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Отъ меча заговоренъ и пули.
Онъ закаленъ дѣвольскимъ искусствомъ,
И невредимъ онъ, говорю я вамъ.

ДЕВЕРУ.

Да, въ Ингольштадѣ видѣли такого,
Тверда какъ сталь была на тѣлѣ вожа.
Насилу ужъ прикладами его
Забилъ наконецъ.

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Послушай, братъ,
Что сдѣлать я придумалъ.

ДЕВЕРУ.

Говори.

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Знакомъ мнѣ здѣсь въ монастырѣ землякъ,
Доминиканецъ. Пусть мечи и пики
Онъ намъ святою окропитъ водой,
Благословивъ ихъ. Никакія чары
Не устоятъ тогда.

БУТТЛЕРЪ.

Такъ, Маедональдъ.
Идите-жь. Изъ полка возьмите двадцать,
Иль тридцать удалцовъ, ихъ приведите
Къ присягѣ. — Какъ одиннадцать ударить,
Вы съ ними, первый пропустивъ дозоръ,
Сюда идите. Буду я вблизи. —

Томъ IV. — Августъ, 1868.

32

ДЕВЕРУ.

Но какъ чрезъ дворъ пройдемъ мы мимо стражи?

БУТТЛЕРЪ.

Все осмотрѣлъ я. Въ задніе ворота
Введу васъ. Тамъ одинъ лишь часовой.
По чину и по должности имѣю
Я доступъ къ герцогу во всякій часъ.
Войду я первый, часовому въ горло
Воткну винжалъ, и проложу вамъ путь.

ДЕВЕРУ.

А какъ же мы дойдемъ до спальни князя,
Такъ чтобы не проснулась прислуга,
И не встревожилась? Съ нимъ тѣма людей. —

БУТТЛЕРЪ.

Въ пристройкѣ съ правой стороны вся челядь
Помѣщена — а герцогъ самъ налѣво
Живетъ одинъ. Ему противень шумъ.

ДЕВЕРУ.

Когда-бъ съ концомъ ужъ было это дѣло: —
Мнѣ что-то страшно, Маедональдъ.

МАЕДОНАЛЬДЪ.

Мнѣ также.

Ужъ очень знатенъ онъ. Мы прослыведемъ
Злодѣями....

БУТТЛЕРЪ.

Средь почестей и блеска
И удовольствія, на толки свѣта
Вниманія не обратите вы. —

ДЕВЕРУ.

Да точно ли намъ почести-то эти
Достанутся? —

БУТТЛЕРЪ.

Не сомнѣвайтесь въ томъ.
Обязанъ будетъ императоръ вамъ
Державою. Васъ наградитъ онъ щедро.

ДЕВЕРУ.

Такъ герцогъ хочетъ погубить его?

БУТТЛЕРЪ.

Да, погубить, лишитъ вѣнца и жизни. —

ДЕВЕРУ.

Такъ еслибъ былъ живой ему онъ выданъ,
Онъ голову на плахѣ бы сложилъ?

БУТТЛЕРЪ.

Не миновать ему бы смерти этой. —

ДЕВЕРУ.

Нѣтъ, Макдональдъ, тому не быть... Идемъ!
Падетъ онъ честно, и умретъ вождемъ. —

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

*Зала, примыкающая къ галлерей, которая теряется
въ глубинѣ.*

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ сидитъ у стола. Шведскій КАПИТАНЪ стоитъ передъ нимъ.
Вскорѣ потомъ графиня ТЕРЦКАЯ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Рейнграфу поклонитесь отъ меня.
Участіе живое принимаю
Въ его успѣхахъ. При побѣдѣ этой
Коль радости я изъясляю меньше
Чѣмъ надлежало-бъ, недостатка въ
Сочувствія во мнѣ не полагайте.

Теперь мы съ вами за одно. Простите.
 Благодарю я васъ за трудъ. — Какъ завтра
 Вы явитесь, вамъ крѣпость отопрется. —

Шведскій капитанъ уходитъ. Валленштейнъ сидитъ облокотясь на
 столъ въ глубокой задумчивости. Графиня Терцкая входитъ и стоитъ
 нѣкоторое время незамѣченная герцогомъ. Наконецъ, онъ дѣлаетъ
 быстрое движеніе, видитъ ее, и принимаетъ спокойный видъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты отъ нея? Что съ ней?

ГРАФИНЯ.

Какъ шведъ ушелъ,
 Ее спокойнѣй и добрѣе духомъ
 Нашла сестра. Теперь она въ постелѣ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Ея польются слезы, боль души
 Утихнетъ.

ГРАФИНЯ.

Братъ! И ты перемѣнился.
 Не радуешь тебя побѣда эта.
 О, не впадай въ унынье! Наша ты
 Надежда вся, и жизни нашей солнце.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не бойся за меня. — Гдѣ мужъ твой?

ГРАФИНЯ.

Въ замѣѣ;
 Съ нимъ Илю. Полкъ ихъ угощаетъ тамъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — встаетъ.

Иди въ покой свой, уже ночь настала.

ГРАФИНЯ.

Не отсылай меня. Дай здѣсь мнѣ быть.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — подходить къ окну.

Въ небесной выси буйное движенье.
Свирѣпный вѣтръ кружить на башнѣ флюгеръ,
И быстро идутъ тучи. Рогъ луны
Дрожить. — Сквозь мракъ неясное мерцанье
Проносится. — И ни одной звѣзды!
Тамъ свѣтитъ тускло лишь Кассіопея,
А тамъ стоитъ Юпитеръ, но скрываетъ
Ненастыя мгла его. —

Онъ владаетъ въ задумчивость, смотря неподвижнымъ взоромъ изъ окна.

ГРАФИНЯ — глядя на него печально и беретъ его за руку.

О чемъ ты мыслишь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мнѣ кажется, что легче было-бъ мнѣ
Когда-бъ его увидѣлъ я. — Онъ жизни
Моей звѣзда, и глядя на него,
Я чувствовалъ себя бодрѣе духомъ.

ГРАФИНЯ.

Его увидишь снова.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — который опять забылся глубокой думой,
опомнившись, обращается быстро къ графинѣ.

Снова? — Нѣтъ!

О, никогда! —

ГРАФИНЯ.

Какъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Онъ покинулъ міръ,
Онъ прахъ! —

ГРАФИНЯ.

О комъ ты говоришь?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Онъ счастливъ!

Свершилъ онъ все, — грядущаго не ждеть;
 Ему судьба обмана не готовитъ.
 Его свѣтло разостлана вся жизнь,
 И нѣтъ на ней пятна; и бѣдоносный
 Ему пробить не можетъ часъ. Онъ чуждъ
 Желанія и страха, не подвластенъ
 Планетамъ измѣняющимъ. — Онъ счастливъ!
 А какъ узнать, что скрытая покровомъ,
 Грядущая минута намъ несетъ! —

ГРАФИНЯ.

Ты говоришь о Максѣ. Какъ онъ умеръ? —
 Гонецъ шелъ отъ тебя, когда вошла я.

Валленштейнъ даетъ ей рукою знакъ замолчать.

О, не гляди назадъ! Гляди туда
 Гдѣ ждетъ успѣхъ, и радуясь побѣдѣ,
 Забудь, какою куплена была
 Она цѣною. — Не сегодня друга
 Лишился ты; онъ для тебя погибъ
 Тогда, какъ отъ тебя отрекся. —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Знаю,

Что я ударъ перетерплю и этотъ. —
 Чего не переноситъ человѣкъ?
 Отъ высшихъ благъ, какъ и отъ благъ ничтожныхъ,
 Отвыкнуть онъ сумѣетъ; верхъ надъ нимъ
 Всесильное одерживаетъ время. —
 Но чувствую, чего я въ немъ лишился,
 Душистый цвѣтъ изъ жизни взять моей;
 Ничтожная лежитъ передо мною
 Она теперь. — Стоялъ онъ близъ меня
 Какъ молодость моя. Въ блестящій сонъ
 Дѣйствительность при немъ мнѣ превращалась.
 На грубый мѣръ вещественный ложился
 Златистый утра паръ. — Возвыситъ чудно
 Успѣлъ онъ, чувствомъ любящимъ своимъ,
 Всѣ пошлыя, житейскія явленья.
 Чего-бъ я впредь ни добылъ, навсегда
 Утрачено прекраснѣйшее благо.
 Всѣхъ жизненныхъ наградъ дороже — другъ,

Который счастье другу доставляетъ,
И этимъ счастьемъ осчастливленъ самъ. —

ГРАФИНЯ.

Вѣрь въ силы собственной души твоей.
Она довольно чувствами богата,
Чтобы сама себя живить. Ты въ немъ
То превозносишь, что ему ты въ сердце
Посѣялъ самъ, и тщательно развилъ. —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — идетъ къ дверямъ.

Кто къ намъ идетъ такъ поздно? Комендантъ.
Несетъ ключи отъ крѣпости. — Оставь насъ,
Ужъ полночь. —

ГРАФИНЯ.

Мнѣ съ тобой разстаться нынче
Такъ тяжело. — Страхуся я. —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Чего же?

ГРАФИНЯ.

Мнѣ кажется, что удалишься вдругъ
Ты этой ночью, что проснувшись завтра,
Тебя мы здѣсь ужъ больше не найдемъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Мечты пустыя. —

ГРАФИНЯ.

Мнѣ стѣсняють сердце
Предчувствія недобрыя давно.
И если верхъ надъ ними взять удастся
Мнѣ на яву, они меня во снѣ
Зловѣщими видѣньями терзаютъ. —
Вчера ты мнѣ приснился въ пышномъ платьѣ,
Съ твоей супругой первой за столомъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Хорошій это сонъ; тотъ бракъ основной
 Былъ счастья моего.

ГРАФИНЯ.

А нынѣ ночью
 Мнѣ снилось будто я иду къ тебѣ,
 А какъ вошла я въ дверь, то было это —
 Не твой покой, былъ это монастырь,
 Который въ Гитчинѣ сооружилъ,
 И гдѣ покоиться ты хочешь въ гробѣ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Твой этимъ занять умъ.

ГРАФИНЯ.

Какъ? Ты не вѣришь,
 Что насъ вѣщанье сновъ остерегаетъ
 Отъ близкихъ бѣдъ?

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вѣщанія такія
 Бываютъ. Но остерегать не можетъ
 Пророчество о томъ, что неизбѣжно.
 Какъ солнца свѣтлый образъ въ атмосферѣ
 Намъ видѣнъ, прежде чѣмъ оно взошло,
 Предшествуютъ такъ и событьямъ важнымъ
 Ихъ призраки, и въ настоящемъ днѣ
 День будущій для насъ уже грядетъ.
 Меня всегда въ раздумье приводило,
 Что говорятъ о Генрихѣ-Четвертомъ :
 Онъ чувствовалъ въ груди ударъ ножа
 Дней много прежде, чѣмъ вооружился
 Имъ Равальяеъ. Онъ, какъ гонимый чѣмъ-то,
 Свой царскій Лувръ тревожно покидалъ.
 Веселый звонъ вѣнчанія супруги
 Ему казался гуломъ погребальнымъ ;
 Онъ слышалъ шагъ того, который тамъ
 Его искалъ на улицахъ Парижа.

ГРАФИНЯ.

И нѣтъ въ тебѣ предчувствій никакихъ?

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Нѣтъ. Будь спокойна.

ГРАФИНЯ — погруженная въ мрачныя думы.

И опять во снѣ
Тебѣ я вслѣдъ спѣшила; ты бѣжалъ
Передо мной по длинной галлерей,
Изъ залы въ залу, безъ конца, и двери
Захлопывались съ трескомъ. Задыхаясь,
Тебя догнать я силилася тщетно.
И кто-то сзади вдругъ схватилъ меня
Холодною рукой, — былъ это ты;
И ты поцѣловалъ меня и красный
На насъ покровъ какой-то опустился.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ моемъ покоѣ красный есть коверъ,
Тебѣ на умъ пришелъ онъ.

ГРАФИНЯ — смотря на него.

Если вправду,
Братъ, если я тебя, который здѣсь
Передо мной стоишь такъ-полонъ жизни....

Она рыдая падаетъ ему на грудь.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты манифеста кесаря боишься.
Онъ буйвой не убьетъ, а рукъ не сыщеть.

ГРАФИНЯ.

Но еслибы сыскала. Рѣшилась я.
Есть у меня къ чему тогда прибѣгнуть.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ, ГОРДОНЪ, потомъ СЛУГА.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Спокойно-ль въ городѣ?

ГОРДОНЪ.

Спокоенъ городъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Гремитъ музыка, замогъ освѣщенъ.
Пируютъ тамъ?

ГОРДОНЪ.

Фельдмаршалу даетъ
И графу Терцкому полъбъ ужинъ въ замкѣ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — про себя.

Побѣду празднуютъ. Для нихъ веселья
Иначе нѣтъ, какъ за столомъ.

Звонитъ. Входитъ слуга.

Я лягу,

Раздѣнь меня.

Береть ключи.

Итакъ, мы охранились

Отъ каждаго врага и заперлись
Съ надежными друзьями. Ошибался
Я бы вполне —

Смотря на Гордона.

Когда бы это было

Лицо обманщика.

Слуга снялъ съ него мантию и шарфъ.

Упало что-то.

СЛУГА.

Разорвалася золотая цѣпь.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не мало лѣтъ она мнѣ прослужила.
Дай мнѣ ее.

Смотря на цѣль.

Была цѣль эта первый
Даръ императора. Въ войнѣ Фриульской,
Еще эрцгерцогомъ, онъ на меня
Ее надѣлъ. Носилъ я по привычѣ
Ее до этихъ поръ и, признаюсь,
Изъ суевѣрія, какъ талисманъ,
Чтобъ приковать ко мнѣ на вѣкъ то счастье,
Котораго мнѣ въ жизни первымъ знакомъ
Она была. Отнынѣ для меня
Начаться счастье новое должно.
Безсиленъ сталъ залогъ успѣха этотъ.

Слуга уходитъ. Валленштейнъ встаетъ и, прошедшия по комнатѣ
останавливается задумчиво передъ Гордономъ.

Какъ помнятся мнѣ времена былия!
Себя я вижу при дворѣ въ Бургау,
Гдѣ вмѣстѣ мы пажами были оба.
Мы часто спорили. Ты дружелюбно
Мнѣ наставленія давалъ, бранилъ
Меня за то, что цѣль себѣ я ставилъ
Высокую, мечтаньямъ смѣлымъ вѣри,
И среднюю ты мнѣ хвалилъ дорогу.
Чтожъ приобрѣлъ ты мудростью своей?
Состарясь преждевременно, угасъ бы
Ты здѣсь въ глуши, когда-бъ не озарила
Тебя звѣзда счастливая моя.

ГОРДОНЪ.

Въ надежной пристани свой бѣдный челнъ
Радъ привязать рыбаекъ, когда онъ видитъ,
Что бурю разбить корабль огромный.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Итакъ, уже ты въ пристани, старикъ?
Несуся я еще душою бодрой,
Съ отвагою по жизненнымъ волнамъ.
Надежда и теперь моя богиня.
Мой молодъ духъ, и насъ, сравнивъ обоихъ,

Могу сказать я, что бессильно годы
Надъ головой моею пронеслись. —

Проаживается быстрыми шагами по комнатѣ и останавливается
противъ Гордона на противоположной сторонѣ сцены.

Кто счастье зоветъ непостояннымъ?
Я имъ всегда любимъ былъ, надъ толпою
Былъ поднять имъ, и по ступенямъ жизни
Внесенъ его могучею рукой.
Обыкновеннаго нѣтъ ничего
Въ пути, мнѣ предназначенномъ судьбою,
Ни въ линіяхъ моей руки. Мой жребій
Кто по людскимъ опредѣлитъ догадкамъ?
Низверженнымъ кажусь теперь, но снова
Возвышусь я, отлива минетъ часъ,
И волнъ притокъ вновь набѣжитъ широко.

ГОРДОНЪ.

Все-жъ намекну о старомъ я совѣтъ:
День не хвалить до вечера. Надеждъ
Не смѣлъ бы въ счастья предаваться я.
Ниспослана надежда злополучнымъ,
Счастливому страшиться надлежитъ;
Вѣсы судьбы въ движеніи непрерывномъ.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Я Гордона лѣтъ прежнихъ узнаю.
Что въ мірѣ все измѣнчиво — я знаю,
Съ насъ духи злые разыскиваютъ дань.
Язычники время старинныхъ это
Ужъ знали; подвергались добровольно
Они бѣдѣ, чтобъ укротить враждебность
Боговъ ревнивыхъ, и людская кровь
Лилася въ жертву грозному Тифону. —

Послѣ короткаго молчанія, онъ продолжаетъ грустно.

Ему и я пожертвовалъ. Погибъ
Мой лучший другъ, погибъ моей виною.
Меня успѣхъ не можетъ никакой
Такъ радовать, какъ эта огорчила
Меня потеря. Стихла зависть рока!
Беретъ онъ жизнь за жизнь; сраженъ безвинный
Любимецъ мой тѣмъ громовымъ ударомъ,
Который пасть былъ долженъ на меня.

ЯВЛЕНИЕ V.

ПРЕЖНИЕ, СЭНИ.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Кто это? — Сэни. Вовсе внѣ себя онъ. —
Что привело тебя сюда такъ поздно,
Баптистъ?

СЭНИ.

Твоя опасность, герцогъ.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Какъ?

СЭНИ.

Спасайся, герцогъ, до разсвѣта дня
Бѣги отсюда! Не ввѣрайся шведамъ!

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Въ чемъ дѣло?

СЭНИ.

Этимъ шведамъ не ввѣрайся!

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Но почему-жь?

СЭНИ.

Не дожидайся ихъ!
Бѣдою близкой ложные друзья
Тебѣ грозятъ. Ужасны въ небѣ знаки;
Опутанъ ты ужь пагубною сѣтью.

ВАЛЕНШТЕЙНЪ.

Ты бредишь. Страхомъ твой смутился умъ.

СЭНИ.

Нѣтъ, не обмануть страхомъ я напраснымъ,

Самъ по аспекту убѣдись, что долженъ
Ты бѣдствія отъ ложныхъ ждать друзей.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Причиной были ложные друзья
Всѣхъ бѣдъ моихъ. Намекъ былъ раньше нуженъ,
Теперь излишенъ онъ.

СЭНИ.

Пойдемъ, взгляни!
Своимъ глазамъ повѣрь. Ужасный знаешь
Стоитъ въ жилищѣ жизни. Недругъ близкой,
Измѣнникъ злой таится за лучами
Твоей звѣзды.—Остерегися, герцогъ,
Язычникамъ не предавайся этимъ,
Противникамъ священной церкви нашей. —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — улыбаясь.

Такъ вотъ причина опасеній. Да,
Союзъ со шведами тебѣ, я помню,
Всегда противенъ былъ. Ложись, Баптистъ!
Не страшны мнѣ такіе знаки.

ГОРДОНЪ — сильно потрясенный этимъ разговоромъ,
обращается къ Валленштейну.

Герцогъ!

Дерзну ли говорить? Изъ устъ простыхъ
Полезное услышать можно слово. —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Скажи мнѣ откровенно мысль свою.

ГОРДОНЪ.

Что, если онъ не даромъ полонъ страха?
Что, если Провидѣніе чудесно
Его словами хочетъ васъ спасти! —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Вы оба говорите какъ въ бреду.

Какой бѣды могу я ждать отъ шведовъ?
Союзъ со мной имъ выгоденъ, имъ нуженъ.

ГОРДОНЪ.

Но, если именно своимъ прибытьемъ
Они должны ту гибель ускорить,
Которая вамъ угрожаетъ. —

Падаютъ предъ нимъ на колѣни.

Герцогъ!

Еще не поздно!

СЭНИ — также падаютъ на колѣни.

О! Внемли ему. —

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ.

Не поздно, — что не поздно? Встаньте! — Встаньте!
Приказываю вамъ.

ГОРДОНЪ — встаетъ.

Рейнграфъ не прибылъ. —

Велите въ крѣпость не впускать его.
Пусть насъ онъ осаждаетъ. Съ цѣлой ратью
Погибнетъ онъ подъ этими стѣнами,
Скорѣй чѣмъ нашу храбрость утомить,
Узнаетъ онъ на опытѣ что значить
Людей безстрашныхъ горсть, съ вождемъ героемъ,
Который подвигомъ загладить хочетъ
Проступокъ свой. Смягчится императоръ.
Онъ склоненъ къ милосердію, и Фридландъ
Съ раскаяньемъ вернувшись къ нему,
Поставленъ выше будетъ имъ, чѣмъ прежде
Стоялъ, ни въ чемъ невиноватый.

ВАЛЛЕНШТЕЙНЪ — съ удивленіемъ смотритъ на него вѣс-
колько времени молча, съ сильнымъ внутреннимъ волненіемъ.

Гордонъ!

Васъ увлекаетъ рвеніе далеко.
Я это другу юности прощаю —
Нѣтъ, Гордонъ, кровь лилася. — Императоръ
Меня простить не можетъ; — еслибъ могъ —

Я не могу принять его прощенья. —
 Когда бы зналъ я напередъ, что друга
 Я лучшаго лишуся, и мнѣ бы сердце
 Такъ говорило какъ теперь, — быть можетъ
 Одумался бы я, — быть можетъ, — нѣтъ,
 Теперь падить чего же? Началось
 Seriously дѣло слишкомъ, чтобы кончить
 Его ничѣмъ. — Свершайся же оно. —

Подходить къ окну.

Глухая ночь, — и въ замкѣ все утихло.

Слугѣ.

Свѣти.

Слуга, который тихо вошелъ, и съ примѣтнымъ участіемъ стоялъ въ отдаленіи, под-
 ходитъ, и сильно встревоженный бросается къ ногамъ герцога.

И ты? Да, знаю почему

Желаешь примиренья моего
 Ты съ кесаремъ. — Клочкомъ земли въ Каринты
 Владѣеть онъ; бѣднякъ теперь боится,
 Что у него имѣніе отымутъ
 За то, что онъ остался вѣренъ мнѣ.
 Уже-ль такъ бѣденъ я, чтобы слугѣ
 Вознаградить не могъ потерю? Что же?
 Не принуждаю никого. Коль мыслишь,
 Что навсегда я счастіемъ повинуть, —
 Иди. — Въ послѣдній разъ меня теперь
 Раздѣнешь ты, и въ Вѣну можешь завтра
 Отправиться. — Спокойной ночи, Гордонъ,
 Я думаю, что долго буду спать;
 Всѣ эти дни тревогъ мнѣ было много, —
 Такъ слишкомъ рано не будить меня.

Уходитъ, слуга свѣтитъ. Сѣни идетъ въ слѣдъ, Гордонъ остается въ темнотѣ, прово-
 жая герцога глазами, покуда онъ не скрылся въ концѣ галлерей.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГОРДОНЪ, БУТТЛЕРЪ сначала за сценой.

БУТТЛЕРЪ.

Останьтесь здѣсь, пока не дамъ я знака.

ГОРДОНЪ — содрогаясь.

Вотъ онъ! привелъ убійцъ!

БУТТЛЕРЪ.

Въ покояхъ темно.

Всѣ уже спятъ въ дому.

ГОРДОНЪ.

Что дѣлать мнѣ?

Спасти-ли мнѣ его? Позвать-ли стражу?

БУТТЛЕРЪ — показывается въ глубинѣ сцены.

Мерцаетъ лучъ огня изъ галлерей, —
Она ведетъ въ покой его.

ГОРДОНЪ.

Но этимъ

Я не нарушу ли моей присяги?
И если онъ уйдетъ теперъ къ врагамъ,
Усиливая ихъ, не я-ль виновенъ
Въ послѣдствіяхъ ужасныхъ буду?

БУТТЛЕРЪ — приближаясь.

Тсъ!.

Кто говоритъ здѣсь?

ГОРДОНЪ.

Лучше Провидѣнью
Все предоставить. Мнѣ-ль такое дѣло
Брать на себя? Не я его убійца,
Коль онъ погибнетъ. Но его спасеня
Виновникъ былъ бы я, — на мнѣ-бъ лежала
Тяжелая отвѣтственность за все.

БУТТЛЕРЪ — приближаясь.

Знакомъ мнѣ этотъ голосъ —

ГОРДОНЪ.

Буттлеръ!

БУТТЛЕРЪ.

Гордонъ!

За чѣмъ вы здѣсь? Остались ли вы съ княземъ
До этихъ поръ?

ГОРДОНЪ.

У васъ рука въ повязкѣ?

БУТТЛЕРЪ.

Я раненъ. Имя бѣшено сражался,
Его осилить долго не могли.

ГОРДОНЪ — содрогаясь.

Они убиты!

БУТТЛЕРЪ.

Да. — Въ постелѣ князь?

ГОРДОНЪ.

О, Буттлеръ!

БУТТЛЕРЪ.

Отвѣчайте. Смерть ихъ скоро
Извѣстна будетъ здѣсь.

ГОРДОНЪ.

Онъ пасть не долженъ,
Не долженъ пасть убитый вами. Небо
Не хочетъ, чтобы вашею рукою
Онъ былъ сраженъ. Вы ранены въ нее.

БУТТЛЕРЪ.

Моей руки не нужно.

ГОРДОНЪ.

Умертвили

Виновныхъ вы. Свершилось наказанье,
Довольствуйтесь ихъ смертію.

Слуга идетъ по галлерей и, приложивъ палець къ губамъ, дѣлаетъ знакъ молчанія.

Онъ спить;
Въ священномъ снѣ его не убивайте!

БУТТЛЕРЪ.

Нѣтъ, онъ умретъ проснувшись.

Хочетъ идти.

ГОРДОНЪ.

Онъ заботой
Житейской занятъ, Божьему суду
Онъ не готовъ предстать.

БУТТЛЕРЪ.

Богъ милосердъ!

Хочетъ идти.

ГОРДОНЪ — удерживаетъ его.

Оставьте ночь ему:

БУТТЛЕРЪ.

Черезъ минуту
Открыться можетъ все.

ГОРДОНЪ.

Чась, чась одинъ.

БУТТЛЕРЪ.

Пустите. Чтò ему поможетъ чась!

ГОРДОНЪ.

О, время чудотворный богъ! Успѣютъ
Въ чась пронестись песчинокъ миллионы;
Быстрѣ ихъ ума людского мысли
Проноятся. Повремените чась!
Въ его душѣ проснуться могутъ, въ вашей,
Другія чувства. Можетъ вѣсть приспѣть,
Спасительно вдругъ сбыться чтò-нибудь
Невѣроятное. О! чтò не можетъ
Свершиться въ чась?

БУТТЛЕРЪ.

Напомнили вы мнѣ,
Какъ дороги мгновенья.

Топаетъ ногой объ полъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПРЕЖНИЕ, МАКДОНАЛЬДЪ, ДЕВЕРУ съ алебардчиками входятъ. Потомъ слуга

ГОРДОНЪ — бросаясь между Буттлеромъ и ими

Нѣтъ, извергъ!

Ты чрезъ мое безжизненное тѣло
Перешагнешь. Свидѣтелемъ не буду
Ужаснаго я этого грѣха.

БУТТЛЕРЪ — отталкиваетъ его.

Безмысленный старикъ!

Вдали слышенъ звукъ трубъ.

МАКДОНАЛЬДЪ И ДЕВЕРУ.

Звукъ шведскихъ трубъ!
Рейнграфъ подъ Эгру подступилъ, скорѣе!

ГОРДОНЪ.

Творецъ!

БУТТЛЕРЪ.

На ваше мѣсто, комендантъ!

Гордонъ бросается изъ комнаты.

СЛУГА — входятъ поспѣшно.

Кто смѣетъ здѣсь шумѣть? Князь почиваетъ.

ДЕВЕРУ — громкимъ, ужаснымъ голосомъ.

Теперь пора шумѣть!

СЛУГА — кричить.

На помощь! Люди!

БУТTLЕРЪ.

Бей, бей!

СЛУГА — пронзенный, падаетъ у входа въ галлерей.

О, Господи!

БУТTLЕРЪ.

Ломайте двери!

Они, перешагнувъ черезъ трупъ, идутъ въ галлерей. Слышно, какъ вдали падаютъ двѣ двери, одна за другой. Глухой шумъ, стукъ оружія, потомъ вдругъ мертвая тишина.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ГРАФИНЯ ТЕРЦКАЯ — входитъ со свѣчей.

Не нахожу ее нигдѣ, и спальня
Ея пуста. И Нейбруннъ также скрылась.
Ужель она бѣжала? Но куда же?
Въ слѣдъ надо поспѣшить, велѣть повсюду
Отыскивать ее. Какая вѣсть
Для герцога! Хоть бы мой мужъ скорѣе
Вернулся съ пира. Герцогъ можетъ быть
Еще не спитъ. Сейчасъ здѣсь говорили.
Пойду къ нему, послушаю у двери —
Чу! Кто-то вверхъ по лѣстницѣ бѣжить.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ГРАФИНЯ, ГОРДОНЪ, потомъ БУТTLЕРЪ.

ГОРДОНЪ — вбѣгаетъ чуть дыханіе перевода.

Не шведы это!... Буттлеръ! дожидаться
Приказываютъ вамъ.... Гдѣ онъ?

Видитъ графиню.

Графиня!

Скажите....

ГРАФИНЯ.

Вы изъ замка? Гдѣ мой мужъ?

ГОРДОНЪ — съ ужасомъ.

Вашъ мужъ! Не спрашивайте, воротитесь
Въ покои ваши.

Хочетъ идти.

ГРАФИНЯ — удерживаетъ его.

Прежде знать хочу....

ГОРДОНЪ — внѣ себя.

Зависитъ

Отъ этого мгновенья участь міра!
Идите! Между тѣмъ какъ говоримъ мы —
О, Боже всемогущій!

Громко кричитъ.

Буттлеръ! Буттлеръ!

ГРАФИНЯ.

Вѣдь въ замкѣ съ мужемъ онъ моимъ.

БУТТЛЕРЪ выходитъ изъ галлерей.

ГОРДОНЪ — увидѣвъ его.

Не шведы,

Не шведы это — Эгрой овладѣли
Имперскіе. Графъ Пиеколомини
Меня послалъ; онъ самъ сейчасъ здѣсь будетъ.
Онъ дѣйствовать вамъ запрещаетъ.

БУТТЛЕРЪ.

Поздно!

ГОРДОНЪ.

О Боже милосердый!

ГРАФИНЯ.

Поздно? Что?

Кто будетъ здѣсь? Кто Эгрой овладѣлъ?
Октавіо! Предательство! Гдѣ герцогъ?

Бѣжить ко входу въ галерею.

ЯВЛЕНИЕ X.

ПРЕЖНИЕ, СЭНИ. Потомъ БУРГОМИСТРЪ, ПАЖЪ, ФРЕЙЛИНА. Слуги испуганные бѣгутъ черезъ сцену.

СЭНИ — входятъ въ ужасъ изъ галлерей.

О лютое злодѣйство!

ГРАФИНЯ.

Что случилось?

ПАЖЪ — входитъ.

О зрѣлище плачевное!

Слуги входятъ съ факелами.

ГРАФИНЯ.

Молю васъ,
Скажите, ради Бога, что такое? —

СЭНИ.

И вы не знаете? Лежить тамъ герцогъ
Зарѣзанный. — Вашъ мужъ заколотъ въ замкѣ.
Графиня стоитъ неподвижно.

ФРЕЙЛИНА — вбѣгаетъ.

На помощь герцогинѣ! —

БУРГОМИСТРЪ — входитъ испуганный.

Что за вошпи
Всѣхъ пробуждаютъ въ домѣ?

ГОРДОНЪ.

Проклятъ домъ вашъ
Навѣки! Въ вашемъ домѣ князь зарѣзанъ.

БУРГОМИСТРЪ.

Помилуй Богъ!

Бросается изъ комнаты.

ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Насъ всѣхъ убьютъ. Бѣгите!

ВТОРОЙ СЛУГА — несетъ серебрянную посуду.

Сюда! Внизу уже не пропускаютъ.

За сценой кричать:

Раздайтесь! Мѣсто генералу! Мѣсто!

При этихъ словахъ графиня выходитъ изъ
оцѣпенѣнія и быстро удаляется.

ГОЛОСЪ — за сценой.

Займите входы. — Народа не впускать.

ЯВЛЕНИЕ XI.

ПРЕЖНИЕ, кромѣ графини. ОКТАВІО ПИККОЛОМИНИ входитъ со свитой. ДЕ-
ВЕРУ и МАКДОНАЛЬДЪ въ то же время выходятъ изъ галлерей съ алебардщиками.
Въ глубинѣ сцены несутъ тѣло Валленштейна, покрытое краснымъ ковромъ.

ОКТАВІО — быстро входитъ.

Не можетъ быть! — Не вѣрю. Буттлеръ! Гордонъ!
Скажите мнѣ, скажите, что неправда.

Гордонъ, не отвѣчая, указываетъ рукой назадъ.
Октавіо оглядывается и стоитъ пораженный ужасомъ.

ДЕВЕРУ — Буттлеру.

Вотъ шпага князя и руно золотое.

МАКДОНАЛЬДЪ.

Вамъ будетъ ли угодно приказать.—

БУТТЛЕРЪ — указывая на Октавіо.

Вотъ кто теперь приказываетъ здѣсь.

Деверу и Макдональдъ почтительно отступаютъ
назадъ. Всѣ молча расходятся, такъ что на сценѣ
остаются только Октавіо, Буттлеръ и Гордонъ.

ОКТАВІО — обращаясь къ Буттлеру.

Того ли ждалъ отъ васъ я, уѣзжая?

О, Боже правый! Поднимаю руку
Я въ небу твоему, — я непричастенъ
Чудовищному этому злодѣйству.

БУТТЛЕРЪ.

Чиста рука могла остаться ваша,
Моею дѣйствовали вы. —

ОКТАВІО.

Безбожникъ!

И ты дерзнулъ велѣнье государя
Во зло употребить, свершить убійство
Во имя господина твоего? —

БУТТЛЕРЪ.

Я императора приказъ исполнилъ.

ОКТАВІО.

О бѣдствіе владыкъ! Такъ ихъ слова
Грозою въ жизни отдаются; связанъ
Губительно съ летучей мыслью ихъ
Поступокъ невозвратный. — Должно-ль было
Такъ послушаніемъ твоимъ спѣшить?
Злодѣй! Ты милосердію не могъ ли
Дать времени на милость? — Время, знаешь,
Нашъ добрый геній. Судь свершать мгновенно
Лишь Богу подобаешь одному.

БУТТЛЕРЪ.

За что вы упрекаете меня?
Я сдѣлалъ дѣло доброе, избавилъ
Империю отъ грознаго врага,
И жду награды. — Мой поступокъ съ вашимъ
Несходенъ тѣмъ, что вы стрѣлу острили,
А я ее пустилъ. — Посѣявъ кровь,
Съ испугомъ видите теперь, что жатва
Кровавая взошла. — Я зналъ всегда,
Что дѣлаю, и не могу смущаться
Послѣдствіемъ. Хотите ли мнѣ дать

Вы порученіе? Я ѣду въ Вѣну,
 Къ подножью трона мечъ окровавленный
 Мой положить, и похвалу услышать,
 Которой справедливый судія
 Усердіе вознаградить обязанъ.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПРЕЖНИЕ, кромѣ Бутлера. ГРАФИНЯ ТЕРЦКАЯ выходитъ блѣдная. Она говорить слабымъ, медленнымъ и безстрастнымъ голосомъ.

ОСТАВІО — ей на встрѣчу.

О, горе намъ, графиня, что дошло
 До этого. — Вотъ плодъ неправыхъ дѣлъ. —

ГРАФИНЯ.

Послѣдствія дѣлъ вашихъ это. Герцогъ
 Убитъ, мой мужъ убитъ, сестра моя
 У края гроба, дочь ея исчезла.
 Домъ пышности и славы опустѣлъ,
 И челядь изъ него, въ своемъ испугѣ,
 Бѣжитъ толпой. — Осталася я въ немъ
 Послѣдняя, я заперла его,
 И принесла ключи.

ОСТАВІО — горестно.

Увы! Графиня,
 Домъ опустѣлъ и мой! —

ГРАФИНЯ.

Кому погибнуть
 Еще назначено? Кого еще
 Преслѣдовать намѣрены? — Князь умеръ,
 Местъ императора насыщена.
 Слугъ старыхъ пощадите. Не вмѣняйте
 Имъ въ грѣхъ привязанность и вѣрность ихъ.
 Братъ слишкомъ быстро былъ постигнутъ смертию,
 О ихъ судьбѣ онъ не успѣлъ подумать.

ОКТАВІО.

Не будетъ мести никакой, графиня.
 Искуплена тяжелая вина
 Тяжелымъ наказаньемъ. Нынѣ кесарь
 Уже не врагъ вамъ. Перейдутъ на дочь
 Отца заслуги только всѣ, и слава.
 Императрица ваше видитъ горе
 Съ участіемъ. Какъ мать, свои объятъ
 Она вамъ открываетъ. Бросивъ страхъ,
 Предайтесь милосердію государя.

ГРАФИНЯ — взглянувъ на небо.

Я предаюсь Властителю, который
 Могучѣ его. — Гдѣ будетъ въ землю
 Сложенъ трупъ герцога? Въ монастырѣ
 Имъ въ Гитчинѣ самимъ сооруженномъ
 Повоится графиня Валленштейнъ;
 И близъ нея, которой было счастье
 Основано его, онъ, благодарный,
 Желалъ почить своимъ послѣднимъ сномъ,
 Похороните тамъ его. — О томъ же
 Прошу для праха мужа моего.
 Теперь всѣхъ нашихъ замковъ и помѣстій
 Владѣтель — императоръ; пусть могилу
 Онъ намъ лишь дастъ среди родныхъ могилъ.

ОКТАВІО.

Графиня! — Вы блѣднѣете — о Боже!
 Какъ ваши долженъ я понять слова?

ГРАФИНЯ — съ напряженіемъ послѣднихъ силъ говорить
 съ живостью и благородствомъ.

Вы не могли подумать обо мнѣ,
 Что бы хотѣла дома моего
 Я пережить паденье. — Мы посѣли
 Къ коронѣ царской руку протянуть —
 Иное было суждено — но мысли
 Въ насъ царскія — и доблестную смерть
 Предпочитаемъ мы безславной жизни. —
 — Я отравилась. —

ОКТАВІО.

Боже мой! Сворѣй!
Сворѣй! Спасайте! —

ГРАФИНЯ.

Поздно. — Совершится
Моя судьба чрезъ нѣсколько мгновений. Уходитъ.

ГОРДОНЪ.

О домъ убійствъ и ужаса! —
Гонецъ входитъ съ письмомъ.

ГОРДОНЪ — идетъ ему на встрѣчу.

Письмо?
Откуда? съ императорской печатью!

Прочитавъ надпись, онъ передаетъ Октавіо письмо,
со взоромъ полнымъ упрека.

Вамъ, князю Пикколомини. —

Октавіо въ трепетѣ горестно поднимаетъ глаза къ небу.

Занавѣсъ опускается.

К. ПАВЛОВА.

НЕСЧАСТНЫЕ

III*).

ВЪ БѢГАХЪ.

Отъѣзжайте отъ таѣ - называемаго Большого Нерчинскаго завода верстѣ на десять (хоть, напр., по направленію къ Зерентую, на сѣверь), — выберите возвышенное мѣсто на попутной горѣ и оглянитесь назадъ. Полный, широкій кругозоръ неба, въ которому таѣ привываеъ глазъ на безбрежныхъ сибирскихъ степяхъ и пустыняхъ, на этотъ разъ уменьшился больше чѣмъ на половину, и отливаетъ вверху неопредѣленнымъ, примѣчательно-тусклымъ свѣтомъ. Живыя и рѣзкія вѣчныя краски его потускнѣли, истощивъ свою силу передъ тѣмъ, что уменьшаетъ округлость и полноту небеснаго горизонта, что заслоняетъ отъ насъ больше чѣмъ половину его, и что распласталось теперь внизу. Непрерывной грядой и цѣпью тянется тамъ сплошная стѣна горъ, подтянувшихся одна къ другой и сплотившихся вмѣстѣ. Форма этихъ горъ и этой цѣпи, на первый взглядъ, поражаетъ чѣмъ-то оригинальнымъ, своеобразнымъ и незнакомымъ, но, всмотрѣвшись, узнаешь однако кое-какія черты знакомыя, выясняешь кое-гдѣ опредѣленные образы.

Море, казалось намъ, свободное и безпредѣльное море, всколебалось до самаго дна въ то время, когда внутри его скопилась громадная сила и поверхность его, не выдержавъ напора внутренней силы, широкимъ и порывистымъ взмахомъ разбилась на густыя и широкія волны. Волны эти разметались въ прихотливо-разнообразныхъ группахъ, гдѣ простому глазу и издалека при-

*) См. выше, т. III, 480—545, и IV, 121—166.

мѣтны даже и брызги густые и мелкіе, сбившіеся на хребтахъ волнъ, и самая волна, во всю длину ея, вздущаяся до того состоянія, когда ей предстоитъ одна возможность уничтожиться отъ собственной тяжести и исчезнуть во вновь набѣжавшей. И вотъ, въ это-то самое время, когда внутренняя сила, управляющая волнами, готова была на новый напоръ снизу и на ту же работу на верху, — взволнованное и разсерженное море вдругъ онѣмѣло и застыло. Черты и краски, готовые исчезнуть безъ слѣда, чтобы уступить мѣсто инымъ и свѣжимъ, стали теперь вѣчными и неизмѣнными. Мало такихъ картинъ на всемъ широкѣмъ просторѣ Россіи, хотя и много тамъ горъ, холмовъ и пригорковъ; мало такихъ горъ и по внутреннему достоинству, по внутреннему богатству ихъ, какъ горы Нерчинскаго края, хотя и есть въ Россіи Ураль, Кольванскія и Кузнецкія горы. Серебромъ наполнены ихъ горныя нѣдра; по золотому песку текутъ выходящія изъ горъ этихъ рѣки, и увалами, своеобразнымъ видомъ отливаютъ всѣ эти горы потому именно, что обладаютъ онѣ такимъ особеннымъ даромъ, что стоитъ за ними такое громадное, до сихъ поръ еще вполнѣ не оцѣненное преимущество. Некрасивы онѣ, когда подойдешь къ нимъ слишкомъ близко, сумрачны издалека эти каменные горы, голыя, скудныя растительностью, силу которой какъ будто взобрали въ себя, обездоливъ поверхность, внутреннія богатства, подспудныя, подземныя сокровища этихъ горъ. Но видъ на группу, на всю сплошную массу Нерчинскихъ горъ издали, не теряетъ всего обаянія и всей своей прелести подкупаемой сверхъ того тѣмъ представленіемъ, какое даютъ практическія наблюденія. Къ нимъ-то мы и подходимъ теперь, опираясь на тѣ данныя, которыя добыты горной наукой.

Нерчинскій горный округъ, на половину обследованный, но далеко еще не вполнѣ разработанный, представляетъ одно изъ сильныхъ и богатыхъ мѣстъ въ свѣтѣ, по разнообразію всякаго рода горныхъ породъ: металловъ и минераловъ. Окрестности Петровскаго завода и Тункинскія горы, въ западной половинѣ Забайкалья, богаты магнитнымъ желѣзнякомъ. Тотъ же желѣзнякъ находится на восточной сторонѣ Яблоноваго хребта, разделяющаго Забайкальскую область на двѣ половины: по рѣкамъ Урову (впадающему въ рѣку Аргунь) и по Тайнѣ (притоку рѣки Газимура). Горы между Нижней и Средней Борзей столь богаты тѣмъ же магнитнымъ желѣзнякомъ, что тамошніе жители пазываютъ ихъ не иначе, какъ «желѣзною цѣпью». Системы рѣкъ Витима и Чибоя (въ западной половинѣ Забайкалья) и Карійская и Шахтаминская системы (въ восточной половинѣ) давно

уже известны разработками золота. Въ этой послѣдней части вездѣ, гдѣ господствуютъ гранито-сіениты, почти-сплошная золотоносная система; таковы россыпи: Лунжанга, Казакова, Култума, Солкоконъ, Тайна, Быстрая и другія. Въ 1855 году, поисковая казенная партія нашла золото и въ западной части Нерчинскаго округа, въ глухомъ, необитаемомъ югозападномъ углу, ограниченномъ китайскою границею и Яблоновымъ хребтомъ, раздѣляющимъ округъ на двѣ, почти равныя половины. По рѣкѣ Прямой Бальджѣ, при шурфовкѣ, найдены благонадежные признаки, и по рѣкамъ: Чинаю, Безъимянной и Хорую нѣсколько слабѣе (золото мелкое, тертое). Слабые знаки получены еще по рѣкамъ: Елатую, Каролу, Долтондѣ, Цагано, Юрухану и Бираю, и богатѣя россыпи, послужившія въ быстрымъ и серьезнымъ обогащеніямъ, когда дозволена была добыча частнымъ людямъ въ началѣ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и когда золото найдено на рѣкѣ Нерчѣ, почти подъ самымъ городомъ Нерчинскомъ. Золото—однимъ словомъ—оказалось вездѣ тамъ, гдѣ господствуютъ сланцы. Какъ только эти послѣдніе уступаютъ мѣсто гранитамъ, тамъ, вмѣстѣ съ этимъ, исчезаетъ и самая золотоносность. Шахтама и Култума, сверхъ содержанія золота, обѣщаютъ добычу ртути, обладая большимъ количествомъ киновари; въ Нерчинскомъ горномъ округѣ единственное въ Россіи мѣсто находенія олова. Всѣ горныя покатоности къ югу отъ системы притоковъ рѣки Шилки по системамъ притоковъ Аргуни, съ давнихъ временъ, даютъ въ замѣчательномъ избыткѣ серебро, которое прославило Нерчинскій округъ. Это — самый главный продуктъ земныхъ сокровищъ Нерчинскихъ горъ, и нерчинскіе заводы обязаны главною добычею его съ той самой поры, когда край этотъ, самый богатый серебромъ, изо всѣхъ въ цѣломъ свѣтѣ, сдѣлался собственностью Россіи. Серебрянные рудники открыты здѣсь давно и въ примѣчательномъ обилии.

Въ 1722 году, императоръ Петръ I, именнымъ указомъ своимъ, велѣлъ всѣхъ, освобожденныхъ отъ каторжныхъ работъ въ Россіи и назначенныхъ къ ссылке въ Сибирь въ дальніе города, посылать въ Дауры на серебрянные заводы; въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія разработка серебрянныхъ рудъ пріостановлена и на нынѣшнее время значительно, противъ прежняго, ослаблена. Нерчинскій же горный округъ, съ его россыпами и промыслами золотыми и съ его заводами, до сихъ еще поръ представляетъ для насъ интересъ ссыльнаго мѣста, а потому мы и останавливаемся на немъ, какъ на мѣстѣ работъ, предназначенныхъ для ссыльно-каторжныхъ.

Вотъ одинъ изъ такихъ серебрянныхъ рудниковъ (Зерентуйскій) у насъ передъ глазами.

Мы у подошвы горы, которая полою (тянигусомъ — по сибирски) взбирается въ высь и тамъ, гдѣ-то не на виду у насъ, сливается съ другими горами, а можетъ быть и съ цѣлою грядою горъ. Гора наша, по наружному виду, ничѣмъ не отличается отъ окрестныхъ: тѣже голыши и камни, обѣщающіе скудную растительность въ живое время, тоже обиліе моху и по мѣстамъ примѣчательно-ничтожное количество снѣгу, когда все кругомъ завалено имъ. Разница одна: у нашей горы, позади насъ и не въ дальнемъ разстояніи, раскинулось довольно-большое селеніе со старыми, гнилыми домами, разбросанными въ безпорядкѣ и доказывающими наружнымъ видомъ своимъ, что хозяева ихъ самыя бѣдные и несчастные люди во всемъ свѣтѣ: нѣтъ ни одного дома, который говорилъ бы даже о кое-какомъ достаткѣ. Селеніе это казенное и приписано къ руднику; въ горѣ нашей находится самый рудникъ серебряный, давно уже существующій, но до сихъ поръ еще разрабатываемый.

Прямо передъ нами бревенчатый сарайчикъ, по мѣстамъ обшитый досками и однимъ краемъ своимъ вплотную примынутый къ горѣ у самой подошвы ея. Досчатая дверь вводитъ насъ въ этотъ теплый и натапливаемый домикъ; здѣсь предлагаютъ намъ снять шубу на томъ основаніи, что безъ нея будетъ свободнѣе ходить по руднику, гдѣ — говорить, теплѣе, чѣмъ въ этомъ домикѣ, тепло, какъ въ банѣ; но, помня, что на дворѣ слишкомъ 30° мороза, мы не рѣшаемся разстаться съ шубой (въ чемъ однако пришлось намъ потомъ раскаяться). Намъ надѣваютъ на шею, на длинной веревкѣ, плоскій фонарь съ зажженной свѣчой, и мы направляемся въ то чистилище, о которомъ съ самаго дѣтства слышали такъ много страшнаго. Вотъ за этой-то новою дверью (и опять досчатою) — думалось намъ на тотъ разъ — тѣ каторжныя норы, гдѣ мучилось столько «несчастныхъ» и погубило въ нихъ безъ слѣда и воспоминаній; за ней-то, за дверью этой, одинъ изъ тѣхъ рудниковъ, о которыхъ ходятъ по всей Россіи такіе мрачныя и страшныя рассказы. И теперь мы съ трудомъ отдѣлываемся отъ непріятнаго чувства боязни, бессознательнаго страха и тоски, до такой степени неодолимыхъ, что были моменты, когда мы готовы были оставить наше намѣреніе и вернуться назадъ изъ опасенія не подвергать себя крупнымъ и тяжелымъ впечатлѣніямъ. Потребовалось энергическое усиліе воли, чтобы направиться дальше за эту таинственную дверь, и, разъ рѣшившись идти впередъ, мы принудили себя безропотно подчиниться провожатымъ, но непріятное чувство душевной тяжести

и безотчетнаго сердечнаго трепета насъ не покидаютъ. Отворилась дверь, — словно въ адъ, и истинное подобіе его представилось намъ тотчасъ же, какъ только глаза наши встрѣтили за дверью непроглядный, мертвенный сумракъ; къ тому же по нѣсколькимъ ступенямъ мы опустились внизъ, на нѣсколько аршинъ ниже подошвы горы. Высокая гора, всей массой, всей громадой своей стояла теперь надъ нами, усиливая тяжесть нашихъ впечатлѣній. Мы — въ горѣ, подъ землей, — словомъ — мы въ рудникѣ.

Слишкомъ рѣзкій, крайній переходъ отъ дневнаго свѣта прирудниковой свѣтлицы — передней во мракъ самаго подземелья, не позволяетъ глазамъ нашимъ что-либо видѣть, что-либо понять изъ всего того, что творится передъ нами, сзади насъ, по бокамъ. Мы слышимъ голоса, но они кажутся намъ такими глухими и робкими, что какъ будто и они, какъ и нашъ голосъ, выходятъ изъ сдавленной и натруженной груди. Гдѣ-то впереди, какъ волчьи глаза, мелькаютъ огоньки, но свѣтъ ихъ, поглощаемый густотой окрестнаго мрака, до того слабъ, что кажется особеннымъ, рудниковымъ. Висящій на груди у насъ фонарь нашъ дѣлаетъ не больше того: свѣтъ его чуть брезжится, ударяетъ въ спину проводниковъ, освѣщая двѣ-три заплаты на полушубкахъ. При поворотахъ въ сторону, свѣтъ сальной свѣчки успѣваетъ обнаружить въ себѣ присутствіе силы на столько, что мы различаемъ досчатыя стѣны мокрая, сырая, и такія же доски наверху, на потолокъ. И когда глазъ успѣлъ принаровиться, мы — что называется — оглядѣлись: предъ нами и позади насъ оказался несомнѣнный корридоръ, такой же точно, какъ и тѣ, до которыхъ такіе охотники петербургскіе домовладѣльцы и архитекторы, доказывающіе этимъ безсиліе своей изобрѣтательности и несостоятельность своей науки; этотъ корридоръ намѣревался доказать противное. Онъ былъ такой же узкій и теплый, и въ такомъ же прямомъ направленіи тянется куда-то вдаль. Мы идемъ ни ниже, ни выше, идемъ также свободно и теперь, какъ шли сначала, и идемъ какъ будто уже много сажень, не одинъ десятокъ сажень и — останавливаемся. Передъ нами третья дверь и обитый досками корридоръ кончился.

— Что это значить?

— Корридоръ (отвѣчаютъ намъ) — тунель этотъ называется *штольной*. Та часть штольной, которую мы прошли и которая сверху, снизу и съ боковъ забрана досками, уже выработана и къ дѣлу не годится. Рабочіе въ ней только для того, чтобы положить досчатыя заплаты тамъ, гдѣ старыя доски прогнили до слезъ. Разрабатывается вотъ эта....

Отворили дверь, — и мы снова погрузились въ мракъ, который кажется намъ еще гуще и непрогляднѣе. Мы съ трудомъ передвигаемъ ноги, которыя на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ какія-то рытвины, какіе-то камни, и между ними, по самой срединѣ дороги нашей, тянется цѣлый жолобъ. По бокамъ, въ стѣнахъ — каменные глыбы; на верху, на потолокъ такіе же голые, неправильной формы, обитые камни: и тѣ и другіе на ощупь холодны, сыры, слизисты, фонарная свѣча на большей части изъ нихъ освѣщаетъ ржавчину, окиси. Ощущенія становятся еще тяжелѣе: каменные груды начинаютъ давить насъ нравственно всей тягостью вишняго вида своего, и мы снова съ трудомъ владѣемъ собою при объясненіяхъ.

— Это известнякъ и глинистый сланецъ — подпороды, а вотъ и самая порода — наше богатство; изъ нея-то мы добываемъ достославное серебро, которое и въ нашихъ рукахъ стало въ рѣдкость, какъ — говорятъ — рѣдко оно и у васъ, въ Россіи.

Черезъ груды этихъ подпородъ и между глыбами породы пробираемся мы дальше; начинаемъ примѣтно уставать: намъ становится не только жарко, но даже душно (напрасно мы не оставили шубы въ прихожей свѣтлицѣ). Духота, наполняющая на этотъ разъ штольню, напомнила намъ ту насыщенную влагой атмосферу бани, когда разрядился паръ въ обилии сорвавшійся съ каменки. Въ духотѣ этой (думалось и выговорилось нами) — одинъ изъ видовъ каторги, и духота эта, между прочимъ, полагалась одною изъ мѣръ наказанія нѣкогда работавшимъ здѣсь преступникамъ: духота эта едва выносима.

— Отворите дверь! — закричалъ одинъ изъ проводниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе наше.

Крѣпкая струя морознаго воздуха мгновенно и съ неудержимой силой ворвалась въ штольню, и выхватила и унесла впередъ весь тотъ удушливый и гнилой воздухъ, который до этой поры тяготилъ насъ. Пока задняя входная дверь стояла открытою, мы съ трудомъ удерживали на головахъ шапки: до того была сильна тяга воздуха, которая, имѣя для насъ значеніе сквознаго вѣтра, становилась уже излишнею, и дѣлалась опасною для здоровья. Пока мы подвигались дальше, въ штольнѣ опять накопилось достаточно теплоты, чтобы снова жаловаться на шубу.

Въ одномъ мѣстѣ, влѣво отъ насъ, изъ штольни потянулся глухой и тупой, безъ пролета, корридоръ, никуда не выводящій, и въ отличіе отъ штольни, на горномъ языкѣ извѣстный подъ именемъ *лихтлога*. Свѣтъ фонаря освѣтилъ намъ его начало и изнылъ въ той густотѣ мрака, которую не разрѣжалъ ни разу

лучь солнечнаго свѣта, и съ которою ведетъ по временамъ борьбу свѣтъ шестериковыхъ сальныхъ свѣчъ.

Войти въ лихтлогъ мы не рѣшили и не пошли туда по той простой причинѣ, что лихтлогъ—таже штольня, только попорченная, боковая, безъ выхода: боковая оттого, что увела ее туда серебрянная жила, ударившаяся въ бокъ отъ основной, давшей направленіе штольнѣ, а безъ выхода лихтлогъ потому, что на тупомъ концѣ его оборвалась надежда на добычу; серебра стало меньше, и дальнѣйшая работа не общала возврата затраченныхъ силъ и капитала. Штольня повела насъ дальше.

Каменные груды съ боковъ и надъ нами, неуверенныя искусствомъ и сдерживаемыя только силою взаимнаго тяготѣнія и упора, — грозятъ опасностью; вода, въ избыткѣ просачивающаяся между камнями, усиливаетъ представленіе этой опасности для насъ, непривычныхъ, безсильныхъ охватить всѣ подробности дѣла и на тотъ разъ понять всю систему предосторожностей. Мы радуемся за каждый шагъ, который завоевываемъ при выходѣ изъ штольни и не безсознательно вздрагиваемъ, въ боязни за себя, когда слышимъ предостереженіе провожатыхъ спрятаться на бокъ, гдѣ нибудь около стѣнки, въ первое попавшееся углубленіе въ ней. Примѣръ тому видимъ на всѣхъ нашихъ спутникахъ, и, спрятавшись какъ умѣли и успѣли, мы вздрагиваемъ во второй разъ отъ сильнаго удара, который глухимъ и тупымъ раскатомъ потрясъ всю штольню и исчезъ безъ эха и отголоска.

— Что это такое?

— Забой дѣлали: взрывъ произведенъ.

Ощущаемъ пороховой запахъ, видимъ впереди себя новую вспышку и тотчасъ новый глухой стукъ взрыва, и снова ощущаемъ запахъ пороха. Идемъ въ тому мѣсту и видимъ, или лучше слѣпо различаемъ на полу какія-то дыры, видимъ буравы въ рукахъ рабочихъ, намъ объясняютъ.

— Буравъ вертилъ въ землѣ скважину, и оттого скважинѣ этой даемъ названіе буровой. Она заряжается порохомъ; порохъ рветъ часть грунта, выхватываетъ тѣ камни, которые мѣшаютъ намъ прокладывать жолобъ. Жолобъ этотъ посрединѣ пола штольни надобенъ намъ для стока воды. Вода одолеваетъ наши работы безгранично; оставить ее на собственный произволъ и не выводить вонъ,—значитъ поступиться всѣмъ рудникомъ: вода зальетъ его, какъ залила уже всѣ разработанные и побинутые или по волѣ начальства, или по тому, что они уже и сами по себѣ перестали служить свою полезную службу.

— Жолоба для стока воды мы закрываемъ досками, чтобы легче ходить и работать: жолобъ облегчитъ работы въ забо-

яхъ, поль облегчить перевозку руды въ тачкахъ по штольнѣ до шахты.

— Но гдѣ же каторга, гдѣ тѣ работы, которыя мы привыкли считать самыми тяжелыми, называть каторжными?

— Такихъ работъ нѣтъ въ рудникахъ. Здѣсь мы даемъ молотокъ и ломъ. Молоткомъ рабочій обиваетъ породу, освобождаетъ ее отъ сопровождающихъ не нужныхъ намъ подпородъ; ломомъ вынимаетъ ту глыбу, которую намъ нужно, и которую указываетъ и объясняетъ ему знающій дѣло распорядитель работъ. Глыба эта подается на ломъ, когда молотъ счумѣлъ хорошо распорядиться около нея; вынутая изъ своего мѣста она кладется на носилки или въ тачку и рабочій везетъ одинъ или несетъ съ товарищемъ къ бадью, спущенной на дно широчайшей трубы, идущей отъ вершины горы до самой подошвы ея и называемой *шахтой*. Когда рабочій опростаетъ свою ношу, то кричитъ на верхъ; бадью верхніе рабочіе поднимаютъ воротомъ на самый верхъ горы, тамъ опоражниваютъ бадью, складывая руду на носилки, тачекъ рабочіе не любятъ и предпочитаютъ имъ носилки, всегда предполагающіе товарища, когда и трудъ раздѣленъ и есть съ кѣмъ перекинуться разговоромъ. Добытую породу сносятъ верхніе рабочіе въ указанное мѣсто въ вучу, изъ которой она уже поступаетъ для сортировки въ такъ-называемую рудораздѣльную свѣтлицу. Выйдемъ черезъ шахту на верхъ, я вамъ и это все покажу.

И вотъ до насъ начинаютъ добираться лучи дневного свѣта, падающіе сверху; свѣтъ нашего фонаря блекнетъ: мы стоимъ подъ крутой деревянной лѣстницей; мы взбираемся по этой отвѣсно поставленной лѣстницѣ съ широко-разставленными приступками, съ обязательно-неизбѣжными перилами. Лѣстница плотно придѣлана желѣзными закрѣпами къ каменной стѣнѣ шахты. Съ трудомъ и надсаживая грудь, при помощи периль, поднимаемся мы на верхъ, и съ трудомъ переводимъ дыханіе, очутившись на первой площадкѣ. Площадка эта однимъ краемъ опять уходитъ въ сырой и непроглядно-мрачный лихтлогъ, идущій параллельно нижней штольнѣ и составляющій въ рудникѣ какъ бы второй этажъ его. Другой конецъ площадки обрывается въ ту огромную яму, которая прорыта до самой подошвы горы до дна той штольни, въ которой мы были, и освѣщается такой же широкой, какъ нижняя яма трубой, составляющей ея продолженіе и выходящей на верхушку горы. Отдохнувши, осиливаемъ мы вторую лѣстницу, такую же отвѣсную и крутую, такую же не податливую, съ такими же крѣпко захватанными перилами, — снова устаемъ до изнеможенія и съ радостію узнаемъ на второй пло-

щадѣ, что вонецъ мученіямъ близокъ. Узнаемъ здѣсь, что зерентуйская шахта, которая кажется намъ теперь глубокимъ и широкимъ колодцемъ, имѣетъ глубины 24 сажени: первая лѣстница 11 сажень, вторая 13; что бревенчатый сарай надъ шахтой—колодцемъ сооруженъ уже на крайней вершинѣ горы, что вся зерентуйская штольня длиною въ 160 сажень, но что дѣлаютъ новую — «Надежду», которая будетъ еще больше, еще длиннѣе, но въ другомъ мѣстѣ¹⁾.

Отрадно было, по выходѣ изъ шахты, взглянуть на свѣтъ Божій; весело было вздохнуть свѣжимъ, хотя на этотъ разъ и крѣпко - морознымъ воздухомъ, и еще краше и веселѣе глядѣли теперь на насъ со всѣхъ сторонъ окрестные валуны — эти застывшія морскія волны, и еще сумрачнѣе, тяжелѣе и каторжнѣе показалась намъ вся темная мгла подземельевъ — штоленъ, лихтоговъ и тяжелый полумракъ шахты.

Цѣлыми десятками лѣтъ, не одной тысячи преступныхъ и непроступныхъ рукъ, рылись эти каторжныя подземелья, и рудникъ, оцѣненный десятками тысячъ рублей, неизмѣримо высоко поднимается въ цѣнѣ отъ того множества слезъ и стоновъ, которые вызваны были среди сумрачныхъ каменныхъ стѣнъ на тяжелой опасной работѣ, и которые ввѣрены были тѣмъ же бездушнымъ стѣнамъ и тѣмъ же безгласнымъ и холоднымъ камнямъ. Черезъ чистую и свѣжую ключевую воду проходитъ все то золото, которымъ покупается цѣлый свѣтъ, и только въ немногихъ мѣстахъ въ ключевой водѣ этой примѣшиваются и мутятъ и темнятъ эту воду горькія слезы несчастныхъ; но все серебро, накинѣвшее въ нѣдрахъ земныхъ, добытое въ сибирскихъ рудникахъ, прошло черезъ горькія итакже ключомъ-бьющія слезы несчастныхъ. И сколько смертей, неожиданныхъ, негаданныхъ накидывалось тамъ, въ этихъ темныхъ и сырыхъ подземельяхъ, на терпѣливую, замѣчательно-выносливую и крѣпкую натуру русскаго человѣка, хотя на этотъ разъ и обездоленную крутымъ житейскимъ переломомъ и крѣпкимъ, большою частію непредвидѣннымъ несчастіемъ.

Опустятъ работника въ полусвѣтъ шахты, проведутъ его въ непроглядный мракъ штольни,—вездѣ одно: таже сосредоточенная, кропотливая, тяжелая работа, съ которою и самая пѣсня, плохо прилаживаясь, не дружно живетъ. Дружно живетъ одинъ

¹⁾ На проведеніе штольни «Надежда» предположено, по смѣтѣ, истратить до 60 тысячъ руб., хотя, по соображеніямъ дальнѣйшимъ, она будетъ стоить дороже и цѣна ея ляжетъ между 60-ю и 100 тысячъ рублей сер. Время окончательнаго приготовленія ея до конечной выработки будетъ простираться по крайней мѣрѣ до пятидесяти лѣтъ.

вымыселъ; сильно работаетъ одно только воображеніе, досужее рисовать по готовымъ образцамъ все, что угодно. Ему ли оставлять свою работу и поступаться свободой, въ то время, когда все является ему на помощь и содѣйствіе: мракъ кругомъ и только тусклый мерцающій полусвѣтъ около, да неожиданный блескъ, яркая вспышка гдѣ-то вдалекѣ и въ томъ подземельѣ, гдѣ всякій звукъ, всякій стукъ молотовъ возвращается назадъ усиленнымъ, но не разбросаннымъ, тупымъ эхомъ, подчасъ извращеннымъ, смотря по тѣмъ условіямъ, въ какихъ находится на то время слухъ и воображеніе. Паденіе водныхъ струй и капель со стѣнъ и потолка, трескъ осколковъ породъ и шлепанье глиняныхъ глыбъ, шумъ забоевъ, грохотъ отъ взрывовъ, каждый легкій шорохъ — все это даетъ пищу одиноко-оставленному и предоставленному самому себѣ воображенію. Раздражается оно неизбежно и раздражается съ тою быстротою и силою, на которая способно суевѣрное воображеніе всякаго русскаго рабочаго, и будетъ преисполняться каждый изъ нихъ суевѣрнымъ страхомъ и неестественными представленіями, потому что всякое движеніе, всякій шагъ въ подземельѣ представляется въ иномъ видѣ, отдается неправильнымъ и извращеннымъ эхомъ. Работы въ забояхъ, мракъ лихтлоговъ, полусвѣтъ шахты, при невѣрномъ и слабомъ освѣщеніи фонаремъ, удлиняющемъ и уворачивающемъ тѣни людей и окружающихъ предметовъ по прихотливому произволу, существованіе большихъ и крупныхъ крысъ, которыя любятъ возиться, пищать, грызть, шумѣть и больше всего поживляться около сальныхъ огарковъ въ фонаряхъ и называются *хозяйномъ*: все это объясняетъ существованіе множества рассказовъ и о домовомъ—рудниковомъ хозяинѣ, и о лѣшемъ—врагѣ челоуѣка и здѣсь, въ этихъ каторжныхъ норахъ. Съ безчисленнымъ множествомъ разсказовъ о нежити—нечистой силѣ—выходятъ оттуда рудниковые рабочіе, суевѣріе которыхъ вообще сильнѣе здѣсь, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Такъ наприм., на этомъ же зерентуйскомъ рудникѣ, подлѣ самой шахты двѣ горы, изъ которыхъ одну прозвали Шумихой, а другую Звонухой (за какіе-то непонятные и хорошо неизслѣдованные *шумъ* и *звонъ*, происходящіе около нихъ и въ нихъ при извѣстныхъ вѣтрахъ), ссыльные и вольные рабочіе считаютъ страшными и указываютъ на нихъ, какъ на несомнѣнное гнѣздилище вражьей нечистой силы. Ночные страхи здѣсь дѣятельнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что въ рудниковыхъ подземельяхъ вѣчная ночь, какъ питательное начало, и дѣйствительнѣе уже по тому одному, что рабочіе на цѣлый день, со своей пищей, уходятъ сюда въ густой мракъ, а кончаютъ ра-

боту и выходятъ на вольный воздухъ, когда уже точно такой же мракъ покрываетъ землю и облезаютъ собою все живущее на ней жизнью не каторжною.

Каторжна жизнь рудниковаго рабочаго и по тому, что она бесплатная, обязательная, казенная, и потому еще, что подвергается случайностямъ, недалеко отъ несчастій и граничитъ съ нечаянною, скоропостижною смертию.

«Диркой бьеть» — кладетъ на смерть и увѣчить рабочаго при быстромъ нечаянномъ взрывѣ буровой сѣважины, сопровождаемомъ неизбѣжными камнями, осколки которыхъ брызжутъ по сторонамъ съ быстротою и силой. Эта опасность для неопытныхъ рабочихъ на каждомъ шагу, потому что на каждомъ шагу эти буровыя сѣважины, и по тому, что при спѣшныхъ работахъ на каждый шагъ не напасешь осторожности и оглядки, если и та и другая не обратились въ привычку.

«Горой давить» рудниковаго рабочаго таже оплошность, таже неумѣнье, а часто и невозможность спохватиться во время, — именно въ то время, когда онъ *сдѣлалъ подработку* молоткомъ своимъ подъ породу, и отломится отъ нея плохо-слипшіяся или хорошо отбитыя груды известняка или глинистаго сланца. «Горой» этой и увѣчить, и давить до смерти.

— Хорошъ первый конецъ, когда изувѣчить, потому что начальство уменьшить уроки или совсѣмъ избавить отъ нихъ, а ужъ лучше всего — послѣдній конецъ. Съ нимъ все гладко, и душа твоя уже не томится потомъ. А худая смерть — лучше каторжной жизни, — говорили рудниковые рабочіе въ то время, когда они не были освобождены отъ заводскихъ работъ и работали рядомъ съ каторжными, но съ тою разницею отъ нихъ, что у каторжныхъ за содѣянные преступленія положены были сроки, у заводскихъ служителей — работа была безсрочная, и то только по тому, что они родились отъ такихъ же заводскихъ служителей или подзаводскихъ крестьянъ. Бывали случаи, что послѣдніе нарочно дѣлали преступленіе, чтобы сдѣлаться каторжными, а стало быть попасть въ рабочіе срочные.

Говорили намъ и другіе, но другое:

— Мы, когда за молотокъ да за лопату, то и молитва у насъ одна на умѣ: авось — моль и надъ нашими воротами взойдетъ солнышко. Старики наши, помираячи, наказывали намъ: «кривыхъ нѣтъ во святыхъ, дѣти милыя; мы каторжные, да и вы такіе же, потому что наше отродье. Не работать нельзя: работайте! Тяжела работа — не бѣгите! Извѣстна пословица: «не зовутъ вола пиво пить, а зовутъ вола воду возить». Возите воду,

потому что и ваши дѣти возить ее также станутъ: съ тѣмъ и живите!...

Внуки дождались однако до того времени, когда сняли съ нихъ несправедливое обязательство, а самые рудники каторжными покинуты: работа послѣднихъ направлена на казенные золотые промысла и на казенные: винокуренные, солеваренные и желѣзодѣлательные заводы. Каторжные въ Восточной Сибири живутъ при заводахъ: Александровскомъ винокуренномъ и Иркутскомъ солеваренномъ (въ Иркутск. губ.), и въ Забайкальѣ: при заводѣ желѣзномъ Петровскомъ на прискахъ верхнемъ, среднемъ и нижнемъ карійскихъ, на Шахтаминскомъ и Казанковскомъ, на заводахъ Лужанкинскомъ и Акатуевскомъ. Всѣ остальные работы на рудникахъ находятся въ рукахъ вольнонаемныхъ рабочихъ. Пять лѣтъ тому назадъ они еще работали на три смѣны: двѣ недѣли по 12-ти часовъ въ день, — третью недѣлю получали на отдыхъ. За то, что имѣвшіе достатокъ горные служители брались на собственныхъ лошадяхъ возить руду съ рудниковъ въ кутомарскій рудникъ, при которомъ плавильная печь и въ Александровскій заводъ, гдѣ устроена лабораторія, они получали льготный часъ. Работавшіе на рудникахъ ходили на работу иногда верстъ за десять, прихвативши съ собой хлѣба и овощей, и ѣли сухомятку, на ночь опять плелись домой къ горяченькому кирпичному карымскому чаю, ко щамъ и печкѣ. За работу вознаграждались одинаковымъ съ поселенцами содержаниемъ (по 50 коп. въ мѣсяцъ, на золотыхъ промыслахъ по 2 руб., на Кудеѣ — самомъ богатомъ и надежномъ, недавно открытомъ, плата въ мѣсяцъ доходила до 5 руб.). Къ этой платѣ, сверхъ того, казна прибавляла еще по два пуда муки. Разница у заводскаго служителя съ каторжнымъ состояла еще въ томъ, что первый могъ обрабатывать землю, имѣть кое-какое хозяйство... Но вернемся къ ссыльнымъ и къ тѣмъ каторжнымъ, которые работаютъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ и на заводахъ, и посмотримъ, какъ выносить всякую каторгу русскій человѣкъ на своихъ могучихъ плечахъ, и какъ примиряется со всею тяжестью ея, со всѣми невзгодами и злополучіемъ.

Новичекъ-арестантъ, приходящій на крайнюю каторжную работу — на карійскіе золотые промысла — назначается обыкновенно «хвосты убирать». Хвостами называются тѣ пустыя, ненужныя пески, которые остаются на разрѣзѣ послѣ промывки золота и отъ которыхъ золото уже отдѣлено: вода, унеся пески, какъ вещество легчайшее, и не славивъ съ крупинками золота — веществомъ тяжелѣйшимъ, оставила ихъ осѣвшими на днѣ промывного жолоба. Уборка хвостовъ или пустыхъ песковъ — работа

каторжная и потому, что требует усиленныхъ уроковъ и нѣкоторой поспѣшности, чтобы принять съ дороги старую ненужную дрань и дать мѣсто новой драгоцѣнности,—и потому хвостовая работа тяжела главнымъ образомъ, что не заключаетъ въ себѣ и не даетъ того, чѣмъ красна всякая работа. Она мало питаетъ сознание того, что въ трудѣ этомъ заключаются тѣ же животворные, осязательные и наглядные результаты, какъ и во всякомъ другомъ трудѣ рукъ существа разумнаго и мыслящаго; этотъ трудъ на хвостахъ какъ будто даже бесполезно истрачивается физическія силы и безъ того значительно истощенныя и, во всякомъ случаѣ, нисколько не укрѣпляетъ духъ, не поддерживаетъ жизни его. Носить цѣлые дни съ ранняго утра до поздняго вечера пустые пески, носить ихъ по заказу, на урокъ, въ виду наказанія за неисполненіе полной задачи и безъ всякаго вещественнаго и нравственнаго вознагражденія на случай честнаго исполненія долга и обязанности: дѣло, равносильное и равноправное древнему монастырскому наказанію—толочь въ ступѣ воду. Сверхъ того сознание, что вся эта работа направлена ни ближе, ни дальше, какъ къ безцѣльному сооруженію на крутыхъ рѣчныхъ берегахъ новыхъ береговъ, цѣлыхъ горъ песчаныхъ, такъ называемыхъ *отваловъ*, сознание это безпредѣльно мучить и терзаетъ несчастныхъ арестантовъ, твердо убѣжденныхъ и сознательно убѣждаемыхъ въ томъ, что исполняютъ они тѣ самыя работы, которыя по всѣмъ правамъ принадлежатъ воламъ, лошадямъ, животнымъ.

Во всякомъ случаѣ, въ уборкѣ хвостовъ промысловые рабочіе полагаютъ настоящую, воловью, тяжелую каторгу. Замѣчено тамъ, что новички, поступившіе на работу для уборки хвостовъ, — первый день выдерживаютъ ее, съ большимъ трудомъ исполняя полный урокъ; на второй день — за ними всегда остается недомѣка и право наказанія за неуспѣхъ дѣла; но если непредусмотрительный, мало-опытный, или мстительный и горячій приставъ, въ наказаніе за упущеніе, рѣшится назначить новичка на хвосты въ третій разъ, то на четвертый день онъ смѣло можетъ вычеркивать всѣхъ тѣхъ арестантовъ изъ промысловыхъ списковъ. Къ такимъ заключеніямъ пришли сами пристава послѣ долгихъ наблюдений и многочисленныхъ опытовъ; а наблюдения эти и опыты слагаютъ одно заключеніе, даютъ одинъ общій выводъ, что уборка хвостовъ на золотыхъ промыслахъ—самое сильное и дѣйствительное наказаніе для провинившихся, и повторенное одинъ разъ оно уже имѣетъ характеръ истинной каторги.

Соловаренная каторга вся тяжела; тяжела она больше всего для организма, которому представляются многотрудныя задачи,

особенно въ сибирскихъ заводахъ, построенныхъ на старомъ образцѣ: черно и грязно, старо и грубо. Жаръ, который скопляется въ томъ сараѣ, гдѣ варится соль въ громадномъ чренѣ или сковородѣ, становится во время горячихъ и спѣшныхъ работъ до того тяжелымъ и невыносимымъ, что арестанты принуждены скинуть съ себя все платье и работать голыми до обильнаго пота. Но и при этихъ условіяхъ духота и жаръ до того неодолимы, что каждый рабочій обязанъ выбѣгать изъ варницы въ бревенчатую холодную пристройку, плохо мшонуя и безъ печки, гдѣ такимъ образомъ ожидаетъ мокрое и потное тѣло рабочаго свѣжій, морозный, уличной температуры воздухъ. Малѣйшій порѣзъ какаго-нибудь члена, на разѣдающихъ соляныхъ парахъ варницы, производитъ опасныя жгучія раны. Присоединяя къ нимъ неизбѣжную простуду, при быстрой и крайней переменѣ температуръ, мы встрѣчаемъ тотъ положительный фактъ, что рѣдкій рабочій выдерживаетъ больше двухъ мѣсяцевъ: многіе уходятъ въ госпиталь, всегда наполненный больными ревматизмомъ, тифомъ, потерю аппетита: но еще большее число рабочихъ, не успѣвшихъ заболѣть или поправившихся отъ болѣзни, уходятъ въ лѣсъ и въ бѣга при первомъ благопріятномъ случаѣ, на какіе особенно щедръ и богатъ иркутскій солонваренный заводъ или такъ называемое иркутское Усолъе. На немъ и по другимъ статьямъ каторжной жизни — примѣчательная неустойка. Казенный срокъ, назначенный для арестантской одежды крайне несостоятеленъ: таская сырую соль, въ вамяно, на плечахъ, арестанты скоро изнашиваютъ платье, такъ что за 80 в. сер., полагаемыхъ въ мѣсяцъ, и признаковъ нѣтъ возможности обезопасить себя даже заплатами на прогнившія дыры. Безъ воровства въ такихъ случаяхъ не проживешь и безъ пособія чужой и преимущественно казенной собственности (какова на этотъ разъ продажная соль) никакъ уже не обойдешься. И въ концѣ концовъ все-таки нѣтъ возможности видѣть пуцей нищеты и рвани, какъ на каторжныхъ рабочихъ солонваренныхъ заводоу.

На винокуренныхъ заводахъ степень каторжной тяжести видоизмѣняется; значеніе каторги своеобразнѣе. Тамъ круглый годъ тяжело *жиганамъ*, обязаннымъ подлаживать дрова въ печь и, стало быть, цѣлыя сутки стоять у огня въ тѣсномъ подвалѣ, среди нестерпимой духоты, около удушливаго печного жара. Здѣсь значеніе каторги сходствуетъ съ тѣмъ, которое даетъ соляная варница и получаетъ разительное подобіе, когда припомнимъ то обстоятельство, что каторжный рабочій — не вольнонаемный; по отношенію къ нему нѣтъ уже никакихъ уступокъ ни вынужденныхъ, ни естественныхъ: возвышенной платы онъ не

потребуется, отъ тяжелой работы не откажется и не посмѣетъ заявить открыто и гласно всѣ тѣ права, о которыхъ всегда готовъ напомнить свободный человѣкъ, вольный рабочій, старожилъ — сибирякъ-крестьянинъ. Зимой, во время холодовъ, заводская винокуренная каторга, всей своей тяжестью, налегаетъ на *заторщицковъ*, обязанныхъ чистить квашни, промывать въ нихъ прилипшее къ стѣнкамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намоченныя руки знобить ѣдимъ, невыносимымъ ознобомъ, когда рабочій, отъ пребыванія въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣваетъ даже *закуржавѣть*, т. е. покрыться инеемъ до подобія пушистой птицѣ. Послѣдствія извѣстны врачамъ и даже дознаны на практикѣ: это — постоянная дрожь во всемъ тѣлѣ, отсутствие аппетита и лихорадка, которую сначала больные презираютъ, а оттого вгоняютъ въ тѣло глубоко и близятъ послѣднее къ гробовой доскѣ. Нерѣдко накрывала послѣдняя рабочихъ, опущенныхъ въ лари, гдѣ бродила брага, прежде чѣмъ выходилъ оттуда весь углеродный газъ, накопившійся во время броженія браги: рабочіе эти тамъ задыхались и ихъ на другой день выносили оттуда уже мертвыми, холодными трупами.

— Въ теплую погоду (говорятъ намъ) заторщикамъ лучше, но зато тяжело бываетъ *ледоколамъ* и *ледоръзамъ* (первые мельчать льдины, для охлажденія чановъ съ дрожжами и сусломъ, на рѣкѣ, вторые — на заводѣ). Постоянная сырость, всегдашняя мокрота гноятъ платье и, давая въ результатъ почти тѣ же болѣзненные припадки, портятъ и ослабляютъ самый крѣпкій организмъ.

Винокуренные заводы также богаты побѣгами и не меньше всѣхъ другихъ родовъ и видовъ каторги. Вся же каторга, мрачная по тому значенію и смыслу, что она подневольная и тяжелая, потому не сулитъ никакихъ льготъ и не даетъ никакихъ вознагражденій, становится невыносимою, когда рабочій, придя не домой, а въ казенную казарму, видитъ только одну наготу и босоту, видитъ безпредѣльное количество такихъ же точно дней и ночей впереди, безъ просвѣта и радостей. Рваныя казенныя тряпки отъ черныхъ и сырыхъ, трудныхъ и тяжелыхъ работъ, ветшаютъ еще скорѣе, чѣмъ отъ надлежащаго употребленія, вопреки назначеніямъ и срокамъ урочныхъ положеній. Починяя ихъ насколько хватитъ терпѣнія, умѣнья и силъ, каторжный рабочій знаетъ одно, что новое платье обяжетъ его новыми неплатными казенными долгами, которые потянетъ заводское и промышленное начальство изъ ничтожныхъ заработанныхъ денегъ, и во всякомъ случаѣ возьметъ свое изъ артельного капитала. Въ силу этого, артельный капиталъ отъ такихъ вычетовъ всегда

находится въ томъ положеніи, что представляетъ собою полное ничтожество. И между тѣмъ ни это платье, неспособное даже прикрывать наготу, ни ремесло или мастерство, пріобрѣтенныя на родинѣ и неприложимыя здѣсь за казенными работами, рабочаго не спасаютъ, ему не помогаютъ.

— Пощупаю ноги, посоветуюсь съ бывалыми, улучу минуту, да и прощай каторга: можетъ быть навсегда, но во всякомъ случаѣ на долгое время.

И бѣгутъ арестанты съ каторги не десятками, и не сотнями, а тысячами.

Прислушавшись къ разговорамъ арестантовъ, присмотрѣвшись въ заводскихъ архивахъ къ официальнымъ дѣламъ и бумагамъ, — мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ и частнымъ чертамъ всѣхъ вообще побѣговъ изъ тюремъ и съ каторги¹⁾.

Изъ тюремъ бѣгутъ очень рѣдко (сравнительно) и стараются убѣжать только такіе арестанты, которые посажены на много лѣтъ и притомъ въ одинокую, тѣсную и душную темницу. — «До чего не доводило ихъ отчаяніе, стремленіе добиться свободы, выйти на вольной воздухъ!» — замѣчаетъ одинъ изъ наблюдавшихъ за этимъ дѣломъ, — и продолжаетъ: «нѣтъ конца рѣсказнямъ объ этомъ: кто перепилилъ толстую желѣзную рѣшотку перочиннымъ ножомъ и спустился на изорванной въ полосы простынѣ; кто подрылся подъ полъ, выбрасывая землю щепотками въ оконцо, чтобы скрыть свою работу; кто ушолъ, переодѣтый; кто въ неволѣ открылъ на досугъ значеніе египетскихъ пирамидъ; кто составилъ себѣ чернила изъ ржавчины отъ желѣзныхъ запоровъ и изъ крѣпкаго чая и на измятомъ лоскуткѣ бумажки, въ которой завернуть былъ этотъ чай, написалъ трагедію въ 5-ти дѣйствіяхъ. Опять иной, услыхавъ отдаленный стукъ въ тюрьмѣ своей, заключивъ изъ этаго, что у него есть сосѣди, отдѣленные отъ него толстыми каменными стѣнами и, полагая, что одинъ изъ близкихъ ему товарищей, можетъ быть, содержится тутъ же, вздумалъ подать ему о себѣ вѣсть счетными ударами половой щотки въ каменный полъ. Черезъ нѣсколько времени, онъ вызвалъ отвѣтъ. Товарищи поняли другъ друга и разговаривали такимъ образомъ, означая каждую букву такимъ числомъ ударовъ, сколько ей принадле-

¹⁾ При этомъ считаемъ нелишнимъ замѣтить, что, рассказывая о своихъ похожденияхъ, бродяги обыкновенно старались обойти молчаніемъ начальную и основную причину несчастія, приваждшаго ихъ въ Сибирь, увѣряя обыкновенно, что они сосланы за бродяжество, хотя бы и числились въ ссыльно-каторжныхъ. Въ самомъ тонѣ насъ поражаало всегда изумительное хладнокровіе, не допускавшее увлеченій: мученіямъ своимъ на походѣ не придають повидимому никакой цѣны и значенія.

жить счетомъ по занимаемому ею мѣсту. Но вскорѣ и третій, незванный собесѣдникъ, вмѣшался въ этотъ разговоръ и испортилъ все дѣло... Словомъ — конца нѣтъ этимъ крайне-занимательнымъ похождениямъ!» — замѣчаетъ В. И. Даль (казакъ Луганскій) въ одномъ изъ своихъ разсказовъ.

Чернила изъ ржавчины съ чаемъ дѣлали тѣ изъ государственныхъ преступниковъ, которые въ 1825 году содержались въ двухъ крѣпостяхъ: петропавловской и шлиссельбургской. Сидѣвшіе въ первой измыслили писать къ роднымъ исторію впечатлѣній недѣли, двухъ и даже мѣсяца и приловчились писать это въ таковой сжатой формѣ и такимъ мелкобисернымъ почеркомъ, что на это потребовалось особое искусство и долгая подготовка: всѣ впечатлѣнія надо было писать и можно было уписать единственно только на тѣхъ маленькихъ лоскуткахъ бумаги, въ которые завертывались содовые порошки, выписываемые докторомъ для освѣженія (иной бумаги въ казаматы не допускали). Сидѣвшіе во второй крѣпости (шлиссельбургской) получали, съ дозволенія начальства, апельсины, а въ нихъ, вмѣсто сладкой мякоти, тщательно завернутыя кучки писемъ, свѣжей и чистой бумаги, бумажныя деньги, чернила, перья и прочее. Въ Петропавловской стучкомъ въ полъ щеткою одинъ заключенный узналъ, что въ сосѣдяхъ у него находится авторъ «Горе отъ ума», самъ въ свою очередь живущій въ ближнемъ сосѣдствѣ (только за дочатою перегородьюю) съ евреемъ, о трусливомъ поведеніи котораго онъ успѣвалъ передавать товарищу столь забавныя свѣдѣнія, что слушателю приходилось нѣсколько разъ сбиваться со счёту ударовъ, чтобы кататься отъ смѣху и въ концѣ концовъ узнать, что авторъ «Горе отъ ума» возымѣлъ твердое намѣреніе, если освободится, написать новую комедію подъ названіемъ «Жидъ въ тюрьмѣ» (обѣщаніе впрочемъ неисполненное).

Переодѣтымъ уходилъ изъ иркутскаго острога еврей во франтовскомъ костюмѣ для того, чтобы напутить шутокъ въ благородномъ собраніи. Онъ побылъ тамъ, вынулъ изъ кармана прокурора сто рублей, столько же у предсѣдателя губернскаго правленія, у начальника края часы, но въ дверяхъ, уходя, столонулся съ другимъ евреемъ, угрожавшимъ выдать его, если не подѣлится добычей. Подѣлывшись чѣмъ успѣлъ, еврей-арестантъ направился на улицу, а тотъ, который остался въ собраніи, былъ обысканъ, когда спохватились обворованные, и указалъ на виновника. Полицейскіе бросились въ острогъ и въ тотъ секретный номеръ, изъ котораго ловкій воръ ушелъ въ собраніе, и въ которомъ вмѣсто себя онъ положилъ охотника изъ арестантовъ. Видя номеръ занятымъ и повѣривъ обманному отвѣту допро-

шеннаго, полиція въ тюремныхъ воротахъ встрѣтила настоящаго вора—жильца секретнаго каземата, подѣхавшаго на извожигѣ. Еврей оттого не умѣлъ схоронить концы, что изъ собранія заѣхалъ въ кабакъ втунуть, обмѣнявши опасныя вещи на безопасныя деньги, а столгнувшись съ полиціей въ воротахъ, поспѣшилъ выбрасывать вещи на землю.

О примѣненіи египетскихъ пирамидъ мы скажемъ потомъ, о всѣхъ же другихъ приемахъ, приспособляемыхъ къ побѣгамъ изъ тюремъ, въ сибирскихъ имѣются слѣдующія несомнѣнныя данныя.

Какъ всѣмъ извѣстно и какъ мы сказали сейчасъ, въ сибирскихъ тюрьмахъ существуетъ одиночное заключеніе, которое понимается тамъ обыкновенно, какъ временная мѣра наказанія и только для закоренѣлыхъ и неисправимыхъ злодѣевъ. Заточеніе это — къ несчастію — до сихъ еще поръ сопровождалось привываніемъ на цѣпь.

Одинъ изъ такихъ «цѣпныхъ» лежалъ съ цѣпью въ госпиталѣ большого Нерчинскаго завода, когда еще содержались при этомъ заводѣ ссыльные. «При осмотрѣ утромъ одного дня» на койкѣ больного нашли одну цѣпь и замокъ. «Внутри замка, за пружину, зацѣплена была петля, ссученная изъ холщовыхъ нитокъ, надерганныхъ изъ простыни». Бѣглый, какъ видно по дѣлу, не найденъ, но сторожа-солдаты получили каждый по 50 ударовъ палками.

Въ томскомъ острогѣ содержались два арестанта въ секретныхъ казематахъ; подъ окномъ, у наружной стѣны, по обыкновению, находился часовой. Однажды одинъ изъ этихъ часовыхъ замѣтилъ, что надъ головой его пролетѣло что-то тяжелое и бѣлое. Едва онъ успѣлъ опомниться, какъ опять пролетѣло что-то другое, но также бѣлое и тяжелое. Это *что-то* на этотъ разъ показалось ему человѣкомъ. Часовой смекнулъ и выстрѣлил; выстрѣлилъ въ торопяхъ, на-угадъ, однако произвелъ шумъ, вызвалъ тревогу. Прибѣжалъ караулъ; сбѣжались люди, охотники до всякихъ скандаловъ, — сдѣлали облаву: обыскали всѣ окрестныя мѣста. Подлѣ тюремной стѣны нашли голаго человѣка съ переломленной ногой. Голый человѣкъ оказался однимъ изъ секретныхъ арестантовъ; тѣло его было намазано саломъ, чтобы ловчѣ выскальзало оно изъ рукъ преслѣдователей. Тоже сдѣлалъ, по его словамъ, и товарищъ его, — и оба они вмѣстѣ изрѣзали казенное платье на ленты, изъ суконныхъ лентъ скрутили веревки; веревки приладили къ рѣшоткѣ, рѣшотка была подпиlena. Спускаясь внизъ, арестанты въ это время предварительно раскачивались для того, чтобы усиленный размахъ далъ имъ возможность перелетѣть черезъ стѣну, которая приходилась

вблизи каземата. Пойманному не посчастливилось прыжкомъ на землю по ту сторону стѣны: онъ получилъ опасный вывихъ; товарищъ его успѣлъ-таки бѣжать, но вскорѣ былъ пойманъ, узнавъ и приведенъ на допросъ:

Спрашивали:

— Гдѣ ты былъ въ то время, когда сдѣлана облава и вся околность острога оцѣплена: дальше бѣжать было нельзя и некуда?

Отвѣчалъ:

— Я сидѣлъ все время въ колодцѣ. Идутъ солдаты около—я окунусь въ воду, голову спрячу; они отойдутъ—я голову высуну и надышусь. Одежду бросилъ мнѣ съ возу проѣзжій крестьянинъ.

Вопроса о томъ, какимъ образомъ была перепилена рѣпотка и быть не могло: одинъ изъ бѣжавшихъ арестантовъ былъ портной и, по занятію своему и съ дозволенія начальства, имѣлъ приличные ремеслу своему инструменты. При осмотрѣ повинутаго имъ наперстка нашли въ немъ пилу, сдѣланную изъ часовой пружины и тщательно, мастерски сложенную и уложенную.

Въ омскомъ острогѣ одна арестантка рѣшилась бѣжать изъ секретнаго каземата, вылучивъ ту минуту, когда подъ тюремнымъ окномъ ея проходила корова. Баба рассчитала прыжокъ свой такъ ловко, что угодила животному прямо на спину. Испуганное животное понесло бѣглую отъ сторожей и преслѣдователей, но не унесло далеко.

Въ омскомъ же острогѣ мы видѣли арестанта — сухого какъ зимолость, цѣпкаго и ловкаго какъ обезьяна, который сумѣлъ пролезть изъ ретираднаго мѣста въ узкую щель, оставленную между сосѣдними стѣнами и не задѣланную въ томъ предположеніи, что щель эта не представляла опасности. Водосточная труба помогла ему изъ второго этажа спуститься на дворъ, со двора подняться на крышу стѣны, окружающей всѣ острожныя строенія и взобраться на нее по водосточной трубѣ сарая. Всѣми своими маневрами, арестантъ привелъ слѣдователей и свидѣтелей въ изумленіе и возбудилъ въ первыхъ недоумѣніе: чтобы убѣдить ихъ въ истинѣ хитросплетенныхъ показаній, бродяга не затруднился повторить эту операцію во второй разъ и, на глазахъ чиновниковъ, продѣлалъ свой фокусъ съ прежнимъ блескомъ, со всею ловкостью акробата, и опытнаго и бывалаго: между тѣмъ этотъ бѣглый былъ не старше 15 лѣтъ отъ роду и принадлежалъ по роду жизни и сословію къ мѣстнымъ мѣщанамъ.

Всѣ эти случаи указываютъ на смѣлость въ сочиненіи замысловъ, иногда доходящую даже до дерзости. Но въ одиночку

бѣгутъ весьма рѣдко. Побѣги изъ тюремъ задумываются обыкновенно нѣсколькими арестантами, приводятся въ исполненіе маленькой артелью, которая также, какъ и всякая другая артель, атаманомъ крѣпка, т. е. предполагаетъ зачинщика и руководителя. Въ большей части случаевъ, это — бывалый и опытный, т. е. бродяга. Успѣхъ побѣга обыкновенно обезпечиваютъ сторонніе пособники, участники замысла или по подкупу, или по потворству, нерѣдко по глупости и тупости сторожей, между которыми особеннымъ ротоустройствомъ отличаются казаки изъ бурятъ.

Мудрено найти бѣжавшаго арестанта, знающаго всѣ ходы и выходы, но не мудрено различить во всей этой сумятицѣ тюремнаго дѣла главныхъ виновниковъ, подкупныхъ и привычныхъ, глуповатыхъ и тертыхъ, умѣлыхъ и на путанья показанія, готовыхъ и на наказаніе розгами, тѣмъ болѣе, что рѣдкій изъ этихъ сторожей самъ не битъ уже шпицрутенами гдѣ-нибудь въ Россіи, въ какомъ-нибудь гарнизонномъ батальонѣ. Въ Россіи тюремная исторія также обильно наполняется побѣгами, и мы надѣемся въ послѣдствіи доказать и то, что если имѣются въ Россіи такія мѣстности и города, гдѣ правительство признало излишнимъ содержать тюрьмы (какъ, напр., въ Березовѣ, Тобольской губерніи, а въ Вельскѣ вовсе уничтожена тюрьма въ прошломъ году), но за то вездѣ тамъ, гдѣ постоянно содержатся въ тюрьмахъ арестанты, — изъ тюремъ этихъ бѣгутъ. Скажемъ больше: можно смѣло биться объ закладъ, что нѣтъ въ Россіи ни одной тюрьмы, изъ которой бы не сдѣлано было побѣговъ.

Но какъ ни крѣпка та или другая тюрьма, какъ ни слабо значеніе всѣхъ сибирскихъ трактовыхъ, пересыльных тюремъ, какъ мѣсть временнаго заключенія (на небольшое число подсудимыхъ и на большое пересыльных арестантовъ), побѣги изъ этихъ тюремъ относительно рѣже. Побѣги отсюда не представляютъ такого интереса и не встрѣчаютъ такой трудности, какими живутъ и дышутъ настоящіе ваторжныя, нерчинскія тюрьмы.

Съ ваторги бѣгутъ несравненно въ большемъ числѣ, хотя отчасти при тѣхъ же условіяхъ, т. е. не столько изъ самыхъ казематовъ, сколько съ работъ; не столько въ одиночку, сколько въ товариществѣ. Здѣсь уже не оцупь и выжиданіе перваго благопріятнаго, подвернувшася подъ руку случая, а систематическое знаніе, заправленное давнишней подготовкой и умѣньемъ. На этотъ разъ уже и причины другія.

Изъ пересыльной тюрьмы бѣжить арестантъ, какъ малый ребенокъ, куда — и самъ не всегда хорошо знаетъ, бѣжить оттого, что въ заточеніи жить не хорошо, не нравится ему: авось въ лѣсу будетъ лучше, авось оттуда и удастся куда-нибудь вы-

браться. Онъ бы и не бѣжалъ, еслибы не сманивали товарищи, не улыбались поощрительно на побѣгъ сторожа и приставники. Говорятъ, что за тюрьмой все лучше; за бѣглымъ не гоняются, а еще хлѣбомъ кормятъ, да и не Богъ вѣсть что сдѣлаютъ, когда изъ бѣговъ поймаютъ: можно тогда сказаться непомнящимъ, поступить въ это хваленое и достопочтенное званіе, которое у насъ имѣетъ такое широкое приспособленіе. Бѣлаго изъ пересыльной тюрьмы скоро ловятъ, его слабѣе наказываютъ; самое большое преступленіе его въ бѣгахъ — мелкое воровство, пьянство; онъ нерѣдко и самъ является на судъ и кается. Одинъ такой-то въ Тобольскѣ, весною 1863 года, не пришелъ въ острогъ съ работы съ двумя другими. Поздно вечеромъ онъ стучался въ острожные ворота и былъ впущенъ на общій смѣхъ арестантамъ и для показанія на допросѣ о томъ, что двое товарищей его бѣжали, что самъ онъ напился вмѣстѣ съ ними, но покрѣпче ихъ, пьянымъ выпался въ кустахъ, утромъ опохмѣлился; денегъ погулялъ, а теперь вотъ и пришелъ домой, не зная, куда идти и чего искать ему въ бѣгахъ. Арестанты такой категоріи даже не отвыкли еще путать другихъ, не выучились скрывать свои пристани; они еще оговариваютъ своихъ благодѣтелей, официально называемыхъ пристанодержателями; они еще не умѣютъ прятаться такъ, чтобы удивлять находчивостью судебныхъ слѣдователей и тюремныхъ допросчиковъ.

Не таковъ бѣглый съ каторги: тертый калачъ, мятые бока, *варнакъ* — по-сибирски, *чалдонъ* — по-каторжному. У этого другая цѣль и другая снаровка, иные пути, но пути намѣченные вѣрно и ладно и твердо изученные; онъ на нихъ не заблудится, его не спутаетъ никакой законникъ, не запутаютъ никакія трудобы: ни географическія, ни юридическія. Варнакъ беретъ за дѣло побѣга, какъ за важное, политическое; онъ, какъ артистъ, смѣло постоитъ за свое искусство: и въ лѣсу онъ, какъ рыба въ водѣ, а въ ремеслѣ своемъ, какъ виртуозъ и мастеръ. Бѣглеца тюремнаго поищутъ два-три человѣка только для виду, ради службы и начальства, да и само начальство на такихъ невинныхъ гулякъ одной рукой машетъ, а другой вычеркиваетъ ихъ имена изъ списковъ содержавшихся и помѣтитъ въ числѣ бѣжавшихъ. Но бѣжить варнакъ — бѣглець съ каторги: за нимъ для поимки сбивается и посылается цѣлая облава конныхъ и пѣшихъ, отправляются впередъ и назадъ, во всѣ стороны, кучи повѣстокъ и извѣщеній. Бѣжалъ изъ карійской тюрьмы Иванъ Петровичъ Дубровинъ, и черезъ часъ объ этомъ знали всѣ обитатели всѣхъ четырехъ промысловыхъ селеній; на всѣхъ, безъ изятія, напалъ панической страхъ; тревогу били; по ночамъ

не спали: всё словно ждали какого-то дива и чуда. На четвертый день Дубровинъ не замедилъ выказаться: онъ убилъ въ одной изъ крайнихъ избъ одного изъ промысловыхъ селеній женщину съ двумя малютками ни за что, ни про что, изъ одного желанія потѣшить свою злодѣйскую душу. Приходилъ онъ втроемъ и далеко не ушелъ отъ каторги, а грабилъ потомъ съ шайкой своей всёхъ живущихъ, проѣзжающихъ и проходившихъ по рѣкѣ Шилкѣ. А поймали Дубровина, — то мало того, что приковали его на цѣпь, надѣли еще къ рукамъ *лису* ¹⁾, чтобы и подниматься съ мѣста ему было трудно. А такихъ, какъ Дубровинъ, на истинной каторгѣ не мало. Но объ нихъ — потомъ, о другихъ — теперь.

За Байкаломъ живетъ въ народѣ преданіе, что Петровскій заводъ преимущественно богатъ побѣгами, что тамъ у тюремныхъ сидѣльцевъ ведется особенный обычай бѣгать изъ тюрьмы *на уру*, не въ одиночку, а цѣлымъ огуломъ. Насколько справедливъ первый слухъ, доказываютъ намъ архивныя бумаги, которыя зачастую говорятъ одно и тоже, что «всѣхъ здѣшнихъ мѣстъ гораздо болѣе чинятся побѣги въ лѣтнее время изъ Петровскаго завода». Насколько справедливъ второй слухъ, архивныя дѣла не даютъ для того опредѣленныхъ данныхъ, но народные рассказы настойчиво увѣряютъ въ томъ, что побѣги «на уру» производились оттуда довольно часто, что арестанты при этомъ, чтобы устранить наблюденіе и привести въ смятеніе конвойныхъ, кричатъ всей казармой ура, какъ на сраженіи: надо цѣпь пробить, а тамъ ужъ легко станеть; тамъ либо панъ, либо паль. Рѣшившіеся бѣжать, по знаку того, который подпилъ рѣшетку и мигнулъ союзникамъ, хватаются за собственныя рубашки, рвутъ ихъ на клочки, обматываютъ этими тряпками кандалы (чтобъ не стучали) и бѣгутъ черезъ окно, предполагая, что рѣшившіеся остаться товарищи ихъ, криками ура, отвлекутъ на себя вниманіе стражи. Сами бѣглецы въ тоже время производятъ тотъ же крикъ вслѣдъ за другими. Подобныя попытки — прибавляютъ народные рассказы — всегда вѣнчались полнымъ успѣхомъ, и конвойные не могли хватать бѣглецовъ также по тому обстоятельству, что голые арестанты успѣвали предварительно намазывать все тѣло свое саломъ или масломъ. Архивъ Петровскаго завода, при тщательномъ просмотрѣ, не подтвердилъ народныхъ слуховъ, которые обыкновенно складываются въ преданіе и въ цѣльный рассказъ изъ множества частныхъ случаевъ; но вѣроятно слухи эти имѣютъ основаніе въ быломъ,

¹⁾ Лиса — желѣзная полоса въ полтора или два пуда вѣсомъ.

незанесенномъ въ официальную бумагу изъ личныхъ расчетовъ и соображеній начальства (чего не бываетъ на каторгѣ!). Тѣмъ не менѣе архивныя дѣла Дучарскаго завода (теперь упраздненнаго) представляютъ одинъ подобный случай, доказывающій, что побѣги огуломъ, во многолюдствѣ бѣглецовъ — не миѣ, который во всякомъ случаѣ могъ служить поводомъ и лечь въ основаніе народной легенды. Дѣло случилось 8 іюня 1815 года: изъ тюрьмы сдѣланъ былъ капитальный и серьезный побѣгъ; изъ *двадцати* заключенныхъ бѣжало *четырнадцать* человекъ. Событіе это обставлялось такими подробностями.

При дучарской тюрьмѣ на всякія потребности и нужды находилось восемь человекъ караульныхъ солдатъ. Передъ тѣмъ, какъ посадить всѣхъ этихъ арестантовъ на цѣпь, четверо солдатъ отворили рѣшетчатую дверь, а за ней и тюремную, ведущую въ казематъ. Не успѣли солдаты опомниться, какъ арестанты накинулись на нихъ всей массой; сначала захватили четырехъ переднихъ, а вслѣдъ затѣмъ и остальныхъ четырехъ — заднихъ. У тѣхъ и у другихъ цѣпные арестанты отняли тесаки, вырвали штыки изъ ружей, связали всѣхъ крѣпкими веревками и заперли за рѣшетку. Четверыхъ переднихъ, сверхъ того, избili полѣньями; унтеръ-офицера связаннымъ бросили въ уголъ казармы. Четырнадцать арестантовъ, выйдя изъ каземата, изломали въ сѣняхъ чуланъ, взяли тамъ ружья, патроны и порохъ. По мѣрѣ того, какъ проходившіе обходомъ солдаты являлись въ тюрьму, ихъ также вязали и сажали въ прочимъ за рѣшетку. Сигналы подавалъ и приказанія кричалъ арестантамъ одинъ изъ нихъ. Затѣмъ, когда всѣ караульные были перевязаны, всѣ четырнадцать скрылись. Пришли урочные часы смѣны; къ дверямъ тюрьмы явился свѣжій часовой, ничего не смекавшій, ничего не подозревающій. Расположившись у дверей, часовой слышитъ разговоры, прислушивается: голоса выходятъ глухіе, изъ подполья; часовой спрашиваетъ:

— Кто въ подпольѣ?

— Унтеръ-офицеръ Плотниковъ.

Съ трудомъ отыскаютъ на-глухо закованную западно подполья, выпускаютъ оттуда 12 человекъ солдатъ, а затѣмъ бьютъ тревогу въ заводскій колоколь. На набатъ сбѣгается народъ; сбиваютъ облаву, дѣлаютъ окольный обыскъ, но безуспѣшно. Въ Уровское правленіе скачетъ нарочный повѣстить о принятіи должной осторожности и съ приказаніемъ «немедленно отправить людей, сколько можетъ, для поисковъ». Правленіе снаряжаетъ также облаву: 12 человекъ вооруженныхъ крестьянъ идутъ на охоту и, соединившись съ заводскою командою, преслѣдуютъ бѣглыхъ

варнаковъ въ пади (горной долинь), называемой Широкою, устьемъ своимъ выходящей къ рѣкѣ Урову. Въ пади этой сдѣлались примѣтны слѣды: измятая трава, пепель отъ свѣжихъ теплинъ; на слѣдахъ видятъ и самихъ бѣглецовъ. Завязывается перестрѣлка: у одного крестьянина, на первыхъ выстрѣлахъ, подстрѣлена лошадь и убитъ на повалъ одинъ бѣглый. Тѣмъ и кончилась вся эта встрѣча, не имѣвшая, по неудобству мѣстности, большого успѣха. Между тѣмъ наступила ночь: ссыльные разсыпались по непроходимымъ чащамъ. На другой день искали ихъ опять, но не нашли; только черезъ три дня поручикъ Рикъ напалъ на слѣды. Шесть человекъ бѣглыхъ скрыты были въ сѣнѣ уровскаго зимовья крестьяниномъ, взявшимъ съ бѣглыхъ за печеный хлѣбъ 10 рублей. У деревни Подозерной, въ колкѣ¹⁾, поручикъ Рикъ завязалъ съ бѣглецами перепалку: четырехъ изъ нихъ положилъ на мѣстѣ, троихъ захватилъ живыми. Остальныхъ на этотъ разъ найти не могли и уже черезъ пять дней поймали ихъ на воровствѣ, на мельницѣ, и когда бѣглецы вырвались и побѣжали, снарядили за ними погоню и въ пади Каменкѣ опять завязали съ ними перестрѣлку. Еще двое бѣглыхъ были убиты, третій скрылся въ густой трещѣ лѣса и его ни убить, ни схватить не могли....

Таковы подробности едва ли не самаго большого побѣга изъ всѣхъ нерчинскихъ тюремъ. На немъ какъ будто оборвались, запнувшись, всѣ другія попытки подобнаго рода. Отчаяніе каторги искало другихъ путей; заключенные производятъ другія вылазки, скромныя, подспудныя.

Задумавши побѣгъ, арестанты нерчинскихъ тюремъ прежде всего хлопочутъ о запасѣ, прежде всего смотрятъ на конецъ, не забывая особенно о началѣ. Оно въ свое время объяснится само и по большей части явится обставленное средствами готовыми, рѣдко неожиданными и случайными. Заручаясь новой, свѣжей, нерваной одеждой, арестанты въ тоже время затягиваются въ неоплатные казенные долги, которые въ круговомъ расчетѣ дѣлаютъ чрезъ то побѣгъ неизбѣжнымъ, единственнымъ средствомъ очистить свою чалдонскую совѣсть и покончить расчеты съ тяжелой каторгой. Обыкновенно эта хлопотливая заботливость о запасѣ теплой и новой одежды принимается союзниками за сигналъ на молчокъ. Вторымъ яснымъ признакомъ твердо выясненнаго рѣшенія признается то, когда задумавшій побѣгъ начинаетъ заводить особенную пріязнь съ тѣми товарищами, ко-

¹⁾ Колкѣ — сирое мѣсто въ пади съ густою растительностью, среди слабой растительности въ окрестностяхъ.

торые завѣдуютъ съѣстными припасами, и съ тѣми каторжными бабами, которыя завѣдуютъ кухней: близкія интимныя отношенія, наскоро слаживаемыя и на время устанавливаемыя при помощи водки, считаются въ особыхъ случаяхъ достаточно-обезпечивающимъ средствомъ. Сношенія эти въ тюрьмахъ, гдѣ рука руку моетъ и оттого обѣ бывають чисты, сношенія эти не трудны и передъ законами дружбы святы и самостоятельны. Такое дѣло слаживается очень скоро, безъ задержки даже и на такомъ тормазѣ, который, по смыслу казенныхъ учреждений, поставляется въ лицѣ арестантскаго старосты. Староста — свой братъ, самъ не разъ уже вкусившій сладость побѣга, не разъ уже отвѣдавшій бродяжьяго брашна; онъ это дѣло понимаетъ и дѣлу этому никогда не противникъ; такихъ ужъ людей и выбираютъ арестанты въ это званіе. Къ тому же опытный бѣглець сдумѣетъ самъ ловко повести дѣло и никогда не затанетъ въ тину допросовъ и слѣдствій; самъ все приметъ на себя и концы запрячетъ. Имѣющій намѣреніе бѣжать, готовъ сократить свой паекъ, ѣсть очень мало; порціи свои копить, не беретъ изъ кухни ни хлѣба, ни мяса, а приспѣетъ часъ, выпроситъ то и другое гуртомъ: хлѣба ковригу фунтовъ въ 25, мяса полоть со свою голову; возьметъ все это и спрячетъ. Спрячетъ онъ добро свое въ хоронушку, безъ которой ни одна тюрьма не живетъ, да и жить не можетъ, а хоронушка затѣмъ и потайное мѣсто, чтобы ни одинъ дозорщикъ не осквернилъ ее своимъ нелегкимъ, чернымъ глазомъ. Хоронушекъ этихъ въ каторжныхъ (да и во всякихъ) тюрьмахъ больше, чѣмъ въ околныхъ лѣсахъ лисьихъ и собольихъ норъ; а деревянная тюрьма, каковыми бывають всѣ собственно каторжныя тюрьмы, удобнѣе для такого рода тайниковъ тюрьмы каменной.

Хоронушки эти обыкновенно устраиваются въ подпольѣ, по большей части около печей или за печками, подъ половицами, съ ловко прилаженными и замаскированными покрышками. Въ каменныхъ острогахъ (каковы губернскіе и уѣздные пересыльные) хоронушки дѣлаются въ самыхъ стѣнахъ. Въ Томскомъ напр., въ одномъ мѣстѣ, около наръ, стоило только вынуть одинъ кирпичъ, чтобы увидѣть огромную пустоту, нѣкогда (при постройкѣ), вмѣсто щепенки и кирпичей, наполненную щепами. Щепы отъ времени и сырости сгнили и образовали огромную хоронушку, въ которую могла свободно помѣститься вся громадная острожная собственность, а на этотъ разъ въ ней сберегались инструменты всякаго рода, посуда съ водкой въ стеклянной посудѣ всѣхъ общепринятыхъ величинъ, ножи, карты, табакъ и проч. Тайникъ этотъ закрывался ловко-прилаженной доской, повращенной тою-

же краской, какая желтъла на стѣнахъ. Въ Тобольскомъ острогѣ у одного изъ прикованныхъ на цѣпь нашли такой же тайникъ въ стѣнѣ напротивъ печи и въ немъ три ножа, два подпилка, зубрило, шило, и 5 оловянныхъ и мѣдныхъ печатей и кипы всякаго рода бумаги, — и такъ въ безконечность....

Заручаясь такимъ образомъ съѣстнымъ на первые самые трудные дни побѣга, арестанты скопляютъ въ неопредѣленные сроки и деньги. Для таковыхъ хоронушки устраиваются около себя, и деньги зашиваются въ воротѣ рубашки, въ воротѣ казенной куртки, гдѣ-нибудь въ полушубкѣ, подъ стельками, въ подошвѣ сапога и въ выдолбленныхъ каблукахъ его. Тогда весь секретъ состоитъ только въ томъ, чтобы уберечь накопленное отъ воровскаго глаза, ибо — какъ извѣстно — тюрьма собственности не признаетъ и воруетъ на обѣ руки и всякими способами. Чтобы вѣрнѣе увеличить кошелку новымъ приращеніемъ, арестантъ ложится въ госпиталь, не беретъ денегъ за пищу, наполняетъ еѣ въ заработныхъ грошахъ за предыдущіе мѣсяцы на текущіе, и во всякомъ случаѣ на больничной койкѣ онъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ былъ на казарменныхъ нарахъ, гдѣ — какъ извѣстно — раскладываютъ карточный майданъ, соблазняютъ виномъ и иными сластями.

Такъ или иначе, бывалый арестантъ безъ денегъ и провизіи съ каторжнаго мѣста не снимается; самый опытный и не одинъ разъ бывалый уходитъ изъ тюрьмы одинъ: всѣ остальные и въ большей части случаевъ подговариваютъ товарищей — спутниковъ; а новичекъ нуждается въ жокакѣ: «безъ запѣвалы-де и дѣсныя не поется». Для побѣгу выбираютъ всегда теплую пору и бѣгутъ обыкновенно весной, когда закукуетъ кукушка (отсюда и выраженіе «идти на-вѣсти къ Кукушкину генералу» или «кукушку слушать, какъ поетъ»). Бѣгутъ во множествѣ лѣтомъ, рѣже къ осени и холодному времени, и только отчаяніе и дерзкая рѣшимость уводятъ арестантовъ, холодами, на зимніе палачіе морозы ¹⁾. Во всякомъ случаѣ весеннее время и лѣтняя пора

¹⁾ Вотъ что, между прочимъ, рассказываетъ въ подтвержденіе нашего свѣдѣнія хроника Петровскаго завода о числѣ бѣжавшихъ, среднимъ счетомъ, по мѣсяцамъ: въ январѣ изъ ссыльно-каторжныхъ 2, въ февралѣ 10, въ мартѣ 4, въ апрѣлѣ 65, въ маѣ 35, въ юнѣ 32, въ юлѣ 21, въ августѣ 10, въ сентябрѣ 28, въ октябрѣ 11, въ ноябрѣ 12, въ декабрѣ ни одного. Числовыя данныя побѣговъ по другимъ тюрьмамъ идутъ почти въ той же прогрессіи, на измѣненіе которой, конечно, имѣютъ вліяніе климатическія условія: до нѣкоторой степени эти цифры можно считать барометрическимъ указателемъ, что такой-то зимній мѣсяцъ въ такомъ-то году былъ крѣпко морозенъ и такой-то весенній былъ также холоденъ, какъ въ данномъ примѣрѣ мартъ и декабрь. Устоялъ декабрь съ оттепелями — цифра побѣговъ подвѣтлалась, бѣжало много въ январѣ, значить теплый стоялъ, и тому подобное.

всего больше красны на каторгѣ побѣгами даже и изъ такихъ тюремъ, откуда бѣгутъ всего меньше, каковы карійскія и Александровскаго винокуреннаго завода, но и изъ такихъ, которыя особенно чаще и сильнѣе опрастываются, какъ напр. остроги Петровскаго желѣзнаго и Иркутскаго солевареннаго заводовъ.

Самый побѣгъ для каторжныхъ, когда готовы всѣ путевые запасы, не мудренъ:

— Была бы охота (говорятъ сами бродяги), а на что — такъ надо спрашивать — человѣку и голова въ плечи ввинчивается?

— А на что и солдаты такіе къ намъ приставлены, что, либо плутъ хуже нашего, либо дуракъ такой, что только сваи имъ вбивать. Слушайте!

Года два тому назадъ (т. е. въ 1859 году), на одномъ изъ карійскихъ промысловъ послано было нѣсколько человѣкъ арестантовъ на работу. При нихъ, по уставу и по обычаю, находились конвойные: на этотъ разъ два казака забайкальскаго войска: одинъ изъ штрафныхъ солдатъ, назначенныхъ на Амуръ, но перевернутыхъ въ забайкальскіе казаки, а другой — молодой паренъ изъ тѣхъ старожилыхъ заводскихъ крестьянъ, которыхъ въ 40-хъ годахъ переименовали въ казаки по имени только, но не въ самомъ дѣлѣ.

Пришли арестанты съ конвойными на работу. Солдатъ изъ штрафныхъ говоритъ товарищу, конвойному изъ казаковъ:

— Поди-ко, землякъ, зачерпни водицы, что-то отъ щей ну-тро жжетъ, а я посмотрю за арестантами-то. Да шинель-то свими, а не то на офицера наткнешься: обругаетъ, избьетъ: въ отвѣтъ будемъ оба.

Тотъ такъ и сдѣлалъ: сходилъ на Кару за водой, вернулся назадъ. Сидитъ на старомъ мѣстѣ одинъ арестантъ.

— А другіе гдѣ?

— Да гулять ушли: тебя не спросились.

— Какъ такъ!

— Да этакъ. И я бы съ ними ушелъ: крѣпко звали, да отдумалъ: имъ-то было *сдоль по каторгѣ* (т. е. безъ сроку), а мнѣ вотъ сроку года два до конца осталось: не стоить!

— А шинель моя гдѣ?

— Затѣмъ-то тебѣ ее и оставить велѣли, что шинель твоя на одного арестантика поступить должна, на рызаго-то. На него она и поступила: повѣр мнѣ!

Вскорѣ прошли на промыслахъ слухи, что идетъ-де по почтовому торному тракту, идетъ днемъ и ночью, по направленію въ городу Читѣ солдатъ съ сумой и съ ружьемъ и ведетъ съ собой трехъ арестантовъ.

— Куда-де, землякъ?—спрашивалъ купецъ, поставлявшій на арестантовъ муку.

— Вотъ въ Читѣ на допросъ арестантовъ веду.

Черезъ двѣ недѣли палъ новый слухъ отъ другого торговца, вернушагося съ верхнеудинской ярмарки: идетъ-де солдатъ подъ Верхнеудинскомъ и ведетъ съ собой только одного арестанта. Ведетъ онъ его также на допросъ — какъ самъ сказывалъ — въ Верхнеудинскъ: изъ бѣговъ-де поймалъ.

— Такъ и увести (думали на Карѣ), увести и самъ уйдеть бѣглый солдатикъ съ бѣглымъ арестантомъ прямо въ Россію или куда имъ надо, гдѣ имъ лучше понравится, если не попадутъ на какой-нибудь рождѣнь. Да едва-ли-де: въ Сибири дороги тоже торныя живутъ — да и глухи бываютъ, — кромѣ купцевъ и проѣзду никому почти нѣтъ; кромѣ бродягъ да бѣглыхъ съ заводавъ и прохожихъ другихъ не видать, да разъ въ недѣлю арестантская партія кандалами прозвонить; обозы чайные тоже не во всякое время ходятъ: на дорогѣ простора много.

Бываютъ на каторгѣ другія дѣла и другого рода и вида побѣги, когда одинъ старается перехитрить другого, не разбирая (какъ въ данномъ случаѣ) того, что валить этого другого себѣ подъ ноги, въ яму. А такъ, какъ борьба эта ведется на взглядъ и на счастье, почти въ темную, то и ходы ея разнообразны и мудрены до того, что понять ихъ и услѣдить за всѣми ставками нѣтъ почти никакой возможности. Сами бродяги таятся, слѣды свои тщательно прячуть, рѣдкіе рассказываютъ кое-какія подробности, но всегда, конечно, оставляютъ про себя и для товарищей всю суть, всю подноготную. Самое вѣроятное, самое неоспоримое одно только, что каторга даетъ обильное количество побѣговъ.

Всѣхъ бѣглыхъ по всему Нерчинскому округу за 10 лѣтъ (съ 1847 по 1857 годъ) считалось 2841 человекъ такихъ только, которые за побѣги наказаны были на заводахъ. Сверхъ того бѣжало еще 22 женщины, которыя были пойманы и также наказаны на заводахъ. Къ 1 января 1859 года, т. е. за 11 лѣтъ, во всѣхъ нерчинскихъ заводахъ считалось въ бѣгахъ не возвращенными: 508 человекъ горныхъ служителей и 3104 ссыльныхъ и ссыльно-каторжныхъ, такъ что, по сравненію съ количествомъ всего сосланнаго населенія, въ бѣгахъ ровно 24%. Таковъ учетъ общаго горнаго управленія въ валовыхъ цифрахъ; частныя исчисленія также краснорѣчивы, хотя мы и придерживаемся цифры собственно ссыльно-каторжныхъ и не принимаемъ въ расчетъ поселенцевъ (объ этомъ дальше, въ своемъ мѣстѣ). Знаменитый Петровскій желѣзодѣлательный заводъ, единое изъ дѣтищъ того

же Нерчинскаго горнаго округа, тоже сосчиталъ свою усышку и утечку. Къ 1-му сентября 1851 года у него нашлось въ бѣгахъ, тоже въ десятилѣтней сложности всѣхъ бѣглыхъ, 740 мужчинъ и 5 женщинъ. Къ 1-му января 1852 (т. е. въ два осеннихъ и одинъ зимній мѣсяцъ) успѣло бѣжать еще 26 человекъ: стало всего въ неустойкѣ 771 вольная душа. Изъ этого числа поймано только 19 человекъ, исключено за десятилѣтнею давностію 31; осталось — стало быть — въ бѣгахъ 716 мужчинъ и 5 женщинъ. Нѣкоторое число таковыхъ онъ имѣетъ получить назадъ подъ названіемъ оборотней, возвращенными изъ Россіи въ той цифрѣ, которая выясняется въ Тобольскомъ приказѣ о ссыльныхъ. Тамъ, между прочимъ, навѣрное утверждаютъ и несомнѣнно доказываютъ, что число пригнанныхъ обратно въ Сибирь на каторгу и поселеніе, съ 1833 по 1845 годъ, двѣнадцать тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ два человека (въ томъ числѣ 345 женщинъ) и что однихъ каторжныхъ въ теченіе десяти лѣтъ (съ 1838 по 1847) принято изъ Россіи — возвращенными черезъ Тобольскъ 2446 мужчинъ и 27 женщинъ. Конечно, между ними не всякій уважаетъ на то, съ какою онъ бѣжалъ каторги; бродягами давно уже приспособленъ способъ сочиненія псевдонимовъ, вѣнчающихся общимъ мѣстомъ «непомнящихъ родства»¹⁾.

Чѣмъ и какъ обставляются побѣги съ каторги — мы объяснимъ

¹⁾ Обязуясь подробнымъ изслѣдованіемъ вопроса о бродягахъ во всемъ его многостороннемъ и широкомъ развитіи, мы на этотъ разъ продолжимъ наблюденія наши надъ цифрами бѣглыхъ съ заводовъ сибирскихъ и беремъ намѣренно годъ на выдержку, не подчиняя ихъ системѣ, и при этомъ указывая первые попавшіеся намъ на глаза. Такъ напр. на Александровскомъ винокуренномъ заводѣ съ 1 января 1846 года по 1-е ноября 1859 бѣжало съ работъ 1013 муш. и 19 женщ., изъ этого числа домашними средствами поймано (а въ томъ числѣ — конечно — и добровольно пришло въ зимнее холодное время) только 277 муш. и 4 женщ. Въ 1833 году бѣжало изъ этого завода 633 чел., въ 1834—770; въ 1835—754; въ 1836—591; въ 1837—293; въ 1838—32; въ 1839—76; въ 1849—40; въ 1841—71; въ 1842—82; въ 1843—98. Уменьшилась въ послѣдніе года цифра побѣговъ оттого, что въ заводъ стали меньше присылать рабочихъ и замѣтно ослабѣлъ тюремный надзоръ съ уменьшеніемъ командъ, обращенныхъ на другіе заводы. Въ 1843 году изъ 98 человекъ возвращено было только 8. Изъ Успенскаго винокуреннаго завода (Тобол. губ.) въ 1860 г. бѣжало каторжныхъ 160 человекъ, да весной слѣдующаго года успѣло ударъ еще новыхъ 22. Бѣгле по другимъ заводамъ Восточной Сибири стояли въ такомъ количествѣ:

Въ 1837 году изъ Иркут. солопар.	363;	Троицк. винокур.	181;	Селенгин. солевар.	38
— 1838 — — —	—	— 238 — —	— 164 — —	— —	74
— 1839 — — —	—	— 248 — —	— 206 — —	— —	36
— 1840 — — —	—	— 359 — —	— 171 — —	— —	28
— 1841 — — —	—	— 136 — —	— 79 — —	— —	27

Все это, конечно, въ десятилѣтней сложности съ увеличеніемъ цифры отъ новыхъ побѣговъ, съ уменьшеніемъ ея за вычетомъ по закону десятилѣтней давности.

нѣсколькими очерками, сообщенными частію интересовавшимися этимъ дѣломъ, частію самими заинтересованными въ немъ. Разрядъ послѣднихъ разбивается для насъ на двѣ категоріи. Къ первой и главной мы относимъ тѣхъ бывалыхъ бродягъ, которые снимаются съ мѣста для пути дальняго елико-возможно и не спуста: они знаютъ дорогу, и дорога эта, издавна пробитая тропа эта, называется *варнацкой дорогой*, имѣть опредѣленное направление по лѣсамъ, по жилымъ и нежилымъ мѣстамъ и опытнаго бродягу уводитъ далеко, уводитъ въ Россію. Истинный варнакъ снимается съ мѣста для того, чтобы, по возможности, подольше пожить на своей волѣ, старается по мѣрѣ силъ не возвращаться на каторгу, искусно замѣчая слѣды свои или, если уже оборвется счастье, то записаться въ оборонни, но не скоро. Къ другой категоріи бродягъ мы относимъ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые бѣгутъ на авось, иногда просто прогуляться, побродить въ лѣсу и на волѣ «единственно для отбывательства отъ казенныхъ работъ», какъ привыкли выражаться оффиціальныя бумаги. Такого рода бѣглецы — жиганы мелкота — зачастую не уходятъ дальше Байкала, сходятъ только «простокишки (простокваши) поѣсть», т. е. изъ Верхнеудинска возвращаются назадъ на каторгу, гдѣ ихъ и травятъ товарищи этой наемъшкой. Наступающіе холода на измызанную за-лѣто, въ ходьбѣ по лѣсамъ, казенную одежду, незнаніе дороги, пріемовъ и правилъ бродяжяго дѣла: все это такихъ мелкихъ бродягъ, безъ всякаго участія и усердія со стороны полицейскихъ начальствъ, сгоняетъ на каторгу. Такіе бродяги съ первыми осенними морозами являются въ ближайшій городъ и судъ съ повинной головой, съ покорными руками и ногами. Похожденія таковыхъ немногосложны.

Бѣгутъ они, при первой открывшейся возможности, наугадъ, куда глаза глядятъ, бѣгутъ обыкновенно шайкой въ томъ предположеніи, что на людяхъ и смерть красна; если бѣгутъ безъ вожака, то стало быть путаются, наталкиваются на множество случайностей и, въ большей части случаевъ, не выдерживаютъ — попадаютъ. Вотъ что рассказывалъ одинъ изъ таковыхъ:

«Бѣжали мы, втроемъ, съ «хвостовъ» на Среднемъ промыслѣ. Ходили цѣлую ночь и прошли ка-быть много,

— Версть — моль, братцы, десятва два будетъ?

— Будеть — слышь.

Стало свѣтать, а мы въ пади какой-то.

— Идемъ — моль, товарищи, куда насъ падь эта поведеть.

— Валяй! — говорятъ — перекрестившись!

Шли-шли падью: селенье какое-то передъ собой увидали, — испуужались.

Не назадъ ли, товарищи?

— Чего назадъ? гляди все впередъ, затѣмъ вѣдь и ушли.
Разбирай: какое жильё!

Поднялся я на гору, глядѣль-глядѣль:

— Лѣшой-моль насъ, ребята, водить, да и лѣшой-отъ не нашъ, а казенной, — промысловой — знать.

— Чего-де такъ?

— Поглядите-тво: низакъ въ Верхнему промыслу пришли.

Стали разглядывать, да примѣты распознавать, такъ и есть: Верхній промыселъ, и тюрьма ихняя и разрѣзъ тутошной, и пристава домъ увидали.

— Пойдемъ-моль, ребята, туда: споваемся, а тамъ поживемъ, повыспросимъ, дороги узнаемъ. А что-то, моль, мы и бродяжить-то не умѣемъ: не рука знать!

Стали мы толковать; стали промежъ себя спорить. И ночи-то намъ жаль терять за-напрасно, и тюрьму-то мы видимъ впереди подъ горой и разрѣзъ: жолоба по рѣчкѣ-то, по Карѣ-то этой, обозначились. Чортъ-моль съ вами, а теперь у насъ день: пойдемъ лѣсомъ. Бери лѣвѣй! — ворочать не станемъ!

Такъ и рѣшили, а пошли опять наугадъ, пошли лѣвѣй да и взяли прямо. Ишли мы еще день. Ночью спали. На пятые сутки животъ тосковать началъ. Сказалъ я объ этомъ товарищамъ.

— И у насъ, слышь, тоскуеть.

— Да по комъ?

— Не по артельномъ же, слышь, хлѣбѣ; а надо полагать: захотѣло брюхо получше чего, — надо быть горячаго.

— Ягоды бы ему дать хорошо: неспѣсиво оно! (шутимъ это).

— А гдѣ ее возьмешь, ягоду-ту эту? Лѣса стоять все какіе-то не такіе. Кочки между деревьями-то да трясины, и густымъ-прегустымъ мохомъ затянуло все: идешь словно по перинѣ, а ягоду нѣту. А брюхо-то съ голодухи таеъ и выворачиваетъ словно рукавицу.

Станемъ себя утѣшать, разговаривать, а оно, брюхо-то, нѣтъ-нѣтъ да и завоетъ: ровно въ немъ на колесахъ ѣздятъ. Тошно ему стало: голось подаетъ.

Идемъ впередъ. Заборъ увидали. Стали оглядываться: нѣтъ ли жилья какого? Слышимъ, одинъ товарищъ заревѣлъ, заревѣлъ: словно съ него, живого, лыки драли. Мы кинулись, — смотримъ: въ яму какую-то провалился и зѣваетъ по-медвѣжьему. Вынули мы его.

Другой товарищъ смекнулъ:

— Это-де, братцы, для козуль настораживаютъ. Вонъ, въ воротахъ-то бревно на волоскахъ повѣсили. Чуть упадетъ, то

и раздавить. Много-слышь—нашего брата, не вѣдая, этакъ жизнь свою кончали. Хорошо еще, что товарищъ въ яму попалъ, а не въ ворота пошоль.

Перелѣзли мы черезъ заплоть (огородъ) дальше, а въ ворота не пошли. Сталь намъ товарищъ рассказывать, какъ бревно такъ ловко прилажено, что козуля пролезеть въ ворота да дотронется только до бревнушка: тутъ и смерть ея. Вышли мы въ поле. Въ полѣ стадо барановъ ходитъ, а при нихъ пастухъ мальчишко. Увидаль онъ насъ — бросилъ опрометью прочь отъ насъ. Мы его звать—не слушаетъ. Мы божитья — сталь подходить: кричить намъ:

— Не убьете?

— Нечѣмъ-моль, дуракъ экой: смотри, пустые идемъ. Дашь намъ ѣсть—еще денегъ тебѣ дадимъ.

— Я не дамъ: боюся васъ! А подите-де, сами возьмите: вонъ подь кустомъ хлѣбъ лежитъ.

Я пошоль; нашель тряпичку, развернулъ, хлѣбъ увидаль, схватилъ его въ обѣ руки: хотѣлъ сожрать его въ три раза, такъ ужъ и глазами намѣтилъ, какъ надо и зубы наложилъ, да вспомнилъ товарищей. Такъ у меня, словно хлѣбъ - отъ кто оторвалъ ото рта. А умомъ-то мекаю: не стану-моль ѣсть, дѣлиться велятъ: зачѣмъ и идемъ - то мы вмѣстѣ, и другою кто такъ не сдѣлаеть. Думаю это, а ѣсть еще пуще мнѣ тотъ хлѣбъ захотѣлось; запахъ-отъ его слышу такъ животь-отъ мой и заворчитъ и заворочается въ нутрѣ-то. Стало мнѣ на умъ всходить, что не донести мнѣ хлѣба, съѣмъ я его, а тамъ пуцай они приколотятъ меня за то. Тутъ товарищи-то и закричали, а я стою на томъ же мѣстѣ, гдѣ хлѣбъ взялъ. Закричали товарищи-то, стало мнѣ другое на умъ приходить: съѣмъ одинъ—сытъ буду; съ товарищами подѣлю—никто сытъ не будетъ, коврига-то малая. Сдумаль я такъ-то, стиснулъ краюху зубами, зажалъ глаза, духъ забралъ въ себя да ужъ и не помню, какъ принустилъ бѣжать. Бѣжалъ я что было силы, во всѣ лопатки. Прибѣжалъ къ товарищамъ: берите-моль, да и мнѣ оставьте!

Раздѣлили хлѣбъ по ровну: дальше пошли. Опять бредемъ цѣлой день. Къ вечеру деревенька помеледилась.

— Пойдемъ, товарищи, въ крайнюю избу: будетъ маяться-то намъ.

— Стучись товарищъ!

Постучались мы—впустили. Мужичоь, не старый, сидитъ и таково ласково смотритъ на насъ: спрашиваетъ:

— Съ Кары, ребята?

— Съ Кары-моль, дядюшка.

— Которые сутки не ѣли?

— Пятые сутки крохи не видали.

— Садись (говорить), ребята за столъ!

Сѣли. Вынулъ онъ шей изъ печки; налилъ ихъ въ чашку, хлѣба туда накрошилъ, далъ постоять, ложку взялъ: вы-де сами ребята, не притрагивайтесь, меня слушайте. Зачерпнулъ онъ шей съ хлѣбомъ—мнѣ далъ. Опять зачерпнулъ ложку—товарищу поднесъ, и такъ всѣхъ одѣлилъ по одной и по другой. Мы еще попросили—не далъ. Отошолъ отъ стола и чашку со щами спря-талъ. Спрашиваетъ:

— Вы, ребята, однако въ первые надо быть?

— Что-моль такое въ первые?

— Бѣжите-то?

— Не случалось-моль ни разу о сю-пору: впервые бѣжимъ. Усмѣхнулся.

— Однако ложитесь (говорить) спать теперь. Дамъ я вамъ еще этихъ шей — разорветъ брюхо, помрете. Много-де ко мнѣ заходило вашего брата. Я это дѣло знаю, какъ поступать.

Уложилъ онъ насъ спать въ подъязбицѣ. Спали мы крѣпко; какъ легли, такъ и заснули, и на умъ не пришло поопасаться. Да и то думать надо: намъ на ту пору все равно было, что стариковы щи хлебать, что заводскую березовую кашу: чортъ по-бери все. Однако проснулись на волѣ. Старикъ опять шей вынесъ; по три ложки намъ далъ и тѣ не вдругъ, а въ очередь. Опять насъ спать уложилъ. Поднялись мы опять,—онъ насъ на-кормилъ дѣ-сыта и на дорогу далъ намъ хлѣба и совѣтъ:

— Ступайте вотъ теперь прямо! На пути вамъ будетъ рас-падокъ; дорога пойдетъ прямо въ него—не ходите: тутъ казаки ловятъ. Берите лучше въ правую падь. Тамъ далеко есть займка; въ ней казакъ живетъ. Хлѣба не сѣтеъ: хлѣбъ не растетъ, бѣл-куетъ: ходитъ съ ружьемъ за бѣлкой, за возудей ходитъ, пасти поѣдныя и огородныя ставить. Казакъ этотъ охотно нанимаетъ вашего брата, варнака, въ работу да плотится за послугу сви-ножь. Такъ вы это помните и на носу зарубите!

Послушались мы приказу: въ лѣвую падь не ходили, пошли въ правую и въ займку постучались, силушки нашей не хватило; ѣсть стало нечего, весь хлѣбъ вышелъ, а днемъ спали, по но-чамъ шли. Да можетъ-моль старикъ по насерду на этаго казака связывалъ. Зашли. Казакъ ласковый таковой, встрѣтилъ, угощаетъ, суетится:

— Сейчасъ же, на ваше счастье, козулю убилъ: ѣшьте!

Покормилъ онъ насъ, сговаривать сталъ:

— Оставайтесь: кормить васъ буду, вы только работайте, и

работа-то легкая. А спрячу-де васъ такъ, что нивакой сыщигъ не доберется. Бывалое дѣло!

Говорить—улещаетъ, все норовить, какъ бы за самое сердце наше ухватить, да мы помнимъ стариковъ наказъ—на соблазнъ сдаваться не хотѣли. Проспали мы ночь. Поутру рано ушли такъ, что онъ и не примѣтилъ; спалъ еще. Подъ вечеръ, смотримъ: догоняетъ онъ насъ верхомъ на лошади, и винтовка у него за спиной торчитъ. Сталъ подѣзжать, винтовку на руку взялъ, стрѣлять захотѣлъ: прицѣливается. Бросились мы со всѣхъ ногъ на него, всѣ трое. Одинъ сгрѣбъ его сзади, оборвалъ ремень и винтовку отнял. Поднял онъ коня на дыбы, — ускакалъ. Въ сумерки опять догоняетъ и винтовка въ рукахъ у него другая. Кричить намъ издали:

— Отдайте винтовку мою!

— Не подходи! отвѣчаемъ. Мы сами въ тебя палить станемъ, убьемъ.

Толковалъ онъ съ нами долго; а винтовки мы ему все-таки не отдали. Онъ повернулъ коня назадъ, а намъ вслѣдъ пригрозилъ:

— Такъ ли, не такъ ли, а вашу-де вину и свою обиду на другихъ варнакахъ вымещу.

Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ. Въ одной пади мы на народъ наткнулись; опознались: бѣглецы съ Петровскаго завода сказались. Сговорились мы идти всѣ вмѣстѣ: стало насъ 12 человекъ; веселѣй ка-быть стало и страху не въ примѣръ меньше. Разложили мы огонь, теплину сдѣлали; товарищи ушли въ лѣсъ поискать ягоды либо кедровыхъ орѣховъ, а то есть курчавая такая саранъ — корень ея больно сладокъ: ѣдимъ мы ее и сыты бываемъ. На нее намъ въ тюрьмѣ бывальцы указывали: ищите-де ее и ѣшьте, не бойтесь! Я остался у огня, а на огонь медвѣдь вышелъ. И ружье есть, да пороху нема. Цѣлился я въ него — не испужалъ, а на меня же полѣзъ. Началъ я бѣгать кругъ огня: на огонь-отъ не полѣзъ; тоже и самъ сталъ ходить за мной, и все норовилъ лапой стрести меня. Однако, усталъ медвѣдь—въ лѣсъ ушелъ. Товарищи вернулись,—пошли дальше, и опять огонь разложили; смотримъ, опять надо быть тотъ же медвѣдь къ намъ изъ лѣсу вышелъ и цѣлое дерево въ охапкѣ несетъ. Мы за большое дерево тутъ подлѣ спрятались, а кто и на самое дерево влѣзъ. Подошелъ онъ къ огню; хватилъ изо-всей медвѣжьей силы: погасить хотѣлъ, да только искры по сторонамъ полетѣли, да головешка больно высоко подпрыгнула. Осердился онъ, сталъ огонь загребать лапами и такъ-то усердствовалъ! Тутъ одинъ товарищъ догадался: подошелъ къ нему

сади, да такъ-то хватилъ его по заднимъ ногамъ толстой палкой, что онъ ажъ показалъ намъ какъ салазки умѣеть дѣлать: даромъ что былъ не ученый и съ татарами въ Расей на цѣпи не хаживаль. Полежалъ это онъ, поревѣлъ, да и надумаль хорошее дѣло: черезъ голову кувырваться; — ушелъ, значить. На третьи сутки опять онъ брель за нами слѣдомъ, на четвертые—опять пужаль, на пятые, какъ отсталъ, такъ ужъ больше и не показывался ¹⁾).

На шестые сутки попали мы на казаковъ.

— Это вы-де, сказываютъ, въ нашей деревнѣ казака убили?

Схватили насъ казаки — и представили!»

Въ рассказѣ этомъ, имѣющемъ поразительное сходство со всѣми другими, для насъ яснѣе другихъ, важнѣе прочихъ одна подробность: это—именно готовность Сибирскихъ крестьянъ принимать и обогрѣвать ссыльныхъ. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ столько же и чувство состраданія къ голому и голодному исеателю приключеній — чувство, завѣщанное отцами, закрѣпленное ихъ примѣромъ и поваженное долгимъ опытомъ, сколько и экономическія причины и условія сибирскаго быта, передъ которыми безсильны и ничтожны всякія угрозы и страхи быть на судѣ и въ отвѣтѣ за укрывательство бѣглыхъ, за *пристанодер-*

¹⁾ На тему встрѣчъ съ медвѣдемъ вотъ еще одинъ рассказъ бѣлаго:

— Идемъ, отдавшись на волю божию. Иной разъ, кромѣ зайцевъ, рѣдко кто изъ живыхъ встрѣчается; а ингодъ нашъ братъ и на медвѣда напарывается. Мнѣ разъ встрѣтился: было ружье у меня. Надо бы его поставить на сошку, да стрѣлять ему въ сердце, такъ зарядъ-отъ у меня былъ бѣличій. Выстрѣлъ—разсердилъ только. Да дерево мнѣ на боку подвернулось — спрятался. Сталъ онъ меня ловить, а я успѣлъ изъ-за пояса топоръ выхватить: хотѣлъ рубить по лапамъ, да онъ всякій разъ сдогадается и отобьетъ топоръ. Попятился разъ, сгрѣбъ въ лапы пень, положилъ его къ дереву, притащилъ другую корягу, третью, четвертую и опять полѣзъ на меня. Разсудилъ лѣсное чудище, что пни помѣшаютъ мнѣ бѣгать, да и я не у него учился: черезъ пни прыгалъ, да успѣвалъ и отталкивать, временемъ тѣмъ, изъ-подъ ногъ свонхъ. Свечерѣло: медвѣдъ уходился, да и я весь въ мылѣ. Стали мы отдыхать оба. Онъ отошелъ и легъ на землю: голову положилъ на пень, глаза навелъ на меня. Онъ лежитъ, да и я стою, не шевелюсь, думаю: шевельнись я—и онъ вскочить. Легонечко, приежомъ надо быть въ 20, такъ и этакъ крадучись отъ звѣря, успѣлъ я зарядить ружье; наступила ночь и темно стало. Зарядилъ я ружье. Востокъ покраснѣлъ, а тамъ и разсвѣло, и медвѣжки глаза не такъ стали страшны. Успѣлъ я поставить ружье на сошку и не снимался съ мѣста, чтобы не огорчить его, тихимъ манеромъ, ему не въ прилѣту, сталъ наклоняться къ приладу, а глазъ я съ него не свожу. Такъ вотъ поѣдомъ и ѣдимъ другъ дружку буркалами-то своими. Обманулъ я его, выстрѣлилъ; онъ словно угорѣлый, метнулся на меня, хватился о дерево такъ, что то застонало даже. Растянулся. Я опять зарядилъ всѣмъ зарядомъ, что было его у меня: смекаю то, что опять, хитрый человекъ, обманывать меня выдумалъ, мертвымъ прикинулся. Я рѣзнулъ по немъ полнымъ зарядомъ въ другой разъ, да онъ ужъ и не сказывался. А я дальше пошелъ....

жательство, передержательство. Сибирскій хозяинъ изъ крестьянъ и казаковъ всегда затрудненъ и всегда сильно нуждается въ работникѣ, которыхъ особенно мало въ Забайкальѣ, обездоленномъ тремя тягами: привлеченіемъ большого числа рабочихъ на Амуръ на казенныя работы, наймами ихъ на частныя (витимскіе и чикойскіе) золотыя промыслы, а въ то же время и въ извозъ подъ чай, ходившіе въ огромномъ количествѣ изъ Кяхты. Между тѣмъ, бѣглый, съ самыхъ давнихъ временъ, очень дешевый рабочій: за одни харчи, изъ-за одного хлѣба, онъ готовъ работать все лѣто и на страдѣ въ лугахъ, и на пожняхъ въ поляхъ. Входя въ экономическія сдѣлки, становясь въ условія круговаго обязательства, оба (и наемщикъ и батракъ) остаются въ одинаковой отвѣтственности и передъ судомъ и закономъ, и передъ личною собственностью. Обычай этотъ такъ простъ и долговѣченъ, что держатся его съ самаго начала заселенія Сибири ссыльными и не только обитатели ближнихъ къ ваторгамъ мѣстъ, но и дальние жители Западной Сибири, Урала и проч. Случаи мести, затѣваемой бродягами по временамъ, и вынуждаемой отказомъ въ гостепріимствѣ, въ видѣ подпуска краснаго пѣтуха (т. е. пожара), держатъ этотъ обычай на сторожѣ и во всегдашней готовности облекаться въ фактъ. И факты эти до такой степени общи и часты, что ими преисполнены рассказы самихъ бѣглыхъ и всѣ оффиціальныя бумаги архивовъ. Отработывая у наемщиковъ урочное время, бродяги идутъ себѣ дальше пытаться счастья, искать новыхъ приключеній, и большинство изъ нихъ съ голодухи скорѣе ограбятъ какой-нибудь казенный транспортъ (почту, напр.), чѣмъ вскинутся на чемоданъ проѣзжаго. Сибирскія дороги отличаются безопасностью въ сравненіи со всѣми русскими дорогами, хотя могли бы и имѣть право отличаться противоположнымъ свойствомъ. Отбиваются бродяги и совершаютъ убійства только въ такомъ крайнемъ случаѣ, когда встрѣчаютъ вооруженное нападеніе, озлобленность и жестокость со стороны нападающихъ. Предательство вызываетъ месть, и месть эта является тѣмъ жестоке и немилостивѣе, чѣмъ преступнѣе и испорченнѣе сердца бродягъ. Случаи такого рода, повторяемъ, рѣдки. Голодъ тутъ играетъ немаловажную роль, и бродяга собственно въ сибирскихъ странахъ — мирный путникъ, не рѣшающійся никого обидѣть, изъ боязни самому быть обиженнымъ.

У нѣкоторыхъ страсть къ бродяжничеству принимаетъ форму какаго-то особаго рода помѣшательства, со всѣми признаками настоящей серьезной болѣзни, которая требуетъ радикальныхъ средствъ, мучить и преслѣдуетъ больного, какъ какаа-нибудь пе-

ремежающаяся лихорадка, имѣя форму болѣзни періодической. Въ Петровскомъ заводѣ имѣлся одинъ изъ такихъ, извѣстныхъ всѣмъ содержавшимся тамъ государственнымъ преступникамъ и памятный многимъ до сихъ еще поръ. Привычка шататься развила въ немъ въ такую болѣзнь, что съ каждой весной онъ начиналъ непремѣнно испытывать ея тяжелые, упорные припадки. Онъ начиналъ всѣхъ бояться, дѣлался задумчивымъ, молчаливымъ, равнодушнымъ ко всему, его окружающему; старался уходить куда-нибудь въ уголь, прятался въ укромныя и темныя мѣста. На работахъ онъ испытывалъ тоску, которая доводила его до истерическихъ слезъ. Слезы эти и тоска разрѣшались обыкновенно тѣмъ, что онъ улучалъ-таки время — и убѣгалъ. Больной пропадалъ обыкновенно все лѣто; къ осени появлялся въ заводѣ оборваннымъ, исхудалымъ, но веселымъ. Лицо его было исцарапано, руки и ноги въ синякахъ и въ занозахъ: зналъ, что больной гулялъ не просто, не жилъ въ наймахъ по займамъ (иначе принесъ бы мозоли), но, совершая свои экскурсіи, прятался отъ людскаго глаза въ лѣсныхъ чащахъ. Въ послѣднемъ онъ даже подсмотрѣнъ былъ товарищами, вѣрившими, что все его удовольствіе, самое главное наслажденіе состояло въ томъ, чтобы во все лѣто не видать никого, и вся забота хлопотливо направлена была къ тому, чтобы хоронить свои слѣды отъ всякаго. Отшельникъ этотъ на все лѣтнее время отвыкалъ отъ хлѣба и легко примирялся съ дикою пищею, употреблялъ ягоды (бруснику, малину и боярку) и разные корни и травы (черемшу, сарану, мангиръ и бѣлый корень, называемый еозимъ звѣробоемъ). Приходя отъ травъ въ крайнее безсиліе, онъ изрѣдка приближался къ селеніямъ или на страды и воровалъ хлѣбъ, очень рѣдко выпрашивалъ его и довольствовался имъ только какъ лакомствомъ. Возвращаясь съ прогулокъ въ заводъ по доброй волѣ, принуждаемый лишь наступающими крѣпкими осенними холодами, противъ которыхъ не могла устоявать его оборванная, измызганная одежда — отшельникъ все-таки по положенію получалъ наказаніе розгами. Наказаніе это онъ не вмѣнялъ ни во что, и для болѣзни своей не считалъ его ни за хирургическое, ни за терапевтическое средства. Затѣмъ онъ всю осень и зиму весело жилъ на работахъ, работалъ за двоихъ послушливо и безпрекословно, такъ что всѣхъ приводилъ въ удивленіе, но трудился такимъ образомъ только до весны, до кубушки. Но лишь только снова начинала она свою завѣтную, немудреную пѣсню, арестантъ начиналъ испытывать прежніе припадки, столько же мучительные и невыносимые. Шесть лѣтъ ходилъ онъ такимъ образомъ въ лѣсъ и приучилъ тюремное на-

чальство смотрѣть на его дѣла сквозь пальцы, снисходительно. На седьмую весну пришелъ отшельникъ къ смотрителю, упалъ ему въ ноги, — и просить:

— Ваше благородье! Кукушка кукуетъ — уйду. Слышать не могу, соблазняетъ: уйду. Либо прикажите связать, либо на цѣпь къ стѣнкѣ приковать и лису наложить, либо сдѣлайте что хотите. Не въ терпѣжь мнѣ это дѣло стало, я что-нибудь самъ надъ собой сдѣлаю.

Сердобольный смотритель послушался: посадилъ его на цѣпь, предварительно, уже для личнаго удовольствія, задавши ему впередъ все то количество розогъ, которое ежегодно слѣдовало ему осенью, по возвращеніи изъ отшельничества созерцательной жизни.

Просидѣлъ арестантъ время отшельничества на цѣпи: осень и зиму прожилъ на свободѣ и не бѣгалъ, а также вмѣстѣ со всѣми работаль. На слѣдующую весну онъ опять пришелъ къ смотрителю съ той же мольбой, а на третій годъ уже не являлся къ нему и въ лѣсъ не бѣгалъ.

Но вотъ примѣръ особаго вида:

Въ 1808 году, въ Удинской округѣ присланъ былъ на поселеніе, за бродяжество, изъ Екатеринбурга старообрядецъ Гурій Васильевъ. Весной 1815 года онъ, съ двумя товарищами старообрядцами, бѣжалъ на Амуръ съ намѣреніемъ основать скитъ, и для этого поселился близъ Албазина въ пещерѣ около устья р. Урсы. Зимой съ 1815 на 1816 годъ они провели здѣсь, но весной ихъ схватили манчжуры и привели къ начальству въ Айгунъ. Здѣсь манчжуры предлагали имъ обрить бороды и принять подданство, какъ-де сдѣлали это многіе изъ бѣглыхъ русскихъ проживающихъ въ Китаѣ ¹⁾. Старовѣры не согласились. Манчжуры, во исполненіе трактата, черезъ Цицикаръ и Хайларъ представили ихъ на нашу границу въ Цурутухайтъ. Отсюда пригнали ихъ

¹⁾ Бродяжьи пути не имѣютъ конца, дороги ихъ не пересекаютъ никакія препятствія: кяхтинскій мѣщанинъ Карпъ Патюковъ, наказанный кнутомъ и сосланный, пришелъ на родину изъ Охотскаго порта, не смотря на то, что путь его лежалъ уже по настоящимъ строгимъ пустынямъ. Путь на Амуръ въ бродяжьей практикѣ издавна былъ дѣломъ обычнымъ, и Гурій Васильевъ съ товарищами — не первый и не послѣдній странникъ на востокъ, совсѣмъ въ противоположную сторону отъ обычной русской дороги бродягъ. Якобію, собиравшему свѣдѣнія объ Амурѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, бѣгле могли дать самыя точныя свѣдѣнія: «Шли на Амуръ отъ Горбицы 15 лѣтнихъ ночей, а днемъ лежали въ закрытыхъ мѣстахъ. Пойманы китайцами въ виду отъ устья, по поимкѣ ведены были многими селеніями до городовъ Цицигара и Мергени, лежащихъ въ сторону отъ Амура; а отъ онаго поворотятся къ востоку между полуденнымъ кочевьемъ мунгалъ до Калара ровными и гладкими мѣстами; изъ Калара же выданы на Цурухайтъ. Въ дорогѣ были 10 дней, по ночамъ стояли, и проч.

на старое мѣсто жительства въ Удинской округѣ. Гурій Васильевъ не выдержалъ и, по привычкѣ къ уединенной жизни, въ 1818 году бѣжалъ снова на Амуръ и, пойманный лѣтомъ слѣдующаго года, тѣми же путями и средствами выданъ былъ тамъ же. Его на этотъ разъ наказали плетми и назначили на каторжныя работы въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ. Въ 1822 году, Гурій Васильевъ снова получилъ возможность бѣжать и пробрался опять на Амуръ и снова въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Здѣсь, питаясь кореньями, дичью и рыбою, жилъ до слѣдующей весны (1823 г.), но, боясь старой исторіи, на маленькой лодкѣ изъ береста, рѣшился спуститься внизъ по Амуру. Не проплылъ онъ и ста верстъ по теченію, какъ снова былъ схваченъ манчжурами и увезенъ въ Айгунь. На этотъ разъ манчжурскія власти въ Россію его не отправили, но, отдавши подъ присмотръ, отпустили жить въ городѣ на волѣ, вмѣнивъ ему въ обязанность обученіе манчжурскихъ мальчиковъ русскому языку. За это кормили его и одѣвали и вообще содержали въ довольствѣ. Въ 1826 году онъ, по распоряженію айгунскихъ властей, отправленъ былъ, вмѣстѣ съ другими, внизъ по теченію Амура на рыбную ловлю. Жестокое обращеніе съ нимъ приставниковъ заставило его бѣжать на маленькой лодкѣ (вѣткѣ) внизъ по Амуру. «Пройдя слияніе рѣки Сунгара съ Амуромъ (показывалъ Гурій), я былъ внѣ всякой опасности, ибо народъ янты (гольды), обитающій по Амуру, уже не зависитъ отъ манчжуръ и китайцевъ. Продолжая путь свой далѣе по Амуру, съ помощію туземцевъ, къ осени достигъ земли гиляковъ, гдѣ становился на зимовку». Отъ гиляковъ Гурій узналъ, что къ сѣверу отъ Амура живутъ тунгусы, а потому, весною 1827 года, вышелъ онъ изъ рѣки, на гиляцкой лодкѣ, въ Охотское море. Слѣдуя вдоль берега и, недоходя 30 верстъ до устья рѣки Тугура, остановился у тунгусовъ на зимовку и вмѣстѣ съ ними, къ веснѣ 1828 года, прибылъ въ Удской острогъ ¹⁾.

Таковы мирные пути и короткія дороги бродягъ; такова кроткая сторона ихъ замысловъ, направленныхъ къ освобожденію себя отъ работъ ради отдыха и въ виду мало-выясненныхъ цѣлей ²⁾. Но не такова другая, къ которой мы, въ свою очередь,

¹⁾ На этихъ показаніяхъ Гурія Васильева генераль-губернаторъ Восточной Сибири, Лавинскій—какъ извѣстно—основывалъ свои виды на пріобрѣтеніе рѣки Амура еще въ 1832 году, т. е. за 20 лѣтъ до гр. Муравьева. На проектъ и представленіе его разрѣшенія изъ Петербурга не послѣдовало. Министръ финансовъ, въ 1833 году, отвѣчалъ: «Мнѣ кажется, что всякое предпріятіе плавать по р. Амуру безполезно, и въ отношеніи подозрительности китайцевъ опасно, поелику мы не имѣемъ ни силы, ни намѣренія обладать тѣмъ краемъ, а безъ обладанія имъ нельзя думать о судоходствѣ и о торговлѣ, а потому безъ этого и не слѣдуетъ что-либо затѣвать».

²⁾ Нѣкоторымъ охотникамъ пошататься на волѣ безъ дальнихъ цѣлей удавалось

должны подойти, памятуя, что въ бродягахъ для насъ ясно видится особой видъ, первая и главная категорія бывалыхъ, тѣхъ, которыхъ прозвалъ сибирскій народъ варнаками, чалдонами. За такими бродягами существуютъ поиски, имѣлись когда-то особыя команды; противъ нихъ сильно озлобленъ народъ, живущій на Харинской степи и около, извѣстный у сибиряковъ подъ именемъ братскихъ, а вообще — подъ названіемъ бурятъ. Народъ этотъ еще не перешолъ отъ степной жизни къ мирнымъ, осѣдлымъ занятіямъ, еще не выработалъ въ себѣ кроткихъ нравовъ землепашца.

Во имя этихъ и другихъ причинъ подробности побѣговъ съ каторги принимаютъ иной характеръ, въ которомъ нѣтъ уже свѣтлыхъ сторонъ и краски картины становятся рѣзче и ярче. Роли измѣняются: съ одной стороны видимъ ожесточенныхъ преслѣдователей, съ другой — кровавыхъ мстителей за обиду и преслѣдованія. Бурятъ становится олицетворенною карою, какъ бы орудіемъ невѣдомаго ему карающаго закона, бродяга становится *варнакомъ, чалдономъ*.

Почти сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ буряты перешли изъ монгольскихъ степей на русскую сторону и перемѣнили только названіе (изъ бурятъ въ братскихъ), но въ сущности остались тѣми же, какими были. Дикая жизнь въ степи сумѣла задержать въ нихъ въ первобытномъ нетронutomъ видѣ все то, чѣмъ пахнула на ихъ отцовъ дичь Гоби или Шамо. Харинская и другія степи не выгнали этого вонъ, а еще можетъ быть и подбавили имъ звѣринаго духа. Во всякомъ случаѣ это вѣрно по отношенію къ предмету, насъ занимающему: бродяги шатались, воровствомъ и грабежами своими бурятъ раздражаютъ; къ тому же побѣги бродягъ обязали бурятъ новымъ родомъ службы, требующей и труда и отвѣта.

Съ мѣстъ своей родины буряты принесли, между многими характерными племенными чертами, два зоркихъ маленькхъ глаза, которые хотя не глубоко помѣстились подъ узенькимъ бритымъ лбомъ и спрятались въ одутлово-толстыхъ и скуластыхъ щекахъ, но видятъ такъ далеко и хорошо, что ни одинъ зарядъ изъ винтовки не бьетъ мимо и не пропадаетъ даромъ. На винтовкѣ теперь, какъ на лукахъ нѣкогда (и не такъ еще давно) у

сходить въ бѣга (судя по официальнымъ бумагамъ) разъ по восьми, другимъ ставили по одиннадцатю разами, а за нѣкоторыми, но въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ заводское начальство считало (самое впрочемъ большое) восемнадцать прогулокъ. Служители больше шести разъ не бѣгали и больше двухъ мѣсяцевъ въ бѣгахъ не отдыхали.

бурята все мастерство и досужество; на выстрѣлахъ изъ нея вся надежда насущнаго пропитанія; а степнякъ голъ да и привыкъ брать добычу тамъ, гдѣ она подвертывается, не разбирая средствъ и не загадывая о послѣдствіяхъ. Для замысловатыхъ измышленій и мудреныхъ отвлеченій въ кочевьяхъ плохая наука, да и степь — не городское поприще. Чтобы жить — надо ѣсть, чтобы кормить себя и своихъ — надо промыслить, и если нѣтъ ничего въ запасѣ, какъ и бываетъ у бурятъ нѣкоторыхъ родовъ, кромѣ зоркаго глаза, то винтовка и пуля — самые лучшіе и важные друзья и пособники. Чтобы ѣсть и кормить — надо бить козулю и птицу, чтобы одѣться въ пестрый халатъ и прикрыть бритую голову китайскою шанкой съ красной кистью — надо стрѣлять соболей, бѣлокъ и лисицъ, а если доведется случай, глазъ на глазъ, въ глухомъ мѣстѣ, безъ свидѣтелей русскихъ, встрѣтить бѣглаго, то можно и его подстрѣлить. «Худенькой бѣглою лучше доброй козы» — давно уже выговорилъ братскій человѣкъ, и эта поговорка его отшибаетъ въ переводѣ такимъ дико-практическимъ смысломъ: «съ козули снимешь одну шкуру, а съ бѣглаго двѣ или три» (т. е. полушубокъ, армякъ и рубаху).

Все это въ Сибири и въ Забайкальѣ давно извѣстно, а самимъ бродягамъ еще и съ подробностями. Густыя бурятскія кочевья бродяги стараются обходить, и за Байкаломъ потому и стараются завестись провизіей, что общая варнацкая дорога идетъ сначала по необитаемымъ мѣстамъ. Такими-то мѣстами карійскихъ промысловъ идетъ она гораздо сѣвернѣе почтоваго тракта прямо на село Торгинское (Торгу) и отъ него хребтами на Читу. Изъ окрестностей Читы бѣглые идутъ на Витимъ и Баргузинъ, но чаще на югъ въ окрестности Петровскаго завода. Окрестности Петровскаго завода и даже самый заводъ считался у бродягъ любимымъ мѣстомъ отдохновенія. Архивныя дѣла завода даютъ много доказательствъ тому, что въ кабакахъ и притонахъ его попадались бѣглые съ нерчинскихъ заводовъ и изъ тюремъ карійскихъ. Въ окрестностяхъ его бѣглецы находили друзей въ бурятскихъ ламахъ, въ семейскихъ раскольникахъ; около селеній послѣднихъ извѣстенъ былъ даже, на Мукуртѣ, кедровникъ (кедровый лѣсъ) — любимый притонъ всѣхъ бѣглыхъ изъ Петровскаго и другихъ нерчинскихъ заводовъ. Этотъ Мукуртъ въ показаніяхъ ссыльныхъ играетъ частую роль.

Рѣка Хилокъ выводитъ бѣглыхъ къ устью своему, т. е. на рѣку Чикой, которая въ свою очередь направляетъ глухую бродяжью дорогу на собственное устье или такъ называемую стрѣлку, т. е. на рѣку Селенгу¹⁾. Дѣлая такой крюкъ, ради бурятъ и

¹⁾ Бѣглые каторжные изъ Кутумарскаго завода обыкновенно ходятъ привычнымъ

собственной безопасности, бродяги попадаютъ такимъ образомъ къ тому же Байкалу и направляются на Тунку, чтобы обойти его. Иногда они рискуютъ переплыть на краденыхъ, забытыхъ рыбаками лодкахъ чрезъ Байкаль и входятъ въ истоки Ангары. Къ Иркутску они подтягиваются довольно близко и дальше за нимъ, по тайговымъ лѣсамъ Иркутской губерніи придерживаются вблизи почтового тракта. На немъ мы ихъ пока и оставимъ.

Опытный бывалець еще раньше освобождаетъ свои ноги отъ «ножныхъ браслетъ», предварительно разбивая кандалы камнемъ или желѣзнымъ заводскимъ ломомъ, а чтобы скрыть отъ надзирателей разбитыя мѣста, заливаютъ ихъ на время свинцомъ. Особенно наичаще поступаютъ такъ варнаки на Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, гдѣ все нужное подъ руками (и огонь и заливка). Кандалы бросаются въ первомъ же лѣсу подъ кустомъ и въ первомъ спопутномъ селеніи бродяга является уже правымъ и чистымъ. Опытный приходитъ по большей части къ знакомымъ крестьянамъ, съ которыми раньше уже успѣлъ свести дружбу, или идетъ по рекомендаціи и указанію болѣе опытнаго бывальца. До Харинской степи онъ почти безопасенъ и не боится за себя, если «маршрутъ» его полонъ, т. е. въ буракѣ (или, по сибирски, туезѣ) имѣется провизія, заготовляемая его личною предусмотрительностью. На крайній случай и лѣсъ предлагаетъ свои благодати: кромѣ пастей съ козулями и силковъ съ птицами, каковыя могутъ быть только случайнымъ приобрѣтеніемъ, лѣсная растительность все лѣто къ ихъ бродяжнымъ услугамъ. Въ низкихъ мѣстахъ умѣлый глазъ всегда различитъ въ другой травѣ малиноваго цвѣта перо, длиною около полуаршина, съ половины расширяющееся въ зеленый полосатый листъ, шириною въ вершокъ: это—достолавная по всей Азіи черемша (дикій чеснокъ — *allium ursinum*). Сибиряки ее солятъ и квасятъ и въ избыткѣ заготовляютъ въ прокъ, какъ лекарство, излечивающее цыngu и предохраняющее отъ дальнѣйшаго зараженія; бродяги ѣдятъ ее въ сыромъ видѣ съ тѣмъ же очень пріятнымъ ощущеніемъ въ собственномъ вкусѣ, но съ отвратительнымъ впечатлѣніемъ на обоняніе тѣхъ, кто не вкусилъ ея.

путемъ на р. Унду и бредутъ по Онону на тотъ же Чикой, гдѣ отдыхаютъ или направляются дальше на Семейскихъ, въ Тарабагатайскую волость, сказывался у раскольниковъ то поселенцами, то пропитанными. Вообще у бѣглыхъ всегда имѣется одно безопасное мѣсто—притонъ для отдыха; таковымъ, кромѣ Мукурта съ кедровникомъ, считалась нѣкогда рѣка Хилокъ. При этомъ рассказываютъ, что когда разъ бѣжало съ завода двое и для поимки ихъ отправили туда буряты, — буряты забрали тамъ 15 человекъ разныхъ варнаковъ и, приведя ихъ связанными, говорили: «вотъ бачька, начальникъ, пятнадцать голова за два голова».

Кромѣ черемши сибирскіе лѣса предлагаютъ бродягамъ и другія съѣдобныя благодати, для отысканія которыхъ выучиваются приѣмамъ еще въ тюрьмахъ, гдѣ таковыя свѣдѣнія сообщаются охотливо и даромъ, и каторжные нужны имъ ботаническія свѣдѣнія приобрѣли долгимъ путемъ опыта и постлѣ многихъ злоключеній ¹⁾). Общеупотребительная и любимая пища бродягъ въ лѣсахъ такъ называемая мунгала (монг. слово), т. е. монгольская жимолость (*lonicera mongolica*), растущая обыкновенно кустарникомъ при рѣчкахъ, въ падахъ (долинахъ) и по берегамъ, съ черными длинными ягодами, у которыхъ мясистый бѣлокъ и стѣнка плодика скорлуповатая, листья имѣютъ непріятный запахъ, кора обладаетъ вяжущимъ свойствомъ. Изъ ягодъ оказываютъ услугу чаще другихъ брусника и боярка-ягода (*crataegus oxycantha*) ²⁾). Изъ сладкихъ кореньевъ ищутъ мангирь—родъ дикаго чеснока, (*allium*) и бѣлый корень, называемый также козымъ звѣробоемъ (*hyregicum?*), растущій на холмахъ и сухихъ мѣстахъ, а въ особенности и по преимуществу ищутъ бѣглые въ степяхъ растенія крупныхъ формъ курчавой пурпуроваго цвѣта сараны, предполагающаго всегда сладкую луковицу мучнистаго свойства, очень пріятную на вкусъ и весьма питательную. Эта сарана или собственно луковица дикихъ лилій (*lilium Martagon*) составляетъ предметъ постоянныхъ исканій и заботливости полевой мыши-эконома — очень маленькаго животнаго, роющаго подъ лугами ходы съ большими камерами. Мышь-экономъ (*avricola sescopomus*), разбиваясь на зиму парами, вдвоемъ успѣваютъ нарыть изъ твердой земли такое количество клубней сараны, что нерѣдко въ трехъ камерахъ гнѣзда находятъ юкагирскія, якутскія и братскія женщины фунтовъ 24 — 30. Составляя пріятную приправу въ ужину инородцевъ, поспѣваютъ эти клубни на обѣдъ, и на завтракъ и въ варнакамъ, находящимся въ бѣгахъ съ запасомъ знаній ловко отыскивать подземныя постройки запасливой мыши, чтобы воспользоваться запасомъ, собраннымъ ею трудами ³⁾). Этотъ корень

¹⁾ Былъ такой случай: одинъ сильный, работавшій въ лѣсу, накопалъ кореньевъ и принесъ въ тюрьму Большаго Нерчинскаго завода полакомиться, подспорить лѣснымъ лакомъ тюремное варено. Товарищи стали ѣсть, невѣдомый корень оказался пріямъ, возбуждалъ сомнѣніе: задумались. Одинъ надомыль:

— Не ѣйте, братцы, не тотъ ли это корень, отъ котораго уже и на Благодатскомъ рудникѣ были худыя послѣдствія.

Бросили, въ видахъ предостереженія прибѣгли къ обычному тюремному рвотному: стали пить воду съ табакомъ. Товарищи, вновь пришедшіе съ работы и не слыхавшіе предостережанія наѣлись—и двое изъ нихъ умерли.

²⁾ Боярка — кустовое ягодное дерево, горный кустарникъ изъ рода терновыхъ. Еще *Арца* (*Juniperus Sabinea*), казачья можжука, казачій можжевелникъ.

³⁾ У этого сорта сараны желтоватая луковица. Инородцы ее сушатъ, истираютъ

совершенно безопасенъ, и если въ услугамъ бѣглыхъ предлагаетъ лѣсъ и корни *Carlinæ asaulis* и кедровые орѣхи, то зато соблазняетъ и персиками (собственно дикимъ миндалемъ (*amug-dalus roma*) и полевымъ макомъ (*paraver rhœas*), издѣшнее употребленіе которыхъ производитъ: либо головную боль съ рвотою, либо тошноту съ поносомъ. Изъ ягодъ голубица слегка пьянитъ, а моховка при неумѣренности влечетъ тѣ же послѣдствія тошноты, поноса и рвоты, но бѣгле всетаки тянутся къ селеніямъ за привычнымъ хлѣбомъ, каковой и находятъ по завѣтному сибирскому обычаю, извѣстному цѣлой Россіи — на подоконникахъ избъ выложеннымъ на ночь съ молитвою опасливой и запасливой хозяйки.

Зная все это, а также и то главнымъ образомъ, что у братскихъ ждетъ: либо пуля, либо петля, опытные бродяги идутъ осторожно, по ночамъ только; днемъ спать они въ опасныхъ мѣстахъ и тратятъ его только по лѣснымъ труппамъ. Приготовляясь къ путешествію по послѣднимъ, опытные обыкновенно и непремѣнно постараются стащить топоръ: онъ едва ли не первый другъ и покровитель. Топоръ поможетъ и огонь развести; топоромъ можно положить и зарубку на деревьяхъ, по которымъ задніе, какъ по пробитой тропѣ и по вѣхамъ пройдутъ впередъ и не заблудятся. Грамотные остряки вырѣзываютъ даже имена, годъ, мѣсяцъ и число прохода своего. Бывалый бродяга не обтесавши дерева извѣстнымъ способомъ и не пройдетъ ни за что, а по затесамъ и зарубкамъ этимъ только и можно ходить и выходить изъ труппъ сибирскихъ громадныхъ лѣсовъ. Въ степи бродягамъ ночью звѣзда стожаръ свѣтитъ и путь указываетъ, а вечерняя заря съ утренней ни на востокъ не направитъ, ни въ китайскую сторону не собьетъ: на востокѣ можно съ голоду умереть отъ безлюдья (да и такой путь никуда не выводитъ), на югѣ витайцы привыкли возвращать ссыльныхъ обратно, передавать ихъ въ руки начальства. Оттого-то опытные бродяги никогда со своей варнацкой дороги не сбиваются, оттого-то, по своимъ путямъ, бывалые изъ нихъ съ Кары въ Читу попадаютъ пѣшкомъ въ семь дней, тогда какъ и почта по всей дорогѣ раньше четырехъ сутокъ рѣдко когда поспѣваетъ. Только въ случаѣ

въ мучной порошокъ и либо пекутъ въ золѣ въ видѣ лепешекъ, либо варятъ съ просомъ; сибирскіе же старожилы изъ русскихъ людей готовятъ сарану въ формѣ киселей, каши и соуса. Есть еще два вида сараны: одинъ *Lilaviasum* съ бѣлой луковицей $\frac{3}{4}$ вершка длины, и $\frac{1}{2}$ вершка въ діаметръ, сладкаго, мучнистаго вкуса, растетъ на сухихъ полянахъ. Второй родъ *lil. tenuifolium* съ луковицей помельче первой, растетъ на скалахъ и у подошвы горъ. Обѣ съдобны, но *Heremercallis flava* — волчья сарана — ядовитая.

крайняго голода и недостатка провизіи бывалый бродяга рѣшится въ Забайкальѣ зайти въ незнакомое селеніе; жилия мѣста онъ обходить, какъ волкъ, но пуще всего боится и съ особенною осторожностью крадется около братской степи, боясь встрѣчи съ бурятами.

Между бурятами ведутся такіе молодцы, которые иногда цѣлью жизни своей поставляютъ охоту за горбачами (а горбачъ—тотъ же бродяга съ неизмѣнною котомкою на спиѣ). Эти звѣри изъ монгольскаго племени отыскиваютъ жертву по огоньку, по костру, который разводять бродяги по сибирской привычкѣ, чаще для того, чтобы обогрѣться или сварить себѣ грибовъ, кашу или обогрѣть и дать отойти деревенѣющимъ отъ ходьбы членамъ.

Засвѣтился этотъ огонекъ въ сторонѣ, далеко отъ жилого мѣста, въ дикомъ лѣсу, и идетъ по этому мѣсту варнацкая дорога,—буряты налетаютъ,—выстрѣломъ кладетъ одного; на всемъ лошадиномъ скаку заряжаетъ свою винтовку во второй разъ — кладетъ другого и затѣмъ третьяго, если этотъ не успѣлъ бѣжать. Лопатина (носильное платье бродяги)—награда буряту за выстрѣлы, а мертвыя тѣла уберетъ начальство земское (если натолкнется) или съѣдятъ волки (если нанюхаютъ).

Въ то время, когда производилось заселеніе Забайкалья назначенными изъ Россіи переселенцами съ зачетомъ за рекрута (и производилось весьма неудачно), промыселъ на горбачей былъ дѣломъ привычнымъ и недиковиннымъ.

— Гдѣ мушкетеры? — спрашивалъ одинъ проѣзжей бабу, случайно остановившись въ одной избѣ по красноярскому тракту.

— На горбачей пошли—отвѣчала хозяйка тѣмъ тономъ, какъ будто они пошли «губы ломать» (т. е. грибы собирать) и объяснила затѣмъ:

— Вчера ходили, промыслили только одного, да бѣднаго: поживились лопатинкой одной. Въ прошломъ году у одного нашли подъ стелками въ сапогахъ 50 рублей¹⁾.

¹⁾ Иркутскій губернаторъ Рупертъ велѣлъ—говорятъ—загонять 13 человекъ такихъ охотниковъ на смерть, и съ той поры грабежи и разбои систематически веденные, прекратились надолго, но не совсѣмъ. Въ 1805 году, бродяги ночью, за 50 верстъ до Иркутска, напали на одного изъ свиты посольства въ Китай гр. Головкина (на камеръ-динера Гурьева), ограбивъ котораго оставили и его самого и людей его привязанными къ деревьямъ. По донесенію Головкина, сыльные бродили тогда по Сибири тысячами безъ пріюта и средствъ къ существованію. Не такъ давно, въ Ачинскѣ, судился крестьянинъ за 14 убійствъ, произведенныхъ надъ горбачами. По признанію его, онъ изъ всѣхъ 14 только у одного нашолъ 25 рублей; съ остальныхъ поживился только носильнымъ платьемъ. Попался онъ въ убійствѣ родного дяди, убійствѣ обставленномъ ужасными подробностями. Изъ спины убитаго убійца вырѣзывалъ ремни, а внутренности его, какъ веревки, вытаскивалъ и наматывалъ себѣ на руку....

Другой изъ такихъ ловцовъ проходившихъ по волѣ варнаковъ считалъ на своей совѣсти до ста человѣкъ, изъ которыхъ меньшая половина была имъ перевязана и представлена живыми (въ чаяніи получить за то назначенную казенную награду въ 3 руб. сер.); остальная, бѣльшая половина была перебита и ограблена. Сыщикъ, какой-то Грудинкинъ, по представленію начальства (говорить забайкальское преданіе) имѣлъ, за поимку ста бѣглыхъ, золотую медаль на шеѣ.

— И теперь буряты, увидѣвъ на бѣгломя порядочную одежду, совратить его жизнь не задумается — увѣряютъ старожилы.

— На рваную лопать теперь братскіе мало прозираются — добавляют сами ссыльные, но тѣ и другіе, старожилы и ссыльные держатъ въ памяти слѣдующее событіе изъ быта бродягъ, по разсказу одного изъ нихъ.

«Шли мы втроемъ. Версть тридцать отошли отъ завода (Петровскаго). Въ одномъ распадкѣ увидали сыщика изъ карымовъ¹⁾; по лицу признали его: тотъ надо быть самый, про котораго товарищи въ тюрьмѣ сказывали и велѣли бояться. «А увидите-де его, — прячьтесь скорѣй: человѣкъ этотъ сердца не имѣетъ и пощады не вѣдаетъ». Да и сами мы знаемъ повадку буряты, коли встрѣтитъ нашего брата безъ ружей, а самъ сидитъ на конѣ: либо захочетъ живыми взять и голыхъ представить, тогда велитъ перевязать другъ дружку, третьяго спутаеъ самъ; либо велитъ сѣсть на колоду рядомъ, отбѣдетъ въ сторону да пулей изъ винтовки и пронизетъ всѣхъ троихъ разомъ. Въ его это волѣ. Такъ у насъ въ тюрьмахъ всѣ объ этомъ сказываютъ.

«Вспомнили про это про самое, какъ встрѣтились съ нимъ глазъ на глазъ, успѣли только другъ на дружку взглянуть да перемигнуться; всѣ одно разомъ надумали: удирать-де надо, нечего тутъ артель плотить; всякъ самъ по себѣ ищи спасенья. И прыснули мы въ разныя стороны, сколько силы хватило. Бѣжимъ.

«Я бѣгу безъ оглядки, — кажись пуще всѣхъ: золь я былъ бѣгать-то, и на каторгѣ за то большія похвалы получалъ. Вижу я это и чувствую: бѣгу. Слышу: выстрѣлъ щолкнулъ; одного, молъ, товарища порѣшилъ окаянный; да котораго?.. Сдумалъ я это, а самъ все бѣгу и не распозналъ съ горяча-то, что лѣсъ

¹⁾ Карымы — Забайкальскіе креолы, образовавшіеся отъ помѣси русскихъ съ бурятами, монголами и тунгусами. Таковы почти всѣ жители При-аргунскаго края; на р. Чикой нѣкоторые карымы успѣли уже сдѣлаться оседлыми. На р. Аргуни они почти исключительно занимаются контрабандою, отчего во всемъ Забайкальѣ кирпичный чай носить еще придаточное названіе карымскаго.

пошелъ. Опять выстрѣль слышу: послѣдняго, молъ, товарища съѣлъ проклятый бурятъ (даромъ народъ этотъ ни одного выстрѣла не теряетъ: къ тому наповажень). За мной теперь—значить — чередъ состоятъ.

«Глянулъ я въ сторонѣ, а тутъ буря надо быть дерево вырвала съ корнемъ и яма обозначилась. Шмыгнулъ я туда и сталъ прятаться, ноги подбирать, всего себя въ комокъ укладывать, такъ, чтобы и на мѣстѣ меня не знать было. И все мнѣ кажется, что нога на свѣту; я тутъ и духъ притаилъ: молчу и не дышу, и думаю. Разное думаю, а уши держу на самой макушкѣ, и кажись весь животъ-отъ свой въ себя забралъ: чуть не замеръ я тутъ на этомъ дѣлѣ. Опомнюсь: топотъ лошадиный слышу, словно вотъ въ самое-то ухо лошадь ѣдетъ. У меня и свѣтъ помутится и дрожь пробереть; я опять приду въ себя и опять думаю: вотъ-вотъ ухватить онъ меня на арканъ и въ торокъ вскинетъ, а вскинетъ онъ меня—надо быть потому, что ужъ на товарищахъ-де кровяную пасть свою натѣшилъ. Вспомню я все это, опять у меня подопретъ въ груди, опять не переведу духу. Глаза не видать, въ ухахъ зазвенитъ, такъ что тошнить даже стало. Приду въ себя, сгребусь за шею: нѣту веревки. Стану опять прислушиваться, уши надрывать—опять топотъ слышу. Ишь, думаю, разлакомился чортовъ сынъ! — ищетъ! Мало, молъ, тебѣ двухъ-то, и моя лопатина понадобилась. Глянулъ я на себя, смѣхъ подступать сталъ: лопатина-то рваная, заплата заплату ищетъ, дыра на дирѣ. Смѣхъ меня взялъ и что смѣшно стало? — самъ не знаю. Отъ смѣху-то этого что-ли, ка-быть легче стало и страхъ прошолъ. Сталъ озираться: въ какое-молъ такое мѣсто угодилъ: корешки висятъ и яма способная; медвѣдь-молъ тутъ безпремѣнно жилъ всю зиму и лапу сосалъ. Сдумалъ я это, и опять смѣхъ меня пробралъ!... Прислушался опять—замеръ топотъ. Вздохнулъ я тутъ отъ самаго донушка и крестъ на себя положилъ. Теперь молъ я полежу тутъ, пуцай уѣдетъ; раздѣнусь.... Такъ я и сдѣлалъ.

«Дождался я въ ямѣ ночи, переспалъ; проснулся на утрѣ, свѣтло ужъ было; — ѣсть захотѣлъ, такъ я ѣсть захотѣлъ, что въ ямѣ лежать ка-быть стыдно стало: вылѣзъ. Пойду-молъ дальше — что будетъ. Поднялся на хребетъ, а все лѣсомъ иду, первая мнѣ на глаза метнулась березка молоденькая: стоитъ передо мной съ очей на очи. Дай-во попробую на ней свою силу—сколь отощаль? Вздумалъ — рванулъ, съ корнями вырвалъ: обрадовался. Значить во мнѣ еще есть сила и идти могу и подрасться могу, воли доведется мнѣ такой случай.

«Иду я дальше, обламываю на ходу съ березки вѣтки, корни

у ней оборвалъ—стала палка съ комлемъ, здоровая такая. Сталь упирается на эту палку: идти легко и пріятно. Дорога вывела меня на самый хребетъ, на вершину. Озираюсь кругомъ: лѣсъ вижу, деревья рѣденько растутъ, а къ низу все голый камень и березникъ тамъ совсѣмъ изнылъ, такъ все и видно черезъ него. Вижу въ одной пѣди дымокъ закурился, винтомъ такимъ стоять далеко отъ меня. И какъ увидѣлъ я этотъ дымокъ,—словно меня въ спину-то толкнулъ кто; и по ногамъ урѣзалъ. Присѣлъ я на корточкѣ, ползти началъ, за деревьями прятаться, выползъ изъ-за деревьевъ, камни пошли: межъ камнями на брюхо легъ и поползъ ближе къ дымочку, подъ гору. Поглядѣть мнѣ захотѣлось, кто тамъ. Долго ползу, тихо ползу; сталь подползать—различаю: огонь бурятъ развелъ, не варнаки наши. На огнѣ бурятъ пищу себѣ варить: коня на арканѣ привязалъ къ дереву; винтовку прислонилъ къ огню; я припалъ за камень, — думалъ завалиться тутъ и не ползти дальше, ну ихъ — къ чорту! Да глянулъ я изъ-за камня-то, а бурятъ-отъ повернулся на тотъ разъ рожей-то: я такъ и сѣлъ назадъ. Вздогнуло сердце и застучало, въ ушахъ зазвенѣло опять, въ рукахъ и ногахъ дрожь забила: тотъ самый карымъ, котораго надо, и лошадь его! Радость такъ и разлилась по всему по мнѣ и въ восточкахъ мозгъ занялъ: я глаза какъ уперъ въ него, такъ и не сводилъ съ него: онъ самый! Теперь ты въ моихъ рукахъ, только бы вотъ спрятаться-то мнѣ поладнѣе: постой ужю! Знаю я вашу бурятскую повадку: теперь вотъ ты нажрешься падали-то своей—спать ляжешь безпремѣнно и сѣдло себѣ подъ голову подложишь: всѣ вы такovy!

«Вздумалъ я такъ-то, прилегъ за камень, большой такой камень выбралъ: подожду-моль, когда ты спать ляжешь. Пустилъ я на него глазомъ, такъ точно: поѣлъ, свернулся; подъ голову, можетъ, и одежду-то моихъ товарищей подложилъ, мягко ему: зубъ даже у меня на тотъ разъ скрипнулъ. Легъ братской и винтовку положилъ себѣ къ боку: меня-моль вспомнилъ. Помни!...

«Раза три порывался я къ нему, да все на умъ приходило: не крѣпко заснулъ, пробудится. Пусть заберетъ больше, распластаетъ суставы-то всѣ, захрапить. Рванулъ я въ четвертые, и лѣзь на него не долго: тутъ онъ весь передъ мной, какъ на блюдѣ, обозначился. Оторвалъ я винтовку къ себѣ, схватился самъ я на ноги, рѣзнулъ его, что было силы во мнѣ, палкой по головѣ, да за арканъ его. Попробовалъ арканъ — не крѣпокъ что-то показался мнѣ. Снялъ свой кушакъ, закрутилъ назадъ руки, ноги связалъ, подтащилъ его къ дереву, привязалъ поперегъ. Отошолъ отъ него — и люблюсь.

«Братской въ себя прицолъ: заговорилъ. Просить, общаетъ:

— Отпусти, сдѣлай милость! Хлѣбъ возьми, винтовку возьми, лошадь!

— Я-моль и безъ твоего спросу возьму все это.

— Денегъ возьми съ меня!

— И это возьму (думаю), если есть у тебя; а нѣтъ, такъ и денегъ твоихъ не надо.

Онъ говоритъ, а я не слушаю.

— Отпусти, слышь, меня: ловить васъ не стану и зарокъ такой на себя положу.

— Не шути-моль, чортовъ сынъ, — не обманешь. Гдѣ тутъ хлѣбъ у тебя, — показывай, бурятская рожа.

На торова показалъ.

— Крупа гдѣ?

И ее показалъ.

«Сталь я вашицу себѣ варить. Онъ меня молить, а я и слушать его не хочу, радуюсь. Сварилъ я ваши—ѣсть ее сталь, а онъ все воетъ. Поѣлъ, котелокъ выпросталь до-суха; взялъ да еще полой его вытеръ сухо-на-сухо. Наломаль хворосту, огонь подживилъ, затрещало: дымъ такой пошелъ. Даль я этому дыму прочиститься. Пустой котелокъ подвѣсилъ на огонь, сталь его калить. А товарищи съ ума нейдутъ, а братская противная рожа смотреть тутъ.....

«Раскалился мой котелокъ до краснаго цвѣта. Снялъ его съ огня, какъ онъ былъ, красный-раскрасный, да и надѣлъ я его братскому замѣсто шапки, на голову: по самыя плечи приполся».....¹⁾

Такова забайкальская легенда, рассказываемая вездѣ, съ нѣкоторыми мелкими добавленіями. Но вотъ и официальное дѣло, до сихъ поръ памятное всѣмъ старожиламъ и взятое нами цѣликомъ изъ архива Нерчинскаго Большаго завода.

¹⁾ По другому варианту рассказа дѣло было такъ: Бѣлаго поймали трое буряты (онъ хоть и спрятался, но его примѣтили): привязали къ дереву. Сами стали ѣсть и разговаривать по своему. Изъ разговора ихъ бѣглый понялъ, что они хотятъ поживиться его лопатью, а его убить. За тѣмъ поѣли, напился араки (рисовой китайской водки); спать легли. Привязанный слышный, замѣтивъ ножъ, забытый ими—сталь измышлять какъ бы высвободиться, достать ножъ. Ловкими поворотами и напряжениями мышцъ ему удалось опуститься, по дереву ниже, ближе къ корню, къ землѣ и ножу. Здѣсь ему удалось высвободить одну ногу и дотянуться ея до ножа и, послѣ мучительныхъ усилий, придвинуть ножъ къ себѣ, ногою поднять его съ земли и перерѣзать имъ веревки такъ, что освободилась рука одна, а тамъ стало быть и весь онъ всталъ на ноги, освободился. Первымъ дѣломъ его было зарѣзать этимъ ножомъ одного славшаго бурята, за тѣмъ второго. Надѣ третьимъ, рѣшившимъ его смерть, вознамѣрился потѣшиться: въ свою очередь привязалъ его къ дереву и продолжалъ все то, что рассказано выше и съ тѣми же самыми подробностями.

Крестьянинъ Бурцовъ жнетъ въ Козловской пади рожь. Въ десятомъ часу вечера къ нему свачутъ на лошадахъ трое ссыльныхъ изъ Кутомарскаго завода и строго приказываютъ Бурцову варить имъ ѣсть.

— При мнѣ котла не имѣется, отвѣчаетъ Бурцовъ: онъ въ юртѣ¹⁾, гдѣ ночую.

— Вотъ тебѣ конь: скачи!

Бурцовъ сѣлъ и ускакалъ. Не проѣхавъ десятины онъ увидѣлъ сосѣда, боронившаго пашню; подозвалъ его къ себѣ и успѣлъ вымолвить:

— Ко мнѣ пріѣхали три человѣка гостей изъ злодѣевъ. Какъ бы съ ними поправиться?

Сосѣдъ совѣтовалъ:

— Ты поѣзжай назадъ къ нимъ и, какъ можно, мѣшкой: я поѣду, повѣщу нашихъ.

Бурцовъ возвратился «ко онымъ волжирамъ» съ котломъ и началъ варить имъ картофель. Одинъ изъ ссыльныхъ поспѣшилъ спросить его:

— А кто къ тебѣ подходилъ?

— Ко мнѣ подходилъ крестьянинъ Чирковъ и спрашивалъ: «кто къ тебѣ пріѣхали трое на коняхъ?» И я сказалъ такъ, какъ вы приказали: что казенные люди у меня въ гостяхъ—просятъ ѣсть.

Ссылные повѣрили.

«Потомъ Бурцовъ, прося у нихъ позволенія идти молотить, съ тѣми мыслями, когда его гости увидятъ себѣ облаву отъ повѣстителей, не прекратили бы его, Бурцова жизнь.

«Черезъ часъ времени прискакалъ Чирковъ съ тремя крестьянами, которые и кричали бродягамъ:

— Вставайте и раздѣвайтесь до-нага! Ножи бросайте!

«Но отъ такого внезапнаго нападенія оные ссыльные, не оробѣвши, схватились за свое оружіе: за топоръ, косу и за жердь; кинулись стремглавъ на оныхъ, и при первомъ боѣ ссыльный Никифоровъ замахнулся косою на крестьянина Чиркова. Чирковъ, имѣвши въ рукахъ стягъ, отвелъ поразительный замахъ косою онимъ стягомъ и, отъ пересѣченія косы на двое оный стягъ переломился и въ горячности не помнитъ Чирковъ, кто ему проломилъ въ то время голову и чѣмъ — не знаетъ.»

Увидя упавшаго на землю Чиркова, двое крестьянъ ускакали въ деревню. Ссылные Никифоровъ и Коурой бросились на третьяго крестьянина Бурцова: одинъ съ топоромъ, а другой — съ

¹⁾ Собственно не юрта, обыкновенный балаганъ или шалашъ.

восою. Но въ это время пришедшій въ себя Чирковъ схватился съ земли, на которой лежалъ ошеломленнымъ, осколкомъ стяга ударилъ Коураго въ голову такъ сильно, что тотъ сунулся лицомъ въ землю и выронилъ изъ рукъ отнятое у крестьянъ ружье. Ружье это подхватилъ третій крестьянинъ (Обуховъ).

Пользуясь суматохой, третій ссыльный (извѣстный Забайкалью разбойникъ и пѣсенникъ) Горкинъ скрылся, а Никифоровъ успѣлъ вскочить на лошадь въ то время, когда Коурой пришло въ себя, поднялся съ земли, ухватился за полшубокъ сидѣвшаго на лошади товарища и сажень пять тащился за нимъ. Стащивши такимъ способомъ Никифорова съ лошади, Коурой, вмѣстѣ съ нимъ, повалился на-земь. Первымъ опомнился Никифоровъ; вскочилъ на ноги, выронилъ косу и мгновенно выхватилъ ножъ. Тоже, въ свою очередь, сдѣлалъ и крестьянинъ Обуховъ. Лошадь очутилась между ними; и тотъ и другой, стараясь чрезъ нее достать другъ друга ножами, наносили взаимныя раны. Больнѣе другихъ пришлось Никифорову, который въ азартѣ закричалъ Коуруму: «не выдавай: руби топоромъ!» Но въ это время Коурой успѣлъ уже схватиться съ Чирковымъ, который дубиной отбивалъ его удары. Въ это же время Бурцовъ успѣлъ зарядить ружье, выхваченное у Чиркова и нулей, попавшею въ правой бокъ на вылетъ, положилъ на мѣстѣ Никифорова. Коурой, воспользовавшись минутой, «видя неустойку», сѣлъ на лошадь и укакалъ.

Обуховъ остался при мертвомъ, а Чирковъ «паль на коня» и пустился въ погоню за Коурымъ хребтами до такъ называемой горы Убиенной. ¹⁾ Потерявши слѣдъ и истощивши свои и лошади силы, Чирковъ принужденъ былъ вернуться назадъ въ деревню, которая находилась верстахъ въ пяти отъ мѣста побоища. Туда же Обуховъ привезъ убитаго и «положилъ въ яму въ дабинной ветхой рубашкѣ и порткахъ». На полѣ битвы слѣдственная комиссія нашла трофеи и записала въ дѣло такъ: «бѣлая даха, голубокой конь: правое ухо провернуто трубкой, сѣдло — некрашенная деревяга безъ стремянъ, потникъ ветхой, сивая кобыла вдовы Дружихи, уведенная изъ Кутомарскаго завода въ ночное время, съ худымъ сѣдломъ и потникомъ, худой кушакъ съ

¹⁾ Убиенныя горы и хребты въ Сибири не мало. За тѣмъ же Байкаломъ подлѣ Селенгинской одна такая гора названа такъ потому, что у подошвы ея буряты напали на конвой, сопровождавшій посольство Головина, въ 1689 году, ѣхавшаго въ Китай. Произошла сильная стычка, головинскихъ солдатъ буряты крѣпко тѣснили. На подтвержденіе ихъ вышелъ изъ Селенгинска гарнизонъ подъ начальствомъ ссыльнаго малороссійскаго гетмана Многогрѣшнаго который и разбилъ буряты. Съ тѣхъ поръ селенгинскіе братскіе, настоящіе братскіе, мирные сосѣди города.

маленькимъ ножомъ.» Всѣ эти вещи принадлежали ссыльнымъ. У крестьянина Чиркова, при осмотрѣ, оказались три раны.

Если прибавить къ этому еще три-четыре дѣла, сопровождавшихся также убійствами (не менѣе ожесточенными) и также грабежами (не менѣе смѣлыми), то на этомъ и завершатся всѣ рѣзкія злодѣйства бродягъ въ Забайкальскомъ краѣ ¹⁾.

Здѣсь, большею частію, дѣянія ихъ оканчиваются мелкимъ воровствомъ, на которое идутъ они, по силѣ обстоятельствъ, вынуждаемые голодомъ первопутья и предусмотрительностію для успѣха и облегченія дальнѣйшихъ странствій ²⁾. Вотъ почему архивныя дѣла съ примѣчательною подробностію повѣствуютъ о похищеніяхъ бѣглыми лошадей. Похищеніе крестьянскихъ лошадей — самое обыкновенное и частое преступленіе бродягъ, идущихъ мелкими партіями, свидѣтельствующихъ этимъ о томъ, что они не на шутку собрались въ дальнюю дорогу, а вовсе не для легкой потѣхи пошалить-повататься и развлечь скуку одиночнаго и тоскливаго сидѣнья въ заперти ³⁾. Хорошо обдумавшая свой побѣгъ и бывшая партія съ того и начинается, что подстережетъ какого-нибудь ротозѣя или просто одинокаго человѣка и не дастъ ему спуска. То и дѣло заводскіе слѣдователи записываютъ такія показанія:

«Находились мы при шурфовкѣ въ Абатувескомъ рудникѣ, въ зимовѣ: бѣжали отсюда. Пошли лѣсами къ Алгачинскому руднику (ночью скрывались въ чащахъ). Недоходя рудника, увидѣли въ колѣхъ человѣка, собирающаго таловое лыко для приготовления въ казну ужищовъ: отняли у него ружье съ порохомъ и пулями. Зашли въ падь, называемую Талмякъ; тутъ, при сжиганіи угля, находился отставной служитель; подождали мы, —

¹⁾ Между прочими ссыльно-каторжный Егоръ Григорьевъ разбойничалъ съ шайкою изъ 7-ми человѣкъ, братскихъ клали на огонь и жгли, допытываясь денегъ. Въ дѣлѣ его были сильно замѣшаны семейскіе раскольники.

²⁾ Впрочемъ на этотъ случай въ тюрьмахъ сложилась и выговорилась такая притча: — Чтожь, батька (спрашиваетъ сынъ у отца), ты меня посылаешь на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковницу нашелъ.

— Дуракъ, луковница! — ань копѣйка. Сто душъ, сто луковницъ: воть-те и рубль!...

Кстати: въ Сибири бродяжество до того за обычай, что даже въ сказкахъ (разумѣется, заимствованныхъ изъ Россіи) похождения героевъ сказочныхъ переведены на бродягъ и въ этомъ отношеніи сибирскія сказки являются съ значительными вариантами.

³⁾ На другихъ заводахъ, напр. Александровскомъ виднокурномъ (Иркут. губ.) ссыльный затѣмъ воруетъ лошадь, чтобы привести ее въ заводъ и записаться въ рабочіе конные, которые, какъ извѣстно, получаютъ противъ пѣшаго большее содержаніе. Начальство, зная это, наказывало конокрада домашнимъ образомъ розгами и молчалю. На слѣдующія продѣлки смотрѣло сивою пальцы, но нуждѣ.

прѣхалъ товарищъ на лошади: мы лошадь украли. Когда оба заснули: украли мы хлѣба 4 ковриги, картузь, шинель, кушакъ и юфтевые чарки (родъ сапоговъ). Пошли на пашню: выпрягли двухъ лошадей изъ сохъ; въ одной пади Янки отняли у крестьянина сѣдло. Въ лѣсу встрѣтились съ 4 человекѣми, бѣжавшими изъ кутомарскаго завода. Отъ него пошли въ Донинской хребетъ и у деревни того же имени остановились; я, съ другимъ товарищемъ, отправленъ былъ въ деревню для воровства коровы, но, увидѣвъ ѣдущихъ съ рудою конвойщиковъ, мы ударились въ другую сторону хребта, гдѣ у встрѣтившагося крестьянина выпросили хлѣба. Онъ намъ далъ хлѣба, и его мы не трогали», и проч.

А то и такъ (по архиву Петровскаго завода): бѣглецы съ Кары, на р. Шилкѣ выстроили избу и зимовали въ ней. Весной согласились бѣжать дальше: въ ближней деревнѣ украли лошадей; одну лошадь отняли у встрѣтившагося имъ на дорогѣ братскаго. Въ одной пади жили съ недѣлю; товарищи по-знати сходили въ Петровской заводъ и привели оттуда, для пропитанія своего, корову», и проч.

Съ другой партіей бѣглыхъ встрѣтились конные буряты; бѣглецы бросились на нихъ и всѣхъ съ лошадей снимали, а сами сѣли и ускакали. Спѣшленные братскіе пришли въ заводскую петровскую контору жаловаться и между прочимъ рассказали о томъ, что бродяги, взмостившись на братскихъ коней, кричали имъ вслѣдъ: «можно васъ, братскихъ, легко намъ убить, такъ какъ мы-де уже каторжнаго званія люди».

— Безъ воровства и не пройдеши — толкуютъ сами бѣглецы — что украдеши — тѣмъ и поживеши: ѣшь прошеное, носишь брошеное, живешь краденымъ. Какимъ бы способомъ нашъ братъ могъ такія большія дороги дѣлать и такіе подвиги совершать? — Отъ Нерчинска до Москвы дойти, не мутовку облизать.

Показанія эти находятъ себѣ оправданіе и въ архивныхъ владовыхъ, въ формальныхъ дѣлахъ. Вотъ между прочимъ изъ множества другихъ случаевъ, одинъ образчикъ (найденный нами въ Кяхтѣ), образчикъ признанія, сдѣланнаго бѣглымъ, задавшимся одною изъ труднѣйшихъ задачъ бродяжества: изъ Охотскаго порта въ Кяхту.

Являетъ признаніе кяхтинскаго общества мѣщанинъ, наказанный за преступленіе кнутомъ и сосланный въ ссылку въ Охотскій портъ; а въ чемъ — тому слѣдуютъ пункты:

«По конфирмаціи главной команды въ 1800 году сосланъ я былъ въ ссылку и препровожденъ подъ карауломъ, чрезъ земскія правительства, и по приводѣ въ городъ Якутскъ, данъ былъ дворянскому засѣдателю и со онымъ былъ отправленъ, въ числѣ

прочихъ преступниковъ 350 человекъ для чищенія дороги къ рѣкѣ Маѣ, за присмотромъ казаковъ безъ всякихъ вѣрпей. Слѣдуя къ рѣкѣ Маѣ, въ юнѣ мѣсяцѣ укравъ у якутовъ ружье и пять котиковъ, изъ партіи бѣжалъ одинъ и въ хребтахъ сошелся съ таковыми жѣ ссыльными, всего шести человекъ и съ ними шолъ хребтами и лѣсами 45 дней, питаясь украденными въ разныхъ мѣстахъ у промышленныхъ тунгусовъ звѣринымъ мясомъ. Вверхъ по р. Алдану, нашли мы на бѣглыхъ тунгусовъ 4 человекъ; здѣсь товарищи отъ меня отстали; а съ тунгусами согласясь, которые и вывели меня на Амурь-рѣку къ устью, впадшему въ море, называемому разливу, гдѣ жительствоють араконы, и сами остались въ томъ мѣстѣ, а я оттоль пошолъ одинъ по жилью, а гдѣ есть араконы, то зайдя ко онымъ, вытребуя пици называлъ себя промышленнымъ и заблудшимъ человекомъ, которые мнѣ показывали путь, какимъ образомъ можно выйти къ р. Горбицѣ. По словамъ ихъ вышелъ я ко оной, покралъ тутъ со степи лошадь; доѣхалъ на оной до г. Нерчинска ночью, переночевавъ у отставнаго солдата Семена (а *чухи* прозывается — не знаю). А оттоль ѣхалъ братскими улусами и мелкими деревнями, и отѣхавъ отъ Нерчинска вереть съ 200, переѣхалъ за границу; промѣнялъ тамъ мунгаламъ имѣвшіеся при мнѣ 5 котиковъ и винтовку, покраденые у якутовъ, за которые вымѣнялъ серебра съ 16 ланъ и чунзу (дешовую шолковую китайскую матерію). По вымѣнѣ оныхъ вещей слѣдовалъ до здѣшней крѣпости (Селенгинска) извѣстными мнѣ мѣстами, а укрывался въ домѣ матери. Сверхъ того воровства чинилъ: въ 1-хъ, толмача Анжинка быка шерстью бураго и безхвостаго; во 2-хъ, четырехъ лошадей; въ 3-хъ, двѣ лошади, въ 4-хъ, двѣ же лошади и всѣ оныя, также и прежнюю лошадь, на которой ѣхалъ, провелъ я за границу, потаенными мѣстами и продалъ, за наличныя деньги, мунгаламъ (монголамъ) за сто руб., съ которыми прежде до ссылки имѣлъ дѣло. Вчерашняго числа, примѣрно по полудни часу въ 8-мъ, пришедъ въ здѣшнюю крѣпость и въ стоящемъ за выѣзною рогаткою кабакѣмъ подъ окномъ выпилъ вина за три раза по 10 копѣекъ, а узналъ ли сидѣлецъ—знать не могу. И оттоль, мимо рогатки и гобвахты прошолъ къ дому тетки подъ окно и просилъ у нее хлѣба. На вызовъ мой вышелъ изъ избы какой-то служивой и отъ онаго я бѣжалъ, а гдѣ служивой остался, я уже не знаю. Потомъ уже въ другой или третій разъ пришедъ къ дому тетки вызывалъ ее на дворъ и въ то время выбѣжали изъ двора, а сколько человекъ не упомню: втащили меня въ избу, а оттоль взять на гобвахтѣ. А имѣвшій на мнѣ лабашавъ (полушубокъ), камзолъ и вотому съ деньгами,

кто съ меня снялъ или я самъ сбросилъ — того за пьянствомъ не упомяну». Признаніе это Карпъ Патюковъ учинилъ «чрезъ посаженіе въ деревянную колоду и устрачивали посаженіемъ же въ большую колоду и желѣза» (добавилъ къ дѣлу писарь).

Разсчитывающіе на дальнюю дорогу бывалые бродяги весьма нерѣдко запасаются фальшивыми паспортами. Мастерять ихъ сами въ тюрьмахъ, покупаютъ и на сторонѣ у знающихъ это мастерство людей, крадутъ по ночамъ и у тѣхъ счастливыхъ товарищей, которые успѣли застисъ ими. Попадаютъ иногда на томъ, что полуграмотный писарь выставитъ очень крупный номеръ, длинную цифру, но чаще пропускаютъ ихъ безъ паспорта вездѣ тамъ, гдѣ бродяжье дѣло за великій обычай. Съ паспортомъ бродяга — разумѣется — всѣми мѣрами уклоняется оттого, чтобы не встрѣтиться съ опасными и гибельными случайностями, которыя могли бы повернуть заработанный путь на обратную. Выгоднѣе для бродяги пробраться безъ задержекъ на широкой просторъ матушки - Сибири и тамъ уже подвергнуться всѣмъ неожиданностямъ и случайностямъ бродячей жизни; полезнѣе совершить мелкое воровство, вынужденное голодомъ и крайностию, чѣмъ прежде времени лишитъ себя тѣхъ удобствъ, которыя такъ легко достаются въ предѣлахъ Восточной и Западной Сибири. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что многіе бѣглецы, не доходя еще до Байкала, погибаютъ: кто заблудится въ глухихъ тайговыхъ мѣстахъ и умретъ тамъ съ голода; кто дерзко доврившись утлой лодкѣ, потонетъ на бурливомъ безпокойномъ Байкаль-морѣ, «отправится на дно омулей ловить»¹⁾; иного

¹⁾ Кромѣ извѣстной пѣсни, сочиненной какимъ-то опытнымъ стихотворцемъ, существуютъ цѣлыя рассказы неподѣльные, изъ которыхъ намъ кажется искреннѣе и характернѣе другихъ нижеслѣдующій, а потому мы и приводимъ его со всѣми подробностями:

— Бѣгутъ трое и доходятъ до р. Селенги, на берегу которой видятъ готовый плотъ, приспособленный для кяхтинскаго хлѣбнаго транспорта. Плотъ этотъ бѣглецы спускаютъ на воду и плывутъ на немъ рѣкой въ устье, т. е. въ озеро Байкаль. На Байкалѣ ихъ встрѣтилъ попутный вѣтеръ, направлявшій ихъ прямо на Николаевское селеніе и Ливневичну юстанцію. На серединѣ озера вѣтеръ перемѣнился, и плотъ поволокло въ противоположную сторону къ Баргузину и грозило затащить въ мертвый и безлюдный уголокъ Байкала, къ Душкочану. Для бродягъ наступили третьи сутки голода и холода: вѣтеръ знобилъ ихъ истощенныя постомъ тѣла и съ успѣхомъ боролся съ ихъ оборванною и измытанною одеждою. Плавцы пришли въ крайнее изнеможеніе. Одинъ извнлъ совсѣмъ, мучился—грѣлся, и не выдержавъ напора бѣдствій, на глазахъ товарищей, опустился въ воду, и потонулъ.

— Мы перекрестились оба. Къ вечеру и другой мой товарищъ, опустился слѣдомъ за нимъ. Я опять перекрестился. И мнѣ туда же лежала дорога, да знать здо-

изломаеть медвѣдь въ лѣсу, отощавшаго и измученнаго тѣмъ бо-
лѣе, что горы и отроги Яблоноваго хребта такъ многочисленны,
перевиты и перепутаны, такъ много въ нихъ фальшивыхъ па-
дей, обманчивыхъ колковъ, что и самый опытный бродяга имѣеть
полное право растеряться, придти въ отчаяніе, потерять рѣши-
мость и твердость духа и — заблудиться. Нѣкоторые бродяги,
счастливо одолѣвшіе лабиринтъ лѣсовъ и горъ, — сейчасъ же за
ними попадаютъ въ новыя опасныя мѣста съ правомъ умереть
съ голоду на обширной братской степи, гдѣ самъ буряты ѣсть
плохо, живеть разбросанно и все стремится встать жильемъ по
окрайнамъ степи поближе къ жильямъ русскимъ и къ лѣсамъ,
а стало быть и къ водѣ. Не лучше и дальше, если попадетъ
онъ на такъ называемую кругобайкальскую дорогу или круго-
морской путь, идущій безлюдными мѣстами, съ которыми вотъ
уже сколько лѣтъ не можетъ сладить искусство сибирскихъ инже-
неровъ и старанія подрядчиковъ! О многихъ бродягахъ высла-
жаются только глухіе рапорты уѣздныхъ полицейскихъ властей,
что вотъ найденъ въ такомъ-то «зимовѣй неизвѣстный бродяга
замершимъ», на такой-то «заимѣй, въ банѣ, столько-то умер-
шихъ — вѣроятно отъ угара». Великое множество бродягъ пред-
ставляется въ заводъ и на судъ въ саняхъ и телѣгахъ съ отмо-
роженными руками и ногами, ооченѣвшими на морозѣ до смер-
тельной агоніи, и проч., и проч.

Но какъ ни значительно число погибшихъ въ Забайкальѣ, —
все-таки еще очень много ихъ является за Байкаломъ на без-
конечныя хлопоты земскимъ властямъ, на безпокойство мирнымъ
и честнымъ обитателямъ изъ сибирскихъ старожиловъ по дерев-
нямъ и селамъ, по городамъ уѣзднымъ и губернскимъ.

Прибрежныя жители Ангары каждой весной, тотчасъ по про-
ходѣ льда въ рѣкѣ, видятъ плывущіе мимо маленькіе, наскоро
сплоченные плотники, не полные, бревна въ три-четыре связан-

ровъ и крѣпокъ былъ, да на родинѣ, въ деревнѣ можетъ старуха-мать за меня Богу
молилась. Прибыло мой плоть къ берегу. Я вышелъ на берегъ и пошолъ брести на
удачу. Увидалъ дымогъ звѣровщика—русскаго. Подошолъ къ нему, спокаялся: накормилъ.
«Живи-де у меня въ работникахъ». — Ладно! И жилъ я у него въ сторожахъ,
въ его промысловой избѣ. Да скучно мнѣ стало: онъ уйдетъ въ лѣсъ бѣлковать, а
мнѣ и говорить не съ кѣмъ. Пѣсни какія зналъ, — всѣ перепѣлъ: надоѣло. А опять
говорить не съ кѣмъ, и слова перекинуть не съ кѣмъ: хозяинъ и собакъ всѣхъ уведилъ
съ собой. Ушолъ я отъ него: пойду-ка, молъ, къ своимъ товарищамъ старымъ
на заводы. На дорогѣ мнѣ бурята попались, связали меня и привели на Кару. Тамъ
мнѣ—дѣло извѣстное—розогъ надавали, сколько влѣзло, и указали жить не по своей,
а по ихней волѣ».

ные ветлами и на нихъ груды ветоши (прошлогодней травы), ка-кая-нибудь носильная рвань и по два — по три человекъ рабо-чихъ. Это — бродяги, пустившіеся искать себѣ счастья на бой-кой водѣ этой замѣчательно быстрой и оригинальной рѣки (по-роги они обходятъ пѣшкомъ и ниже ихъ дѣлаютъ новые плоты). Быстрота течения, усиленная еще сверхъ того весенней водой, позволяетъ бродягамъ доходить до такой смѣлости, чтобы плыть подъ самыми окнами каторги (каковъ, напр., иркутскій солова-ренный заводъ) и даже отдыхать на заимкахъ въ самой ближ-ней окольности ея. Начальство заводовъ, обремененное опекою и надзоромъ за собственными каторжными, равнодушно смотритъ на проѣзжихъ съ чужой каторги и, страдая недостаткомъ людей въ собственныхъ заводскихъ командахъ, находится даже въ не-возможности преслѣдовать прибылыхъ и новыхъ. Въ тѣхъ только случаяхъ, когда губернское начальство, напр., казенная палата задастъ большой заказъ на вино или соль, а рабочихъ ружь не достаётъ: своихъ заводскихъ рабочихъ много въ бѣгахъ, завод-ское начальство командируетъ солдатъ для осмотра сосѣднихъ заимокъ и — отъ этого маневра — всегда въ барышахъ. Солдаты въ одинъ разъ приводятъ человекъ по 12 — по 15 бѣглыхъ, изъ которыхъ обыкновенно цѣлая половина проситъ одной только милости: задержать ихъ на заводѣ и не пересылать на нерчин-скую каторгу, откуда сбѣжали они, и куда не хотѣли бы возвра-щаться. Не малая часть бѣглыхъ уходитъ дальше, и, добравшись до золотыхъ приисковъ частныхъ людей, живутъ тамъ лѣтъ по 8 — по 10-ти, получая денежную плату, хотя и ничтожную.

Въ глухое время бродягъ обыкновенно ловятъ рѣдко, а по-тому рѣдкій проѣзжій по сибирскому тракту, въ любомъ мѣстѣ до Урала, не встрѣтитъ артели бродягъ человекъ въ 5 — 6 (а иногда и до 30-ти вмѣстѣ), скромно пробирающихся по направ-ленію къ Россіи, съ котомками за плечами, съ сапогами про запасъ. Таковыми рекомендовали намъ понимать тѣхъ нашихъ встрѣчныхъ, которые пять разъ перерѣзали намъ дорогу отъ Екатеринбурга до Иркутска, и которые — по туземнымъ примѣ-тамъ — тѣмъ отличаются отъ невинныхъ путниковъ, что имѣютъ про всякій случай, на дневную пору, робкій, запуганный видъ и рѣдко находчивы до того, чтобы снять проѣзжему шапку, какъ дѣлаютъ это поголовно всѣ сибиряки не изъ бѣглыхъ. Туезъ (бу-ракъ), да топоръ за поясомъ, да блѣдныя изнуренныя лица съ синими кругами подъ глазами считаются также въ числѣ обыч-ныхъ бродяжьихъ признаковъ. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, если они попадаютъ вблизи Уральскаго хребта: эти прохожіе все-

таки на большую половину бродяги, бѣглецы съ заводовъ, которыми смиренность и кротость помогли одолѣть всѣ соблазны: и Красноярскъ и Томскъ. Красноярскъ — говорятъ бѣглецы — строгій городъ и не мастеръ ютить у себя вольныхъ охотниковъ, свободныхъ путешественниковъ; Томскъ — такой городъ, гдѣ нѣкогда былъ для вольнаго жителя бродягъ широкой просторъ при помощи разныхъ случайно-случившихся обстоятельствъ. Томскъ и въ самомъ дѣлѣ одинъ изъ такихъ городовъ, гдѣ дѣятельность полиціи больше всѣхъ сибирскихъ городовъ находится въ затрудненіяхъ, и гдѣ меньше всего частная собственность находилась въ безопасности. Хроника полицейской практики по поводу убійствъ, кражъ, грабежей и мошенничества всякаго рода въ городѣ Томскѣ обильно испещрена весьма крупными и яркими чертами. Судя по хроникѣ этой, Томскъ какъ будто центральное мѣсто для отдохновенія ссыльныхъ въ родѣ огромнаго постоялаго двора, а городскія задворья нѣчто даже въ родѣ базара или даже и ярмарки ¹⁾. Запавшись, наигравшись и отдохнувши здѣсь, — счастливые изъ бѣглыхъ идутъ дальше съ тѣмъ же смущеннымъ видомъ и кроткимъ сердцемъ, мало обращая вниманія на бѣдующихъ на встрѣчу, не поднимая даже глазъ на нихъ, какъ бы появленію ихъ отъ давней привычки не придають въ этихъ мѣстахъ своихъ никакого значенія, въ крайнихъ случаяхъ приближаются къ кошевѣ и просятъ милостыни и только въ самыхъ крайнихъ и очень рѣдкихъ случаяхъ рѣшаются грабить и убивать. Да къ этому и большой нужды не предвидится; бродяга въ этихъ мѣстахъ уже сытъ, да и весьма близокъ къ цѣли странствій. Бараба живетъ домовито, и по ней на каждахъ 20 верстахъ вытянулись людныя деревни, которыя и сыто бѣдятъ и въ рабочемъ, при богатствѣ угодій, нуждаются. Къ тому же нынѣшніе жильцы этого коммерческаго тракта сами либо дѣти, либо внуки такихъ же несчастныхъ и ссыльныхъ людей. Если прежніе крестьяне не ловили бродягъ изъ состраданія къ нимъ: «пушай-де идутъ себѣ съ Богомъ, зачѣмъ мы станемъ обижать несчастенькихъ, — на то у нихъ свое начальство есть», — то барабинскіе жители и тѣ, которые живутъ благодушно и богато по Иртышу и дальше, — умѣютъ издавна обращать слово въ дѣло. Въ этихъ деревняхъ и селахъ милостынею несчастенькому обязываетъ себя всякая домовитая и сердобольная хозяйка, выстав-

¹⁾ Но и для Томска бывали строгія времена, и бродяги — говорятъ — подходить къ городу стали осведомляться: кто правитъ полиціей и если-де все еще такой-то, — то ну его къ чорту! — и ходить нечего, не рука!...»

для за окно на улицу на особой полочкѣ первый подвернувшийся подъ руку харчъ и хлѣбъ въ достаткѣ. Пропадеть этотъ хлѣбъ и харчъ съ окна и полочки — хозяйка сотворить благодарственную молитву, крестъ на себя положить и опять поищетъ остатковъ и выставитъ за окно новую и свѣжую провизію. Такъ ведется дѣло искони и по всѣмъ спопутнымъ для бродягъ деревнямъ не только въ Сибири, но даже и кое-гдѣ въ Россіи ¹⁾).

Оправданіе этому явленію можно искать въ такой же живой симпатіи простолюдиновъ средней и южной Италиі къ бандитамъ — этимъ изгнанникамъ, поставленнымъ внѣ закона и ушедшимъ въ горы разбойничать; въ недовѣрїи къ правосудію судебной власти, во многомъ несогласной съ юридическими понятіями и обычаями самого народа. Находите ее въ чувствѣ народнаго самосохраненія, желающаго предупредительной дачей отратить вѣроятный фактъ сердитаго и смѣлаго нападенія голодающаго и, въ случаѣ отпора, мести его за неудачу; находите причину таковой благотворительности въ христіанскомъ чувствѣ сердоболія къ несчастной братіи, которую незлопамятный народъ нашъ перестаетъ считать преступною, коль скоро преступленіе выкуплено карой и очищено возмездіемъ, хотя и заслуженнымъ, но все-таки обращающимъ вора и душегубца въ жертву, возбуждающую состраданіе. Можетъ быть, и вѣрнѣе всего, главная причина покровительства и защиты бродягъ въ путешествіи — во всѣхъ этихъ чувствахъ вмѣстѣ взятыхъ, но не въ любви къ удачнымъ молодцамъ — добрымъ молодцамъ, а именно въ той тоскѣ о памяти временъ «штаня» — тоскѣ, которая до сихъ поръ громко сказывается и сильно заявляется въ безчисленномъ множествѣ видовъ бродяжества. Значительная часть ихъ обусловлена даже кореннымъ законнымъ дозволеніемъ, и самая большая половина обезсилила законъ и живетъ помимо его прочно и крѣпко. Бродяжествомъ жила Русь далеко послѣ тѣхъ временъ, когда плотили ее въ государство; бродягами расширила она свои предѣлы и ими же отстояла свою независимость отъ дикихъ кочевыхъ ордъ, напиравшихъ на нее съ востока и юга; бродяги колонизовали сѣверъ, завоевали Сибирь, населили Донъ и Уралъ,

¹⁾ Прежде обычай этотъ былъ повсемѣстенъ, теперь онъ ослабѣлъ отъ преслѣдованій и внушенія, и полочку съ хлѣбомъ велятъ искать теперь прямо и безъ церемоніи въ самой избѣ на красномъ столѣ, а ночлежное ложе въ подъ-избицѣ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію то, что, поселившись въ лѣсныхъ землянкахъ, бродяги зачастую выходятъ въ деревни просить милостыню на правахъ нищихъ, либо погорѣлыхъ. Сбившіеся въ большія артели бѣглые рѣшались даже затѣвать по деревнямъ пѣніе пѣсни «Милосердной» по образцу этапныхъ партій.

когда еще это слово не получило настоящаго своего значенія и нынѣшніе бродяги носили названіе «гулящихъ, пришлыхъ, вольныхъ людей». Не умалило этого народнаго кореннаго свойства искать способныхъ и выгодныхъ мѣстъ на свободномъ и широкомъ раздольѣ земли своей и Московское государство, когда ослаблено было экономическое и государственное значеніе Филиппова заговѣнья и уничтоженъ крестьянскій выходъ на Юрьевъ день. Бродяжество, вольный переходъ съ однихъ земель на другія и теперь живетъ въ народѣ, какъ одно изъ коренныхъ началъ его быта и движетъ народомъ на всѣхъ путяхъ, хотя и подъ другими именами, съ иными оттѣнками. Проявилось въ немъ и святое религіозное чувство, почувствовали въ элементахъ его нужду для себя и торговли, и ремесла, и промысла, и самая общественная жизнь успѣла уже выродить настоящихъ бродягъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, и на нихъ пока затворилась. Бродячеству еще долго придется жить на Руси и въ народѣ. Народъ нашъ еще не сидитъ плотно на той территоріи, которую получилъ онъ въ наслѣдство отъ отцовъ и дѣдовъ. Какъ нѣкогда эти усиленно тянулись сначала на сѣверъ и востокъ, такъ въ наши дни замѣтно явленіе въ противоположную сторону. Посмотрите на югъ, съ какою быстротою растутъ тамъ бѣдныя татарскія деревушки въ громадныя города, какъ Одесса, Мариуполь, Бердянскъ, Херсонъ, Ростовъ, Азовъ, Таганрогъ и десятки подобныхъ.

Замѣчено, что большая часть бѣглыхъ не заходитъ дальше предѣловъ Западной Сибири. Чаще другихъ посылаютъ иркутскій, нижнеудинскій, канскій и каинскій земскіе суды, но всѣхъ чаще ялutorовскій (Тобольской губерніи), и рѣже другихъ ишимскій и курганскій (той же губерніи), хотя сюда-то по преимуществу и направляются бродяги, желающіе попадать на Волгу и въ южную Россію¹⁾. Замѣчено, что особеннымъ усердіемъ и настойчивостію на побѣги отличаются мусульмане (татары и горцы), съ тупымъ равнодушіемъ выживающіе каторжные сроки, но бѣгущіе тотчасъ на родину, лишь только выпустятъ ихъ на пропитаніе или на поселеніе. Извѣстный путешественникъ по Сибири Аткинсонъ въ непроходимыхъ окрестностяхъ Алтынъ-

¹⁾ Бѣгле изъ Успенскаго винокуреннаго завода (Тобольской губерніи) наладили и заповсали себѣ путь въ Россію по направленію на г. Челябину, а оттуда уже на Уфу и дальше, куда кому вздумается. Этапной дорожкой по Россіи боятся ходить дорогами малотореными, но по Сибири зачастую, говорятъ, вочуютъ на этапахъ, въ самыхъ полустаннхъ зданіяхъ, пользуясь прежнимъ знакомствомъ и побратимствомъ съ солдатами.

Кулы и долины Би встрѣтилъ партію въ 40 человекъ такихъ бѣглыхъ черкесовъ:

«Занимаясь въ розсыпяхъ промывкою золота, черкесы счумѣли тайно припрятать небольшое количество золога, на которое добыли себѣ необходимое оружіе и снаряды въ нему. То и другое было спрятано ими въ одной отдаленной пещерѣ, находящейся въ дикой, недоступной мѣстности. Въ условленный день они бѣжали всѣ разомъ изъ разныхъ рудниковъ, гдѣ были распределены по работамъ, и довольно удачно соединились въ пещерѣ. Потомъ они успѣли захватить киргизскій табунъ, изъ котораго выбрали себѣ хорошихъ скакуновъ, принудивъ пастуховъ быть ихъ проводниками черезъ Саянскій хребетъ. Лѣсъ служилъ имъ палаткою, лѣсная дичь — пищею. Конечно, голодь и нужду приходилось имъ терпѣть очень часто, но надежда поддерживала смѣлыхъ горцевъ. Наконецъ, все-таки они достигли такихъ мѣстъ, гдѣ проводники сказали имъ, что дальше не знаютъ, куда вести ихъ. Черкесы отпустили проводниковъ и пустились далѣе наугадъ. Ужасныя, крутыя пропасти Алтая и дикіе горные потоки принуждали ихъ къ безконечнымъ обходамъ и переходамъ, и до того сбили съ толку, что они, наконецъ, попали въ трущобы Алтынь-Куля. Тутъ-то у нихъ и произошла стычка съ обитавшими тамъ калмыками. Хотѣли ли послѣдніе захватить ихъ въ плѣнъ и потомъ выдать русскимъ, или черкесы, понуждаемые крайностію, прибѣгли къ насилію, этого нельзя было узнать; результатъ былъ однако тотъ, что нѣсколько калмыковъ было убито, и аулъ ихъ былъ преданъ пламени. Обстоятельство это послужило сигналомъ къ заключительному акту трагедіи. Быстро разнеслась вѣсть о появленіи вооруженныхъ людей и, переходя изъ аула въ аулъ, достигла, наконецъ, съ подобающимъ преувеличеніемъ до казачьяго поста Сандинскаго. Случилось, что командовавшій въ форпостѣ офицеръ былъ тогда немного болѣе обыкновеннаго весель, по случаю праздника. Долго не размышляя и не теряя времени на безполезныя думы, онъ тотчасъ же отправилъ въ Барнаулъ нарочнаго съ тревожнымъ извѣстіемъ. Извѣстіе пришло въ то время, когда развеселый Барнаулъ приготавлился къ предстоящимъ баламъ и святочнымъ увеселеніямъ: сказали, что три тысячи азіатовъ идутъ мѣшагъ этимъ удовольствіямъ и вмѣсто паркетнаго вальса могутъ заставить кружиться въ песокъ на арканѣ. Весь городъ пришелъ въ страшное смущеніе. Новые вѣстники изъ долины Би говорили, что воиска состоятъ изъ семи тысячъ человекъ, а другіе даже увѣряли, что всего десять тысячъ, снабженныхъ ружьями и проч. Между

тѣмъ дѣло кончилось, по словамъ Аткинсона, слѣдующимъ образомъ:

«Всѣ общества калмыковъ, населявшихъ долину рѣки Би и окрестности Алтынъ-Куля, соединились и, зная отлично всѣ ущелія и тропинки, сначала преградили черкесамъ пути ко спасенію, а потомъ загнали ихъ въ такую трущобу, откуда не было никакого выхода. Когда, наконецъ, черкесы приблизились на разстояніе ружейнаго выстрѣла, между ними и калмыками завязалась смертельная перестрѣлка. Скрываясь въ засадѣ, калмыки были въ очевидныхъ выгодахъ передъ черкесами и могли стрѣлять въ нихъ почти въ упоръ. Черкесы такъ и падали одинъ за другимъ отъ мѣткихъ выстрѣловъ своихъ озлобленныхъ враговъ. Къ вечеру того дня число черкесовъ съ 40 уменьшилось до 15, которые, побросавши своихъ лошадей, пытались-было по острымъ камнямъ и утесамъ выползти изъ ущелья. Не перекусивши въ цѣлый день ни крошки и совершенно выбившись изъ силъ, они принуждены были провести ночь на голыхъ камняхъ, подъ открытымъ небомъ. Когда разсвѣло, черкесы пустились карабкаться дальше и уже доползали до маленькаго лѣсочка, какъ вдругъ на встрѣчу имъ раздался ружейный залпъ сидѣвшихъ въ лѣсу калмыковъ: трое черкесовъ пали мгновенно, а еще пятеро были подстрѣлены на бѣгахъ. Отчаянная погоня возобновилась опять. Черезъ нѣсколько времени осталось въ живыхъ только четверо черкесовъ, которые успѣли скрыться въ лѣсу. Наконецъ, кажется, сами стихіи рѣшились принять участіе въ борьбѣ. Небывалая по страшной ярости буря разразилась громомъ, молніей, снѣжной вьюгой и всяческими невздами. Калмыки принуждены были поспѣшно отступить, предоставивъ рѣшенію высшихъ силъ конецъ этого печальнаго акта. Четыре дня длилась буря съ бураномъ и ни единая живая душа не слыхала потомъ ничего объ остальныхъ четырехъ черкесахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они вскорѣ потомъ погибли отъ голода, холода и страшно мучившей ихъ жажды».

Не лучше этой участь и всѣхъ другихъ горцевъ, имѣющихъ обыкновеніе, вопреки общимъ бродяжимъ порядкамъ, направляться въ киргизскія степи, а между прочимъ и тѣхъ, о которыхъ существуетъ въ Сибири такая легенда.

Нѣсколько бѣглыхъ горцевъ брели томимые голодомъ и жаждою по необитаемой степи киргизовъ. Но судьба была на столько къ нимъ милостива, что указала имъ въ одномъ мѣстѣ верблюда. Приблизившись къ нему, они нашли его живымъ и привязаннымъ къ кургану. На курганѣ лежало все то, что имъ

Было надо: кусок жаренаго мяса, чашка варенаго риса, чашка кумысу и еще кое-что изъ съѣдобнаго, а между прочимъ кошма (войлокъ), халатъ, башмаки и еще что-то носильное. Все это свидѣтельствовао о томъ, что бѣгле пришли на могилу киргиза, здѣсь погребеннаго съ любимыми вещами и ѣздовымъ верблюдомъ. Бѣгле потребили все съѣстное и, замѣтивъ во взглядѣ верблюда что-то умоляющее, печальное и, почувствовавъ въ сердцѣ участіе къ нему, безъ сомнѣнія обреченному на голодную смерть, отвязали верблюда и пустили на волю, а сами, въ свою очередь, отправились дальше. Верблюдъ пошелъ за ними. Прибавляя шагъ и рассчитывая въ верблюдѣ найти предателя, бѣгле прятались за песчаные холмы, чтобъ скрыться изъ глазъ его, но не достигали цѣли. Припадая къ рытвинамъ, они ложились и отдыхали; преслѣдовавшій ихъ верблюдъ также ложился и отдыхалъ. Но лишь только они поднимались, пускались въ путь дальше, рассчитывая, что верблюдъ спитъ и не видитъ, — верблюдъ, вѣроятно движимый чувствами признательности за спасеніе, также поднимался съ мѣста своего ночлега, вытягивалъ свою длинную шею и, пользуясь широкимъ кругозоромъ ровной степи, выглядывалъ своихъ спасителей и пускался слѣдомъ за ними въ догонку. Разъ даровавши ему жизнь, бѣгле изъ личныхъ расчетовъ не рѣшались пресѣчь ее и такимъ образомъ сами попали на арканъ киргизовъ, нашедшихъ могилу соотчича святотатственно ограбленною и рокового верблюда отвязаннымъ. Бѣгле были связаны и представлены въ Омскъ для того, чтобъ рассказать въ тамошней пересыльной тюрьмѣ эти приключенія свои. Въ Нерчинскихъ заводахъ начальники ихъ изъ опыта и многолѣтнихъ наблюденій вывели то замѣчаніе въ добавокъ ко всему, что бѣгле мусульмане довольствуются тѣмъ, что сходятъ подышать воздухомъ родныхъ горъ и долинъ, и снова возвращаются на каторгу, какъ бы считая для себя постыднымъ и грѣховнымъ дѣломъ обходить судьбу и бороться съ нею собственными, людскими средствами. Не даромъ же они покорялись ей во все время, назначенное для каторжныхъ работъ и пустились въ бѣга только потому, что сняли съ ногъ путы и дали достаточно свободы, чтобъ ею воспользоваться и полечиться отъ неизбежной тоски по родинѣ.

Конечно, не дѣлаютъ такъ бѣгле изъ русскихъ преступниковъ. У этихъ свободаго, произвольнаго возвращенія не замѣчено; напротивъ, бѣгле рускіе въ большинствѣ своемъ стараются не только добраться до роднаго пепелища, но и забѣжать дальше и, если возможно, пожить повеселѣе и почуднѣе.

По Сибири, въ пятидесятихъ годахъ, двое ссыльныхъ, подъ видомъ ревизора-генерала, ѣздили по городамъ съ фальшивыми паспортами и наводили на всѣхъ чиновниковъ страхъ и ужасъ; поссорившись между собою, пошли опять въ каторжныя тенета. По Тобольску долгое время ходилъ юродивый, бывшій у тамошнихъ дамъ въ великомъ почетѣ: его кормили, ублажали, считали святымъ человѣкомъ. Мужья, справившись съ карманами, стали подозрѣвать его и слѣдить за нимъ, особенно за длинными, грязными волосами, которые безобразно закрывали все лицо юродиваго. Навели справки, сдѣлали легонькій осмотръ: на лицѣ святоши оказались невытравленные каторжныя клейма, а юродивый — бѣгло-каторжнымъ изъ тюменскихъ купеческихъ сыновей. Въ 1863 году, бѣглый солдатъ пермскаго батальона Софроновъ, подъ видомъ и званіемъ капитана турецкаго флота и полковника де-Северина, шалилъ по Сибири: въ Тобольскѣ не совсѣмъ удачно, въ Тарѣ съ приобрѣтеніемъ значительныхъ суммъ займа; въ Томскѣ съ приглашеніемъ на балы и обѣды. Въ Красноярскѣ въ немъ усумнились, заковали въ кандалы, посадили въ секретную чижовку и пригрозили плетями. Съ одного изъ этаповъ за Красноярскомъ Софроновъ опять бѣжалъ, опять надѣлъ гусарскій мундиръ и снова мошенничалъ направо и надѣво до Иркутска. Въ Иркутскѣ опять его заковали и сослали дальше, преградивъ ему путь къ дальнѣйшимъ обманамъ и самозванству. Ни съ приглашеніемъ, ни безъ приглашенія онъ уже никогда и ни къ кому не ѣздилъ, не бралъ займа денегъ и не измышлялъ ловкихъ и неловкихъ надувательствъ. Словомъ, проказъ бродягъ по Сибири не оберешься.

Но на этомъ для опытныхъ и терпѣливыхъ бѣглыхъ не конецъ; нѣкоторымъ удается пошалить и попроказничать и въ самой Россіи, которая въ этомъ отношеніи не строже Сибири. Въ Россіи пути каторжныхъ безпредѣльно широки и длинны; какъ нѣкогда въ нихъ находили для себя много питательныхъ и готовыхъ началъ всѣ тѣ систематическіе разбои (особенно волжскіе), которые еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія были сильны, такъ и теперь въ этомъ элементѣ заключено еще не мало опасности, и онъ самъ въ себѣ представляетъ еще много живучей силы и дѣятельности.

Когда, во время разбоевъ Быкова подъ Казанью, и послѣ ареста его въ тамошнемъ тюремномъ замкѣ, потребовалось поискать и найти бѣжавшаго эго товарища и самаго главнаго злодѣя Чайкина, городская полиція сдѣлала повальный по городу обыскъ. Обыскъ этотъ не сумѣли сдѣлать внезапнымъ, значи-

тельно огласило его само общество, принявшее живое участие въ розыскахъ товарищей изъ шайки разбойниковъ, и сама полиція рылась по кабакамъ и тайникамъ долгое время и все-таки успѣла въ самомъ городѣ Казани (съ 10 августа по 15 сентября) найти 27 человекъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Одни оказались бродягами, непомнящими родства, другіе отлучившимися безъ дозволенія начальствъ и шатавшимися по городу безъ определенной цѣли. Между ними *третья часть, девять человекъ бѣжавшихъ изъ Сибири съ каторжныхъ работъ.* Таковыми же были и сами: Дмитрій Ивановъ Быковъ и Севастьянъ Васильевъ Чайкинъ, бѣжавшіе въ 1845 году вмѣстѣ съ Иркутскаго солонвареннаго завода, а Федоровъ съ Нерчинскаго.

Въ 1849 году, 23 іюня, дано имъ было по тысячѣ пятисотъ ударовъ шпицрутенами, съ намѣреніемъ отправить въ каторжную работу безъ срока, но, бывъ отправлены въ лазаретъ, оба 25 числа померли отъ воспаления легкихъ.

Извѣстный Гусевъ, нѣсколько разъ бѣгавшій изъ Сибири, разбойничалъ подъ Саратовымъ и въ самомъ городѣ святотатственно ограбилъ соборъ и сжегъ его. Такой же пѣсенникъ и несомнѣнный поэтъ Кармелювъ разбойничалъ на Волни, и только измѣнѣ и подкупу обязанъ былъ тѣмъ, что его убили въ хатѣ его возлюбленной.

Когда въ Астрахани, на волжскихъ рыбныхъ промыслахъ, велѣно было привести въ извѣстность количество рыбаковъ, не имѣющихъ паспортовъ, и земскими властями произведенъ былъ учетъ всѣмъ людямъ на всѣхъ ватагахъ, — число бѣглыхъ выяснилось въ громадную цифру пятнадцати тысячъ. Близъ той же цифры полагаютъ число безпаспортныхъ на рыбныхъ ловляхъ Азовскаго и Чернаго морей. Полиціи городовъ приморскихъ находятся во всегдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ при стремленіяхъ охранять частную собственность гражданъ среди такого наплыва всякаго сброда людей, гдѣ почасту кто съ борку, кто съ сосенки, кто прямо-таки съ нерчинской каторги. Всегда подобный фактъ становится явнымъ, лишь только полиція, по какому-либо возбужденію, усилитъ свою дѣятельность, напряжетъ свое вниманіе и старательнѣе осмотрится кругомъ себя. Въ Астрахани до сихъ поръ памятенъ человекъ, нѣсколько недѣль свободно ходившій по тамошнимъ исадамъ (рынкамъ) съ подвязанными щеками, которыя потомъ оказались клейменными штемпелевыми точечными знаками, и видимо мирный обыватель — бѣгло-каторжнымъ. И едва ли гдѣ частная собственность наименѣе находится внѣ опасности, какъ именно въ тѣхъ городахъ,

гдѣ безрыбье въ извѣстное время обусловливаетъ возрастаніе многолюдья въ извѣстныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые города въ этомъ отношеніи получили даже крупную общественную извѣстность; читателямъ нашихъ газетъ, останавливающихъ вниманіе на болѣе характерныя иногородныя корреспонденціи, не мудрено такіе города распознать и выдѣлить.

Вообще, путь сибирскихъ бѣглыхъ по Россіи замѣчательно великъ, безконечно разнообразенъ подробностями и обстановкою, и въ разнообразіи своемъ и тягучести какъ-будто даже и конца не имѣетъ. Обрываясь для однихъ, менѣе счастливыхъ и смѣлыхъ, онъ идетъ далеко для другихъ, взысканныхъ слѣпымъ счастіемъ. Для ссыльно-каторжнаго Быкова онъ шелъ черезъ кабакъ, два года тянулся по деревнямъ оренбургскаго тракта, оборвался на разбояхъ въ Спасскомъ и Лаишевскомъ уѣздахъ, Казанской губерніи, и подъ городомъ Казанью, и повернулъ-было снова туда же, назадъ, на каторгу, но вдругъ пересѣлся по причинамъ, отъ самого Быкова не зависящимъ. Для бѣгло-каторжнаго Попова путь этотъ вышелъ на ветлужскія помѣстья, вывелъ этого смѣлаго искателя приключеній въ Петербургъ въ честь и славу, гдѣ тоже счастье дало ему во владѣніе чинъ большой, два дома большихъ и большія кучи денегъ; оборвался этотъ путь на сенатъ и опять повернулъ съ нимъ же, невоздержнымъ и зарвавшимся на удачахъ счастливецемъ, на каторгу: снова туда же, откуда приходилъ онъ за этими предательскими подачками слѣпного счастья.

С. МАКСИМОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ШКОЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

1814—1820 гг.

ИЗЪ МОИХЪ ЗАПИСОКЪ.

Мое опредѣленіе въ гимназію, и латинскій учитель Лейбрехтъ. — Его методъ преподаванія. — Много ли нужно времени на латинскій языкъ? — Реформа учебныхъ заведеній при гр. Уваровѣ. — «Латинствующіе». — Мой разговоръ съ гр. Уваровымъ. — Крюковъ и Печоринъ. — Бесѣда съ гр. Уваровымъ въ Порѣчьи. — Программа гимназическаго курса въ 20-хъ годахъ и преподаватели наукъ того времени. — Общій выводъ.

.... Много появилось въ послѣднее время статей «теоретическаго» и «практическаго» содержанія объ экзаменахъ, классахъ, курсахъ, гимназіяхъ. Я хочу предложить читателямъ статью «историческую». Я говорю «историческую», потому что буду предлагать воспоминанія о дѣйствительномъ курсѣ гимназіи, мною отъ начала до конца пройденномъ. Можетъ быть, найдется здѣсь чтò-нибудь въ свѣдѣнію и соображенію нынѣшнихъ преподавателей.

Курсъ мой начался въ февралѣ 1814 г. и кончился въ августѣ 1818 г. въ московской губернской (нынѣ первой) гимназіи.

Она состояла тогда изъ четырехъ классовъ, изъ коихъ первый имѣлъ два отдѣленія. При гимназіи находилось еще такъ-называемое уѣздное училище изъ двухъ классовъ, такъ что собственно классовъ во всемъ заведеніи было также семь, какъ теперь.

Гимназическое собственно ученіе начиналось съ перваго отдѣленія перваго класса.

Въ уѣздномъ училищѣ преподавался законъ Божій, русская грамматика и ариѳметика, чтеніе на иностранныхъ языкахъ, чи-стописаніе, рисованіе.

Латинскій языкъ начинался уже въ такъ называемой гимназіи. Съ него и начну я свои педагогическія воспоминанія.

Учителемъ латинскаго языка былъ Любимъ Антоновичъ Лейбхрехтъ. Буди незабвенна его память! Много добра, много пользы принесъ онъ своимъ воспитанникамъ. Всегда сохранялъ я о немъ благодарное воспоминаніе, и горько мнѣ было узнать, что онъ скончался въ прошедшемъ году, и я, не получивъ извѣстій, не могъ отдать ему послѣдняго долга. Прошу извиненія читателей за это невольное отступленіе!

Первый классъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій только одинъ годъ: такъ я буду говорить о четырехъ классахъ гимназіи, со-отвѣтствовавшихъ нынѣшнимъ 4, 5, 6: и 7.

На латинскій языкъ въ классѣ употреблялось по два урока въ два часа, т. е. по четыре часа въ недѣлю.

Первый класъ посвящался этимологіи.

Второй и третій классъ синтаксису.

Четвертый упражненіямъ, состоявшимъ въ переводахъ съ русскаго на латинскій и съ латинскаго на русскій языкъ.

Этимологія проходила по порядку, объ именахъ существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ, глаголахъ и пр., по простой грамматикѣ, изданной самимъ г. Лейбхрехтомъ. Задавалось *писать* по множеству примѣровъ на всякія формы, склонять, спрягать и проч. Время въ классѣ употреблялось на прослушаніе уроковъ у старшихъ учениковъ, сидѣвшихъ на первой лавкѣ, самимъ учителемъ, у прочихъ старшими, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи особую лавку; потомъ въ исправленіи ошибокъ въ представлявшихся учителю на бумагѣ задачахъ; въ легкихъ переводахъ изъ хрестоматіи. Послѣ окончанія каждой главы, напр., о склоненіяхъ, о спряженіяхъ, назначалась пересадка: обирались книги, и задавалось по нѣсколькѣ примѣровъ, которые должно было, не выходя изъ класса, обработать и представить учителю; а учитель тутъ же собиралъ всѣ тетради, и бралъ ихъ домой. Дома онъ ихъ разсматривалъ, и считалъ ошибки; на слѣдующій классъ приносилъ тетради, и судя по количеству ошибокъ, называлъ учениковъ—у кого было меньше всѣхъ ошибокъ, тогъ получалъ первое мѣсто, слѣдующія за нимъ второе, и т. д.

Нечего говорить, съ каимъ трепещущимъ сердцемъ заслу-

шивалась эта переключка. На первой пересадкѣ я совершенно неожиданно получилъ первое мѣсто, которое оставалось за мною во все продолженіе почти пяти-лѣтняго курса, и только однажды, во второмъ классѣ, перебилъ его у меня товарищъ и другъ Ираклій Карповъ, первый переводчикъ Вальтеръ-Скотта («Кениль-вортъ»), кончившій жизнь послѣ на Кавказѣ. Я сказалъ, что я получилъ первое мѣсто неожиданно, ибо только-что вступилъ въ гимназію, не ознакомилъ еще хорошо въ классѣ, — какъ вдругъ подоспѣло окончаніе склоненій и объявлена была пересадка. Я помню, съ какимъ удивленіемъ и какою завистью по-смотрѣли на меня прежніе старшіе ученики, когда я съ задней лавки перебирался съ своими тетрадами и книгами на первое мѣсто. Они говорили, что я прежде уже учился по латинѣ и доходилъ до герундій. «До герундій» — этотъ досадный кликъ сопровождалъ меня очень долго, пока уже во второмъ классѣ и всѣ мы перевалялись за герундію.

На первомъ публичномъ актѣ, въ 1814 году, мнѣ назначено было произнести рѣчь на латинскомъ языкѣ, сочиненную учителемъ, которой начало я теперь еще помню: *Patria nostra a hoste devastata, omnibusque literarum subsidiis incendio absumtis, spes omnino nobis erat erepta, fore, ut aliquando animum litteris excolere possemus, sed...* (Отечество наше опустошено непріятелемъ, всѣ пособія учебныя истреблены пожаромъ, и мы были совершенно лишены надежды украсить когда нибудь свой умъ познаніями.)

Во второмъ классѣ занятія латинскимъ языкомъ принимали уже характеръ болѣе важный и занимательный. Этимологія вся выучена, формы затвержены, понакопилось достаточное количество вовабулъ, и мы, крѣпко въ сѣдлѣ сидѣвшие, принимались за синтаксисъ.

Я опишу здѣсь подробно методу моего незабвеннаго Любима Антоновича, и увѣренъ, что она принесетъ пользу внимательнымъ и добросовѣстнымъ учителямъ языковъ.

Отличительное и самое полезное въ этой методѣ было то, что у всѣхъ учениковъ вниманіе, въ продолженіе класса, было занято, приковано, что всѣ ученики необходимо должны были слѣдовать за ходомъ дѣла, и укрыться, оглечься никому не было возможности.

Вотъ какъ это происходило:

Ученіе начиналось прослушаніемъ у всѣхъ (у ста, у двухъ сотъ учениковъ) заданнаго въ предшествовавшемъ классѣ урока.

Урокъ состоялъ изъ синтаксическаго правила съ принадлежащимъ къ нему латинскимъ примѣромъ; изъ латинскихъ вова-

буль для перевода прочихъ примѣровъ на то же правило; изъ вокабуль къ примѣрамъ, переведеннымъ съ русскаго на латинскій, на правило, выученное и сказанное въ предшествовавшей разъ; изъ вокабуль къ заданной статейкѣ изъ хрестоматіи.

Если въ классѣ было, какъ сначала, 50 человекъ, то 7 съ первой лавки сказывали урокъ учителю, а остальные въ то же время сказывали имъ. При большемъ количествѣ учениковъ, аудиторы присоединялись и со второй лавки.

Вокабуль или словъ, какъ мы называли ихъ, набиралось къ каждому классу круглымъ числомъ до 25. Но вѣдь не нужно ихъ было спрашивать всѣ, а довольно было спросить пять-шесть въ разбивку, и спрашивающій могъ записать вѣрно, знаетъ-ли ученикъ урокъ или нѣтъ. О первыхъ судилъ самъ учитель, да и прочимъ аудиторамъ сплутовать было мудрено, потому что тотчасъ незнаніе могло обнаружиться (см. ниже), и несправедливому аудитору становилось стыдно, или даже опасно. Отмѣтки въ ту же минуту по окончаніи операціи вѣдались предъ учителемъ на столѣ.

Выслушать урокъ — это самая пустая, краткая операція, а въ нашей прекрасной машинѣ она занимала не болѣе минутъ пяти-шести. Видите, какъ время было дорого и рассчитано!

За симъ учитель и аудиторы просматривали и исправляли такъ называемые бѣлые переводы, подчеркивая ошибки. А бѣлыми переводами назывались переводы съ русскаго на латинскій, исправленные въ предшествовавшей урокъ и переписанные къ нынѣшнему разу на-чисто, только по-латыни. Ошибокъ тутъ собственно уже не должно было быть, ибо онѣ всѣ были исправлены въ предшествовавшемъ классѣ. Эта вторая операція требовала времени еще меньше, такъ что съ первую вмѣстѣ она занимала съ небольшимъ десять минутъ.

Потомъ слѣдовала третья операція, самая важная и существенная — исправить переводъ примѣровъ съ русскаго на латинскій на правило, въ предшествовавшемъ урокъ выученное и сказанное, на примѣръ употребленіе «творительнаго самостоятельнаго». Примѣровъ на каждое правило переводилось отъ 10 до 15. (Въ этомъ родѣ изданы были темы Дронке.) Учитель вызывалъ учениковъ, кого вздумается, къ черной большой доскѣ, и заставлялъ прочесть примѣръ по-русски, а переводъ его, ученикомъ у себя въ тетради сдѣланный, написать мѣломъ на доскѣ. Здѣсь учитель, исправляя его ошибки, объяснялъ правило, или доводилъ своими вопросами самого ученика до исправленія. Всѣ прочіе ученики должны были слушать внимательно и исправлять въ своихъ тетрадяхъ указанныя ошибки, если кѣмъ были сдѣ-

ланы подобныя, или спрашивать учителя о другихъ недоразумѣніяхъ, которыхъ вызванному ученику имѣть не случилось.

Здѣсь учитель имѣлъ случай узнавать всякаго ученика, и провѣрять авдителя, вѣрно-ли отмѣтилъ онъ его успѣхъ въ своемъ отчетѣ.

Пятнадцать примѣровъ, сказать я, было во всякомъ переводѣ, слѣдовательно учитель испытывалъ всякій разъ пятнадцать учениковъ, а остальные были въ ожиданіи. Нельзя было отвѣчаться никому, ибо примѣръ на доскѣ исправленъ, и учитель велитъ такому-то прочесть слѣдующій, и такимъ образомъ тотчасъ обнаружится, если онъ не слѣдовалъ за дѣломъ: онъ тогда не будетъ знать, какой же примѣръ ему слѣдуетъ прочесть и написать у доски.

Эта операція занимала времени больше часа. Переводъ исправленъ—гора съ плечъ свалилась, и ученики могли вздохнуть свободно.

Начиналась задача урока на слѣдующій разъ. Учитель диктовалъ примѣры или темы по-русски для перевода ихъ на латинскій въ слѣдующему классу, на правило, выученное и сказанное въ началѣ нынѣшняго. Это занимало минутъ 10; всѣ писали. Кончивъ диктантъ, онъ заставлялъ какого-нибудь ученика читать по-русски написанные примѣры и спрашивать неизвѣстныхъ слова.

Опять провѣрка: никто не знаетъ, кому учитель велитъ прочесть примѣры, и еслибъ кто не писалъ, то въ какое бы положеніе онъ пришелъ передъ всѣмъ классомъ, не имѣя чтò прочесть? А почему не писалъ? — спросилъ бы учитель. Назначеніе латинскихъ неизвѣстныхъ словъ занимало также минутъ десять. Спросить знакомое извѣстное слово — стыдно: оно попадалось тогда-то. И учитель замѣчалъ и ученики замѣчали. Ученикъ спросить, а вдругъ десять голосовъ раздастся, — и вотъ онъ уличенъ въ невниманіи.

Далѣе слѣдовалъ переводъ съ латинскаго на русскій статейки изъ хрестоматіи. Переводили по три, по четыре строки. Учитель еще могъ судить, хорошо ли выучены слова, и всѣ ученики должны были слѣдовать внимательно, ибо неизвѣстно, на чемъ учитель остановитъ одного ученика, и гдѣ велитъ продолжать другому.

Наконецъ, учитель задавалъ въ слѣдующему уроку новое правило изъ синтаксиса, и опредѣлялъ статью изъ хрестоматіи.

Повторю теперь, чтò въ каждому уроку долженъ былъ приготовить ученикъ:

Выучить наизусть правило синтаксиса.

Слова изъ примѣровъ латинскихъ на это правило.

Слова изъ примѣровъ на правило предшествовавшее, употребленныхъ въ нынѣшнемъ переводѣ.

Слова изъ хрестоматіи.

Перевести съ русскаго на латинскій до 15 примѣровъ, продиктованныхъ въ прошедшемъ классѣ.

Перевести статейку изъ хрестоматіи.

Переписать набѣло переводъ, исправленный въ предшествовавшемъ классѣ. Ученику нельзя было смигнуть почти въ продолженіе всего класса.

Послѣ каждаго отдѣленія синтаксиса, напр. объ употребленіи времени, о сослагательномъ наклоненіи, причастіи, назначалось повтореніе всего пройденнаго и пересадка.

Пересадка по синтаксису была уже несравненно важнѣе пересадокъ въ первомъ классѣ: учитель, пришедъ въ классъ, начиналъ тотчасъ диктовать русскіе примѣры на всѣ пройденныя правила въ разбивку. По назначеніи словъ, ученики тутъ же, въ классѣ, переводили продиктованные примѣры на латинскій, примѣняя каждый примѣръ, по своему соображенію, къ тому или другому правилу. Два часа самой спѣшной, тщательной, внимательной работы! Какъ бы не ошибиться въ примѣненіи примѣра къ правилу, въ опредѣленіи родовъ именъ, въ окончаніяхъ склоненій и спряженій. Въ концѣ класса, переписанные по-латыни примѣры, съ именами, обирались учителемъ, и на слѣдующій классъ приносились торжественно. Между тѣмъ, до класса, дома, всѣ ученики просматривали на досугъ свои тетради и отыскивали ошибки, выспрашивая другъ друга, или прибѣгая за совѣтами къ товарищамъ старшихъ классовъ. Всякій зналъ уже до пересадки, сколько у кого можетъ быть ошибокъ. Наконецъ, приходитъ учитель, и начинается исправленіе роковыхъ примѣровъ, на черной доскѣ. Ученики теперь вполне удостовѣряются въ своихъ ошибкахъ. По окончаніи исправленія читается списокъ учениковъ по тому порядку, въ какомъ они должны занимать мѣста на будущее время.

Въ 3-мъ классѣ проходили почти весь Корнелій Непотъ.

Въ 4-мъ задавались переводы, съ русскаго на латинскій, отдѣльныхъ рассказовъ и читались Цицероновы рѣчи ¹⁾.

¹⁾ У меня были дѣлы всѣ упражненія, всѣ уроки и всѣ переводы, переплетенные въ корешкѣ, но, къ сожалѣнію, эта книга осталась у кого-то изъ моихъ пансіонеровъ, и ко мнѣ не возвратилась. Я былъ бы очень благодаренъ, еслибъ кто отыскалъ мнѣ ее. У меня была подобная книга изъ нѣмецкаго класса. Учители языковъ могутъ увидѣть ее у меня, но въ руки никому уже не отдамъ ее.

Вотъ какъ шелъ нашъ курсъ. Воспомявъ о немъ теперь, я могу сказать, что два средніе класса, т. е. второй и третій, шли отлично, первый должно бы было нѣсколько усилить и не ограничивать одною этимологіей, или распространить нѣсколько ея предѣлы по руководствамъ, болѣе обширнымъ, чѣмъ Лейбрехтово.

Четвертый классъ былъ недостаточенъ: Любимъ Антоновичъ не могъ объяснять Цицерона такъ удовлетворительно, какъ синтаксисъ, да и по-русски онъ не зналъ столь хорошо, чтобъ могъ находить вѣрное соотвѣтствіе между выраженіями двухъ языковъ.

Слѣдовательно, еслибъ 4-му классу дать особаго учителя, съ нужными познаніями, и назначить ему три урока, да для домашнихъ занятій еслибъ былъ опредѣленъ знающій надзиратель (тогда не было никакихъ), который паблюдалъ бы за переводами, объяснял бы недоразумѣнія, то познаніе латинскаго языка, уже и при описанномъ порядкѣ весьма хорошее, улучшилось бы значительно. Наконецъ, оно усилилось бы вслѣдствіе умноженія классовъ цѣлою половиною часа, а именно: мы имѣли два класса по два часа, а можно назначить три класса по полтора часа, кои теперь опредѣляются на классъ. Но какъ же въ полтора часа успѣть сдѣлать то, на что намъ въ обрѣзъ были два часа? Вспомнимъ, что тсны теперь напечатаны, и всѣ слова, нужныя для ихъ переводовъ на латинскій, собраны въ ихъ лексикончикахъ. Слѣдовательно, полчаса мы можемъ вычестъ, какъ уже ненужные для класса, изъ прежнихъ двухъ часовъ.

При такомъ порядкѣ, улучшенномъ и усиленномъ, непременно были бы прочтены въ гимназіи и Корнелій Непотъ, и Цезарь, и Овидій, и кое-что изъ Цицерона, Саллустія, Ливія.

Дѣло ли я говорю? Дѣло, отвѣчу я самъ и утвержу рѣшительно; русскому мальчику, съ настоящими его способностями, нужно употребить въ гимназіи для достаточнаго знакомства съ латинскимъ языкомъ, впродолженіи четырехъ лѣтъ, въ классахъ 4, 5, 6, 7, по четыре часа въ недѣлю. Предполагаются годы его возраста отъ 12 до 16, еще лучше отъ 13, даже 14, до 17 и 18 лѣтъ. Если въ нынѣшнемъ третьемъ и второмъ классѣ посвятить еще нѣсколько времени на латинскій языкъ, то черезъ то получится новое подспорье.

Товарищъ мой, бывшій адъюнктъ Кубаревъ, латинистъ, какихъ у насъ мало, сказывалъ мнѣ, что онъ приготовлялъ очень хорошо въ университетѣ воспитанниковъ, въ пансіонѣ Чермака, въ два года, безъ большихъ предварительныхъ познаній, и мно-

гихъ учениковъ его я зналъ, и удостовѣрился въ ихъ познаніяхъ.

У меня самого бывали пансіонеры отъ 1830-хъ до 40-хъ годовъ, которые, большею частію изъ деревень, успѣвали очень хорошо также года въ два, а иные въ полтора, при хорошихъ способностяхъ и хорошемъ прилежаніи, хотя, разумѣется, съ меньшею, безъ всякаго сравненія, основательностію, чѣмъ въ общественномъ заведеніи.

Такъ бывало и всегда. Даже въ нынѣшнемъ году (1859) на моихъ глазахъ одинъ молодой человекъ, изъ инженернаго училища приготовился къ университету, мѣсяцевъ въ девять, занимавшись съ медицинскимъ студентомъ, и поступилъ туда, не смотря на такъ-называемые строгіе экзамены.

Охотно соглашаюсь, что такія приготовленія на живую нитку не приносятъ пользы, но я говорю все это только для доказательства русскихъ способностей, въ подтвержденіе, что *учиться по-латыни четыре года, въ четырехъ классахъ по четыре часа въ недѣлю* — достаточно. Съ прибавленіемъ же къ четыремъ годамъ еще двухъ лѣтъ, съ 4 часами въ недѣлю, — уже заглаза для русскаго юноши. *Больше не только не нужно, но даже вредно*, какъ сейчасъ увидимъ.

Съ описаннымъ приготовленіемъ мы поступили въ университетъ, и знаменитый профессоръ того времени, Тимовскій, принялъ насъ съ благоволеніемъ.

Въ университетѣ я предался преимущественно русской исторіи (но не вслѣдствіе лекцій, кои шли тогда по этому предмету самымъ нелѣпымъ образомъ, а вслѣдствіе только-что вышедшей тогда исторіи Карамзина), и оставилъ, или почти оставилъ латинскій языкъ.

По-латыни Тимовскій объяснялъ Горація, съ студентовъ почти не взыскивалъ, и всякій дѣлалъ или не дѣлалъ, сколько хотѣлъ. Только нѣкоторые студенты, имъ замѣченные, должны были готовиться.

Въ срединѣ курса Тимовскій скончался, и мѣсто его занялъ Давыдовъ, который былъ гораздо взыскательнѣе; и я долженъ былъ принятися за латинскій языкъ поусерднѣе, занявшись комментариемъ къ одамъ Горація, представленнымъ на послѣдній выпускной экзаменъ. Замѣчаю это для того, что требовательность въ университетахъ еще нужна для успѣха студентовъ, которые всегда за нее благодарить будутъ.

Въ 1835 году послѣдовало преобразование гимназій (можетъ быть я ошибаюсь годомъ, по, право, не считаю нужнымъ справляться и употреблять минутъ пять на справку: не въ годѣ дѣло).

Я буду говорить объ этомъ преобразованіи послѣ, обозрѣвъ всѣ предметы, а теперь покончу съ судьбою латинскаго языка въ гимназіяхъ и университетахъ.

По новому уставу, на латинскій языкъ обращено было главное вниманіе, и въ гимназіяхъ предполагалось давать образованіе преимущественно классическое: вмѣсто четырехъ классовъ ученіе распространено чуть-ли не на всѣ семь классовъ, и потребовалось при вступленіи въ университетъ знакомство короткое со всѣми писателями и даже сочиненія на латинскомъ языкѣ.

Министръ Уваровъ имѣлъ самъ отличное классическое образованіе, зналъ хорошо латинскій и греческій языки, и писалъ разсужденія о классическихъ предметахъ (о которыхъ мнѣ даже отзываются съ большою похвалою, не говоря уже о цитатахъ, въ искреннемъ разговорѣ, Крейцеръ и Шлоссеръ въ 1835 г.). Училъ его профессоръ древней словесности, знаменитый эллинистъ и латинистъ Грефъ. Кто-то, не довѣряя познаніямъ Уварова, сказалъ тогда, что Уваровъ древніе языки знаетъ пополамъ съ грѣхомъ. — «Нѣтъ, отвѣчалъ я, пополамъ не съ грѣхомъ, а развѣ съ Грефомъ». Покаюсь въ этой остротѣ, совершенно несправедливой: Уваровъ зналъ языки вполне и самостоятельно.

Онъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, и гимназіи наши тогда совершенно измѣнились. Мнѣ было это горько, ибо я слишкомъ хорошо и твердо зналъ, что нужно для гимназій, вмѣсто ихъ ломки, и я сказалъ Уварову на обѣдѣ въ его домѣ, въ присутствіи покойнаго графа Протасова, бывшаго его товарища, кн. Волконскаго, тогдашняго петербургскаго попечителя, и, кажется, профессоровъ Плетнева и Розберга, что *считаю большимъ несчастіемъ для русскаго просвѣщенія то, что министръ нашъ знаетъ по-гречески и по-латыни.*

На бѣду явились Уварову такіе помощники, которые, *не зная даже по-латыни,* приняли къ сердцу такъ-названную классическую методу, и начали изъ всѣхъ силъ стараться о распространеніи латинскаго языка, точно какъ нѣкоторые мусульманскіе капитанъ-исправники въ восточныхъ губерніяхъ отличились въ то время лучше православныхъ усердіемъ и успѣхомъ при распространеніи христіанской вѣры.

На помощниковъ Уварова подѣйствовали еще сильно такъ-называвшіеся тогда молодые профессора (нынѣ уже устарѣлые), воспитанники профессорскаго института, воротившіеся къ тому же времени изъ чужихъ краевъ и какъ бы совершившіе путешествіе въ Мекку.

О нихъ я буду говорить послѣ и воздамъ имъ должное, а теперь скажу только мимоходомъ, что это были неопытные студенты, прямо съ лавокъ университета и духовныхъ академій, которые проучились въ Дерптѣ лѣтъ пять, да потомъ въ нѣмецкихъ университетахъ года по три и по четыре.

Нѣкоторые изъ нихъ были съ отличными способностями, нѣкоторые все время занимались съ прилежаніемъ, нѣкоторые... но всѣ были люди свѣжіе, приобрѣвшіе много новыхъ мыслей, взглядовъ, — и нѣмецкихъ тетрадокъ. На первыхъ порахъ они принялись усердно и съ успѣхомъ.

Я говорилъ имъ, разсуждая объ одномъ начальникѣ, котораго они тогда очень хвалили: — «Я подожду, господа, сказать о немъ свое мнѣніе, и считая главною его задачею въ настоящее время поддержать этотъ святой огонь, который въ васъ пылаетъ, посмотрю, какія онъ будетъ принимать для того мѣры. Тѣ профессора, которыхъ вы теперь смѣняете: Ивашковскіе, Котельницкіе, и прочіе, были вѣдь съ молодости также ревностны, также благоговѣли къ наукѣ, также горѣли желаніемъ распространить истину, а что случилось съ ними теперь, въ ихъ несчастной средѣ? Увидимъ, что будетъ съ вами». Это сказала я имъ, провожая ихъ отъ себя послѣ чаю, за оврагомъ на Дѣвичьемъ-полѣ, въ 1836 году. Пусть оставшіеся въ живыхъ это вспомнятъ. Къ несчастію, слова мои оказались пророчествомъ, и этому содѣйствовали многія причины, о которыхъ когда-нибудь послѣ.

Прошло съ небольшимъ десять лѣтъ, и изъ всѣхъ преобразователей остались съ наукою едва ли двое или трое, а теперь....

Всѣ эти господа возмечтали бытъ преобразователями, и надменные филистерскою гордостью, объявили, что имъ предлежитъ начинать дѣло науки, которой до нихъ въ Университетѣ будто не существовало, и что все старое должно подвергнуться остракизму.

Начальства увлеклись ими, и бросились въ нѣтъ въ объятія: одинъ думалъ начать съ ними новую эру. Это эра въ университетѣ! — «Нѣтъ», отвѣчалъ я, а развѣ *сра!* Почему же не рассказать искренно всего того, чему прошло двадцать пять лѣтъ, четверть вѣка, трехсрочная почти давность, въ назиданіе нашимъ потомкамъ. Я опишу современемъ въ подробности это время и безпристрастно оцѣню все хорошее, ибо его было также много, отдамъ ему справедливость, но не пощажу и дурного....

Между новыми профессорами, одинъ изъ лучшихъ былъ Крюковъ, прекрасныхъ свойствъ молодой человекъ, отлично знавшій свое дѣло, латинскую словесность, но исполненный нѣ-

мецкихъ предразсудковъ, и не успѣвшій нисколько ознакомиться съ состояніемъ русской жизни. Онъ видѣлъ и уважалъ великихъ нѣмецкихъ ученыхъ, и былъ отъ души увѣренъ, что для достиженія ихъ цѣли должно и у насъ непремѣнно идти тѣмъ же путемъ, то есть, должно учредить училища, гимназіи и университеты по нѣмецкимъ образцамъ.

Это убѣжденіе совпало съ образомъ мыслей министра и нашло сочувствіе безкорыстное попечителя,—и вотъ наступила въ московскомъ округѣ эпоха «латинствовавшихъ», подъ пару «жидовствовавшимъ» въ древности.

Директоры, незнавшіе аза-въ-глаза латинскаго, напр. Пого-рѣльскій, явились даже изъ реальной гимназіи съ неотступною просьбою учениковъ дать имъ съ механикою и химіею еще латинскаго учителя*). Немудрено вѣдь, что при Александрѣ Македонскомъ всѣ придворные старались ходить скривя шею.

Латинскій языкъ вытѣснилъ всѣ прочіе предметы, и на него одного обращено было главное, если не исключительное, вниманіе.

Мой добрый Лейбхехтъ, который былъ въ силахъ проработать еще лѣтъ 15 (онъ скончался только въ прошедшемъ году) и приготовить нѣсколько учителей, былъ уволенъ, и мѣсто его отдано молодому учителю. Въ другія вновь учрежденныя гимназіи опредѣлены также молодые учителя.

Каждый изъ нихъ училъ по своему, начиналъ свои опыты, но такъ какъ всѣ они были точно люди знающіе, но такъ какъ времени на латинскій языкъ назначено было очень много, и такъ какъ онъ сдѣлался главнымъ предметомъ, въ ущербъ всей совокупности гимназическаго ученія, то знаніе латинскаго языка въ гимназіяхъ точно на нѣсколько времени значительно поднялось, и изъ гимназій выходили студенты съ отличными познаніями въ латинскомъ языкѣ.

Гдѣ же эти студенты, гдѣ эти знатоки, спрошу я ревнителей латинскаго языка, гдѣ ихъ вліяніе на русскую словесность, на развитіе русской мысли, гдѣ ихъ работы надъ классиками, разсужденія, переводы, вліяніе на общественное образованіе?

Собственныя дѣти этихъ ревнителей, — жаль, что я не могу говорить яснѣе, — оказали отличные успѣхи въ латинскомъ языкѣ,—я спрашиваю, развертывали ли они латинскаго или греческаго автора не только по окончаніи курса, но даже въ университетѣ? Всѣ ихъ труды, всѣ ихъ успѣхи пропали безъ слѣда!

*) Ср. съ подобными же анекдотами нашего времени. — *Ред.*

Изъ всѣхъ отличныхъ гимназистовъ образовался одинъ профессоръ и нѣсколько гимназическихъ учителей, да и у этого профессора занятія классическія уступили другимъ современнымъ требованіямъ, и мы, послѣ прекраснаго сборника*), впродолженіи многихъ лѣтъ не видимъ ни одной страницы, отъ коей повѣяло бы древностію, да и студентамъ, говорить, удастся слышать очень мало его лекцій.

Гимназисты въ университетѣ занимались древними языками, говоря вообще, очень мало, потому что эти языки надоѣли имъ до смерти въ гимназіи, не смотря на пресловутое развитіе понятій.

Товарищъ Крюкова, Печеринъ, училъ въ университетѣ одинъ только годъ, и до такой степени умѣлъ возбудить въ студентахъ жаръ, что всѣ принялись за греческій языкъ, имъ преподаваемый, и *въ одинъ годъ* сдѣлали успѣхи невѣроятные, почти безъ приготовительныхъ познаній.

Я помню много смѣшныхъ и досадныхъ схватокъ съ Крюковымъ. Были два студента на четвертомъ курсѣ, одинъ съ хорошими способностями и познаніями, достаточно развитой, другой жалкая посредственность. Оба они написали на окончательномъ экзаменѣ по одному отвѣту на латинскомъ языкѣ. Первый написалъ листъ, но съ нѣсколькими грамматическими ошибками, другой четверку безъ ошибокъ. Крюковъ настаивалъ, чтобъ перваго, съ ошибками, перевести съ четвертаго курса назадъ на третій, а другому, безъ ошибокъ, хотя и съ пустымъ содержаніемъ, дать степень дѣйствительнаго студента. Сколько я ни спорилъ съ нимъ, онъ, поддержанный, настоялъ на своемъ, и несчастный студентъ долженъ былъ на два года удалиться отъ своей цѣли, и перешелъ въ Харьковскій университетъ. Какое же было нѣмецкое филистерское основаніе Крюкова? Студентъ безъ ошибокъ можетъ идти впередъ и успѣвать болѣе и болѣе, а студентъ съ ошибками успѣвать не можетъ прежде изученія грамматики. Напрасно я твердилъ ему, что они оба равно не будутъ заниматься латинскимъ языкомъ, а что способный и умный студентъ долженъ имѣть преимущество предъ неспособнымъ и плохимъ, хотя и случилось первому ошибиться въ спряженіяхъ, а второй спрягалъ исправно. Ничто не помогло, а въ довершеніе

*) Если нашъ почтенный авторъ имѣетъ въ виду, говоря такъ, «Пропилеи», то нельзя не согласиться вполне съ его мнѣніемъ. Одна книжка этого превосходнаго сборника оказывала успѣху классическаго образованія нашего общества гораздо болѣе, чѣмъ тысячи передовыхъ статей тѣхъ современныхъ изданій, гдѣ защищалось классическое образованіе въ ущербъ истинѣ и дѣлу. — *Ред.*

смѣшного должно сказать теперь, что латинскія упражненія, какъ узналъ я послѣ, писали не сами они, и что ни въ ошибкахъ, ни въ правильностяхъ, они оба не были ни душой ни тѣломъ не виноваты: писалъ имъ обоимъ упражненія третій студентъ. Я могу даже назвать студентовъ по именамъ: первый, показывавшій таланты, есть Бецкой, который издалъ двѣ или три книги «Молодица» въ Харьковѣ, «Мысли Жанъ-Поля», потомъ сдѣлалъ въ Италіи примѣчательное собраніе старыхъ картинъ, пожертвованное харьковскому университету, и другое примѣчательное собраніе источниковъ для исторіи городовъ, которое находится у него. Писалъ же обоимъ латинскія упражненія, одно съ ошибками, другое безъ ошибокъ, третій студентъ, Петръ Перевлѣвскій, издававшій послѣ русскихъ классиковъ.

Я увѣренъ, что съ своими способностями и познаніями Крюковъ увидѣлъ бы послѣ ошибочность своего взгляда, какъ увидѣли нѣкоторые изъ его товарищей, но, къ несчастію, смерть поразила его слишкомъ рано.

На экзаменахъ я спорилъ, горячился, при нелѣпныхъ нѣмецкихъ требованіяхъ знанія всѣхъ самыхъ исключительныхъ формъ, кои задерживали часто вступленіе въ университетъ отличныхъ молодыхъ людей, но никогда не имѣлъ терпѣнія проводить своихъ мыслей, на что потребовалось бы много времени, а время было нужно мнѣ для моихъ изслѣдованій, которыхъ до сихъ поръ не могу еще издать вполне чрезъ 15 лѣтъ по выходѣ изъ университета. Съ каждымъ годомъ я махалъ рукою больше и больше.

Изученіе мертвыхъ формъ, на которыя было обращено главное вниманіе въ гимназіяхъ, притупляло, скажу я рѣшительно, всѣ человѣческія способности, и изучать ихъ могли исключительно, не заботясь о духѣ, только такъ называемыя въ нашихъ училищахъ долбешки и зубрилки.

Въ 1841, кажется, году, во время одной изъ моихъ археологическихъ поѣздокъ во внутреннія губерніи, мнѣ случилось побывать въ нѣсколькихъ гимназіяхъ, хотя меня о томъ никто не просилъ. На вопросы мои о числѣ учениковъ и студентовъ въ гимназіи, я получалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что учится въ гимназіяхъ круглымъ числомъ человѣкъ по триста, а поступаетъ въ университетъ по пяти.

Съ этимъ результатомъ я приѣхалъ въ Порѣчье, знаменитую усадьбу Уварова, гдѣ я проводилъ у него лѣтъ 15 сряду лѣто, кромѣ поѣздокъ за-границу, и не надѣясь ни на какой успѣхъ въ университетѣ, подпавшемъ нашествію римлянъ вмѣстѣ съ варварами (какова сила), я началъ приступать къ Уварову, который любилъ меня очень много.

Уваровъ въ Порѣчѣхъ былъ совсѣмъ не то, былъ гораздо лучше, выше, чѣмъ въ Москвѣ, не только въ Петербургѣ, имѣвшемъ на него свою придворную атмосферу пагубное дѣйствіе. Это былъ умный, веселый, образованный, снисходительный, любезный хозяинъ, который оставлялъ гостямъ полную свободу, и въ искреннихъ бесѣдахъ говорилъ и слушалъ все безъ всякихъ околичностей. Въ Москвѣ противная партія предполагала Богъ знаетъ что въ порѣцкихъ бесѣдахъ, а тамъ никогда не произносилось почти ни одно собственное имя, кромѣ историческихъ, и разговоръ касался только общихъ вопросовъ науки, особенно исторіи, археологіи, филологіи, искусства. Нѣкоторые разговоры я опишу современемъ. Однажды, скажу здѣсь встать, еще въ 1841 году, мы говорили о крѣпостномъ правѣ, которое, долженъ признаться, Уваровъ защищалъ изо всѣхъ силъ, и говорилъ блистательно, разумѣется для того времени. Я записалъ его слова, и отдалъ ему на другое утро съ моими замѣчаніями, кои онъ опровергалъ въ другой разъ. Но возвратимся къ латинскому языку.

— «Послушайте, графъ (онъ тогда былъ уже пожалованъ графомъ), я принимаю охотно всѣ достоинства древнихъ языковъ для основаній образованія, но обратите вниманіе, прошу васъ, только вотъ на какія цифры: въ гимназіяхъ теперь учится у насъ по триста учениковъ, а въ университетъ поступаетъ изъ нихъ едва до пяти. Спрашивается: какъ должно быть распоряджено ученіе — имѣть-ли въ виду этихъ пятерыхъ, или думать преимущественно о 295, которые остаются служить и жить въ Васильсурскѣ, Калязинѣ, Балахнѣ или Пронскѣ? Когда потребность въ образованіи разовьется у насъ на столько, что треть пойдетъ въ университетъ, о, тогда давайте имъ классическое образованіе, если угодно, а теперь для этой тройцы или пятерки, мучить остальныхъ надъ латинской грамматикой и ея мертвыми формами, губить золотое время, когда душа требуетъ живыхъ впечатлѣній, значить не распространять, а стѣснять образованіе, притуплять способности, и я удивляюсь стойкости русскаго ума, что онъ съ такою методою въ губерніяхъ не совсѣмъ деревнѣетъ. Дайте естественную исторію гимназіямъ». — Нѣтъ, Уваровъ былъ непоколебимъ, и какъ вообще онъ былъ влюбленъ во всѣ свои мысли, особенно классическія, то и здѣсь оказалось столько же мало надежды на измѣненіе устава, какъ и въ университетѣ, хоть я всякое лѣто возобновлялъ свои приступы.

Наступилъ 1848 годъ. Вдругъ слышу я о новомъ преобразованіи въ гимназіяхъ, т. е. объ ограниченіяхъ латинскаго языка, изгнаніи греческаго и введеніи естественной исторіи и законовѣдѣнія. Какъ и чрезъ кого возникла эта мысль, добраться я не

могъ, скажу только, что она появилась *иначе соображенная*, нежели какъ я предполагалъ, непропеченная и непроваренная, безъ всякихъ руководствъ, на руки молодымъ кандидатамъ, которые не имѣли понятія о преподаваніи и начали учить, кому какъ случилось, а присмотрѣть было некому.

Классическому образованію нанесенъ былъ значительный вредъ, а реальному не принесено никакой пользы, — а только убѣжденіе для нѣкоторыхъ близорукихъ и неопытныхъ судей, что естественная исторія не можетъ принести въ гимназіяхъ никакой пользы.

Теперь пошли толки о новыхъ преобразованіяхъ, то есть *четвертыхъ*, и опять древніе языки грозятъ нашествіемъ!!!

Преобразованія, производимыя по мысли ученыхъ педантовъ, — или людьми, посвящающими рѣшенію такихъ важныхъ предметовъ времени не болѣе всякой текущей бумаги, не проходившими курса, не таявшими никакой ученой лямки, незнакомыми съ русской жизнью, — рѣшительно вредны, колебля образованіе на его основаніяхъ, и безпрестанными перемѣнами внушая сомнѣнія въ нашемъ неустановившемся обществѣ. Лучше оставаться при однихъ посредственныхъ правилахъ въ ожиданіи дѣйствительно лучшихъ, чѣмъ по русской пословицѣ вырѣзывать однѣ раны и вставлять другія.

Въ довершеніе странностей, надо сказать, что всѣ эти толки о классическомъ и реальномъ образованіи совершенно лишніе. Все то, чего требуетъ классическое образованіе, можетъ быть сдѣлано въ удовлетворительной степени въ гимназіяхъ, и вмѣстѣ сообщено воспитаннику множество необходимыхъ свѣдѣній для жизни. Надо только, чтобъ пироги пекъ пирожникъ, а сапоги точалъ сапожникъ. Постараюсь доказать это цифрами и быльями или фактами.

Выше доказалъ я, что для удовлетворительнаго изученія латинскаго языка, по опыту, достаточно по три фуроа въ недѣлю полутора часовыхъ, въ классахъ 4, 5, 6 и 7. (Въ 2 и 3 кл. подспорье). Теперь пойду далѣе къ другимъ предметамъ, также представляя свои доказательства изъ гимназическихъ воспоминаній. Помните, что въ расходѣ у насъ на латинскій языкъ только 4½ часа въ недѣлю.

Писать о предметахъ моего гимназическаго курса я буду по мѣрѣ ихъ значенія въ то время, и принесенной пользы.

Нѣмецкій языкъ преподавался очень хорошо, по той же мѣрѣ, какъ и латинскій, тѣмъ-же учителемъ г. Лейбрехтомъ. Времени употреблялось столько-же. Нѣмецкій языкъ мы узнали отлично, относительно правилъ. Жизни, приложенія, заниматель-

ности, недоставало какъ и въ латинскомъ. Еслибъ четвертому классу данъ былъ характеръ болѣе литературный, то нечего-бъ было и желать болѣе.

На нѣмецкій языкъ слѣдуетъ употребить также $4\frac{1}{2}$ часа, даже можно и менѣе, и на французскій столько же, $4\frac{1}{2}$; итакъ, въ расходъ у насъ на языки въ недѣлю 12 или 13 часовъ.

Французскій языкъ шелъ въ гимназiи очень дурно, и пользы никакой рѣшительно не было никому, не выучивался никто. Нѣкоторые ученики, въ томъ числѣ и я, брали частные уроки у того же г. Лейбрехта на-дому по два часа въ день вечеромъ.

Остановлюсь здѣсь еще на минуту: одинъ г. Лейбрехтъ преподавалъ, и преподавалъ отлично, языки латинскій, нѣмецкій и французскій, а нынѣ сколько учителей? Онъ занятъ былъ въ гимназiи по 6 часовъ въ день, кромѣ среды и субботы, когда онъ послѣ обѣда не училъ и занятъ былъ только по 4 часа, да дома у себя онъ занятъ былъ по два, — и все-таки находилъ еще время по праздникамъ, вечеромъ, на вакаціяхъ, составлять свои учебныя книги, грамматики и хрестоматiи, коихъ у него вышло изданій по десяти. Почтенный человекъ — лейпцигскій студентъ, и я до сихъ поръ, повторяю, не могу безъ сожалѣнія вспомнить, какъ подобный человекъ былъ оставленъ въ пренебреженiи, и лишенъ на 15 лѣтъ своей многополезной дѣятельности, въ угоду легкомысленнымъ педантамъ.

Пусть разсмотрятъ мои замѣчанiя, исправятъ, да и поставятъ за правило въ гимназiяхъ касательно языковъ, поручая наблюденiе за неуноснительнымъ строгимъ исполненiемъ инспекторамъ, директорамъ, и надзирателямъ. Скажите, мудроно это или нѣтъ?

За латинскимъ и нѣмецкимъ языками, по пользѣ, шла у насъ математика. Учитель былъ дѣльный — Андрей Степановичъ Терюхинъ, кандидатъ университета (который на тамошнихъ спектакляхъ игрывалъ Чванкину, Простакову, Кривосудову и проч.). Въ первомъ классѣ прямо давалась алгебра, во второмъ, геометрiя, въ третьемъ, тригонометрiя, въ четвертомъ физика. Въ алгебрѣ всякія задачи мы дѣлали хорошо, въ геометрiи и тригонометрiи доказывали всѣ теоремы порознь отчетливо, но связь ихъ, приложенiе, значенiе, объяснены не были. Изъ физики мы узнавали кое-что и получали нѣкоторое понятiе. Математикѣ нужно $4\frac{1}{2}$ часа въ недѣлю въ четырехъ классахъ.

У насъ господствовалъ предрасудокъ, что математикою могутъ заниматься только нѣкоторые ученики, и никто не заботился искоренить его. Такъ и смотрѣлось сквозь пальцы на это опущенiе. Бываетъ расположенiе у иныхъ учениковъ къ матема-

тивѣ, у другихъ въ словесности,—это такъ, нельзя требовать у всѣхъ одинаковыхъ успѣховъ, — но занятій требовать должно, кромѣ случаевъ особливыхъ.

Естественная исторія преподавалась если не удовлетворительно, то по крайней мѣрѣ порядочно. Учителемъ былъ Михаилъ Игнатьевичъ Бѣляковъ, который послѣ былъ инспекторомъ казенныхъ заведеній. Во 2-мъ классѣ мы занимались минералогіею, въ 3-мъ ботаникою, въ 4-мъ зоологіею и технологіею. Для каждой науки переписывалось по толстой тетради, листовъ въ 30, которую мы выучивали наизусть, и въ классѣ рассказывали слово въ слово. Но главное—учитель показывалъ намъ въ классѣ минералогіи всѣ камни, и мы научались различать шпаты, колчеданы, получали понятіе о земляхъ, горючихъ веществахъ, соляхъ, металлахъ. Выученный толковито запасъ пригодился навсегда.

Съ ботаникою было похуже, потому что самъ учитель былъ въ ней слабѣе, но все таки приносилъ онъ намъ растенія, показывалъ пестики, тычинки, и мы узнавали систему Линнея, Жюссье, толковали даже о тайнобрачныхъ растеніяхъ и были такъ свазать *овосточены* въ науку на всю жизнь.

Зоологія шла хуже, и только картинки, показываемыя учителемъ, привлекали наше вниманіе.

Наконецъ, технологія была утомительна, но все-таки знакомство съ номенклатурою принесло пользу.

Настоящіе толки противъ естественной исторіи въ гимназіяхъ обнаруживаютъ ограниченный педантизмъ или неповоротливость, невнимательность надзирающихъ, и тупость, неопытность, неумѣніе взяться за дѣло учителей, которые пущены въ гимназіи безъ всякаго совѣта и учатъ безъ всякаго надзора.

Но вы прочтите въ классѣ зоологіи хоть нѣсколько статей Бюффона, да книги Аксакова, да птицъ Одюбона, ну вотъ вамъ на первый случай и здѣсь окажется великая польза.

Изъ литературы ли ботаники не найдется занимательнаго чтенія, минералогіи, геологіи? Прогулки лѣтомъ за городъ, наглядное знакомство съ природою,—помилуйте, да одинъ день принесетъ больше пользы, не считая удовольствія, ученикамъ, чѣмъ недѣля съ вашими параграфами, рубриками, формами, часто пустыми и всегда мертвыми.

Естественная исторія требуетъ по 3 часа въ недѣлю въ четырехъ классахъ.

Ованчивая съ естественной исторіей, замѣчу, что во 2-мъ классѣ постоянно отламывались учениками кусочки отъ показанныхъ камней, и нибѣмъ изъ учениковъ не считалось это предо-

судительнымъ. Вотъ какъ мало было развито понятіе о долгѣ, и никто не заботился внушить его живымъ образомъ, къ сердцу — а повторялись одни общія мѣста, кои повторяются и до сихъ поръ, не принося никакой пользы. Порокъ нашей педагогіи, происходящій наиболѣе отъ неразвитости въ понятіяхъ, отъ жестокости въ чувствахъ самихъ педагоговъ.

Географія и исторія преподавались гнуснѣйшимъ образомъ, но мы этого отнюдь не замѣчали и были исполнены уваженія къ учителю Алексѣю Егоровичу Добровольскому, воспитаннику стараго педагогическаго института.

Въ первомъ классѣ проходила географія по Зябловскому, — Европа. Во второмъ прочія части свѣта. Отмѣчались по книгѣ мѣста, кои должно было выучить и показать на картѣ. Ни единого слова въ объясненіе. Узнавали мы только собственныя имена, и получали кое-какое понятіе о положеніи странъ, морей, рѣкъ, горъ, городовъ.

Изъ исторіи въ первомъ классѣ выучивалась маленькая тетрадка листовъ въ пять съ кое-какими свѣдѣніями объ Египтѣ, Греціи, Ассиріи. Во второмъ классѣ римская исторія: нѣсколько выписокъ изъ Миллота безъ малѣйшей связи: цари, республика, децемвиры, нашествіе галловъ, война съ тарентинцами, первая вторая, третья пуническая война. Соперничество Марія и Силлы, Два триумвирата — и конченъ балъ.

Изъ русской исторіи, въ 3-мъ классѣ, выучивалась также тетрадка, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ книжки для народныхъ училищъ, безъ малѣйшей связи. Главную роль играло нашествіе татаръ и еще что-то.

Въ 4-мъ классѣ проходила статистика Россійской имперіи, которая выучивалась наизусть, какъ и вышеупомянутыя тетрадки.

Учитель отличался величественною наружностію и держалъ себя грандіозно, предлагалъ простѣйшіе вопросы тономъ трагическимъ, и мы въ продолженіи всѣхъ курсовъ предъ нимъ благоговѣли. Вотъ какія были времена! Никому въ голову не приходило, что онъ былъ просто невѣжда (не тѣмъ будь помянуть), не имѣвшій понятія о своемъ дѣлѣ. Но все-таки долженъ я сказать, что это благоговѣніе, которое онъ умѣлъ внушать къ себѣ, есть важное достоинство въ учителѣ и профессорѣ. Теперь уже прошло время для такихъ чувствованій, и педагогія должна придумывать другія средства, чтобъ дѣйствовать со властію.

О послѣдовавшихъ учителяхъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, я мало слышалъ хорошаго. Они являлись съ университетскими тетрадками или Лоренцомъ, и заставляли несчастныхъ мальчиковъ считать и мѣрять ниневійскіе кирпичи, или бродить по Во-

стоку, присутствовать при тайныхъ жертвоприношеніяхъ, а Циціона, Аристида, Алкуина никогда ученики и по именамъ не слышали. Ахъ, сколько зла причинилъ глупый педантизмъ, надмевавшій кучу посредственностей послѣдняго времени, не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ!

Да вы читайте въ классѣ древней исторіи по крайней мѣрѣ Плутарховы жизнеописанія, и спрашивайте ихъ съ учениковъ, заставляйте выучивать наизусть хронологическую краткую таблицу и познакомьте ихъ хорошенько съ картами. Изъ средней исторіи выбирайте также книги для чтенія въ классѣ и дома, о коихъ надобно потомъ строго разспрашивать, заставьте дѣлать краткіе перечни исторіи всѣхъ государствъ порознь и выучить ихъ наизусть, переспросите ихъ разъ пять въ годъ, оживляя ихъ своими дополнительными рассказами, изображеніями главныхъ дѣятелей, напримѣръ, Аттилы, по Тьери, Карла Великаго, Альфреда. Прочтите сполна исторію крестовыхъ походовъ Мишо и т. п. Новую исторію надо проходить непременно подробнѣе.

Изъ русской исторіи кромѣ руководствъ читайте Карамзина, Карамзина и еще Карамзина. Хронологическій перечень происшествій долженъ быть также выученъ наизусть.

Ученіе наизусть подверглось у насъ гоненію, потому что очень легко набрать много общихъ мѣстъ противъ этого ученія. Но осуждать его безусловно не слѣдуетъ. *Злоупотребленіе* вредно, но разумное употребленіе въ мѣру для изоцренія памяти, для образованія слога, для пріученія къ складному выраженію мыслей, всегда присовѣтовать можно. Будь это сказано не во гнѣвъ героямъ развитія, которые умѣютъ только завивать, то есть притуплять понятія.

Статистику я бы исключилъ изъ гимназическаго курса, равно, какъ и физику. Нѣсколько опытовъ хорошихъ всегда, впрочемъ, полезно, чтобъ возбудить любопытство и разогрѣть воображеніе.

Для географіи въ первомъ классѣ, т. е. нынѣшнемъ четвертомъ, непременно надо показывать систему міра на снарядѣ, и перечестъ прекрасныя лекціи Митчеля, переданныя г. Миномъ съ объясненіями. Прочестъ нѣсколько разсужденій Риттера хоть изъ Фроловскаго «Магазина», сообщать свѣдѣнія изъ трудовъ географическаго общества, читать отрывки изъ любопытныхъ путешествій, оживлять классы, и какъ можно меньше тетрадокъ и параграфовъ.

Въ послѣднее время въ Германіи и Франціи вышло столько вспомогательныхъ таблицъ, картъ, рисунковъ, цѣлыхъ атласовъ, что удивляться надо, какъ наши учебныя заведенія остаются до сихъ поръ въ такомъ жалкомъ положеніи.

Мнѣ должно описать теперь классъ русской словесности. Это былъ классъ до такой степени уродливый, нелѣпый — учитель былъ до такой степени лишенъ всякихъ не только педагогическихъ способностей, но малѣйшаго смысла, что тяжело и вспомнить о немъ. И между тѣмъ, это былъ добрѣйшій, ученѣйшій человекъ, впоследствии даже профессоръ *греческой* словесности, трудолюбивый сочинитель лексикона и пр., Семень Мартыновичъ Ивашковскій. Послушайте-ка, что онъ намъ преподавалъ: въ первомъ классѣ логику и всеобщую грамматику, во 2-мъ классѣ психологію и нравственность, въ 3-мъ риторику, піитику и эстетику, въ 4-мъ естественное право и политическую экономію. Жалуются у насъ теперь на множество предметовъ: вотъ оно множество-то, — а выдерживала все крѣпкая русская голова, какъ ни въ чемъ не бывало!

Какъ же преподавалъ свои предметы почтеннѣйшій Семень Мартыновичъ?

Онъ являлся всякій разъ въ классъ и начиналъ ходить взадъ и впередъ, пыхтя и ворча себѣ подъ носъ, потомъ диктовалъ часть, и полчаса спрашивалъ заданный прежде урокъ.

Вообразите себѣ, что на публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи публики, онъ выходилъ на сцену съ толстою тетрадю и спрашивалъ учениковъ по-очереди: что есть эстетика? Какъ раздѣляется эстетика? И визитаторы Мерзляковъ, Цвѣтаевъ, Двигубскій, спойкойно слушали вопросы и отвѣты, и ниго не видаль здѣсь ничего страннаго.

Не должно думать, чтобъ мы выучивали всѣ восемь толстыхъ тетрадей наизусть. Нѣтъ, онѣ были раздѣлены на вопросы и отвѣты, слѣдовательно всякій ученикъ выучивалъ только тотъ отвѣтъ, который ему достанется, а расчесть это было не мудрено, ибо Семень Мартыновичъ начиналъ всегда съ перваго ученика, и потомъ, смотря только въ свою тетрадь, восклицалъ: слѣдующій, слѣдующій! Всякій ученикъ получалъ по одному вопросу, (точно такъ онъ нанималъ и извоциковъ: «въ городъ!» — Столько-то! — слѣдующій, столько-то, слѣдующій! и наконецъ, онъ садится къ тому, кто изъ слѣдующихъ запрашивалъ всѣхъ меньше).

Иногда Семень Мартыновичъ предлагалъ какіе-то отвлеченные вопросы не изъ выученной тетради, а изъ книги, по долгому размышленіи, въ родѣ загадки. Ученики отгадывали, разумѣется, очень рѣдко, тогда онъ проговаривалъ нѣсколько словъ, и взявъ шляпу уходилъ.

Въ третьемъ классѣ онъ давалъ еще перевести намъ нѣсколько Фонтенелевыхъ писемъ для перевода, — вотъ и всѣ упраж-

ненія! Все время въ классахъ рѣшительно было убиваемо еще хуже, чѣмъ въ классѣ историческомъ.

Но мы всѣ знали хорошо по-русски, писали правильно, любили словесность, знали наизусть Озерова, Жуковскаго, Крылова, восхищались Карамзинымъ; Озерова трагедіи, послѣ французовъ рѣдкія, продавались по 25 р. асс. за экземпляръ. Мнѣ удалось добыть какъ-то выгодно «Димитрія Донскаго», и это было торжество для нѣсколькихъ комнатъ. Въ каждой комнатѣ были охотники до словесности. Въ воскресенье привозилъ всякій изъ дому новую книжку, и она отправлялась гулять по всему классу. У меня были собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, въ 12-ти частяхъ,—ну вотъ вамъ и школа, замѣнявшая наставленія Семена Мартыновича!

А вторая школа—это театръ, куда мы ходили всякій бенефисъ, въ раѣкъ, человѣка по четыре, по пяти, безъ спроса, украдкою, въ подворотню, чрезъ больничную дверь, всѣми неправдами, пренебрегая величайшими опасностями, кланаясь солдатамъ-сторожамъ, кормя собакъ и проч. Видѣнный бенефисъ, разумѣется, съ четырьмя пьесами, доставлялъ предметовъ на разговоръ въ продолженіе цѣлой недѣли, изошрялъ вкусъ, знакомилъ съ именами, съ событіями.

Русская словесность и послѣ имѣла рѣдко хорошихъ учителей: учителя-педанты, воспитанники профессоровъ-педантовъ, являлись въ гимназіи съ тетрадами учителей, и заставляли несчастныхъ ломать головы надъ университетскими теоріями. Ко мнѣ приходилъ сынъ часто спрашивать объясненія Несторовыхъ мѣстъ, кои задавались ему для перевода, а по-русски онъ писалъ еще съ ошибками. Последняя грамматика г-на Н. запутаетъ, вѣроятно, учителей окончательно, вмѣстѣ съ исторіей г-на Н. Н., и мы осудимся на долговременную безграмотность, пока таланты не выбьются изъ-подъ ига. Недавно знакомая дама просила у меня Сумарокова и Озерова, да спросила есть-ли Эврипидъ на русскомъ языкѣ? — На что вамъ все это?—Сыну моей знакомой задано въ гимназіи написать сравненіе между Сумаровымъ, Озеровымъ, Расиномъ и Эврипидомъ! Каковъ педагогъ! Знакомый учитель мнѣ жаловался, что не могъ найти нигдѣ разбора Гамлетова, помѣщеннаго когда-то въ Телеграфѣ. — Помилуйте, на что вамъ его?—Чтобъ имѣть понятіе о критикѣ 30-хъ годовъ, отвѣчалъ онъ торжественно.—Скажите, мм. гг., что дѣлать со всѣми этими приведенными въ примѣръ учителями и ихъ наставниками? Я думаю, что ихъ надо ошачивать холодною водою надъ колодеземъ въ продолженіи долгаго времени.

Задавать больше упражненія, соблюдая постепенность, раз-

бирать ихъ со вниманіемъ и толкомъ, и какъ можно чаще читать лучшія сочиненія въ стихахъ и прозѣ, старыя и новыя, при чемъ должно обращать вниманіе и на искусство чтенія, пропажающее у насъ болѣе и болѣе вмѣстѣ съ хорошимъ почеркомъ.

А какой былъ надзоръ надъ нами? Надзора надъ нами было собственно никакого: инспекторомъ былъ тотъ же Семень Мартыновичъ, который ничего не видалъ, ничего не понималъ, а бѣда, если кто-нибудь попадался ему въ злую минуту — подъ руку.

По комнатамъ были надзирателями такъ-называемые старшіе ученики, лучшіе ученики 4 класса, они пользовались великимъ уваженіемъ и большою властію, — и дѣла шли порядочно, шалостей большихъ никогда не бывало, и если случались иногда какія-нибудь, то очень тайно. Завелась въ послѣдствіи игра въ карты, на бумагу.

Поутру мы вставали въ 6-ть часовъ и получали по куску чернаго хлѣба на завтракъ. Я имѣлъ изъ дому по 10 к. с. на недѣлю, которыя и употреблялись на сбитень, и то иногда, потому что нужно было приберегать на театръ. (Мѣсто въ ракъ стоило 25 коп.). Обѣдъ въ 12½ часовъ: щи и каша, плохіе!

Старшій смотрѣлъ за вставаніемъ и за занятіями въ классахъ до звонка. Звонокъ въ 8-мь часовъ. Два класса продолжались 4 часа. Потомъ обѣдъ, отдыхъ, въ 2 часа послѣобѣденный классъ до 4-хъ.

По средамъ и субботамъ рисованіе.

Въ 5-ть часовъ ученики опять садились въ классы, получая по куску чернаго хлѣба, приготавливаясь къ завтрашнему дню, до 8-ми часовъ. Отдыхъ. Ложились въ 9 часовъ.

Я не говорилъ еще ничего о директорѣ, Петрѣ Михайловичѣ Дружининѣ (который доставилъ университету огромныя пожертвованія Демидова и Зосимы). Это былъ добрейшій человекъ, котораго смѣю считать своимъ благодѣтелемъ: получивъ деньги отъ отца сто руб. асс. да на обзаведеніе 50 руб., февраля 14-го 1814 г., онъ больше не получалъ уже, кажется, ни разу въ продолженіе всего курса, потому что отецъ, разоренный французами, не могъ платить. Дружининъ все ждалъ, и получилъ долгъ сполна уже тогда, какъ я былъ въ университетѣ, и наши обстоятельства поправились. *Le bon vieux temps!*

Дружининъ въ гимназій ничего не дѣлалъ, и мы видали его иногда только на экзаменѣ, откуда онъ спѣшилъ увести къ себѣ поскорѣе Мерзлякова, Чумакова, Котельницкаго, — отвѣдывать его наливоеъ.

Теперь извольте судить, какъ же это дѣла-то шли, и гимназія доставляла университету лучшихъ воспитанниковъ, которыхъ имена до сихъ поръ извѣстны. Директоръ ничего не дѣлалъ, инспекторъ почти не существовалъ, или существовалъ отрицательно, главный учитель русской словесности ничему не училъ, историческій также. Надзирателей не было. Экономъ, Бородатовъ, существо совершенно безтолковое, безъ всякаго образованія. Канцеляріи никакой, одинъ писарь у директора, Ефимъ, который и дѣлалъ все, когда не пилъ. Одинъ былъ учитель очень хорошій, другой хорошій, третій порядочный—вотъ и все. О развитіи, которое послѣ вошло въ моду, не было и помину. Дѣло шло по *заведенному порядку*, какъ шла Россія по устройенію Петрову или Екатеринину. А потомъ порядокъ ослабѣлъ, и начались реформы, часто къ худшему.

Пансіонеры платили въ годъ по 200 р. асс. за все, за ученіе, за содержаніе, за одежду (толстые желтые коровьи сюртуки, темнозеленныя брюки), за сапоги, за бѣлье, за учебныя пособія, книги, бумагу, и проч.

Гимназія помѣщалась на Кисловкѣ, въ домѣ Ланга, послѣ Русселя, Крича, и теперь, не знаю—чей. Шесть комнатъ внизу—классы (4 для гимназіи, 2 для уѣзднаго училища), вверху шесть комнатъ для учениковъ. По бокамъ, квартиры для учителей, комнаты по двѣ.

Лѣтомъ играли на большомъ дворѣ въ лапту, и ходили довольно часто на Воробьевы горы по праздникамъ. По половинѣ калача и молока доставляли живѣйшую радость, которой съ разсказами становилось на недѣлю.

Въ гимназіяхъ у насъ теперь директорами большею частію чиновники, которые ведутъ письменную часть, стараются для поспѣтителей держать внѣшнюю сторону въ порядкѣ, съ блескомъ, и сдавать экзамены на славу—вотъ и все. Пониманія своихъ обязанностей вообще мало, такъ какъ въ прочихъ вѣдомствахъ, подчинившихся привычкѣ (рутинѣ). Необходима, употреблю выраженіе Петрова времени, «встряска», или употребляя выраженіе библейское: «бани пакибытія». Въ директоры попадаютъ теперь промотавшіеся дворяне, чьи-нибудь родственники. Обширная казенная квартира, хорошее жалованье, независимость и возможность ничего не дѣлать, потому что контроля никакого: осмотры ничего не значать¹⁾!

¹⁾ Это писано лѣтъ 15 назадъ, и теперь многое переимѣнилось, какъ слышу, къ лучшему,

Соберемъ теперь наши заключенія и подведемъ итоги классическихъ часовъ.

Латинскій языкъ	4½ часа.
Нѣмецкій >	4½ >
Французскій >	4½ >
Русскій >	4½ >
Математика	3 >
Географія и Исторія	3 >
Естественная Исторія	3 >

Итого. . . 27 часовъ въ недѣлю.

По три урока въ день отъ 8 до 12½ часовъ, занимаютъ 27 часовъ. Можно прибавить еще по часу въ день на ученіе. Въ 2 ч. обѣдъ, отъ 3 до 9 и 10—свободное время для приготовления и отдыха. Два класса прибавить, послѣобѣденные, для закона Божія — объяснять богослуженіе, а священную исторію соединить съ всеобщую. По воскресеньямъ толковать евангеліе.

Можно найти время утреннее для закона Божія, передвинувъ нѣсколько предметы и отдѣливъ часть ихъ третьему классу.

Обстоятельства въ каждой гимназій укажутъ другіе предметы. Главное, помнить и принять за правило, что буква умерщвляетъ, а духъ животворитъ.

Нашлось ли время для всѣхъ предметовъ классическихъ и реальныхъ?

Я долженъ бы сказать здѣсь нѣсколько словъ о преподаваніи закона Божія въ гимназіяхъ: пусть всѣ преподаватели, полага руку на сердце, скажутъ, сколько нравственной и умственной пользы принесло до сихъ поръ ихъ преподаваніе. Смѣю думать, что они всѣ единогласно рѣшатъ о необходимости совершеннаго преобразования въ ихъ урокахъ.

Надо сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о законовѣдѣніи противъ возраженій, слышныхъ даже отъ профессоровъ, которые, сознаемся, очень обмелѣли, не смотря на многія блистательныя исключенія: «куда эти права для гимназій, онѣ требуютъ обширнаго изученія», и прочія общія мѣста. Возражатели имѣютъ все въ виду курсъ законовѣдѣнія въ нѣмецкомъ университетѣ съ Савиньи и Гансомъ. Да не о курсѣ идетъ рѣчь для нашихъ губернскихъ гимназій, а о паспортѣ, явочномъ прошеніи, объ исправникѣ, губернскомъ правленіи и тому подобныхъ простыхъ, насущныхъ понятіяхъ — вы объясните ихъ гимназисту, и довольно съ него. Не умѣютъ сами объяснить ничего просто, не умѣютъ извлечь нужное, да и восклицаютъ, что предметъ не

гимназическій, какъ - будто азбука не имѣетъ своей академической стороны, а астрономія гимназической!

Самое полезное преобразование для гимназій было бы, по моему мнѣнію, вотъ какое:

Улучшить бытъ учителей, которые теперь страдаютъ, между тѣмъ какъ директоры и инспекторы благоденствуютъ подъ смовницами.

Какъ можно улучшить бытъ учителей?

1) Доставить имъ казенныя квартиры, и это очень легко и удобно, безъ всякихъ расходовъ со стороны правительства: стѣитъ только немного потѣснить гг. директоровъ и инспекторовъ, которые въ иныхъ городахъ занимаютъ квартиры министерскія. Когда у учителя устроится теплое гнѣздо и ему не нужно будетъ во всякую слякоть таскаться въ гимназію, искать себѣ часто квартиры, заботиться о покупкѣ дровъ и т. п., то съ него спадетъ половина хлопотъ и неприятностей: онъ сбережетъ много времени и спокойнѣе можетъ заниматься своимъ дѣломъ.

2) Позволить учителямъ имѣть нахлѣбниковъ, коихъ теперь мѣшають имѣть имъ, отбивая для пансіоновъ. Съ двумя-тремя нахлѣбниками учитель обезпечится въ своемъ содержаніи, а для многихъ родителей великое удовольствіе отдать дѣтей на руки порядочному человѣку, и сколько нибудь застраховать ихъ нравственность; для дѣтей — великая польза быть подъ надзоромъ, имѣть у кого просить совѣта и т. п.

Возраженія могутъ дѣлать только тѣ, кои не понимаютъ дѣла и судятъ поверхностно: учителя будутъ оказывать пристрастіе въ своимъ нахлѣбникамъ! А надзоръ-то для чего? Директоры и инспекторы мотори, чтобъ не было злоупотребленія. Впрочемъ, такое злоупотребленіе не слишкомъ легко: переводить, напримѣръ, изъ класса въ классъ при недостаточности свѣдѣній, или, еще труднѣе, выдать окончательный аттестатъ. Надо помнить, что всѣ переводы и выпуски дѣлаются съ совѣта всѣхъ учителей, притомъ предъ лицемъ, такъ сказать, всего заведенія. Мудрено повторять часто беззаконныя явленія; всегда найдутся обличители; наконецъ, доброе имя въ городѣ что нибудь да значить; марать себя не всякій посмѣетъ или рѣшится. А отъ злоупотребленія, въ той или другой формѣ, никогда избѣжать нельзя, и за всѣми, за всѣмъ, никто не усмотритъ. Лучше имѣть довѣренность — и наблюдать строго.

Наконецъ, вообще для гимназій полезнѣе всего:

1) Предоставить совѣтамъ гораздо болѣе власти, и ограничить произволъ директоровъ, которые во всѣхъ важныхъ случаяхъ должны сообразоваться съ большинствомъ голосовъ.

2) Раскрыть настежь двери въ гимназическихъ бібліотекахъ, и поставить въ дверяхъ сторожей съ калачами; стараться о снабженіи бібліотекъ хорошими, занимательными книгами, и тѣмъ уничтожить оброчную статью директоровъ, которые пользуются ею для себя, или обращаютъ бібліотечныя суммы на вращеніе стѣнъ и лощеніе половъ.

3) Возбуждать, кому случится, директору, инспектору, учителямъ, общее любопытство извѣстіями о новыхъ изданныхъ книгахъ, статьяхъ, критикахъ, дѣйствующихъ лицахъ на поприщѣ словесности, науки, и искусства, исторіи. Однимъ словомъ, стараться, чтобъ гимназія была живымъ организмомъ, а не учебнымъ трупомъ.

4) Давать больше простору мѣстнымъ учебнымъ начальствамъ. Пусть всякое дѣйствуетъ смотря по своимъ обстоятельствамъ, и отвѣчаетъ преимущественно предъ общимъ мнѣніемъ.

5) Необходимо недреманное око за ходомъ ученаго и учебного дѣла: ободрять, оживлять, награждать—и взыскивать.

6) Полная гласность и свобода разсуждать о всѣхъ ученыхъ и учебныхъ предметахъ, о методахъ, о преподаваніи — неограниченная *).

М. Погодинъ.

Москва. 18 ноября, 1859.

¹⁾ Многое изъ вышесказаннаго теперь, слава Богу, исполнено. — *Авт.*

^{*} Именно все это имѣлось въ виду при составленіи новаго устава учебныхъ заведеній въ министерство А. В. Головина. Но въ началѣ нынѣшняго года (см. т. I стр. 415), мы уже сообщили нашимъ читателямъ предположеніе министерства народнаго просвѣщенія относительно «измѣненій, которыя слѣдовало бы произвести въ уставѣ». Не знаемъ, осуществляется ли это предположеніе; но за то извѣстно, что во многомъ и существенномъ новый уставъ еще не успѣлъ найти себѣ полного примѣненія. Вообще, въ идеяхъ, направляющихъ народное образованіе, у насъ наступило время *interregnum*, которое нельзя не назвать слишкомъ продолжительнымъ. — Конечно, ближайшія подробности о нашей эпохѣ, по отношенію хода учебныхъ заведеній, можно будетъ узнать оиать лѣтъ чрезъ 50, если кому нибудь изъ обучающихся въ наше время придетъ таже счастливая мысль, какая пришла Михаилу Петровичу, вспомнившему свою школу, какъ въ ней онъ учился почти полстолѣтія тому назадъ. М. П. находить причины за многое благодарить свою школьную эпоху; заслужимъ ли мы тоже самое—это вопросъ, который мы не имѣемъ права рѣшать сами. — *Ред.*

ПОЗДНѢЙШІЯ ВОЛНЕНІЯ

ВЪ

ОРЕНБУРГСКОМЪ КРАѢ

(Историческій разсказъ.)

II *).

Самозванецъ 1845-го года ¹⁾).

Возстаніе государственныхъ крестьянъ, въ 1843 году, хотя и было, повидимому, закончено извѣстною намъ эзекуціею, совершенною по разнымъ деревнямъ Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи; но эзекуція не коснулась да и не могла коснуться самага корня, откуда выросло возстаніе, тѣхъ злоупотребленій, которыя вызвали въ народѣ неудовольствіе въ формѣ, правда, соотвѣтственной невѣжественному состоянію ума нашего простолюдина. Эти злоупотребленія прежнихъ дѣятелей «добраго стараго времени» продолжали сохранять всю свою силу, и стоящая молва разсказывала о нихъ долго въ самыхъ разнообразныхъ и наивныхъ формахъ. Оренбургскіе старожилы помнятъ изъ той эпохи реформъ государственныхъ крестьянъ, какъ одинъ изъ сановниковъ, объѣзжавшихъ Челябинскій уѣздъ, вздумалъ спросить крестьянина: «Когда ему жилось легче, при старыхъ или новыхъ порядкахъ?» — и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— При старыхъ жить было тяжелѣе, а потому болѣе (продолжалъ крестьянинъ), что въ былое время, коли заведется у тебя

*). См. выше, т. II, стр. 535 — 616.

¹⁾ «Дѣло о распространеніи государственными крестьянами Челябинскаго уѣзда вѣдѣныхъ толковъ» (по архивн. описи № 12.323).

какое дѣло, ты взвалишь себѣ на плечи цѣлаго барана, да и прешь-прямо въ справнику, ну вѣстимо за дорогу-то и устанешь... А нонѣ коли случится какая оказія, возьмешь въ руку только одну хворостину, да и гонишь все стадо къ окружному, такъ оно знамо дѣло и легче, потому значить, что ноша-то тебя не трудить...

Такое облегченіе и ему подобныя, естественно, мало удовлетворяли крестьянъ, а между тѣмъ ихъ не переставала тревожить мысль о тѣхъ шести-стахъ человѣкѣхъ, которые, вслѣдствіе возстанія, были заключены въ Челябинскій острогъ, гдѣ вскорѣ между арестантами отерялась большая смертность отъ тѣсноты помѣщенія, лѣтнихъ жаровъ, болѣзненнаго состоянія жестоко наказанныхъ, а главное, отъ дурного содержанія. Дѣло тянулось уже годъ, а окончаніе его могло предвидѣться въ далекомъ будущемъ. Все это увеличивало въ крестьянахъ сочувствіе къ заключеннымъ, а между тѣмъ время начало уменьшать страхъ, внушенный экзекуціею, и уже въ концѣ 1844 года крестьяне различныхъ селеній начали помышлять о необходимости подать помощь заключеннымъ. Но къ какимъ средствамъ прибѣгнуть, чтобы не понести новой отвѣтственности и новаго наказанія? Повсюду открылись совѣщанія по этому дѣлу, и наконецъ на одной изъ крестьянскихъ сходокъ было заявлено, что ходитъ слухъ, будто въ Оренбургскую губернію вскорѣ пріѣдетъ, для самаго справедливаго рѣшенія участи заключенныхъ, одинъ изъ членовъ царской фамиліи. Такой слухъ, совпадая вполне съ народнымъ убѣжденіемъ, что «суда праваго и милосердаго можно ждать только отъ царя-батюшки», — легко привился, и изъ предположенія сдѣлался фактомъ. Съ этой минуты пріѣздъ «царева сродника», съ цѣлью обслѣдованія всѣхъ несправедливостей по дѣлу о возстаніи 1843 года, казался крестьянамъ несомнѣннымъ. Тутъ же рѣшено было, что слѣдуетъ подать тому лицу, или государю жалобу на дѣйствія губернскаго начальства, поставившаго къ нимъ «екзекуціонныя команды», которыя вскорѣ приняли видъ «обжорныхъ», съ объясненіемъ въ челобитной всѣхъ убытковъ, нанесенныхъ каждому изъ нихъ, отъ такого распоряженія. На частныхъ сходкахъ были выбраны довѣренные, для ходатайства по дѣлу и подачи приговоровъ объ убыткахъ государю. Когда приговоры были заготовлены, ихъ стали развозить по селеніямъ для «отобранія рукъ»; большинство подписывалось охотно, даже за отсутствующихъ прикладывали руки нерѣдко безъ вѣдома послѣднихъ.

Ко всему этому присоединился новый слухъ; сохраняющійся въ видѣ легенды до сихъ поръ, что въ Кислянской волости на могилѣ засѣченнаго на смерть генераломъ Обручевымъ одного изъ бунтовщиковъ 1843 года, каждую ночь спускается съ неба

и теплится свѣча, и что такое знаменіе, ниспосланное свыше, свидѣтельствуесть о правотѣ пострадавшаго за міръ! Извѣстіе объ этомъ чудѣ укрѣпило окончательно вѣру крестьянъ въ правоту и новаго ихъ дѣла. Они видѣли въ этомъ благословіе Божіе ихъ начинаніямъ. Толки о чудесномъ явленіи, и составленіе приговоровъ занимали крестьянъ въ теченіе 1844 года; но они не рѣшались, до пріѣзда «царева сродника», начать дѣло. Нужно было потому новое побужденіе, а при умственномъ уровнѣ нашего крестьянина надобно было ожидать, что первая нелѣпость можетъ послужить достаточнымъ поводомъ къ возобновенію смуты.

Эта новая нелѣпость родилась изъ самого настроенія крестьянъ. Неблагонамѣренные люди желали воспользоваться твердымъ убѣжденіемъ народа въ скоромъ прибытіи ожидаемаго имъ «царева сродника», и распустили слухъ, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ живъ, что онъ стоитъ съ войскомъ въ степи за линіею и скоро прійдетъ, чтобы рѣшить дѣло сообразно съ желаніемъ недовольныхъ, истребить волостныхъ начальниковъ, а также и всѣхъ крестьянъ, не принимавшихъ участія въ мятежѣ 1843 года. Слухъ этотъ быстро охватилъ уѣздъ; недавно покорившіеся силѣ мятежники, начали опять собирать сходы, на которыхъ одни изъявили готовность помогать мнимому цесаревичу, а другіе еще съ большею поспѣшностью принялись за составленіе прежнихъ приговоровъ о понесенныхъ ими убыткахъ, опасаясь за бездѣйствіе подвергнуться страшному гнѣву самозванца, и готовились въ защиту себѣ предъявить свои жалобы, какъ фактъ несомнѣннаго участія ихъ въ общемъ дѣлѣ. Вслѣдъ за этимъ слухомъ получилось болѣе опредѣленное свѣдѣніе, что великій князь Константинъ уже давно въ Челябинскомъ уѣздѣ — тайно проживаетъ въ Каминской волости, въ деревнѣ Закауловой, въ домѣ крестьянина Ивана Малькова. Преданіе рассказываетъ о появленіи самозванца такъ:

Жилъ онъ въ нарочно устроенной для него въ домѣ Малькова подпольной комнатѣ, въ которой поставлена была печка съ лежанкою, замѣнявшей самозванцу кровать. Человѣкъ онъ (князь) былъ грамотный и занимался усердно чтеніемъ и письмомъ, съ охотою принимая обучать грамотѣ немногихъ желающихъ учиться крестьянскихъ дѣтей. Вообще сначала велъ онъ жизнь скромную, уединенную, почти отшельническую. О своемъ происхожденіи открылъ онъ «подъ великимъ страхомъ» сначала хозяину, давшему ему пріютъ въ своемъ домѣ, потомъ его роднымъ и наконецъ знакомымъ и всѣмъ однодеревенцамъ Малькова. Самозванецъ, открывая тайну своего происхожденія, не забывалъ при этомъ удобномъ случаѣ заявить свои предначертанія, разумѣется,

вполнѣ сходныя съ завѣтною мыслью крестьянъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что свои предназначенія самозванецъ почерпнулъ изъ толковъ крестьянскихъ, но какъ бы то ни было, только его солидарность съ желаніями народа чрезвычайно пришлась по душѣ легкомысленнымъ мірянамъ и сразу приковала къ нему много простодушныхъ сердецъ крестьянъ. Домъ Малькова сдѣлался пунктомъ крестьянскихъ сборищъ, которыя сначала, ограничиваясь любопытствомъ поглазѣть на «царевича», вскорѣ принимаютъ характеръ совѣщательный... Хозяинъ, съ подобающей случаю таинственностью, поднималъ дверь въ подполье и показывалъ желающимъ своего именитаго гостя. Видѣвшіе этого самозванца говорятъ, что онъ былъ мущина высокаго роста, сутулый и широкій въ плечахъ; волосы имѣлъ на головѣ рѣдкіе съ просѣдью, какъ и усы; на лицо болѣзненный. На видъ ему было отъ 45 до 50 лѣтъ. Носъ имѣлъ горбомъ, взглядъ увѣренный, голосъ «зычный». Одѣтъ въ солдатскую шинель, толстаго сѣраго сукна, шея повязана цвѣтной косынкой, на ногахъ обыкновенныя крестьянскіе сапоги. Въ разговорахъ успѣлъ показать говорившимъ съ нимъ свои симпатіи къ свободѣ.

Когда перестало быть тайной проживаніе самозванца въ деревнѣ Закауловой, къ нему начали стекаться крестьяне со всѣхъ концовъ уѣзда, — съ поклономъ, сильнымъ приношеніемъ, и съ изъявленіемъ своей преданности, готовностью служить его дѣлу и деньгами и животами. Ободряемый такимъ успѣхомъ, мнимый великій князь не только сталъ выходить на сходы къ собравшемуся народу, общая ему разныя милости, но даже и самъ сталъ разъѣзжать по окрестнымъ селеніямъ, не стѣсняясь объявилъ свое имя и причины пріѣзда; толпы легковѣрнаго народа встрѣчали его восторженно... При этомъ самозванецъ держалъ себя чрезвычайно просто: — онъ ѣлъ съ мужиками изъ одной чашки, вмѣстѣ пилъ водку и ходилъ въ баню по субботамъ. Эта фамильярность, какъ рассказываютъ карачельскіе старожилы, чуть было не разрушила весь успѣхъ начатаго дѣла, но случай выручилъ самозванца изъ бѣды. Случилось это такимъ образомъ: Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ село Карачельское самозванецъ, оставаясь у одного изъ преданныхъ ему мужиковъ, поѣлъ пельменей, былъ въ банѣ, и по радушному приглашенію хозяина пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, окруженный свитою челоуѣкъ въ двѣнадцать, въ кабакъ распить полштофа пѣннаго. Одинъ изъ присутствующихъ въ кабакѣ крестьянъ, пораженный такой запанибратской простотою мнимаго великаго князя, выразилъ сомнѣніе на счетъ его происхожденія.

— Знаете чаво братцы, началъ онъ, обращаясь къ окру-

жавшимъ, статочное ли это дѣло, чтобы настоящій царевичъ — да пошелъ съ нами мужиками воду пить? а? — Мекайтека!..

— Вѣстимо не пойдетъ, разсуждаетъ свита.

— Значить онъ воръ, утвердилъ возбуждившій подозрѣнiе крестьянинъ.

— Ужь эфто какъ есть! отвѣчаютъ мужики и начинаютъ шушукаться между собою.

Отъ самозванца не ускользнулъ этотъ сомнительный шопоть и подозрительные взгляды, бросаемые на него свитой. Онъ угадалъ мысли крестьянъ.

— Я вижу, началъ онъ увѣреннымъ тономъ, вы, братцы, сомнѣваетесь въ истинѣ моего званiя?..

— Есть тотъ грѣхъ, кормилецъ, отвѣчали мужики. Вишь ты съ нами въ кабакъ ходишь (продолжалъ одинъ изъ нихъ), а надо быть настоящій царевичъ не пойдетъ съ нами, мужиками... ну опять же и одѣжа на тебѣ не князья, а солдатская, — вотъ, государь, мы маленько и сумнѣваемся въ тебѣ... На что примѣрно становой, да и тотъ съ нами по кабакамъ не ходитъ, потому — нельзя ему — чиновникъ!.. а вѣдь ты баешь, что твоя милость царевичъ Константинъ, такъ оно и того, маленько неладно будто...

— Глупые вы бараны, отвѣчалъ Константинъ. Вы привыкли считать только тѣхъ своими начальниками, кто васъ душитъ какъ скотовъ, а я вотъ съ вами по заповѣди Христовой поступаю, предъ которымъ мы всѣ равны, такъ вотъ васъ и беретъ сумленiе, какъ моль царевичъ сказываетъ о себѣ, а не бьетъ насъ какъ собакъ?!..

— Это точно! утвердило нѣсколько голосовъ.

— А вотъ посмотрите-ка сюда) самозванецъ растегнулъ воротъ рубашки и показалъ крестьянамъ грудь заросшую волосами въ видѣ правильнаго креста). У кого изъ васъ есть такой крестъ на груди?— Мужики осмотрѣли другъ у друга груди по нѣскольку разъ и убѣдились, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ такой груди. Лже-Константинъ продолжалъ:

— Такая грудь только у царскихъ дѣтей бываетъ, ребята!

— Знамо дѣло! согласились крестьяне.

Въ это время въ кабакъ зашелъ гвардейскiй солдатъ, проходившiй въ безрочный отпускъ. Выпивъ чарку и говоря съ сидѣльцемъ, солдатъ обмолвился, что идетъ изъ Питера на родину.

Цесаревичъ вышелъ изъ кабака.

— А что служба, сказалъ крестьянинъ, заподозрившiй Константина, ты баешь вотъ въ Питерѣ бывалъ... я чай царску фамилю видалъ-же?

— Еще бы... многократно даже, отвѣчалъ солдатъ.

— И царевича Константина Павловича поди тоже знашь?

— Понятное дѣло.

— И въ лице можешь узнать? допрашивалъ крестьянинъ.

— Могу.

— А вотъ этотъ, онъ? мужикъ указалъ солдату на стоявшаго около кабака солдата.

— Конечно онъ, увѣренно отвѣчалъ съ улыбкой служивый, надѣвая шапку и выходя изъ кабака.

Этого случайнаго удостовѣренія совершенно было достаточно, чтобы убѣдить мужиковъ въ истинѣ высокаго происхожденія ихъ гостя.

Съ этой минуты уже никто не смѣлъ сомнѣваться въ Константи-нѣ, потому, что такимъ либераламъ сѣчасъ же затыкали ротъ «Питерскимъ солдатомъ», знавшимъ въ лицо всю царскую фамилію.

Затѣмъ изъ Карачельки самозванецъ былъ въ деревнѣ Гороховой и селѣ Кипельскомъ. Наружность его описывается вездѣ одинаково, и всюду рассказывается одно и тоже о его «животворящемъ крестѣ» на груди, признаѣ царскаго происхожденія. Въ Кипельскомъ онъ былъ въ питейномъ домѣ и у крестьянъ Тараса Останина и Николая Восенина, а въ деревнѣ Гороховой у крестьянъ Ивана Клюбина и Тимоея Горохова. Последніе распространили слухъ о самозванцѣ въ волостяхъ: Кипельской, Петровской, Карасинской, Книганской, Окуневской и Воскресенской, въ которыхъ собственно и волновался народъ. Они собирали съ мужиковъ деньги для князя, но, конечно, дѣйствуя его именемъ, клали ихъ себѣ въ карманъ. Впоследствии, за это оба крестьянина были преданы суду. Изъ Кипели Константинъ прибылъ въ село Петровское. Во время своего пребыванія здѣсь, онъ ходилъ въ баню и бывшіе при немъ крестьяне утверждаютъ также, что грудь его обросла волосами въ видѣ креста. Однажды, угощая квартирныхъ хозяевъ крестьянъ села Петровскаго Ларіона Ковалева, Василя Шумина и нѣкоторыхъ другихъ виномъ, которое и самъ пилъ съ ними, сообщилъ имъ, что онъ царскаго рода. Открываясь такимъ образомъ присутствующимъ, говорилъ, что «можетъ быть прійдетъ время, когда онъ имъ пригодится.» Уѣзжая по однимъ извѣстіямъ на собственныхъ лошадяхъ въ телегѣ, по другимъ за прогоны, дарилъ женъ хозяевъ, принимавшихъ его отъ 4-хъ до 7-ми дней, платками. Изъ села Петровскаго нѣкоторые утверждаютъ, что уѣхалъ по направленію къ Кипельскому селу.

Сходы замѣтно участились; собиравшіеся на нихъ мужики составляли приговоры для сбора денегъ на угощеніе и пріемъ великаго князя и на содержаніе его войска, стоявшаго, по слухамъ, до времени въ степи за линію. Крестьяне не скупились жертвовать деньгами и съ охотою записывались цѣлыми деревнями въ подданство Лже-Константина. Опираясь на авторитетъ цесаревича, мужики собирали свои сходы явно, не страшась болѣе своихъ волостныхъ и сельскихъ начальниковъ; послѣдніе, помня 1843 годъ, спѣшили донести объ этихъ приготовленіяхъ по начальству. Но еще ранѣе донесеній волостныхъ правленій о приготовленіи крестьянъ къ новому бунту и о появленіи самозванца, нѣкто прапорщикъ Ковалевъ, проживавшій въ уѣздѣ, увѣдомилъ земскаго исправника: что къ нему въ домъ приходилъ неизвѣстный человѣкъ, называвшійся великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, и что между крестьянами замѣтили онъ сильное волненіе.

Вслѣдствіе донесенія челябинскаго исправника, изъ Уфы былъ командированъ въ Челябинскій уѣздъ, для поимки самозванца, извѣстный сыщикъ того времени частный приставъ города Уфы Тарасовъ. Онъ прибылъ къ челябинскому городничему съ секретными инструкціями, въ силу которыхъ тотчасъ-же былъ заключенъ въ тюремный замокъ, вѣроятно съ цѣлію развѣдать отъ содержавшихся въ острогѣ крестьянъ — гдѣ находится Константинъ. Будучи въ острогѣ, Тарасовъ, чтобъ поддѣлаться къ арестантамъ и заслужить ихъ довѣріе, взбунтовалъ ихъ противъ военнаго караула. Говорятъ, что начальникъ инвалидной команды, прибывшій въ замокъ для усмиренія арестантовъ, хотѣлъ наказать Тарасова розгами, въ назиданіе другимъ, какъ зачинщика смуты, но частный приставъ объявилъ, что онъ безъ городничаго наказывать себя не позволитъ. По его желанію въ тюремный замокъ былъ вызванъ городничій который, взявъ Тарасова подъ свое покровительство, отправилъ его въ уѣздъ для поимки самозванца.

Какъ ни были секретны распоряженія губернскаго начальства о поимкѣ бродяги, называющимся цесаревичемъ Константиномъ, однако онъ узналъ, что его ищутъ, и прежде чѣмъ Тарасовъ успѣлъ вѣхаться въ уѣздъ — самозванецъ уже скрылся, и впослѣдствіи погибъ гдѣ-нибудь безвѣстно.

Но дѣло тѣмъ не кончилось. По преданіямъ того времени, сыщикъ не хотѣлъ воротиться съ пустыми руками, чтобъ не унижить всеобщаго мнѣнія о его ловкости и усердіи, и съ этою цѣлію распорядился схватить въ одной изъ деревень сосѣдственнаго Челябинскому, Курганскаго уѣзда семидесяти-лѣтняго ста-

рика, бывшаго ссыльно-каторжника, а въ то время курганскаго поселенца Константина Калугина, и представилъ его къ слѣдствію въ качествѣ самозванца. Изъ указа правительствующаго сената, даннаго оренбургскому (нынѣ уфимскому) губернскому правленію въ 1851 году, видно, что кромѣ прапорщика Ковалева никто не утвердилъ, чтобы Калугинъ былъ тотъ самый человѣкъ, который назывался великимъ княземъ Константиномъ. Хотя несчастный старикъ, заключенный въ замокъ, и оправдывался предъ судомъ преклонностью своихъ лѣтъ и живымъ воспоминаніемъ о каторгѣ, отнимавшемъ у него всякое желаніе затѣвать такое дѣло, за которое его снова ожидала каторга, и объяснялъ свои поѣздки въ Челябинскій уѣздъ, что ставилось ему въ вину, какъ обстоятельство, навлекавшее на него подозрѣніе въ принятіи на себя имени цесаревича Константина, частными дѣлами, пользуясь сосѣдствомъ поселенія, въ которомъ жилъ Калугинъ; но ему не вѣрили, и онъ умеръ въ острогѣ, не дождавшись рѣшенія дѣла. Сенатскій указъ, не находя достаточныхъ уликъ въ принятіи Калугинимъ имени покойнаго цесаревича Константина Павловича, оправдывалъ его, но имѣя въ виду, что Калугинъ уже умеръ, предписалъ дѣло о самозванствѣ въ Челябинскомъ уѣздѣ, такъ какъ въ немъ порядокъ уже водворенъ, производствомъ прекратить.

Изъ крестьянъ, принимавшихъ участіе въ разглашеніи толковъ о самозванцѣ и оказывавшихъ гостепріимство Лже-князю, виновны были: Иванъ Мальковъ, сосланный со всѣмъ семействомъ въ Сибирь на поселеніе; изъ имѣнія гг. Качка крестьяне Ковалевъ и Шуминъ выдержаны въ острогѣ и водворены на жительство за недостаточностью въ дѣлѣ уликъ, завинаящихъ ихъ въ «*передержательствѣ*» самозванца. Деревни Гороховой: Иванъ Ключинъ и Тимошей Гороховъ завинаялись въ сборѣ на самозванца съ міру денегъ и разглашеніи о немъ между крестьянами нелѣпыхъ толковъ. За смертью Горохова, сужденіе о немъ велѣно прекратить; какаѣ же участь постигла Ключина намъ неизвѣстно, ибо въ рѣшеніи сенатскомъ наказаніе ему не было опредѣлено, по той причинѣ, что онъ подлежалъ отвѣтственности независимо отъ этого дѣла и по другимъ дѣламъ.

Остальные за тѣмъ крестьяне, по мѣрѣ виновности ихъ, были наказаны розгами, кнутаомъ, ссылкою въ Сибирь на поселеніе, или тюремнымъ заключеніемъ на сроки. Всѣхъ сужденныхъ по этому дѣлу было болѣе ста человекъ.

Н. СѢРЕДА.

Челябинскъ. 4 марта 1868.

РОССІЙСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.

1812 — 1826.

Россійское Библейское Общество представляет одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ русской общественной жизни временъ императора Александра I. Какъ и многое другое въ этой, еще столь недавней жизни, исторія Библейскаго Общества почти неизвѣстна нынѣшнимъ поколѣніямъ. Если мы не ошибаемся, со времени своего окончательнаго закрытія, оно еще ни разу не останавливало на себѣ вниманія нашихъ историковъ: много, если ему посвящалось изрѣдка два-три слова или отрывочныхъ упоминанія; даже въ книгахъ, которыя довольно близко касались временъ и лицъ Библейскаго Общества, оно обходилось молчаніемъ. Исторія его не лишена, однако, большого интереса и наставительности. «Общество» во многихъ отношеніяхъ было характеристическимъ порожденіемъ своего времени, и историкъ этого времени необходимо долженъ дать мѣсто и объясненіе тому своеобразному и новому для русскихъ нравовъ движенію, какое выразилось въ быстромъ успѣхѣ «иблейскаго дѣла»; съ другой стороны, наша общественная жизнь, какъ мы иногда ни радуемся ея быстрымъ успѣхамъ, движется все-таки не такъ быстро, чтобы въ судьбѣ «Общества» намъ не пришлось часто видѣть явленій, знакомыхъ намъ и по нашему собственному, современному опыту.

Русское Библейское Общество, по своей основной мысли, нисколько не было русское, и даже своимъ первымъ учрежденіемъ на нашей почвѣ не было обязано русской инициативѣ. Но эта

чужая инициатива нашла, однако, себѣ опору въ условіяхъ русской жизни; такъ или иначе, Общество стало на ноги и начало дѣйствовать собственными средствами, стало существовать тѣми элементами, какіе доставляла русская жизнь, и приняло тотъ характеръ, какой могли дать ему нравы, степень развитія и общественные наши порядки. Вступивши въ эту сферу, оно имѣло потомъ обширный успѣхъ, въ короткое время раскинулось по всей Россіи, европейской и азіатской, считало множество членовъ и филиальныхъ учреждений, собирало большія пожертвованія, дѣлало массы изданій... Кончилось оно также нежданно, какъ началось.

Первымъ источникомъ, изъ котораго вышло русское Общество, было знаменитое «Британское и Иностранное Библейское Общество» (British and Foreign Bible Society), основанное въ 1804 году и существующее, въ громаднѣхъ размѣрахъ средствъ и дѣятельности, до сихъ поръ. Основаніе Британскаго Общества съ одной стороны было явленіемъ чисто англійскимъ; но съ другой— оно связано тѣсно съ цѣлыми европейскими отношеніями, которыя въ послѣдствіи и сдѣлали возможнымъ большой его успѣхъ на европейскомъ континентѣ. Появленіе идеи о библейскомъ обществѣ, поставляющемъ себѣ главной и единственной цѣлью распространеніе Библии повсюду, куда только можетъ достигнуть ревность общества, и притомъ Библии чистой, безъ всякихъ примѣчаній и объясненій, которыя могли бы придать ей какую бы то ни было конфессіональную односторонность, слѣдовательно Библии, которая могла бы быть принята всевозможными христіанскими исповѣданіями и вмѣстѣ могла служить для первой пропаганды христіанства между всякими иновѣрцами и язычниками, — появленіе такой идеи находится въ тѣсной связи съ тѣмъ оживленнымъ, часто бурнымъ и смутнымъ, нерѣдко энтузіастическимъ движеніемъ умовъ, какое отличаетъ европейскую жизнь конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія.

Французская революція вызывала въ Англіи особенно дѣятельную реакцію, еще во время совершенія самыхъ событій. Реакція эта была не только политической борьбой противъ Франціи, но и особеннымъ усиленіемъ идей, которыя отвергались скептицизмомъ и критикой XVIII-го столѣтія. Въ Англіи это возбужденіе умовъ, работавшее противъ идей революціи, поддерживалось, больше чѣмъ гдѣ-нибудь, различными мѣстными условіями самой англійской жизни, образованности и нравовъ. Къ срединѣ XVIII-го вѣка относится въ Англіи особенное развитіе

религіозной экзальтаціи, которая составляла въ англійскомъ обществѣ противовѣсъ свободнымъ мыслителямъ и чистому деизму, но, почти наравнѣ съ этими мыслителями враждебно относилась къ догматизму и схоластикѣ англиканской официальной церкви. Самымъ характернымъ выраженіемъ этой экзальтаціи былъ методизмъ, который считалъ себя истиннымъ выраженіемъ новозавѣтной религіи и былъ протестомъ противъ сухого формализма господствующей церкви, — и квакерство, начавшееся раньше, но теперь получившее новую силу и новыхъ послѣдователей. Событія содѣйствовали развитію религіознаго возбужденія, и послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка, самый разгаръ революціи на континентѣ, ознаменовалось въ Англии чрезвычайнымъ развитіемъ духа миссіонерства и евангельской пропаганды. Въ 1794 году, въ Лондонѣ основалось миссіонерское общество, въ которомъ разнообразныя секты сошлись единодушно съ цѣлью проповѣдовать язычникамъ евангеліе. Въ 1796 году, изъ Англии уже отправлялся корабль съ 35 миссіонерами, которые должны были дѣйствовать на островахъ Тихаго океана. Вслѣдъ за первымъ англійскимъ обществомъ быстро послѣдовали другія: въ 1796 году, шотландское; въ 1797, голландское; въ 1800, большое церковное миссіонерское общество въ Лондонѣ. Въ первые годы нынѣшняго столѣтія движеніе перешло въ Америку, и тамъ точно также образовался цѣлый рядъ миссіонерскихъ обществъ: большое американское, общество баптистовъ, методистовъ, епископальное и т. д. Послѣ войнъ за освобожденіе, когда такая же религіозная экзальтаціи появилась и въ континентальной Европѣ, къ этому движенію примкнула и протестантская Германія, и миссіонерскія общества основались въ Базелѣ, Берлинѣ, Гамбургѣ, Дрезденѣ и пр. Въ этомъ движеніи было много искренняго одушевленія и самоотверженія; правда, въ своихъ позднѣйшихъ проявленіяхъ, англо-американскія секты очень часто могли возбуждать къ себѣ антипатію своими крайними преувеличеніями или даже чистымъ лицемѣріемъ, но въ средѣ ихъ, особенно въ первое время, было много людей, истинно достойныхъ уваженія, людей, искренно убѣжденныхъ, глубоко безкорыстныхъ и самоотверженно преданныхъ человѣчеству. Назовемъ для примѣра знаменитаго методиста, имя котораго стало синонимомъ друга человѣчества, который содѣйствовалъ также и утвержденію библейскаго общества, — Вильберфорса. Миссіонерская дѣятельность уже съ самаго начала должна была вызвать новыя заботы: явились школы для образованія миссіонеровъ. Первая такая школа основалась въ Госпортѣ въ Англии (1801); затѣмъ послѣдовали другія школы въ Англии и Америкѣ; далѣе, въ Роттердамѣ, Базелѣ,

Парижѣ, Берлинѣ и т. д. Съ миссіонерствомъ естественно соединялась филантропія, и проповѣдь освобожденія негровъ стала великой заслугой Вильберфорса; также естественно присоединилась къ этому забота о воспитаніи народныхъ массъ, забота, выраженіемъ и средствомъ которой стали, въ особенности, «школы взаимнаго обученія», главнымъ основателемъ которыхъ былъ квакеръ Джозефъ Ланкастеръ. Эти, такъ называемыя ланкастерскія школы были по преимуществу школами для бѣдныхъ, по простотѣ и дешевизнѣ своего устройства, при которомъ одного учителя могло доставать на цѣлыя сотни учениковъ. По всему своему характеру, ланкастерскія школы шли совершенно параллельно съ тѣмъ религіозно-филантропическимъ движеніемъ, о которомъ мы рассказываемъ, и распространялись они вездѣ, куда заходило это миссіонерство, филантропическія идеи и библейскія общества. Въ одно время или отчасти раньше Ланкастера, метода взаимнаго обученія была употреблена Беллемъ, священникомъ англиканской церкви, и «Общество національныхъ школъ» въ Англіи воспользовалось услугами Белля для основанія народныхъ училищъ въ духѣ «высокой церкви», т. е. господствующаго англиканства; въ противоположность этому, школы квакера Ланкастера отличались именно тѣмъ, что это были по преимуществу «школы для всѣхъ» (schools for all), потому что онѣ открыты были для всякаго исповѣданія одинаково, въ нихъ всего скорѣе могъ найти себѣ мѣсто безпомощный бѣднякъ. Ланкастерскія школы опять обошли Европу и Америку...

Общій характеръ всѣхъ этихъ учрежденій былъ религіозный. Естественно, что при ихъ дѣятельности въ протестантской странѣ должна была очень скоро почувствоваться необходимость въ книгахъ священнаго писанія: эти книги нужны были и для народнаго воспитанія, которое стало задачей ревнителей религіознаго образованія, и для проповѣди христіанства, которую предпринимали миссіонеры. Эта необходимость въ первый разъ дала мысль объ основаніи особаго библейскаго общества и обезпечила этой мысли полный успѣхъ.

Первая мысль объ основаніи общества для систематическаго распространенія Библии принадлежала нѣкому Чарльзу. Это былъ англиканскій священникъ, который, по прямотѣ своей проповѣди, не нашель сочувствія у властей официальной церкви, а съ тѣмъ вмѣстѣ не нашель и прихода, и потому посвятилъ себя странствующей проповѣди между народомъ, въ селахъ и деревняхъ Уэльса. Здѣсь онъ нашель свою настоящую задачу и вмѣстѣ съ проповѣдью онъ соединилъ народное обученіе, посредствомъ такъ называемыхъ «переходящихъ школъ»: школа, т. е. учитель, оста-

вался въ деревнѣ 9—12 мѣсяцевъ, пока не оканчивалъ своего первоначальнаго обученія, затѣмъ переходилъ въ другую деревню, потомъ въ третью и т. д., — система, которая была очень удобна въ гористомъ Уэльзѣ, гдѣ ученикамъ неудобно было посѣщать далеко разбросанныя школы.

Чарльзъ возимѣлъ мысль, что для устраненія недостатка Библий, нужныхъ для проповѣди и школъ, могло бы основаться такое же общество, какъ существовавшее уже въ то время «Общество религиозныхъ трактатовъ», занимавшееся издаваніемъ богословско-правоучительныхъ книжекъ для народнаго чтенія. Чарльзъ обратился къ одному изъ своихъ друзей, члену этого общества, былъ имъ представленъ обществу и энергически говорилъ въ его комитетѣ о своемъ Уэльзѣ, которому нужны были Библии. Въ это время одинъ изъ секретарей «Общества трактатовъ», Джозефъ Гьюгсъ сказалъ слѣдующія слова:— «Конечно, можно составить общество съ этой цѣлью; но если это можно сдѣлать для Уэльза, то отчего нельзя было бы сдѣлать этого для всего королевства и для цѣлаго міра?» Съ этихъ словъ будущее «Библейское Общество» было рѣшено. Оно основалось 7 марта 1804 года подъ именемъ «Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества», съ одобренія лондонскаго епископа, который указалъ Обществу президента въ лордѣ Тейгмутѣ.

Чарльзъ не участвовалъ въ самомъ образованіи Общества; онъ оставался въ Уэльзѣ съ своими школами и слушателями, но усердно содѣйствовалъ первымъ шагамъ новаго Общества, собирая пожертвованія, шедшія здѣсь изъ рукъ самаго низшаго класса въ народѣ. Ревностнѣйшими дѣятелями Общества стали: Джонъ Овенъ, англиканскій священникъ; докторъ Штейнкопфъ, нѣмецкій лютеранскій пасторъ; упомянутый Джозефъ Гьюгсъ, пасторъ баптистовъ. Можно сказать, что неутомимымъ усиліямъ этихъ трехъ людей Библейское Общество всего больше обязано было и своей первой организаціей и своимъ быстрымъ успѣхомъ. Но рядомъ съ ними слѣдуетъ назвать и ихъ энергическихъ сотрудниковъ: это были пасторы Патерсонъ, Гендерсонъ и Пинкертонъ, неутомимые агенты лондонскаго центра, которые странствовали по всей Европѣ, отъ Англіи до киргизскихъ степей и отъ Исландіи до Мальты, пропагандируя учрежденіе библейскихъ обществъ. Путь ихъ странствованій отмѣчался основаніемъ новыхъ обществъ и новыми библейскими предпріятіями. Эти имена остались и въ исторіи русскаго Общества.

Успѣхъ Общества былъ дѣйствительно быстрый: въ самое короткое время оно распространилось сначала въ самой Англіи, потомъ въ англійскихъ колоніяхъ, въ Америкѣ, и почти на всемъ

европейскомъ материкѣ. Вскорѣ оно распространилось, въ видѣ самостоятельныхъ учрежденій или въ видѣ филиаціи Британскаго Общества, по всѣмъ частямъ свѣта.

Развитіе библейскихъ обществъ въ континентальной Европѣ совпадаетъ съ тѣмъ настроеніемъ умовъ, какое отличаетъ періодъ реставраціи. Движеніе, начавшееся въ Англии, сливалось здѣсь съ общеевропейскимъ поворотомъ идей послѣ французской революціи и наполеоновскихъ войнъ. Это былъ тотъ странный періодъ времени, характеромъ котораго было общественное утомленіе и вмѣстѣ сознаніе неудовлетворительности существующихъ отношеній и смутное исканіе чего-то новаго, и который, вслѣдствіе того, создалъ безумную политическую реакцію и массу тайныхъ революціонныхъ обществъ, романтизмъ католическо-средневѣковой и романтизмъ Байрона, проповѣдь обскурантизма и демократическую проповѣдь о правахъ народовъ. Эти яркія противоположности отчаянно боролись между собою, потому что слишкомъ противорѣчили другъ другу въ своихъ крайнихъ выраженіяхъ, но тѣмъ не менѣе въ общественныхъ отношеніяхъ и въ самыхъ теоретическихъ понятіяхъ того времени было много отгѣнковъ, гдѣ противоположности смягчались и сглаживались, такъ что люди совершенно различныхъ мнѣній могли искренно соединяться для одного дѣла, и одна и таже доктрина могла приводить разныхъ людей къ весьма различнымъ практическимъ выводамъ и дѣятельности. Къ числу такихъ обоюдныхъ общественныхъ явленій принадлежало и то піэтистическое настроеніе, которое дало начало библейскимъ обществамъ и которое, съ одной стороны, было филантропически прогрессивно, съ другой черезъ мѣру податливо къ внушеніямъ реакціи. Мы нашли нужнымъ замѣтить это теперь же, потому что въ исторіи русскаго Библейскаго Общества мы встрѣчаемся и съ этой чертой времени, которая, между прочимъ, и составила библейскимъ обществамъ, въ томъ числѣ и нашему, ихъ неопредѣленную, обоюдную репутацію.

Въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ, дѣятельность библейскихъ обществъ въ Европѣ была особенно сильна и особенно замѣтно выдавалась въ общественной жизни. Но, если внутреннія отношенія европейскихъ націй способствовали распространенію этого учрежденія, то главнѣйшая роль, и въ началѣ и за это время и послѣ, принадлежала все-таки Британскому Обществу.

Въ самомъ дѣлѣ, весь планъ задуманнаго общества былъ специфически англійскій; въ Англии оно всего больше было въ своей

сферѣ, и потому всего больше могло вызвать столь обширную дѣятельность въ этомъ направленіи.

Мысль объ основаніи библейскаго общества прежде всего могла дѣйствительнымъ образомъ осуществиться только въ странѣ съ большой общественной и религиозной свободой, которая бы давала весь необходимый просторъ религиозному энтузіазму и практической предприимчивости.

Когда первые организаторы Библейскаго Общества опредѣляли будущій планъ его дѣйствій, они имѣли уже въ прошедшемъ своей страны цѣлый рядъ попытокъ, шедшихъ къ той же цѣли, хотя слабо и недостаточно. Такимъ образомъ Библейскому Обществу предшествовали въ Англіи: общество для распространенія христіанскаго ученія, 1698; общество для распространенія евангелія внѣ Англіи, 1701; шотландское общество распространенія христіанскаго ученія, 1709; общество для распространенія религиозныхъ познаній между бѣдными, 1750; библейское общество для арміи и флота, 1780; общество для поддержки и поощренія воскресныхъ школъ, 1785 и т. п. Наконецъ, мы упоминали о миссіонерскихъ обществахъ, которыя открывались въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка.

Всѣ эти общества показываютъ, какъ давно въ англійской жизни религиозное движеніе совершалось средствами самого общества, какъ давно оно приходило къ практическому осуществленію и сколько простора жизнь могла здѣсь дать новымъ дѣятелямъ. Сила убѣжденія или энтузіазма, выросавшая въ такихъ условіяхъ, была такъ велика, что новые дѣятели, при самомъ началѣ своего предпріятія, не усумнились дать ему названіе «Британскаго и Иностраннаго» и предположить для него размѣры дѣятельности, простирающіеся на всѣ христіанскіе народы.

Основатели Общества поставили себѣ цѣлью основать предпріятіе, которое было бы дѣломъ «націй», которое бы не ограничивалось Британіей, а поддерживалось «всѣми христіанами вообще», распространяло Библию между всѣми народами и для того нашло себѣ союзниковъ во всемъ мірѣ. Чтобы подобная идея могла возникнуть въ умахъ основателей Общества, не оставаясь одной притязательной фантазіей или благочестивой фразой, для этого, въ практическомъ отношеніи, нуженъ былъ тотъ обширный горизонтъ, какимъ въ особенности могли владѣть люди націи, раскинувшей свои владѣнія, свое племя и пункты опоры во всѣхъ странахъ земли. Въ отношеніи нравственно-религиозномъ, для этого нужна была извѣстная широта религиозныхъ воззрѣній и терпимости, которыхъ тогда мудрено было искать въ нѣмецкомъ протестантизмѣ, или слишкомъ отвлеченномъ, или слишкомъ уз-

бомъ и исключительномъ, — и конечно всего меньше можно было бы искать въ обществахъ католическихъ, гдѣ самая Библия на народномъ языкѣ или была вещью неслыханной, или, если существовала, то была вещью до послѣдней степени запретной. Англійское общество стояло въ этомъ отношеніи всего выгоднѣе; религіозный вопросъ развивался здѣсь съ большой свободой еще въ XVIII-мъ столѣтіи; съ одной стороны, борьба самихъ сектъ, съ другой — указанія религіознаго скептицизма и пропаганда «естественной религіи» произвели значительную степень взаимной терпимости, и основателямъ Британскаго Общества совершенно естественно представилась мысль о соединеніи всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ общей проповѣди чисто-евангельскаго ученія. Эта мысль — результатъ цѣлаго общественнаго развитія — возвышала лучшихъ приверженцевъ «библейскаго дѣла» надъ обыкновеннымъ сектаторскимъ піэтизмомъ (какого можно было бы ждать отъ методистовъ, баптистовъ, квакеровъ и т. д., которыхъ было много между этими приверженцами); отрѣшаясь отъ конфессіональной исключительности, они создавали себѣ особенное независимое положеніе, и, какъ миссіонеры, могли считать себя проводниками истинной религіи и піонерами цивилизаціи, и почерпать въ этомъ убѣжденіи новую энергію.

Для англійскихъ прозелитовъ «библейское дѣло» имѣло за себя и то освященіе, какое дается идеѣ мученичествомъ ея основателей и защитниковъ. Въ самой Англии, переводъ Библии, распространеніе ея въ націи на ея родномъ языкѣ, принадлежать въ эпохамъ ея религіознаго освобожденія: Библия на народномъ языкѣ была лозунгомъ и могущественнымъ орудіемъ англійской реформаціи. Освобожденіе отъ папы и католичества заявлялось потребностью изученія самихъ источниковъ христіанства, т. е. св. писанія безъ комментаріевъ папы и поддѣльныхъ декреталій. Англии, въ лицѣ Виклефа, принадлежитъ первый сознательно предпринятый трудъ въ этомъ смыслѣ, еще въ концѣ XIV столѣтія. Виклефъ только случайно уцѣлѣлъ отъ ковра. Впослѣдствіи католическое духовенство сожгло его кости, вырвыши ихъ изъ могилы, и жгло его послѣдователей. Но дѣло не погибло, и въ началѣ XVI-го столѣтія, когда католическое изувѣрство было еще въ полной силѣ, въ Англии явился новый проповѣдникъ реформы и — новый переводчикъ Библии. Это былъ знаменитый въ исторіи англійской реформы, Вильямъ Тиндаль, современникъ Лютера. Тиндаль развивался уже въ атмосферѣ реформы, — писаніе начали изучать въ его еврейскомъ и греческомъ подлинникѣ. Одичалое католическое духовенство, изображенное въ знаменитыхъ *Litterae obscurorum virorum*, говорило тогда своей

послушной пастырь: «недавно открыты два новые языка, греческій и еврейскій; народъ долженъ остерегаться ихъ, потому что отъ нихъ-то и идутъ всѣ ереси». Тиндаль и его друзья съ жаромъ изучали Новый Завѣтъ, только что изданный тогда въ греческомъ подлинникѣ Эразмомъ Роттердамскимъ, изучали съ опасностію жизни, потому что духовенство удваивало шпіонство и усиливало инквизицію. Тиндаль долженъ былъ, наконецъ, бѣжать изъ Англіи; въ Германіи и Голландіи онъ совершилъ свой трудъ, переводъ Библии, сдѣлавъ нѣсколько изданій св. писанія, проникшихъ въ Англію, и наконецъ кончилъ жизнь, всю отданную «библейскому дѣлу», на кострѣ, 1536 г. Англійская Библия, каковую распространяетъ Библейское Общество, есть сводъ нѣсколькихъ разныхъ переводовъ, сдѣланный въ 1611 году 47-ю лучшими въ свое время знатоками дѣла; главная сущность этого сборнаго перевода принадлежитъ Тиндалю.

Наконецъ, въ Англіи подобное общество всего скорѣе могло найти прочныя матеріальныя средства. Общественная инициатива нигдѣ въ Европѣ не имѣла, и до сихъ поръ не имѣетъ такой силы, какъ въ Англіи,—идетъ ли она на предпріятіе чисто промышленное, или на безкорыстное служеніе идеѣ. Средства Общества постоянно возрастали, и употребленіе ихъ въ дѣло совершалось съ такимъ тактомъ и справедливостію, что Общество внушило къ себѣ сочувствіе и уже вскорѣ было въ состояніи располагать весьма значительными средствами: пожертвованія стекались въ него большими суммами. Оно оставалось вѣрно своей идеальной задачѣ — служить «націямъ» или всему человѣчеству, и оказывало дѣйствительно братскую помощь своимъ отраслямъ въ чужихъ странахъ, назначая значительныя денежныя суммы въ ихъ полное распоряженіе и само однако не получая отъ нихъ ничего. Мы увидимъ дальше, что русское Общество, въ первые годы своего существованія, получило изъ Лондона богатую поддержку для своей кассы... Національный интересъ дѣятелей Британскаго Общества состоялъ только въ сознаніи своего первенства въ «библейскомъ дѣлѣ», въ сознаніи нравственной заслуги, которая должна была быть приписана исключительно его труду и постоянству. Филиалныя учрежденія Общества, когда они основывались въ чужой странѣ, и находили возможность самостоятельнаго существованія, дѣлались совершенно независимыми отъ Британскаго Общества и сохраняли съ нимъ только чисто дружественныя отношенія, —и Британское Общество гордо сравнивало себя съ бананомъ, который можетъ пріютить въ своей тѣни цѣлыя сотни людей, и котораго вѣтви, упавая къ землѣ, пускаютъ въ ней корень и растутъ вновь какъ особое дерево.

Мы не имѣли возможности передать здѣсь, даже вкратцѣ, исторіи Британскаго Общества, не лишенной своихъ замѣчательныхъ, высокихъ и трогательныхъ событій. Уже съ первыхъ годовъ его иностранная пропаганда увѣнчалась богатыми результатами: основывалось множество новыхъ обществъ, печаталось множество книгъ св. писанія на разныхъ языкахъ, дѣлались новые переводы, распространялись книги агентами общества и туземными ревнителями. Секретари Общества, Штейнкопфъ, Овенъ, Гьюгсъ, трудились неутомимо, вели громадную переписку съ своими сотрудниками и корреспондентами въ разныхъ концахъ свѣта, разсылали пособія. Агенты Общества предпринимали цѣлыя путешествія для основанія новыхъ обществъ, искали новой почвы, гдѣ было нужно «библейское дѣло», отыскивали переводчиковъ Библии на тѣ языки, гдѣ она была еще совершенно неизвѣстна.

Исторія англійскаго Общества исполнена примѣрами такой неутомимой, смѣлой и безкорыстной дѣятельности, невольно внушающей къ себѣ уваженіе. Въ Остѣ-Индіи, три баптистскіе миссіонера, прибывшіе туда въ послѣдніе годы прошлаго вѣка, предприняли переводъ св. писанія на туземные языки. Дѣло это началось по предложенію одного изъ нихъ, — знаменитаго потомъ библейскаго дѣятеля, Кэри; — это былъ человекъ бѣдный, жившій трудомъ своихъ рукъ, и первая складчина между баптистами дала для этого дѣла скромную сумму около 60 р. сер. Британское Общество поспѣшило къ нимъ на помощь, и переслало въ распоряженіе Кэри и библейскихъ обществъ Индіи сумму около 1,430,000 р. сер. Кэри трудился въ Индіи сорокъ лѣтъ и въ концѣ своей жизни издалъ, съ своими сотрудниками, переводы св. писанія, въ цѣломъ или частями, почти на тридцати туземныхъ языкахъ. — Не такими большими суммами, но съ такою же внимательностью Общество помогало всякому подобному труду, если помощь его была нужна, — не смотря ни на національности, ни на исповѣданія: мы будемъ говорить дальше о его содѣйствіи русскому Обществу; точно также помогало оно нѣмецкимъ и французскимъ библейскимъ предпріятіямъ, — и при всей антипатіи къ католицизму, давало деньги на библейскіе труды католиковъ. — Непосредственное миссіонерство его агентовъ и распространителей Библии простиралось на самыя отдаленныя и недоступныя края: англичанинъ отправлялся въ киргизскія степи и жилъ между ихъ обитателями, чтобы научиться языку; англичане жили между сибирскими бурятами; агенты англійскаго общества заѣхали даже въ Охотскъ, и снабдили Библией *каждый домъ* въ этомъ городѣ...

Этотъ духъ безкорыстной пропаганды, одушевлявшій дѣяте-

лей Британскаго Библейскаго Общества, давалъ имъ большой нравственный авторитетъ и внушаетъ уваженіе къ нимъ, какъ людямъ глубокаго убѣжденія, — какъ бы мы ни смотрѣли на другія стороны ихъ мнѣній и дѣятельности. Чувство этихъ людей доходило до настоящаго энтузіазма, который дѣйствовалъ увлекающимъ образомъ, — примѣръ этого представляетъ, кажется, и дѣятельность агентовъ англійскаго Общества въ Россіи.

Въ 1854 г., Британское и Иностранное Библейское Общество праздновало свой 50-лѣтній юбилей. По счету его историковъ, до 1804 г. существовало всего 50 печатныхъ текстовъ св. писанія, и именно: 4 подлинныхъ текстовъ и переводовъ на мертвыхъ языкахъ (еврейскій, греческій, латинскій, сирійскій); 32 перевода — на языкахъ Европы; 2 — Африки; 9 — Азіи; 3 — Америки. Все число экземпляровъ, въ которыхъ до 1804 г. распространены были эти тексты, считали только до 4.000,000, или нѣсколько больше. За пятьдесятъ лѣтъ дѣятельности Британскаго Общества, Библия существовала уже на 148 языкахъ и количество распространенныхъ имъ экземпляровъ дошло до огромной цифры 46.000,000.

Какихъ размѣровъ достигло Британское Библейское Общество въ настоящее время, объ этомъ можно судить по нѣсколькимъ цифрамъ изъ его отчета за прошлый, 1867 годъ. Въ этомъ одномъ году стараніями Общества распространено 2.400,000 экземпляровъ Библии, — въ томъ числѣ на парижской выставкѣ 91,000 экз., напечатанныхъ на 170 языкахъ. Доходы Общества простирались до 186,000 фунт. ст.; почти на такую же сумму сдѣлано было расходовъ. Со времени своего основанія до настоящаго года Общество распространило больше 55.000,000 экземпляровъ св. писанія. Въ настоящее время оно имѣетъ 9,916 побочныхъ отраслей, которыя рассылаютъ своихъ агентовъ во всѣ страны свѣта....

Въ самой вѣншей организаціи Общества была принята принципомъ та вѣротерпимость, въ духѣ которой совершалась вся дѣятельность Общества. Въ числѣ 36 членовъ комитета, управляющаго дѣлами Общества, должно быть 6 иностранцевъ, имѣющихъ пребываніе въ Лондонѣ, а изъ остальныхъ, 15 выбирались изъ лицъ, принадлежащихъ англиканской церкви, и 15 изъ лицъ всякихъ другихъ христіанскихъ исповѣданій и англійскихъ диссентеровъ. Первыми секретарями комитета, какъ мы видѣли, были три духовныя лица, трехъ различныхъ протестантскихъ исповѣданій, но члены комитета были міряне и президенты также, — и это было совершенно естественно при томъ смыслѣ, въ какомъ Общество понимало свое предпріятіе: ему нужна была Библия, и трудиться для ея распространенія, конечно, могъ важ-

дый, кто сочувствовалъ этому дѣлу; отстранивши совершенно вопросъ объ различіи исповѣданій, Общество тѣмъ самымъ устраняло и чисто клерикальную исключительность. Но всякій пасторъ, который дѣлается членомъ Общества по подпискѣ, можетъ присутствовать и подавать голосъ въ собраніяхъ комитета. Сложность дѣла потребовала раздѣленія общаго комитета на нѣсколько отдѣленій, — какъ напр. отдѣленіе для разсмотрѣнія переводовъ, отдѣленіе для печати и переплета изданій, отдѣленіе завѣдующее агентствомъ Общества и т. д.

Комитетъ ежегодно издавалъ подробные отчеты о своей дѣятельности. Эти «Annual Reports» составляютъ богатый источникъ для исторіи Общества. Изъ полныхъ отчетовъ дѣлались также краткія извлечения (Summary, Brief View, или Compendium); для большаго распространенія свѣдѣній о дѣятельности Общества стали потомъ издавать ежемѣсячныя извѣстія, корреспонденціи и т. под.

По мѣрѣ распространенія Общества, вездѣ, гдѣ оно находило достаточно новыхъ сотрудниковъ, основывались вспомогательныя общества (Auxiliary, и Branch-Society), внутреннее устройство которыхъ слѣдовало тѣмъ же правиламъ, какія приняты были въ устройствѣ лондонскаго комитета. Тоже начало коллективной дѣятельности распространено было на самыя частныя развѣтвленія Общества, и такимъ образомъ основывались особыя общества или библейскія ассоціаціи рабочія, юношескія, школьныя, женскія (Mechanic-, Juvenile-, School-, Ladies- Bible-associations) и т. д.¹⁾

Мы увидимъ дальше, что всѣ существенныя черты этого устройства приняты были и у насъ.

Въ такомъ видѣ началась и открылась дѣятельность Библейскаго Общества. Эта дѣятельность, при своемъ началѣ, возбудила большое сочувствіе въ самой Англій и въ разныхъ странахъ Европы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она приобрѣла и ожесточенныхъ противниковъ. Мы упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ объ этомъ сочувствіи и враждѣ, — потому что русское Библейское Общество различнымъ образомъ связано было съ ходомъ библей-

¹⁾ Для подробнаго изученія исторіи Общества главнѣйшій источникъ составляютъ упомянутыя «Annual Reports». Исторія первыхъ лѣтъ Общества, къ которымъ относятся и большая доля существованія русскаго Общества, рассказана въ книгѣ Овена, одного изъ первыхъ секретарей Общества, (John Owen: History of the British and Foreign Bible Society, 3 vols. Lond. 1822). Обстоятельное описаніе организаціи и всѣхъ вѣтвей Общества, за тоже время, представляетъ: Analysis of the System of the Bible Society throughout its various parts, including a Sketch of the origin and results of Auxiliary, and Branch-Societies, by C. S. Dudley. Lond. 1821.

сваго предпріятія въ Европѣ; и хотя судьба русскаго Общества была совершенно своеобразна и, вообще говоря, опредѣлилась своими, чисто русскими условіями, но въ томъ успѣхѣ, съ ка-кимъ оно началось, и въ тѣхъ преслѣдованіяхъ, подъ которыми оно пало, повторялись многіе мотивы, дѣйствовавшіе вообще на судьбу библейскаго предпріятія.

Возраженія и вражда противъ Библейскаго Общества высту-пили съ разныхъ сторонъ.

Нечего и говорить о томъ, что первымъ врагомъ распро-страненія Библии явилась католическая церковь, въ которой чте-ніе этой книги запрещено народу по принципу, давно вошедшему въ католическіе нравы. Этотъ принципъ особенно строго под-держивался въ средніе вѣка, когда римская церковь, запреще-ніемъ Библии, желала въ особенности укрѣпить свой авторитетъ и устранить возможность сомнѣній въ этомъ авторитетѣ. Когда Библейское Общество основалось, папская власть была въ труд-ныхъ обстоятельствахъ; но какъ скоро значеніе ея было восстано-влено, папы не преминули повторить запрещеніе противъ Библии, потому что Библейское Общество захватило въ кругъ своей про-паганды и страны католическія. Такимъ образомъ, Пій VII из-далъ въ 1816 г. запрещеніе противъ польской Библии, изданной русскимъ Библейскимъ Обществомъ, хотя первое изданіе этой Библии сдѣлано было (въ концѣ XVI-го в.) съ разрѣшенія папы Климента VIII. Новое запрещеніе издано было Львомъ XII, въ 1824 г., и съ тѣхъ поръ запреты нѣсколько разъ повторяемы были папами до самаго Пія IX. Между тѣмъ, Библейское Общество нашло себѣ ревностныхъ приверженцевъ и въ католической средѣ, даже въ средѣ духовенства: средневѣковое запрещеніе теряло свою силу передъ новыми религиозными требованіями. Католиче-скіе священники находили, что древніе отцы церкви не запре-щали, а, напротивъ, поощряли чтеніе Библии ¹⁾. Въ комитетѣ рус-скаго Общества до конца его, въ числѣ вице-президентовъ оста-вался католическій митрополитъ; горячимъ прозелитомъ библей-скаго дѣла былъ и тотъ католическій священникъ Госнеръ, ко-торый находился въ числѣ директоровъ русскаго Общества и, какъ увидимъ, игралъ въ его исторіи очень фатальную роль.

¹⁾ *Leander van-Ess*, Auszüge aus den heiligen Vätern über das nothwendige und nützliche Bibellesen. 2-te Aufl. Sulzbach 1816. Имя этого Леандра ванъ-Эсса мы еще встрѣтимъ дальше.

Общество имѣло враговъ и въ протестантскихъ странахъ, и въ самой Англіи. Въ этой послѣдней приверженцы Высокой церкви въ особенности вооружались противъ всеобщей терпимости, которую Общество оказывало всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ и сектамъ одинаково. Объ этого рода обвиненіяхъ намъ также нечего говорить.

Но, кромѣ этихъ, чисто конфессіональных обвиненій (съ которыми Обществу, конечно, нечего было дѣлать, потому что самый основной принципъ его былъ совершенно иного рода), противъ дѣятельности Общества высказывались другія, болѣе серьезныя возраженія, которыя опредѣлились ясно уже черезъ нѣсколько лѣтъ его существованія. Оппоненты говорили: что одного распространенія книгъ еще мало для нравственнаго воспитанія, какого хотятъ имъ достигнуть; что рассматриваемая какъ орудіе нравственно-религіознаго назиданія, Библия заключаетъ въ себѣ многое, что не имѣетъ къ этой цѣли близкаго отношенія, и что простой читатель не всегда можетъ достигнуть правильнаго ея пониманія, для полноты котораго нужно болѣе внимательное изученіе; что нельзя же перевести Библии на всѣ существующіе языки, что для грубыхъ племенъ, которымъ Общество хочетъ дать прямо Библию, нужнѣе не книга, а наставникъ, тѣмъ больше, что грубые языки невѣжественныхъ племенъ еще должны быть значительно обработаны, чтобы переводъ Библии былъ возможенъ. Наконецъ оппоненты сомнѣвались — не обманываются ли распространители Библии относительно ея дѣйствія вообще?

Защитники библейскаго дѣла не признавали этихъ возраженій. Они утверждали, что дѣйствіе, оказываемое Библией на массы, есть уже фактъ, для нихъ доказанный, и что она, по богатству и разнообразію своего содержанія, именно примѣняется во всѣмъ положеніямъ жизни и доставляетъ богатый источникъ назиданія; что появленіе Библии безъ всякихъ объясненій и примѣчаній именно доставляетъ пунктъ соединенія для различныхъ исповѣданій и партій, и общее дѣйствіе въ пользу распространенія библии уже возбудило дружелюбныя и человѣколюбивыя наклонности тамъ, гдѣ бы ихъ не было; что наставники, безъ сомнѣнія, необходимы, но объ учителяхъ для народа должно заботиться государство, о миссіонерахъ — церковь, а частное общество, какъ общество библейское, будетъ заботиться только о томъ, чтобы учителя и миссіонеры имѣли главнѣйшее воспитательное средство, которое и есть Библия.

Такъ ставились возраженія и отвѣты. Объ нихъ, какъ вообще обо всемъ Библейскомъ Обществѣ, можно судить весьма различно, смотря по точкѣ зрѣнія, на какую становится исто-

рикъ или критикъ. Въ данной формѣ этихъ возраженій и отвѣтовъ, на обѣихъ сторонахъ была своя доля правды. Библейское Общество, безъ сомнѣнiя, было вправѣ основаться въ томъ видѣ, какъ оно основалось: Библия, конечно, нужна для христіанскихъ націй, и Общество распространяло ее, чтобы расширить средства, которыми масса можетъ приобрести извѣстную долю просвѣщенiя и нравственной пищи; Библия нужна и для дикихъ народовъ; потому что, если для нихъ возможна цивилизація, эта цивилизація, въ нынѣшнемъ состоянiи вещей, можетъ идти только путемъ христіанства, и, если дикари не понимаютъ ея въ настоящую минуту, она можетъ служить имъ впоследствии. Какъ предприятие, созданное частной инициативой, въ силу извѣстнаго глубокаго убѣжденiя, Общество имѣло право выбрать себѣ ту опредѣленную программу, которая отвѣчала понятiямъ о предметѣ, раздѣляемымъ большимъ числомъ людей; въ этихъ понятiяхъ было много истинной человѣчности, въ дѣйствiяхъ Общества много самоотверженiя и великодушiя. Если другiя условiя жизни не всегда соотвѣтствуютъ его намѣренiямъ, напр. если простолюдинъ плохо понимаетъ данную ему Библию или даже понимаетъ ее совершенно превратно; если этого простолюдина вообще плохо учили и т. д., то въ этомъ едва ли виновато Общество, а не то положенiе вещей, которое отъ него совершенно не зависитъ.

Понятно, съ другой стороны, что вслѣдствiе этого самаго положенiя вещей Библейское Общество и его дѣятельность могутъ казаться чѣмъ-то недоконченнымъ и недосказаннымъ, и роль его въ общественной жизни въ особенности могла подвергаться неблагоприятнымъ истолкованiямъ. Если и нельзя было винить Общество въ томъ, что обстоятельства социальной жизни, напр. недостатокъ школъ, неразвитость массы, мѣшали успѣху библейскаго предприятия и даже извращали его, то эти помѣхи все-таки существовали и возбуждаемая ими антипатiя могла распространяться и на самыя библейскiя общества. Это бывало въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда сами исполнители не умѣли сохранять должнаго безпристрастiя къ своему дѣлу: чѣмъ больше они преувеличивали дѣйствiе Библии, самой по себѣ, тѣмъ больше становилось недовѣрiе людей противныхъ мнѣнiй. Въ самомъ дѣлѣ, этихъ преувеличенiй со стороны дѣятелей библейскаго общества было очень много. Первые основатели Британскаго Общества поступили чрезвычайно благоразумно, поставивъ своимъ принципомъ изданiе *Библии безъ всякихъ объясненiй и примѣчанiй*, устраненiе всякихъ *впроисповѣдныхъ отлчiй*, и веденiе дѣла *свѣтскими людьми*. Но, къ сожалѣнiю, этотъ принципъ, именно долженствовавшiй предохранить Общество отъ обычныхъ

клерикальных преувеличеній и нетерпимости, не сохранился отъ подобной же нетерпимости на практикѣ. Правда, само по себѣ Общество ничѣмъ не вмѣшивалось въ текуція дѣла и житейскія волненія, но были однако случаи, гдѣ его дѣятели выражали тотъ крайній піэтизмъ, который слишкомъ легко дѣлается враждебенъ общественному просвѣщенію, и (весьма естественно, впрочемъ) думали, что этотъ ихъ личный образъ мыслей есть непремѣнная принадлежность самого библейскаго дѣла. Когда такимъ образомъ они сами связывали двѣ эти вещи въ одно понятіе и въ одно дѣло, естественно, что и люди посторонніе стали связывать ихъ точно также. Когда Общество, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, говорило, что оно борется съ «ложной философіей», «порожденіемъ злого духа», и употребляло иногда принятую терминологию реакціи, то люди просвѣщенные, представители умственнаго движенія, противъ которыхъ направлялась такая терминологія, получали конечно право относить ихъ самихъ къ категоріи обскурантовъ и реакціонеровъ. Періодъ реставраціи, къ которому относится особенное распространеніе библейскихъ обществъ, былъ, какъ извѣстно, слишкомъ богатъ реакціоннымъ мракобѣсіемъ, и библейскія общества, къ сожалѣнію, не всегда умѣли опредѣлить своего отношенія къ этой реакціи, и потому часто не безъ основанія несутъ на себѣ обвиненія, падающія на нее.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что библейскія общества были исполнѣ солидарны съ реакціей. Сущность ихъ была вовсе не такова, и если, съ одной стороны, ихъ эксплуатировалъ реакціонный піэтизмъ, то съ другой они имѣли въ своей средѣ много истинно-религіозныхъ людей и истинныхъ друзей челоувѣчества. Такова была большая часть первыхъ организаторовъ общества въ Англіи и его агентовъ за границей. Но, какъ мы уже замѣчали, времена реставраціи были полны общественныхъ противорѣчій, которыя давали двойственный характеръ направленіямъ, учрежденіямъ и отдѣльнымъ личностямъ. Библейское Общество было также богато этими противорѣчіями.

Но, разсматриваемое въ цѣломъ, это общество имѣло, безъ сомнѣнія, свои великія заслуги. Религіозная терпимость, челоувѣколюбивыя стремленія, и энергическіе безкорыстные труды его основателей внушаютъ къ себѣ глубокое уваженіе; ихъ дѣятельность въ средѣ простого народа, неразвитаго или одичалаго отъ грубой жизни и угнетенія, и въ средѣ языческихъ народовъ, къ которымъ они являлись миссіонерами евангельской религіи, эта дѣятельность, безъ сомнѣнія, была заслугой въ дѣлѣ цивилизаціи и смягченія нравовъ. Сдѣланные ими переводы св. писанія ча-

сто бывали первыми книгами на языкъ тѣхъ народовъ, для которыхъ они дѣлались; кромѣ нравственнаго вліянія, какое становилось возможно черезъ нихъ, эти переводы имѣли и свою косвенную пользу въ научномъ отношеніи, открывая новыя области изученія для этнографа и лингвиста....

Уже скорѣ послѣ основанія Британскаго Общества, дѣятельность его коснулась и Россіи. Въ первый разъ это произошло въ первые годы царствованія императора Александра, когда основана была миссіонерская колонія въ Каррасѣ, на Кавказской линіи, съ цѣлью обращенія кавказскихъ туземцевъ. Съ 1810 года Британское Общество начало свою дѣятельность и приобрѣло агентовъ въ Финляндіи и Эстляндіи. Скорѣ открыто было Библейское Общество въ Або; въ декабрѣ 1812 года подписанъ былъ императоромъ Александромъ актъ, давшій существованіе Библейскому Обществу въ Петербургѣ.

Полная критическая исторія русскаго Библейскаго Общества еще слишкомъ затруднительна въ настоящее время, и въ особенности для того, кому приходится основываться только на немногихъ данныхъ, доставляемыхъ печатной литературой, — какъ приходилось намъ. Нашъ очеркъ будетъ отрывоченъ и неполонъ; но мы хотѣли по крайней мѣрѣ напомнить объ этомъ любопытномъ явленіи нашего общественнаго развитія и вызвать изъ забвенія тѣ историческіе документы и личныя воспоминанія, которыя еще могутъ разъяснить многое въ судьбѣ Библейскаго Общества и которыя до сихъ поръ остаются недоступны для литературы. Мы упоминали о томъ, до какой степени Общество было забыто; самое имя его долго не произносилось послѣ его паденія, и до самаго послѣдняго времени обходилось молчаніемъ даже тамъ, гдѣ рѣчь касалась его очень близко ¹⁾. Правда, теперь начинаютъ выплывать въ литературѣ свѣдѣнія, касающіяся его исторіи, но количество ихъ все еще крайне ограничено. Главнымъ основаніемъ нашей работы были официальные «Отчеты» самого Общества, сообщавшіе ежегодно свѣдѣнія о ходѣ его трудовъ и ихъ результатахъ. Такъ какъ само Общество пало прежде, чѣмъ успѣло свести свои итоги и сдѣлать общій

¹⁾ Напримеръ. Въ книгѣ г. Чистовича объ исторіи петербургской духовной академіи (1858), гдѣ внимательно пересчитываются труды академическихъ наставниковъ, даже особенные, не относившіеся прямо къ преподаванію, мы не находимъ ни слова о дѣятельности по Библ. Обществу такихъ лицъ, какъ архим., впоследствии митр. московскій Филаретъ, или протоіерей Павскій. Въ книгѣ г. Θεоктистова о Магницкомъ (1865), также не находимъ достаточно полнаго разсказа о подвигахъ этого дѣятеля въ средѣ Библ. Общества, котораго онъ былъ сначала фанатическимъ партизаномъ, а послѣ ожесточеннымъ врагомъ и предателемъ.

обзоръ своей дѣятельности, то для насъ естественно являлась необходимость сначала сдѣлать вкратцѣ этотъ погодный обзоръ, который можетъ быть не лишнимъ для многихъ, тѣмъ больше, что самые «Отчеты» должны составлять теперь большую рѣдкость, судя по тому, что полнаго собранія ихъ мы не нашли даже въ бібліотекахъ Публичной и Академіи Наукъ. Эта, хотя однообразная и слишкомъ переполненная цифрами, форма даетъ однако возможность прослѣдить хронологически исторію распространенія и работъ Общества, и вмѣстѣ дать запасъ официально сверѣженныхъ фактовъ, которые послужатъ намъ дальше для опредѣленія внутренняго характера Общества и его положенія въ тогдашней русской жизни. Для этихъ комментаріевъ къ издаваемымъ теперь источникамъ, мы постараемся собрать и тѣ разбросанныя историческія объясненія, какія появлялись въ послѣднее время въ нашей исторической литературѣ.

I.

Основаніе Общества и внѣшняя дѣятельность его до удаленія кн. А. Н. Голицына (въ маѣ 1824).

Русское Библейское Общество возымѣло свое начало съ 6 декабря 1812 г. Въ этотъ день императоръ Александръ утвердилъ всеподданнѣйшій докладъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князя А. Н. Голицына, и представленный при этомъ докладъ проесть объ учрежденіи въ Петербургѣ библейскаго общества. Въ докладѣ, побудительныя причины къ основанію общества и его цѣль объяснялись такимъ образомъ:

«Великобританское и Иностранное Библейское Общество,—говорилъ докладъ,—стараясь распространить на разныхъ языкахъ и въ различныхъ народахъ ученіе священнаго писанія, и будучи удостовѣрено, что въ Россійской имперіи много сысваться можетъ челоувѣколюбивыхъ христіанъ, желающихъ способствовать временному и вѣчному блаженству своихъ ближнихъ, возложило на члена своего, пастора Патерсона, попеченіе объ образованіи въ С.-Петербургѣ библейскаго общества»,—если бы на это послѣдовало соизволеніе императора.

Общество это, по словамъ доклада, «должно имѣть *единственнымъ* предметомъ изданіе книгъ Ветхаго и Новаго Завета на языкахъ *иностранныхъ*».

Пасторъ Патерсонъ сообщалъ многимъ порученіе, сдѣланное ему Великобританскимъ Обществомъ, и многія лица, «не сумѣваясь въ значущей пользѣ, отъ таковаго учрежденія проистекать имѣющей, изъявили желаніе видѣть въ сей столицѣ библейское общество, и принять въ ономъ дѣятельное участіе». Ободренный такимъ расположеніемъ разныхъ лицъ къ общему благу, Патерсонъ внесъ къ кн. Голицыну проектъ основанія общества, чтобы онъ испросилъ высочайшее соизволеніе на открытіе общества. Кн. Голицынъ, — *«оставляя неприкосновеннымъ изданіе книгъ св. писанія на славянскомъ языкѣ для исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру, принадлежащее въ особенности и исключительно вѣдомству святѣйшаго синода»*, — находилъ проектъ Патерсона *«дѣйствительно полезнымъ, какъ для распространенія въ Россіи чтенія Ветхаго и Новаго Завѣта на разныхъ другихъ языкахъ, между обитателями иностранныхъ исповѣданій, такъ и потому, что недостаточные люди могутъ покупать сію книгу за дешевую цѣну, а бѣдные будутъ получать ее безденежно»*, и такъ какъ еще прежде удостоилось высочайшаго утвержденія библейское общество въ Финляндіи, въ Або, то кн. Голицынъ представлялъ на усмотрѣніе императора объ учрежденіи подобнаго общества въ Петербургѣ, на правилахъ, изложенныхъ въ проектѣ. .

Въ *Проектѣ* изложены сначала цѣль англійскаго общества, его быстрое распространеніе, благопріятствуемое обстоятельствами времени и доведшее его дѣятельность до предѣловъ Россіи. — Великобританское и Иностранное Библейское Общество, — говорится здѣсь, — составилось въ 1804 г., въ Лондонѣ, подъ покровительствомъ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ изъ духовенства и частныхъ лицъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій съ одной, простой и великой цѣлью — распространенія св. писанія во всѣхъ языкахъ и народахъ. Кругъ дѣйствій его простирается не только на европейскіе народы, но и на отдаленнѣйшія страны, пребывающія во мракѣ невѣжества, и даже на будущія поколѣнія человѣчества. Эта цѣль произвела такое впечатлѣніе на умы, что общество быстро распространилось: въ самой Англійи основалось до ста обществъ, въ Соединенныхъ Штатахъ двадцать и т. д. За восемь лѣтъ своего существованія Общество издало уже цѣлыя Библии или части ея на *двадцати-трехъ* европейскихъ языкахъ, *двадцати-пяти* азійскихъ и на *двухъ* американскихъ языкахъ; въ сложности оно заготовило болѣе 500,000 печатныхъ экземпляровъ. Это требовало, конечно, большихъ средствъ, но ревность членовъ Общества такова, что за прошедшій (1812) подниска въ пользу Британскаго Общества принесла до 43,500 фун-

товъ стерл. Давно также Общество обратило вниманіе и на Русскую имперію: Изъ писемъ отъ многихъ лицъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, оно узнало, что въ этихъ провинціяхъ чувствовался большой недостатокъ въ книгахъ св. писанія, и оно тотчасъ опредѣлило сумму въ 1,200 фунт. стерл. на напечатаніе книгъ на этихъ языкахъ, и корреспонденты Общества въ Дерптѣ и Ригѣ уже открыли подписки и принимаютъ мѣры къ напечатанію Новаго Завѣта. Общество узнало также о недостаткѣ книгъ у нѣмецкихъ колонистовъ на Волгѣ, и немедленно послало имъ 1,100 экз. Библии и Новаго Завѣта. Миссіонерамъ Общества на кавказской линіи поручено было перевести Библию на турецкій языкъ; потомъ оно назначило 500 фунт. стерл. для напечатанія финской Библии. Затѣмъ, въ Або основалось, съ высочайшаго утвержденія, Библейское Общество, которому и было оказано вниманіе русскимъ правительствомъ. Ободренное этимъ вниманіемъ правительства къ дѣлу распространенія св. писанія, Британское Общество одушевилось ревностнымъ желаніемъ снабжать обитателей Россіи книгами св. писанія. Такъ какъ это было бы невозможно безъ содѣйствія почитателей Библии между самими русскими, то Общество увидѣло одинъ изъ существенныхъ способовъ къ этому въ учрежденіи библейскаго общества въ Петербургѣ, не сомнѣваясь, что здѣсь найдется не мало людей сочувствующихъ.

Религіозно-нравственное значеніе Библии выражено въ «Проектѣ» такими словами:

«Опытъ научаеъ насъ, что повсюду, гдѣ священное писаніе всѣми читается, оно сильно способствуетъ къ преуспѣванію въ добродѣтеляхъ, направляетъ человѣческія страсти къ лучшей цѣли, и болѣе, нежели что другое, споспѣшествуетъ къ исправленію сердца. Мы видимъ также, что чтеніе священнаго писанія дѣйствуетъ на уменьшеніе пороковъ, на умѣреніе роскоши и на поощреніе къ промышленности. Подданные научаются въ Библии познавать обязанности свои къ Богу, государю и ближнему, миръ и любовь царствуютъ тогда между вышшими и нижшими. Однимъ словомъ, частіе каждаго человѣка въ особенности, и благоденствіе цѣлыхъ народовъ зависятъ отъ того, чтобы ученія священнаго писанія познаваемы и послѣдуемы были...

«....Когда у одинакаго человѣка нѣтъ Библии—это уже весьма великій недостатокъ; но неимѣніе Библии въ размножающемся семействѣ, въ коемъ родители изъ бѣдности и небреженія попускаютъ дѣтямъ своимъ возрастать въ невѣденіи и ненаказанности, такъ что они остаются неспособными образовать сердце свое и духъ религіею, есть важнѣйшій предметъ вниманія для

друга человѣчества, который помышляетъ объ образованіи нравственныхъ свойствъ для предбудущихъ человѣческихъ поколѣній. Сей предметъ тѣмъ наипаче важенъ, что никакому сумнѣнію то не подвержено, въ коль бѣдственное состояніе впадаютъ всѣ несчастливцы, незнающіе Библии, а слѣдственно и религіи, и пребываютъ такимъ образомъ невѣдущими, окаянными и неимущими никакого средства къ спасенію. Посему обязанностію всякаго христіанина, любящаго человѣчество, есть вникнуть въ толь ужасныя послѣдствія, и обмыслить съ надлежащимъ вниманіемъ плачевную участь тѣхъ, коихъ незнаніе откровеннаго слова Божія лишаетъ всякой основательной надежды на вѣчное блаженство, и содѣлываетъ ихъ неспособными вступить на путь, къ вѣчной жизни ведущій».

Поэтому Общество намѣревалось разъяснять простымъ людямъ великую важность Библии, распространять чтеніе ея, убѣждать къ употребленію ея въ воспитаніи. Кто въ состояніи купить, будетъ получать ея по дешевой цѣнѣ; бѣдные будутъ получать ея даромъ; Общество внесетъ ея въ больницы и тюрьмы для страждущихъ и заключенныхъ. Наконецъ, Общество будетъ имѣть цѣлью «исправленіе нравовъ» между азіятскими народами Русской имперіи и распространеніе между ними христіанства черезъ сообщеніе имъ книгъ св. писанія на ихъ языкахъ. Общество питало надежду, что обыкновеніе читать Библию распространится и здѣсь, потому что вездѣ замѣчено было, что съ учрежденіемъ библейскихъ обществъ являлось всегда такое количество охотниковъ до Библии, что общества, при всѣхъ стараніяхъ, не успѣваютъ удовлетворять потребности въ Библии.

Наконецъ, самыя событія того времени вызывали эту работу.

«Всеобщія бѣдствія, — говорилось въ «Проектѣ», — подъ коими стонать нынѣ цѣлыя народы, и кои распространились теперь (1812) и на здѣшнюю страну, тѣмъ паче призываютъ друзей человѣчества и христіанства напрягать всѣ силы свои къ облегченію страданій ближнихъ. Чѣмъ же можно лучше успѣвать въ семъ дѣлѣ, какъ сообщеніемъ книги, изъ которой всякому толь удобно почерпать настоящее и основательнѣйшее утѣшеніе въ горестяхъ? Лишившіеся временныхъ благъ при нынѣшнихъ безпокойствіяхъ, тѣ, коихъ временныя утѣхи погребены въ могилѣ, не должны нуждаться въ лучшихъ утѣшеніяхъ религіи для того токмо, что у нихъ не осталось способовъ къ покупке себѣ и семейству своему Библии. Хижина убогаго должна обогащена быть симъ многоцѣннымъ бисеромъ, дабы онъ, узря передъ собою сей даръ, уготованный ему Отцемъ Всемилосердымъ, при всѣхъ ли-

шеніяхъ и тѣснотахъ жизни сея, утѣшился упованіемъ жизни вѣчныя и блаженныя».

За этимъ введеніемъ слѣдуютъ въ Проектѣ предложенныя правила, или уставъ Общества, въ четырнадцать пунктахъ. Основанія устава вѣрно слѣдовали принципамъ Британскаго Общества, но какъ въ предыдущемъ изложеніи, такъ и здѣсь, составители проекта еще не рѣшаются говорить прямо о библейской дѣятельности среди самого русскаго населенія. I-я статья предложеннаго устава говорила: «Единственнымъ предметомъ сего общества долженствуетъ быть способствованіе къ приведенію въ большее употребленіе священнаго писанія, безъ всякихъ на оное примѣчаній и поясненій»,— основное правило Британскаго Общества, принятое, какъ мы говорили, въ видахъ устраненія всякихъ конфессіональных несогласій и споровъ ¹⁾. Далѣе, II-я статья: «Общество составляется изъ лицъ всякаго вѣроисповѣданія, которыя только пожелаютъ принять участіе въ его трудахъ по внутреннему своему убѣжденію въ пользу распространенія св. писанія между всѣми состояніями, а въ особенности между бѣдными жителями государства» ²⁾. Въ III-й статьѣ говорилось: «Поелику въ обширной Россійской имперіи, (сверхъ господствующаго грекороссійскаго,) терпимы всѣ прочія христіанскія исповѣданія, коимъ послѣдующія различныя націи говорятъ каждая особеннымъ языкомъ: то посему главное попеченіе Общества ограничится тѣмъ, чтобы печатныя Библии распространять только между сими разнородными обитателями государства на ихъ языкахъ; а сверхъ того, буде найдется возможность, стараться доводить Библию и до рукъ азійскихъ въ Россіи народовъ, изъ магометанъ и язычниковъ, каждому равномѣрно на ихъ языкѣ»,—въ самомъ проектѣ (а также и въ докладѣ кн. Голицына, какъ мы видѣли) было оговорено, что Обществу извѣстно, что печатаніе св. писанія на природномъ языкѣ принадлежитъ въ Россіи вѣдомству духовнаго начальства, и что поэтому оно и ограничивается распространеніемъ Библии только между иностранцами и иновѣрцами. Когда при утвержденіи устава это усиленное уклоненіе отъ библейской дѣятельности между самимъ русскимъ населеніемъ оказалось ненужнымъ, это правило также по-

¹⁾ Въ дѣйствовавшихъ потомъ «Правилахъ Общества» эта статья изложена такъ: «Единственный предметъ Общества есть способствованіе къ приведенію въ Россіи въ большее употребленіе *библей*, или книгъ священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завета, безъ всякихъ на оное примѣчаній и поясненій».

²⁾ Въ утвержденныхъ «Правилахъ», такъ: «Общество состоитъ изъ особъ всякаго вѣроисповѣданія христіанскаго, всякаго званія и пола, кои, по внутреннему убѣжденію своему въ пользу оного, желаютъ принять въ томъ участіе и ему содѣйствовать».

лучило другую редакцію¹⁾. Далѣе, средства, нужныя Обществу для покупки и печатанія Библии на разныхъ языкахъ и для другихъ издержекъ доставляются подпиской и единовременными приношеніями, — и жертвователи постоянные считаются членами Общества (IV). Дѣлами завѣдуетъ комитетъ изъ одного президента, двухъ или нѣсколькихъ вице-президентовъ, казначея, двухъ секретарей, и шести или больше директоровъ; для разрѣшенія дѣлъ достаточно можетъ быть и нѣсколькихъ директоровъ съ президентомъ или вице-президентомъ, и секретаремъ (V). Статьи VI—XIV опредѣляютъ подробности выбора должностныхъ лицъ комитета (изъ числа членовъ Общества) и порядка собраній. Часть должностныхъ лицъ, именно половина директоровъ ежегодно мѣняется; ежегодно бываетъ «генеральное собраніе», гдѣ производятся новые выборы, просматриваются счета и свидѣлствуются дѣла; — весь отчетъ, вмѣстѣ со списками подписавшихся и благотворителей, печатается во всеобщее свѣдѣніе. Комитетъ можетъ собирать чрезвычайныя генеральныя собранія для умноженія членовъ Общества и его средствъ, для учрежденія частныхъ комитетовъ или отдѣленій и т. п. Затѣмъ опредѣляются обыкновенныя обязанности казначея, завѣдующаго суммами Общества, и секретарей, ведущихъ журналы собраній и вообще всю дѣловую переписку. XIV-я статья опредѣляетъ, что: «Всѣ должностныя лица въ Обществѣ служатъ безъ жалованья, и никто изъ получающихъ отъ Общества какое-либо жалованье не можетъ быть членомъ онаго, и не имѣетъ никакого голоса при собраніяхъ», — правило, принятое также по примѣру Британскаго Общества. Всѣ эти послѣдніе пункты повторены въ дѣйствовавшихъ потомъ «Правилахъ» безъ всякихъ измѣненій.

Послѣ высочайшаго утвержденія Проекта, 11 января 1813 г. въ домѣ князя А. Н. Голицына происходило первое собраніе для открытія Общества и избранія комитета. Въ этомъ собраніи участвовали, кромѣ кн. Голицына, слѣдующія лица: митр. новгородскій и с.-петербургскій Амвросій; архіеп. минскій и литовскій Серафимъ (впослѣдствіи митр. с.-петербургскій); духовникъ имп. Александра, Криницкій; ректоръ петербургской духовной

¹⁾ Оно было выражено въ дѣйствовавшихъ потомъ «Правилахъ» такъ: «Единственное попеченіе Общества обращается на то, чтобы обитателямъ Россійскаго государства доставлять библии или книги священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завета на разныхъ языкахъ, за самыя умеренныя цѣны, а бѣднымъ и безъ всякой платы. Общество старается снабжать *всю* христіанское вѣроисповѣданіе библиями тѣхъ самыхъ изданій, которыя какимъ почитаются исправнѣйшими. Оно старается, когда есть возможность, доводить библію и до рукъ азіатскихъ въ Россіи народовъ, изъ магометанъ и язычниковъ состоящихъ, каждому равномѣрно на его языкѣ».

академіи, архим. Филаретъ (впослѣдствіи митр. московскій); митрополитъ римско-католической церкви въ Россіи, Сестренцевичъ-Богушъ; пасторъ англиканской церкви, Питтъ; пасторъ сарептскаго евангелическаго братскаго общества, Шейерль; голландскій пасторъ Янсень; далѣе: графъ В. П. Кочубей; министръ народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскій; сенаторы М. И. Донауровъ и В. С. Томара; шталмейст. Тутолминъ; мин. внутр. дѣлъ, Козодавлевъ; сенаторы К. И. Габлицъ и З. Я. Карнѣевъ; баронъ Б. И. Фитингофъ; гр. К. А. Ливень; гофмейст., кн. А. М. Голицынъ; оберъ-прокуроръ, кн. Мещерскій; дѣйст. ст. совѣтники, С. С. Уваровъ, Н. Д. Жулковскій, С. С. Джунковскій и В. М. Поповъ; кол. совѣтн. Лѣнинцевъ и А. И. Тургеневъ; кн. И. С. Мещерскій; Я. Л. Лазаревъ; членъ сарептскаго евангелич. братскаго общества и его повѣренный въ Петербургѣ, Шмитъ; колл. асс. Невѣровскій и Ястребцовъ. Наконецъ, въ собраніи были члены и агенты Британскаго Библейскаго Общества, Патерсонъ и Пинкертонъ.

По прочтеніи упомянутаго выше доклада и утвержденныхъ «Правиль», собравшіеся приступили къ выборамъ членовъ Комитета, и избраны были слѣдующія лица, отчасти изъ лицъ, не присутствовавшихъ въ собраніи, но которыхъ желаніе быть членами Общества было извѣстно:

Президентомъ — главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, кн. А. Н. Голицынъ.

Вице-президентами — гр. В. П. Кочубей, гр. А. К. Разумовскій, М. Ив. Донауровъ, оберъ-гофмейстеръ Р. А. Кошелевъ, О. П. Козодавлевъ и К. Ив. Габлицъ.

Директорами — генераль-суперъ-интендентъ Рейнботъ, пасторъ Питтъ, кн. П. С. Мещерскій, гр. К. А. Ливень, баронъ Б. И. Фитингофъ, Н. И. Фусъ, Н. Д. Жулковскій, С. С. Джунковскій, А. А. Лѣнинцевъ и С. С. Уваровъ.

Секретарями — В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ.

Казначеемъ — Я. И. Шмитъ.

Такъ совершилось основаніе русскаго Библейскаго Общества.

Приступая къ обзору его дѣятельности, мы постараемся предварительно изложить чисто-фактическія подробности и нѣкоторыя подлинныя цитаты. Это изложеніе официальныхъ отчетовъ, по необходимости отрывочное и сухое, казалось намъ однако нужнымъ; оно дастъ намъ возможность оцѣнить сущность дѣла, не отвлекаясь пока частными соображеніями о лицахъ и обстоятельствахъ; притомъ эти подробности никогда еще не были собраны.

Выбранный комитетъ въ самомъ первомъ собраніи ревностно

принялся за трудъ и занялся пріисканіемъ средствъ для выполненія своей задачи. Цѣль Общества — состоявшая въ доставленіи Библии всѣмъ обитателямъ государства, которые не въ состояніи сами пріобрѣсти ея — распалась на нѣсколько частныхъ задачъ. Во-первыхъ, Общество поставило себѣ цѣлью «облегченіе способовъ къ полученію Библий, или книгъ ветхаго и новаго завѣта, на *славянскомъ* языкѣ, издаваемыхъ отъ свят. синода». Во-вторыхъ, — изданіе и умноженіе этихъ книгъ на *другихъ языкахъ* для христіанъ иныхъ исповѣданій: нѣмцевъ, поляковъ, финляндцевъ, шведовъ, латышей, армянъ, грековъ и пр. Въ-третьихъ — доставленіе Библии *бѣднымъ несчастливцамъ*, которые не имѣютъ возможности пріобрѣсти ея, но, можетъ быть, еще больше другихъ нуждаются въ ней, какъ напр., соотечественники, потерпѣвшіе въ послѣднюю (1812) войну разореніе отъ непріятеля; военноплѣнные непріятели, — которымъ Библия можетъ дать твердость духа въ несчастіи (когда имъ дана будетъ Библия, «они убѣдятся — говорили отчеты Общества — дѣйствительнѣйшимъ образомъ, что въ странѣ, въ коей они плѣнниками находятся, правила *истиннаго христіанства* и *гражданственности* извѣстны не по одному названію, но и исполняются на самомъ дѣлѣ, если дастся для нихъ новое доказательство *вѣрнодоушія* россиянъ и христіанскаго *человѣколюбія*»); далѣе, заключенные въ тюрьмахъ, ссыльные, находящіеся въ больницахъ, богадѣльняхъ и въ домахъ исправленія, и наконецъ, всѣ страждущіе и бѣдствующіе. Въ-четвертыхъ, Общество имѣло въ виду надѣленіе книгами св. писанія многоразличныхъ народовъ Россіи изъ *магометанъ* и *язычниковъ*.

Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей комитетъ долженъ былъ, во-первыхъ, предпринять печатаніе Библий на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, на счетъ Общества, потому что такимъ образомъ книги могли обходиться дешевле, чѣмъ если бы покупать ихъ за границей; во-вторыхъ, покупать *славянскія* Библии отъ синода, а также покупать иностранныя изданія на разныхъ языкахъ, когда нужно количество этихъ книгъ было не велико и не требовало цѣлаго изданія въ Россіи. Наконецъ, въ-третьихъ, дѣйствія комитета должны были состоять въ распродажѣ всѣхъ этихъ книгъ по возможно дешевой цѣнѣ, даже ниже цѣнъ, заплаченныхъ самимъ комитетомъ, или въ даровой раздачѣ тѣмъ, кто бы былъ не въ состояніи купить книгу. Денежные способы на все это должны были быть доставлены подпиской и единовременными пожертвованіями.

Комитетъ первый открылъ подписку въ первомъ же своемъ собраніи, и на этотъ разъ подписка составила 5,750 руб. еди-

новременно и 4,800 ежегоднаго взноса. Нѣкоторые изъ членовъ внесли по 1,000 руб. одновременно и ежегодно; другіе по 500, по 300 и т. д. Патерсонъ внесъ 500 ф. стерл. (около 6,944 тогдашнихъ рублей), пожертвованныхъ Британскимъ Обществомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ открылъ черезъ газеты публичную подписку въ пользу Общества. Когда президентъ сдѣлалъ донесеніе императору Александру объ открытіи дѣйствій комитета, императоръ назначилъ Обществу съ своей стороны пожертвованіе въ 25,000 руб. одновременно и 10,000 ежегодно.

Начиная свою дѣятельность, комитетъ прежде всего озаботился сдѣлать публичное извѣщеніе объ открытіи Общества. Съ этой цѣлью издана была въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ брошюра о библейскихъ обществахъ вообще и объ открытіи такого Общества въ Петербургѣ; эта брошюра издана была также по-нѣмецки и по-польски. Затѣмъ комитетъ обратился къ начальникамъ губерній и къ главнѣйшимъ духовнымъ особамъ, и вообще къ значительнѣйшимъ лицамъ въ имперіи съ объясненіемъ цѣли Общества и съ приглашеніемъ содѣйствовать трудамъ его своимъ участіемъ.

Цѣль учрежденія возбудила такое сочувствіе въ публикѣ, что въ первомъ же (1813) году своего существованія Общество могло открыть, по 9-й статьѣ своего устава, шесть отдѣленій, именно: 10-го іюня *дерптское*, 16-го іюня *курляндское*, 23-го іюня *рижское*, 4-го іюля *московское* и также *ревельское* и, наконецъ, 30-го декабря *ярославское*. Въ московскомъ отдѣленіи, которому предстояло обнаружить особенно живую дѣятельность, вице-президентомъ выбранъ былъ управляющій московскимъ архивомъ коллегии иностранныхъ дѣлъ Ник. Ник. Бантышъ-Каменскій; въ числѣ директоровъ былъ вице-президентъ медико-хирургической академіи Всеволожскій, состоявшій при архивѣ извѣстный А. О. Малиновскій, управляющій московскимъ почтамтомъ Д. П. Руничъ, ректоръ московскаго университета Геймъ, городской голова купецъ Кожевниковъ; секретарями были Н. Д. Горчаковъ и Дм. Ник. Бантышъ-Каменскій. Остзейскія губерніи, какъ мы видѣли, еще нѣсколько прежде подготовлены были агентами Британскаго Общества.

Подписка шла весьма успѣшно въ особенности въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Въ ней приняли участіе всѣ сословія, высшія и низшія, и не только русскіе, но также духовенство и населеніе другихъ исповѣданій. Въ теченіе 1813 года единовременные и годовые взносы по петербургскому комитету составили сумму до 76,000 руб. Въ московскомъ комитетѣ наиболѣе ревностнымъ дѣятелемъ общества былъ умершій въ томъ же году

вице-президентъ его Н. Н. Бантышъ-Каменскій, въ которомъ отчетъ восхваляетъ «ревность въ доставленіи спасительной пользы ближнимъ, дѣятельность и благоразумное распоряженіе въ приглашеніи ко вступленію въ члены и благотворители Библейскаго Общества многихъ достойнѣйшихъ особъ изъ духовенства и другихъ сословій»; черезъ одно его посредство поступило въ московское отдѣленіе до 40,000 рублей.

Британское Общество отнеслось съ величайшимъ сочувствіемъ къ дѣятельности русскаго, и заявило это сочувствіе пожертвованіемъ значительныхъ суммъ: кромѣ упомянутыхъ 500 ф. стерл., отъ него доставлено было впоследствии еще 1,200 ф. ст. для размноженія книгъ св. писанія на эстскомъ и латышскомъ языкахъ, 500 ф. ст. для московскаго отдѣленія и въ началѣ 1814 года еще 1,000 ф. ст. для петербургскаго комитета, — кромѣ того оно прислало множество экземпляровъ Библии на разныхъ языкахъ. Общество получало и изъ другихъ источниковъ экземпляры Библии и распредѣляло ихъ отчасти въ *библиотеку* комитета, гдѣ собирались изданія св. писанія на разныхъ языкахъ для образца и свѣдѣнія Обществу, отчасти въ *книгохранилище*, которое составляло собственно складъ для продажи и даровой раздачи.

Не останавливаясь на мелкихъ подробностяхъ, мы укажемъ только общія мѣры и круглыя годовыя цифры книжныхъ и денежныхъ оборотовъ Общества.

Чтобы удовлетворить первымъ потребностямъ въ Библии, комитетъ сдѣлалъ закупки иностранныхъ Библий за границей, русскою, т. е. славянскою отъ св. синода, и продавалъ ихъ (вмѣстѣ съ полученными въ даръ) по возможно дешевой цѣнѣ или же разсылалъ и раздавалъ безденежно. Но въ первое же время Общество убѣдилось, что можетъ имѣть иностранныя Библии дешевле, если будетъ печатать ихъ само, и такимъ образомъ уже теперь приступило къ собственнымъ изданіямъ. Такъ, вмѣстѣ съ абовскимъ финляндскимъ обществомъ, комитетъ приступилъ къ печатанію такъ-называемымъ «прочнымъ наборомъ» *финской* Библии — затѣмъ, такимъ же наборомъ, *нѣмецкой*; далѣе комитетъ сдѣлалъ изданіе Новаго Завѣта по-*армянски*, которое исполнено было содержателемъ армянской типографіи въ Петербургѣ, архидіакономъ армянскаго исповѣданія, Іосифомъ Іоаннесовымъ. Еще до основанія петербургскаго Общества, Британское Общество вошло въ сношенія съ сарептскимъ братствомъ о переводѣ Новаго Завѣта на книжный языкъ *калмыкскій* или монгольскій. За этотъ переводъ взялся членъ сарептскаго общества Шмитъ, который, живя прежде нѣсколько лѣтъ между калмыками, вполне изучилъ ихъ языкъ и въ состояніи былъ исполнить это дѣло.

Этотъ Шмитъ (впослѣдствіи академикъ и извѣстный ориенталистъ) былъ теперь членомъ-казначеемъ петербургскаго комитета, и комитетъ взялъ на себя это изданіе. На калмыцкомъ языкѣ еще не печаталось ничего, и прежде всего нужно было заготовить шрифтъ. Далѣе, комитетъ обратилъ вниманіе на совершенный недостатокъ книгъ св. писанія на *польскомъ* языкѣ. На первый разъ комитетъ рѣшилъ, напечатать по крайней мѣрѣ Новый Завѣтъ на польскомъ языкѣ, по тексту бреславскаго изданія 1771 года, въ переводѣ Якова Вуйка. Исправленіемъ корректуры пожелали заняться «нѣкоторые отцы-іезуиты» при петербургской римско-католической церкви, а главный надзоръ за изданіемъ взялъ на себя католическій митрополитъ Сестреницевичъ-Богушъ.) Комитетъ рѣшилъ за тѣмъ сдѣлать также изданіе *французской* Библии, для чего принять былъ въ основаніе переводъ де-Саси ¹⁾. Наконецъ, все свое вниманіе комитетъ обратилъ на размноженіе экземпляровъ русской, т. е. *славянской* Библии. Прежнія изданія ея, московской и кievской печати, въ четырехъ и пяти книгахъ, обходились очень дорого. Средствомъ удешевить изданіе оставалось сдѣлать его прочнымъ наборомъ, такъ, чтобы при новыхъ тисненіяхъ расходъ ограничивался только цѣной бумаги и печатанія, чтó значительно сократило бы издержки изданія; но для устройства прочнаго набора надобно было употребить нѣсколько лѣтъ, потому что требовалось отлить много новаго шрифта, и поэтому на первый разъ синодъ, по согласію съ комитетомъ, положилъ напечатать одновременно 5,000 экземпляровъ Библии и 5,000 Новаго Завѣта, шрифтомъ московской Библии 1778 года, въ большую осьмушку въ два столбца. Печатаніе должно было происходить подъ наблюденіемъ московскаго комитета. Между тѣмъ, комитетъ намѣревался принять мѣры къ заготовленію прочнаго набора, и, если будетъ возможно, то стереотипа, т. е. печатанія цѣльными металлическими досками, чтó было бы еще дешевле, прочнѣе и чище. Провинціальныя комитеты дѣйствовали въ томъ же смыслѣ въ своей сферѣ, и напр., остзейскія отдѣленія предприняли свои изданія для мѣстныхъ населеній, на латышскомъ языкѣ, и на дерптскомъ и ревельскомъ нарѣчіяхъ эстскаго языка.

Въ общихъ чертахъ дѣятельность Библейскаго Общества за первый годъ его существованія выражалась слѣдующими цифрами:

¹⁾ Де-Саси (Lemaistre de-Sacy), янсенистъ и директоръ знаменитаго Портъ-рояля, сдѣлалъ свой переводъ около 1666 г.; онъ трудился надъ этимъ переводомъ въ Бастильѣ, куда попалъ по обвиненію въ ереси. Британское Общество не принимало вообще переводовъ, обезображенныхъ католическими исправленіями; въ этомъ случаѣ ему послѣдовало и Общество русское.

Приходъ его, по всѣмъ отдѣленіямъ, состоявшій изъ единовременныхъ пожертвованій и ежегодныхъ взносовъ составлялъ 160,494 руб. 20 к.

Расходъ, на покупку и выпускъ Библий, печатаніе изданій, изготовленіе шрифтовъ и проч. 39,961 руб. 86 к.

Остатокъ въ слѣдующему году составлялъ 120,532 р. 34 к.

Продажа, разсылка и раздача книгъ представляетъ слѣдующіе размѣры. Продано: Библий и Новаго Завѣта на разныхъ языкахъ, всего до 850 экземпляровъ. Разослано и роздано: до 440 экземпляровъ. Кромѣ того, изъ запаса для военноплѣнныхъ и для бѣдныхъ англичанъ разослано и продано до 1,600 экземпляровъ.

Общая цифра экземпляровъ всѣхъ изданій, *предпринятыхъ* комитетомъ и разными отдѣленіями Общества на языкахъ русскомъ (т. е. славянскомъ), нѣмецкомъ, финскомъ, французскомъ, польскомъ, армянскомъ, калмыцкомъ (600 экзempl. Новаго Завѣта), на дерптскомъ и ревельскомъ нарѣчіяхъ эстскаго языка и на латышскомъ (14,000 экземпляровъ Новаго Завѣта), составляла :

Библии	22,500 экзempl.
Новаго завѣта.	37,700 >

Такъ прошелъ первый годъ дѣятельности Общества. Цифры его денежныхъ и книжныхъ оборотовъ еще скромны; но въ послѣдующіе годы предпріятія его развиваются все въ болѣе и болѣе обширныхъ размѣрахъ; значительный успѣхъ представляетъ уже и слѣдующій годъ.

Въ 1814 году произошла прежде всего большая перемѣна въ самомъ составѣ комитета, о которой предварительно нужно одинъ разъ упомянуть. Въ началѣ онъ состоялъ, какъ мы видѣли, изъ исключительно свѣтскихъ лицъ; въ числѣ директоровъ было два протестантскихъ духовныхъ лица, генераль-суперинтендентъ Рейнбольтъ и англійскій пасторъ Питтъ, но оба они умерли въ томъ же году. Въ новомъ комитетѣ, прежніе члены остались, но къ нимъ присоединилось еще много новыхъ лицъ, совершенно обновившихъ характеръ комитета. Графъ К. А. Ливень, бывшій директоромъ, перешелъ теперь въ число вице-президентовъ, и кромѣ того, выбрано было еще девять новыхъ вице-президентовъ, именно: Серапіонъ, митрополитъ кіевскій и галицкій; Амвросій, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій; Михаилъ, архіепископъ черниговскій; Серафимъ, архіепископъ тверской (впослѣдствіи митрополитъ московскій, а затѣмъ петербургскій); Іовъ, архіепископъ екатеринославскій, херсонскій и таврическій; архіепископъ Досіѣей; католическій митрополитъ Сестренцевичъ-

Богущъ; Иоаннесь, архіепископъ русскихъ армянъ, и одинъ свѣтскій вице-президентъ, В. С. Томара. Въ спискѣ директоровъ, кромѣ означенныхъ перемѣнъ, также явились новыя имена. Въ число директоровъ выбраны были: архимандритъ Филаретъ, въ то время ректоръ с.-петербургской духовной академіи (впослѣдствіи архіепископъ и митрополитъ московскій); прот. Музовскій; аббатъ Мангень; лютеранскій пасторъ Рейнботъ; Н. П. Свистуновъ, и А. О. Лабзинъ.

Такимъ образомъ, въ комитетѣ получили важное значеніе духовныя лица, и съ тѣхъ поръ этотъ смѣшанный характеръ комитета остался до конца Общества. Въ комитетѣ постоянно были свѣтскія и духовныя лица; и если они были не въ равной численной пропорціи,—потому что свѣтскихъ лицъ въ общемъ составѣ постоянно бывало больше, — то духовныя лица большею частью были лица съ большимъ значеніемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видимъ, въ комитетѣ получили мѣсто и лица иностранныхъ исповѣданій, католическаго, лютеранскаго и армянскаго (впослѣдствіи также греко-уніатскаго). Большинство духовныхъ лицъ, вступившихъ въ комитетъ въ 1814 году, остались въ немъ до самаго конца Общества,—какъ наприм: Серафимъ, Филаретъ (оба или въ Петербургѣ или въ Москвѣ) и другіе русскіе іерархи, также какъ Сестренцевичъ, Иоаннесь, Рейнботъ, Мангень и т. д. Въ комитетъ вступилъ наконецъ и тотъ разрядъ людей, представителемъ котораго является здѣсь Лабзинъ.

Впослѣдствіи, съ каждымъ годомъ составъ комитета отчасти мѣняется, хотя многіе изъ вице-президентовъ и директоровъ оставались его членами неизмѣнно; съ теченіемъ времени комитетъ становился многочисленнѣе, но общій характеръ оставался тотъ же: въ немъ были первостепенные государственные люди, первостепенные русскіе іерархи, духовныя лица иностранныхъ исповѣданій, различные представители общества.

Секретарями комитета съ начала и до 1824 г. оставались одни и тѣже лица, В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ, которые оба были близкими людьми и подчиненными князя Голицына.

Этотъ новый комитетъ, для большаго распространенія въ публикѣ свѣдѣній о цѣли Общества, издалъ новую брошюру, подъ заглавіемъ: «О цѣли Россійскаго Библейскаго Общества и средствахъ къ достиженію оной», въ числѣ 10,000 экземпляровъ, а потомъ еще 25,000 экземпляровъ, которые были распространены членами комитета и его корреспондентами.

Продолжая увеличивать свой запасъ книгъ св. писанія для продажи и раздачи, комитетъ, въ ожиданіи окончанія собственныхъ изданій, приобрѣлъ *все* количество славянскихъ Библій, ка-

ное было возможно получить отъ синода, за оставленіемъ для собственнаго употребленія синодальному вѣдомству; продолжалъ выписывать иностранныя Библии. При этомъ уже начало въ большомъ размѣрѣ выказываться содѣйствіе частныхъ лицъ. Книгопродавецъ Вейгеръ взялъ на себя безденежно выписку для общества 1200 экземпляровъ нѣмецкой Библии. Особеннаго запаса потребовало греческое населеніе. Архіереи южныхъ губерній и другія лица того края, гдѣ въ особенности собрано греческое населеніе, еще съ 1813 года дѣятельно распространяли Библию, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала новая потребность въ ней. Желанія и требованія появились отъ анатолическихъ грековъ, когда они узнали о возможности имѣть библию. Комитетъ выписалъ нѣсколько тысячъ греческой Библии, изданія Британскаго Библейскаго Общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ его помощью намѣревался предпринять собственныя стереотипныя изданія св. писанія для грековъ. Онъ утвердился въ этомъ намѣреніи еще больше, когда получено было изъ Константинополя свѣдѣніе, что греческій патриархъ одобряетъ изданіе Новаго Завѣта, сдѣланное Британскимъ Обществомъ. Поэтому комитетъ думалъ, что его стереотипнымъ изданіемъ воспользуются не только русскіе греки, но и греки, живущіе въ Турціи и Азіи. «Кажется неоспоримо, — замѣчалъ комитетъ, — что Россія, на которую свѣтъ евангелія излілся изъ Греціи, обязана, съ своей стороны, взаимно служить нынѣ симъ единовѣрнымъ своимъ, доставленіемъ имъ книгъ евангелія на ихъ языкѣ. Комитетъ и началъ уже *дѣйствіе свое въ пользу грековъ*, сочиненіемъ особаго къ нимъ *воззванія* на нынѣшнемъ греческомъ языкѣ, съ краткимъ изъясненіемъ въ ономъ цѣли библейскихъ обществъ; о чемъ многіе изъ обитающихъ въ Турціи грековъ желали вѣдать.»

Распространеніе Библии стало усиливаться, когда увеличились запасы Общества и распространились свѣдѣнія о возможности имѣть книгу. Запасы, назначаемые для продажи, расходились иногда въ нѣсколько часовъ. Общество выпустило армянское изданіе новаго завѣта. Финскій новый завѣтъ расходился съ такою быстротой, что комитетъ увидѣлъ, что сдѣланнаго изданія не достанетъ для удовлетворенія требованій. Общество разсылало само и по желанію своихъ корреспондентовъ книги греческія, нѣмецкія, французскія, польскія, татарскія; у него были уже дѣятельные корреспонденты и въ центрѣ Россіи и на отдаленныхъ окраинахъ, въ Сибири и на югѣ. Ревностными сотрудниками являются, въ особенности, старшины шотландской колоніи въ Каррасѣ на кавказской линіи, распространявшіе книгу между разноплеменными народами Кавказа; русскіе ревнители подоб-

нымъ образомъ дѣйствовали между татарскимъ населеніемъ въ Крыму.

Изданія также расширялись. Въ мартѣ 1815 г. кончено было въ Москвѣ изданіе славянскаго Новаго Завѣта; печатаніе Библии продолжалось, и наконецъ приступлено было въ печатанію славянской библии *стереотипомъ*. Пасторъ Патерсонъ, который вообще былъ ревностнѣйшимъ помощникомъ комитету, вель сношенія съ Британскимъ Обществомъ и оказывалъ всевозможное содѣйствіе предпріятіямъ русскаго комитета, — и на этотъ разъ помогъ устроиться дѣлу. Съ его помощью приглашенъ былъ знающій мастеръ стереотипнаго дѣла Руттъ, сынъ главнаго содержателя стереотипнаго заведенія въ Лондонѣ, работавшаго для Британскаго Общества. Руттъ пріѣхалъ въ Россію и началъ свои работы съ приготовленія стереотипа Новаго Завѣта; наблюденіе за приличной и красивой вырѣзкой пунсоновъ для литеръ взялъ на себя архим. Филаретъ; печатаніе должно было происходить подъ распоряженіемъ св. снуда.

Продолжались затѣмъ другія предпріятія Общества: печатаніе нѣмецкой и финской Библии, польскаго Н. Завѣта, французской Библии съ крайне рѣдкаго изданія Саси, армянской Библии, Новаго Завѣта на калмыцкомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ являлись и совсѣмъ новые планы. Именно, общество предприняло изданіе Новаго Завѣта на *персидскомъ* языкѣ, по переводу Генри Мартина, сообщенному въ Общество англійскимъ посломъ при персидскомъ дворѣ, сирѣ Горь-Узелеемъ, который, будучи проездомъ въ Петербургъ, не только отдалъ Обществу этотъ переводъ для снятія копии и печатанія, но и взялъ на себя трудъ надзора за исправностью изданія. Начато было изданіе Новаго Завѣта на *грузинскомъ* языкѣ. Католическій епископъ Самогитскій, князь Іосифъ Гедройць, доставилъ комитету въ рукописи переводъ Н. Завѣта на *литовско-самогитскій* языкъ, и желалъ имѣть отъ комитета разрѣшеніе для его напечатанія. Это разрѣшеніе было получено отъ митр. Сестренцевича-Богуша, и комитетъ, кромѣ того, предложилъ Гедройцу свое содѣйствіе при печатаніи книги.

Самый составъ Общества расширился въ 1814 г. и въ началѣ 1815 основаніемъ новыхъ отдѣленій: въ Каменцѣ-Подольскомъ, въ Θεодосіи, въ Аренбургѣ на о. Эзелѣ, и въ Воронежѣ.

Въ общихъ цифрахъ дѣятельность общества представляется за 1814 годъ въ такомъ видѣ:

Остатокъ суммы отъ перваго года, по всѣмъ комитетамъ и отдѣленіямъ, составлялъ 112,887 р. 91 к.

Приходъ пожертвованій, годовыхъ взносов и выручки отъ продажи книгъ 312,301 — 10¹/₂

Расходы на покупку книгъ, на печатаніе, приготовленіе стереотипа и т. д.	167,910 — 67½
Остатокъ къ 1815 году	144,390 — 43

Количество проданныхъ и розданныхъ книгъ св. Писанія представляло слѣдующія числа:

Продано	2,993 экз.
Разослано и роздано безденежно	1,280 »

Количество изданій, конченныхъ, продолжавшихся и начатыхъ вновь русскимъ Обществомъ, составляло уже слѣдующія обширныя цифры: по петербургскому комитету 59,100 экз.; по другимъ комитетамъ въ сложности 45,000, — слѣд. всего: 104,100 экземпляровъ.

Навонецъ, въ 1814 г. с.-петербургское Общество по высочайшему повелѣнію (4 сентября) стало называться *Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ*; другимъ отдѣленіямъ, уже составившимся или имѣющимъ составиться, велѣно было называться по тѣмъ губернскимъ или уѣзднымъ городамъ, гдѣ они будутъ находиться. Это повелѣніе какъ будто дало Обществу новую официальную санкцію ¹⁾, и съ тѣхъ поръ оно начинаетъ расширяться еще сильнѣе: въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ открываются все больше и больше новыхъ отдѣленій; мѣстныя власти и вліятельные люди начинаютъ считать обязанностью записываться въ члены Общества и участвовать въ мѣстныхъ комитетахъ...

Переходимъ къ отчету за 1815 годъ. Въ «генеральномъ собраніи», гдѣ данъ былъ этотъ отчетъ (15 іюня 1816), президентъ Общества, говоря о надеждахъ на его дальнѣйшіе успѣхи, указываетъ ближайшій и обильнѣйшій источникъ этихъ надеждъ въ особенномъ благоволеніи императора Александра. «Наипаче со времени возвращенія своего въ нѣдра отечества, онъ участвуетъ въ дѣлѣ распространенія свящ. писанія не однимъ своимъ именемъ и щедротами, но и ближайшимъ вниманіемъ; не токмо одобряетъ все споспѣшествующее сему спасительному дѣлу, но и одушевляетъ дѣятельность Общества *внушеніями собственнаго сердца*. Онъ самъ снимаетъ печать невразумительнаго нарѣчія, заграждавшюю донинѣ отъ многихъ изъ Россіянъ евангеліе Иисусово, и открываетъ сію книгу для самыхъ младенцовъ народа, отъ которыхъ не ея назначеніе, но единственно *мракъ временъ* закрылъ ону».

¹⁾ Въ томъ же году обществу дано было право пересылать свою переписку съ отдѣленіями и корреспондентами по почтѣ безденежно. Въ комитетѣ былъ представителемъ почтоваго вѣдомства Жулковскій.

Мы скажемъ дальше, по какому поводу были сказаны эти слова. Въ той же рѣчи президентъ воснулъ и другой стороны дѣла: въ своимъ пожеланіямъ Обществу онъ считалъ, «быть можетъ, нужнымъ» присоединить «въ разсужденіи *нѣкоторыхъ*» желаніе, чтобы имъ дано было «простое око» и чтобы дѣло Библ. Общества не казалось имъ мечтой. «Горестно мыслить, — говорилъ президентъ, — что есть еще люди, которымъ простота сего дѣла непонятна, и которые по сему, не мысля о спасительномъ употребленіи сваяц. писанія, *примышляютъ* возможныя его *злоупотребленія*, и не желая примѣчать всѣмъ открытаго дѣйствованія Библейскаго Общества, ищутъ *сокрытыхъ цѣлей*, которыхъ оно, по существу своего устройенія, имѣть не можетъ». Президентъ надѣется, что время и провидѣніе наконецъ откроютъ имъ, что Богъ, который нѣкогда хотѣлъ спасти міръ, не познавшій его премудрости, и теперь могъ «повелѣть сѣять мертвыя письмена и хладныя листы, чтобы отъ нихъ произрасли *Духъ и Жизнь*».

Такимъ образомъ уже въ это время заявлена была та оппозиція противъ Библейскаго Общества, которая успѣла впоследствии, черезъ десять лѣтъ, достигнуть его закрытія.

Любопытнѣйшимъ обстоятельствомъ въ дѣятельности Общества за это время, обстоятельствомъ, на которое намекали приведенныя выше слова кн. Голицына, было возникновеніе мысли о *русскомъ переводѣ Библии*. Едва ли можно сомнѣваться, что эта мысль представлялась первымъ членамъ Общества еще при самомъ его открытіи. Но они не высказывали ея прямо; предметъ казался слишкомъ новымъ и превышающимъ компетентность людей, собравшихся въ Обществѣ; при нашихъ нравахъ эта мысль могла показаться слишкомъ большой смѣлостью. При первомъ началѣ дѣла, эта мысль даже усиленно устраняется, такъ что становится очень странно, какимъ образомъ Общество, заботясь о доставленіи Библии «на своемъ языкѣ» всякимъ иностранцамъ въ русской имперіи, нѣмцамъ и французамъ, латышамъ и татарамъ, не имѣетъ какъ будто и помысленія о томъ, что Библия «на своемъ языкѣ» была бы нужна и русскимъ людямъ, и даже имъ прежде всего. Очевидно, что тогда еще боялись заговаривать объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ, присутствіе мысли о русской Библии можно замѣтить и въ то время. Она очень естественно приходила въ голову, и въ первыхъ книжкахъ, изданныхъ для объясненія цѣли Общества и усиленно распространяемыхъ, повидимому, не безъ задней мысли упоминалось о томъ, что когда Британское Общество нашло обширный успѣхъ на континентѣ, то распространеніе Библии нашло горячихъ ревнителей.

ловсюду, не только у протестантовъ, но и въ средѣ самого католическаго духовенства (какъ извѣстно, издавна враждебнаго чтенію Библии въ народѣ) и что даже папа далъ свое одобреніе переводу Библии на итальянскій языкъ. Едва ли все это не было восвешнымъ намекомъ.

Теперь обстоятельства очень измѣнились: Библейское Общество успѣло установиться; въ его комитетѣ заняли мѣсто высшія духовныя лица, находившіяся въ Петербургѣ; издательскія предпріятія Общества, печатавшаго на разныхъ языкахъ книги св. Писанія, еще сильнѣе указывали на отсутствіе русскихъ изданій, и вопросъ былъ наконецъ поставленъ прямо. Инициатива его отдается самому императору Александру. По словамъ отчета, дѣло происходило такимъ образомъ.

Когда императоръ возвратился въ столицу, въ концѣ 1815 года, президентъ Общества поднесъ императору отъ имени комитета по экземпляру каждаго изъ напечатанныхъ Обществомъ изданій свящ. писанія на разныхъ языкахъ и другихъ изданныхъ имъ книгъ и отчетовъ. Императоръ выразилъ свое удовольствіе о дѣятельности Общества, и затѣмъ, «по собственному движенію сердца своего» велѣлъ президенту, чтобы онъ предложилъ св. синоду искреннее желаніе его величества—«доставить и Россіянамъ способъ читать слово Божіе на природномъ своемъ Россійскомъ языкѣ, яко вразумительнѣйшемъ для нихъ Славянскаго нарѣчія, на коемъ книги свящ. писанія у насъ издаются». Президентъ, который былъ вмѣстѣ и оберъ-прокуроромъ синода, предложилъ синоду мысли и волю государя 28 февраля 1816 г., въ формѣ, согласной съ его словами.

Предложеніе оберъ-прокурора излагало ихъ такъ:

«Его Императорское Величество, какъ внутреннимъ Божественнымъ достоинствомъ Священнаго Писанія, такъ и самими опытами убѣждаясь въ томъ, сколь полезно чтеніе онаго людямъ всякаго званія, для преспѣянія въ благочестіи и благонравіи, на воихъ виждется истинное благо людей и народовъ; и по сему обращая вниманіе на дѣйствія Россійскаго Библейскаго Общества, *съ прискорбіемъ усматриваетъ*, что многіе изъ Россіянъ, по свойству полученнаго ими воспитанія, бывъ удалены отъ знанія древняго Славянскаго нарѣчія, *не безъ крайняго затрудненія* могутъ употреблять издаваемые для нихъ на семъ единственно нарѣчіи священныя книги, такъ что нѣкоторые въ семъ случаѣ прибѣгаютъ въ пособію *иностранныхъ переводовъ*, а большая часть и *сею имѣть не можетъ*. Но какъ изъ отчета Россійскаго Библейскаго Общества за 1814 годъ Е. И. В-ву извѣстно, что въ подобныхъ изъясненнымъ здѣсь обстоятельствахъ, *въ церкви*

Греческой патриаршею грамотою одобрено народу чтеніе Священнаго Писанія Новаго Завѣта на новѣйшемъ Греческомъ нарѣчїи, вмѣсто древняго: то Е. И. В-во находитъ соотвѣтственнымъ съ обстоятельствами, чтобъ и для Россійскаго народа, подъ смотрѣніемъ духовныхъ лицъ, сдѣлано было предложеніе Новаго Завѣта съ древняго Славянскаго на новое Россійское нарѣчіе, каковое предложеніе и можетъ быть издано для желающихъ отъ Россійскаго Библейскаго Общества, вмѣстѣ съ древнимъ Славянскимъ текстомъ, подобно какъ издано съ дозволенія Св. Синода посланіе къ Римлянамъ на Славянскомъ и Россійскомъ нарѣчїи совокупно. Само собою разумѣтся, что церковное употребленіе Славянскаго текста долженствуетъ остаться неприкосновеннымъ».

Объ этомъ синодъ долженъ былъ войти въ разсужденіе и дать свое мнѣніе. Синодъ положилъ: поручить комиссіи духовныхъ училищъ выбрать въ петербургской академіи людей, способныхъ къ этому важному труду и возложить на нихъ этотъ переводъ; затѣмъ, переведенное должно было вноситься въ Библейское Общество на разсмотрѣніе его членовъ изъ духовныхъ лицъ, послѣ одобренія которыхъ переводы могли быть издаваемы отъ Общества, *вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ*. Мнѣніе синода получило высочайшее утвержденіе, и немедленно приступлено было къ исполненію. Петербургская академія принялась за этотъ трудъ подъ надзоромъ ректора, архим. Филарета (впослѣдствіи митр. московскаго)... Мы встрѣтимся съ этими трудами дальше.

Между тѣмъ дѣятельность Общества все возрастала. Британское Общество оказывало ему самую усердную поддержку, и вновь прислало весьма значительныя суммы въ распоряженіе петербургскаго комитета для его изданій, и кромѣ того отдѣльныя суммы для изданія Новаго Завѣта на молдавскомъ, самогитскомъ, калмыцкомъ языкахъ и т. д. Въ отчетѣ за 1815 г., вся сложность суммъ, доставленныхъ къ тому времени отъ британскаго Общества въ помощь русскому, высчитана уже въ 9,500 фунт. ст. или оволо 200,000 руб. на тогдашнія деньги. Кромѣ того, было выслано множество книгъ. Британское Общество находилось въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ петербургскимъ комитетомъ, въ особенности черезъ пасторовъ Патерсона и Пинкертона, которые были ревностными работниками и посредниками.

Въ 1815 и въ началѣ 1816 г. вышло много начатыхъ прежде изданій: Библия славянская и нѣмецкая; Новый Завѣтъ, на языкахъ: славянскомъ (стереотипъ и обыен. изданіе), грузинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, польскомъ, персидскомъ, дерптскомъ нарѣчїи эстскаго языка, латышскомъ, финскомъ, на ревельскомъ

нарѣчій вѣстскаго языка; евангеліе: отъ Матѣея, на калмыцкомъ; отъ Луки, на татарскомъ. Всего вышло въ этомъ году 15 изданій, на 12 языкахъ, въ числѣ 75,000 экз.

Стереотипная типографія, устроенная Патерсономъ и Руттомъ, въ первые полгода своего существованія приготовила изданіе Новаго Завѣта и больше половины Библии, на славянскомъ языкѣ. Печатаніе производилось подъ надзоромъ двухъ директоровъ комитета, архим. Филарета и архим. Иннокентія (ректора семинаріи, впоследствии епископа пензенскаго), подъ главнымъ наблюденіемъ вице-президента Общества, архіеп. черниговскаго Михаила.

Затѣмъ комитетъ продолжалъ начатыя прежде и предпріятыя новыя изданія. Такъ, онъ рѣшилъ сдѣлать изданіе Новаго Завета на молдавскомъ языкѣ по одному изъ старыхъ изданій; наблюденіе за исправностію корректуры взялъ на себя выбранный потомъ въ вице-президенты Общества князь А. К. Ипсиланти (ум. въ іюнѣ 1816). Московскій комитетъ, послѣ изданія Новаго Завѣта на грузинскомъ языкѣ, предпріялъ печатаніе полной грузинской Библии. Для грековъ дѣлалось стереотипное изданіе Новаго Завѣта. На татарскомъ языкѣ предпріято было изданіе Новаго Завѣта, которое на счетъ Общества должны были исполнить члены шотландской колоніи въ Каррасѣ.

Цифра экземпляровъ всѣхъ изданій, съ начала общества конченныхъ и изготовлявшихся (30 изданій на 16 языкахъ), возрасла до 157,100.

Говоря о продажѣ и раздачѣ книгъ, отчетъ указываетъ быстрое возрастаніе требованій и затрудненіе Общества удовлетворить имъ. Желаніе читать Библию распространяется вездѣ, куда только доходитъ слухъ о дѣйствіяхъ Библейскаго Общества. «Вообще нѣтъ края въ Россіи, откуда не слышались бы голоса, требующіе отъ Общества Библий. Отдѣленія Общества находятъ каждое надобность въ тысячи экземплярахъ». За Библиею обращаются люди всякаго возраста и сословія. Дѣйствія Общества распространялись уже и за предѣлы Россіи; оно разсылало книги для армянъ и грековъ въ Венецію, Константинополь, въ Малую Азію и пр. По сравненіи цифръ, въ 1815 г. было продано, разослано и роздано книгъ гораздо больше, чѣмъ въ оба предъидущіе года вмѣстѣ, именно до 12,000 экз.

Движеніе суммъ, по всѣмъ комитетамъ и отдѣленіямъ Общества, представляло въ 1815 г. слѣдующія цифры:

Остатокъ отъ прошлаго года	144,390 р. 43 в.
Приходъ годовой	311,009 » 85½ в.
Итого, весь капиталъ	455,400 » 28½ в.

Расходъ годовой	185,520 р. 75½ к.
Остатокъ къ 1816-му г.	269,879 » 53 >

Въ этихъ суммахъ доля петербургскаго комитета составляла около 65%.

Филиація Общества продолжала усиливаться; въ теченіи года основывались новыя отдѣленія въ Θεодосіи, Астрахани, Харьковѣ, Тулѣ, Симферополѣ и Одессѣ. Начали учреждаться такъ называемыя сотоварищества, содѣйствовавшія комитетамъ и отдѣленіямъ; такія сотоварищества открывались теперь въ Нахичевани, Таганрогѣ, Мариуполѣ.

Мы уже замѣчали не разъ, что русское Общество, т. е. петербургскій комитетъ его, находилось съ самаго начала въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Британскимъ, преимущественно черезъ упомянутыхъ агентовъ этого послѣдняго, Патерсона и Пинкертонна. Изъ Лондона шли богатыя пожертвованія деньгами, а также книгами, и оказывалось всякое практическое содѣйствіе; секретари петербургскаго комитета правильно сообщали въ Лондонъ свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ. Эта переписка находится между другой корреспонденціей Общества, изъ которой выдержки печатались обыкновенно въ прибавленіяхъ къ отчетамъ. Она исполнена, со стороны Британскаго Общества, заявленіями горячаго сочувствія къ усиліямъ и успѣхамъ общества въ Россіи и доставляетъ вообще любопытныя черты ихъ взаимныхъ отношеній, о которыхъ мы считаемъ не лишнимъ дать здѣсь же нѣкоторое понятіе.

Многоразличныя обстоятельства содѣйствовали этой симпатіи Британскаго Общества къ русскому. Политическія событія связывали двѣ націи въ тѣсный союзъ противъ Наполеона, и теперь довершались усилія, наполнявшія предъидущіе годы. Россія, игравшая въ лицѣ Александра такую сильную и блестящую роль въ этихъ событіяхъ, привлекала вниманіе Европы и открывала новыя, до тѣхъ поръ ей неизвѣстныя, стороны своего характера. Императоръ Александръ производилъ впечатлѣніе своей личностью вездѣ, гдѣ онъ тогда появлялся, и вліяніе этой личности не миновало Англии. Въ 1814 г. Александръ посѣтилъ Лондонъ. Здѣсь ему представилась и депутація отъ Британскаго Библейскаго Общества. Секретарь его, Штейнкопфъ, описываетъ это представленіе въ письмѣ къ Пинвертону, отъ 1 іюня 1814 года. Депутація, изъ президента Общества, нѣкоторыхъ епископовъ и государственныхъ людей, членовъ Общества, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый Вильберфорсъ, была у императора 20 іюня. Онъ возбудилъ въ ней, особенно въ нѣкоторыхъ изъ ея членовъ, напр. въ самомъ секретарѣ Штейнкопфѣ, совершенный энтузіазмъ. Императоръ принялъ депутацію очень милостиво, сказалъ, что считаетъ Библейское Общество самымъ

благодѣтельнымъ учрежденіемъ, и что далъ уже свое согласіе на открытіе такого общества въ Россіи, «гдѣ оно нужнѣе чѣмъ гдѣ-либо» — по множеству языческихъ народовъ, которые надобно обратить въ христіанство. Онъ, стоя среди депутаціи, спрашивалъ о дѣйствіяхъ англійскаго Общества, его распространеніи и пр., и затѣмъ, прощаясь съ ней, обошелъ всѣхъ членовъ ея и пожалъ каждому руку. «Когда очередь дошла до лорда Гамбіера (извѣстнаго англійскаго адмирала, и вмѣстѣ ревностнаго приверженца Библейскаго Общества), — пишетъ Штейнкопфъ, — то сей храбрый мореходецъ взялъ обѣими руками поданную ему руку императора, и съ чувствомъ и радостными на глазахъ слезами пожалъ ее. Передъ Вильберфорсомъ, который малъ тѣломъ, но великъ духомъ и сердцемъ своимъ, остановился нѣсколько императоръ, желая какъ бы всмотрѣться въ того мужа, который столь неуспѣшно трудился въ пользу страждущаго человѣчества.» Когда императоръ подошелъ къ Штейнкопфу, секретарь Британскаго Общества высказалъ въ пламенномъ дискурсѣ свои чувства къ монарху, въ которомъ видѣлъ «орудіе Десницы Божіей къ освобожденію удрученнаго человѣчества»¹⁾. Понятно, что симпатіи переносились и на страну этого монарха, особенно, когда дѣло Общества принимало въ ней такой успѣшный ходъ. Но впрочемъ, не одни политическія соображенія возбуждали это сочувствіе. Британское Общество было совершенно свободнымъ предпріятіемъ людей, проникнутыхъ извѣстными религіозно-филантропическими убѣжденіями, и успѣха этихъ же тенденцій въ русскомъ Обществѣ было совершенно достаточно для того, чтобы возбудить въ этихъ людяхъ самую теплую симпатію въ трудамъ ихъ русскихъ товарищей. Полная свобода, съ которой эти люди могли дѣйствовать, благодаря англійскимъ учрежденіямъ и нравамъ, давала особенную энергію ихъ убѣжденію, и возводила его до энтузіазма, — тѣмъ больше, что многіе изъ первыхъ дѣятелей Британскаго Общества и безъ того уже были эзальтированные сектаторы. Жизнь давала полный просторъ для подобной дѣятельности, и членъ библейскаго общества точно также вполне отдавался своему убѣжденію, какъ могъ отдаваться ему въ Англии всякій общественный и политическій дѣятель, или пропагандистъ секты, и т. д. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такое же свободное убѣжденіе руководило дѣятелями Британскаго Общества и здѣсь, въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи. Мы говоримъ это къ тому, что для нашей публики подобное безкорыстное служеніе своей мысли и убѣжде-

¹⁾ Второй Отчетъ, Приб. XVI.

нію вообще мало понятно, и это самое сочувствіе энтузіастовъ Британскаго Общества къ русскому Обществу, переходившее даже въ сочувствіе къ русской націи, подверглось потомъ сомнѣніямъ, перетолкованіямъ и тупой ненависти. Вѣроятно, оно не всегда хорошо было понимаемо и многими изъ тѣхъ, кому было адресовано... Письма президента и секретарей лондонскаго Общества въ петербургскій комитетъ переполнены добрыми пожеланіями «русскимъ друзьямъ и сотрудникамъ», изъявленіями радости объ успѣхахъ дѣла, и вещественными доказательствами сочувствія — въ видѣ присылки множества книгъ и упомянутыхъ крупныхъ денежныхъ суммъ. Не разъ въ ихъ письмахъ разсказывается о томъ, съ какимъ интересомъ читались въ собраніяхъ Британскаго Общества извѣстія изъ Россіи: «Россія, — пишетъ одинъ разъ Овенъ, — занимала столь много вниманіе наше во вчерашнемъ засѣданіи, что многія другія матеріи принуждены были мы оставить»¹⁾. И это правдоподобно, — потому что, въ самомъ дѣлѣ, въ Россіи Общество дѣйствовало (мы увидимъ дальше, почему и какъ) съ большей ревностью, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ, и успѣхъ его былъ однако очень неожиданный, потому что въ глазахъ англичанъ страна все еще казалась полудивой. Отъ 14 мая 1815, Штейнкопфъ пишетъ въ Петербургъ: «Когда читано было въ нашемъ комитетѣ и во многихъ генеральныхъ собраніяхъ увѣдомленіе о 400 крестьянахъ, приславшихъ деньги изъ одной деревни Воронежской губерніи: то сіе возбуждало во всѣхъ слушателяхъ чрезвычайное удовольствіе; но сіи чувства обратились въ *изумленіе* и *восторгъ*, когда представлено на видъ нашъ ожидаемое учрежденіе *козацкаго библейскаго общества*»²⁾. Это козацкое общество было — предполагавшееся тогда, и потомъ устроенное Донское отдѣленіе Общества, въ Новочеркасскѣ. Въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ «козацкое библейское общество» въ 1815 году, когда съ именемъ козака соединялось понятіе о недавнихъ козацкихъ подвигахъ на полѣ брани и вовсе не мягкая репутація, — было достаточнымъ поводомъ къ изумленію для тогдашняго европейца, и къ восторгу — для члена библейскаго общества.

Сношенія русскаго Общества съ Британскимъ не ограничились, конечно, одной внѣшней и матеріальной стороною дѣла. Мудрено себѣ представить, чтобы связь, соединявшая ихъ въ распространеніи Библіи, — не сопровождалась и другими нравственными вліяніями. Въ своихъ письмахъ въ Петербургъ, члены британскаго коми-

¹⁾ Отчетъ за 1815 г. Приб. LXXIV.

²⁾ Тамъ же, XXIV.

тета извѣщали русскихъ друзей о ходѣ всего дѣла и вводили ихъ въ подробности своихъ собственныхъ плановъ и стремленій, которыя шли у нихъ рядомъ съ распространеніемъ Библіи. Въ письмахъ сообщалось о рѣчахъ, которыя говорились въ Британскомъ Обществѣ и объясняли смыслъ его дѣятельности, состоявшій въ христіанскомъ единствѣ, независимомъ отъ всякаго различія исповѣданій, въ стремленіи къ нравственно-религіозному воспитанію низшихъ классовъ общества и грубыхъ языческихъ племенъ, въ человеколюбіи и благотворительности. Англійское Общество представляло Библію основнымъ орудіемъ христіанской цивилизаціи, понятіе о которой для многихъ въ средѣ русскаго общества должно было быть нѣкоторой новостью. Наконецъ, сообщенія англичанъ давали прямыя практическія указанія на то, какимъ образомъ дѣло, начатое распространеніемъ Библіи, можетъ или должно быть довершаемо въ практическомъ осуществленіи. Письма англійскихъ корреспондентовъ постоянно занимали видное мѣсто въ прибавленіяхъ къ отчетамъ петербургскаго комитета, особенно за это время, и составляли своего рода литературное вліяніе, безъ сомнѣнія не лишнее своей силы и которое должно быть отмѣчено исторически. Петербургскіе англичане, Патерсонъ и Пинкертоны, ревностные агенты лондонскаго Общества, давали, конечно, свои непосредственныя практическія указанія и служили проводниками этихъ вліяній.

Русскіе члены Общества и читатели познакомились здѣсь, конечно, въ первый разъ, со *школами для бѣдныхъ, съ воскресными школами* и т. д. Робертъ Стевень, директоръ Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества и лондонскаго Миссіонерскаго Общества, въ письмѣ къ Патерсону и Пинкертону (сент. 1815) пространно говорить о необходимости народной школы, объ ея устройствѣ въ Англіи, и т. д., кажется именно вызванный на это упомянутыми лицами. Въ началѣ письма онъ радуется успѣху Библіи въ Россіи, гдѣ власти свѣтскія и духовныя такъ горячо взяли за это дѣло, и замѣчаетъ: «я каждый день болѣе и болѣе удостовѣряюсь, что послѣ любезнаго отечества нашего Россія предопредѣлено отъ Промысла Божія быть наибольшою благотворительницею на земли». Въ письмѣ описываются способы и приемы, какіе употребляются англійскими обществами для ихъ христіанской пропаганды и народнаго обученія съ помощью *Библіи и школы*: какъ Общество само основываетъ *школы*, платитъ учителямъ, рассылаетъ своихъ «инспекторовъ» по странѣ, для выбора удобныхъ мѣстъ и для самаго устройства школъ; Стевень описываетъ «переходящія школы», употребляемыя въ шотландскихъ Highlands, — т. е. временныя школы, устраиваемыя по де-

ревнямъ и, по обученіи всѣхъ желающихъ грамотѣ, переходящія въ другое мѣсто¹⁾; рекомендуетъ для большихъ городовъ ланкастерскую методу, и т. д. Стевень ожидаетъ, что Библией и школой могутъ быть достигнуты великіе результаты для народныхъ нравовъ и благосостоянія. «Колико честна, доброжелательна и безкорыстна есть религія Иисуса Христа!» восклицаетъ онъ²⁾, рисуя идеальную картину народнаго благополучія подъ ея вліяніемъ. Въ этой картинѣ оригинальнымъ образомъ соединяются съ идеальными и практическія соображенія (которыми, быть можетъ, онъ и желалъ дѣйствовать на разрядъ людей расчетливыхъ). «Есть ли бы я былъ богатый многоземельный *помѣщикъ*; — пишетъ Стевень, — то первое, что я сдѣлалъ бы, *собственно для умноженія моихъ доходовъ*, было бы, снабдить каждое семейство, на моихъ земляхъ живущее, познаніемъ свящ. писанія. Сіе вселило бы въ нихъ склонность къ мирному и порядочному обществу; желаніе семейственнаго благосостоянія сдѣлало бы ихъ трудолюбивыми, а трудолюбіе привлекло бы ихъ къ *лучшему удобренію земли*. Какое несравненное утѣшеніе было бы для меня видѣть порядочныя жилища.... чистоту.... пристойно одѣтыхъ крестьянъ, собирающихся по воскресеньямъ на моленіе въ церковь; здоровье и радость, блистающія на каждомъ лицѣ въ присутствіи помѣщика ихъ, который подавалъ бы собою примѣръ въ постоянномъ хожденіи въ церковь». Но есть и болѣе чистыя побужденія, — говоритъ Стевень, — доставлять всѣмъ знаніе св. писанія: религія Христа *есть великое врачевство для всѣхъ золь, наслѣдованныхъ нами въ поврежденномъ естествѣ нашемъ; она научаетъ бѣднаго человѣка быть терпѣливымъ, воздержнымъ, трудолюбивымъ, довольнымъ и благополучнымъ, а богатаго смиреннымъ, благодарнымъ, доброжелательнымъ*³⁾. Человѣкъ, настроенный менѣе идеально, и тогда, конечно, могъ бы замѣтить, что учрежденія «отдѣленія» или «сотоварищества» въ олодеѣ было бы еще мало для матеріальнаго и нравственнаго благополучія его жителей; но идеалы Стевена могли имѣть однако свою цѣну въ обществѣ, среди котораго совершались еще самыя дикія проявленія крѣпостнаго права; притомъ *обученіе* все-таки занимало въ его желаніяхъ существенное мѣсто. — Въ письмѣ нѣкоего Иннеса къ пастору Патерсону, изъ Шотландіи, въ октябрѣ

¹⁾ Мы упоминали выше, что ревностнымъ партизаномъ этихъ школъ былъ тотъ странствующій пасторъ Чарльзъ, который далъ первый поводъ къ мысли о библейскомъ обществѣ.

²⁾ Мы приводимъ его слова, какъ видитъ читатель, въ томъ славяно-русскомъ одѣяніи, какое далъ имъ русскій переводъ въ нашемъ «Отчетѣ».

³⁾ Отч. за 1815, Приб. LXIV.

1815, изображаются *воскресныя школы*, производящія «чрезвычайное вліяніе на нравственность возрастающаго поколѣнія». «Особенно пріятно, — говоритъ онъ, — видѣть молодыхъ людей порядочнаго состоянія, употребляющихъ свое время и собственное стараніе для наученія дѣтей бѣдныхъ родителей... Естьли войдетъ однажды въ *обыкновеніе* для молодыхъ достаточнаго состоянія и хорошаго воспитанія людей обоего пола, *упражняться* въ свободное время *обученіемъ бѣдныхъ*: то коль пріятная связь произойдетъ отъ сего *между различными состояніями* въ обществѣ, и сколь быстры будутъ тогда успѣхи въ истинномъ просвѣщеніи по всему свѣту! Въ Манчестерѣ нашель я въ одной школѣ не менѣе *тысячи дѣтей*...» 1). Эти внушенія, какъ мы увидимъ дальше, не остались безъ нѣкотораго дѣйствія...

Возвращаемся къ нашему погодному изложенію.

Въ генеральномъ собраніи слѣдующаго года, президентъ въ своей рѣчи опять говоритъ: «Не безъ удивленія должно вспомнить, что есть люди, и даже такіе, которые мнятся имѣть очи видѣти, кои въ толь *скоромъ теченіи Слова* не узнаютъ руки *Посылающаго Слова* и даже хотѣли бы преградить сіе быстрое теченіе воды животной». Не смотря на эту оппозицію дѣла комитета и Общества шли однако въ 1816-мъ году съ большимъ успѣхомъ.

Библейское Общество получило въ этомъ году въ даръ отъ императора каменный домъ въ Петербургѣ, на Екатерининскомъ каналѣ (близъ Лѣтнаго сада). Расширеніе дѣлъ уже требовало новаго, достаточнаго помѣщенія. Въ этомъ домѣ помѣстилась стереотипная типографія со всѣми ея принадлежностями, «книгохранилище» Общества, книжная лавка, магазинъ для храненія бумаги, идущей на изданія. Домъ нужно было кромѣ того увеличить и передѣлать, и на это императоръ Александръ съ своей стороны пожертвовалъ 15,000 руб. Кромѣ того, императоръ по-казалъ другимъ образомъ свое особенное участіе къ дѣятельности Общества: узнавъ изъ доклада президента о распространеніи охоты къ чтенію св. писанія, онъ «положилъ глубоко въ сердцѣ своемъ намѣреніе, всѣми зависящими отъ него способами содѣйствовать къ утоленію сего духовнаго, и толико вождельннаго, глада между вѣрными отъ Всевышняго Промысла свипетру Его народами», и велѣлъ заявить свою *волю*, чтобы комитетъ Библейскаго Общества немедленно занялся усиленіемъ печатанія книгъ, соразмѣрно съ ощущаемою въ нихъ потребностью, и обѣщаль свое содѣйствіе.

1) Тамъ же, LXXV.

Число сотрудниковъ Общества и жертвователей умножалось, занятія комитета усложнялись, а потому вмѣсто одного устроено было, изъ прежнихъ членовъ, два комитета, одинъ—*хозяйственный*, другой—*для дѣлъ печатныхъ*. Въ теченіи года начали свои дѣйствія вновь открытыя отдѣленія: Таврическое, въ Одессѣ, Кронштадтѣ, Витебскѣ, Могилевѣ, Вильнѣ, Пензѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Псковѣ, Костромѣ и Бѣлостоцкѣ; нѣсколько другихъ приготовлялись въ открытію. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ комитетовъ, именно московскій и остзейскіе, сами занимались изданіями; но другіе не печатали, а потому Общество рѣшило, чтобы они доставляли свои сборы, т. е. пожертвованія и выручку за книги, въ петербургскій комитетъ. Эта сумма показана въ 77,118 руб. Мѣстная дѣятельность провинціальныхъ комитетовъ чрезвычайно расширяла дѣйствія Общества: такъ комитеты Могилевскій и Витебскій работали для западнаго края между русскими, поляками, латышами; Θεодосійскій комитетъ завелъ сношенія съ Константинополемъ, островами Архипелага, съ Кандіей, приморскими городами Анатолиі, съ Мингреліей и Гуріей; Астраханскій дѣйствовалъ между армянами, татарами и персіянами и т. д. Увеличивалось и число «сотовариществъ», по уѣзднымъ городамъ, мѣстечкамъ и приходамъ; такъ нѣсколько сотовариществъ было учреждено въ Тульской, Воронежской губ., при Дерптскомъ, Аренбургскомъ, Рижскомъ, Астраханскомъ отдѣленіяхъ; въ другихъ мѣстахъ были заводимы корреспонденты. Подобныя сотоварищества, для болѣе удобнаго распространенія книгъ и сбора пожертвованій, предположено было учредить и въ Петербургѣ.

Дѣятельный членъ Общества, въ то время жившій въ Россіи, англичанинъ Пинкертонъ совершилъ особое путешествіе съ цѣлью распространенія связей и дѣйствій Общества: черезъ Тулу и Воронежъ онъ объѣхалъ югъ Россіи, потомъ черезъ Бессарабію проѣхалъ въ Польшу и за границу. Въ Россіи, при его проѣздѣ, открыты были въ разныхъ мѣстахъ отдѣленія, найдены корреспонденты, указаны свѣдѣнія о томъ, гдѣ нужно содѣйствіе Общества, и т. д.

Британское Общество опять доставило богатые взносы: 2,000 фунт. ст., 7,500 руб. и 300 шведскихъ библій, — всего около 70,000 руб. на тогдашнія деньги. Кромѣ того, Британское Общество доставило русскому еще новаго сподвижника: это былъ ревностный библейскій агентъ Гендерсонъ, который приобрѣлъ уже тогда извѣстность своей дѣятельностью въ Даніи, Исландіи и сѣверной Германіи; и теперь посвящалъ свои труды библейскому дѣлу въ Россіи. «Съ воликою благодарностію, — говоритъ отчетъ, — должно намъ взирать на всѣ сіи усердныя

содѣйствія комитета Лондонскаго, и тѣхъ, кои по желанію его столь охотно повинуются для служенія въ семь общемъ дѣлѣ, для пользы соотечественниковъ и ближнихъ нашихъ!»

Извѣстность русскаго Общества распространялась, такъ что многія иностранныя общества пожелали вступить съ нимъ въ сношенія для взаимнаго содѣйствія. Такимъ образомъ явились сношенія съ Шведскимъ библейскимъ обществомъ, Франкфуртскимъ, Датскимъ, съ Кенигсбергомъ, Гамбургомъ, съ обществомъ Польскимъ, Американскимъ, съ миссіонерскимъ обществомъ въ Серампорѣ.

Печатаніе изданій Общества, сообразно съ волей императора Александра, пошло въ усиленномъ размѣрѣ: сдѣлано было семь изданій Библии и Н. Заѣта на четырехъ языкахъ (славянскомъ, финскомъ, французскомъ и литовско-самогитскомъ), въ числѣ 35,000 экз. и дѣлались большія приготовленія для новыхъ изданій. Изданіе славянской Библии 1816, въ-8^о, было первое стереотипное: первые 5,000 экз. вышли въ декабрѣ 1816, затѣмъ въ апрѣлѣ 1817 другіе 5,000 экз., а третій заводъ приготовлялся къ сентябрю. Новый Заѣтъ былъ также изданъ стереотипомъ. Кромѣ того готовилась славянская стереотипная Библия въ-4^о, также новое стереотипное изданіе Новаго Заѣта; кромѣ того приготовлялись изданія: нѣмецкой Библии, польскаго Новаго Заѣта (стереот.), эстской и латышской Библии (стереот.), эстскаго-дерптскаго нарѣчія — Новаго Заѣта (стереот.), затѣмъ книгъ молдавскихъ, грузинскихъ, греческихъ, кромѣ продолжавшихся прежнихъ изданій,—такъ что въ 1817 г. предполагалось окончить печатаніемъ и выпустить всего до 70,000 экз., а въ 1818 г. еще 105,000.

Далѣе предпринимались и продолжались переводы. Въ петербургской духовной академіи дѣлался русскій переводъ Новаго Заѣта; члены шотландской миссіи въ Каррасѣ готовили татарскій переводъ книгъ Ветхаго Заѣта. Хоринскіе буряты, познакомившись съ близкимъ для нихъ по языку, калмыцкимъ переводомъ евангелія, сдѣлали складчину въ 11,480 руб., чтобы для нихъ могло быть сдѣлано изданіе евангелія на ихъ собственномъ *бурятскомъ* языкѣ, — къ чему комитетъ и принималъ свои мѣры. Комитету присланъ былъ опытъ перевода евангелія на *корельскій* языкъ, чѣмъ Общество также хотѣло воспользоваться. Предполагалось также изданіе на *армяно-турецкомъ* языкѣ, для армянъ, живущихъ въ Малой Азіи.

Вся численность изготовленныхъ и приготовлявшихся изданій составляла, въ 1816, за четыре года существованія общества— 43 изданія, на 17 языкахъ въ числѣ 196,100 экз.

Продажа и раздача книгъ представляла въ сложности цифру,

почти равнявшуюся всей сложности книгъ, распространенныхъ комитетомъ за первые три года, именно до 20,000 экз.

Общія суммы не сведены въ отчетѣ по всѣмъ комитетамъ и отдѣленіямъ: дѣятельность ихъ слишкомъ разбивается, и съ этихъ поръ комитетъ въ своихъ отчетахъ не приводитъ итоговъ, которые были-бы совершенно полны. Правда, обороты петербургскаго комитета, занимавшаго всетаки центральное мѣсто дѣятельности и главный исходный пунктъ изданій, были самые значительные и послѣ, но тѣмъ не менѣе они еще не представляють всего, — потому, что многія отдѣленія дѣйствовали отъ него независимо и дѣлали свои изданія, а другія, хотя и посылали свои сборы въ Петербургъ, но дѣлали также и свои издержки, не получавшія мѣста въ центральномъ отчетѣ.

Итакъ, по петербургскому комитету, цифры были слѣдующія:

Приходъ 1816 г., изъ единовременныхъ и годовыхъ пожертвованій, процентовъ и продажи книгъ	197,979 р. 70 к.
Остатокъ отъ 1815 г.	159,818 „ 34 „
	Всего 357,798 „ 4 „
Расхода въ 1816 г.	227,770 „ 73 „
Остатокъ въ 1817 г.	130,027 р. 31 к.

По московскому комитету приходъ составлялъ за 1816 г.—98,716 р. 57 коп. По остальнымъ отдѣленіямъ суммы были болѣе или менѣе незначительны.

Обращаемся къ пятому отчету ¹⁾, за 1817 годъ.

Кн. А. Н. Голицынъ, говоря въ своей рѣчи о расширеніи Общества, замѣчаетъ: «Едва остаются уже нѣкоторыя губерніи во всемъ пространствѣ Россіи, въ коихъ нѣтъ еще отдѣленій и сотовариществъ, но соучастники и сотрудники находятся почти вездѣ». Внѣшнія средства Общества усиливаются по прежнему. Императоръ Александръ снова заявилъ ему свое вниманіе: во время своего пребыванія въ Москвѣ, онъ подарилъ и московскому комитету обширный каменный домъ. Мѣстные комитеты дѣйствовали весьма успѣшно. Въ этомъ году сумма, доставленная ими въ Петербургъ, больше чѣмъ вдвое превышала прошлогоднюю ²⁾.

Новыя отдѣленія были открыты въ Рязани, Тобольскѣ, Саратовѣ, на Дону, въ Вяткѣ, Кіевѣ, Владимірѣ, Курскѣ, Орлѣ, въ Бессарабіи, отдѣленіе перново-фелинское, въ Тамбовѣ, Таганрогѣ, Симбирскѣ, Твери, Перми, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ,

¹⁾ Собранія Общества происходили обыкновенно въ маѣ или іюнѣ; на этотъ разъ общее собраніе происходило уже въ сентябрѣ 1818 г., и свѣдѣнія въ отчетѣ собраны по іюню этого года.

²⁾ Именно она доставила: 196,795 руб. асс.; 1,819 р. 40 к. сер.; 10 имперіаловъ; 80 полумперіаловъ, 162 червонца.

въ Грузіи. Къ прежнимъ 25-ти отдѣленіямъ прибавилось теперь еще 19. Къ прежнимъ 22 сотовариществамъ присоединилось еще 57 новыхъ, большинство которыхъ принадлежало остзейскому краю.

Британское Общество снова прислало вкладъ въ 2,000 ф. ст., т. е. больше 40,000 руб. тогдашними деньгами.

Изданія продолжались съ прежней ревностью: славянская Библия, стереотипная, имѣла два новыя изданія; Новый Завѣтъ, стереотипомъ, три изданія. Всего же вышло изъ печати за этотъ годъ 12 изданій на 6 языкахъ, въ числѣ 58,000 экзempl.

Въ общемъ итогъ съ начала Общества изготовлено было и готовилось 59 изданій, на 21 языкѣ, въ числѣ 270,600 экз.

Мы говорили выше, какія новыя работы представились комитету относительно переводовъ св. писанія. *Буряты*, о которыхъ мы упоминали, принялись переписывать калмыцкій переводъ ев. отъ Матѳея своими буквами, а чтобы имѣть полный переводъ евангелій, прислали въ Петербургъ двухъ зайсановъ, чтобы здѣсь, подъ руководствомъ Шмита, переводившаго другія евангелія на калмыцкій языкъ, тѣмъ легче и вѣрнѣе переводить ихъ на монголо-бурятскій. «Они производятъ се—говорить отчетъ—съ такимъ понятіемъ и смысломъ, что возбуждаютъ удивленіе.... Сіи буряты признали, что «рѣчи Иисусовы чрезвычайно хороши».... Притомъ извѣстно, что князи и ламы ихъ поручили имъ достать наивозможно подробнѣйшее свѣденіе о духѣ и разумѣ евангелія». Повидимому, на нихъ дѣйствительно евангеліе производило впечатлѣніе.

На *корельскій* переведено было евангеліе отъ Матѳея двумя священниками тверской епархіи. Оба перевода (русскими буквами) поручено было сличить и провѣрить людямъ, знающимъ этотъ языкъ. Пересмотрѣны были два перевода *турско-армянскихъ*, и одинъ изъ нихъ выбранъ, какъ лучший по мнѣнію двухъ армянскихъ патріарховъ.

Фразеръ, членъ шотландской колоніи, предпринялъ *киргизскій* переводъ евангелій, и уже приготовилъ переводъ евангелія отъ Матѳея.

Въ курмышскомъ сотовариществѣ (Симбирской губ.) предпринятъ былъ *чувашскій* переводъ евангелія, — русскими буквами. Въ Казани рѣшили стараться о переводѣ новаго Завѣта на *черемисскій*, *чувашскій* и *мордовскій* языки.

Наконецъ, мы находимъ въ отчетѣ слѣдующее извѣстіе: «Митрополитъ Гавріиль, езархъ вишиневскій и хотинскій, вице-президентъ бессарабскаго отдѣленія Россійскаго Библейскаго Общества, писалъ сюда, что *болгары*, единовѣрный и сосѣдственный

намъ народъ, крайнюю имѣть нужду въ слушаніи глаголовъ живота на *природномъ* языкѣ; ибо на *славянскомъ* не понимаетъ». Поэтому онъ взялся «узнать, находится ли на семь языкъ готовый переводъ книгъ священнаго писанія, и буде такового нѣтъ, то постарается приискать способнаго къ тому переводчика». Кажется, что экзархъ и комитетъ въ это время какъ будто еще не имѣли яснаго представленія о томъ, что этотъ «единовѣрный и *сосѣдственный*» народъ есть тотъ самый, которому и принадлежалъ первый славянской переводъ писанія.

Продажа и раздача книгъ простиралась въ 1817 году на 28,957 экзempl.

Движеніе суммъ по петербургскому ¹⁾ комитету:

Остатокъ отъ 1816 г.	130,028 р. 31 к.
Приходъ въ 1817 г.	316,167 „ 74 „
Расходъ > >	357,940 „ 84 „
Остатокъ къ 1818 г.	88,254 „ 21 „

Въ 1818-мъ году внѣшнее расширеніе Общества продолжалось открытіемъ новыхъ отдѣленій и сотовариществъ. Первыхъ было открыто пять: ижевское (Вятской губерніи, на ижевскомъ заводѣ), полтавское, кавказское (въ Георгіевскѣ), архангельское и черниговское. Сотоварищество открыто было 43, въ разныхъ концахъ Россіи, и кромѣ того въ Одессѣ учредилось «дѣтское библейское сотоварищество» изъ воспитанниковъ Ришельевского лицея, — о которомъ мы скажемъ дальше ²⁾.

Петербургскій комитетъ продолжалъ свои сношенія съ библейскими обществами въ разныхъ краяхъ Европы. Англичанинъ Пинкертонъ, въ предыдущемъ году объѣхавшій южную Россію и путешествовавшій въ Германіи съ цѣлью распространенія библейскихъ обществъ, чего и достигалъ съ большимъ успѣхомъ, — теперь предпринялъ новое путешествіе черезъ разные европейскія государства, а потомъ, черезъ Италію и Мальту, въ Грецію, Архипелагъ и Константинополь. Вездѣ онъ или распространялъ свѣдѣнія о библейскихъ обществахъ и ихъ дѣятельности, или даже основывалъ ихъ, какъ въ Мальтѣ, въ Корфу, или искалъ новыхъ путей для библейской пронаганды, заботился о новыхъ

¹⁾ По московскому комитету сумма всего прихода составляла 86,807 руб. 45 коп., изъ которыхъ впрочемъ около 56,000 осталось отъ предыдущаго года. Въ цифрѣ прихода петербургскаго комитета включаются и сборы, доставлявшіеся (какъ это упомянуто) *провинціальными* отдѣленіями; эти сборы составляютъ обыкновенно *большую* долю въ цифрѣ прихода.

²⁾ Для сбора повсюду денежныхъ приношеній заведены были теперь особня *кружки* «на размноженіе книгъ священнаго писанія».

лено семнадцать изданій, на девяти языкахъ, въ числѣ 61.000 экземпляровъ.

Съ начала Общества окончено было 88 изданій, на 25 языкахъ, въ числѣ 371.600 экз.; а всего съ предпринятымъ вновь было 109 изданій, на 27 языкахъ, въ числѣ 464.600 экз.

Новые переводы св. писанія находились въ слѣдующемъ положеніи:

Русскій переводъ всего Н. Завѣта приходилъ къ концу. Книги В. Завѣта переводились въ московской и кievской духовныхъ академіяхъ; эти переводы, по мѣрѣ изготовленія, доставляемы были въ Петербургъ для совокупнаго изданія съ прочими частями Библии. Книга Псалмовъ была уже переведена на русскій языкъ, и на изданіе ея послѣдовало высочайшее разрѣшеніе.

Мы упоминали выше о поискахъ Пинкертонна относительно болгарскаго перевода. Отчетъ упоминаетъ, что переводчикъ, найденный при содѣйствіи покойнаго патріарха Григорія, настоятель Быстрицкаго монастыря въ Валахіи, архим. Θεодосій, занялся съ особой ревностью этимъ дѣломъ; и комитетъ получилъ извѣстіе, что переводъ уже оконченъ, и намѣревался «чинить надлежащія сношенія съ начальствующимъ духовенствомъ болгарскаго народа, для доставленія оному сей божественной книги на природномъ для него языкѣ». Сербскій переводъ Вука Стефановича также былъ конченъ, и комитетъ ждалъ присылки его «съ одобреніемъ отъ сербскаго начальствующаго духовенства».

О напечатаніи евангелій на чувашскомъ, черемисскомъ и мордовскомъ языкахъ было упомянуто выше; переводъ другихъ частей Н. Завѣта также былъ приведенъ къ концу.

Въ Туруханскѣ, Тобольской губерніи, приготовленъ былъ переводъ евангелія отъ Матѳея для тазовскихъ *остяковъ*. Онъ читанъ былъ самимъ остякамъ, и они нашли его совершенно понятнымъ.

Въ тобольскомъ отдѣленіи сдѣланъ опытъ перевода на киргизскій яз.; въ вятскомъ началъ переводъ евангелія на *вогулскій* языкъ. Тобольскій комитетъ извѣщаль, что пелымскимъ вогуламъ читанъ былъ переводъ евангелія на ихъ языкъ, и оказался имъ совершенно понятенъ; поэтому одинъ изъ директоровъ взялъ на себя отпечатать этотъ переводъ на свой счетъ въ губернской типографіи въ числѣ 1,200 экз.

Распространеніе книгъ было и на этотъ разъ очень велико. Оно усиливалось и волей самого императора; мы упоминали выше о томъ, что, по его приказанію, взято было для арміи книгъ на 25.000 руб. Теперь, по его же волѣ, сдѣлано было распоряженіе и по духовному вѣдомству относительно снабженія книгами св.

писанія всѣхъ монастырей, церквей и священнослужителей, гдѣ былъ въ нихъ недостатокъ. Комитетъ разослалъ почти во всѣ епархіи славянскія изданія Библии и Новаго Завѣта, въ сложности больше 15.000 экземпляровъ.

Вообще, собственно изъ петербургскаго склада разослано и продано было 70.455 экз., и кромѣ того роздано и разослано даромъ 2.753.

Состояніе кассы:

Остатокъ отъ 1819.	35.818 р. 93 к.
Приходъ въ 1820	390.805 „ 74 „
Расходъ „ „	366.095 „ 48 „
Остатокъ къ 1821.	60.529 „ 19 „

Въ 1821 году не происходило обычнаго общаго собранія «по стеченію различныхъ обстоятельствъ, удержавшихъ отъ того, и по отсутствію изъ Петербурга лицъ, наиболѣе участвующихъ въ производствѣ библейскаго дѣла». На слѣдующій годъ общее собраніе происходило 26 іюня 1822, по обыкновенію въ большой залѣ Таврическаго дворца, при особенно-многочисленномъ стеченіи посѣтителей. Комитетъ представлялъ свой отчетъ за 1821 годъ. Собраніе было открыто обычной рѣчью президента.

«Минувшій годъ,—говорилъ онъ между прочимъ,—былъ примѣчательнъ не столько по числу разосланныхъ въ государствѣ экземпляровъ книгъ св. писанія, какъ по совершенію *великихъ* къ тому *способовъ*, возбужденію новой ревности къ дѣлу библейскому въ отдѣленіяхъ Общества, принятію новыхъ сильнѣйшихъ мѣръ повсюду, къ приглашенію соучастниковъ въ ономъ приношеніями и приобрѣтеніемъ книгъ Слова Божія. Приведеніе къ концу преложенія на нашъ отечественный, російскій языкъ Новаго Завѣта и Псалтири, и принятія *чрезвычайныя средства* къ снабженію сими толь давно желаемыми книгами любителей Слова Божія и ищущихъ онаго, есть уже само по себѣ событіе, составляющее эпоху въ исторіи Російскаго Библейскаго Общества».

Президентъ извѣщалъ, что три члена этого Общества совершили въ истекшемъ году особое путешествіе для посѣщенія и обозрѣнія почти половины отдѣленій его въ Россіи, и что это путешествіе послужило во многомъ къ особеннымъ успѣхамъ библейскаго дѣла.

И на этотъ разъ президентъ опять нашелъ нужнымъ возвратиться къ порицателямъ Библейскаго Общества. Библейское дѣло, — говорилъ онъ, — и не можетъ ожидать себѣ ничего кромѣ успѣховъ и торжества, такъ какъ оно есть дѣло Го-

творенію. Но, по мѣрѣ разсылки сихъ книгъ, желаніе имѣть оныя тѣмъ паче возрастаетъ: отовсюду требуютъ ихъ многими сотнями и тысячами». Поэтому, комитетъ рѣшилъ приступить къ изготовленію *стереотипнаго* печатанія русскаго Новаго Завѣта. Между прочимъ, «по признанной надобности въ снабженіи славянскими Новыми Завѣтами *чиновъ арміи*, государь императоръ повелѣлъ приобрѣсть отъ Общества оныхъ по цѣнѣ всего на 25.000 рублей». Далѣе: «Нѣкоторыми комитетами отдѣленій книги священнаго писанія доставляются юношеству въ видѣ подарковъ для награды за *благоправіе и прильжаніе* по училищамъ, гдѣ *ежедневное чтеніе* священнаго писанія введено въ непремѣнное правило».

Продажа и разсылка книгъ для продажи по отдѣленіямъ составила въ этомъ году цифру въ 66.287 экз., а роздано и разослано даромъ 2.252 экз.

Состояніе денежной кассы въ петербургскомъ комитетѣ¹⁾ было слѣдующее:

Остатокъ отъ 1818	117.136 р. 73 к.
Приходъ въ 1819	386.363 „ 72 „
Расходъ „ „	467.681 „ 52 „
Остатокъ въ 1820	35.818 „ 93 „

Общую цифру всѣхъ экземпляровъ, приведенныхъ въ употребленіе съ начала Общества, отчетъ представляетъ такъ:

	въ продажу	даромъ	всего.
Въ первыя шесть лѣтъ	109.428	10.677	120.105
— 1819 году	66.287	2.252	68.539
	<hr/>	<hr/>	<hr/>
	175.715	12.929	188.644

А если прибавить къ этому экз. изданій, которыя дѣлались и распространялись самими отдѣленіями, то итогъ восходитъ до цифры около 275.000.

Въ 1820 году²⁾ Общество уже находилось, кажется, въ тѣхъ размѣрахъ, которые были высшей нормой его распространенія: цифры ближайшихъ годовъ, предыдущихъ и послѣдующихъ, не представляютъ значительныхъ колебаній.

Число отдѣленій Общества увеличилось на этотъ разъ только двумя: въ Вологдѣ и Новгородѣ; новыхъ сотовариществъ открылось 34. Всего отдѣленій было теперь 55, и сотовариществъ 177.

Отчетъ, говоря о жертвованіяхъ въ пользу Общества, приво-

¹⁾ Въ московскомъ комитетѣ приходъ составлялъ 55.681 р. 65 к. (остатокъ отъ прошлаго года былъ до 8.000).

²⁾ Отчетъ простирается собственно опять по іюнь слѣдующаго 1821 г.

дѣть примѣры особенной ревности къ библейскому дѣлу: этимъ усердіемъ отличались не только христіане, но и иновѣрцы, напр. бухарцы, татары; даже султаны киргизскаго народа участвовали въ пожертвованіяхъ; при учрежденіи якутскаго сотоварищества значительную сумму представили якуты; въ Бердичевѣ между жертвователями оказалось много евреевъ и т. п. Для распростра-ненія извѣстности Общества и увеличенія взносовъ и особенно «для приглашенія къ чтенію Библии», комитетъ издалъ особое «Воззваніе», которое и было разослано въ 80.000 экземпляровъ, и кромѣ того переведено на употребительнѣйшіе въ Россіи языки: нѣмецкій, французскій, эстскій, польскій, молдавскій, армянскій, грузинскій и ново-греческій. Дѣятельность отдѣленій шла съ большимъ успѣхомъ во всѣхъ краяхъ Россіи: книги распростра-нялись большими массами, и вмѣстѣ собирались значительные взносы. Отчетъ приводитъ много примѣровъ ревности: одинъ жертвователь вноситъ деньги, чтобы на ихъ проценты выдава-лись книги неимущимъ; другой совершенно скрытно кладетъ въ кружку Библ. Общества 500 руб. золотомъ; бѣдная женщина, при чтеніи упомянутаго «Воззванія» даетъ свой единственный рубль; «юные воспитанники семинаріи и малолѣтныя ученики нижнихъ духовныхъ училищъ» (т. е. бурсаки) составляютъ складчины. Дѣятельными корреспондентами общества являются во многихъ мѣстахъ земскіе исправники и городничіе... Одинъ изъ членовъ комитета, Жулковскій, по особому усердію къ дѣлу Общества, вступилъ въ сношенія съ чиновниками почтоваго вѣдомства въ разныхъ мѣстахъ Россіи и нашелъ дѣятельныхъ пропагандистовъ между почтовыми экспедиторами. Благочестивыя письма этихъ экспедиторовъ печатались въ «прибавленіяхъ» къ отчетамъ...

Любопытныя свѣдѣнія были сообщены комитету изъ восточ-ной Сибири. Изъ Охотска писали, что «тамъ нѣтъ ни одного дома, въ которомъ не было бы уже библии. Число домовъ тамъ, конечно, не велико; но они всѣ снабжены англичаниномъ Гордо-номъ, который, во время своего пребыванія въ томъ городѣ, вы-писалъ библии изъ Иркутска, и всѣхъ надѣлилъ оними». Запасъ экземпляровъ былъ отправленъ и въ Камчатку. Относительно бурятъ замѣчали: «есть надежда, что переводъ свящ. писанія на монголо-бурятскій языкъ будетъ расходиться съ великимъ успѣ-хомъ, независимо отъ *попеченій англичанъ*, между бурятами жи-вущихъ, кои *трудятся* также *неослабно* (1820, приб. III).

Изъ изданій этого года, особенно любопытны появившіяся теперь Евангелія (четырехъ евангелистовъ) на черемисскомъ, мор-довскомъ и чувашскомъ языкахъ, и Дѣанія апостольскія на мон-гольскомъ и калмыцкомъ языкѣ. Всего въ этомъ году было сдѣ-

лись новые. На русскій языкъ переводились теперь Апостольскія Посланія. Отчетъ снова говорить о томъ, съ какою радостью принимались русскія изданія новозавѣтныхъ книгъ и какихъ благодѣтельныхъ плодовъ надобно ожидать отъ ихъ распростиранія. «По истинѣ можно сказать, что дѣло перевода сего есть *величайшее благодѣяніе* для Россійскаго народа, издревле наклоннаго во благочестію и всегда жаждущаго просвѣщенія духовнаго, божественнаго. Совершеніе труда сего пребудетъ навсегда *перломъ многоцѣннымъ* въ вѣнцѣ благодѣтельнаго, благочестиваго и возлюбленнаго Монарха нашего», и проч.

Труды мѣстныхъ отдѣленій шли очень успѣшно; на чувашскій языкъ переведенъ былъ уже весь Н. Завѣтъ, который и начатъ былъ печатаніемъ въ Казани. Курмышское сотоварищество сообщало, что «добрые чуваша, въ языческомъ суевѣріи утопавшіе и не слыхавшіе доселѣ слова закона Божія, начинаютъ внимать оправданію и судьбамъ божіимъ на собственномъ своемъ языкѣ, и многіе изъ нихъ пожелали обучать дѣтей своихъ грамотѣ», и пр. Сотоварищество, узнавъ объ этомъ хорошемъ расположеніи ихъ, и узнавъ, что одинъ изъ его сочленовъ брался обучать чувашъ даромъ, положило выстроить на свой счетъ школу въ одномъ изъ чувашскихъ селеній, и уже приступило въ дѣлу.

На черемисскій яз. Н. Завѣтъ былъ переведенъ почти вполнѣ; на мордовскій переведены четыре евангелія; нѣкоторыя части Н. Завѣта были переведены также на остяцкій и вогульскій; Шмитъ перевелъ еще одну часть Н. Завѣта (евангеліе отъ Іоанна) на калмыцкій. Мы упомянули выше о путешествіи Пинкертона въ Грецію и Турцію; — онъ провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ (1819 г.), устроивая новыя общества, — напр. въ Корфу, Кефалоніи, Аѳинахъ, заботился о новыхъ переводахъ и изданіяхъ, напр. албанскомъ переводѣ, изданіи турецкаго Н. Завѣта греческими буквами (имѣть такое изданіе желалъ патріархъ іерусалимскій), и успѣлъ заинтересовать библейскими обществами восточныхъ іерарховъ и т. п. Пинкертономъ былъ въ сношеніяхъ и съ извѣстнымъ славистомъ Копитаромъ¹⁾ относительно сербскаго перевода, который изготовлялся, какъ мы упоминали, Вукомъ Караджичемъ, съ участіемъ и подъ наблюденіемъ Копитара... Пинкертономъ заботился наконецъ и о переводѣ священнаго писанія для *болгаръ*, о которыхъ у насъ имѣли тогда еще очень не ясныя понятія. Въ прибавленіяхъ къ отчету 1819 помѣщенъ замѣчательный рядъ писемъ этого ревностнаго распро-

¹⁾ Отчетъ называетъ его «Купитаромъ».

странителя библейскаго дѣла; мы приведемъ здѣсь небольшой отрывокъ.

«Булгарскій языкъ,—пишетъ Пинкертонъ изъ Константинополя,—есть одинъ изъ славянскихъ діалектовъ, для котораго мы донынѣ не могли еще ничего сдѣлать по желанію нашему. Я представилъ и сей предметъ во всемъ его пространствѣ патриарху¹⁾. Онъ не только согласился охотно на предложенія мои, но далъ мнѣ къ архіепископу булгарскому, живущему въ Турновѣ (Терновѣ) письмо, въ которомъ проситъ его выбрать одного или двухъ человекъ, способныхъ къ производству сего дѣла, и назначилъ самъ одного архимандрита, по имени Θεодосія, въ Быстрицкомъ монастырѣ, близъ Букареста, какъ наиспособнѣйшаго для того. Архіепископъ или митрополитъ везарійскій былъ свидѣтелемъ послѣдняго свиданія моего съ патриархомъ, и входилъ съ большимъ участіемъ въ сіе дѣло. Онъ есть первая особа послѣ патриарха.»

Такимъ образомъ, англичанинъ, «иностранный агентъ Британскаго Общества», является здѣсь дѣятелемъ славянскаго возрожденія. Съ своей религіозно-филантропической точки зрѣнія онъ указываетъ новую цѣль для русскаго Библ. Общества на православномъ Востокѣ.

«Итакъ—говоритъ онъ—предметъ Россійскаго Библ. Общества не ограничивается одною греческою церковію въ Россіи, но простирается и будетъ распространяться на всѣ народы и племена, принадлежащія къ сему исповѣданію. Здѣшніе единовѣрцы ваши стали также слѣдовать похвальному примѣру вашему, и соединились съ вами для споспѣшествованія славнѣйшему изъ всѣхъ человѣческихъ предпріятій. Хлѣбъ и вода жизни вскорѣ будутъ свободно раздаваемы всѣмъ народамъ греческимъ, албанскимъ, сирійскимъ, египетскимъ, арабскимъ и славянскаго происхожденія, принадлежащимъ къ восточной церкви». (1819, приб. XXVIII).

Возвращаемся къ отчету.

Продажа книгъ представляла опять быстро возрастающія цифры. Относительно продажи русскихъ переводовъ Н. Завѣта, отчетъ говоритъ: «Отпечатанные понынѣ тремя изданіями 30.000 экз. сего перевода подобны были только одному лучу, блеснувшему по всему пространству земли, обитаемому русскимъ племенемъ. Экземпляры сіи едва успѣвали выходить изъ печати и переплета, какъ и распределяемы по самому малому току числу для разсылки въ разныя мѣста, къ равному всѣхъ удовле-

¹⁾ Это былъ извѣстный патриархъ Григорій, пострадавшій внослѣдствіи въ Константинополѣ въ началѣ греческаго возстанія.

переводахъ св. писанія и т. д. Главными центрами, на которыхъ опиралась его дѣйствительно замѣчательная дѣятельность, были Лондонъ и Петербургъ.

Изданія опять совершались въ обширныхъ размѣрахъ: стереотипная Библия въ-8^о дошла до седьмого изданія; вышло изданіе славянской Библии въ-4^о со сводами подобныхъ мѣстъ; стереотипный Новый Заѣтъ славянскій дошелъ до восьми изданій. Новый Заѣтъ, или нѣкоторыя части Новаго и Ветхаго Заѣта, вышли на нѣмецкомъ, грузинскомъ, турецко-армянскомъ, польскомъ, латышскомъ, татарскомъ, на оренбургско-татарскомъ. Наконецъ, въ этомъ году явилось впервые евангеліе, четырехъ евангелистовъ, на русскомъ языкѣ съ славянскимъ текстомъ (обычный заводъ, въ 5.000 экземпляровъ).

«Появленіемъ сего изданія, — говоритъ отчетъ, — удовлетворяется желаніе нашихъ соотечественниковъ въ полной мѣрѣ, и мысль о томъ благочестивѣйшаго Монарха нашего, приведенная нынѣ въ дѣйствіе, нельзя не признать указаніемъ самаго Промысла небеснаго. Отзывы радостные о полученіи сихъ экземпляровъ на природномъ языкѣ, и многочисленныя требованія о присылкѣ оныхъ во всѣ мѣста Россіи, свидѣлствуютъ то несомнительнымъ образомъ».

Всего, въ теченіе года, вышло изъ печати 17 изданій, на 9 языкахъ, въ числѣ 77.000 экз. Въ общей сложности, съ начала Общества, отпечатано было 53 изданія, на 19 языкахъ въ числѣ, 252.100, а вмѣстѣ съ готовившимся, было: 79 изданій, на 25 языкахъ, въ числѣ 371.600 экз.

Самую большую заслугу въ дѣлѣ печатанія этой массы изданій отчетъ положительно приписываетъ неутомимой дѣятельности Патерсона, который вполне посвятилъ себя этому дѣлу. «Постоянные труды въ управленіи симъ дѣломъ г. Патерсона суть *превыше всякаго воздаянія* со стороны чловѣковъ».

Переводы совершались все въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, и президентъ, въ своей рѣчи въ собраніи Общества, особенно указывалъ на эту сторону его трудовъ, которая теперь получила большое развитіе. Русскій переводъ четырехъ евангелистовъ былъ уже изданъ; затѣмъ приготовлены были къ печати Дѣянія апостольскія, затѣмъ должны были приступить къ Посланіямъ. На чувашскій и черемисскій языкъ была уже переведена большая часть Новаго Заѣта (въ Казани и Симбирскѣ), и переводъ долженъ былъ печататься въ Казани подъ надзоромъ архіеп. казанскаго Амвросія. Тотъ же Амвросій и еп. пензенскій Иннокентій предложили сдѣлать переводъ евангелія на мордовскій, что должны были сдѣлать священники этихъ епархій, знающіе

языкъ. Въ тобольскомъ отдѣленіи Общества приготовлялись, также священниками, переводы на *остякскій, вогульскій и самоѣдскій*; то же тобольское отдѣленіе заботилось также о переводахъ на тунгусскій, чапогирскій, на сибирское нарѣчіе татарскаго языка и др.; наконецъ, былъ предпринятъ переводъ Новаго Завѣта на *сербскій* языкъ, «для пользы единоплеменнаго и единовѣрнаго намъ народа сербскаго». За этотъ трудъ взялся тогда извѣстный Вукъ Караджичъ, который въ 1819 и 1820 гг., бывши въ Россіи, былъ знакомъ съ членами нашего Общества.

Продажа книгъ постоянно усиливалась, такъ что за 1818 г. она дошла до 49.526 экз.; кромѣ того роздано безденежно 1.576 экз.

Движеніе суммъ по петербургскому ¹⁾ комитету составляло:

Остатокъ отъ 1817 г.	88,254 р. 21 к.
Приходъ въ 1818 г.	389,890 „ 77 „
Расходъ „ „	361,008 „ 25 „
Остатокъ въ 1819 „	117,136 „ 73 „

Въ слѣдующемъ 1819 году, шель седьмой годъ дѣятельности русскаго Библейскаго Общества, и президентъ, открывая собраніе 28 іюля 1820 года, представлялъ уже картину обширной дѣятельности Общества, которое распространяло Библию отъ Балтійскаго моря до Камчатки и Сѣверной Америки, и съ другой стороны, до странъ около Каспійскаго и Чернаго моря.

Въ этомъ году открылось еще четыре новыхъ отдѣленія: смоленское, калужское, иркутское и волынское (въ г. Острогѣ), и 19 сотовариществъ. Всего было теперь 53 отдѣленія и 143 сотоварищества.

Число изданій было опять значительно: стереотипная славянская Библия въ-8⁰ дошла до девятаго изданія; Библия въ-4⁰ до третьяго; славянскій Н. Завѣтъ, стереотипный, до 10-го изданія; книга Евангелій, на слав. и русскомъ языкахъ, дошла до 3-го изданія, и при послѣднемъ были уже напечатаны Дѣянія апостольскія. Затѣмъ вышла Библия на молдавскомъ языкѣ, и сдѣланы были изданія Н. Завѣта и отдѣльныхъ его частей на языкахъ нѣмецкомъ, монголо-бурятскомъ, калмыцкомъ, корельскомъ, латышскомъ (въ Митавѣ), книга Бытія на еврейско-татарскомъ яз. и Н. Завѣтъ на оренбургскомъ татарскомъ нарѣчій (въ Астрахани).

Вся цифра конченныхъ и предпринятыхъ изданій составляла 41 изданіе на 26-ти языкахъ, въ числѣ 411,100 экз.

Предпринятые переводы продолжались, и также предпола-

¹⁾ Въ московскомъ комитетѣ приходъ составлялъ 101,953 р. 91 к., въ которомъ впрочемъ около 47,000 было остаткомъ отъ прошлаго года.

скій, турецко-армянскій, татарскій, татаро-турецкій, татарско-оренбургскій, черемисскій, чувашскій. Наконецъ, 3) книги, купленныя за границей или полученныя въ даръ, на слѣдующихъ 15 языкахъ: англійскій, арабскій, голландскій, датскій, еврейскій, еврейско-нѣмецкій, еврейско-польскій, испанскій, итальянскій, китайскій, лапландскій, латинскій, португальскій, санскритскій, шведскій. Всего къ 1-му января 1823 г., общество приобрѣло или напечатало само изданія на 41 языкѣ¹⁾, а общее число экземпляровъ было:

Библий	184 851	
Н. Завѣта.	315 928	
Отдѣльныхъ частей св. писанія.	204 052	
Всего.	704 831	экз., — на сумму
2,695,221 р. 35 к.		

Изъ этихъ 704,831 экз. напечатано было:

въ Петербургѣ	513,486
— Астрахани } на счетъ	22 000
— Казани } Петерб. }	5,000
— Вильнѣ } комитета }	5 000
— Москвѣ, на счетъ моск. к.	62,000
— остзейскихъ провинціяхъ, на счетъ мѣстныхъ комит.	49,000
Куплено отъ св. синода.	1,042
Приобрѣтено изъ чужихъ краевъ	48,303

Другая таблица даетъ понятіе о сравнительномъ успѣхѣ распространенія св. писанія въ первые десять лѣтъ. Это — цифры экземпляровъ, находившихся въ приходѣ и расходѣ собственно по *петербургскому книгохранилищу* Общества. Эти цифры, замѣтимъ опять, не представляютъ всего количества книгъ, приобретенныхъ или изданныхъ, и распространенныхъ цѣлымъ Обществомъ, потому что сюда не входятъ дѣйствія отдѣльныхъ комитетовъ, дѣлавшихъ и распространявшихъ изданія самостоятельно, — или входятъ только въ той мѣрѣ, въ какой ихъ изданія проходили черезъ руки петербургскаго комитета. Итакъ, цифры по петербургскому книгохранилищу были слѣдующія:

	П р и х о д ъ.		Р а с х о д ъ.	
	экземпл.	на сумму, руб. коп.	экземпл.	на сумму, руб. коп.
Въ 1813	5,295	21,960 — 30	3 700	14,498 — 25
— 1814	12,583	48,981 — 50	4,773	23,098 — 90
— 1815	10,620	41,079 — 40	11,351	40,938 — 80

¹⁾ Разница съ указанной выше цифрой 43 происходитъ отъ того, что эта послѣдняя заключала и изданія, еще не вышедшія, но только готовившіяся. Въ послѣдней категоріи прибавляется языкъ еврейскій.

	экземп.	руб.	коп.	экземп.	руб.	коп.
Въ 1816	21,319	88,438	— 10	19,384	76,632	— 70
— 1817	35,661	175,508	— 20	23,991	141,364	— —
— 1818	57,277	287,766	— 80	51,098	245,384	— 95
— 1819	72,848	389,695	— 80	68,464	358,106	— 15
— 1820	80,362	366,311	— —	77,837	373,091	— 20
— 1821	83,858	401,232	— 15	46,792	231,113	— 70
— 1822	176,313	379,331	— 10	115,214	323,979	— 10
Всего . . .	556,136	2,200,304	— 35	427,704	1,883,207	— 75

Изъ суммы расхода, безденежно роздано было до 29,000 экз. на сумму 100,000 р. слишкомъ.

Такіе размѣры дѣла, съ одной стороны, казались самому комитету довольно значительными—«судя по времени, въ которое то все произведено, и по затрудненіямъ, съ такимъ дѣломъ сопряженнымъ; ибо сколько все то требовало совѣщаній, сношеній и переписокъ, пристрастнаго и попечительности, поощреній и приглашеній къ содѣйствіямъ; изъясненія цѣли и пользы сего дѣла, приведенія въ извѣстность и прочее; сіе все представить себѣ можно тою же по собственной въ подобномъ дѣлѣ опытности». Это было совершенно вѣрно. Но, съ другой стороны, комитетъ и не преувеличивалъ размѣра достигнутыхъ результатовъ и находилъ, что еще они слишкомъ невелики для всѣхъ милліоновъ, населяющихъ русское государство. Притомъ, изъ полу-милліона экземпляровъ, разсланныхъ комитетомъ, еще многіе лежатъ въ книгохранилищахъ отдѣленій и сотовариществъ. Дѣло конечно идетъ, и комитетъ ежедневно получаетъ извѣстія отъ своихъ сотрудниковъ о распространеніи книгъ, но—«нужны еще въ десять вѣтъ усиленныя дѣйствія всѣхъ и каждаго изъ комитетовъ отдѣленій и сотовариществъ и частно трудящихся въ семь дѣлѣ, для успѣшнѣйшаго соотвѣтствія великому предпріятію, безъ сомнѣнія полезному и необходимому, взятому на себя Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ, чтобы довести слово Божіе до устъ всѣхъ нуждающихся въ ономъ».

Въ третьихъ, въ обзорѣнн десятилѣтней дѣятельности Библейскаго Общества, приведена сравнительная таблица денежныхъ суммъ прихода и расхода.

По комитету *петербургскому*, эти цифры были слѣдующія:

	П р и х о д ъ.		Р а с х о д ъ.	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Въ 1813	81,305	— 80	33,271	— 92
— 1814	139,869	— 90	121,217	— 17
— 1815	236,285	— 11	126,897	— 90
— 1816	186,733	— 27	222,370	— 78
— 1817	316,167	— 74	357,940	— 84

греческими подлинниками, для удостовѣренія въ точности еврейскаго переложенія.

Распространеніе книгъ представляетъ за этотъ годъ слѣдующія цифры: розслано для продажи и раздачи, и продано 44,646 экз., и роздано даромъ 2,146 экз.

Кромѣ тѣхъ 29 языковъ, на которыхъ русское Библейское Общество само дѣлало изданія, оно имѣло въ своемъ книгохранилищѣ и распространяло книги св. писанія иностранныхъ изданій, еще на 14 языкахъ. Это были: англійскій, шведскій, голландскій, датскій, лапландскій, еврейско-нѣмецкій, еврейско-польскій, испанскій, португальскій, итальянскій, латинскій, санскритскій, арабскій, китайскій. Такимъ образомъ, общество распространяло книги св. писанія всего на 43 языкахъ.

Состояніе денежной кассы было слѣдующее:

Остатокъ отъ 1820 г.	60,529 р. 19 к.
Приходъ въ 1821 г.	330,684 > 74 > ¹⁾
Расходъ	361,852 > 42 > ²⁾

А въ сложности за девять лѣтъ существованія Общества, общее движеніе суммъ представляло:

Приходъ въ	2.469,353 р. 22 к.
Расходъ въ	2.439,991 > 71 >
Затѣмъ остатокъ въ 1822 г. былъ	29,361 > 51 >

Распространеніе книгъ св. писанія за девять лѣтъ существованія Общества выражалось слѣдующими цифрами:

Продано было	290,816 экз.
Роздано безденежно	17,828 >
Всего	308,646 >

Но особеннымъ торжествомъ этого года Общество, какъ и естественно, считало первое *полное изданіе русскаго Новаго Завета и Псалтири*. «Коль великая благодать для милліоновъ еди-

1) Подробности статей прихода:

Приношеній единовременныхъ и ежегодныхъ	165,857 р. 98 к.
За проданныя книги	159,582 > 74 >
Проценты съ суммъ	5,244 > 2 >

2) Въ подробностяхъ расхода главныя статьи были:

На покупку бумаги для печатанія книгъ	110,496 р.
Печатаніе	67,833 > 37 к.
Переплетеніе	99,539 > 80 >

Въ числѣ расходовъ упомянуто и «вспоможеніе г. фанъ-Эссу». Леандръ фанъ-Эссъ, имя котораго намъ уже встрѣилось выше, былъ дѣятель библейскихъ обществъ въ католической Германіи.

ноплеменниковъ нашихъ,—говорить отчетъ,—что отнынѣ могутъ они въ сихъ двухъ священныхъ книгахъ на природномъ своемъ языкѣ, читать глаголы спасенія и жизни вѣчной! Съ великимъ глагомъ духовнымъ ожидали многія тысячи душъ изданія сихъ книгъ, дабы тѣмъ съ вѣщимъ уразумѣнiемъ питать себя божественными истинами, въ нихъ заключающимися. Удовлетворяя *всеобщему нетерпливому желанiю*, комитетъ предпринялъ размноженiе изданiй сихъ двухъ книгъ въ *толь значительномъ числѣ* экземпляровъ, какъ только *возможно*. Изданiемъ ихъ исполнилось и благочестивое желанiе государя императора, по собственному побужденiю котораго предпринято предложенiе книгъ библейскихъ на русскiй языкъ, для душевной пользы соотечественниковъ нашихъ. Благо тому, кто даетъ себя употреблять орудiемъ Десницъ Господней, для назиданiя царствiя Христова на земли!...».

Наше изложенiе было доведено, какъ припомнить читатель, почти до половины 1822 года. Съ концомъ этого года истекало десятилѣтiе со времени учрежденiя Общества, и комитетъ, въ своемъ послѣдующемъ изданiи: «Извѣстiя о Библ. Обществахъ» (мы скажемъ о немъ дальше), напечаталъ «Обозрѣнiе дѣйствiй Россiйскаго Библейскаго Общества, съ учрежденiя его по 1823 годъ», гдѣ собраны были важнѣйшiя цифры о движенiи библейскаго дѣла за *десятилѣтнюю* сложность по 1 января 1823 года которыя мы и передадимъ здѣсь вкратцѣ¹⁾.

Во-первыхъ помѣщена здѣсь вѣдомость *числа* книгъ св. писанiя, какъ *напечатанныхъ* самимъ Обществомъ, такъ и *приобретенныхъ* имъ покупкой изъ чужихъ рукъ,—съ обозначенiемъ языковъ и нарѣчiй. Вѣдомость заключаетъ въ себѣ три разряда книгъ: 1) Книги св. писанiя, напечатанныя Обществомъ въ Россiи, по текстамъ, уже прежде существовавшимъ. Сюда относятся 14 языковъ и нарѣчiй: славянскiй, армянскiй, греческiй новый, греческiй старый, грузинскiй, латышскiй, молдавскiй, нѣмецкiй, персидскiй, польскiй, финскiй, французскiй, эстскiй ревальскаго нарѣчiя и эстскiй дерптскаго нарѣчiя. 2) Изданiя переводовъ, составленныхъ попеченiемъ самого Общества и имъ напечатанныхъ. Сюда принадлежатъ изданiя на слѣдующихъ 12 языкахъ: русскiй²⁾, калмыцкiй, корельскiй, монгольскiй, мордовскiй, самогит-

¹⁾ У насъ не было въ рукахъ отчета за 1822 годъ. Онъ обозначенъ, какъ существующiй, въ составленной Анастасевичемъ «Росписи» Смирдина (№ 2781); но мы не нашли его ни въ бывшей библиотекѣ Смирдина, ни въ Академической, ни въ Публичной библиотекѣ. Мы имѣли только отчетъ московскаго комитета за 1822 г.

²⁾ Изданiя дѣлались на русскомъ языкѣ вмѣстѣ съ славянскимъ, и на одномъ русскомъ языкѣ.

ства, дѣйствительно должна была доставлять не мало труда и хлопотъ. Теперь общество въ помощь ему пригласило пастора Гендерсона, другаго «иностраннаго агента» Британскаго Общества, жившаго тогда въ Россіи; Гендерсонъ взялъ на себя наблюдение за всѣми переводами и изданіями Общества на восточныхъ языкахъ.

Иностранныя сношенія Общества продолжались, и въ особенности съ Британскимъ и Иностраннымъ Обществомъ, которое снова прислало въ распоряженіе петербургскаго комитета большую сумму въ 2,000 фунт. ст., или около 50,000 на тогдашнія деньги. Общество получало изъявленія сочувствія изъ разныхъ концовъ Европы, отъ различныхъ нѣмецкихъ библейскихъ обществъ, изъ Швейцаріи, Даніи, Парижа. Отчетъ рассказываетъ, наконецъ, что отаитскій король Помарра ¹⁾ былъ крайне обрадованъ прибытіемъ, въ 1820 г., русскихъ кораблей, и зная, что въ Россіи есть библейское общество, вручилъ экземпляръ евангелія отъ Маттея, на отаитскомъ языкѣ, профессору казанскаго университета, Симонову, находившемуся въ экспедиціи, для доставленія президенту русскаго общества, въ знакъ усердія короля въ этому святому дѣлу.

Изданія Общества размножались по прежнему. Славянская стереотипная Библия въ-8^о имѣла уже тринадцатое изданіе; стереотипная Библия въ-4^о—седьмое изданіе. Стереотипный Новый Заветъ, на славянскомъ языкѣ, имѣлъ двѣнадцатое изданіе. Затѣмъ Общество совершило, наконецъ, полное изданіе Новаго Завета на *русскомъ* языкѣ (напечат. вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ). Оно сдѣлано было въ большихъ размѣрахъ: кромѣ 20,000 экз. отдѣльныхъ частей Новаго Завета на русскомъ и славянскомъ языкахъ, въ Петербургѣ сдѣлано было два полныхъ изданія въ числѣ 25,000 экз., изданіе въ Москвѣ въ 5,000 экз.,— всего 50,000 экземпляровъ въ теченіе года. Въ Петербургѣ кончено было также и другое важное дѣло—первое изданіе Псалтири на русскомъ языкѣ (въ числѣ 15,000 экз.). Наконецъ, вышли греческая, нѣмецкая и польская Библии, и части Н. Завета на монгольскомъ, калмыцкомъ и чувашскомъ. Мы видѣли прежде, что изданіе польской Библии съ самаго начала было заботой комитета, и отчетъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ совершеніе этого дѣла, потому что старая польская Библия стала почти ненаходимой библиографической рѣдкостью, и распространеніе Библии на польскомъ языкѣ представляло особый интересъ, въ виду обычнаго католическаго взгляда на этотъ предметъ.

¹⁾ Помаре; онъ былъ обращенъ въ христіанство англійскими миссіонерами.

Всего въ 1821 г. сдѣлано было 16 изданій, на 8-ми языкахъ, въ числѣ 111,000 экз. Въ печати находилось еще 6 изданій, на 5 языкахъ, въ числѣ 30,000 экз.; и вновь предположено 19 изданій, на 7 языкахъ, въ числѣ 138,000.

Въ общемъ счетѣ, за девять лѣтъ, издательская дѣятельность Библейскаго Общества представляла слѣдующія цифры:

Отпечатано было: 104 изданія, на 26 языкахъ, въ числѣ 507,600 экз.

А вмѣстѣ съ тѣми, которыя или уже печатались, или готовились къ печати, — 129 изданій, на 29 языкахъ, въ числѣ 675,600 экз.

Эти двадцать девять языковъ были слѣдующіе: славянскій, русскій, еврейскій, эллино-греческій (т. е. старый греческій), греческій новѣйшій, нѣмецкій, французскій, польскій, финскій, эстскій дерптскаго нарѣчія, эстскій ревельскаго нарѣчія, латышскій, грузинскій, армянскій, турецко-армянскій, самогитскій, корельскій, черемисскій, чувашскій, мордовскій, молдавскій, болгарскій, зырянскій, персидскій, калмыцкій, монголо-бурятскій, татаро-турецкій, татарскій оренбургскаго нарѣчія и еврейско-татарскій.

Переводная дѣятельность не останавливалась. Отчетъ замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ стало распространяться чтеніе св. писанія, ревнители особенно стараются доставить это чтеніе и народамъ иноязычнымъ и предлагаютъ Обществу о новыхъ переводахъ. «И радостное изумленіе, съ каковымъ оныя народы получаютъ сіи, неизвѣстныя имъ дотоле, вѣщанія божественной истины, впечатлѣнія, произведенныя на нихъ чтеніемъ оныхъ, побуждаетъ комитетъ принимать каждое подобное предложеніе о переводѣ книгъ библейскихъ на новый языкъ, какъ бы за указаніе самого Промысла....».

Положеніе переводнаго дѣла было слѣдующее. На русскій языкъ переводились книги Ветхаго Завѣта. Болгарскій переводъ Новаго Завѣта былъ оконченъ и предположенъ къ печатанію. Определено было напечатать также конченный переводъ евангелія отъ Матвѣя на зырянскій языкъ. Продолжались переводы евангелія и другихъ частей св. писанія на калмыцкій, монгольскій, вотяцкій, вогульскій—пелымскаго нарѣчія, остяцкій—нарѣчій березовскаго и тазовскаго, татаро-турецкій и чистый татарскій. Наконецъ, одинъ еврей, по словамъ отчета, глубокій знатокъ древняго еврейскаго языка, предпринялъ перевести Новый Завѣтъ на древне-еврейскій языкъ; священникъ Павскій, и англичанинъ, пасторъ Гендерсонъ, сличали этотъ переводъ съ

сподне:—что оно таково, въ этомъ ругается чистота и простота его цѣли. «Одинъ врагъ рода человѣческаго могъ увѣрить нѣкоторыхъ въ противномъ: но главное стремленіе въ дѣйствіяхъ его (т. е. этого врага), клонится всегда поселать раздѣленіе между человѣками, и воцарять ложь вмѣсто истины. Библейское же Общество, напротивъ того, имѣетъ то неопѣненное свойство, что въ немъ соединяются всѣ исповѣданія христіанскія во едино; ибо св. писаніе есть основаніемъ для каждаго. Къ тому Общество сіе, не занимаясь ничѣмъ инымъ, кромѣ размноженія между человѣками чтенія книгъ св. писанія, размножаетъ между ними тою истину. И когда царство тьмы, или лучше сказать, тотъ же врагъ человѣковъ, ищетъ тонкими спорами и хитросплетенными истолкованіями затмить истину: Библейское Общество, по точному правилу устава своего, не дѣлаетъ и не издаетъ никакихъ толкованій на св. писаніе, приводя книги онаго въ употребленіе *безъ примѣчаній и поясненій*. Посему, истина Божія въ словѣ Господнемъ исходитъ изъ рукъ Общества сего во всей ея чистотѣ. Итакъ, токмо *незнающіе* Слова Божія и *враждующіе* противъ него, могутъ быть *противниками* Общества Библейскаго, которое предлагая всѣмъ слово сіе, творить явно дѣло Божіе».

Такимъ образомъ, президентъ дѣлалъ членовъ Общества исполнителями божественнаго дѣла, а противниковъ его — слугами врага человѣческаго рода. Возводитъ въ такую степень личныя мнѣнія и дѣйствія — есть вообще дѣло опасное, и мы увидимъ, что аргументъ въ послѣдствіи обращенъ былъ, пожалуй, столько же доказательно, противъ самого Библейскаго Общества: само Общество отнесено было потомъ къ этому же «царству тьмы», а его приверженцы къ слугамъ врага рода человѣческаго....

Послѣ рѣчи президента началось чтеніе отчета о дѣйствіяхъ Общества, расширеніе которыхъ указывало «явное благословеніе свыше, на дѣлѣ семъ почіющее», и которыя назывались «чудесами Бога Спасителя нашего въ библейскомъ дѣлѣ».

Обращаемся къ фактамъ.

Число отдѣленій умножилось двумя: въ Сарептѣ и на Молочныхъ - Водахъ, въ извѣстныхъ колоніяхъ меннонитовъ, которые еще прежде оказались, какъ и слѣдовало ждать, усердными читателями Библии. Сотоварищество открыто было вновь 33. Всего же отдѣленій было теперь 57, а сотоварищество 210. «Посему 267 таковыхъ соединенныхъ мѣстъ содѣйствуютъ комитету здѣшнему въ общемъ дѣлѣ раздаванія книгъ Слова Божія, не считая множества корреспондентовъ, лично принявшихъ на себя сей спасительный трудъ по разнымъ мѣстамъ Россіи».

Эти соединенныя мѣста употребляли различныя средства для расширенія своихъ дѣйствій, распространяли «Воззваніе», собирали подписки, заводили корреспондентовъ, и т. д. Провинціи въ ревности не уступали столицамъ. Почти всюду были теперь библейскіе комитеты, въ которыхъ соединялись губернскія и уѣздныя власти, и всѣ принимали свои мѣры... Вятскій комитетъ «обратилъ благодѣтельное вниманіе свое на обучающееся юношество»; въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ при экзаменахъ отличившимся ученикамъ раздавались въ награду книги св. писанія: «въ каждомъ выданномъ имъ экземплярѣ, на оборотѣ верхней доски переплета, вклеенъ печатный листокъ, за подписаніемъ вице-президента комитета, въ коемъ, сверхъ имени ученика, находится изреченіе изъ Второзаконія....»; гражданскіе губернаторы разсылали книги для продажи къ земскимъ исправникамъ; одинъ генераль-майоръ «взялъ на себя ознакомливать воинскихъ чиновъ съ цѣлю и пользою библейскаго общества, приглашая и къ соучастію въ ономъ, покупкою книгъ, или приношеніями»; при пензенской гимназіи было открыто сотоварищество, и постановлено было, между прочимъ, правиломъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ пензенской дирекціи выдавать въ награду ученикамъ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, и при переводахъ на иностранныя языки употреблять также св. писаніе.... Петербургскій комитетъ вновь приглашалъ отдѣленія Общества «къ употребленію дѣятельнѣйшихъ средствъ на подкрѣпленіе дѣла библейскаго».

Путешествіе, о которомъ упомянуто было выше, сдѣлано было членами общества, пасторами Патерсономъ и Гендерсономъ вмѣстѣ съ Н. И. Сѣровымъ, который былъ за это время въ числѣ помощниковъ секретарей Общества¹⁾, — для посѣщенія провинціальныхъ комитетовъ. Цѣлю путешествія было облегчить ходъ дѣлъ, ввести больше единообразія и правильности, устранить затрудненія въ сношеніяхъ, доставленіи книгъ и т. п. Они посѣтили 24 отдѣленія общества и, по словамъ отчета, «послѣдствія таковыхъ посѣщеній ихъ были благословенны». Мы не разъ упоминали выше о трудахъ Патерсона. Отчетъ и на этотъ разъ не находитъ словъ для восхваленія его заслугъ. На немъ до сихъ поръ лежала вся книгопечатная часть, которая, при обширности и разнообразіи издательскихъ предпріятій Обще-

¹⁾ Выше было упомянуто, что секретарями были съ самаго начала общества В. М. Псловъ, д. ст. сов. и директоръ департ. нар. просв., и А. И. Тургеневъ; къ нимъ послѣ присоединился П. П. Пезаровусъ. Помощниками секретарей были теперь: Н. И. Сѣровъ (съ 1817 г.), К. К. фонъ-Поль (съ 1821 г.) и Ф. И. Приишниковъ (съ 1822 года).

въ тѣхъ наипаче людяхъ, которые *болѣе близки*, и по нѣкоторому предварительному образованію болѣе кажутся способными къ принятію отъ онаго желаемыхъ впечатлѣній: да будетъ намъ позволено, сей настоятельности противоположить нѣкоторую смѣлость и просить вопрошающихъ, чтобы они размыслили, *кто кому болѣе обязанъ* въ семь случаевъ *отчетовъ*: Общество ли людямъ, для которыхъ и между которыми оно дѣйствуетъ, или напротивъ они Обществу?... Когда Библейское Общество, съ своей стороны, повсюду предлагаетъ священныя книги... должно ли оно еще отвѣтствовать, довольно или недовольно пользуются сею здоровою и спасительною пищею? Не болѣе ли напротивъ оно въ правѣ, послѣ десяти своихъ отчетовъ, хотя однажды предложить тѣмъ, для которыхъ оно трудится, чтобы и они подумали, не обязаны ли отчетомъ, естли не Обществу, по крайней мѣрѣ себѣ самимъ, въ томъ, какъ пользовались доброжелательными для нихъ усиліями Общества?

«Какъ теперь опять дошло до требованія отчета, который трудно взять, — продолжалъ онъ: — то для образца, посмотримъ, какъ въ подобномъ случаѣ одинъ изъ богатыхъ раздаятелей хлѣба животнаго считался съ тѣми, которые отъ него принимали».

И онъ проводитъ сильное обличеніе Златоуста противъ его современниковъ, не слушавшихъ писанія и предававшихся соблазнамъ жизни. Наконецъ, въ заключеніе Филаретъ указываетъ на тотъ отчетъ, котораго потребуетъ само Слово Божіе. Какой мы дадимъ отчетъ, — говоритъ онъ, — если Оно нѣкогда скажетъ намъ: несмотря на ваше недостойство, «по милосердію къ вамъ Я странствовало по вашимъ городамъ и селамъ ища васъ; почто вы Меня или не принимали, или не довольно искренно принимали? Почто не учились отъ Меня мыслить, чувствовать, дѣйствовать, жить, умирать и возставать въ воскресеніе жизни?»

Это былъ, какъ видитъ читатель, довольно энергическій отвѣтъ въ духѣ Библейскаго Общества тѣмъ, кто требовалъ отъ него нравственнаго отчета и — кто противъ него возставалъ. — Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, извѣстій о томъ, какія ближайшія обстоятельства внушили Филарету эти слова, — но слова, очевидно, не были случайны и, по всей вѣроятности, были восвненнымъ отвѣтомъ на разныя толкованія, какимъ подвергались дѣйствія Общества; — въ виду обвиненій и враждебныхъ интригъ, можно было заговорить о нравственномъ отчетѣ и перенести его на самое общество, т. е. публику....

Намъ остается досказать немного объ официальной дѣятельности Библейскаго Общества.

Въ февральской книжкѣ «Извѣстій» 1824 г., петербургскій

комитетъ объявлялъ объ окончаніи новаго изданія Н. Завѣта въ-12^о на *одномъ русскомъ* языкѣ и при этомъ случаѣ сообщалъ исторію этого перевода. Она начинается, какъ мы видѣли, за восемь лѣтъ предъ тѣмъ, съ повелѣнія самого императора Александра. Съ тѣхъ поръ комитетъ издалъ больше ста тысячъ экз. Н. Завѣта на славянскомъ и русскомъ языкахъ (вмѣстѣ); но, по мѣрѣ распространенія этого изданія, многіе начали выражать желаніе имѣть Н. Завѣтъ на одномъ русскомъ языкѣ. Въ пользу этого желанія комитетъ выставялъ слѣдующія основанія:

Во-первыхъ, для славянскаго чтенія можно было имѣть отдѣльно книгу на одномъ славянскомъ языкѣ, а для русскаго — на одномъ русскомъ.

Во-вторыхъ, двойное изданіе выходитъ вдвое толще, тяжеле, неудобно въ пересылкѣ и вдвое дороже.

Въ-третьихъ, многіе изъ военныхъ нижнихъ чиновъ нерѣдко изъявляли сожалѣніе, что величина книги затрудняетъ ихъ въ переходахъ и не дозволяетъ имѣть ее всегда при себѣ.

Въ-четвертыхъ, тѣ же причины заставляли желать русскаго изданія и для употребленія въ училищахъ, гдѣ «Н. Завѣтъ есть безъ сомнѣнія общепользѣйшая книга», которая, кромѣ религіознаго, даетъ и всякое нравственное назиданіе.

По этимъ основаніямъ (т. е. по соображеніямъ толщины, тяжести, цѣны книгъ) президентъ Общества испрашивалъ высочайшее соизволеніе на это изданіе, и по полученіи его комитетъ въ восемь мѣсяцевъ успѣлъ заготовить стереотипныя доски и напечатать съ нихъ 20,000 экз. русскаго Н. Завѣта. «Государь Императоръ благоволилъ принять съ особливимъ удовольствіемъ, поднесенные его величеству отъ лица комитета Росс. Библ. Общества экземпляры сего изданія»...

Въ заключеніе, комитетъ счелъ нужной оговорку относительно славянскаго изданія: новое изданіе — говорилъ онъ — «не преграждаетъ нимало употребленія сей книги на обоихъ языкахъ, славянскомъ и русскомъ для тѣхъ, кто пожелаетъ имѣть оную»; комитетъ намѣревался и впредь печатать по прежнему изданія Н. Завѣта на обоихъ языкахъ, — «ибо во многихъ другихъ случаяхъ, чтеніе сей книги, толь необходимой для каждаго христианина, весьма полезно, имѣя предъ глазами своими, какъ текстъ оной древній *славянскій*, употребляемый въ церквахъ при божественной службѣ, достопочтенный по древности своей и по близости къ подлинному греческому, такъ и вновь составленный, съ толикимъ раченіемъ и точностію, переводъ на *россійскій*, нынѣ употребительный и общепонятный языкъ, переводъ принятый

ныхъ частей св. писанія всего 20,405 экз., въ томъ числѣ роздано безденежно 1,143.

Изданія сдѣланы были въ этомъ году въ Петербургѣ: на славянскомъ, на славянскомъ вмѣстѣ съ русскимъ, и на одномъ русскомъ языкѣ (Н. Завѣтъ и Псалтирь), на болгарскомъ (ев. отъ Матѳея), зырянскомъ (тоже) и финскомъ, всего въ числѣ 74,550 экз. Кромѣ того, въ Москвѣ напечатано было 15,000 экз. славянскихъ и русскихъ изданій св. писанія.

Переводные труды находились къ концу 1823 года ¹⁾ въ слѣдующемъ видѣ: одно изъ главнѣйшихъ предпріятій, на которомъ сосредоточивался всего больше интересъ Общества, — русскій переводъ Библии, — доведенъ былъ до 12-й главы книги Числъ. По изготовленіи всѣхъ пяти книгъ Моисеевыхъ, должно было начаться печатаніе *русской Библии*, на что уже и послѣдовало высочайшее соизволеніе. Мѣстные комитеты ревностно продолжали свои заботы о переводахъ св. писанія на языки различныхъ инородцевъ. Такъ, вятскій комитетъ доставилъ переводъ евангелій отъ Матѳея и Марка на *вотяцкій* языкъ; переводъ приготовленъ былъ соединенными усиліями нѣсколькихъ мѣстныхъ священниковъ, и комитетъ петербургскій, поручивъ, по обычаю, знающимъ людямъ просмотрѣть сдѣланный переводъ и убѣдившись въ его точности, рѣшилъ произвести изданіе въ Вяткѣ. Пермское отдѣленіе доставило въ Общество переводъ евангелія отъ Матѳея на *пермяцкій* языкъ, и комитетъ отдалъ его на разсмотрѣніе лицамъ знающимъ этотъ языкъ.

Въ 1824 году оставались еще въ печати въ Петербургѣ: изданія Библии и Н. Завѣта на славянскомъ и русскомъ (вмѣстѣ и отдѣльно); Библии на латышскомъ и нѣмецкомъ; Н. Завѣта на сербскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, черемисскомъ и мордовскомъ. Въ Москвѣ печаталась грузинская Псалтирь; въ Митавѣ латышскій Н. Завѣтъ, въ Астрахани — Библия на татаро-турецкомъ языкѣ. Всего приготовлялось 59,200 экз. новыхъ изданій.

Цифра распространенныхъ комитетомъ изданій въ 11-лѣтней сложности составляла 448,109 экз., на сумму 1,896,058 р. 85 к.

Мы остановимся еще на отчетѣ московскаго отдѣленія за тотъ же 1823 годъ, читанномъ на генеральномъ собраніи московскаго отдѣленія, 23 марта 1824. Мы не будемъ останавливаться на цифрахъ его доходовъ, расходовъ и продажи книгъ; замѣтимъ только цифру изданій, которая возросла теперь до 79,500 экз. Дѣятельность комитета шла усиленно: въ уѣздныхъ городахъ усердно дѣйствовали корреспонденты, которые «возбуждая въ жи-

¹⁾ См. Слб. Вѣд. 1823 г. № 102.

теляхъ городскихъ и между поселянами въ уѣздахъ желаніе къ чтенію книгъ св. писанія», доставляли имъ возможность имѣть ихъ съ платою или бесплатно. Кромѣ того разослано было 2,000 экз. «Воззванія», приглашавшаго къ чтенію Библии. Дѣйствіе «Воззванія» бывало таково: «Нѣкоторые изъ крестьянъ, коимъ розданы сіи книжки, признавались, что, прочитавъ ихъ, они были въ сильномъ *безпокойствѣ*, и для чтенія своего спѣшили имѣть книги Новаго Завѣта на *Русскомъ* языкѣ». Отъ крестьянъ, въ которыхъ возбуждалось подобное «безпокойство», шли пожертвованія на «книги божественныя», на «имя Господне», на «спасеніе души» и т. п. Но особенно любопытной подробностію московскаго отчета была рѣчь, произнесенная въ томъ же генеральномъ собраніи 23 марта однимъ изъ вице-президентовъ, архіеп. Филаретомъ. Мы передадимъ ее вкратцѣ.

Ораторъ началъ съ того, что, послѣ многихъ прежнихъ отчетовъ, содержаніе новаго отчета должно быть болѣе или менѣе извѣстно вперёдъ слушателямъ: дѣло, продолжающееся на однихъ правилахъ, можетъ потерять свою новизну: еще сотрудники, еще пособія и изданія, — вотъ обыкновенное содержаніе отчетовъ. — Но отъ Общества могутъ потребовать не только хозяйственнаго и работнаго отчета; могутъ потребовать отчета *нравственнаго*, потому что и самая цѣль Общества есть конечно цѣль нравственная, хотя, впрочемъ, такому требованію едва ли бы взялось отвѣчать комитетское счетоводство.

«Что же дѣлать? — спрашиваетъ онъ. — Когда уже случилось встрѣтиться съ сею мыслию: не станемъ отступать малодушно назадъ; испытаемъ развѣдаться съ требованіемъ отъ Библейскаго Общества нравственнаго отчета.

«На это требованіе, — продолжалъ онъ, — можно отвѣчать впервыхъ, что существенный плодъ, приносимый Библейскимъ Обществомъ, долженъ конечно раждаться въ сердцахъ, которыя знаетъ одинъ Сердцевѣдецъ; и потому Обществу не стыдно будетъ признаться, что оно не можетъ дать въ этомъ отчета. Впрочемъ, самое желаніе читать Библию, распространяющееся все сильнѣе, могло бы служить нѣкоторымъ указаніемъ успѣха.

«Во-вторыхъ, можно сазать, что таковой отчетъ получать со временемъ потомки: кто посѣялъ сѣмя весной, можетъ только осенью ожидать плода, а посадившій дерево ждетъ много лѣтъ; сѣющій Слово Божіе сѣетъ для вѣчности, и не поздно будетъ, если всходъ посѣяннаго окажется только во второмъ родѣ.

«Въ-третьихъ, — говорилъ Филаретъ, — если бы кто захотѣлъ настоятельно потребовать, чтобы ему показали, какое примѣтное дѣйствіе произведено усиліями здѣшняго Библейскаго Общества

Наконецъ, и въ московскомъ отчетѣ мы встрѣчаемся съ той же темой, которая уже не разъ повторялась въ отчетахъ Общества, а теперь становилась въ нихъ особенно замѣтна. Это — указанія на что-то противоборство и препятствія, поставляемыя спасительному дѣлу. Изъ упомянутыхъ выше писемъ британскаго комитета московскій отчетъ приводитъ, конечно не случайно, такую выписку: «чѣмъ ощутительнѣе дѣлаются послѣдствія распространенія спасительнаго слова Божія обращеніемъ многихъ отъ путей заблужденія, тѣмъ болѣе усматриваемъ, какъ *силы тьмы*, страхомъ возмущаемыя, стараются воспользоваться всѣми орудіями, дабы побороть сіе благое дѣло; но все сіе должно споспѣшествовать успѣхамъ благовѣствованія спасительнаго евангельскаго ученія».

Этого предмета коснулся теперь и московскій викарій Аеанасій, въ своей рѣчи въ генеральномъ собраніи московскаго отдѣленія (въ началѣ 1823 года). Указавъ на поразительные успѣхи русскаго Общества, и упомянувъ, что греческая Библия, изданная трудами московскаго отдѣленія, требуется въ самой Палестинѣ, въ той самой странѣ, «изъ которой во весь міръ вышло живое слово Божіе», ораторъ продолжалъ:

«При всемъ томъ, вѣроятно, есть еще люди, которые, не примѣчая дивныхъ дѣлъ божіихъ, совершающихся на лицѣ всея земли во дни наши, недоумѣваютъ и о дѣлѣ повсемѣстнаго распространенія священныхъ книгъ, — опасаются, чтобы Библия, сіе небесное сокровище, переходя въ народныя руки, не потеряла существенной цѣны своей; чтобы содержащееся въ ней, а особенно въ Ветхомъ Заветѣ, многое для многихъ не вразумительное, и съ нынѣшними нравами несогласное, не послужило соблазномъ для неопытныхъ...

«Опасеніе благонамѣренное, — по крайней мѣрѣ, мы *охотно примѣ*, что оно *благонамѣренно*; — впрочемъ едва ли не чрезъ мѣру боязливое. Не удивительно, если при чтеніи св. писанія могутъ иногда соблазняться тѣ, которыхъ воображеніе уже не чисто и сердце готово послѣдовать мечтаніямъ таковаго воображенія; или тѣ, которые читаютъ оное для одного любопытства, или по другимъ еще менѣе извинительнымъ побужденіямъ».... Но тотъ, кто будетъ приступать къ чтенію Библии съ чистымъ сердцемъ, тотъ найдетъ въ ней наставленіе для себя, а непонятное или кажущееся страннымъ отложить до тѣхъ поръ, пока вразумится самъ или получить вразумленіе отъ знающихъ. Наконецъ, ораторъ указывалъ, что вообще не довольно распространять Библию или имѣть ее, что она не принесетъ пользы, если имѣющіе будутъ употреблять ее «нечистыми руками и не искреннимъ

сердцемъ», но что «слово божіе, для читающихъ и поучающихся въ ономъ со смиреніемъ духа, въ чистотѣ и простотѣ сердца, есть неисчерпаемый источникъ всякаго истиннаго, надежнаго вождя въ таинственныхъ путяхъ благодати, небесный свѣтъ просвѣщающій тьму души нашея, божественная сила укрѣпляющая слабую вѣру нашу, непреложный путь ведущій къ настоящему и грядущему блаженству», и т. д.

За слѣдующій 1823 годъ комитетъ не издавалъ, какъ прежде, отдѣльнаго отчета. Въмѣсто отчетовъ должно было служить упомянутое изданіе: «Извѣстія о Библейскихъ Обществахъ», которое начало выходить съ января 1824 года. Цѣль изданія объяснялась въ первой вводной статьѣ: «О пользѣ и необходимости чтенія слова Божія и объ учрежденіи Россійскаго Библейскаго Общества», такимъ образомъ: «Всѣ дѣйствія сего благотворнаго и благонамѣреннаго Общества, — говорится здѣсь, — были доселѣ всегда сообщаемы къ общему свѣдѣнію, посредствомъ газетъ, или временно издаваемыхъ объявленій, и ежегодныхъ отчетовъ; а для комитетовъ отдѣленій Общества и корреспондентовъ онаго доставлялись печатныя выписки изъ журналовъ каждаго засѣданія комитета санктпетербургскаго. Но въ послѣдствіи времени найдено, что сего *весьма недостаточно*, для приведенія въ желаемую извѣстность всѣхъ дѣйствій Общества, и для довольнаго ознакомленія жителей государства съ великою пользою, отъ сего учрежденія проистекающею, и даже съ самою цѣлію онаго». Поэтому ипрошено было высочайшее соизволеніе на изданіе этого журнала, которое приняли на себя члены комитета.

Такимъ образомъ, Общество надѣялось еще на большее распространеніе своей дѣятельности. Между тѣмъ этотъ 1824 годъ былъ собственно концомъ этой дѣятельности: дни общества были сочтены...

Въ одной изъ первыхъ книжекъ «Извѣстій» мы находимъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ комитета за 1823 годъ. Эти свѣдѣнія, очень краткія, представляютъ дѣла Общества въ такомъ видѣ:

Сумма прихода, съ остаткомъ отъ 1822 г. составляла 289.338 р. 17 к.; расходъ — 230.378 р. 81 к., гдѣ главныя статьи издержекъ были на покупку бумаги для изданій, на печать, заготовленіе стереотипныхъ досокъ и переводы, и на переплетеніе книгъ. Въ остаткѣ къ 1824 г. было 58,959 р. 36 к. ¹⁾

Приведено въ употребленіе Библий, Н. Завѣтовъ и отдѣль-

¹⁾ Цифры, въ 11-лѣтней сложности, по петерб. комитету были слѣдующія: приходъ — 3,081,934 р. 34 к., расходъ — 3,022,974 р. 98 к.

	руб.	коп.	руб.	коп.
Въ 1818	379,481	— 77	356,008	— 25
— 1819	396,363	— 72	467,681	— 52
— 1820	385,805	— 74	366,095	— 48
— 1821	330,684	— 74	360,852	— 42
— 1822	373,595	— 41	380,259	— 69

Всего. . . 2,816,293 — 20 2,792,596 — 17

Въ остаткѣ въ 1-му января 1823 — 23,697 р. 3 к.

По московскому и шести комитетамъ общіе итоги за десять лѣтъ были слѣдующіе:

	приходъ	расходъ	остатокъ.
По ком. Моск.	384,588 — 99	366,105 — 74	18,483 — 25
По ком. Остзейск.	221,056 — 24	180,935 — 74	40,120 — 50
Общая сумма по всѣмъ комитетамъ, за десять лѣтъ	3,421,938 — 43	3,339,637 — 65	82,300 — 78

Въ суммѣ прихода, вспоможенія Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества составляли сумму въ 16,833 фунта ст., или 354,200 руб. тогдашними деньгами.

Наконецъ, комитетъ Россійскаго Библейскаго Общества имѣлъ въ концѣ 1822 г., матеріаловъ для книгопечатанія на 166,507 р. 26 коп.; и запасъ своихъ изданій и бумаги для печатанія на 1,363,484 р. 58 к.

Число отдѣленій общества простиралось въ концѣ десятаго года его существованія до 57, сотовариществъ — 232, всего 289 сотрудническихъ комитетовъ.

Остановимся здѣсь еще на спеціальному отчетѣ московскаго отдѣленія, — тѣмъ больше, что намъ не случалось говорить о немъ подробнѣе. Мы упоминали выше, что отдѣленія Общества устраивались вообще въ томъ же порядкѣ, какъ былъ устроенъ петербургскій комитетъ. Московскій комитетъ составлялся изъ нѣсколькихъ вице-президентовъ (общимъ президентомъ оставался вн. А. Н. Голицынъ), въ которые выбирались обыкновенно высшія духовныя и свѣтскія власти, и изъ большого числа директоровъ, выбиравшихся также изъ числа болѣе или менѣе значительныхъ; или чѣмъ либо полезныхъ и нужныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ; наконецъ, также были секретари и казначей. Большею частью въ комитетѣ оставались одни и тѣже лица. Такимъ образомъ, въ 1822 и потомъ въ 1823 г. вице-президентами московскаго отдѣленія оставались: Филаретъ, архіеп. московскій, Аѳанасій, московскій викарій; московскій военный губернаторъ, вн. Д. В. Голицынъ, и генералъ отъ инф. и московскій предводитель дворянства П. Х. Обольяниновъ. Въ числѣ директоровъ, замѣтимъ долго остававшихся въ комитетѣ вн. А. П. Оболен-

скаго, А. О. Малиновскаго, А. А. Прокоповича - Антонскаго; постоянными секретарями комитета были Н. Д. Горчаковъ и П. М. Азанчевскій.

Въ отчетѣ московскаго комитета за 1822 г. повторяются въ томъ же тонѣ общія мысли о пользѣ, приносимой Библейскимъ Обществомъ, радость объ успѣхѣхъ его предпріятій и благословеніи Промысла, которое доказывается этимъ успѣхомъ и т. д.; затѣмъ перечисляются частныя дѣйствія московскаго комитета, состоявшія отчасти въ особенномъ содѣйствіи петербургскому комитету по распространенію и разсылкѣ книгъ, отчасти въ собственныхъ изданіяхъ. Мы упоминали о нихъ прежде. Всего съ самаго начала московскій комитетъ напечаталъ, какъ мы видѣли, 62,000 экз., а вся сложность его трудовъ, вмѣстѣ съ готовившимся, составляла теперь тринадцать изданій, на пяти языкахъ, въ числѣ 67,000 экз.

Московскій отчетъ точно также, какъ петербургскій, «достопамятнѣйшимъ событіемъ» считаетъ изданіе *Новаго Завета и Псалтири на русскомъ языкѣ*. «Переводъ сей, — говоритъ московскій отчетъ за 1822 г. (повторяя или перифразируя слова петербургскаго; сравн. выше), — есть *величайшее благодѣяніе для народа Россійскаго*, издревле наклоннаго къ благочестію и всегда жаждущаго просвѣщенія духовнаго. Многія тысячи соотечественниковъ нашихъ съ нетерпѣніемъ ожидали изданія сихъ книгъ, дабы тѣмъ съ большимъ уразумѣніемъ питать себя божественными истинами, въ нихъ заключающимися. Совершеніемъ сего труда исполнилось и благочестивое желаніе государя императора», и т. д.

Отпечатавъ греческую Библию, московскій комитетъ послалъ 500 экз. ея въ даръ Британскому и Иностранному Библейскому Обществу, съ которымъ также имѣлъ прямыя сношенія. Въ своихъ письмахъ британскій комитетъ выражалъ увѣренность въ дальнѣйшихъ, еще болѣе успѣхахъ библейскаго дѣла въ Россіи...

Далѣе, комитетъ указываетъ на свои труды по изданію польской Библии. Оно дало ему возможность содѣйствовать крайнему оскудѣнію книгъ св. писанія у польскаго народа. «Въ теченіе 220 лѣтъ, для 10 милліоновъ католиковъ, говорящихъ польскимъ языкомъ, напечатано только три изданія польской Библии перевода Іакова Вуйка, составляющія не болѣе 3,000 экземпляровъ, и у ста тысячъ семействъ въ Польшѣ и Галиціи едва ли находилась Библия. При такомъ оскудѣніи у народа, съ нами единоплеменнаго, въ средствахъ къ чтенію слова Божія, Общество... успѣшило напечатать три изданія польскаго Новаго Завета, а за тѣмъ и полную Библию»...

сельской общины на два разряда — хозяевъ и безземельныхъ — на взаимныхъ отношеніяхъ которыхъ сосредоточивается весь интересъ внутренняго быта колоній.

Уже законъ 19 марта 1764 г. предусматривалъ эти послѣдствія лично-общинной системы. Безусловно не допуская дробленія подворныхъ участковъ ни по праву наслѣдованія, ни вообще по произволу хозяина или общества, законоположеніе это стремилось противодѣйствовать несоразмѣрному накопленію безземельнаго населенія прирѣзкою къ каждой колоніи «пустыхъ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ для рукомышленниковъ одну шестую часть противъ общаго числа всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, да такую же часть съ пашенною землею и прочими угодьями для будущихъ дѣтей, дабы оныя, пришедши въ возрастъ и женясь, сами хозяевами быть могли». Но нигдѣ при колонистскихъ водвореніяхъ прошлаго столѣтія такихъ запасныхъ угодій не было оставлено, что, какъ мы выше видѣли, привело къ затрудненіямъ. Поэтому, законодательство 1801—1803 г. пошло далѣе. *Во-первыхъ*, къ водвореніямъ иностранныхъ поселенцевъ, происходившимъ по 1820 г., были прирѣзываемы болѣе или менѣе значительные участки запасныхъ земель «на прибылое населеніе»; *во-вторыхъ*, былъ разрѣшенъ, какъ выше замѣчено, раздѣлъ нормальнаго двора или хозяйства. На этомъ основаніи, по мѣрѣ раздачи въ надѣлъ имѣвшихся при округахъ земельныхъ запасовъ, началось въ колоніяхъ, гдѣ ранѣе, гдѣ позже, дробленіе подворныхъ хозяйственныхъ участковъ. Но мѣра эта слишкомъ тѣсно связана съ условіями хозяйственнаго успѣха и потому обычай, опираясь на законъ, поставилъ раздѣлъ хозяйства почти повсемѣстно въ безусловную зависимость отъ согласія «лучшихъ хозяевъ», т. е. схода. Пользуясь этимъ правомъ, меннонитскія общества допускаютъ раздѣлъ земледѣльческаго двора крайне туго: въ 1841 г., Молочанскій округъ накопилъ уже болѣе 1,700 безземельныхъ семействъ на 1,033 хозяевъ; но ни одинъ изъ дворовъ еще не былъ раздѣленъ. Даже на 1867 г. мы находимъ здѣсь не болѣе 322 половинныхъ хозяйствъ, а всего 1,612 хозяевъ на 2,617 Anwohner'овъ и безземельныхъ семействъ. Понятно, что эти послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не могли найти необходимыхъ для существованія ихъ средствъ въ однихъ промыслахъ, ремеслахъ, торговлѣ и заработкахъ по округу. Отсюда, какъ увидимъ ниже, возникли весьма существенныя затрудненія.

При послѣдовательномъ развитіи лично-общинной системы обнаружили еще неудобства иного рода. Законодательство, устанавливая порядокъ общественнаго управленія колоній, говорить,

что на сельскій мірской сходъ созываются колонисты «не менѣе одного съ каждаго двора», и что выборы должностныхъ лицъ сельскаго и окружнаго управленія производятся изъ «совершеннолѣтнихъ колонистовъ, имѣющихъ собственное свое хозяйство». 70 лѣтъ тому назадъ термины «дворъ, хозяйство» не устраняли отъ участія въ сходахъ никого изъ представителей наличнаго числа колонистскихъ семействъ: каждая семья владѣла въ то время «дворомъ или хозяйствомъ»; слѣдовательно, она посылала на сходъ и своего представителя, какъ полноправнаго члена общества. Благодаря запаснымъ землямъ, у меннонитовъ такой правомѣрный составъ сходовъ и выборнаго ихъ начальства могъ удержаться довольно долгое время. Но увеличеніе меннонитскаго населенія шло такъ быстро, а сходы противились дробленію подворныхъ 65-дес. участковъ такъ упорно, что уже въ исходѣ 30-хъ годовъ масса накопившагося у нихъ безземельнаго населенія приводила въ раздумье наиболѣе опытные и проницательные умы. Основываясь на томъ, что употребляемые закономъ термины «дворъ, хозяйство» должны сохранять неизмѣнно свое первоначальное значеніе, хозяева допускали въ составъ сходовъ только распорядителя полнаго 65-десятинанаго двора, и исключительно за такими же «хозяевами» признавали право занимать должности по общественной выборной службѣ. Такимъ образомъ, при посредствѣ сходовъ и выборнаго начальства, эти хозяева сосредоточили въ своихъ рукахъ всю власть общественнаго самоуправления, и распоряжались, по собственному усмотрѣнію, средствами обществъ, привлекая нарождавшееся безземельное населеніе, по внутренней раскладкѣ, къ участію въ платежѣ сборовъ и отбыванію повинностей.

Съ другой стороны, хозяева постоянно выставляли знаменемъ своимъ: «образцовое 65-ти-дес. хозяйство», и, соотвѣтственно тому, позволяли заселеніе запасныхъ участковъ иначе, какъ на условіяхъ, требовавшихъ единовременной затраты на первоначальное обзаведеніе каждаго отдѣльнаго двора не менѣе 2—3 тысячъ руб. Подобную сумму могъ отдѣлать только зажиточный хозяинъ, слѣдовательно, на запасныхъ земляхъ водворялись одни братья, сыновья и т. д. такихъ именно хозяевъ; безземельные же и вообще потомство менѣе состоятельныхъ хозяевъ оставались и въ этомъ отношеніи ни при чемъ. Въ руки потомства зажиточныхъ хозяевъ переходили мало-по-малу даже дворы хозяевъ менѣе состоятельныхъ и обремененныхъ не въ мѣру народившимся составомъ семьи. Но обстоятельства эти мало кого заботили въ прежнее время. Въ 30-хъ годахъ, при Молочанскомъ меннонитскомъ округѣ все еще оставалось свободныхъ

Въ 1867 году, при урожаѣ озимыхъ самъ-4.0, а яровыхъ самъ-10.3 было получено четвертей 9,584 озим. и 296,265 яров., изъ которыхъ до 130,000 четвертей поступили въ продажу по цѣнѣ 10—13 р. четв.; сѣна же было собрано 376,181 и соломы — 2.543,675 пудовъ.

Отъ продажи сельскихъ произведеній хозяева выручили въ 1865 году:

а) Отъ скотоводства и овцеводства до	154,234 р.	} 452,126 р.
б) » земледѣлія и покосовъ	273,176 »	
в) » лѣсныхъ, садовыхъ и огородныхъ произведеній	16,796 »	
г) Отъ шелководства	7,920 »	

У нихъ состояло годовичныхъ работниковъ:

	МУЖ.	ЖЕН.	} 1658
Изъ мѣстныхъ обывателей	464	444	
» иностранцевъ	145	92	
» русскихъ	306	207	
Итого	915	743	

Расходы молочанскаго окружного общества составляли въ томъ же 1865 году:

1) Жалованье и содержаніе годовичныхъ слугъ	62,785 р.	} 403,364 р.
2) Поденщиковъ	31,281 »	
3) Содержаніе окружного управленія, врача и фельдшера	3,529 »	
4) Вознагражденіе погорѣльцевъ	7,455 »	
5) Содержаніе сельскихъ управленій	8,104 »	
6) » учителей	5,979 »	
7) » пастуховъ	10,683 »	
8) На покупку корма для скота	5,572 »	
9) На содержаніе хозяйствъ	242,666 »	
10) Подати и повинности	25,310 »	

Цифры эти, конечно, только приблизительно вѣрны; въ тому же онѣ даютъ понятіе только о болѣе крупныхъ и потому доступныхъ для статистичекихъ статей хозяйства. Для болѣе вѣрнаго въ этомъ отношеніи заключенія нужно принять еще въ со-

случаю эпидемія на червя; но съ 1866 г. мейнниты приобрѣли свѣжія сѣмена изъ Японіи, и отрасль эта снова дала блестящій результатъ.

ображеніе земли и заведенія, принадлежація въ полную собственность разнымъ молочанскимъ меннонитамъ въ предѣлахъ округа, а также торговые ихъ капиталы и т. д. Но и приведенныхъ цифръ достаточно, чтобы убѣдиться въ богатствѣ, обеспеченности и благоустроенности описываемаго нами водворенія. Казалось бы, что меннонитамъ нечего желать болѣе: ихъ дворы — зажиточныя фермы или дачи, утопающія въ зелени садовъ и плантацій; повсюду мы находимъ у нихъ, если не роскошь, то порядокъ, изобиліе и довольство. Но вездѣ есть пятна, и потому было бы неестественно не быть имъ и здѣсь. Чтобы отыскать эти пятна и показать оборотную сторону медали, намъ необходимо войти глубже въ дѣло и даже начать нѣсколько издалека.

Данный меннонитамъ въ началѣ колонизаціи «независимо отъ числа душъ» 65 дес. надѣлъ на семейство, равнялся подушному надѣлу въ 35—40 дес. Никто изъ поселенцевъ, кромѣ одной Сарепты и рибендорфскихъ колонистовъ, подобнаго надѣла не получалъ. Нѣкоторымъ колоніямъ, въ одной съ меннонитами мѣстности, было дано всего только по 15 дес. на душу. Точно также не всѣмъ колонистскимъ водвореніямъ были нарѣзаны запасныя земли на прибылое населеніе, если же таковыя были отведены, то далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ меннонитамъ. Слѣдовательно, не всѣ изъ колонистовъ имѣли столько возможности, какъ именно меннониты, образовывать постоянно новыя колоніи изъ молодыхъ семействъ, и при посредствѣ выселенія, поддерживать въ коренномъ водвореніи первоначальный значительный размѣръ надѣла, или, другими словами, предупреждать излишнее и отягогительное скучиваніе тамъ населенія. Плата подушный окладъ по 15 к., возвышенный только съ 1862 г. до 40, а со 2-й половины 1867 г. до 90 к. съ души; внося постоянную поземельную подать по 4½ к. ¹⁾ съ дес. надѣла, и такую же, или даже меньшую, съ запасной десятины; и обращая на свои нужды всѣ доходы отъ запасныхъ земель, продажи питей и другихъ общественныхъ статей, меннониты снова являются въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели всѣ остальные поселенцы южнаго края Россіи, которые, или обложены вышекю поземельною податью, по оцѣнкѣ, или уравниены по платежу податей и повинностей съ мѣстными крестьянами.

Такія огромныя преимущества, въ соединеніи съ энергическимъ трудомъ и знаніемъ дѣла, имѣли послѣдствіемъ блестящій успѣхъ меннонитскаго хозяйства. Но ни выгоды, ни успѣхи эти не были въ состояніи предупредить распаденіе населенія каждой

¹⁾ Съ 1862 г. поземельная подать возвышена на 25%, т. е. до 5½ коп. съ дес.

СЕКТАТОРЫ-КОЛОНИСТЫ

ВЪ Р О С С І И.

(Историческіе очерки.)

VII *).

Обращаясь къ дальнѣйшему описанію экономическихъ результатовъ, достигнутыхъ меннонитами, мы ограничиваемся, по преимуществу, однимъ Молочанскимъ округомъ, какъ самымъ значительнымъ и наиболѣе интереснымъ по вопросамъ внутренняго общественнаго развитія.

Въ этомъ округѣ въ 1866 г. состояло:

1) Домовъ жилыхъ: изъ жженого кирпича	1,263	} 3,154
изъ другихъ матеріаловъ	1,891	
изъ нихъ крыты черепицею	849	

2) Сиротъ обоого пола 2,406, имъ принадлежало: капитала 278,646 р.
имущества на 384,150 » } 662,796 р., т. е. болѣе 275 р. на каждую сироту, или до 660 на опеку, тогда какъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ приходилось въ томъ же году на одну опеку: въ Таврической губ. по 110, а въ Екатеринославской по 113 р.

3) Плуговъ 3,287, боронъ 4,240, нѣмецкихъ двуконныхъ фуръ 4,563, орудій для очистки полей отъ сорныхъ растений (Akkerhaken, Bugger) 1,090; плуговъ для сады картофеля 369;

*) См. выше, т. I, 258—300; II, 277—326; III, 665—722.

молотиловъ 22 и машинъ: сѣяльныхъ 31, восильныхъ 10; для просьва зерна—1,200 и для рѣзки соломы 181 ручныхъ и 348 конныхъ.

4) На ревизскую муж. пола душу приходилось: лошадей—1.2, головъ рогатаго скота 1.3, овецъ испанской породы и мериносовъ 4.7.

5) Мельницъ: водяныхъ мукомольныхъ 5, вѣтряныхъ 54, для выдѣлки крупы 17, и конныхъ 105; маслобень 42; заводовъ: кирпичныхъ 29, черепичныхъ 11, сукновальныхъ 2, пивоваренныхъ 2, гончарныхъ 2, винокуренныхъ 1, красильныхъ 14, уккусныхъ 4, для выжиганія извести 5, желѣзолитейныхъ 1, кожевенныхъ 2, и шелко-мотальныхъ 37; произведенія и издѣлія этихъ заведеній простирались въ 1866 г. на сумму болѣе 50,000 руб.

6) Мастеровыхъ: каменьщиковъ 16; ткачей 27; кузнецовъ 166; строительныхъ мастеровъ 50; столяровъ 58; товарей 11; телѣжниковъ 80; часовыхъ дѣлъ мастеровъ 2; портныхъ 46; красильщиковъ 15; мѣдниковъ 2; шорниковъ 11; машинистовъ 7; обручниковъ 7; переплетчиковъ 1; стекольщиковъ 18; слесарей 2; маляровъ 18; кожевниковъ 2; сапожниковъ 45. Ими занято было 820 рабочихъ обоого пола и произведено: а) на 51,751 р. разныхъ работъ и б) на 99,227 разныхъ земледѣльческихъ орудій, какъ-то: плуговъ, боронъ, фуръ и т. д., изъ числа воихъ продано на сторону, внѣ округа, на 61,862 р.

Въ 1865 г. урожай хлѣбовъ и травъ по тому же Молочанскому округу былъ посредственный, именно:

	ДЕС.	ПОСЯНО ЧЕТВ.	СОБРАНО УРОЖ. ЧЕТВ.
Ржи озимой	6,426	2,264	33,935
» яровой	23	10	31
Пшеницы яровой	21,254	10,230	73,474
» арнаутки	30	23	75
Овса	8,391	8,252	38,879
Ячменя	9,847	7,271	68,251
Проса	443	57	394
Картофеля	1,135	3,221	14,121
Гороху и чечевицы	105	52	99
Льна	68	10	4
Итого	47,725	31,394	229,267

Въ этомъ же году собрано сѣна до 867,785 и соломы до 1.372,107 пудовъ; смотаннаго шелку 24¹/₄ пуда¹⁾

1) Въ 1865 и предъидущихъ годахъ шелководство пришло въ крайній упадокъ, по

повсюду съ радостію, и довѣренностію къ производившимъ оныя духовнымъ особамъ, и съ благодареніемъ къ Господу Богу»...

Всѣ эти оговорки, столь подробныя и уважительныя, все-таки не договариваютъ дѣла вполне и очевидно борются противъ какихъ-то мнѣній, неблагоприятныхъ этому роду изданій. Мы увидимъ дальше, что самый переводъ св. писанія на русскій языкъ представлялся противникамъ Библ. Общества нарушеніемъ православія....

Между тѣмъ комитетъ предпринималъ новые труды и изданія. Онъ рѣшилъ, напр., сдѣлать изданіе Н. Завѣта на *осетинскомъ* языкѣ: переводъ доставленъ былъ осетинскимъ дворяниномъ Ялгузидзе, который перевелъ уже на осетинскій литургію и другія церковныя книги. Переводъ его былъ пересмотрѣнъ и съ благословеніемъ синода долженъ былъ печататься въ Москвѣ, подъ надзоромъ тамошняго комитета. Тобольское отдѣленіе готовило *киргизскій* переводъ Н. Завѣта. Члены шотландской колоніи (въ астраханскомъ отдѣленіи), вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ прибывшихъ въ Россію евангелическихъ пасторовъ, воспитанниковъ базельскаго (миссіонерскаго) института, нашли возможнымъ пересмотрѣть персидское изданіе новаго завѣта и вновь исправить его. Въ этомъ трудѣ имъ содѣйствовало, какъ собственное знаніе персидскаго языка, такъ и содѣйствіе ученыхъ персіянъ, между которыми они особенно указывали «обращеннаго въ христіанство извѣстнаго Магомета Али, при крещеніи названнаго Александромъ Казинбеемъ». Это — извѣстный ученый, А. К. Казембекъ, впоследствии профессоръ восточныхъ языковъ въ казанскомъ, а теперь въ петербургскомъ университетѣ. Комитетъ рѣшилъ напечатать и это исправленное изданіе, «получивъ достаточное удостовѣреніе въ надежности и основательности сдѣланнаго исправленія».

Въ Оренбургѣ открывалось новое, 58-е, отдѣленіе Общества.

Въ комитетъ поступило наконецъ и изданіе разныхъ частей св. писанія для *слѣпыхъ*, напечатанное извѣстнымъ образомъ, выпуклыми буквами. Это изданіе приготовила одна слѣпая дѣвица Анна Измайлова, которая выучилась этому печатанью въ петербургскомъ институтѣ слѣпыхъ. Она прислала 59 книгъ такого рода....

Въ іюльской книжкѣ «Извѣстій»¹⁾, на первой страницѣ помѣщенъ былъ Высочайшій рескриптъ на имя князя Голицына, данный 17 мая 1824, на Каменномъ островѣ. Въ рескриптѣ го-

¹⁾ Цензурная помѣта — 22 іюня.

ворилось, что императоръ, внявъ причинамъ, представленнымъ княземъ Голицынымъ, изъявлялъ согласіе на сложеніе имъ съ себя званія президента Россійскаго Библейскаго Общества, и затѣмъ считалъ приличнымъ быть предсѣдателемъ его старшему вице-президенту, митрополиту Серафиму. Голицыну повелѣвалось объявить объ этомъ комитету Общества, также какъ и объ увольненіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Попова отъ званія секретаря Общества, по его желанію. Доклады по дѣламъ общества должны были вноситься черезъ посредство князя Голицына.

29 мая, комитетъ Общества собрался подъ предсѣдательствомъ митрополита Серафима. По выслушаніи высочайшаго рескрипта, члены комитета привѣтствовали новаго предсѣдателя, который отвѣчалъ на привѣтствіе желаніемъ: «Дабы Господь ниспослалъ божественное благословеніе Свое на общіе труды ихъ, въ общей благой цѣли влоняющіеся, и поддержиль бы труды сіи всемогущимъ Своимъ содѣйствіемъ».

Удаленіе князя Голицына отъ президентства въ Библейскомъ комитетѣ было предисловіемъ къ близкому паденію всего Общества. Передъ тѣмъ, 15-го мая, князь Голицынъ пересталъ быть и министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Ему предоставлено было почтовое вѣдомство. Смѣна князя Голицына была смѣной всѣхъ взглядовъ правительства на дѣятельность Библейскаго Общества. Правда, оно пока еще не было уничтожено, но всякія надежды на его дальнѣйшее существованіе были потеряны. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ новый президентъ уже докладывалъ императору Александру о вредѣ Библейскаго Общества и необходимости его закрытія.

Послѣ удаленія князя Голицына, Библейское общество существовало, больше номинально, чѣмъ на дѣлѣ, еще около двухъ лѣтъ. Это было время его агоніи. Прежде чѣмъ рассказывать эти послѣднія событія, мы должны еще остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ исторіи Общества, на его внутреннемъ характерѣ, его положеніи въ общественной жизни. Это дастъ намъ возможность объяснить себѣ то ожесточенное преслѣдованіе, которое повело къ его окончателъному закрытію въ началѣ 1826 года.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

запасныхъ земель около 35,000 дес., которыя, впредь до заселенія, отдавались безземельнымъ подъ нашу изъ опредѣленнаго платежа; излишекъ же сбора, за уплатою казны оброка, поступалъ въ Окружную Кассу и употреблялся на разныя общественныя нужды. Сосѣдніе съ округомъ Ногайцы предоставляли желающимъ огромное количество своихъ земель за сравнительно ничтожную плату. Эти ресурсы долгое время вполне обезпечивали безземельность меннонитовъ, такъ что они, при помощи всякаго рода ремесль и промысловъ, не затруднялись въ средствахъ къ жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ безземельные не тяготились особенно и личнымъ безучастіемъ своимъ въ дѣлахъ общаго самоуправленія. Но такое положеніе во всякомъ случаѣ было ненормальное. Въ составъ безземельнаго класса уже около 1840 года сталъ входить почти весь процентъ нараждавшагося населенія. Возрастая въ числѣ, безземельные въ той же мѣрѣ начинали затрудняться изъ года въ годъ все замѣтнѣе въ удобствѣ заработковъ и снисканіи средствъ къ жизни. Затрудненія эти въ свою очередь отражались и на самыхъ хозяевахъ, связанныхъ съ безземельными принципомъ общиннымъ—крупною порукою.

Въ это время во главѣ Молочанскаго Округа, или, лучше сказать, всего Новороссійскаго меннонитскаго братства, стояла личность, въ высшей степени замѣчательная по безкорыстной энергіи, твердости характера, практически ясному уму и нравственной силѣ своей. Личность эта, посвятившая всю жизнь свою служенію обществу, ниго другой, какъ меннонитъ Іоаннъ Корнисъ, съ которымъ читатель встрѣчался уже въ очеркѣ о Радичевѣ, и подъ попеченіемъ котораго Гуттерцы на новомъ мѣстѣ водворенія сдѣлали такіе быстрые успѣхи въ своемъ хозяйственномъ устройствѣ. Значеніе Корниса обуславливалось не официальнымъ званіемъ его; онъ состоялъ лишь въ должности предсѣдателя молочанской Коммиссіи Сельскаго хозяйства¹⁾. Нравственное вліяніе Корниса выражалось даже на сосѣднихъ ногайцахъ и русскихъ крестьянахъ, изъ числа которыхъ нѣкоторая часть образовывала особая поселенія подъ непосредственнымъ его руководствомъ. Среди же самыхъ меннонитовъ слово этого лица чтилось едва ли не выше закона, въ тому же онъ пользовался и полнымъ довѣріемъ со стороны главнаго мѣстнаго начальства и высшаго центрального управленія. Отъ таковаго ума не могли ускользнуть конечные результаты, на встрѣчу которымъ

¹⁾ Такія Коммиссіи изъ колонистовъ существуютъ давно уже во всякомъ колонистскомъ округѣ.

шло меннонитское братство, достигшее около 1840 года апогея своего благосостоянія. А сознать—значило для Корниса дѣйствовать. Замѣчательна крайняя осторожность, съ которою онъ взялся за дѣло; и замѣчательны его приемы собственно какъ доказательство, что даже при огромномъ авторитетѣ его, онъ не находилъ удобнымъ прямо и откровенно приступить къ дѣлу, за которое въ послѣдствіи, понуждаемые крайностью, взялись нѣсколько безвѣстныхъ вожаковъ, во главѣ массы безземельныхъ. Но Корнисъ лучше всякаго другого зналъ свой народъ. Хозяева, ослѣпленные достигнутыми ими успѣхами, богатствомъ и властью, вполне увѣровали въ полную непогрѣшимость ихъ системы; вопросы же, занимавшіе Корниса, клонились къ устройству участи безземельныхъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ и приводились прежде всего къ необходимости нѣкоторыхъ пожертвованій со стороны хозяевъ. Обращаться къ послѣднимъ съ подобными предложеніями значило, въ то время, по-пусту тратить время, и, поднявъ бурю, кончить ничѣмъ. Подобный результатъ представлялся Корнису тѣмъ несомнѣннѣе, что само безземельное поселеніе, еще мало затрудненное въ матеріальномъ своемъ быту, относилось слишкомъ легкомысленно къ заботамъ о своей будущности. Къ тому же Корнисъ не могъ не знать, съ какимъ упорствомъ хозяева готовы отстаивать исключительныя права свои по общественному управленію, и всѣ вытекавшія для нихъ отсюда выгоды. Онъ обратился, поэтому, не къ сходамъ, а къ ревизовавшему колонію въ 1837 г., академикѣ Кеппену, доказывая ему, во-первыхъ, необходимость ограничиваться, при дальнѣйшемъ заселеніи запасныхъ при округѣ земель, менѣе стѣснительными условіями по первоначальному обзаведенію хозяйства, и отводомъ на дворъ не болѣе 35—40 дес.; а во-вторыхъ—пользу и настоятельную нужду въ образованіи центра, гдѣ торговцы, ремесленники и промышленники изъ безземельныхъ округовъ, скучиваясь, могли бы стянуть постепенно всѣ соответствующія ихъ потребностямъ интересы цѣлаго края, т. е. образовать нѣчто въ родѣ города. Самый выгодный, для осуществленія этой мысли, пунктъ составляла, по мѣстнымъ условіямъ, земледѣльческая колонія Гальбштадтъ, въ которой сходится узломъ всѣ главные почтовые и торговые пути края ¹⁾. Академикъ Кеппенъ вполне убѣдился доводами Корниса. Затрудненіе заключалось только въ томъ, какимъ образомъ согласить гальбштадтскихъ

¹⁾ Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за іюль и августъ 1867 г. корреспондентъ (кажется, изъ Бердянска) указываетъ на возникшее на мѣстѣ предположеніе устроить желѣзную дорогу между Гальбштадтомъ и г. Бердянскомъ. Слѣдовательно Гальбштадтъ и по сіе время сохраняетъ то значеніе, какое приписывать ему Корнисъ.

земледѣльцевъ на уступку нужнаго, для новаго поселенія, количества земли. Но въ этомъ случаѣ авторитетъ Корниса помогъ дѣлу. Благодаря его стараніямъ, сами гальбштадтцы представили Кеппену приговоръ, подписанный 16-ю хозяевами общества (всего тамъ 21 хозяинъ) о томъ, что они согласны уступить изъ своихъ общественныхъ земель 600 дес. подъ устройство торгово-ремесленной колоніи, «если имъ такое же количество будетъ прирѣзано изъ смежныхъ съ ихъ дачею пастбищныхъ мѣстъ общественной овчарни», т. е. изъ запасныхъ при округѣ земель. На этомъ основаніи, предполагалось водворить въ новой колоніи 200 ремесленно-промысловыхъ семействъ, надѣляя каждое по три дес. подъ усадьбу и выгонъ. Въ тоже время, 23 такихъ семействъ заявили Кеппену о готовности водвориться въ новой колоніи немедленно по отводѣ участка, если прирѣзано будетъ еще нѣкоторое количество земли для выпаса чумацкаго упряжнаго скота, такъ какъ съ развитіемъ торгово-промышленной дѣятельности новаго поселенія, ожидали усиленнаго наплыва сюда фурщикова.

Оба предположенія были представлены Кеппеномъ въ министерство по принадлежности; но здѣсь вниманіе обратилъ на себя только проектъ торгово-ремесленной колоніи. 2 іюля 1841 года, воспослѣдовало высочайшее повелѣніе учредить вновь предположенную колонію согласно проекту и, для этой цѣли, вырѣзать 800 дес. изъ дачи колоніи Гальбштадтъ, съ возмѣщеніемъ этой отрѣзки такою же прирѣзкою изъ смежныхъ запасныхъ участковъ.

Тѣмъ временемъ гальбштадтскіе земледѣльцы пришли къ иному заключенію. Видя, что усадебное мѣсто для новаго переселенія предназначалось подлѣ самой колоніи ихъ, и что Корнисъ настаивалъ сохранить за новой колоніей наименованіе «Гальбштадтъ», они поняли, что эта послѣдняя, будучи учреждена въ 200 сем., разовьется такъ быстро, что неминуемо поглотитъ ихъ собственную осѣдность. Они увѣрились въ этомъ окончательно, когда Корнисъ, вынужденный начальствомъ, прямо высказалъ, что ремесленная колонія въ скоромъ времени заставитъ гальбштадтскихъ хозяевъ или слиться съ нею, или переселиться на другое мѣсто. Ни то, ни другое не соотвѣтствовало желаніямъ послѣднихъ; такая жертва, въ пользу общаго блага, казалась имъ выше силъ, хотя, конечно, они могли быть вполне увѣрены, что въ случаѣ той или другой крайности, имъ будетъ оказана всевозможная помощь. Съ этого времени, сдѣлалось задачей гальбштадтскаго земледѣльческаго общества — воспрепятствовать всѣми силами осуществленію новой колоніи. Оно начало съ того, что воспользовалось своимъ вліяніемъ на прочихъ

хозяевъ округа и, при помощи ихъ, вводило въ составъ мѣстнаго, руководившаго дѣломъ устройства новаго поселенія, окружнаго приказа, непременно, хотя одного члена изъ своей среды. Съ этого времени постоянно можно встрѣтить гальбштадтскихъ хозяевъ, если не въ должности окружнаго головы, то въ званіи окружнаго засѣдателя, членовъ сельско-хозяйственной комиссіи и т. д. Гальбштадтское земледѣльческое общество успѣло, повидимому, склонить на свою сторону и главное мѣстное начальство. Впрочемъ, и самый проектъ колоніи былъ окончательно составленъ тѣмъ же мѣстнымъ начальствомъ, по предварительномъ согласіи съ гальбштадтскимъ земледѣльческимъ обществомъ, и ни въ проектѣ, ни въ распоряженіяхъ о приведеніи его въ исполненіе не было ближайшихъ и опредѣленныхъ указаній: въ какомъ порядкѣ производить отводъ земель подъ новую колонію, возмѣщеніе земледѣльцевъ за отходящія отъ нихъ угодья и т. д. И вотъ, вмѣсто того, чтобы, согласно основной системѣ колонизаціи, сразу вырѣзать въ особую дачу всѣ 800 дес., предназначенныя для новой колоніи, а доходы съ этихъ угодій обращать въ пользу новаго поселенія, крайне нуждавшагося въ такомъ подспорьи, мѣстное начальство распорядилось (1842 г.) отвести въ безотчетное пользованіе гальбштадтскаго земледѣльческаго общества 800 дес. изъ запасныхъ земель, а послѣднее обязано выдѣлять подъ новую колонію землю лишь по мѣрѣ явки поселенцевъ, по 3 десятины на каждую семью, на первый же разъ отвести до 70 дес. возвышенной и негодной для хозяйственной обработки мѣстности. Составленныя окружнымъ приказомъ, обще съ сельско-хозяйственною комиссіею, правила образцоваго заселенія новой колоніи получили равнымъ образомъ утвержденіе главнаго мѣстнаго начальства; ими завершилась невозможность успѣха колоніи. Корнисъ уже состарѣлся; идти на переکورъ такой всеобщей, со стороны хозяевъ, непріязни — было, повидимому, свыше силъ его; онъ ограничивался уже одними матеріальными пожертвованіями изъ собственныхъ средствъ, давшими возможность до 30 семьямъ устроиться въ новой колоніи согласно требованіямъ мѣстныхъ приказовъ и комиссіи. Но Корнисъ сошелъ въ могилу и дальнѣйшее развитіе его созданія совершенно пріостановилось, подавъ лишь поводъ къ непрерывнымъ столкновеніямъ между двумя смежными поселеніями. Гальбштадтскіе земледѣльцы, извлекая значительныя выгоды изъ доставшихся имъ, взаменъ негодныхъ 70 дес., 800 десятинъ отличной земли, устроили тамъ общественную овчарню, производили запашки и т. д., видимо богатѣя изъ года въ годъ. Напротивъ, горсть несчастныхъ сосѣдей ихъ билась какъ рыба объ ледъ, добиваясь развитія своего поселенія до нормальныхъ

размѣровъ. Они не переставали требовать прежде всего уступки въ ихъ распоряженіе всѣхъ предназначенныхъ въ пользу новаго поселенія 800 дес. Но напрасно, — противодѣйствіе хозяевъ неослабѣвало, а результатъ былъ тотъ, что само правительство распорядилось въ 1866 г.: 1-е) Прекратить дальнѣйшую, на основаніи высочайшаго повелѣнія 2 іюля 1841 г., приписку ремесленниковъ въ составъ гальбштадтскаго ремесленнаго общества и предоставить собственному усмотрѣнію послѣдняго дальнѣйшій приемъ въ свою среду, а равно и удаленіе по мірскимъ приговорамъ за неисправимое порочное поведеніе членовъ своихъ, на одинаковомъ основаніи съ другими сельскими обществами; 2-е) Состоящія въ пользованіи ремесленной колоніи 12 дес. подъ общественными зданіями и 16 дес. сѣновоса, съ правомъ пользованія водою изъ р. Молочной, а также на каждое приписанное къ колоніи семейство по 3 дес. усадебной, огородной и выгонной земли, оставить во всегдашнемъ пользованіи сего общества на правахъ казеннаго надѣла, и, сверхъ того, прирѣзать ремесленной колоніи еще до 100 дес.; и 3-е) Взамѣнъ отчуждаемыхъ изъ надѣла гальбштадтскихъ земледѣльцевъ угодій, прирѣзать имъ: а) за каждую десятину земли, состоящую собственно подъ постройками, огородами и сѣновосами ремесленной колоніи, по три дес.; и б) за остальные, отводимыя ремесленной колоніи выгонныя угодья — десятину за десятину, изъ переданныхъ земледѣльцамъ въ 1842 г. 800 дес. овчаренныхъ земель, остатки же этихъ послѣднихъ обратить въ пользованіе безземельныхъ молочанскаго меннонитскаго округа.

Такимъ образомъ, и предположенія Корниса не принесли безземельнымъ ожидаемой пользы, благодаря, конечно, близорукимъ и безупречнымъ дѣйствіямъ хозяевъ. Но масса безземельныхъ росла; запасныя земли такъ, или иначе, отходили въ надѣлъ, по прежнему, въ размѣрѣ 65 дес. на семейство. Наконецъ, совершенно неожиданное выселеніе въ Турцію ногайскихъ татаръ, водвореніе на ихъ земляхъ въ 1861 — 1863 гг., частью крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, частью же болгаро-славянъ изъ Турціи и Молдавіи, и — какъ прямое послѣдствіе этого переворота — неимоверное возрастаніе въ Таврической губерніи цѣна на наемъ земель, — все это привело къ тому, что масса безземельныхъ колонистовъ сразу потеряла возможность продолжать хлѣбопашество, на сторонѣ, вдали отъ мѣстъ постоянного жительства. Если же кто и продолжалъ этотъ промыселъ, тотъ вончалъ разореніемъ, тѣмъ болѣе, что съ указанными нами затрудненіями совпали нѣсколько лѣтъ въ ряду неурожаи хлѣбовъ и травъ.

Но затрудненія молочанскаго меннонитскаго водворенія касались не однихъ безземельныхъ; они дожились болѣе или менѣе тяжелымъ гнетомъ и на хозяевъ. По учетамъ за 1855—1865 гг., средній годичный чистый доходъ молочанскаго 65-десятиннаго хозяйства исчисленъ въ 55 р. 25 к., а у сосѣднихъ волонистовъ—при 60 дес.—только въ 8 р. 16¹/₄ к. 1)

1) Вотъ расчетъ, сдѣланный въ 1865 г. по молочанскому колонистскому округу, гдѣ хозяева надѣлены участками въ 60 дес. Въ теченіе 18⁵⁵/₆₀ гг., каждое хозяйство,— по среднему выводу,— собрало въ годъ: ржи 8¹/₈ четв., пшеницы 43 четв., ячменя 32²/₈ четв., овса 13⁸/₈ четв., проса 3¹/₂ мѣры, кукурузы 2 мѣры, бобовъ 1¹/₂ м.; чечевицы 2 гарн., гороху 4 гарнца; льняного сѣмени 5 мѣръ; коноплей 1¹/₂ гарн., и картофеля 14¹/₂ четв. Изъ этого количества употреблено самимъ хозяйствомъ, состоящимъ изъ 6 душъ и одного постояннаго работника: а) на продовольствіе: ржи 6⁵/₈ четв., пшеницы 7 четв., картофеля 8 четв., проса 3 мѣры; кукурузы 1⁸/₈ мѣр; бобовъ 1¹/₈ м., чечевицы 1¹/₂ гарн. и гороху 3 гарн.; б) на посылы: ржи на 3 дес 1¹/₂ четв., пшеницы на 15 дес. 7¹/₂ чет., ячменя на 4 дес. 3 чет., овса на 1 дес. 1 чет., проса на 1 дес. 4 гарн., кукурузы 2 гарн., бобовъ 2 гарн.; чечевицы ¹/₂ гарн.; гороху 1 гар., льняного сѣмени 4 гарн., на ¹/₂ дес. коноплей 4 четв. в) на прокормъ скота: ячменя 29⁸/₈ четв., овса 12⁸/₈ четв., сѣна обыкновенно недостаточно; соломы 603¹/₂ п. г) на продажу:

пшеницы . . .	28 ¹ / ₂ ч.	по 6 р.	—	171 р.
льняного сѣм.	4 ¹ / ₂ м.	— 9 р. ч.	5—	6 ¹ / ₄ к.
картофеля . . .	2 ¹ / ₈ ч.	— 2 — —	4—	50 —
соломы	360 п.	— 5 к.	—	18 —

итого на . . . 198 р. 56¹/₄ к.

При 60-дес. хозяйствѣ можно содержать 6 лошадей, 4 головы рогатаго скота, 80 овецъ, и предположить дохода отъ продажи: излишняго скота 35 р., овецъ — 25 р., шерсти — 60 р., масла и сыровъ — 20 р.; плодовъ и овощей — 20 р., отъ извоза и заработковъ 10 р.; итого 170 р., а всего доходъ съ хозяйства равняется 368 р. 56¹/₄ к.

Счетъ обыкновенныхъ расходовъ по такому хозяйству слѣдующій: на платѣ 6 душамъ 115 р.; на ремонтъ хозяйственныхъ строеній, заборовъ и т. д. 30 р., на исправленіе старыхъ и покупку новыхъ земледѣльческихъ орудій—30 р., на домашнюю утварь и посуду—10 р., на годового работника 80 р., на поденщиковъ во время сѣнокоса (4 челов. на 2 дня по 75 к.) 6 р. и на время жатвы (4 челов. 8 дней по 1 р. 20 к.) 38 р. 40 к.; на казенные сборы и уплату казеннаго долга—30 р., мірскаго сбора на содержаніе духовенства, учителя, врача, шульца, караульныхъ, пастуховъ и т. д. 11 р. на содержаніе общественныхъ зданій—4 р., на приобрѣтеніе племеннаго скота 2 р. пожарныхъ страховыхъ платежей 4 р. Всего 360 р. 40 к., за вычетомъ конкъ изъ 368 р. 56¹/₄ к. остается чистаго дохода 8 р. 16¹/₄ к.

Къ сожалѣнію, у насъ неимѣется подобнаго же расчета по меннонитскому округу; но еще болѣе жаль, что оба расчета сдѣланы съ предвзятой цѣлью—доказать невыгодность дробленія участковъ. Вслѣдствіе того, счетчикъ нашъ по молочанскому колонистскому округу продолжаетъ: «Если же на участкѣ въ 60 дес. существуетъ два хозяйства, то, при меньшемъ доходѣ, статьи расходныя возрастаютъ. Каждый изъ полонинныхъ хозяевъ будетъ содержать по крайней мѣрѣ по 4 лошади, по 4 головы рогатаго скота; слѣдовательно, имъ вѣстѣ нельзя имѣть болѣе 60 овецъ. Доходъ ихъ будетъ отъ продажи: излишняго скота 25 р.; овецъ 20 р.; шерсти 45 р.; масла и си-

Къ сожалѣнію, выводы эти сдѣланы съ предвзятою цѣлью — доказать невыгодность дробленія, хотя бы пополамъ, 65 и 60-десятиннаго двора; поэтому, они заслуживаютъ только весьма

ровъ 15 р.; плодовъ и овощей 15 р., а какъ для двухъ семействъ потребуется и двойное продовольствіе, то въ продажу можетъ быть обращено не болѣе: пшеницы 21½ четв. на 129 р.; льнянаго сѣмени 4½ мѣры — 5 р. 6¼ к., и наконецъ доходъ отъ извоза и заработковъ 10 р.; всего доходу 264 р. 6¼ к. Отъ остальныхъ произрастеній не можетъ быть доходу, такъ какъ ихъ едва ли достанетъ на продовольствіе семьи и во многихъ случаяхъ потребуется дополнительный сѣмъ земель для усиленія хозяйственныхъ средствъ. Расходы двухъ такихъ хозяйствъ слѣдующіе: одежда на 12 душъ — 150 р.; ремонтъ хозяйственныхъ зданій, заборовъ и т. д. — 30 р., ремонтъ хозяйственныхъ орудій — 40 р., на домашнюю утварь и посуду 15 р., на жалованье работника 80 р.; на поденщиковъ во время сѣнокоса 6 р. и жатвы 38 р. 40 к.; на казенные сборы и уплату казеннаго долга 36 р., на мірской сборъ 11 р., на общественнаго зданія 4 р.; на покупку племеннаго скота 2 р.; страховыхъ платежей 4 р., итого расходовъ 416 р. 40 к., т. е. дефицитъ противъ доходовъ на 152 р. 33¼ к.» Не имѣя намѣренія входить въ критическій разборъ разсчета, мы не можемъ однако не замѣтить, что здѣсь нѣкоторыя статьи дохода, какъ напр. съ извоза и заработковъ, отъ излишняго скота, съ масла, сировъ и т. д. при 8 лошадахъ, 8 головахъ рогатаго скота и 12 душахъ, не могутъ оставаться тѣми, какими эти статьи дохода приняты въ предъидущемъ разсчетѣ при 6 лошадахъ, 4 гол. скота и 6 душахъ, а должны быть несравненно выше. Напротивъ, статья расхода на наемъ работника и поденщиковъ, если не совершенно лишніе при 12 душъ, то во всякомъ случаѣ крайне преувеличены. Наконецъ, здѣсь вовсе нѣтъ дохода съ ремесла или промысла, что для двухъ семействъ въ 12 душъ возможный прибытокъ. Но, повторяемъ, составителю разсчета требовалось доказать невыгодность раздѣла 60-дес. хозяйства на два; — ну, и доказалъ. Очевидно, что въ этомъ разсчетѣ безземельные не принимали участія. Если бы хозяйство съ половиннымъ надѣломъ приносило убытокъ, то таковыхъ не существовало бы ни у молочанскихъ колонистовъ, ни у сосѣднихъ меннонитовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о дробленіи двора безъ разоренія хозяйства зависитъ сколько отъ экономическаго положенія края вообще, столько же въ частности — и отъ мѣстныхъ условій каждаго общества и даже отдѣльнаго участка; но не менѣе несомнѣнно и то, что сгущеніе населенія, развитіе новыхъ промысловъ и источниковъ дохода и т. д., приводятъ во всякой данной мѣстности къ возможности и даже къ полезности дробленія первоначальныхъ участковъ — на меньшіе дворы, размеры которыхъ дѣлается въ свою очередь нормальнымъ. Иначе, хортицкіе меннониты, находящіеся по земледѣлію въ болѣе тѣсныхъ условіяхъ, нежели молочанскіе поселенцы, едва ли бы признали своевременнымъ и возможнымъ дробить у себя 65-дес. дворъ на три хозяйства: на одно съ 32½ дес., и два — каждое съ 16¼ дес.

Намъ представился случай спросить по поводу этихъ разсчетовъ мнѣніе одного весьма почтеннаго, хорошо образованнаго и вполнѣ знакомаго съ мѣстными условіями молочанскаго меннонита. «Колонисты — отвѣтилъ онъ — ратующие противъ передѣла земли, обыкновенно указываютъ, какъ на важнѣйшее, истекующее изъ передѣла, неудобство, на то, что въ такомъ случаѣ «хозяйственные постройки» предадутся разоренію, тогда какъ требуются «хозяйства образцовыя». Но, во 1-хъ, молочане молочанскіе, которые не только не пользуются привилегіями, но, напротивъ, находятся на правахъ сѣмьно-поселенцевъ, имѣютъ несравненно болѣе обширныя и болѣе изящныя зданія, нежели большинство меннонитовъ, хотя земля надѣлена молочанамъ и они пользуются ею подушно, на общинномъ правѣ; и, во 2-хъ, нельзя утверждать, что об-

условное доврѣе. Иначе, приведенные выводы доказывали бы, что образцовость колонистскаго хозяйства слѣдуетъ искать не въ приходо-расходномъ балансѣ, а исключительно только въ условіяхъ наружной обстановки, въ богатствѣ построекъ и т. п.

разповое хозяйство дѣлается образцовымъ лишь въ силу большихъ и обширныхъ построекъ; напротивъ, образцовымъ можетъ быть справедливо названъ только тотъ способъ хозяйствованія, помощью котораго извлекается изъ земли *наибольшій доходъ при наименьшей затратѣ*. Средняя доходность хозяйствъ различная по каждой отдѣльной колоніи, вслѣдствіе чего для каждой же колоніи неодинакова и самая стоимость или цѣнность отдѣльнаго хозяйства. На Молочнѣ вообще хорошее хозяйство стоитъ 6—7,000 р., въ частности же въ колоніи Гнаденфельдъ (молочанскаго меннонитскаго округа) не болѣе 4—5,000 р., а въ маріупольскихъ меннонитскихъ колоніяхъ только 3—3,500 р.

Урожай самъ—10 молочанцы называютъ посредственнымъ. Такой урожай на 60-дес. хозяйственномъ участіи даетъ:

	Урожай	Цѣна	Итого
ржи . 1½ четв. посѣва	15 четв.	4 р.	— 60 р.
пшеницы 7½ — —	75 —	6 —	— 450 —
(въ 1866—1867 гг. цѣна была 10—12 р)			
ячменя 3 . — —	30 —	2—50 к.	75 —
овса . . . — —	13 —	2—50 —	32 —50 к.
проса . . . — —	5 мѣръ	3 —	1 —80 —
ячменя . . . — —	2½ —	4—80 —	1 —50 —
бобовъ . . . — —	2½ —	—	1 —50 —
чеченицы . — —	—	—	1 —
гороху . . . — —	—	—	1 —
льняного сѣмени — —	5 мѣръ	цѣна за чет. 9 р.	—5 —60 —
коноплянаго — —	2 —	—	8 р.—2 —
картофеля — —	40 четв.	—	2 р.—80 —
соломы 600 пудовъ — —	—	—	5 к. п. 30 —
конопелей и льну — —	—	—	25 —

Всего запашка въ 23½ дес., какъ обыкновенно бываетъ въ 60-дес. колонистскомъ хозяйствѣ, приноситъ при среднемъ урожаѣ на 806 р. 90 к.

Принимается расходъ счетчика 360 —40 —

Остается чистаго дохода отъ одной запашки 446 р 50 к.

Болѣ легкій способъ хозяйничанья—это овцеводство и скотоводство. Поэтому хозяева, высоко цѣня выгонныя и стѣпосныя угодья, изъ 60—65 дес. берутъ полъ пашню не болѣе 23½ д. «Разсчетъ мой—заключилъ нашъ меннонитъ—по всей справедливости, можетъ быть названъ среднимъ выводомъ; но изъ него видно, что хозяйственныя запашка въ южныхъ колоніяхъ весьма выгодна. Въ видахъ общей пользы желательно имѣть возможно больше земли подъ плугомъ, а этотъ результатъ явится непосредственно за передѣломъ земли, сохраняемой нынѣ хозяевами для своихъ овецъ и скотины».

VIII.

Хозяйственно-общественныя затрудненія меннонитовъ выразились прежде всего въ религіозныхъ движеніяхъ. Явленіе это не новое; уже не одинъ разъ оно повторялось въ исторіи, особенно сельскихъ состояній, легко обманывающихся относительно сущности причинъ гнетущаго ихъ недуга. Наружнымъ поводомъ въ внутреннимъ религіознымъ раздорамъ послужило у меннонитовъ то обстоятельство, что и до сего времени обрядная сторона ихъ богослуженія не установилась окончательно. Въ каждомъ приходѣ можно найти въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе существенныя различія. Такъ напр., таинство св. причащенія сопровождается во многихъ приходахъ обрядомъ омовенія ногъ, предшествующимъ таинству, или слѣдующимъ тотчасъ за совершеніемъ его; въ другихъ приходахъ омовеніе ногъ вовсе не исполняется. Подобныя разнорѣчія не подавали повода къ раздорамъ въ то время, когда масса населенія была довольна своимъ экономическимъ бытомъ. Но, по мѣрѣ ухудшенія послѣдняго и накопленія разныхъ въ отношеніи его затрудненій, росло число недовольныхъ. Не находя поддержки хозяевъ по вопросамъ экономическимъ, недовольные бросились въ другую сторону и стали агитировать въ области церкви. Это обстоятельство навело хозяевъ на мысль укрѣпить за собою такую же духовную власть, каковую, въ силу закона, они имѣли въ гражданскомъ быту. Достиженіе этой цѣли казалось нетруднымъ, такъ какъ духовные старшины и проповѣдники меннонитовъ принадлежатъ равнымъ образомъ къ разряду хозяевъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы создать для дѣлъ вѣры и церковнаго благочинія такую же центральную власть, какою является окружный приказъ въ сферѣ административно-полицейской и судебной. Въ этомъ смыслѣ съѣздъ духовныхъ старшинъ молочанскихъ меннонитовъ, большинствомъ голосовъ, постановилъ 7 апрѣля 1851 года — впредь именовать себя «церковнымъ конвентомъ», съ тѣмъ, чтобы всѣ возникающіе по округу спорные вопросы въ дѣлахъ церкви и церковнаго благочинія представлялись ему на окончательное разсмотрѣніе и разрѣшеніе. Хотя приговоръ этотъ состоялся по инициативѣ и съ согласія окружнаго приказа и былъ доведенъ до свѣдѣнія главнаго мѣстнаго попечительства, которое и съ своей стороны признало совершившійся фактъ, но тѣмъ не менѣе ни приказъ и самъ конвентъ не рѣшились опубликовать его въ братствѣ и предложить его къ всеобщему руководству: повидимому, они сознавали невозможность оправдать, по ученію Менно, установленіе

центральной церковной власти. Такимъ образомъ, *суп d'état* этотъ, по всей вѣроятности, остался бы втунѣ, если-бъ религиозно-нравственное положеніе братства не обнаруживало изо дня въ день постоянно усиливавшіеся признаки разложенія.

Особенно замѣчательна характеристика состоянія, за это время, братства, которую находимъ въ поданномъ въ 1863 г. церковному конвенту заявленіи меннонитовъ — братьевъ Ланге съ товарищами, о выдѣленіи ихъ въ особый приходъ. «При такомъ сомнительномъ положеніи — говорятъ они — въ какомъ находится, въ настоящее время, наша меннонитская колонизація, мы обязаны не только строго анализировать самихъ себя, но и высказать наши убѣжденія предъ конвентомъ. Благость и долготерпѣніе Божьи даровали народамъ во всѣ времена періоды спокойствія и милосердія, осыпая ихъ избыткомъ вещественныхъ богатствъ, съ цѣлью подвинуть къ покаянію (Посл. къ Римл. гл. 2 ст. 4). Точно также Онъ даровалъ и нашему братству въ колоніяхъ — въ теченіи послѣднихъ 50 лѣтъ — благосостояніе и миръ, въ надеждѣ сдѣлать изъ насъ истинный народъ Божій, народъ святой, обитель Святаго Духа. На обязанности старшинъ и учителей лежало, сознавъ эту благодать, прилагать всѣ силы къ тому, чтобы стараго вести по истинному пути, а молодежь воспитывать правильно, вселяя въ сердца страхъ Божій, познание Его святой воли, и такимъ образомъ въ новыхъ поколѣніяхъ возсоздать храмъ Всевышняго. Отъ старшинъ и ихъ совѣта вполнѣ зависѣло подвинуть все наше братство къ достиженію этой благой цѣли, такъ какъ ихъ поддерживали въ этомъ не только Слово Божіе, которое само по себѣ уже въ состояніи покорить міръ и его суетность, но также общины и начальство, почитавшія и любившія въ нихъ руководителей и отцовъ народа. Какое общество и кто изъ его отдѣльныхъ членовъ могъ-бы въ это время противостоять всесильному вліянію старшинъ и совѣта?»

«И слово Божіе и императорская воля вмѣняли старшинамъ въ обязанность пещись о томъ, чтобы въ общинахъ были найдены и воспитываемы вѣрные пастыри и добросовѣстные старшины, и чтобы нравственный уровень цѣлаго братства поднимался выше и выше. Но, вмѣсто того, чтобы сознать эту святую обязанность и въ сознаніи работать безустанно день и ночь, наши старшины и учителя ограничивались еженедѣльнымъ прочтеніемъ проповѣди, а во всемъ остальномъ они предоставляли каждому самому себѣ и его собственной заботѣ о суетныхъ благахъ. Они именовались и допускали титуловать себя «духовными и достопочтенными», но въ тоже время они ничѣмъ не отли-

чались отъ общей среды ни въ своихъ стремленіяхъ въ суетнымъ богатствамъ, ни по невѣжеству и совершенному равнодушію въ дѣлахъ вѣры; да, нерѣдко они были хуже другихъ. Въ то время, какъ совершенная неспособность нашихъ проповѣдниковъ вошла уже почти во всеобщее сознаніе; въ то время, какъ само собою уже ясно, что проповѣдники, лишеныя наитія Святаго Духа и серьезнаго образованія, вообще совершенно бесполезны, наши проповѣдники не только не сознаютъ собственной несостоятельности, но находятъ и совершенно излишнимъ всякое стремленіе, имѣющее цѣлью измѣнить къ лучшему такіе грустные порядки. Дошло, наконецъ, до того, что большинство, именующихъ себя «священствомъ Божиимъ», неспособны даже произнести молитву и сказать свое собственное толковое слово, не прибѣгая къ печатнымъ молитвенникамъ и проповѣдямъ, или, по словамъ апостола (1 посл. къ Тимоѳ. гл. 1 ст. 7): «Желая быть законоучителями, они не разумѣютъ ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что утверждаютъ». Юношество допускается къ крещенію и св. причастію безъ предварительнаго, достаточнаго поученія, ради формальности и обычая; оно остается въ полнѣйшемъ невѣжествѣ даже относительно существеннѣйшихъ истинъ сего и будущаго міра. Въ довершеніе всего, къ совершенной бездѣятельности нашихъ церковныхъ старшинъ присоединилось еще властолюбіе. Особымъ актомъ они, безъ согласія и полномочія общинъ, заявили себя предъ начальствомъ въ качествѣ высшаго духовнаго учрежденія, съ властью руководить, управлять и судить цѣлое братство. До этого времени къ вѣдѣнію совѣта старшинъ, конечно, относились совѣщанія объ общихъ нуждахъ, но постановленія его приводились въ исполненіе отнюдь не иначе, какъ съ предварительнаго согласія самихъ общинъ. Ни одинъ старшина, въ качествѣ полномочнаго представителя своей паствы, не имѣлъ, однако, права дать свое согласіе или подпись на мѣру, которая не была одобрена предварительно самимъ приходскимъ обществомъ. Напротивъ, послѣ переименованія себя въ «церковный конвентъ» совѣтъ старшинъ занялъ положеніе независимой отъ общинъ высшей власти и, въ силу этого, дозволилъ себѣ даже произвольно исключать изъ меннонитскаго братства такихъ людей, на удаленіе которыхъ изъ своей среды гражданское ихъ общество вовсе не соглашалось, вопреки обращеннымъ къ нему требованіямъ конвента,» и т. д. и т. д.

Къ упоминаемымъ здѣсь личностямъ, подвергавшимся преслѣдованіямъ конвента, принадлежатъ, прежде всего, послѣдователи севты Нүрпферъовъ¹⁾ (скавуновъ), которые, побуждаемые

¹⁾ Сektъ дано это названіе потому, что послѣдователи ея, по примѣру царя Да-

изложенными предъ симъ обстоятельствами, выдѣлились *первые* изъ среды старыхъ приходовъ. Стремясь къ возможному стѣсненію Hürfer'овъ и нуждаясь для этого въ опорѣ, нѣкоторые изъ болѣе рѣшительныхъ духовныхъ старшинъ стали ссылаться

вида, допускаютъ въ своихъ собраніяхъ музыку, и особымъ родомъ пляски или скачковъ выражаютъ свою радость и блаженство «въ благодати Духа.» Официальные источники, которыми мы пользовались, не даютъ положительныхъ указаній о догматическихъ различіяхъ, существующихъ между Hürfer'ами и прочими меннонитами. Обѣ партіи, какъ увидимъ ниже, именуютъ себя истинными послѣдователями Менно, но—кромѣ общихъ, бездоказательныхъ фразъ, ни та, ни другая въ подтвержденіе своей правоты не представила доказательствъ. Поэтому, желая разъяснить это обстоятельство, мы обращались къ одному молочанскому меннониту, отвѣтъ котораго, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ довѣріе.

«До настоящаго времени — пишетъ онъ намъ, въ февралѣ нынѣшняго года, — никто изъ Hürfer'овъ еще не пытался привести догматическое ученіе секты въ систему, изложивъ ее письменно. Молитвенныя собранія ихъ заняты, по преимуществу, наставительными бесѣдами, темой которыхъ служатъ разные тексты св. писанія, и гдѣмъ гимновъ, возбуждающихъ религиозное настроеніе. Такимъ образомъ, для сторонняго наблюдателя довольно не легко составить себѣ вполнѣ отчетливое понятіе о сущности догматовъ секты. Вѣришь всего то, что почти никакой существенной догматической розни между послѣднею и большинствомъ меннонитовъ не существуетъ, за исключеніемъ развѣ догмата искупленія человѣческаго рода, который, какъ фокусъ и трехугольный камень ученія Hürfer'овъ, понимаютъ они въ томъ смыслѣ, что примиреніе человѣка съ Богомъ, какъ совершившійся фактъ, имѣетъ мѣсто, не требуя со стороны человѣка ни нравственнаго возрожденія, ни особенной благодати, освещающей всѣ его помысленія и поступки». Hürfer'ы всѣ положенія своего ученія подкрѣпляютъ текстами стараго и новаго завѣтовъ, а также толкованіемъ ихъ въ сочиненіи Менно: «Fundamentallehre des christlichen Glaubens». Въ этомъ отношеніи трудно обличить Hürfer'овъ въ отступленіяхъ отъ меннонитскаго толка; искреннее увлеченіе, обнаруживаемое ими на словахъ и на дѣлѣ въ преданности своему ученію, не разъ уже приводило стороннихъ очевидцевъ къ замѣчанію: «не Hürfer'ы, а остальные меннониты измѣнили своему праучителю». Тѣмъ не менѣе замѣтное различіе между обѣими партіями все же существуетъ, но пока еще только въ обрядахъ, что впрочемъ само собою указываетъ какъ-бы на не вполнѣ еще выяснившуюся рознь въ догматическихъ воззрѣніяхъ. Дѣло въ томъ, что новороссійское меннонитское братство, со времени поселенія своего въ Россію, дѣйствительно допустило нѣкоторыя отступленія отъ основнаго ученія Менно. Такъ, духовные старшины братства, стремясь къ усиленію своего вліянія, вопреки Менно стали доказывать преемственную святость своего сана, перешедшую будто-бы къ нимъ, путемъ рукоположенія, непосредственно отъ апостоловъ. Однако противъ этой тенденціи возстали не одни Hürfer'ы, но и многіе изъ остальныхъ меннонитовъ. Другой спорный пунктъ—это обрядъ крещенія. Hürfer'ы совершаютъ крещеніе не иначе, какъ на открытомъ воздухѣ, погруженіемъ окрещаемого въ рѣкѣ и вообще текучей водѣ; прочіе же меннониты давно уже ограничиваются—обливаніемъ водою головы окрещаемого въ молитвенномъ домѣ. Подобныхъ обрядовыхъ различій можно-бы привести еще нѣсколько, но всѣ они не существенны и едва-ли заслуживаютъ вниманія. Важно однако по своимъ послѣдствіямъ обстоятельство, что меннонитскіе старшины, отвергая правильность совершаемыхъ Hürfer'ами браковъ, обрядъ которыхъ ограничивается благословеніемъ молодой четы родителями

на авторитетъ приговора 1851 г., и такимъ образомъ обнаружили существованіе этого акта. Большинство меннонитскаго братства было не мало смущено неожиданнымъ подчиненіемъ его церковному конвенту; но въ это время антагонизмъ между хозяевами и безземельными переходитъ уже въ открытую вражду. Одни, и въ числѣ ихъ даже одинъ или двое изъ старшинъ, находили церковный конвентъ учрежденіемъ, несогласнымъ съ духомъ и сущностью ученія Менно Симонса; но, подчиняясь большинству, люди эти молчали. Другіе, не разсуждая, признали совершившійся фактъ, въ надеждѣ, что при помощи конвента возстановится прежняя тишина въ округѣ. Но не смолчали и не покорились тѣ, противъ которыхъ собственно была направлена централизація церковной власти. Въ рукахъ этой части населенія, актъ 7 апрѣля 1851 г. сдѣлался только новымъ и притомъ весьма дѣйствительнымъ орудіемъ для усиленной агитаціи. Съ этого времени гюпферы получили возможность выставять себя ратующими за свободу совѣсти меннонитовъ, стѣсняемую «самозванною, незаконною консисторією». При такихъ условіяхъ, пропаганда болѣе прежняго находила себѣ послѣдователей даже въ средѣ хозяевъ; когда же церковные старшины, поддерживаемые выборнымъ начальствомъ, стали выступать противъ скауновъ все рѣшительнѣе, то послѣдніе открыто бросили перчатку конвенту. Соединившись, по приговору 6 января 1866 г., въ особую приходскую общину, Нүрферъы сообщили о томъ конвенту и окружному приказу. Въ силу этого акта, 50 семействъ разныхъ колоній выдѣлились окончательно изъ состава существующихъ меннонитскихъ приходовъ; власть конвента они признали незаконною и, подъ руководствомъ собственныхъ старшины и проповѣдниковъ, заявляли своею цѣлью — отстаивать истинное ученіе Менно Симонса, во всей строгости и простотѣ его. Конвентъ, въ постановленіи 18 января того же 1860 г., отвѣтилъ отлученіемъ членовъ новой общины отъ церкви. Соответственно сему, со стороны приказовъ, начались полицейскія преслѣдованія: штрафы, аресты, наказанія общественною работою. Но тщетно; всѣ эти мѣры не оказали желаемаго дѣйствія и привели только къ тому, что Нүрферъы впадали болѣе и болѣе въ фанатизмъ, а главные вожаки ихъ, срываясь отъ преслѣдованій въ другихъ колоніяхъ, вносили пропаганду и туда, даже въ приволжское водвореніе. Наконецъ, отлученіе членовъ новаго

женыхъ или невѣстъ, вносить дѣтей отъ такихъ браковъ въ число незаконнорожденныхъ, что неминуемо поведетъ впоследствии къ спорамъ и тяжбамъ по наследственнымъ дѣламъ.

прихода отъ церкви привело ихъ вскорѣ въ крайне стѣсненное положеніе, какъ по хозяйству, такъ и въ общественномъ быту.

Нехотя, скрѣпя сердце, Нүрпферъ обратились за защитой къ правительству. Мы говоримъ нехотя — потому, что меннониты, какъ всѣ сектаторы, всячески стараются обойтись безъ административнаго вмѣшательства, особенно по вопросамъ вѣры. Не утруждать правительства жалобами и дрязгами — было до того времени однимъ изъ руководствующихъ правилъ меннонитскаго братства, и нарушеніе этого правила, особенно частое со стороны безземельныхъ, служило приказамъ даже официальнымъ мотивомъ для присужденія взысканій и штрафовъ, на томъ основаніи, что подобныя жалобы, роняя «вѣковую, унаслѣдованную отъ отцовъ славу мирныхъ, примѣрныхъ гражданъ», вредятъ доброму имени и интересамъ всего братства.

Почти всякая частная жалоба со стороны безземельныхъ меннонитовъ начинается оговорками: «въ крайнему прискорбію, въ стыду братства» и т. п. Уполномоченный же Нүрпферъ, явившись въ Петербургъ, даже болѣе года хлопоталъ объ отводѣ земли на Кавказѣ, прежде чѣмъ высказалъ откровенно истинное положеніе дѣла на мѣстѣ. Только крайность — отказъ въ высылкѣ паспорта — вынудила его, наконецъ, повѣдать начальству суть распри.

IX.

Рядомъ съ религіозной неурядицей, шель, тѣмъ временемъ, стесcendo раздоръ и въ сферѣ общественно-экономической. Въ теченіе 50-хъ годовъ, казна воспользовалась не малымъ доходомъ отъ множества просьбъ, отправлявшихся со стороны колонистскихъ обществъ южнаго края въ Петербургъ, съ ходатайствомъ объ отводѣ имъ новыхъ земель. Еще многочисленнѣе стали эти ходатайства, когда, по выходѣ татаръ и ногайцевъ въ Турцію, сдѣлались свободными огромныя территоріи въ Таврической губерніи и Кубанской области.

Но взглядъ правительства на дѣло колонизаціи совершенно измѣнился. Привилегіи, которыми пользуются колонисты, оказываются болѣе и болѣе неудобными, особенно въ виду происходящаго слиянія сельскихъ состояній, открытія земскихъ учреждений и т. д. Давать колонистамъ дополнительно земли въ прежнемъ порядкѣ — значило бы содѣйствовать распространенію ихъ въ качествѣ привилегированнаго состоянія. Къ тому же посе-

ленцы южнаго края, заявлявшіе таѣ настоятельно о нуждахъ своихъ, на первый взглядъ вовсе не терпятъ особеннаго стѣсненія по землевладѣнію. По крайней мѣрѣ, въ общей сложности, они почти повсюду владѣютъ бѣльшимъ надѣломъ, нежели ихъ сосѣди изъ русскихъ крестьянъ. Въ виду сего, всѣ ходатайства колонистовъ были отклоняемы. Правительство указывало имъ, чтобы они довольствовались тѣми угодьями, которыя имъ даны. Общества замолчали, но заговорили безземельные поселенцы, для которыхъ собственно общества и испрашивали дополнительные надѣлы. Получивъ равнымъ образомъ отказъ, безземельное население обратилось уже прямо къ своимъ обществамъ, т. е. къ хозяевамъ, требуя отъ нихъ помощи. вмѣсто сочувствія, оно на первыхъ порахъ встрѣтило здѣсь или холодное равнодушіе, или даже явную неприязнь. Но безземельные не отступали, и вотъ снова начались штрафы, аресты, общественныя, въ видѣ наказанія, работы и т. д. Взаимная неприязнь между хозяевами и безземельными привела мѣстами къ явному разрыву въ сферѣ общественно-экономической. Кризисъ этотъ выразился во всѣхъ колоніяхъ южнаго края, но нигдѣ не сопровождался онъ такимъ ожесточеніемъ партій, какъ, именно, у молочанскихъ меннонитовъ. Замѣна татарскаго населенія Таврической губерніи переселенцами-земледѣльцами, неуступавшими за безцѣнокъ своихъ угодій, произвела здѣсь слишкомъ неожиданный и рѣзкій переломъ въ хозяйственныхъ условіяхъ цѣлаго края. Къ тому же съ экономическимъ кризисомъ шло рука объ руку движеніе религиозное; даже смиренные гуттерцы вздумали-было возвратиться къ коммунальному устройству своихъ праотцевъ. Въ рукахъ хозяевъ — богатство, власть; на сторонѣ ихъ противниковъ — масса, нужда и юридическое право. Не будучи въ состояніи ни одолѣть хозяевъ путемъ легальнымъ, ни склонить ихъ на добровольныя уступки въ общественно-экономическомъ быту и на терпимость въ церковномъ отношеніи, безземельные, какъ прежде и гнопферы, обратились къ правительству. Они стали ходатайствовать во-1-хъ, о допущеніи ихъ въ составъ сельскихъ сходовъ на общемъ съ хозяевами основаніи; и во-2-хъ, о понужденіи обществъ къ устройству ихъ участи, или приобрѣтеніемъ для нихъ земель на счетъ общественныхъ средствъ, или же при помощи уравнительнаго передѣла угодій общественнаго земельного владѣнія, какъ собственности не лично кого-либо, а цѣлаго общества.

Изъ множества прошеній, отправленныхъ со стороны безземельныхъ въ Петербургъ, приводимъ для примѣра выписки лишь

изъ одного ¹⁾). Этими выписками достаточно уяснится для читателя содержание всѣхъ остальныхъ подобныхъ бумагъ.

Тамъ говорится, между прочимъ: «Безземельный, хоть бы онъ былъ отцомъ 8 — 10 душъ, не имѣетъ въ своемъ пользованіи ни клочка земли, гдѣ бы онъ могъ взрости, для пропитанія семьи, мѣры картофеля или хлѣба; хозяева не уступаютъ нисколько земли даже за арендную плату, а если гдѣ и случится снять, то за $\frac{1}{4}$ дес. залежей берутъ 3 — 4 руб. Безземельному дозволяется имѣть на общественномъ выгонѣ не болѣе двухъ головъ скота, и то не иначе, какъ съ уплатою по 1 р. съ головы за подножный кормъ и опредѣленной части содержанія для пастуха — хлѣбомъ и деньгами. Безземельные обязаны, наравнѣ съ хозяевами, дѣлать дешевую ссыпку хлѣба въ общественный магазинъ, хотя у нихъ нѣтъ ни клочка пашни. Въ тоже время они, какъ не полноправные члены общества, устранены отъ участія въ сельскомъ сходѣ и въ выборѣ должностныхъ лицъ. Сборы казенные и общественные взыскиваются по уравнительной раскладкѣ на число душъ и случается, что безземельный отецъ большого семейства — обязанъ большею уплатою, нежели малосемейный хозяинъ. Правда, безземельному предоставляется свобода участвовать ежегодно въ торгахъ на отдачу подъ пашню нѣкоторой части, такъ называемой негодной общественной земли (Shaadrud); но и здѣсь конкуренція хозяевъ доводитъ цѣну за десятину до 10 — 15 р. годичной платы. А какъ сборы уравниваются по числу душъ, то мы просимъ распорядиться и уравнительнымъ на число душъ передѣломъ всѣхъ общественныхъ земельныхъ угодій. Случаи, что младшій сынъ не можетъ управлять хозяйствомъ по несовершеннолѣтію, встрѣчаются слишкомъ часто, и необходимость вынуждаетъ продавать такія хозяйства въ чужія руки за 3 — 4 тысячи руб. Такимъ образомъ, родныя дѣти умершаго владѣльца навсегда устраняются отъ родного отцовскаго очага и вступаютъ въ составъ безземельнаго класса.

«Безземельные обращались въ окружной приказъ съ просьбою войти въ ихъ стѣсненное положеніе и довести о томъ до свѣдѣнія вышаго начальства. Но приказъ далекъ отъ исполненія почтительнаго ихъ желанія. Напротивъ, онъ облекъ въ форму общественныхъ приговоровъ превратную и несоотвѣтствующую нуждамъ безземельныхъ предположеніе свое: раздать остатки запасныхъ земель, до 4000 дес., въ надѣлъ по 60 дес. на семей-

¹⁾ Просьба уполномоченныхъ отъ безземельнаго поселенія колоній Вейнау и Костгеймъ, молочанскаго колонистскаго округа Таврической губерціи.

ство. Раздача эта составляла бы незаслуженное преимущество, даваемое малому числу семействъ, въ ущербъ всѣхъ остальныхъ. Но это дѣлается въ угоду хозяевамъ, съ которыми привязь только и совѣтуется, признавая исключительно за ними право представительства за все наше общество. Около 70 сем. сдѣлаются счастливыми, а остальные лишатся даже той выгоды, какую они находили до сего времени въ возможности брать мады, изъ запасныхъ земель, пай въ свое пользованіе изъ оброва», и такъ далѣе.

Сверхъ подобныхъ же жалобъ, по молочанскому меннонитскому округу безземельные обнаружили тамъ еще другія обстоятельства, указывающія на характеръ той системы управленія, которой держались хозяева, въ ущербъ интересовъ безземельнаго населенія. Не говоря уже о томъ, что запасныя земли, заселяясь не иначе, какъ образцовыми 65-дес. хозяйствами, отходили въ надѣлъ сыновей и ближайшихъ родственниковъ однихъ зажиточныхъ хозяевъ, нѣкоторые отдѣльныя личности изъ числа послѣднихъ сумѣли забрать въ свое личное пользованіе болѣе или менѣе значительныя участки тѣхъ же запасныхъ земель. Хотя эти лица не всегда удовлетворяли или даже вовсе не исполняли условій, на которыхъ поступили такіе участки въ ихъ пользованіе, но, тѣмъ не менѣе, ни слоды изъ хозяевъ, ни выборное начальство изъ тѣхъ же хозяевъ не находили, повидимому, ничего несправедливаго въ подобномъ захватѣ поземельной собственности, данной на «прибыльное населеніе», т. е. въ пользу безземельныхъ. Такъ, напримѣръ, въ 1820-хъ годахъ, меннонитъ Яковъ Реймеръ устроилъ на запасныхъ земляхъ водяную мельницу съ жилыми и усадебными строеніями и завелъ возлѣ мельницы фруктовый садъ, подъ который, съ разрѣшенія бывшаго главнаго попечителя, занялъ безвозмездно 4 десятины. Впослѣдствіи, взявъ въ арендное содержаніе еще нѣсколько десятинъ; Реймеръ развелъ на нихъ лѣсныя школы и плантаціи. Въ 1843 году, заведеніе Реймера представляло, по выраженію мѣстнаго начальства, «прекраснѣйшій оазисъ среди степей», названный фольваркомъ Фельзенталь. «Оазисъ» этотъ приносилъ значительную пользу самому хозяину и окружающей мѣстности, но не безземельнымъ, батрачившимъ на того же Реймера. Наконецъ возникло даже ходатайство объ оставленіи за послѣднимъ фольварка, если не на правахъ собственности, то на правахъ надѣла. Ходатайство это одинаково подкрѣпляли и выборные, и главные мѣстныя начальства, полагавшія оочательно прирѣзать къ фольварку 260 десятинъ. Но правительство въ томъ же 1843 году распорядилось: «Землю, на которой сдѣланы заведенія и учреж-

денъ плантаціи, оставить Реймеру, а прочую землю отдавать по оброку до того времени, пока она не понадобится обществу». Въ настоящее время, вслѣдствіе жалобъ безземельныхъ, мѣстное дознаніе обнаружило, что при фольваркѣ Фельзенталѣ состояло: до 57 десятинъ, утвержденныхъ за Реймеромъ взаимнъ надѣла въ колоніяхъ, и 120¹/₂ дес. изъ оброка по 4¹/₂ к. за дес., да сверхъ того 136¹/₂ дес. степи, за которыя Реймеръ вносилъ въ окружную кассу оброкъ отъ 30 до 43¹/₂ к. за десятину. Поэтому, въ 1861 году, послѣдовало разрѣшеніе: 1) 177 десятинъ, занятыхъ заведеніями, садомъ, лѣсными шеолами и плантаціею, признать неотъемлемою принадлежностью фольварка и, оставивъ ихъ на прежнихъ условіяхъ во владѣніи наслѣдниковъ умершаго тѣмъ временемъ Реймера, вмѣнить молочанскому окружному приказу въ обязанность наблюсти, чтобы фольваркъ, не раздробляясь по наслѣдованію и т. д., содѣйствовалъ и впредь развитію садоводства и лѣсоразведенія въ краѣ, и 2) остальные 136¹/₂ десятины, какъ не занятые плантаціями, передать въ пользованіе безземельныхъ.

Вотъ еще примѣръ. Въ 1824 году, меннонитъ Классенъ исходатайствовалъ себѣ въ исключительное пользованіе 3,000 дес. изъ тѣхъ же запасныхъ при округѣ земель, обязываясь устроить на нихъ суконную фабрику и тонкорунное овцеводство. Правительство согласилось, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы земля эта была отведена собственно «изъ пространствъ, негодныхъ для хлѣбопашества» и чтобы фабрика пользовалась ею «подъ выпасъ мериносовъ лишь до тѣхъ поръ, пока она будетъ дѣйствовать». Фабрика была дѣйствительно устроена, но или вовсе не дѣйствовала, или дѣйствіе ея оказывалось совершенно ничтожнымъ. Невольно рождается мысль, не служило ли заведеніе это лишь благовиднымъ предлогомъ для захвата 3,000 дес., тѣмъ болѣе, что главный доходъ изъ участка владѣлецъ извлекалъ не при посредствѣ фабрики и овцеводства, а отдачею земли, вопреки условію, подъ распашку безземельнымъ. Въ 1866 году правительство прекратило и это зло, давъ означеннымъ землямъ употребленіе согласно ихъ прямому назначенію. Но замѣчательно, что дѣло это обнаружилось только спустя 40 лѣтъ и то не по инициативѣ хозяевъ или выборнаго ихъ начальства, на прямой обязанности котораго лежалъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ Классеномъ своихъ обязательствъ.

Равнымъ образомъ изъ запасныхъ земель состояли еще 3,595 десятинъ при дачѣ Юшанле и 3,257 дес. при дачѣ Штейнбахъ въ безпереоброчномъ пользованіи двухъ отдѣльныхъ меннонитовъ, владѣльцевъ этихъ дачъ.

Безземельные обвиняли меннонитскихъ хозяевъ еще въ слѣдующихъ стѣсненіяхъ. Пользуясь самовольно, т. е. бесплатно, подножнымъ кормомъ на пролегающихъ чрезъ округъ солевозныхъ трактахъ двухъ-верстной ширины, хозяева берутъ съ безземельныхъ за выпасъ отъ 50 к. до 1 рубля съ головы скота, котораго притомъ допускаютъ на выгонъ не болѣе 2—3 штукъ на семью. Они сберегаютъ этимъ путемъ выгонныя угодья своего надѣла, а траву на послѣднихъ продаютъ на скосъ тѣмъ же безземельнымъ. Кромѣ того въ общественное владѣніе округа, сверхъ надѣла по 65 десятинъ на семейство, отведено до 7,950 дес. такъ называемой неудобной земли. Этими угодьями, изъ которыхъ наберется дѣйствительно неудобныхъ не болѣе 2,500 дес., равнымъ образомъ пользовались исключительно одни хозяева, даже вопреки положительному закону ¹⁾. Наконецъ всѣ доходы, извлекаемые по преимуществу изъ запасныхъ земель, составляющихъ принадлежность безземельныхъ, а не хозяевъ, обращались послѣдними на такія общественныя нужды, которыя надлежало бы удовлетворять изъ суммъ мірскаго сбора по внутренней раскладкѣ, т. е. главнѣйше изъ собственныхъ средствъ хозяевъ.

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ возбуждала постоянно всеобщее среди безземельнаго класса неудовольствіе, которое не могло, конечно, не подѣйствовать и на меннонитскихъ хозяевъ. Казалось бы, что жалобы безземельныхъ должны были привести хозяевъ прежде всего къ устраненію тѣхъ несправедливостей, которыя попускались въ ущербъ интересовъ безземельныхъ по раздачѣ запасныхъ земель. Но на дѣлѣ вышло иначе. Сознавая, что исключительная власть ихъ приближается къ концу, хозяева попытались только извлечь изъ своего положенія возможную выгоду. Въ этихъ видахъ, они предположили окончательно раздать въ надѣлъ безземельнымъ весь остатокъ запасныхъ угодій, въ размѣрѣ 32¹/₂ дес. на семью, рассчитывая, конечно, надѣлить этой землею своихъ ближнихъ родичей.

Правительство обратило тѣмъ временемъ самое серьезное вниманіе на вопросъ объ устройствѣ безземельнаго населенія южныхъ колоній. Собранныя по этому предмету въ 1862 и 1863 гг. подробныя свѣдѣнія привели его къ убѣжденію, что здѣсь настоятельно необходимы неотложныя и коренныя мѣропріятія. Правительство поставило себѣ задачу, направить настоящее дѣло такимъ образомъ, чтобы не насилуя и не нарушая существующихъ въ колоніяхъ поземельныхъ отношеній, достигнуть разрѣшенія вопроса, безъ новыхъ со стороны казны пожертво-

¹⁾ Ст. 156 уст. о кол., ч. 2, т. XII св. зак., изд. 1857 года.

ваній въ пользу колонистовъ; дополнительный же земельный отводъ отъ казны допускать только въ видѣ исключительной, крайней мѣры тамъ, гдѣ сами общества будутъ положительно лишены всякой возможности иначе пристроить избытокъ своего населенія. Исходя изъ этихъ основныхъ соображеній, правительству оставалось содѣйствовать обществамъ мѣрами законодательными и административными въ устройствѣ ихъ быта на основаніяхъ, соотвѣтствующихъ современнымъ ихъ потребностямъ.

Прежде всего представилось необходимымъ приступить къ пересмотру законовъ о наслѣдованіи колонистовъ въ земляхъ и имуществѣ (ст. 169 — 179 уст. о кол.). Главная цѣль этой работы та, чтобы уничтожить несоотвѣтствующее обычаемъ поселенцевъ миноратство въ наслѣдованіи хозяйствомъ съ земельнымъ участкомъ, и допустить дробимость двора путемъ наслѣдованія, раздѣловъ и т. д., въ той мѣрѣ, въ какой измелъченіе двора опытъ призналъ соотвѣтственнымъ мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ. Вообще же предстоитъ согласовать, по возможности, эти законоположенія съ обычнымъ правомъ поселенцевъ. Проектъ предположенныхъ измѣненій былъ сообщенъ на предварительное обсужденіе и заключеніе главныхъ мѣстныхъ начальствъ колоній—выборнаго ихъ начальства и самихъ обществъ. Населеніе повсюду встрѣтило проектъ съ полнымъ сочувствіемъ, какъ мѣру, необходимость которой давно уже сознавалась на мѣстахъ. Въ настоящее же время вопросъ этотъ разсматривается, сколько намъ извѣстно, путемъ законодательнымъ.

Далѣе, настояла надобность достигнуть болѣе правомѣрнаго состава сельскихъ сходовъ. Настоящій вопросъ, сколько знаемъ, получить въ скоромъ времени окончательное разрѣшеніе въ законодательномъ же порядкѣ, а между тѣмъ, въ силу особаго высочайшаго повелѣнія 14 февраля 1866 г., допущены въ составъ сходовъ всѣ владѣльцы двора независимо отъ того, имѣютъ-ли они полевой надѣлъ или нѣтъ. На этомъ основаніи по Молочанскому меннонитскому округу въ 1,612 хозяевамъ разомъ присоединились на сходахъ еще 1,493 малоусадебныхъ владѣльцевъ (Anwohner'овъ).

Въ 1864 г. разрѣшено: тѣмъ изъ меннонитовъ и колонистовъ южнаго края Россіи, кои пожелаютъ, на основаніи общихъ правилъ ¹⁾, водвориться въ областяхъ Амурской и Приморской, и на увольненіе воихъ изъ колонистскаго званія подлежащія общества, въ особѣ составленныхъ мірскихъ приговорахъ, изъ-

¹⁾ Высоч. утв. въ мартѣ 1861 г. правила о поселеніи въ Восточной Сибирѣ русскихъ и иностранцевъ.

являть согласіе, съ принятіемъ на себя до новой народной переписи всѣхъ подлежащихъ съ такихъ лицъ податей и повинностей, выдавать подлежащія для проѣзда въ Восточную Сибирь виды, но не иначе, какъ обязавъ предварительно такихъ переселенцевъ подписками въ томъ, что, съ оставленіемъ колоній, они за себя и за своихъ потомковъ навсегда отказываются отъ присвоенныхъ имъ по нынѣшнему званію привилегій, и потому, въ случаѣ невыѣзда въ Сибирь, обязаны будутъ избрать родъ жизни на общемъ для податныхъ состояній основаніи ¹⁾).

Въ январѣ 1865 г. утверждены и переданы мѣстному начальству особыя правила о выдачѣ колонистскимъ обществамъ и товариществамъ, а также отдѣльнымъ поселенцамъ южнаго края Россіи, долгосрочныхъ 6% ссудъ изъ принадлежащаго водворенію ихъ общественнаго капитала («капиталь виннаго откупа» до 230 тыс. руб.), въ видахъ содѣйствія къ приобрѣтенію и упроченію ими за собою земель въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабской области.

Въ августѣ 1866 г. сдѣлано распоряженіе, чтобы при происходящей повѣркѣ земельного владѣнія южныхъ колоній принято было за правило не измѣнять границъ первоначальнаго надѣла; а если обнаружится въ составѣ данной колонистской дачи излишекъ земли противъ нормальнаго надѣла, то, не отбирая сего излишка, обязывать общества безмездно отводить изъ него болѣе состоятельнымъ изъ безземельныхъ семействъ усадебныя мѣста, въ размѣрѣ до одной дес. на каждое.

Независимо отъ выше приведенныхъ мѣропріятій, еще въ іюнѣ 1864 г. послѣдовало распоряженіе: обратить подъ водвореніе безземельныхъ колонистовъ всѣ имѣющіяся при Молочанскомъ меннонитскомъ округѣ запасныя и овчаренныя земли, надѣляя каждую семью, согласно заключенію мѣстныхъ главнаго и выборнаго начальствъ и общества хозяевъ, по 32¹/₂ дес., съ тѣмъ, чтобы общества вновь имѣющихъ образоваться поселенческихъ колоній не были стѣснены въ избраніи ими того или другого способа внутренняго между отдѣльными членами распредѣленія угодій; и б) объявить всѣмъ колонистскимъ обществамъ, что могутъ быть отведены подъ поселеніе желающихъ изъ колонистовъ свободные казенные участки, но не иначе, какъ на основаніи дѣйствующихъ для крестьянъ общихъ правилъ и на тѣхъ условіяхъ, въ зависимость отъ которыхъ поставленъ выпускъ колонистовъ изъ общества для водворенія въ Восточной Сибири.

¹⁾ Высоч. утв. 21 іюля 1864 г. положеніе бывшаго сибирскаго комитета.

Общій смыслъ всѣхъ этихъ мѣръ и распоряженій не могъ не убѣдить колонистовъ, что прошло время, когда имъ щедрою рукою раздавались и земли, и льготы, и различнаго рода преимущества и что имъ слѣдуетъ искать разумнаго сближенія съ общимъ государственнымъ строемъ, разсчитывая только на свои собственныя матеріальныя средства и ожидая отъ правительства полной готовности содѣйствовать имъ лишь въ разумномъ обращеніи этихъ средствъ на общую и частную пользу поселенцевъ. Такая постановка вопроса возлагаетъ заботу объ устройствѣ безземельнаго населенія прежде всего на средства самихъ обществъ и, думаемъ, что мѣра эта вполне справедлива. Извѣстная уже читателю ст. 159 уст. о кол. обезпечиваетъ за всѣми членами колонистскаго общества полную равноправность по землевладѣнію. Если же, въ силу лично-общинной системы, часть населенія не можетъ осуществить свое право на непосредственное пользованіе общественными угодьями, то, тѣмъ не менѣе, *право это остается за безземельнымъ населеніемъ колоніи въ принципѣ*. Отсюда истекаетъ прямая обязанность для хозяевъ, преимущественно владѣющихъ общественнымъ надѣломъ, — изыскивать необходимые способы и средства для вознагражденія безземельныхъ за неосуществимое право ихъ на равномѣрное участіе въ пользованіи общественнымъ надѣломъ. Въ этомъ случаѣ, какъ сказано, существуютъ только два способа: или устроить безземельныхъ на сторонѣ, или произвести уравнительный передѣлъ угодій общественнаго владѣнія. Но послѣдній исходъ желателенъ и удобенъ только весьма условно и притомъ въ строго ограниченномъ размѣрѣ.

Съ своей стороны, безземельные Молочанскаго меннонитскаго округа не удовольствовались распоряженіемъ о заселеніи запасныхъ земель особыми колоніями. По настояніямъ ихъ, состоялось подробное на мѣстѣ дознаніе объ истинномъ положеніи дѣла, чрезъ особо командированнаго изъ Петербурга чиновника. Здѣсь, молочанскіе хозяева, будучи поставлены лицомъ къ лицу съ представителями безземельныхъ, положительно обнаружили, какъ трудно личные, своекорыстные интересы подчиняются насущнымъ, безусловно справедливымъ требованіямъ общаго благосостоянія. Здѣсь, хозяева забыли на нѣкоторое время братскія отношенія и связи свои съ безземельными, нужды которыхъ при другихъ случаяхъ выдвигаются ими всегда на первый планъ; здѣсь снова подтвердилось, что слово еще не дѣло, что можно трактовать безъ конца о любви къ ближнему, но въ тоже время стремиться къ лишенію его даже тѣхъ правъ и выгодъ, которыя хотя и основаны

на положительномъ законѣ, но стѣсняють до извѣстной степени наши ближайшія личныя выгоды.

Представители Anwohner'овъ и безземельныхъ, убѣждаясь въ недостаточности запасныхъ при округѣ земель (15 т. дес.) для уравнительнаго надѣла всѣхъ вѣрителей своихъ, признавали необходимымъ ограничиться, на первый разъ, надѣленіемъ только Anwohner'овъ, на томъ основаніи, что Anwohner'ы, ведя полупромышленное, полупромысловое или ремесленное хозяйство, постоянно арендовывали тѣ самыя запасныя земли, объ отводѣ которыхъ въ надѣлъ шла рѣчь. Отдачею этихъ земель въ надѣлъ по 32½ дес. на семейство устроилась бы судьба не болѣе 470 безземельныхъ или Anwohner'скихъ семействъ, а большинство остальныхъ сразу лишились бы всякой возможности удержать за собою свой усадьбы въ колоніяхъ. Отыскивая арендныя земли, по необходимости, вдали отъ мѣстъ жительства, имъ пришлось бы бросить свои дома въ колоніяхъ за безцѣнокъ и окончательно разориться. Напротивъ, передачу этихъ земель въ общее изъ мѣстъ водворенія пользованіе всѣмъ Anwohner'амъ (что составляло до 12 дес. на семью) представители безземельныхъ признавали достаточнымъ обезпеченіемъ для того, чтобы рядомъ съ какимъ-либо ремесломъ или промысломъ, добывать нужныя для семейства потребности и содержать необходимый для такого хозяйства скотъ. Въ подтвержденіе этихъ предположеній представители безземельныхъ приводили, что за усадебное мѣсто въ ½ дес., еще не застроенное, Anwohner уплатилъ среднимъ числомъ около 100 руб. хозяину, отдѣлившему такое мѣсто изъ своей 1½ десятинной усадьбы. Какъ владѣлецъ малаго двора, Anwohner, обязанъ вносить, по внутренней раскладкѣ, поземельную ренту отъ одного до трехъ руб. ежегодно: или въ пользу участвоваго хозяина, или въ мірскую кассу. Сверхъ того, на семейство Anwohner'a, состоящее изъ трехъ рабочихъ ¹⁾ и двухъ малолѣтнихъ душъ, падаетъ податей и другихъ повинностей безъ малаго такая же сумма, какую уплачиваетъ половинный хозяинъ при 32½ дес. надѣла, а именно: отъ 12 до 14 руб. въ годъ. Представители безземельныхъ предлагали: а) внутреннюю раскладку податей и повинностей установить не на число душъ, а на землю, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, за всѣ сборы должна отвѣтствовать прежде всего земля; б) допустить Anwohner'овъ и вообще безземельныхъ къ непосредственному участию въ складахъ, выборахъ на общественную службу, раскладкѣ податей,

¹⁾ Напоминаемъ, что здѣсь рабочая душа означаетъ лицъ обою пола отъ 14 до 60 лѣтъ.

сборовъ и повинностей и т. д.; и в) для устройства участі тѣхъ безземельныхъ, которые не получаютъ надѣла изъ запасныхъ земель, установить постоянный подесятинный сборъ на пріобрѣтеніе земель внѣ округа.

Выборное начальство и представители хозяевъ, съ своей стороны, признавали эти предположенія безземельныхъ не только неудобноисполнимыми, но даже и вредными для интересовъ всего окружнаго общества. По объясненію ихъ, значительная часть Anwohner'скихъ усадебъ составляетъ собственность хозяевъ; слѣдовательно, заключали представители послѣднихъ, пріурочивая распределеніе запасной земли къ усадьбамъ — согласно проекту безземельныхъ, надлежало бы надѣлить ею и хозяевъ. Между безземельными есть не мало значительныхъ вкупцовъ, изъ числа которыхъ нѣкоторые владѣютъ даже болѣе одной Anwohner'ской усадьбою; согласно проекту безземельныхъ, не малое количество земли должно было-бъ выпасть на долю этихъ, по мнѣнію представителей хозяевъ, безъ того достаточно обеспеченныхъ семействъ. Есть немалое число Anwohner'овъ, которые владѣли 65 дес. надѣломъ, но, продавъ свои хозяйства, доживаютъ свой вѣкъ въ Anwohner'скихъ домахъ на счетъ своихъ капиталовъ. Почему же и имъ не удѣлить земли наравнѣ съ прочими Anwohner'ами?... иронически спрашивали представители хозяевъ. Семействъ до 300 Anwohner'овъ имѣлись на Молочнѣ такихъ, которые лишились своихъ 65 дес. хозяйствъ отъ несчастныхъ случаевъ, болѣе же по лѣни и нерадѣнію. «Эти-то люди—увѣряли представители хозяевъ—наболѣе настаиваютъ на надѣлѣ безземельныхъ земель». Сюда же хозяева относили Anwohner'овъ, самовольно оставившихъ отцовское хозяйство, въ составѣ котораго они числятся по ревизіи и «могли бы имѣть полное обезпеченіе».

Достаточно приведеннаго, чтобы угадать сущность и тонъ дальнѣйшихъ возраженій хозяевъ. Доводы эти приводятся къ тому, что надѣлъ Anwohner'овъ въ предположенномъ размѣрѣ недостаточенъ для устройства и веденія «образцоваго» хозяйства; что общее стремленіе безземельныхъ къ владѣнію хотя какимъ-нибудь влчкомъ земли—искусственно можетъ вовлечь въ земледѣліе и тѣхъ, которые занимаются ремеслами и промыслами, требующимися равнымъ образомъ «въ образцовомъ видѣ»; и что послѣдствіемъ удовлетворенія требованій безземельныхъ — былъ-бы упадокъ хозяйства, ремеслъ и промысловъ. Посему, для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса, хозяева видѣли одинъ только путь, а именно: «все братство молочанскихъ меннонитовъ, посредствомъ ежегодныхъ взносовъ, должно образовать

особый капиталъ для покупки земель и устройства на нихъ избытка населенія — въ составѣ новыхъ колоній».

Хозяева основывались въ своемъ отзывѣ на вступительныхъ словахъ всемилостивѣйшей грамоты 1800 г. Отсюда они выводили, что дарованныя меннонитамъ права и преимущества обязываютъ ихъ положительно въ «домоводству образцовому», которое могло бы служить примѣромъ для другихъ сельскихъ состояній. Домогательства безземельныхъ шли, по увѣренію хозяевъ, въ разрѣзъ съ этимъ обязательствомъ братства. Что же касается допущенія безземельныхъ въ составъ сходовъ и болѣе справедливой раскладки сборовъ и повинностей, то представители хозяевъ предпочли вовсе не касаться этихъ вопросовъ. Мало того, весь отзывъ ихъ проникнутъ такимъ явнымъ раздраженіемъ и нерасположеніемъ къ нуждамъ безземельныхъ, что при такомъ настроеніи нельзя было ожидать справедливаго и нелицеприятнаго содѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Такъ, на вопросъ, въ какомъ размѣрѣ хозяева готовы дѣлать взносы на составленіе капитала для покупки земель, они предложили не болѣе 10 к. съ десят. ежегодно. Ограничиваясь этимъ сборомъ, округу потребовалось бы до 80-ти лѣтъ на приобрѣтеніе для 2,000 сем. по 30 дес. на каждое. Наконецъ, по сущности всего дѣла казалось, что хозяева противились уравнительной раздачѣ Anwohner'амъ запасныхъ земель и настаивали на заселеніе этихъ земель самобытными колоніями еще и въ тѣхъ видахъ, чтобы вовсе удалить изъ округа всѣхъ или большинство Anwohner'овъ, однихъ при посредствѣ водворенія въ новыхъ поселеніяхъ, а другихъ лишеніемъ ихъ всякой возможности поддерживать свои хозяйства въ колоніяхъ, и такимъ путемъ сдѣлать невозможнымъ участіе этихъ людей въ сходахъ. Но правительство имѣло другой взглядъ на это дѣло. Оно не могло не убѣдиться, что безземельное населеніе колоній требуетъ устройства сколько само по себѣ, столько же и въ видахъ сохраненія собственно за хозяевами коренного водворенія возможности впредь поддерживать свои хозяйства въ образцовомъ видѣ. Къ тому же вопросъ объ образцовомъ хозяйствѣ, въ смыслѣ обязательности его для меннонитовъ, можетъ имѣть значеніе развѣ только для хозяевъ; задаваться же имъ при устройствѣ быта безземельныхъ, едва ли умѣстно, тѣмъ болѣе, что настала пора для «образцовыхъ» по сіе время хозяевъ доказать на дѣлѣ, насколько они, а съ ними и самая система подворнаго пользованія землею, соотвѣтствуютъ конечнымъ результатамъ сельскаго устройства. Настоящій выводъ прямо истекаетъ изъ послѣдующихъ правительственныхъ распоряженій.

Высочайшимъ повелѣніемъ, 14-го февраля. 1866 г., было

указано: 1) состоящія при Молочанскомъ меннонитскомъ округѣ запасныя земли, всего около 15 т. дес., отдать въ надѣль безземельнымъ семействамъ, по уравнительному распредѣленію между ними; 2) Преимущества на таковой надѣль предоставить Anwohner'амъ, съ тѣмъ, чтобы какъ Anwohner'ы, такъ и вообще всѣ находящіяся нынѣ въ колоніяхъ владѣльцы половинныхъ или, если есть, болѣе дробныхъ участковъ допущены были, на точномъ основаніи закона (ст. 20 уст. о кол.) къ участию во всѣхъ дѣлахъ мірскаго схода; 3) для опредѣленія, кому изъ анвонеровъ слѣдуетъ отводить земляной надѣль, учредить временную комиссію изъ мѣстныхъ властей и представителей отъ хозяевъ и безземельныхъ, и 4) установленіе порядка пользованія запасными землями предоставить собственному усмотрѣнію и соглашенію тѣхъ семействъ, воимъ они поступаютъ въ надѣль.

Передавая Попечительному Комитету, въ Одессѣ, настоящее высочайшее повелѣніе для исполненія, министерство государств. имуществъ предписывало между прочимъ: а) излишнія земли, могущія оказаться въ надѣлѣ старыхъ колоній подъ наименованіемъ неудобныхъ, причислить къ общему каждой колоніи выгону; б) по вопросу объ установленіи въ молочанскомъ округѣ, постояннаго съ земли сбора на покупку земель для безземельныхъ внушить на мѣстѣ обществамъ, что дополнительнаго отъ казны надѣла они не получаютъ; что, поэтому, на обязанности самихъ обществъ лежитъ изысканіе тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя необходимы для окончательнаго устройства безземельнаго ихъ населенія, и что, предположенный на этотъ предметъ сборъ по 10 к. съ дес., не соотвѣтствуетъ ни степени состоятельности хозяевъ, ни существующей настоятельной потребности, въ особенности въ виду значительныхъ затратъ, дѣлаемыхъ на расселеніе, менѣе состоятельными колонистскими обществами Саратовской губ.; в) пригласить за тѣмъ общества Молочанскаго меннонитскаго округа, мірскими приговорами, установить выше упомянутый сборъ въ большемъ, по возможности, размѣрѣ; и г) Высочайшее повелѣніе 14-го февраля 1866 г. и настоящія указанія примѣнять, если не встрѣтятся особыхъ мѣстныхъ препятствій, при передачѣ безземельнымъ въ пользованіе запасныхъ участковъ въ другихъ округахъ. Такимъ образомъ, по Молочанско-меннонитскому округу, уже съ 1866 г. запасныя земли поступили въ надѣль, по 12 дес. на семью въ 1304 малоусадбникамъ и безземельнымъ семействамъ.

Тѣмъ временемъ религіозная распря шла своимъ чередомъ. Мы сказали, что первый зачатокъ и корень подобныхъ движеній въ массахъ, въ какой бы формѣ они ни выражались, нужно ис-

вать прежде всего въ недовольствѣ массъ своимъ экономическимъ бытомъ. Всѣ религиозныя движенія всегда будутъ шире и сильнѣе тамъ, гдѣ распредѣленіе въ частности наличныхъ матеріальныхъ средствъ и способовъ общества (т. е. въ сельскомъ быту—земель), достигло наибольшей неуравнительности. Исключенія въ этомъ отношеніи составляютъ отдѣльныя личности, но массы—никогда.

Х.

Съ появившимся среди меннонитовъ новымъ религиознымъ братствомъ мы разстались въ моментъ, когда оно обращалось за защитою къ правительству. Это было въ 1862 г. Въ то время, какъ намъ извѣстно, безземельное населеніе напрасно толкалось за помощью во всѣ стороны; но оно приходило уже къ болѣе или менѣе ясному сознанию своей программы.

Ходатай Нурфер'овъ, въ поданной въ маѣ 1862 г. на высочайшее имя запискѣ, говоритъ между прочимъ, что право каждаго меннонита оставлять несоотвѣтствующее его религиознымъ убѣжденіямъ приходское общество и присоединиться къ другому, или образовать даже новое, не можетъ подлежать сомнѣнію. Русское законодательство этого предмета, какъ относящагося до внутренняго церковнаго благочинія, вовсе не касается, а Евангеліе, и основанное на немъ ученіе Менно Симонса, поставляютъ подобное выдѣленіе, при данныхъ условіяхъ, даже въ непремѣнную обязанность каждаго истинно вѣрующаго. На томъ же началѣ основанъ и долгъ, или право, самой церкви отлучать отъ *духовнаго общенія* своихъ нечестивыхъ членовъ. Подтвердивъ это обстоятельство примѣромъ выдѣленія на Молочнѣ изъ состава существовавшихъ приходовъ — братствъ: Лихтенаускаго (изъ Орловскаго прихода) и Малаго (еще до 20-хъ годовъ изъ разныхъ приходовъ), которые равнымъ образомъ подвергались долгое время преслѣдованіямъ, но отстояли свою самобытность, уполномоченный гюпферовъ объясняетъ образованіе своего братства слѣдующимъ образомъ: «Въ послѣдніе годы, дѣйствіемъ Духа Божія, проявилась среди меннонитовъ потребность — съ полнымъ усердіемъ искать душевнаго спасенія. Прилежаніе прежняго, многіе стали читать священное писаніе; это чтеніе подкрѣпляло ихъ въ твердомъ намѣреніи — и въ вѣрѣ и въ жизни неуклонно слѣдовать ученію Евангелія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, обнаружился настоящій церковно-религиозный упадокъ нашихъ обществъ; истиннаго евангельскаго помысла, которому меннонитское имя единственно обязано своею старинною славою,

тамъ уже мало оказывается. Кромѣ того, къ сожалѣнію и удивленію нашему, мы сознали, что церковное благочиніе, будучи низведено до пустого, мертваго формализма, оказываетъ явно порочной жизни такое снисхожденіе, которое, по ученію церкви, не должно быть терпимо. Все это дѣлалось предметомъ разговоровъ и размышленій, особенно со стороны людей болѣе серьезныхъ. Они признали ясно и положительно, что такое состояніе нашихъ обществъ не соотвѣтствуетъ ни Евангелію, ни постановленіямъ Менно Симонса. Естественнымъ послѣдствіемъ сего было образованіе нами отдѣльнаго прихода, съ цѣлью, собственнымъ примѣромъ возстановить среди остальныхъ единовѣрцевъ нашихъ прежнее, потраченное благочестіе и благочиніе какъ въ церкви, такъ и въ частной жизни. Но большинство духовныхъ старшицъ усмотрѣли въ настоящемъ фактѣ лишь прямое себѣ оскорбленіе и подрывъ ихъ личнаго авторитета. Они рѣшились всѣми силами воспротивиться самобытности новаго прихода, который, тѣмъ временемъ, какъ выраженіе глубоко сознанный многими нравственно-религіозной потребности, приобретаетъ все болѣе сочувствія и послѣдователей».

Еще въ мартѣ 1860 г. духовные старшины старыхъ приходовъ, на предложенные со стороны мѣстнаго колоніальнаго начальства, вопросы касательно Нүрпер'овъ дали различные отзывы. «Направленіе этихъ людей—говоритъ орловскій старшина Иоганъ Гардеръ, — выражается въ стремленіи и желаніи, на общихъ всѣмъ меннонитамъ догматахъ и вѣрованіяхъ, образовать отдѣльное общество, и, во имя высочайше дарованной меннонитамъ свободы совѣсти, жить сообразно ихъ вѣрованіямъ, среди остальныхъ меннонитскихъ обществъ, въ надеждѣ возстановить собою лучшее благоустройство. Оставаясь неуклонно вѣрными этой цѣли, они никакими дурными послѣдствіями для цѣлаго братства не угрожаютъ. Средствомъ же къ отклоненію этихъ людей отъ намѣренія образовать отдѣльный приходъ—представляется одно: мы всѣ, съ полною рѣшимостью, должны жить по закону Божію; церковное благочиніе наше должно быть возстановлено, а братству нашему слѣдуетъ исправиться, къ чему да подастъ намъ Господь, по благиости своей, крѣпкую волю и достаточную силу. Если же кто окажется достойнымъ наказанія, то братству во Христѣ должно служить правиломъ и руководствомъ ученіе Евангелія: отлучать отъ братства и не имѣть съ отлученными соотношенія, пока не устыдится (bis er schamroth werde)».

Совершенно противоположное мнѣніе высказывали остальные старшины, по постановленію которыхъ Нүрпер'ы были уже от-

лучены отъ церкви. По объясненію ихъ, направленіе «этихъ заблудшихъ членовъ» существенно слѣдующее: «Они понимаютъ, объясняютъ и примѣняютъ Св. Писаніе одностороннимъ образомъ, утверждая, что ихъ пониманіе и примѣненіе отдѣльныхъ текстовъ исключительно вѣрны, вслѣдствіе чего не внимаютъ ни чьему руководству и поученію. Не почитая установленнаго церковнаго благочинія и устройства, они признаютъ ихъ за учрежденія чловѣческія и утверждаютъ, что въ этомъ отношеніи должно повиноваться Богу больше, нежели людямъ, чему и послѣдовали, приобщившись въ частномъ домѣ св. Тайнъ. Однихъ себя они почитаютъ за истинныхъ христіанъ, объявляя цѣлое меннонитское братство дошедшимъ до окончательнаго упадка и служенія духу тьмы». Изъ этого главнаго направленія гюшферовъ, а также изъ способа отреченія ихъ отъ существующихъ приходовъ, старшины заключали, что «о спойномъ съ ними сожительствѣ и думать нельзя, и что, въ случаѣ признанія за ними права на существованіе среди колоній въ видѣ свободнаго церковнаго общества, должно ожидать одни раздоры и безпорядки, тѣмъ болѣе, что нельзя надѣяться, чтобы они остановились на настоящей точкѣ ихъ фанатическихъ лжеубѣжденій. Напротивъ, будучи предоставлены самимъ себѣ, они сдѣлаютъ, вѣроятно, еще болѣе успѣхи въ своемъ фанатизмѣ». Смотри на этихъ людей не иначе, какъ на отщепенцевъ, и предвидя возможность брачныхъ союзовъ между ними и другими меннонитами, старшины опасались въ будущемъ «самаго прискорбнаго раздора въ семейномъ быту» и, сверхъ того, неутомимой пропаганды, которая, «дѣйствуя подъ личиною истиннаго христіанскаго благочестія, можетъ совратить съ пути многихъ невинныхъ и благомыслящихъ меннонитовъ». По такимъ соображеніямъ, большинство старшинъ отказали въ своемъ согласіи на существованіе Нүрфер'овъ въ составѣ особаго прихода.

Между тѣмъ, окружной приказъ, получивъ приговоръ церковнаго конвента объ отлученіи Нүрфер'овъ отъ церкви, далъ сельскимъ управленіямъ всего Молочанскаго округа слѣдующее циркулярное предписаніе: «По поводу того, что нѣкоторые члены молочанскихъ меннонитскихъ обществъ возымѣли дерзость приобщиться св. Тайнъ, въ колоніи Елизаветсталѣ, въ частномъ собраніи, и, не взирая на сдѣланныя имъ увѣщанія, не оставляютъ своихъ ошибочныхъ убѣжденій, а напротивъ, отказались письменно отъ подлежащихъ церковныхъ обществъ своихъ, съ цѣлью образовать отдѣльный приходъ, и принимая во вниманіе, что они имѣютъ частныя сходбища, окружной приказъ, руководствуясь ст. 362 улож. о нак. изд. 1857, въ силу

второй: учредители и главы тайныхъ обществъ, которыя, хотя бы не имѣли вредной цѣли, но особыми постановленіями и распоряженіями воспрещены, подвергаются заключенію въ крѣпости на время отъ 6 мѣсяцевъ до одного года, а члены подобныхъ обществъ, въ случаѣ, что запретъ имъ былъ извѣстенъ, подлежатъ аресту на время отъ 7 дней до 3 недѣль, — строжайше предписываетъ сельскимъ приказамъ, имѣть бдительнѣйшее наблюдение, чтобы упомянутыя и другія лица вновь не имѣли въ колоніяхъ, по частнымъ домамъ, кавихъ-либо въ религіозномъ смыслѣ сборищъ. Сельскіе приказы обязываются доводить объ изложенномъ до всеобщаго свѣдѣнія, а слушниковъ, равно и дозволившихъ въ своихъ домахъ подобныя сборища хозяевъ, хотя бы послѣдніе и не принадлежали къ новому братству, представлять безъ замедленія и подѣ личною отвѣтственностью приказовъ, на дальнѣйшее распоряженіе окружнаго приказа.

О послѣдствіяхъ этихъ мѣръ не будемъ распространяться. Характеръ ихъ очевиденъ: онѣ, какъ сказано въ просьбѣ уполномоченнаго гюпферовъ, были до того стѣснительны для членовъ новаго прихода, что должны были повести къ полному разоренію ихъ хозяйственнаго быта. Теперь понятно, если Нүрфер'и ожидали защиты только отъ правительства. И дѣйствительно, послѣднее не замедлило распорядиться въ томъ смыслѣ, что церковное отлученіе ни въ какомъ случаѣ не должно сопровождаться стѣсненіемъ гражданскихъ правъ и преслѣдованіями полицейской власти. Въ отношеніи же признанія новаго прихода встрѣтились затрудненія, такъ какъ законодательство вовсе не касается догматической стороны меннонитскаго ученія. Представился вопросъ: которую изъ обѣихъ партій должно считать сектою, уклонившеюся отъ гарантированнаго закономъ меннонитскаго толка? Но, вдаваться въ обсужденіе этого вопроса — не въ духѣ нашего законодательства, требующаго отъ иновѣрческихъ религіозныхъ обществъ въ догматическомъ отношеніи только одного, чтобы въ извѣстномъ ученіи не заключалось, ничего противнаго основнымъ началамъ христіанства, нравственности и гражданскаго благоустройства. При такой постановкѣ дѣла, сами Нүрфер'ы указали лучшій исходъ изъ затрудненія. «Видя, что имъ, какъ меньшинству, трудно выдержать борьбу съ противниками, они еще, до начала ходатайства предъ высшимъ правительствомъ о терпимости ихъ прихода, обращались на Кавказъ о надѣлѣ ихъ тамъ участкомъ земли. Къ счастью, кавказское намѣстничество признало возможнымъ отвести имъ на 100 сем. 6,500 дес. на р. Зеленчукъ въ Кубанской области, а за тѣмъ и министерство государств. имуществъ поспѣшило

дать свое согласіе на переходъ туда этихъ людей. Выселеніе ихъ состоялось въ 1864—1866 г.; но, какъ слышно, водвореніе на новомъ мѣстѣ затрудняется, съ одной стороны, крайне неблагоприятнымъ вліяніемъ на поселенцевъ климатическихъ условій края, а съ другой, незнакомствомъ ихъ съ мѣстной культурою. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что для такихъ колонизаторовъ, каковы меннониты, означенныя затрудненія лишь временныя.

Настоящее переселеніе, удаливъ изъ среды меннонитовъ главнѣйшихъ ревнителей Нүрфег'скаго толка, значительно умѣрило здѣсь религіозную распрю. Въ послѣднее время обнаруживались однако снова факты, довазывающіе, что секта продолжаетъ, по прежнему, существовать и даже распространяться не только у меннонитовъ, но и въ протестантскихъ колоніяхъ, находя особенно легко приверженцевъ среди безземельнаго населенія. Между тѣмъ, правительство окончательно убѣдилось, что возводимыя на Нүрфег'овъ обвиненія въ безнравственности, неповиновеніи властямъ и т. п. не подтверждаются фактами; и что, въ догматическомъ отношеніи, сектанты эти принадлежатъ къ толку анабаптистовъ, коихъ ученіе имѣетъ съ меннонитскимъ общее начало и не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго или противнаго нравственности и гражданскому порядку. Но если такимъ образомъ не было и нѣтъ причины преслѣдовать этихъ людей за ихъ вѣрованія, то тѣмъ не менѣе пребываніе ихъ въ колоніяхъ продолжаетъ мѣстами вызывать болѣе или менѣе ожесточенныя распри, вліяющія неблагоприятно на хозяйственный успѣхъ и спокойствіе населенія. Вслѣдствіе того, и по поводу ходатайства многихъ изъ поселенцевъ южнаго края Россіи о дозволеніи имъ равнымъ образомъ переселиться на Кавказъ, тамошнее намѣстническое управленіе признало возможнымъ принять къ поселенію въ Ставропольской губерніи до 2,000 колонистскихъ семействъ. Выселеніе этихъ людей не замедлитъ разомъ оживить значительную часть Ставропольскихъ степей, а южнымъ колоніямъ оно принесетъ осязательное облегченіе, тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, правомъ переселенія воспользуются, въ числѣ другихъ, особенно сектаторы.

Наконецъ, рядомъ съ Нүрфег'ами, явились въ молочанскихъ меннонитскихъ колоніяхъ, такъ называемые «Іерусалимскіе друзья». Главными руководителями ихъ признаются упомянутые уже нами меннониты, братья Іоганъ и Фридрихъ Ланге. Оба Ланге, принадлежа къ разряду безземельныхъ, посвятили себя народному обученію и имѣютъ дипломы на званіе домашняго учителя. Старшій, — Іоганъ, года три провелъ въ Виртембергскомъ королев-

ствѣ, въ одной изъ тамошнихъ учительскихъ семинарій. Это послѣднее обстоятельство, и особенно женитьба Югана Ланге на лютеранкѣ изъ Виртемберга, подали поводъ въ неудовольствіямъ со стороны прочихъ меннонитовъ, по убѣжденію которыхъ смѣшанный бракъ долженъ сопровождаться совершеннымъ выходомъ сочетавшагося изъ состава меннонитскаго братства и его обществъ ¹⁾. Къ тому же, братья Ланге, какъ люди замѣчательныхъ способностей, съ весьма удовлетворительнымъ образованіемъ и развитіемъ, не могли не приобрести значительнаго вліянія на людей своей партіи, т. е. на безземельныхъ. Обстоятельство это возстановило противъ нихъ окончательно большинство хозяевъ и ихъ представителя — выборное начальство. Наконецъ, когда Ланге съ своими приверженцами тоже возстали противъ «самозванной консисторіи» и, выдѣлившись въ особый приходъ, были избраны послѣднимъ въ должности, одинъ — проповѣдника, а другой — учителя, когда новое братство учредило свою особую школу, приобрѣвшую вскорѣ всеобщую извѣстность и довѣріе, тогда озлобленіе противъ нихъ достигло крайнихъ предѣловъ. Выборное начальство не затруднилось даже всячески выставлять предъ правительствомъ дѣятельность бр. Ланге въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Церковный конвентъ и окружный приказъ доказывали, что секта «Иерусалимскихъ друзей», которыхъ центръ въ Виртембергѣ, имѣетъ конечною цѣлью — совершенное переустройство не только существующихъ христіанскихъ церквей, но и всего соціального быта; что, вслѣдствіе того, послѣдователи этого ученія относятся враждебно къ установленнымъ властямъ; что подобныя тенденціи Ланге проводятъ и въ учрежденной ими школѣ, развращая ввѣряемое имъ юношество и т. д. Они требовали совершеннаго удаленія бр. Ланге, если не изъ Россіи, то изъ среды меннонитскихъ колоній, для спокойствія которыхъ дальнѣйшее пребываніе этихъ людей, будто бы, не безопасно. Всѣ эти тяжкія обвиненія не подкрѣплялись и, повидимому, не могли быть подтверждены фактическими доказательствами. Къ тому же, меннонитское общество, еслибъ признавало бр. Ланге дѣйствительно вредными для себя, имѣло возможность удалить ихъ изъ своей среды по общественному приговору (ст. 468 уст. о кол., ч. 2 т. XII Св. зак.), что имъ однако не сдѣлано. Наконецъ, представленныя самимъ Ланге

¹⁾ Отецъ Ланге — владѣлецъ 65 дес. хозяйства — продалъ-было сыну изъ своего участка авнонерскую усадьбу, но общество не утвердило этой сдѣлки на томъ основаніи, что «Юганъ Ланге, какъ женившійся на лютеранкѣ и посему не принадлежащій къ меннонитскому братству, не можетъ владѣть землею въ колоніи».

объясненія и письменное изложеніе догматовъ ихъ ученія ставятъ виѣ сомнѣнія, что и въ этомъ случаѣ выборное начальство меннонитовъ руководилось, по преимуществу, побужденіями религіозной нетерпимости и вообще духомъ партіи.

Какъ ни интересны всѣ подробности борьбы между церковнымъ конвентомъ и сектантами, но изложеніе ихъ завлекло-бъ насъ слишкомъ далеко. Для полной характеристики общества «Иерусалимскихъ друзей» и его стремленій, приводимъ только еще собственные слова и главныя основанія ученія новаго братства. — «Какъ церковный конвентъ, *въ настоящемъ значеніи его* — заканчиваетъ братство свое заявленіе 1863 г. — есть учрежденіе, противорѣчащее порядкамъ и установленіямъ меннонитскаго братства, какъ къ тому же онъ слѣдуетъ по пути, который поведетъ нашъ народъ все къ большимъ раздорамъ и разстройству, бросая на него тѣнь предъ правительствомъ, и какъ конвентъ, обуреваемый самъ внутренними несогласіями, долженъ распасться (Мат. гл. 12 ст. 26), то, не признавая себя обязанными впредь подчиняться его власти, мы рѣшились пользоваться гарантированной намъ закономъ свободой вѣры, какъ добрые христіане, и жить въ мирѣ и покоѣ. Нашъ церковный конвентъ есть Слово Божіе и основанное на немъ приходское устройство, съ правилами и порядками по духовному разумѣнію. Приемъ въ наше общество иновѣрной иностранки (жены Ланге), мы совершили съ полнымъ сознаниемъ нашего права, не противорѣчающаго общимъ законамъ имперіи. Крещеніе младенцевъ мы не можемъ отвергнуть, такъ какъ въ нашихъ меннонитскихъ общинахъ таинство это совершается превратно надъ непокаявшимися и богохульствующими невѣждами, которые нерѣдко въ тотъ же день топчутъ эту благодать ногами. Мы неуклонно держимся того правила, что человѣкъ прежде всего долженъ быть воспитанъ въ помыслахъ и путяхъ Всевышняго; и за тѣмъ только, если въ немъ обнаружится сознательно-серьезное стремленіе къ пріобрѣтенію небснаго блаженства, только въ такомъ случаѣ мы удостоиваемъ его окрещенія во имя св. Троицы, по повелѣнію Иисуса Христа. Но, кто однажды окрещенъ, для того воды достаточно; тутъ требуется уже окрещеніе не водой, а огнемъ», и т. д.

«Мы основываемъ наше ученіе и устройство нашего общества — поясняли братья Ланге правительству впоследствии — на священномъ писаніи стараго и новаго завѣта, которое признаемъ за откровеніе Божіе и источникомъ всего святаго. Символь вѣры, установленный на Нивейскомъ соборѣ, служитъ основаніемъ нашего ученія. Мы обращаемъ особенное вниманіе на 2-е посланіе Петра, гл. I, ст. 19, въ которомъ Апостоль указываетъ

на опасность отъ антихриста и на средства противъ него, заключающіяся въ бдѣніи, молитвѣ и неуклонномъ исполненіи заповѣдей Спасителя. За образецъ устройства нашего общества мы принимаемъ первую христіанскую общину, какъ она описана въ главѣ 12, 13, и 14, I посл. къ Коринѣянамъ. По примѣру этой общины, мы избираемъ себѣ старшину и наставника изъ способнѣйшихъ и наиболѣе добродѣтельныхъ мужей, а эти послѣдніе, согласно Дѣянїямъ Апост. 14, 23, выбираютъ сами старѣйшинъ и учителей. Наше богослуженіе состоитъ въ подражаніи примѣру Спасителя и основано на посл. къ Римл. гл. 12 ст. 1. Итакъ, умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божиимъ, предоставьте тѣла ваши въ жертву живую, святую, благоугодную Богу, и т. д. Мы жертвуемъ наше тѣло и всѣ наши помысленія на исполненіе воли Всевышняго. Для возбужденія насъ къ такому настроенію, мы имѣемъ публичныя собранія, въ которыхъ избранныя обществомъ и освященныя духомъ лица произносятъ проповѣди... И пророки пусть говорятъ двое или трое, а прочіе пусть разсуждаютъ; если же другому изъ сидящихъ будетъ откровеніе, то первый молчи. Ибо всѣ одинъ за другимъ можете пророчествовать, чтобы всѣмъ поучаться и всѣмъ получить утѣшеніе.» (I посл. къ Коринѣ. 14, 29 — 31) Браки совершаются въ присутствіи общества предъ Богомъ; дѣти, согласно (посл. къ Коринѣ. 7, 14) по рожденію принадлежатъ къ обществу и представляются въ собраніи Господу Богу, получая при этомъ благословеніе. Въ виду споровъ о томъ, кого слѣдуетъ крестить: дѣтей или взрослыхъ, и не вполнѣ яснаго разрѣшенія этого сомнѣнія со стороны св. Писанія, мы предоставляемъ на волю родителей избрать тотъ или другой путь. Но мы убѣждены, что крещеніе должно сопровождаться полнымъ освященіемъ духомъ Христовымъ, что безъ этого окрещеніе и дѣтей, и взрослыхъ не достигаетъ цѣли. Приобщеніе св. Тайнъ совершается въ общихъ собраніяхъ наставникъ. Впрочемъ, согласно Дѣян. Апост. 2, 26, причастіе допускается и въ малыхъ собраніяхъ, если въ томъ встрѣтится надобность. Уходъ за больными, согласно Дѣян. Апост. 5, 14—18, лежитъ на особенной обязанности старѣйшинъ общества. О свѣтской власти мы убѣждены, что нѣтъ власти, которая не была-бы отъ Бога, и что гдѣ власть, тамъ она установлена Богомъ (къ Римл. 13, 42). На этомъ основаніи, мы повинемся власти во всемъ, что не противорѣчитъ ясному и откровенному слову Божию. Присягу мы, по словамъ Еванг. Мате. 5, 34, 37 и Іоанна 5, 12, считаемъ воспрещенною, но обязуемся во всѣхъ случаяхъ говорить по чистой совѣсти и ничего не утаивать. Воспитаніе дѣтей со-

ставляетъ, по нашему убѣжденію, важнѣйшую потребность общества. Для того существуетъ при нашемъ обществѣ учебное заведеніе, имѣющее цѣлью не только обогатить умъ дѣтей разными свѣдѣніями и познаніями, но и содѣлать ихъ нравственными, набожными и дѣльными членами общества, съ здоровымъ тѣломъ и чистою душою. Изъ училища дѣти должны вынести убѣжденіе, что ихъ назначеніе вести жизнь справедливую, Богу угодную и людямъ полезную».

Казалось-бы, что люди съ такими стремленіями едва-ли могли принести существенный вредъ благосостоянію меннонитскаго братства, которое, безъ всякаго сомнѣнія, утерало не мало изъ прежнихъ добродѣтелей праотцевъ; но при существовавшемъ возбужденіи страстей, и братья Ланге съ ихъ послѣдователями предпочли уклониться отъ дальнѣйшихъ дразгъ и преслѣдованій: арендовавъ себѣ, около Пятигорска на Кавказѣ, участокъ земли въ 10,000 дес. на 30 лѣтъ, они рѣшились водвориться тамъ особымъ обществомъ, на что и получили разрѣшеніе правительства.

XI.

Несмотря однако на благопріятный исходъ религіозныхъ волненій, попытка меннонитскихъ старшинъ централизовать церковную власть потерпѣла окончательное fiasco и отъ конвента или «самозванной консисторіи» не осталось теперь никакихъ слѣдовъ. Но сознаютъ ли, наконецъ, меннонитскіе хозяева, что общественный недугъ ихъ можетъ и долженъ быть искореняемъ не религіозными изслѣдованіями, а мѣрами экономическими, скорѣйшимъ устройствомъ возможно большаго числа безземельныхъ семействъ? Пусть не забываютъ они справляться почаще объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на нихъ ученіемъ Менно въ отношеніи меньшей братіи. Не мѣшало бы также хозяевамъ приводить себѣ въ этомъ случаѣ на память: каковой капиталъ образовалъ бы излишекъ доходовъ съ запасныхъ земель при округѣ, еслибы этотъ излишекъ, въ теченіи десятковъ лѣтъ, не былъ обращаемъ ими на общественныя потребности, которыя въ другихъ колонистскихъ водвореніяхъ, при окладныхъ казенныхъ податяхъ несравненно большаго размѣра, всегда покрывались и покрываются на счетъ общественнаго сбора и иныхъ источниковъ общественнаго дохода. Запасныя земли, а слѣдовательно, и доходы съ нихъ, если были даны въ распоряженіе обществъ, то не въ пользу хозяевъ, надѣленныхъ уже землей, а исключительно на «приумножающееся населеніе», т. е. для устройства безземель-

ныхъ. Спрашивается: при болѣе благоразумномъ и справедли-
вомъ завѣдываніи означенными доходами за прежнее время развѣ
не было давно уже возможности для округа устроить участь
большинства безземельныхъ и предупредить излишнее накопленіе
ихъ? Намъ это кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что земли на
югѣ Россіи значительно вздорожали только въ весьма недавнее
время: лѣтъ 10-15 тому назадъ, можно было приобрести ихъ еще
въ волю, едва ли не за безцѣнокъ. Если же хозяева воспользо-
вались этою возможностью, только въ интересахъ личныхъ, а не
цѣлаго водворенія, и если они не накопили даже тѣхъ капита-
ловъ, которые населенію другихъ колонистскихъ округовъ при-
ходятся въ настоящее время какъ нельзя болѣе встать, то ви-
нить имъ остается, конечно, только самихъ себя, свою собствен-
ную непредусмотрительность и близорукое своекорыстіе, а от-
нюдь не безземельныхъ, которымъ, по упорству хозяевъ же, не
было предоставлено голоса въ дѣлахъ общественныхъ ни пря-
мого, ни даже совѣщательнаго.

Ожидать, или, какъ желали бы молочанскіе меннонитскіе хо-
зяева, даже требовать, чтобы огромная масса безземельныхъ,
приумножающаяся почти полнымъ процентомъ нарождающагося
населенія, находила свое обезпеченіе въ однихъ промыслахъ, тор-
говлѣ и ремеслахъ, — это, по меньшей мѣрѣ, нелѣпость, очевид-
ная для всякаго, и тѣмъ болѣе для самихъ хозяевъ. Они не
могутъ не знать, что только выселеніемъ на покушныя земли во-
просъ о безземельныхъ разрѣшится къ обоюдной выгодѣ, какъ
въ томъ сознались и представители хозяевъ. Съ другой стороны,
нельзя не замѣтить, что право на земельный надѣлъ есть одно
изъ основныхъ, существенныхъ преимуществъ земледѣльческаго
состоянія. За это право хозяева готовы ратовать едвали не больше
насъ; оно признано и за бывшими крѣпостными крестьянами,
базисомъ хозяйственнаго устройства которыхъ послужилъ надѣлъ
землею, несмотря даже на кажущееся противорѣчіе этой мѣры
съ правами собственниковъ-помѣщиковъ. Спрашивается: въ силу
чего же меннонитскіе хозяева могли бы отказать въ этомъ
правѣ своимъ младшимъ сообщественникамъ, которые, по закону,
должны пользоваться безусловно одинаковыми съ ними преиму-
ществами, теряя эти преимущества только при увольненіи въ
другое званіе, при выѣздѣ за границу, или, вслѣдствіе престу-
пленія, по судебному приговору. Развѣ, по мнѣнію хозяевъ, об-
щій для колонистовъ, основной законъ: всѣ отведенныя отъ
казны земли даны *не лично кому либо, а въ общественную каж-
дой колоніи собственность*, — не распространяется на народившееся
и впредь имѣющее народиться населеніе колоній?..... Если же

правительство не настаиваетъ на безусловномъ примѣненіи этого закона, то, какъ ясно видно изъ всѣхъ распоряженій по устройству безземельныхъ, это дѣлается вовсе не потому, чтобы оно не признавало обязательности его для всѣхъ безъ изъятія сообщественниковъ. Напротивъ, въ распоряженіяхъ этихъ прямо связано, что *забота объ устройствѣ безземельнаго населенія, насколько оно требуетъ матеріальныхъ средствъ, лежитъ на прямой обязанности общества*. Изъ этого слѣдуетъ, что правительство, признавая въ принципѣ право безземельныхъ на земельный надѣлъ, желало бы осуществить это право, «не насилуя и не ломая» установившейся въ колоніяхъ подворной системы пользованія землями. Но избѣгнуть внутренняго передѣла угодій возможно только выводомъ изъ коренныхъ мѣстъ водворенія значительной части безземельныхъ — на земли покупныя или арендныя.

Обсуживая печатно ¹⁾ вопросъ: какая судьба ожидаетъ безземельныхъ колонистовъ, и какими со стороны общества мѣрами должно быть обеспечено ихъ матеріальное положеніе, — сельскіе начальники колоніи Нейгофнунгстала ²⁾, признали прежде всего жизненность и своевременность этого вопроса. «Уходъ въ Турцію татаръ и замѣна ихъ болгарскими переселенцами изъ-за границы — говорятъ они — сразу произвели совершенный переворотъ въ условіяхъ экономическаго быта колоній Таврической губ. Одно это обстоятельство, не говоря уже о другихъ причинахъ, сдѣлало для безземельныхъ невозможнымъ слѣдовать тѣмъ путемъ, которымъ они прежде снискивали себѣ пропитаніе. *Имъ остаются только два исхода: долгосрочная аренда и покупка земель*». На третье средство: единичную, краткосрочную аренду, или хуторское хозяйство, лица эти не указываютъ, такъ какъ отъ этого способа имъ извѣстно болѣе неблагопріятныхъ, нежели хорошихъ послѣдствій. Если отъ хуторскаго хозяйства отдѣльныя личности иногда выигрывали въ денежномъ отношеніи, то эта выгода совершенно ничтожна въ сравненіи съ сопровождавшими ее неблагопріятными для нихъ послѣдствіями. Уже одно отсутствіе школы и церкви приводило и приводитъ хуторянъ къ нравственной распущенности, несовмѣстно съ условіями хозяйственнаго успѣха и сельскаго благоустройства. Если отдѣльный колонистъ — хуторянинъ и находитъ возможнымъ давать своимъ

¹⁾ Unterhaltungsblatt für die ausländ. Ansiedler Süd-Russlands. Odessa № 4 — 1865 г.

²⁾ Кол. Нейгофнунгсталь, бердянскаго колонистскаго округа, Бердянскаго уѣзда Таврической губ.

дѣтямъ необходимое религіозно-нравственное воспитаніе, то это только исключеніе изъ общаго правила. Къ инымъ результатамъ приходитъ большинство хуторинъ, состоящее изъ людей менѣе заботливыхъ и бѣдныхъ. Вырванные изъ среды общиннаго союза, поддерживающаго порядокъ и благочиніе, они будутъ предоставлены самимъ себѣ. «Но—продолжаетъ Нейгофнунгстальское сельское начальство — мы желаемъ прежде обсудить наши обстоятельства и смотримъ на дѣло не чрезъ тусклое стекло. Если третій путь нежелателенъ, то, само собою разумѣется, слѣдуетъ воспользоваться двумя первыми: помощь необходима; бытовые условія коренныхъ водвореній, сдѣлавшись для хозяина и безземельнаго одинаково неудобными, привели уже къ взаимнымъ пререканіямъ и столкновеніямъ». По словамъ авторовъ, до исхода 1864 г. на общественномъ выгонѣ ихъ колоніи имѣли право содержать: полный хозяинъ по 24, а безземельная семья по 4 штуки крупнаго скота. Но, съ этого времени, общество, по недостатку подножнаго корма и вслѣдствіе приумножившагося населенія, нашлось вынужденнымъ ограничить число выпасаемаго скота: для хозяина 18-ю, а для остальныхъ 3-мя головами. «Для нѣкоторыхъ это было весьма тяжелое, но тѣмъ не менѣе, безусловно необходимое стѣсненіе». Многія хозяйства раздѣлены, по волѣ отцевъ, на два двора, съ передачею ихъ во владѣніе сыновей и съ оставленіемъ за отцемъ лишь анвонерской усадьбы. Такіе половинные хозяева обязаны обыкновенно въ пользу отца-анвонера выпасать на общественномъ выгонѣ, за свой счетъ, 4 штуки скота; слѣдовательно, ихъ право выпаса на себя изводится до 7 головъ. По мнѣнію Нейгофнунгстальскихъ начальниковъ, не слѣдовало бы уменьшать и овцеводства, а между тѣмъ 4 овцы принимаются за голову скота, и половинный хозяинъ, содержа 12 овецъ, сохраняетъ право выпаса только на 4 головы крупнаго скота.

Далѣе тѣже сельскіе начальники свидѣтельствуютъ, что въ прежнее время можно было въ ихъ мѣстности дешево арендовать земли у татаръ; теперь же оброчная плата возвысилась, такъ, что для малосостоятельнаго колониста аренда на сторонѣ затруднительна. «Но—прибавляютъ они—безъ засѣва — нѣтъ и урожая; чѣмъ далѣе станешь медлить дѣйствительною помощью, тѣмъ затруднительнѣе для насъ сложатся обстоятельства и тѣмъ большихъ жертвъ потребуетъ это дѣло въ будущемъ. Справедливость этого заключенія до очевидности ясна для всякаго, принимающаго въ расчетъ постоянное увеличеніе число семействъ. «Нужно, должно помочь»;—вотъ убѣжденіе всѣхъ благомыслящихъ хозяевъ и, тѣмъ болѣе, безземельныхъ. Но какъ?»

Авторы склоняются исключительно въ пользу покупки или долгосрочнаго арендованія земель; но они обусловливаютъ подобныя операціи такими размѣрами, чтобы водворяющіеся на покупномъ или арендованномъ участкѣ колонисты, по числу душъ и средствамъ, были всегда достаточно сильны для устройства и содержанія, на свой счетъ, *особаго сельскаго управленія и школы, или, хотя бы одной послѣдней*. Только расселеніе въ такихъ условіяхъ окажется, по мнѣнію авторовъ, благопріятнымъ для матеріальнаго и нравственнаго преуспѣянія поселенцевъ. Для достиженія этой цѣли, они предлагаютъ образовать кассы, съ тѣмъ, чтобы каждый отдѣльный округъ озаботился составленіемъ особаго капитала, привлекая въ участію не только выселяющихся, но и остающихся на мѣстѣ колонистовъ. Размѣръ сбора и срокъ уплаты, по мнѣнію авторовъ, могли бы быть установлены приказами. Впредь до навопненія капитала — слѣдовало бы приращать его процентами, а по достиженіи имъ соотвѣтственнаго размѣра, — приобрести на счетъ его участки за участіемъ, заселяя каждый особую колонію и обязывая поселенцевъ постепенно, въ опредѣленные сроки, выплатою капитала, употребляемаго на покупку участка.

Настоящій призывъ заканчивается патетичными, но, безъ сомнѣнія, вполне искренними словами: «Обязывать взаимную другъ о другъ заботу, помогать ближнему, — вотъ священная обязанность христіанина. Видѣть страданія брата и хладнобровно пройти мимо, — ниже человѣческаго достоинства. Спасать, помочь, — вотъ чѣмъ прочно создается наше собственное благополучіе; и Господь Богъ, радующійся подобной братской любви, не оставитъ нашихъ честныхъ стремленій своею благодатью, а потомки добромъ вспомнятъ прахъ отцовъ своихъ. Безучастнымъ «нечего дѣлать» — нельзя помочь въ то время, когда помочь нужно, должно!

Призывъ этотъ не остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Повсюду въ колоніяхъ взялись если не за самое дѣло, то за серьезное обсужденіе его. Упорствовали по прежнему одни молочанскіе меннонитскіе хозяева, и еслибы единственная доходная статья — окружная овчарня — не была уничтожена, то покупка для безземельныхъ участка земли состоялась бы безпрепятственно; теперь же требуютъ, чтобы денежные средства на эту операцію были собраны, по преимуществу, съ хозяевъ. Но отвѣтъ хозяевъ одинъ: «безземельные получили то, чего домогались; 1304 семейства надѣлены землею согласно ихъ желанію, уничтоженіемъ же статей общественнаго дохода — наши подати, и безъ новаго налога, значительно возвысились». Вотъ, что ни-

салъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей молочанскихъ меннонитскихъ хозяевъ еще въ исходѣ зимы 1867 г. Но, уже осенью того же года общинный принципъ восторжествовалъ вполне надъ началомъ личнымъ и дѣло безземельныхъ приняло иной оборотъ. Тотъ же корреспондентъ сообщилъ въ октябрѣ, что молочанское окружное общество рѣшило приобрести для безземельныхъ 30-40 тыс. дес. земли, а для составленія нужнаго капитала, оно установило сборъ по 50 коп. съ десятины и столько же съ рабочей души. Итогъ сбора составляетъ до 60 тыс. р. въ годъ.

Мариупольское меннонитское окружное общество, опасаясь «грозящей безземельнымъ въ близкомъ времени безвыходной бѣдности», предположило приобрести для 145 таковыхъ семействъ участокъ земли въ 12,250 дес. По примѣрному расчету, на эту операцію потребуется около 245,000 руб., которыхъ у общества въ наличности не имѣется. Поэтому, въ особыхъ мирскихъ приговорахъ, оно обязалось установить ежегодный, въ теченіе 35 лѣтъ, общественный сборъ, въ количествѣ 7,000 руб. ¹⁾ Размѣръ и срокъ этого сбора рассчитаны между прочимъ на основаніи предположенія, что казна найдетъ возможнымъ продать обществу нужный ему участокъ изъ свободныхъ казенныхъ земель, съ разсрочкою выкупныхъ платежей. Къ сожалѣнію, общество ошибается въ этомъ отношеніи. По принятому порядку, казенно-оброчныя статьи продаются только въ видѣ исключенія, когда являются желающіе купить ту или другую статью, либо когда управленіе статью представляется неудобнымъ по незначительности приносимаго ею дохода или слишкомъ большому отдаленности отъ другихъ статей, и при томъ не иначе, какъ съ публичныхъ торговъ. Цѣнность продаваемыхъ статей опредѣляется по капитализаціи выручаемаго отъ нихъ дохода изъ 5% если доходъ этотъ выше оцѣнки; въ противномъ случаѣ, торги начинаются съ оцѣночной суммы. Продажа статьи безъ торговъ допускается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, по какому-либо особому уважительному причинамъ, съ уплатой всей покупной суммы, исчисляемой на изложенныхъ выше основаніяхъ, съ прибавленіемъ къ капитальной цѣнѣ 10% одновременно. Разсрочка платежей дозволяется лишь на самое непродолжительное время не далѣе 2-3 лѣтъ, съ платежемъ въ послѣднемъ случаѣ на всю ту сумму, которая остается въ долгу, установленныхъ процентовъ.

¹⁾ Сборъ этотъ составляетъ по 74 к. съ дес., или по 8 р. 65 к. съ рев. муж. пола души, или по 19 руб. съ наличной семьи.

Очевидно, что продажа мариупольскимъ меннонитамъ казеннаго участка не могла состояться какъ потому, что у нихъ не собрано еще нисколько капиталной суммы, такъ и потому, что они не указали участка, который желали бы приобрести. Но, установивши однажды указанный выше сборъ, они найдутъ, быть можетъ, средства еще усилить его, хоть бы на первые годы или одновременно. Такимъ образомъ, ограничиваясь на первый разъ покупкою участка въ 6 — 7 тысячъ дес., общество уже чрезъ нѣсколько лѣтъ будетъ въ состояннн приобрести эту землю, если не отъ казны, то отъ частныхъ владѣльцевъ. Продолжая по прежнему сборъ и обяывая поселенцевъ, водворенныхъ на купленномъ участкѣ, возвратомъ капиталной суммы, получатся, въ скоромъ времени необходимыя средства для покупки новаго участка, и безземельное населеніе округа будетъ устроено, а коренное водвореніе составитъ себѣ общественный капиталъ. Этотъ капиталъ можетъ и впредь легко удовлетворять данному ему назначенію, тѣмъ болѣе, что съѣздъ депутатовъ отъ всѣхъ окружныхъ обществъ южныхъ колоній опредѣлитъ: повсемѣстно въ колоніяхъ, и на однообразныхъ основаніяхъ, открыть окружныя или волостныя ссудо-сберегательныя кассы ¹⁾. По составленному съѣздомъ проекту, представленному на утвержденіе начальства, одною изъ главныхъ обязанностей кассъ будетъ содѣйствовать покупкѣ, за счетъ волостныхъ обществъ, земель для устройства безземельнаго поселенія. Въ кассы, немедленно по открытн ихъ, обратятся до 700 тыс. руб. однихъ училищныхъ фондовъ, и до 2-хъ милл. иныхъ общественныхъ и сиротскихъ капиталовъ. Слѣдовательно, въ средствахъ для устройства безземельнаго населенія едва ли будетъ затрудненіе.

Здѣсь потребуетса прежде всего только добрая воля обществъ, которыя, по закону, при посредствѣ волостныхъ сходовъ и кассовыхъ управленій, сами будутъ распоряжаться своими общественными суммами и, какъ само собою разумѣется, могутъ дать оборотамъ кассъ то или другое направленіе.

По Хортицкому округу общество равнымъ образомъ занято обсужденіемъ способовъ помочь своимъ безземельнымъ. Тамъ предполагается достигнуть цѣли, во 1-хъ, раздачею въ надѣлъ безземельнымъ угодій, состоящихъ подъ общественной овчарнею; во

¹⁾ Въ болѣе значительныхъ округахъ южныхъ колоній ссудо-сберегательныя кассы существуютъ уже издавна подъ наименованіемъ сиротскихъ. Такъ, напр., касса Либенальскаго округа учреждена еще въ 30-хъ годахъ, и имѣетъ даже въ настоящее время, т. е. безъ помѣщенія въ нее общественныхъ и училищныхъ капиталовъ округа, ежегодный оборотъ до 240 тысячъ руб. Съ 1860 г. открыты подобныя кассы въ 16-ти округахъ Приволжскихъ колоній, и годичный оборотъ ихъ дошелъ уже до 1½ милл. руб.

2-хъ, допущеніемъ дробленія хозяйственныхъ участковъ и, въ 3-хъ, покупкою земель на сторонѣ.

Вообще оба округа, Мариупольскій и Хортицкій, съ самаго начала отнеслись сочувственнѣе молочайцовъ и въ проекту измененія закона о наслѣдованіи колонистовъ въ земляхъ и имуществѣ. Оба общества, «внимательно обсудивъ проектъ» во всѣхъ подробностяхъ и одобвивъ его вполне, нашли нужнымъ выразить свою благодарность «за сохраненіе меннонитамъ и впредь обычныхъ правилъ наслѣдованія, тѣсно связанныхъ съ правовыми понятіями и религіозными убѣжденіями братства». «При настоящемъ положеніи округа—продолжаетъ общество,—каждый хозяйственный земельный участокъ, съ пользою для хозяина и для цѣлаго водворенія можетъ быть раздробленъ на три, — но не болѣе — самостоятельныхъ хозяйствъ; а именно: на одно половинное съ $32\frac{1}{2}$ дес., и на два четвертныхъ, каждое по $16\frac{1}{4}$ д. удобной земли, какъ это отчасти уже допущено. «При такомъ надѣлѣ — удостовѣряетъ общество — семья можетъ существовать, хотя и будетъ лишена возможности возводить и содержать такіа обширныя и цѣнныя постройки, какими до сего времени обзаводились хозяева 65-дес. двора. Но подобныхъ заведеній — присовокупляетъ общество — и не потребуетъ; для сохраненія существующихъ старыхъ построекъ половинный надѣлъ оказывается вполне достаточнымъ, а потому—раздѣлъ *каждаго 65-десятинаго двора, — на указанныя основанія, на три, или же, по усмотрѣнію каждаго хозяина, только на два половинныхъ двора, — желательно допустить по закону».*

ХП.

Ознакомившись съ результатами, достигнутыми меннонитскою колонизаціею, намъ оставалось-бы обратиться къ вопросу: въ чемъ, по преимуществу, заключается причина хозяйственнаго успѣха и благоустройства меннонитскихъ водвореній; т. е., обязаны-ли они своими успѣхами исключительно только предоставленнымъ братству правамъ на общественное самоуправленіе, преимуществамъ по состоянію и матеріальнымъ, а также интеллигентнымъ своимъ средствамъ, или же замѣтную роль играетъ здѣсь чисто механическая сторона установившейся хозяйственной системы, основанной на лично-общинномъ поземельномъ устройствѣ, и если такъ, то въ какой степени этотъ распорядокъ — самъ по себѣ — вліяетъ на преуспѣяніе колоній?....

Но ставя этотъ вопросъ, мы имѣемъ въ виду какъ замѣчатель-

ный примѣръ быстро устройства приселенныхъ къ Молочанскому округу разорившихся радичевцевъ, такъ главнѣйше и происшедшіе у насъ споры о превосходствѣ обычныхъ распорядковъ на землѣ нашихъ крестьянъ предъ западно-европейскимъ крестьяниномъ-собственникомъ, споры, неприведшіе и до сего времени ни къ какому положительному результату ни общества, ни представителей литературы и науки. Наконецъ, мы не могли не принять во вниманіе ту же двойственность началъ по владѣнію и порядкамъ пользованія землею, выразившуюся и во всѣхъ новѣйшихъ законоположеніяхъ нашихъ по поземельному устройству разнаго наименованія поселянъ. Въ каждомъ изъ этихъ актовъ явственно слышны голоса какъ представителей поземельно-общиннаго принципа, такъ и антагонистовъ ихъ, требующихъ обращенія каждаго отдѣльнаго крестьянина въ полного земельно-участковаго собственника, и особенно любопытно прослѣдить тѣ уступки, которыя въ мѣстныхъ положеніяхъ вытребовала себѣ дѣйствительная жизнь, какъ-бы въ доказательство того, что мѣстами практика нашихъ крестьянъ не довольствуется по землевладѣнію ни исключительно общиннымъ, ни исключительно личнымъ принципомъ. Общинно-поземельное устройство нашихъ меннонитскихъ колоній, отличаясь отъ поземельныхъ порядковъ, установившихся у крестьянъ-русскихъ и Западной Европы, по двумъ противоположнымъ системамъ представляетъ собою нѣчто среднее между этими обѣими системами. Меннонитская земледѣльческая община нивѣмъ еще не анализирована всесторонне; всѣ споры и трактаты о крестьянской общинѣ вполнѣ игнорировали этимъ, по нашему мнѣнію, весьма крупнымъ фактомъ; содѣйствовать восполненію этого пробѣла, а также установленію болѣе правильнаго взгляда на наше колонистское населеніе вообще, вотъ главная мысль, лежащая въ основаніи всего нашего труда. Но зная предубѣжденіе, господствующее у весьма многихъ изъ насъ противъ колонистовъ, какъ привилегированнаго состоянія, и будучи того мнѣнія, что не въ привилегіяхъ лежитъ истинная причина хозяйственнаго и общественнаго успѣха колоній, мы видѣли необходимость подкрѣпить себя возможно бѣльшимъ количествомъ фактическаго матеріала, статистическихъ данныхъ и т. п. Таковой баласть нѣсколько тяжолъ для журнальной статьи; но, не имѣя никакого права требовать себѣ вѣры на слово, мы незадумывались надъ этимъ неудобствомъ, въ полной увѣренности, что люди, серьезно интересующіеся крестьянскимъ бытомъ, оцѣнятъ этотъ баласть и воспользуются имъ для провѣрки нашихъ же выводовъ.

Поставивши такъ широко вопросъ, мы не скрываемъ отъ себя всю затруднительность его положительнаго разрѣшенія; но, вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что только въ этомъ смыслѣ анализъ нашихъ колонистскихъ земледѣльческихъ ассоціацій можетъ имѣть вполне современное и практическое значеніе, въ особенности для насъ, русскихъ, занятыхъ закладкою фундамента своего государственнаго строя — вопросомъ крестьянскимъ.

Что правъ общественнаго самоуправленія и вообще преимущества гражданскія, а также матеріальныя средства, составляютъ такіе факторы, безъ которыхъ никакая система поземельнаго устройства не могла-бы дать такихъ благоприятныхъ результатовъ, какія встрѣчаются у нашихъ меннонитовъ, какъ нормальное явленіе, — это, всеконечно, фактъ несомнѣнный, усвоенный и законодательствомъ. Но если болѣе или менѣе всѣ согласны въ томъ, что въ быту земледѣльческаго общества внутренній распорядокъ есть одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ успѣха или упадка, то въ свою очередь безнадежное въ началѣ нынѣшняго столѣтія положеніе меннонитскихъ и другихъ нашихъ колоній, какъ равно исторія Радичева и Сарепты, вполне подтверждаютъ ту не новую, правда, истину, что одни и тѣже права, даже особыя преимущества и матеріальныя средства, могутъ и не вести къ общественному благосостоянію; что сельское общество можетъ быть богато всякаго рода силами наилучшаго качества, и, тѣмъ не менѣе, результатъ взаимодѣйствія этихъ силъ будетъ не тотъ, который требуется; что, наконецъ, общество начинаетъ подходить ближе къ осуществленію своихъ завѣтныхъ желаній только въ такомъ случаѣ, коль скоро оно проникается системою, болѣе или менѣе соответствующею его цѣлямъ, и система эта, ложась въ основаніе частнаго и общественнаго, правственнаго и матеріальнаго быта населенія, преобразовываетъ прежнее *обычное* общество — въ цѣльный, осмысленно работающій организмъ, всѣ функціи котораго, исходя отъ одного общаго положенія и сохраняя каждая въ частности свою естественную, но уже *легально обусловленную* самостоятельность, клонять жизнь солидарно по тому или другому пути, и всегда къ одному логическому выводу. Конечный результатъ, достигаемый общественнымъ организмомъ, зависитъ не столько отъ *оброкачества* отдѣльныхъ дѣйствующихъ въ немъ силъ, сколько отъ правильнаго, солидарнаго ихъ *взаимодѣйствія*, обусловливаемаго раціональностью положенныхъ въ основу общества началъ, такъ что естественнымъ путемъ сложившееся общество, сохраняющее неуклонно возможную свободу всѣхъ частныхъ своихъ дѣятелей и вообще руководствуемое стоящимъ во главѣ его развитія удовлетворительнымъ начальнымъ образованіемъ, само и легко исправляетъ встрѣчаемыя имъ въ своей

средѣ частныя ненормальности — лишь-бы были вполне здравы его главнѣйшія основныя положенія.

Намъ извѣстно, какимъ путемъ законодательство повело наши колоніи съ начала текущаго столѣтія и насколько передовые представители ихъ — меннониты — сумѣли воспользоваться данными имъ средствами и гарантіями, восполняя недомолвки и обходя ошибки законодателя въ разныхъ частностяхъ. И только рациональности главнѣйшихъ основаній принятыхъ въ то время мѣръ, а также сохраненной за колоніями возможности самостоятельно разработывать частности своего быта въ согласіи съ указанными закономъ общими началами, мы обязаны всѣми успѣхами, какіе находимъ теперь въ быту меннонитовъ. Но, ограничиваясь этимъ выводомъ, мы все еще далеки отъ безошибочнаго заключенія о степени превосходства системы собственно *поземельно-общиннаго* устройства меннонитовъ предъ поземельными же порядками на иныхъ основаніяхъ. Въ этомъ случаѣ мало для насъ знать, что меннонитское земледѣльческое общество имѣетъ исходною точкою, базисомъ своимъ, извѣстную комбинацію *по землѣ* двухъ началъ: *общиннаго*, какъ фактора господствующаго, регулирующаго въ смыслѣ общественнаго благосостоянія, и *личнаго*, какъ фактора прогрессивнаго, но подначальнаго, т. е. ограниченнаго въ тѣхъ предѣлахъ, нарушеніе которыхъ со стороны личнаго начала должно-бы повести къ разложенію общины, къ лишенію ея значенія цѣльнаго, самобытнаго организма. Мы не можемъ довольствоваться и тѣмъ, что при болѣе или менѣе стройно-легальномъ взаимодействіи названныхъ двухъ началъ, въ каждой меннонитской колоніи постановка общественно-семейныхъ и экономическихъ правовыхъ условій нормальнѣе, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ; что выходъ изъ общиннаго союза всегда открытъ для всякаго изъ его членовъ; что правила общинно-церковной дисциплины хотя и строги, но въ сущности ограничиваются, или должны-бы ограничиваться — совѣтомъ, увѣщаніемъ, убѣжденіемъ, устраненіемъ сообщниковъ отъ общенія съ порочнымъ индивидуумомъ, а въ крайнемъ случаѣ, удаленіемъ послѣдняго изъ среды общества по приговору двухъ третей его членовъ, и что наконецъ порукою за дальнѣйшее преуспѣяніе этихъ обществъ служить, съ одной стороны — разнообразіе въ нихъ, сверхъ главнаго земледѣльческаго, разнаго рода иного спеціальнаго труда, а съ другой — присущіе общественному строю меннонитовъ основныя начала, и въ томъ числѣ свобода приходскаго общенія и равноправіе по наслѣдственному имуществу обоихъ половъ, факторы, которые слишкомъ разумны, чтобы не имѣть на своей сторонѣ и законодателя, и большинства современнаго общества.

Всѣмъ этимъ мы удовлетворяемся не вполне, такъ какъ отсюда все еще нельзя убѣдиться, что именно поземельный строй меннонитскаго общества играетъ здѣсь по меньшей мѣрѣ такую же важную роль, какая безспорно принадлежитъ другимъ главнымъ факторамъ: правамъ самоуправленія, гражданства и т. д.

Если стать на экономическую почву въ тѣсномъ смыслѣ слова, то меннонитскій дворъ-хозяйство, какъ нѣчто безотносительное, не можетъ не казаться хотя-бы только весьма удовлетворительнымъ даже въ глазахъ самаго требовательнаго фермера. Но намъ вправѣ возразить, что такой взглядъ одностороненъ, что истинная цѣнность вещи, промысла, заведенія, личности и т. д. обуславливается достоинствами сколько реальными, столько же и относительными. И дѣйствительно, въ настоящемъ случаѣ весь вопросъ въ томъ, съ точки зрѣнія чьихъ интересовъ смотрѣть на предметъ. Такъ, хозяйство меннонита N, взятое само по-себѣ, образцово прежде всего съ общей точки зрѣнія фермерства, за тѣмъ самого хозяина и вообще тѣхъ лицъ и учреждений, которыя не имѣютъ съ N и его хозяйствомъ никакихъ непосредственно-обязательныхъ соотношеній. Но изъ этого, какъ само собою разумѣется, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы за N и его дворомъ признавали ту же образцовость: общество, членомъ котораго состоитъ N со своимъ хозяйствомъ; казна имѣющая къ нему фискальныя требованія, и, наконецъ, *земство*, въ интересахъ котораго можетъ быть признано образцовымъ исключительно хозяйство, поддерживающее собственное благосостояніе при одновременномъ, относительно равномерномъ и исправномъ отбываніи по крайней мѣрѣ тѣхъ же личныхъ и по имуществу тягостей, какія выпадаютъ на долю менѣ состоятельнаго сосѣда меннонита N. Такимъ образомъ, указавъ безспорное превосходство меннонитскаго хозяйства предъ хозяйствомъ, напримѣръ, нашего крестьянина, мы еще не доказали-бы въ сущности ничего положительнаго, или же по крайней мѣрѣ, не то, что требовалось доказать.

Ближайшее сопоставленіе съ меннонитами Радичева и Сарепты тоже не повело-бы къ цѣли, такъ какъ эти послѣднія общины обращали свою дѣятельность преимущественно на ремесла, промыслы и торговлю, а Сарепта, сверхъ того, еще и на миссіонерство; меннониты же, какъ земледѣльцы по призванію въ принципѣ чуждые фанатической религіозной пропагандѣ, неуклонно слѣдуютъ своему девизу: «культивированіе праздныхъ мѣстъ!» и развиваютъ ремесла, промыслы и торговлю иначе, какъ въ неразрывно тѣсной связи съ хлѣбопашествомъ и сво-

товоднымъ хозяйствомъ, сообразовываясь при этомъ прежде всего съ потребностями послѣдняго.

Нѣсколько ближе мы подойдемъ къ занимающему насъ вопросу, знакомясь съ отношеніями къ поземельной общинѣ меннонитовъ-Nurfer'овъ и «Іерусалимскихъ друзей», съ представителями которыхъ мы лично бесѣдовали. Они, правда, никакъ не хотѣли допустить, что религіознымъ ихъ движеніямъ, хотя отчасти, причастны «мірскіе» расчеты; но, въ то же время, они вполне подтверждали, что при своевременномъ устройствѣ селскаго схода и выборнаго управленія на основаніяхъ, ограничивающихъ до извѣстной степени самовластіе хозяевъ—введеніемъ въ составъ схода Anwohner'овъ и нѣкотораго процента отъ класса безземельныхъ, — оба вопроса — религіозный и поземельный, не привели бы къ такому глубокому разладу, какой существуетъ теперь среди меннонитскаго братства на Молочнѣ. Наши собесѣдники не отрицали при этомъ, что въ числѣ послѣдователей вновь образовавшихся приходовъ едва-ли не большинство состоитъ изъ безземельныхъ, одинаково недовольныхъ сколько религіозно-нравственнымъ упадкомъ своихъ единовѣрцевъ, столько же и небреженіемъ со стороны хозяевъ—устройствомъ быта и бытѣя колонистскаго населенія, и что одна изъ главнѣйшихъ цѣлей новыхъ приходовъ — приобрѣтеніе тѣмъ или другимъ законнымъ путемъ земельного владѣнія для устройства на немъ самостоятельнаго гражданскаго общества «для жизни въ мирѣ и трудѣ». На вопросъ нашъ: какой, въ случаѣ прибрѣтенія земли, братства установятъ у себя распорядокъ владѣнія и пользованія? намъ безъ затрудненія отвѣчали, что существующая у меннонитовъ система — своего рода идеаль сельско-земледѣльческаго устройства, лучше котораго они (наши собственники) ничего не находили ни у насъ въ Россіи, ни за границею; что благосостояніемъ, вызываемымъ этой системою, обусловливается отчасти эгоистическое увлеченіе большинства меннонитовъ «стяжаніемъ мірскихъ благъ, въ ущербъ благамъ душевнымъ и нравственнымъ», тогда какъ послѣдователи новыхъ толковъ твердо убѣждены, что «прочнымъ и преуспѣвающимъ можетъ быть признано только гражданское благоустройство и матеріальное благосостояніе, идущія рука объ руку съ основательнымъ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ и руководимыя болѣе или менѣе научными знаніями и образованіемъ». «Никто изъ безземельныхъ — присовокупляли наши собесѣдники — не думаетъ серьезно объ уравнительномъ передѣлѣ земель по душамъ, или даже по семействамъ; всякій изъ насъ вполне убѣжденъ, что такая ломка повела-бы къ полному разоренію навсегда не только нынѣшнихъ хозяйствъ,

но и благосостоянія всего братства. Поэтому, безземельные поставили себѣ цѣлью, не ломая существующихъ поземельныхъ порядковъ, ввести въ составъ сельскаго схода своихъ представителей, и, чрезъ ихъ посредство добившись приобрѣтенія за счетъ общества нужной земли, устроиться на ней въ составѣ такихъ же общинъ.» Если-бы это говорили люди «темные», забытые рутинною, то, конечно, для многихъ голосъ ихъ могъ-бы казаться незаслуживающимъ никакого вниманія; но кругозоръ и реальныя знанія нашихъ собесѣдниковъ, осмысленные нагляднымъ многостороннимъ опытомъ, довольно солиднымъ образованіемъ и критически анализирующимъ умомъ, не таковы, чтобы можно было относиться къ нимъ свысока и небрежно. Тѣмъ не менѣе, мы далеки отъ мысли навязывать читателю приведенное свидѣтельство, какъ аксіому. Напротивъ, удовлетворительное разрѣшеніе нашего вопроса, мы думаемъ, находится въ сопоставленіи быта меннонитовъ съ современнымъ положеніемъ такихъ же, чисто земледѣльческихъ поселеній, т. е. съ остальными нѣмецкими колоніями, и особенно съ тѣми, которыя по времени, мѣстности и условіямъ поселенія стоятъ ближе къ меннонитамъ. При этомъ мы увидѣли бы, что почти одинаково привилегированное положеніе и тождество гражданскихъ условій всего колонистскаго состоянія сводятъ въ концѣ концовъ успѣхъ или неуспѣхъ каждаго отдѣльнаго водворенія къ одному и тому же фактору — ко внутреннимъ распоряжкамъ колоній по землевладѣнію.

Но эти распорядки вызвали бы насъ далеко за предѣлы настоящаго изслѣдованія и потому мы, въ заключеніе, обратимъ вниманіе нашихъ читателей только на то обстоятельство, что въ концѣ прошлаго вѣка положеніе поселеній нѣмцевъ и шведовъ, какъ въ Поволжьи, такъ и въ остальныхъ колонизированныхъ мѣстностяхъ, было весьма жалкое, и замѣтимъ, что даже Контеиусъ, несомнѣнно сочувствовавшій дѣлу иностранной колонизаціи и ставшій съ начала текущаго столѣтія во главѣ южныхъ колоній, отчаявался, по видимому, въ успѣхъ даже меннонитскихъ водвореній, не говоря уже о попыткахъ остальныхъ заграничныхъ поселенъ. Но, вопреки всему этому, коренныя мѣропріятія правительства, двинувшія впередъ съ такою силою меннонитскія водворенія, вдохнули жизнь и въ колонизацію остальныхъ нашихъ заграничныхъ всельниковъ.

А. Блаусъ.

ЗАПИСКИ О РОССИИ

XVII-го и XVIII-го ВѢКА

ПО ДОНЕСЕНІЯМЪ ГОЛЛАНДСКИХЪ РЕЗИДЕНТОВЪ.

II.

ПОСОЛЬСТВО ВРЕДЕРОДЕ, ВАССА И ЮАБИМИ ВЪ РОССИЮ, И ИХЪ ДОНЕСЕНІЕ
ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ ШТАТАМЪ *).

Посредники (англ. и голл. послы), уладивъ дѣло съ перебѣжчи-
ками, просили снова шведскихъ уполномоченныхъ не таить содер-
жанія своихъ инструкцій, но объявить рѣшительныя свои претензіи
и уступить что-нибудь изъ своихъ требованій, вслѣдствіе чего и
русскіе сдѣлаютъ свои дальнѣйшія объявленія. Они отвѣтили,
что ничего не утаивали, что объявили рѣшительныя свои усло-
вія, но они полагаютъ, что король не будетъ пренебрегать
миромъ, если денежныя предложенія русскихъ не представятъ
противъ требованій короля разницы болѣе, чѣмъ пять или шесть
сотъ тысячъ рейсталеровъ. Имъ было сказано, что царь не бу-
детъ дѣлать затрудненія въ уступкѣ имъ Кексгольма, и что
русскіе уполномоченные чрезъ два или три дня ожидаютъ изъ
Москвы полномочія обширнѣе прежняго; посредники просили
ихъ, вслѣдствіе того, обождать до истеченія этого срока; но
они сказали, что не могутъ дожидаться два дня, потому что
лошади и сани, на которыхъ слѣдовало отправить поклажу, уже
прибыли, и что ихъ задерживать нельзя за неимѣніемъ корма;

*) См. выше, т. I, стр. 222—255, и т. II, стр. 718—762.

а по причинѣ дальней дороги, нельзя отослать назадъ и потомъ снова вытребовать ихъ.

Посредниками предложено три условія, изъ которыхъ одно долженъ былъ выбрать царь. Всѣ условія были умѣреннѣе тѣхъ, которыя были объявлены шведскими уполномоченными посредникамъ; но, когда они имъ сообщены были, то изъ словъ ихъ ясно можно было понять, что они, не испрашивая соизволенія короля, заключили-бъ миръ, еслибъ великій князь избралъ одно изъ двухъ послѣднихъ предложеній¹⁾.

Изложеніе означенныхъ условій въ видѣ проекта договора (contract) утверждено было посредниками 10 февраля и положено было отправить на другой день къ его царскому величеству вмѣстѣ съ письмами, которыя, какъ англійскій посоль, такъ и мы намѣрены были писать къ царю. Это однакожь отложено было до 14-го числа, такъ какъ 11-го числа посоль извинился тѣмъ, что письма его не готовы, а 12-го русскіе полномочные просили не отсылать всего проекта къ царю, но только три предложенія, касающіяся возвращенія городовъ, говоря, что вовсе не нужно отсылать всего въ Москву, потому что они полную имѣютъ власть заключать трактатъ по всѣмъ прочимъ пунктамъ. Для того, чтобъ посредники удобнѣе приняли это предложеніе, они повторили по порядку всѣ пункты, какъ они поставлены въ проектѣ. Они дѣлали затрудненія лишь по одному пункту: хотѣли утвердить изъ выборгскаго договора только то, чтобъ шведы имѣли право отправляться чрезъ Россію въ Персію и Татарію, потому что этого не было выговорено въ тевзинскомъ договорѣ. Относительно 12-го пункта, они сказали, что такъ какъ ихъ великій князь болѣе значить, чѣмъ король шведскій, то посламъ послѣдняго слѣдуетъ первымъ ѣхать въ Москву, чтобъ присутствовать при утвержденіи царемъ мира посредствомъ крестнаго цѣлованія, и что, при отъѣздѣ шведскихъ пословъ изъ Москвы, царь отправить съ ними своихъ пословъ присутствовать при присягѣ, которою король съ своей стороны утвердитъ миръ. Они сначала требовали, чтобъ мы сообщали имъ письмо, которое мы писали къ великому князю; письменно и словесно одобривъ его, они просили насъ написать также къ царю, что мы объ упоминаемыхъ въ письмѣ важныхъ дѣлахъ сами отъ себя пишемъ также

¹⁾ На основаніи этихъ данныхъ, посредники рѣшились составить проектъ трактата, представляющаго эти три различныя условія на выборъ, который въ дневникѣ прописавъ сполна, но такъ какъ упомянутыя три условія изложены въ письмѣ шведскихъ пословъ къ царю и въ отвѣтѣ царя (см. ниже) и договоръ этотъ не былъ заключенъ, а остался лишь проектомъ, то мы его здѣсь не помѣщаемъ.

къ королю шведскому и просили насъ назвать того, кого мы намѣрены отправить съ письмомъ къ королю. Мы не могли отказать имъ въ этихъ требованіяхъ, подѣ опасеніемъ появленія новыхъ затрудненій, хотя мы очень хорошо поняли, что это дѣлалось ими для того только, чтобъ извлечь изъ этого новые поводы къ отлагательству. Мы назвали имъ Андрея-ванъ-Вуве (Andrus van-Wouwe), который долженъ былъ ѣхать къ королю съ письмомъ, и прибавили въ письмѣ нашемъ къ царю, что мы чрезъ нарочнаго дворянина пишемъ къ королю шведскому объ этихъ важныхъ дѣлахъ.

Копія съ письма нашего къ его величеству.

«Державнѣйшій, Могуществѣннѣйшій Государь и Великій Князь М. Ѳедоровичъ, Самодержецъ всероссійскій, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Владѣтель Пскова и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, (Jugersho), Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и другихъ, Владѣтель и Великій Князь Новгородскій, низовыхъ земель (des niederugen Landes), Чернигова, Рязанской, Ростовской, Ярославской, Бѣлозерской (Beloosurskie), Лифляндской, Удорской, Обдорской, Кондинской и всей Сѣверной стороны (der ganschen Nordischen syden), Повелитель и Владѣтель всей Иверійской (Iverischen), Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, Черкесскихъ и Горскихъ (Gorschen) Князей и многихъ другихъ владѣній Повелитель и Покровитель!

«Мы всегда готовы къ нижайшимъ услугамъ В. Ц. Величества, Свѣтлѣйшій и Могуществѣннѣйшій Царь и Великій Князь. Письмо В. Ц. В., писанное къ намъ въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ и посланное намъ чрезъ Геррита ванъ-дерь-Гейдена, мы здѣсь съ должнымъ почтеніемъ получили и съ радостію усмотрѣли изъ него, равно изъ присылки къ намъ толмача Павла Томаса Стерлинга, который усердно и вѣрно намъ служить, что В. Ц. В. изволите продолжать милостивое расположеніе свое къ Повелителямъ нашимъ Высокимъ и Высокомогущественнымъ Гг. Генеральнымъ-Штатамъ Соединенныхъ Нидерландовъ и къ намъ, посланникамъ ихъ Могуществъ и вообще ко всѣмъ ихъ поданнымъ, и что В. Царск. Велич. съ благоклонностію приняли рѣшеніе Повелителей нашихъ отправить насъ для способствованія заключенію добраго, справедливаго и правильнаго мира между В. Ц. В-мъ и королемъ шведскимъ; изъ означеннаго письма видимъ, что В. Ц. В. одобрили насъ за то, что мы рѣшились остаться въ томъ мѣстѣ, гдѣ съѣхались всѣ главные уполномоченные обоихъ государей, для того,

чтобъ намъ можно было присутствовать при переговорахъ и не выпускать изъ виду того, что могло бы послужить къ успѣху столь добраго дѣла и къ пользѣ и службѣ В. Ц. В. — Мы никакъ не благодаримъ В. Ц. В. за доброе расположеніе и за помянутыя милостивыя увѣренія и за милостивое вниманіе, которое В. Ц. В., изъ уваженія къ намъ, угодно было оказать помянутому купцу Герриту ванъ-деръ-Гейдену, отправленному нами къ В. Царск. Вел. Желая по возможности изъяснить признательность нашу за таковыя благодѣянія и милости В. В. и желая исполнить возложенную на насъ по приказанію Гг. Генеральныхъ-Штатовъ Соединенныхъ Нидерландовъ, Повелителей нашихъ, порученіе, мы употребили всѣ старанія и усилія, совокупно съ посланникомъ его величества, Іакова, короля Великобританіи, Франціи и Ирландіи, господиномъ Іаномъ (Jan) Меррикомъ кавалеромъ, Е. К. В. камергеромъ и совѣтникомъ, чтобъ довести означенные переговоры до пріятнаго и полезнаго для В. Ц. В. окончанія, но, къ крайнему сожалѣнію его превосходительства (который въ семъ дѣлѣ весьма ревностно старался о выгодахъ В. В.), и къ нашему великому прискорбію всѣ труды и старанія наши по настоящее время не принесли желаемыхъ плодовъ потому, что порученія и власти данныя обоюдостороннимъ главнымъ уполномоченнымъ такъ между собою различествуютъ, что невозможно было согласить однихъ съ другими, и еслибъ посоль Великобританіи и мы не старались всячески уговорить главныхъ полномочныхъ короля шведскаго, то они тотчасъ же отправились бы назадъ, по вышепомянутымъ причинамъ и подъ предлогомъ, что весьма неудобно въ настоящее время года, и въ опустошенномъ и разоренномъ мѣстѣ продолжать собраніе; такимъ образомъ, переговоры были бы прерваны и рушились бы, что было бы весьма жаль. Но намъ удалось уговорить ихъ остаться съ нами и съ англійскимъ посломъ до будущаго 15 февраля, для того, чтобъ мы въ это время могли увѣдомить В. В. о рѣшительныхъ условіяхъ, на которыхъ, по нашему мнѣнію, король шведскій можетъ согласиться заключить миръ съ В. В.-мъ, и чтобъ мы могли узнать согласно ли В. В. принять одно изъ трехъ предложеній¹⁾ (на которыя, какъ на крайнія уступки, шведскіе посланники могутъ согласиться по даннымъ имъ полномочіямъ), съ прочими условіями, прописанными въ документѣ, который переданъ будетъ В. В.-ву служителемъ англійскаго посла и который запечатанъ его и

1) Эти предложенія изложены подробно въ отвѣтѣ царя на настоящее письмо (См. ниже).

нашими печатями, и на основаніи того заключить миръ. На первый взглядъ, условія эти могутъ показаться тяжкими, но В. В., въ мудрости своей, безъ сомнѣнія, не оставите безъ вниманія слѣдующія и многія другія уважительныя причины, и примете рѣшеніе, какое необходимо и полезно для укрѣпленія и сохраненія государства. *Во-первыхъ*: цари, короли и христіанскіе князья получили отъ Бога власть свою для того, чтобъ защищать и хранить въ мирѣ подданныхъ своихъ, чтобъ по возможности отвращать пролитіе крови христіанской, чего достигнуть нельзя при продолженіи войны. Мѣста, коиими король шведскій владѣетъ въ Россіи, не могутъ быть отняты у него безъ военной силы, отъ чего земли и люди будутъ испытывать страданія, и почти всѣ подданные простираютъ руки въ В. В-ву, какъ боголюбивый отецъ митрополитъ, архимандриты, игумены и всѣ духовныя особы новгородскія, такъ и бояре, оставшіеся въ ономъ, гости и мѣщане, которые всѣ отъ продолжительныхъ войнъ должны погибнуть. Торговля остановится, останутся невозвѣданными всѣ земли, изъ которыхъ царская казна добываетъ большіе доходы. *Во-вторыхъ*: заключеніемъ мира В. В. прибрѣтетъ другомъ короля, отъ котораго впоследствии получите услуги и выгоды, и чья дружба вѣрнѣе, чѣмъ дружба другихъ государей, которые признаютъ папу римскаго главою христіанства, и коихъ обѣщанія и клятвы столь шатки, потому что папа присвоиваетъ себѣ власть освобождать и увольнять, сколько ему угодно, королей и государей, признающихъ верховную власть его, отъ данныхъ ими клятвъ и обѣщаній. Къ тому же В. В. и король шведскій имѣете общаго и почти непримиримаго врага, который, если нападутъ на него оба государя, будетъ тѣмъ менѣе имѣть возможность вредить одному или другому. Городъ Псковъ, сохраненіе коего также весьма немаловажно для В. В., освободится отъ нападенія шведовъ; городъ этотъ, хотя и весьма хорошо укрѣпленъ, защищенъ и почти непобѣдимъ, но однакожь трудно спасти его или онъ по крайней мѣрѣ, безпрестанными нападеніями и осадами, будетъ изнуренъ, доведенъ до бѣдности и лишенъ всякаго промысла, изъ чего произойдетъ сильный ущербъ для доходовъ В. В.; къ тому заслуживаетъ вниманіе и то обстоятельство, что не малая слава и не малый блескъ внутри и внѣ государства произойдетъ для В. В., если вы, государь, въ счастливое царствованіе, прибрѣтете снова столицу повсюду славящагося в. княжества Новгородскаго и уничтожите притязанія, которыя король шведскій полагаетъ имѣть на государство російское, въ особенности же на великое княжество Новгородское. Кромѣ славы, которая заслуживаетъ великаго уваженія въ пра-

вленіи, государство В. В. (которое да умножить и увеличить Богъ всемогущій), не мало усилится отъ спокойнаго владѣнія Новгородомъ. Не менѣе уваженія заслуживаетъ и то (мы надѣмся, что В. Ц. В. одобрите это наше мнѣніе), что успѣхъ войны, которая, какъ сказано выше, не можетъ быть продолжена безъ великихъ издержекъ, всегда невѣренъ, и что войны не всегда оканчиваются такъ, какъ воображаютъ государи, которые ведутъ ихъ. Потому, правители, опытные въ дѣлѣ правленія, справедливо полагали, что вѣрнѣе откупиться отъ войны, если только возможно, не вредя явно своему достоинству, и выгоднѣе выручить требуемое посредствомъ договора, чѣмъ употребить на то самыя отчаянныя средства. Это весьма хорошо постигъ и исполнилъ на дѣлѣ недавно умершій король французскій Генрихъ IV, одинъ изъ мудрѣйшихъ и умнѣйшихъ королей, носившихъ вѣнецъ въ наше и отцовъ нашихъ время. Когда онъ наслѣдовалъ французскій престолъ, который отъ разныхъ партій, междоусобій и войнъ почти очутился въ чужихъ рукахъ, то король этотъ, утвердившись въ государствѣ своемъ помощію Божіею и умнѣніемъ, по разуму человѣческому, преодолѣть непріятелей въ ихъ собственной землѣ, предпочелъ посредствомъ договора получить обратно отъ короля испанскаго нѣсколько городовъ, несправедливо послѣднимъ отнятыхъ, и взаменъ отдать ему другія мѣста, принадлежащія Франціи и воими король Генрихъ владѣлъ, чѣмъ погружаться въ издержки, которыя неминуемо вели бы за собою войну, и ожидать невѣрнаго окончанія и успѣха оной. И великій король Генрихъ, въ подобныхъ случаяхъ, поступилъ такимъ образомъ не только съ королемъ испанскимъ, но и со многими собственными своими подданными, которые овладѣли различными областями, городами и вѣрностями, — мѣста эти онъ выкупилъ изъ рукъ ихъ, обѣщая имъ значительныя пенсіи и другія награды; таковыя обѣщанія онъ свято хранилъ. Доставивъ, такимъ образомъ, государству своему спокойствіе и благосостояніе, онъ оставилъ его сыну въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ не многіе изъ его предшественниковъ могли это сдѣлать. Мы просимъ отъ всего сердца Бога всемогущаго, чтобъ государство россійское, подъ правленіемъ В. В. съ увеличивающимся успѣхомъ процвѣтало, и чтобъ Богъ внушилъ В. В.-ву принятіе тѣхъ средствъ, которыя послужатъ ко благу государства вашего. Мы, чрезъ дворянина и капитана барона Николая ванъ-Бредероде, котораго мы отправили къ В. Ц. В.-ву съ этимъ письмомъ, будемъ ожидать рѣшительнаго мнѣнія Ваш. Ц. Вел. относительно пересылаемыхъ условій, нижайше прося доставить къ намъ отвѣтъ ранѣе 15 февраля, такъ какъ, мы полагаемъ, что

невозможно будет долѣе удержать здѣсь шведскихъ полномочныхъ или уговорить ихъ продолжать переговоры. Долгое отлагательство, безъ всякаго успѣха, можетъ также во многомъ повредить пользѣ В. В., особенно въ отношеніи къ Пскову, которому, какъ кажется, поляки угрожаютъ осадою. Если же во время заключится миръ, то весьма удобно городъ можетъ быть снабженъ всѣми потребностями, нужными для того, чтобъ остановить поляковъ.

«Затѣмъ, Свѣтлѣйшій Державнѣйшій Царь и Великій Князь, мы нижайше повергаемъ себя на милость В. Ц. В. и просимъ Бога всемогущаго, да хранитъ онъ В. В. во всякомъ царскомъ благополучіи.

«Дано въ Глѣбовѣ, близъ Дидерина, 31 января 1616 г., стараго стilia.»

Мы послѣ того написали также письмо къ королю шведскому и отправили 18 февраля.

Когда означенный посланникъ отправленъ былъ въ Москву, то князь Даниль Ивановичъ Мезецкій, а потомъ и Николай Никитичъ Новоксеновъ, пригласили всѣхъ гг. посредниковъ къ обѣду; отъ одного обѣда отказались двое изъ насъ, а отъ другого одинъ, потому что съ половины января, мы всѣ были нездоровы и хворали, и то одинъ, то другой изъ насъ не могъ присутствовать при собраніяхъ. На послѣднемъ обѣдѣ не подавали мяса, потому что это было въ сырную недѣлю, когда русскіе мяса не употребляютъ, а послѣ во весь постъ они даже воздерживались отъ молочнаго. На обоихъ обѣдахъ, подъ-конецъ стола пили не только за здоровье Е. Ц. В., но и за здоровье короля великобританскаго и В. Д. В., тѣмъ же порядкомъ, какъ мы уже разъ писали. Гр. Яковъ де ла-Гарди также почтилъ гг. посредниковъ обѣдомъ, пока ожидали возвращенія посланнаго въ Москву.

16 февраля, посоль Великобританіи и русскіе полномочные дали намъ знать, что Е. Ц. Высоч. приказалъ освободить Яна Эвертса (Jan Everts), купца изъ города Цволле (Swolle), пойманнаго во Псковѣ, и объ освобожденіи котораго мы просили полномочныхъ 20 января. Мы поблагодарили Е. Ц. В. за эту милость, а ихъ пр-ства за извѣщеніе, и просили полномочныхъ немедленно приказать исполнить повелѣніе царское, что и было ими намъ обѣщано.

Шведы начали опять говорить, что они, по просьбѣ посредниковъ, ждали до того времени, въ которое можно было надѣяться получить отвѣтъ отъ В. Князя изъ Москвы, ждали даже до-

лѣе назначеннаго дня; слѣдовательно, исполнивъ желаніе гг. посредниковъ, они имѣютъ право уѣхать.....

1 марта, утромъ, посоль великобританскій далъ знать шведскимъ полномочнымъ и намъ, что онъ получилъ письмо отъ в. князя изъ Москвы. Онъ вкратцѣ изложилъ намъ содержаніе этого письма, а въ тотъ же день, передъ обѣдомъ, сообщилъ намъ его пообстоятельнѣе въ присутствіи русскихъ полномочныхъ. Содержаніе письма было слѣдующее. — Секретарь посла и капитанъ Николай ванъ-Бредероде прибыли въ Москву 21 февраля новаго стilia, и хотя великіе князья имѣютъ обыкновеніе въ первую недѣлю поста никакими дѣлами не заниматься и, кромѣ приближенныхъ, къ себѣ никого не допускаютъ, но однакожь Его Ц. В., желая показать расположеніе свое къ миру, приказалъ 23-го тогоже мѣсяца, допустить къ узрѣнію свѣтлыхъ очей своихъ — отправленныхъ къ нему посломъ и нами. Онъ принялъ и прочиталъ принесенныя ими письма. Е. Ц. В. намѣренъ былъ немедленно отправить назадъ нашихъ посланныхъ и ни на одинъ часъ не откладывать ихъ возвращенія, и потому, въ письмѣ своемъ, просить посла, переговорить съ нами, и вмѣстѣ съ нимъ убѣдить шведскихъ уполномоченныхъ выждать возвращенія нашихъ посланныхъ. Посоль прибавилъ, что вѣстникъ, принесшій письмо это, выѣхалъ изъ Москвы въ ночь съ 23 на 24 февраля, и князь Даниилъ Ивановичъ присовокупилъ, что онъ увѣренъ въ томъ, что наши посланные отправлены были изъ Москвы 25-го числа, до восхожденія солнца, и будутъ къ намъ назадъ 4-го, и никакъ не позже 6-го марта. Но, послѣ обѣда, когда обо всемъ этомъ было объявлено шведскимъ полномочнымъ, и посоль, чтобъ придать болѣе силы словамъ своимъ, взялъ въ руки письмо великаго князя, показалъ и прочиталъ имъ мѣсто, гдѣ написано было то, что онъ имъ сообщилъ, — то графъ Делагарди и переводчикъ короля замѣтили, что въ письмѣ содержится вовсе не то, что было сказано намъ и королевскимъ шведскимъ уполномоченнымъ, что царь, не смотря на вышеозначенныя причины и на слова, объявленныя посломъ, допустилъ къ свѣтлымъ очамъ своимъ нашихъ посланныхъ, принялъ и перечиталъ письма наши, но намѣренъ былъ посовѣтоваться о ихъ содержаніи съ своимъ совѣтомъ и боярами, а потомъ ни на одинъ часъ не удерживать нашихъ посланныхъ. Затѣмъ мы и шведскіе полномочные просили, чтобъ намъ отдано было письмо это на разсмотрѣніе; но предложеніе это было принято посломъ съ худой стороны, и онъ прибавилъ, что словамъ его слѣдуетъ вѣрить. Онъ повторилъ, что письмо содержитъ дѣйствительно то, что онъ намъ говорилъ, и просилъ шведскихъ полномочныхъ дожидаться возвра-

щенія посланныхъ. Они отговаривались прежними доводами, и прибавили еще то, что они изъ письма могли привести въ подтвержденіе своего намѣренія. Шведы снова поблагодарили посредниковъ и хотѣли проститься, съ тѣмъ, чтобъ ѣхать на другой день; но посолъ не соглашался, говоря, что онъ надѣется въ скоромъ времени получить еще другія письма изъ Москвы. Русскимъ полномочнымъ дано было знать, что шведы хотятъ ѣхать на другой день въ обѣдъ. Они 2-го марта пришли къ посредникамъ, и, не смотря на то, что посолъ сказалъ намъ, что, разсматривъ повнимательнѣе письмо великаго князя, онъ нашель, что содержаніе онаго дѣйствительно такое, какое полагали графъ Делагарди и переводчикъ Бракель (Braeckel), тѣмъ не менѣе, однако, русскіе уполномоченные утверждали, что наши посланные отправлены были изъ Москвы въ прошедшее воскресенье, и что они послали къ нимъ на встрѣчу вѣстника, чтобъ поторопить ихъ. Они опять просили насъ остановить шведскихъ полномочныхъ; когда же имъ снова объявили, что истощены были всѣ средства удержать ихъ, то они требовали, чтобъ посредники (въ случаѣ, если никакъ нельзя будетъ уговорить шведовъ остаться), предложили имъ перемиріе на такой срокъ, на какой посредникамъ заблагоразсудится. Условія на перемиріе были имъ предложены слѣдующія: въ теченіи настоящаго года назначить другой съѣздъ, на который обоимъ государямъ отправить посланниковъ съ достаточными полномочіями и властью. Посланникамъ короля великобританскаго и Нидерландскихъ Генеральныхъ-Штатовъ, по-прежнему, быть посредниками. На этомъ съѣздѣ положено разсуждать и переговариваться о мирѣ христіанства и о наслѣдственныхъ владѣніяхъ царя, находящихся въ рукахъ шведовъ, сообразно съ данными обѣихъ сторонъ полномочнымъ порученіями. Всѣ военныя дѣйствія должны быть прекращены до того времени, пока назначится собраніе для переговоровъ о добрыхъ дѣлахъ. Войско короля, во все продолженіе перемирія, не должно разрушать церквей и монастырей въ Новгородѣ великомъ и другихъ царскихъ городахъ, занятыхъ шведами, не умерщвлять и не грабить жителей, не увозить ни митрополита Исидора, ни боярина князя Ивана Никитича Одоевскаго, ни другихъ жителей вообще, не вывозить ни колоколовъ, ни пушекъ. Русскіе просили также, чтобъ, по заключеніи перемирія, одинъ изъ насъ отправился въ Москву съ великобританскимъ посломъ. Но мы отъ этого путешествія отказались, говоря, что никому изъ насъ нельзя отдѣлиться отъ двухъ прочихъ. Тогда они предложили всѣмъ тремъ намъ ѣхать въ Москву. Мы отвѣтили, что охотно на то соглашаемся, если посолъ великобританскаго короля согласится съ нами.

танскій отправится, въ свою очередь, въ королю шведскому. Это предложеніе наше весьма было хорошо принято русскими уполномоченными, и они старались уговорить посла ѣхать въ Швецію, но онъ просилъ ихъ о томъ болѣе не говорить. Въ этотъ же день посредники посѣтили шведовъ на ихъ квартирѣ и, когда нивагъ уже нельзя было уговорить ихъ дожидаться отвѣта великаго князя на письмо посредниковъ, то имъ предложены были перемиріе и условія, которыхъ требовали русскіе. Шведы возразили, что на заключеніе перемирія—власти не имѣютъ, но, наконецъ, согласились на простое перемиріе, безъ всякихъ другихъ условій, по которому, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, должны были быть прекращены всѣ непріятельскія дѣйствія, и изъявили при этомъ надежду, что посредники согласятъ обоимъ государей въ продолженіи этого срока заключить окончательно миръ. Относительно того же, чтобы не разрушать церквей и монастырей, не увозить жителей и не вывозить колоколовъ и пушекъ, они сказали, что король въ городахъ, которые занимаетъ въ Россіи, будетъ пользоваться вполнѣ правами своими, не допуская, чтобы кто-либо могъ ему по этому предмету дѣлать предписанія, и что онъ вовсе не намѣренъ принимать приказаній или условій отъ русскихъ. Графъ Деллагарди прибавилъ, однакожъ, что надѣется, что посредники увѣрены въ томъ, что онъ съ новгородцами будетъ поступать какъ слѣдуетъ честному и благородному человѣку, и что онъ никакихъ новыхъ дѣйствій предпринимать не станетъ, развѣ онъ на то будетъ вынужденъ. Онъ присовокупилъ, впрочемъ, что вовсе не желаетъ, чтобы изъ послѣднихъ словъ его кто-либо могъ вывести какое-нибудь право или на томъ основывать какой-либо искъ или требованіе. Деллагарди согласился остаться весь слѣдующій день, чтобы заключить предполагаемое перемиріе, съ тѣмъ, чтобы русскіе полномочные снабдили его для лошадей, которыя должны были повезти нашу поклажу, шестью или семью возами сѣна, и за деньги уступили-бъ королевскимъ солдатамъ хлѣбъ, нужный для ихъ пропитанія; за что онъ хотѣлъ выслать имъ свѣжей рыбы изъ Новгорода. Русскіе согласились дать сѣна, а въ хлѣбъ отказали.

3-го марта, передъ обѣдомъ, русскіе полномочные просили еще о заключеніи перемирія на предложенныхъ ими условіяхъ; особенно же просили, чтобы оно было заключено на 4 мѣсяца, и чтобы уполномоченнымъ опять собраться въ Дидеринѣ. Но, такъ-какъ этого никакъ нельзя было устроить, то они согласились на то, чтобы съѣздъ назначить между Ладогою и Тихвиномъ. Въ этомъ собраніи, мы поблагодарили русскихъ уполномо-

моченныхъ за хлѣбъ, за соль и за всѣ продовольствія и напитки, которыми они нѣсколько времени снабжали насъ, равно и за кормъ для лошадей. Потомъ мы съ ними простились. Они радушно отвѣчали намъ, сдѣлали намъ много обѣщаній, когда заключится миръ, и просили насъ продолжать услуги наши Е. Ц. В. Еще они просили насъ уговорить короля, уменьшить требуемую его уполномоченными сумму денегъ, и наконецъ просили, чтобы мы не злопамятствовали, если въ продолженіи переговоровъ имъ случилось сказать что-либо для насъ неприятное. Шведовъ вторично старались склонить на принятіе предложенныхъ въ перемиріи условій, но они настаивали на томъ, чтобы проектъ русскіе въ этотъ же день написали и подписали. Шведы располагали ѣхать въ слѣдующую ночь. Послѣ обѣда мы дружески простились съ посломъ великобританскимъ. Онъ сказалъ намъ, что чрезъ нарочныхъ будетъ давать намъ знать, если узнаетъ что-нибудь, могущее служить къ успѣху переговоровъ, и что онъ употребитъ всевозможныя старанія у великаго князя, чтобы довести дѣло до желаемого окончанія. Онъ просилъ насъ съ нашей стороны употребить стараніе у короля, и написать къ нему, что узнаемъ по этому дѣлу, что мы и обѣщали. Послѣ того мы подписали съ его превосходительствомъ актъ протестованія шведскихъ уполномоченныхъ ¹⁾.

Дѣла были въ такомъ положеніи, когда шведскіе уполномоченные пригласили насъ быть готовыми на отъѣздъ до наступленія дня. Затѣмъ, мы написали къ Е. Ц. В. слѣдующее письмо и вручили его переводчику царя, Павлу Стерлингу:

«Свѣтлѣйшій, Державнѣйшій и проч.

«Мы всегда нижайше готовы къ услугамъ В. Ц. В., свѣтлѣйшій и могущественный государь и великій князь! Послѣдняго числа января сего года мы всенижайше увѣдомили В. Ц. В. объ обстоятельствахъ переговоровъ, начатыхъ въ Дидеринѣ между великими уполномоченными В. В. и могущественнѣйшаго короля шведскаго. Увѣдомили также, что свѣтлѣйшаго и могущественнаго государя и повелителя Якова короля Великобританіи, Франціи и Ирландіи, посоль высокочелобивный и строгій (Gestrengs) господинъ Юганъ Мериеъ, кавалеръ, его королевскаго величества камергеръ и совѣтникъ, и мы, съ большимъ трудомъ убѣдили шведскихъ уполномоченныхъ остаться до 15-го текущаго мѣсяца, для того, чтобъ намъ можно было между тѣмъ увѣдо-

¹⁾ Самый актъ протестованія на латинскомъ языкѣ, и о немъ выше неоднократно упомянуто.

мать В. Ц. В. о рѣшительныхъ условіяхъ, на которыхъ по нашему мнѣнію, короля шведскаго возможно будетъ согласить на заключеніе мира съ В. Ц. В. Такъ какъ въ конференціи, которую, впоследствии, посоль великобританскій и мы, имѣли съ уполномоченными В. В., мы узнали, что послѣдніе имѣютъ полную власть сдѣлать шведамъ благоразумное удовлетвореніе во всѣхъ пунктахъ, истекающихъ изъ Тевзинскаго и Выборгскаго договоровъ и въ другихъ еще пунктахъ, то посоль и мы почли излишнимъ утруждать В. В. означенными пунктами и довольствовались сообщеніемъ В. В. трехъ предложеній, относящихся до возвращенія городовъ и крѣпостей, занятыхъ шведами и о воихъ не упомянуто въ Выборгскомъ договорѣ. Мы нижайше просили, чтобы В. Ц. В-ву угодно было къ вышеозначенному сроку объявить намъ рѣшеніе по помянутымъ тремъ пунктамъ, дабы губительная война могла быть прекращена и могъ быть заключенъ добрый миръ, между В. Ц. В. и Е. В. королемъ шведскимъ. Мы на письмо это, до настоящаго времени, отвѣта не получали, но узнали, однакожь, 20-го сего мѣсяца, отъ посла великобританскаго, вышепомянутаго господина Югана Мерива кавалера, что В. Ц. В. всемилостивѣйше изволили допустить къ себѣ посланнаго къ вамъ съ нашими и его пр-ва письмами въ среду Фодоровой недѣли, не смотря на то, что въ эту недѣлю В. В. не имѣете обыкновенія допускать кого-либо къ В. Ц. В-ву, кромѣ приближенныхъ, и что В. В., разсмотрѣвъ означенныя письма въ совѣтѣ своемъ, намѣрены были ни на одинъ часъ не задерживать посланнаго нами къ В. В-ву. Помянутый господинъ посоль и мы, въ тотъ день же объявили о томъ шведскимъ уполномоченнымъ и настоятельно просили ихъ обождать отвѣта В. В. на письма его пр-ва и наши, но они отказались подѣ предложомъ, что для ихъ короля обидно, что въ столь важномъ дѣлѣ, каково заключеніе мира между такими Великими Государями, не соблюдаются сроки, назначенные для исполненія тѣхъ или другихъ дѣлъ и для доставленія ожидаемыхъ отвѣтовъ. Они прибавили еще, что такъ какъ они запаслись продовольствіемъ для людей и лошадей не долѣе какъ до 15-го февраля, то имъ нельзя оставаться безъ опасенія попасть въ великія бѣдствія, могущія произойти отъ недостатка въ припасахъ. Но, не смотря на то, господину послу и намъ удалось продержатъ ихъ до сегодняшняго числа въ надеждѣ, что придетъ отвѣтъ В. Ц. В-ва. Между тѣмъ, предложено было отложить переговоры до другого времени, а до тѣхъ поръ заключить перемиріе, о которомъ, однакожь, до сихъ поръ не могли еще сговориться. И такъ какъ нынѣ шведскіе уполномоченные твердо намѣрены въ слѣдующую ночь ѣхать

обратно въ Новгородъ, то и мы хотимъ отправиться далѣе въ королю шведскому, представить ему все, о чемъ здѣсь было переговорено и условлено, и стараться склонить его приказать окончить дѣло это съ наивозможно-меньшими для В. Ц. В. отягощеніями, т. е. съ тѣмъ же намѣреніемъ, съ которымъ кавалеръ Янъ Меррихъ отправляется къ В. Ц. В., то мы не хотѣли преминуть увѣдомить объ этомъ В. Ц. В. Мы предлагали великимъ уполномоченнымъ В. Ц. В. и послу великобританскому принять на себя обязанность, которую нынѣ исполняетъ посоль, т. е. отправиться къ В. Ц. В., съ тѣмъ, чтобъ посоль отправился въ свою очередь къ королю шведскому, стараться объ успѣхѣ переговоровъ. Но такъ какъ его превосх, на то не согласился, то мы, на этотъ разъ, должны были лишиться случая цѣловать руви В. Ц. В., на что, дастъ Богъ, представится намъ въ другой разъ возможность. Между тѣмъ, гдѣ бы мы ни находились, мы всегда останемся низайшими слугами В. Ц. В., и всегда готовы будемъ съ тою же ревностію и тѣми же усиліями, которыя употреблены были нами въ настоящихъ переговорахъ (хотя они не имѣли желаемаго успѣха) стараться, по словамъ нашимъ, о всемъ, что можетъ послужить къ пользѣ В. Ц. В. Уполномоченные царскіе увѣдомили насъ, что В. Ц. В.-у угодно было приказать, по просьбѣ нашей, Ивана Эвертса (Evertssz), гражданина города Цволле въ Нидерландахъ, освободить изъ острога, въ которомъ онъ содержался въ Псковѣ. За таковую милость, мы низайше благодаримъ В. Ц. В. и ожидаемъ его освобожденія. Равнымъ образомъ мы низайше благодаримъ В. Ц. В. за то, что прислали къ намъ своего переводчика Павла Стерлинга, подателя сего письма, коему мы симъ даемъ свидѣтельство, что онъ велъ себя честно и къ удовольствію нашему, во все время, въ которое онъ при насъ находился. Свѣтлѣйшій, Могущественнѣйшій Царь и Великій Князь, въ заключеніе мы умоляемъ Бога всемогущаго, да хранитъ Онъ Ваше Цар. Вел. во всегдашнемъ благоденствіи.

«Дано въ Глѣбовѣ, въ ночь 22-го февраля 1616 года, стараго стила.»

За полночь пришли къ намъ Егоръ Брухузенъ и Дидерихъ ванъ-Немень, переводчики посла великобританскаго и русскихъ уполномоченныхъ, съ извѣстіемъ, что тотчасъ прибылъ къ послу дьякъ Николай Нигитинъ сынъ Новоксеновъ съ актомъ о перемиріи, и что онъ проситъ насъ до-свѣта быть на квартирѣ вышепомянутаго посла, чтобы переговорить съ русскими уполномоченными, которые также будутъ туда, и что онъ увѣдомитъ насъ о прибытіи русскихъ уполномоченныхъ. Они однакожъ

долго медлили; наша клада и конвой пустились уже въ путь, уже разсвѣло и шведскіе уполномоченные готовы были сѣсть на коней, а извѣстія отъ посла мы не получили. Тогда мы отправились къ нему, чтобъ поторопить русскихъ. Наконецъ, они пришли и снова стали настоятельно просить поставить въ перемиріи предложенныя ими условія. Но, не имѣя на то надежды, они просили насъ написать къ велик. князю, что генераль его корол. шведскаго величества, обѣщаль намъ, что, во время перемирія, церквей и монастырей разрушать не будетъ и не станетъ ввозить изъ Россіи людей, колоколовъ и пушекъ. Мы обѣщали имъ постараться получить письменное обѣщаніе по означенному предмету. Графъ Лекоскій ждалъ нашего возвращенія. Онъ сильно негодовалъ за то, что хирургъ пѣшей роты капитана Аппельмана (Appelman), который, за нѣсколько дней передъ этимъ, уже безпрестанно пережахивалъ изъ шведскихъ квартиръ въ квартиру великобританскаго посла, для пользованія нѣкоторыхъ слугъ послѣдняго, въ прошедшую ночь опять отлучился и не возвращался. До этого времени перебѣжало отъ шведовъ къ русскимъ 23 или 24 человекъ солдатъ и двое рейтаровъ. Чтобъ не терять времени, шведскіе уполномоченные дали намъ съ собою ихъ актъ о перемирії за ихъ подписью и печатью, съ тѣмъ, чтобъ оставить оный у посредниковъ, если русскіе оставятъ у нихъ подобный же актъ за ихъ подписью и печатью. Мы актъ шведовъ прочитали русскимъ уполномоченнымъ, и они, вида, что нельзя уговорить шведовъ продолжать переговоры, вручили посредникамъ и свой актъ...

Оба акта эти оставлены у великобританскаго посла. На каждомъ изъ нихъ находились подписи и печати выдавшихъ его уполномоченныхъ, и, кромѣ того, оба акта имѣли подписи и печати наши и великобританскаго посла. Мы передъ этимъ именно объявили гг. русскимъ уполномоченнымъ, что даемъ подписи и печати свои только для большаго подкрѣпленія перемирія и не хотимъ, чтобы они могли обязать насъ присутствовать при собраніи, назначенномъ между Ладогою и Тихвиномъ, опираясь на разныя причины, которыя и были приняты вмѣстѣ съ объявленіемъ нашимъ. Мы потомъ опять простились съ ними и съ посломъ, который повторилъ намъ сдѣланныя имъ при первомъ прощаніи обѣщанія. Мы напомнили русскимъ уполномоченнымъ объ освобожденіи Яна Эвертса, родомъ изъ города Цволле, который содержался въ Псковѣ въ острогѣ. Они обѣщали исполнить и сказали, что, для удобнѣйшаго съ нами сношенія, прикажутъ переводить на нѣмецкій языкъ письма, которыя великій князь будетъ писать къ намъ, также и тѣ письма, которыя они

объщали писать отъ себя къ намъ, если узнаютъ что-нибудь клонящееся къ успѣшному заключенію мира. Мы съ трудомъ получили копію съ ихъ акта. Шведскіе уполномоченные просили также подобной копіи за скрѣпою посредниковъ, но увидѣвъ, что въ немъ выписанъ титулъ *Лифляндскій*, они довольствовались копіею безъ титула, за нашею скрѣпою, прося насъ извинить ихъ у короля и сказать ему, что титулъ *Лифляндскій* поставленъ былъ въ русскомъ актѣ безъ ихъ согласія и вѣдома.

Такимъ образомъ, собраніе окончилось, и мы въ тотъ же день доѣхали до Романова въ старую квартиру шведскихъ уполномоченныхъ, которые въ Глѣбовѣ оставили 30 или 40 человѣкъ войска, подъ предлогомъ, что осталось тамъ еще нѣсколько провіанту и что, поэтому, нужна стража. Отрядъ этотъ прибылъ на другой день въ Романово, и мы тогда, со всѣмъ конвоемъ, 8-го марта, пустились далѣе въ путь въ Новгородъ. Тутъ мы нашли градоначальника Ганса Бойэ (Hans Boye), въ сопровожденіи сына вв. Ивана Одоевскаго, который самъ былъ при-смерти болѣтъ, и одной роты рейтаровъ и многихъ русскихъ бояръ, которые вышли къ намъ на встрѣчу на одну милю отъ города. Они посадили насъ въ сани, лучше тѣхъ, въ которыхъ мы пріѣхали, и сами повезли насъ въ городъ. Въ самомъ городѣ, встрѣтили насъ нѣсколько челоувѣкъ магистрата, поднесли намъ два большихъ хлѣба, одинъ изъ пшеницы, а другой изъ ржи и просили насъ исходатайствовать у полководца, чтобъ ихъ черезъ силу не обременяли.

10-го марта, мы посѣтили митрополита, рассказали его преосвященству, въ присутствіи разныхъ игуменовъ, князей и бояръ, чѣмъ кончилось собраніе въ Лидеринѣ, и объявили, что есть надежда на новое собраніе, отъ котораго можно ожидать успѣшнаго окончанія дѣла. Посоль великобританскій тоже писалъ къ его преосвященству объ этомъ и, кромѣ того, изъявилъ надежду, что полководецъ не нарушитъ перемирія, ни въ духовныхъ, ни въ свѣтскихъ дѣлахъ, и не будетъ увозить жителей, коль скоро деньги, нужныя на содержаніе войска, будутъ исправно и вовремя уплачиваемы. Его преосвященство поблагодарилъ насъ за сдѣланное ему сообщеніе, сказалъ, что требуемыя деньги слишкомъ отяготительны; онъ сильно жаловался на бѣдность и бѣдствія, постигшія новгородцевъ и просилъ насъ склонить графа Левоскаго на уменьшеніе налоговъ. Онъ спросилъ насъ, явимся ли мы опять на предполагаемое собраніе, назначенное къ 31-му мая, что было бы весьма пріятно для него и новгородцевъ, но мы отвѣтили нерѣшительнымъ образомъ. Полководецъ сказалъ на-канунѣ, что онъ не полагаетъ, чтобъ мы возвратились.

13-го марта воротился къ намъ капитанъ Николай ванъ-Бредероде. Онъ задержанъ былъ въ Москвѣ цѣлыхъ 12 дней, и ему было позволено выходить изъ квартиры только для того, чтобы являться передъ царемъ, а въ другой разъ, когда пригласили его англійскіе купцы. При отъѣздѣ, онъ награжденъ былъ отъ царя тюкомъ собольихъ шкуръ и 20-ю рублями. Слугамъ дано было по 3 рубля. Члены совѣта царскаго дали ему съ собою незапечатанный отвѣтъ отъ ихъ имени, а отъ имени царя запечатанный пакетъ. Обѣ бумаги эти были въ Пескахъ переведены на нѣмецкій языкъ, по приказанію гг. уполномоченныхъ Е. Ц. В-ва, съ которыми мы занимались въ Дидеринѣ и согласно данному намъ обѣщанію. Русскіе уполномоченные, кромѣ того, дали ему для насъ запечатанное письмо на нѣмецкомъ языкѣ¹⁾.

«Отъ, Божіею Милостію, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича, Самодержца Всероссийскаго, и проч.²⁾, къ посланникамъ Голландскихъ и Нидерландскихъ Генеральныхъ Штатовъ Рейнгоуту ванъ-Бредероде, Дидериху Бассу и Альберту Іоакими.

«Вы прислали къ Нашему Царск. Вел. вѣстника своего капитана Николая ванъ-Бредероде съ письмами, чрезъ него же вы доставили намъ на письмѣ три пункта условій, на которыхъ можно Нашему Царскому Величеству заключить миръ съ королемъ шведскимъ. Мы Всемилостивѣйше усмотрѣли это изъ писемъ вашихъ. Мы увидѣли также изъ оныхъ, что вы поняли милость Нашу не только къ Нидерландскимъ Генеральнымъ Штатамъ, но и къ ихъ подданнымъ. Вы благодарите насъ за нашу царскую милость и расположеніе, благодарите также за то, что мы, ради васъ, оказали милость посланному вашему, купцу Герриту ванъ-деръ-Гейдену; изъ благодарности за царскую милость нашу, вы объявили намъ готовность, по возможности слѣдующимъ порученіямъ и приказаніямъ даннымъ вамъ отъ Нидерландскихъ Генеральныхъ Штатовъ, служить намъ и съ ревностію заниматься дѣлами нашими. Вы писали также, что вы вмѣстѣ съ великимъ посломъ Е. В. короля Іакова великобританскаго,

¹⁾ Для избѣжанія повторовеній, мы помѣщаемъ здѣсь лишь письмо царя Михаила Ѳедоровича, какъ самое полное и заключающее все, что содержатъ другія два письма, а именно (какъ озаглавлено въ самомъ дневникѣ), отвѣтъ, данный членами совѣта царя Россіи капитану Николаю Бредероде (Antevoorde gegeven by de Heeren van den rade van den Keyser van Ruslandeaen capiteyn Nicolaüs van Brederode), и письмо господъ великихъ русскихъ уполномоченныхъ.

²⁾ Мы всего титула здѣсь не прописываемъ.

княземъ Иваномъ Мерриккомъ, хотите употребить всѣ старанія ваши, чтобъ столь важныя дѣла могли быть успѣшно окончены и конились бы къ выгодамъ и пользѣ Нашего Царск. Вел.; вы, кромѣ того, изъявили Намъ сожалѣнiе о томъ, что, не смотря на старанія ваши, вы, до настоящаго времени, не достигли успѣха, потому что уполномоченнымъ обѣихъ сторонъ даны были наставленія и порученія слишкомъ ограниченныя, и по этой причинѣ, какъ вы пишете, нельзя было согласить ихъ и побудить къ доброму дѣлу. Мы хвалимъ васъ за то, что помните милость нашу и что вы готовы продолжать заниматься, по возможности, дѣлами нашими. Хвалимъ также васъ за то, что вы, вмѣстѣ съ посломъ любезнаго брата нашего короля Іакова великобританскаго, настоятельно просили шведскихъ уполномоченныхъ остаться съ вами въ Дидеринѣ до 15 февраля, пока вы, посредники, напишете къ Нашему Ц. В-ву о всѣхъ дѣлахъ этихъ, въ надеждѣ, что можно будетъ короля шведскаго уговорить на заключеніе мира съ Нашимъ Царск. Величествомъ.

«Вы переслали намъ три пункта, предоставляя Нашему Ц. В-ву выбрать тотъ изъ нихъ, который намъ покажется выгоднѣйшимъ и пріятнѣйшимъ. По 1-му изъ нихъ, Нашему Ц. В-ву король шведскій Густавъ Адольфъ обязуется возратить искони принадлежавшія намъ родовыя владѣнія, занятіемъ коихъ шведы нарушили вѣчный миръ въ то время, когда государство наше не имѣло правителя, а именно: Новгородъ Великій, Старую Руссу, Порховъ, Гдовъ, Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Ладогу, Нотебургъ — съ жителями и принадлежащими къ онымъ городами, землями и помѣстьями. За это Наше Ц. В. должно заплатить королю шведскому Густаву Адольфу и коронѣ шведской 2 м. рубл. или 4 м. рейхсталеровъ въ Нарвѣ или Выборгѣ. Уплатою этою, города наши будутъ выкуплены въ четыре срока, полагая по одному году промежутка между сроками. По 2-му пункту, король шведскій обѣщаетъ возратить намъ, искони принадлежавшія намъ родовыя владѣнія: Новгородъ, Старую Руссу, Порховъ, Гдовъ, Ладогу съ Сумерскою областью, жителями, землями и помѣстьями, къ онымъ городамъ принадлежащими. Мы же должны за это уступить королю Густаву Адольфу въ вѣчное и потомственное владѣніе, родовые города наши: Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Нотебургъ съ предмѣстьями, землями, помѣстьями, мѣстечками, рынками съ таможеннымъ сборомъ, со всѣми доходами, правами и преимуществами на сушѣ и на водѣ, ничего не исключая, и, кромѣ того, заплатить ему еще 150 т. рублей. По 3-му пункту, намъ возвращены будутъ родовые города наши: Новгородъ, Старая Русса, Порховъ, Ладога и Гдовъ. Наше Ц. В.

должно же оставить за королемъ въ вѣчное потомственное владѣніе Ивангородъ съ Сумерскою областью, Ямъ, Копорье и Нотебургъ, съ принадлежащими къ онымъ помѣстьями, землями, жителями, предмѣстьями, правами, мѣстечками, рынками, таможенными на сушѣ и на водѣ, ничего не исключая, и, кромѣ того, заплатить Королю еще 100 т. рублей.

«И мы, Великій Государь, удивились тому, что вы, посредники, пишете къ намъ, что просили и уговаривали шведскихъ посланниковъ остаться до тѣхъ поръ, пока вы получите отъ Нашего Ц. В. письмо и отвѣтъ. А мы вамъ вовсе не привазили просить о чемъ-либо шведовъ, такъ какъ вы посланы были Голландскими и Нидерландскими Генеральными Штатами для того, чтобъ научить истинѣ между нами, высокомогущимъ повелителемъ (zevischen) и королемъ шведскимъ. Того изъ насъ, который несогласится на доброе дѣло, котораго нельзя будетъ склонить на спокойствіе христіанское и отговорить отъ неправды, вамъ поручено побудить къ тому и расположить къ миру. Вамъ поручено было несговорчиваго уговорить, заставить его отказаться отъ безмѣрныхъ требованій и побѣдить его упорство, а не просить. Мы же ничего не желаемъ достигнуть просьбами, и насъ, вседержавнѣйшаго владѣтеля, удивляетъ то, что вы предлагаете намъ мириться съ королемъ шведскимъ на присланныхъ вами къ намъ условіяхъ. Вамъ самимъ извѣстно изъ писемъ, писанныхъ нами къ высокомогущественнымъ Господамъ Генеральнымъ Штатамъ Нидерландскимъ, чрезъ посланника Степана Ушакова (Stefan Uschakoff), посланнаго нами къ брату нашему императору Матіасу; вамъ извѣстно также чрезъ великаго уполномоченнаго нашего, окольного и намѣстника Суздальскаго князя Данила Ивановича Мезецкаго и товарищей его, сколь неправо прежній король Карлъ и нынѣшній король Густавъ Адольфъ и вся шведская нація поступили съ нами. Вамъ объяснено было, что они нарушили вѣчную присягу, письменные договоры и заняли, во время междуцарствія, родовыя владѣнія наши, Новгородъ и многіе другіе города. Въ этихъ городахъ они разорили св. мощи и св. иконы въ храмахъ Божіихъ и предали ихъ посмѣянію; разграбили сокровища наши, хлѣбъ и всякаго рода оружіе, волокола и имѣнія жителей, словомъ поступили такъ, что всего исчислить и описать невозможно. Истребили затѣмъ множество невинныхъ православныхъ христіанъ; ала ихъ имѣнія, предавали ихъ столь ужаснымъ пыткамъ на правезѣ (auf de Prawe), что многіе изъ нихъ, желая избѣгнуть мучъ, сами себя предавали и перетопили. Шведы и нынѣ производятъ, въ этихъ городахъ всякаго насиія, которыя умъ не по-

стигаетъ, и которыхъ нехристь постыдился бы. Почему же Наше Ц. В. отправили бы своихъ уполномоченныхъ на переговоры со шведами, если бы мы не имѣли намѣренія со Швеціею хранить миръ? Нашему Царскому Величеству писалъ любезный братъ нашъ великій король великобританскій и просилъ насъ повелѣть заключить миръ съ королемъ Шведскимъ. Высокомогущественные—Генеральные-Штаты Нидерландскіе, чрезъ посланника своего Исаака Масса, также писали къ намъ объ этомъ и увѣдомили насъ, что* отправять своихъ уполномоченныхъ къ королю шведскому уговорить его изгладить всѣ его неправды, и просили наше Царское Величество послать также нашихъ уполномоченныхъ разсуждать съ шведскими уполномоченными о добромъ дѣлѣ и упрочить миръ христіанскій. Намъ сказано было, что посоль нашего любезнаго брата короля великаго Якова англійскаго и посланникъ Нидерландскихъ Высокомогущественныхъ Генеральныхъ-Штатовъ будутъ присутствовать при переговорахъ и способствовать къ заключенію мира между нами и королемъ шведскимъ по нашего царскаго величества волѣ и требованію. Потому то, желая спокойствія и мира христіанскаго, мы отправили, какъ извѣстно послу, нашего любезнаго брата короля великаго Якова, князю Ивану и вамъ, великимъ нидерландскимъ посланникамъ, своихъ уполномоченныхъ тратовать со шведскими уполномоченными. Послѣдніе не имѣютъ искренняго расположенія къ миру, и умомъ постигнуть нельзя огромныхъ притязаній ихъ. Они требуютъ, чтобъ родовыя владѣнія и города наши поступили въ потомственное владѣніе Швеціи, на что мы, высокомогущественный повелитель, вовсе не намѣрены согласиться. Вы же, великіе господа посланники, сами разсудите, какъ благоразумнымъ людямъ надлежитъ, возможно ли намъ уступить имъ наши родовыя имѣнія и столько городовъ, или выплатить огромныя деньги, которыхъ они требуютъ. Желая, чтобъ между нами и королемъ шведскимъ установились миръ и дружба, и чтобы между обоими государствами установилось спокойствіе и чтобъ въ Христіанствѣ царствовало согласіе, мы приказали великимъ уполномоченнымъ нашего Царскаго Величества уступить Швеціи родовой городъ нашъ Корелу со всею областію, отступиться отъ несмѣтныхъ сокровищъ и убытковъ, понесенныхъ нами, и отказаться отъ всѣхъ доходовъ, полученныхъ шведами въ городахъ нашихъ въ теченіи шести лѣтъ. Вамъ самимъ извѣстно, сколь велика и сколь богата земля корельская, сколько она даетъ доходовъ. Уполномоченные наши, кромѣ того, предложили еще заплатить 100 т. рубл., на что они приказаній не имѣли, и которыхъ никакимъ образомъ нельзя бы было

заплатить. Въ письмѣ къ нашему Царскому Величеству, вы пишете, что мы — Великій Государь и Великій Монархъ, и что цари и короли поставлены Богомъ для того, чтобъ стоять за своихъ подданныхъ, защищать ихъ, хранить ихъ въ мирѣ и предохранять отъ кровопролитія, — что по пустому не слѣдуетъ проливать крови христіанской; — но, во время войны, это неизбѣжно. Городовъ же и крѣпостей, которыя находятся въ рукахъ шведовъ, безъ войны возвратитъ намъ нельзя было. Вы говорите, что кровопролитіе еще увеличится и что въ городѣ нашемъ Новгородѣ, митрополитъ, архимандриты, игумены, весь духовный соборъ и всѣ жители простираютъ къ намъ руки свои и поднимаютъ на насъ взоры свои, умоляя объ освобожденіи отъ войны и опустошеній, свирѣпствовавшихъ до настоящаго времени въ Новгородѣ, и что всякія дѣла и торговля прекратились. Вы пишете также къ намъ, что въ случаѣ примиренія съ королемъ шведскимъ, онъ будетъ для насъ добрый другъ, и что ни отъ одного великаго государя сосѣднихъ земель мы не можемъ извлечь такой пользы, какую получимъ отъ мира съ нимъ. Вы говорите также, что другіе государи признаютъ главою христіанства папу, и что имъ вѣрить нельзя. Далѣе, вы пишете, что когда мы помиримся съ королемъ шведскимъ, то непріатели наши не будутъ въ состояніи вредить намъ, и что великая для насъ будетъ слава во всѣхъ другихъ краяхъ, если мы возвратимъ себѣ искони принадлежавшія намъ родовыя владѣнія, Новгородъ и другіе города, и что, вслѣдствіе того, распространится слава имени нашего во всѣхъ земляхъ. Вы приводите намъ въ примѣръ короля французскаго Генриха, который воевалъ съ Испаніею. И мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь справедливый, милосердый и христіолюбивый, никогда не желали проливать крови христіанской и не подавали повода къ враждѣ и нынѣ не хотѣли рѣшиться на войну. Настоящая война начата шведами, и они были причиною ея, какъ сказано выше въ этомъ нашемъ письмѣ; они не питаютъ расположенія къ миру, помышляютъ только о кровопролитіи, и снова требуютъ его. Мы же, какъ прежде, такъ и теперь, не хотимъ видѣть пролитія крови христіанской, а стараемся и думаемъ о томъ, чтобъ между всѣми христіанскими государями и великими державами царствовало согласіе. Мы желаемъ, чтобы они стояли одинъ за другого противъ непріятели, — нехристя и язычника. Мы желаемъ мира съ королемъ Густавомъ Адольфомъ и знаемъ, что миръ съ нимъ выгоднѣе будетъ для насъ, чѣмъ миръ съ королемъ польскимъ. Но надменность, упорство и неумѣренность

шведскихъ уполномоченныхъ не допускаютъ къ тому, и они не расположены къ миру. Вамъ, господамъ посланникамъ, извѣстно, сколько наши уполномоченные расположены къ миру, къ спокойствію и согласію христіанскому, они доказали это, отказавшись отъ вознагражденія за разореніе и убытки, понесенные Нами чрезъ шведскія войска въ городахъ нашихъ; они уступили также искони принадлежавшее намъ родовое владѣніе Корелію и, кромѣ того, предложили имъ еще 100 т. рубл. Шведскіе уполномоченные недовольствовались этимъ, и намъ, по справедливости, за упорство шведовъ, слѣдовало бы приказать своимъ уполномоченнымъ съ ними далѣе не переговариваться. Но, внимая просьбамъ любезнаго брата нашего короля Іакова и высокомогущественныхъ господъ Генеральныхъ-Штатовъ и вашимъ, господа посланники, равно и моленію нашего Ц. В. боярь и всего совѣта, всѣхъ сословій, народовъ, не хотѣли, чтобъ продолжалось пролитіе крови христіанской, а напротивъ желаемъ видѣть миръ и согласіе и желаемъ остановить кровопролитіе, и вслѣдствіе сего повелѣли и разрѣшили нашимъ уполномоченнымъ вступить снова въ переговоры съ шведскими уполномоченными и разсудить съ ними, какимъ образомъ установить любовь и дружбу между нами и королемъ Густавомъ Адольфомъ, и какъ основать и упрочить миръ и спокойствіе между государствами нашими. На тотъ конецъ мы послали нужныя приказанія и наставленія уполномоченнымъ нашимъ. Мы просимъ васъ, господъ посланниковъ великихъ Генеральныхъ-Штатовъ Нидерландскихъ, оказать намъ ревностныя услуги ваши, мудрымъ умомъ вашимъ и правдою отговорить шведовъ отъ чрезмѣрныхъ, несбыточныхъ требованій ихъ и склонить ихъ на заключеніе мира между нашимъ Ц. В. и королемъ шведскимъ Густавомъ Адольфомъ и на утвержденіе спокойствія и согласія между обоими государствами. Мы просимъ васъ увѣщевать какъ шведскихъ, такъ и нашихъ уполномоченныхъ къ истинѣ и боязни божіей; такъ, чтобы не заслужить наказанія всемогущаго Бога и нареканія сосѣднихъ христіанскихъ государей и владѣтелей. Мы просимъ васъ отклонить шведовъ отъ несправедливости и чрезмѣрныхъ ихъ требованій. Если же между Нашимъ Ц. В. и королемъ Густавомъ Адольфомъ и обоими государствами, стараніями и усиліями Гг. Посредниковъ, будетъ заключенъ миръ, то къ вамъ Гг. посланникамъ, царскою нашею милостію благосклонны будемъ, и доброе дѣло Ваше будетъ славиться у всѣхъ христіанскихъ государей. Если же шведскіе посланники не послушаются васъ и не окажутъ расположенія къ миру, и не откажутся отъ требованій своихъ, и если по сему мира заключить нельзя будетъ, то мы

просимъ высокомогущественныхъ Гг. Генеральныхъ Штатовъ Нидерландскихъ, сдержать данное ими слово въ письмахъ ихъ къ намъ, держать нашу сторону противъ шведовъ въ наказаніе за ихъ неправду и за то, что чрезъ нихъ пролито столько крови христіанской. Мы же будемъ просить помощи у Бога всемогущаго, оправдаемъ себя въ глазахъ всѣхъ христіанскихъ государей и будемъ воевать противъ короля, чтобъ возвратить искони принадлежавшія нашему Царск. Вел. родовыя владѣнія, сколько въ томъ намъ Богъ поможетъ. За кровь же, которая снова пролита будетъ, они отвѣчать будутъ передъ Богомъ, мы же въ этомъ кровопролитіи останемся невинны. Что касается до того, что вы писали намъ о намѣреніи поляковъ осадить городъ нашъ Псковъ и о средствахъ защищать и продовольствовать оный, то мы увѣдомляемъ васъ, что бояре и воеводы наши и всѣ начальники заключили подъ присягою и письменнымъ договоромъ съ войсками польскими на границахъ перемиріе, на извѣстное время, впредь до дальнѣйшаго приказанія нашего Царск. Вел. Мы надѣмся, что шведамъ извѣстно, что при боярахъ и воеводахъ нашихъ въ Псковѣ находится много войска, и что городъ снабженъ всякаго рода продовольствіемъ. Если намъ Богъ милостію своею поможетъ, то ни одинъ непріятель не въ состояніи намъ учинить вреда. Капитанъ, котораго вы отправили къ намъ, допущенъ былъ къ аудіенціи и видѣлъ нашего Ц. Вел. свѣтлыя очи, по окончаніи первой недѣли поста. Мы оказали ему царскую милость нашу и отправили его съ письмами къ вамъ, ни мало не задержавъ его.—Дано въ царской столицѣ нашей Москвѣ, въ лѣто отъ основанія мира 7124, въ февралѣ мѣсяцѣ 1).

Мы на письмо это отвѣтили, 14 марта, слѣдующимъ образомъ:

«Свѣтлѣйшій, Державнѣйшій Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, Самодержецъ Всероссійскій, и проч.

«Мы во всякое время готовы нижайше служить В. Ц. В-ву. Радость, съ которою мы изъ письма В. Ц. В-ва, писаннаго къ намъ въ прошедшемъ февралѣ мѣсяцѣ, усмотрѣли, что старанія и ревность, которыя мы употребили въ мирныхъ переговорахъ между В. Ц. В-мъ и Его Вел. Корол. Шведскимъ были В. Ц. В-ву пріятны,—не мало уменьшилась тѣмъ, что изъ того

1) Мы опускаемъ письма русскихъ уполномоченныхъ и англійскаго посла къ голландскимъ посланникамъ, какъ не представляющія особаго интереса.

же письма мы узнали, что В. Ц. В-во не такъ приняла, какъ мы надѣялись, — три условія или предложенія, посланныя къ В. Ц. В-ву великобританскимъ посломъ и нами чрезъ нарочныхъ нашихъ. Искреннее и доброе намѣреніе наше влонилося только къ тому, чтобъ по истинѣ довести до свѣдѣнія В. Ц. В-ва, тѣ условія, на которыхъ, по нашему мнѣнію, можно бы было побудить короля шведскаго заключить миръ съ В. Ц. В. и отказаться отъ своихъ притязаній и отъ городовъ и крѣпостей, которыя нынѣ заняты его войсками. Если бы мы не сдѣлали этого, то посла высокомогущественнаго владѣтеля и государя Якова, короля Великобританіи и Франціи и Ирландіи высокоблагороднаго и почтеннаго Г. Ивана Мерика, его величества тайнаго совѣтника и камергера и насъ по справедливости можно бы было обвинить въ томъ, что мы не употребили возможныхъ средствъ, могущихъ послужить къ возстановленію мира между двумя столь великими государями, каковы Ваше Ц. Вел. и король Шведскій. Его прев-во и мы не только изложили письменно (by geschrifte) вышеозначенныя три предложенія, но и всѣ прочіе спорныя между обѣими державами пункты, о которыхъ была рѣчь въ переговорахъ, для того, чтобъ оныя всѣ вмѣстѣ и вдругъ представить В. Ц. В-ву и ждать рѣшенія, которое В. Ц. В-во, по мудрости своей, за благо почтете принять; слѣдствіемъ выбора одного изъ сихъ пунктовъ было бы успѣшное окончаніе переговоровъ къ облегченію и утѣшенію страждущихъ. Но великіе уполномоченные В. Ц. В-ва, обсуждая съ нами всѣ эти пункты, объявили намъ, что многіе изъ оныхъ почитаются рѣшенными и между обѣими партіями оконченными, какъ напр. Тевзинскимъ договоромъ и Выборгскимъ трактатомъ утверждена уступка Кореліи, совершенная высокомогущественнымъ царемъ и великимъ княземъ Василюмъ Іоанновичемъ, покойному королю шведскому Карлу IX; сюда принадлежало и то, что преданы будутъ забвенію всѣ непріятельскія дѣйствія между обѣими державами со времени заключенія Тевзинскаго договора; означенными пунктами уничтожаются между обѣими державами всѣ денежныя претензіи кромѣ тѣхъ, о которыхъ упоминается въ означенныхъ трехъ предложеніяхъ, равно и положенъ былъ обмѣнъ плѣнныхъ. Уполномоченные В. Ц. В. объявили, что имѣютъ полную власть согласиться на всѣ прочія требованія Швеціи, куда относился отреченіе отъ титула Лифляндскаго, Корельскаго и другихъ мѣстъ, которыя, какъ полагаютъ шведы, будутъ уступлены В. Ц. В-мъ королю и коронѣ шведской, затѣмъ постановка пограничныхъ столбовъ между владѣніями обоихъ Государей, и многіе другіе пункты, коими,

по словамъ русскихъ уполномоченныхъ, бесполезно и не нужно утруждать В. Ц. В-во. Вслѣдствіе того къ В. Ц. В-ву посланы были только три предложенія, на принятіе коихъ ваши уполномоченные не имѣли права. Мы такимъ образомъ не видимъ, въ чемъ посолъ Великобританіи и мы ошибаться могли, и не понимаемъ, въ чемъ мы поступили къ невыгодѣ и вреду В. Ц. В-ва, тогда какъ, напротивъ того, мы совершенно спокойны и убѣждены, что въ переговорахъ этихъ, мы поступили искренно и безпристрастно, какъ слѣдуетъ добросовѣстнымъ посредникамъ. Мы отъ всего сердца желали, чтобъ дѣло окончилось къ удовольствію В. Ц. В-ва, и со всею искренностію и ревностію стараемся окончить уговоръ (affscheidt ¹⁾), учиненный въ Дидеринѣ въ присутствіи великихъ уполномоченныхъ В. Ц. В-ва между нами и посломъ Великобританіи. Мы на тотъ конецъ отправимся послѣ завтра отсюда, съ Божіею помощію, къ королю шведскому въ Стокгольмъ. Въ заключеніе, благодаря В. Ц. В-во за милость, оказанную посланному нашему капитану Николаю ванъ-Бредероде, мы просимъ Бога всемогущаго, да хранитъ онъ царскую особу вашу, державнѣйшій и высокомогущественнѣйшій царь и великій князь, во всегдашнемъ здравіи, а государство ваше въ постоянномъ благоденствіи.—Новгородъ, 4 марта, стараго стила, въ лѣто отъ Рождества Христа Спасителя нашего 1616-е ²⁾.)»

Мы посовѣтовались со шведскими уполномоченными о томъ, какую намъ взять дорогу, чтобъ удобнѣе и скорѣе быть у короля, и, по совѣту ихъ, рѣшились ѣхать въ Ревель, откуда, по ихъ словамъ, удобно можно было переѣхать на кораблѣ въ Стокгольмъ, по освобожденіи Балтійскаго моря отъ льда. Когда все было готово къ отъѣзду нашему, мы почтительнымъ образомъ простились съ господиномъ генераломъ часто упомянутымъ графомъ Лесковскимъ и съ секретаремъ Мансомъ Мартинсеномъ. Намѣстникъ же Выборгскій ³⁾ за нѣсколько дней предъ симъ уѣхалъ. Мы одарили графа и нѣкоторыхъ изъ домашнихъ людей его маловажными подарками, потому что мы ихъ стараніями получали все необходимое во время переговоровъ, равно нужное къ отъѣзду нашему въ Нарву.

17 марта, мы оставили Новгородъ, по справедливости назы-

¹⁾ Уговоръ, по которому Меррикъ долженъ былъ ѣхать въ Москву, а голландцы къ королю шведскому.

²⁾ Слѣдуютъ отвѣты нидерландскихъ посланниковъ на письма русскихъ уполномоченныхъ и англійскаго посла, которые мы опускаемъ по причинѣ ихъ маловажности.

³⁾ Арфу Тоннисень.

заемный Великимъ. Городъ этотъ, въ настоящее время, находится въ сильномъ упадкѣ; болѣе половины домовъ и другихъ строений сгорѣло, и число жителей весьма уменьшилось въ сравненіи съ прежнимъ; многіе изъ нихъ разбѣжались, другіе погибли отъ чумы, меча и голода. Изъ оставшихся жителей ежедневно многіе умирали съ голода, свирѣпствовавшаго весьма сильно не только въ Новгородѣ, но и во всемъ вел. княжествѣ Новгородскомъ, воеводствѣ Псковскомъ и другихъ городахъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русскіе употребляли разную нечистую птицу, даже человѣческое мясо. Сверхъ того, новгородцы отягощены были содержаніемъ гарнизона; они также должны были нести всѣ издержки шведовъ во время переговоровъ въ Дидеринѣ. Расходы эти простирались на значительную сумму денегъ, по причинѣ дороговизны и разстоянія между этими мѣстами; кромѣ того, многіе изъ людей, доставлявшихъ припасы, умерли дорогою отъ холода, нищеты и другихъ бѣдствій; ѣхавъ изъ Глѣбова въ Новгородъ, мы находили на дорогѣ много мертвыхъ тѣлъ и падшихъ лошадей, отчасти растерзанныхъ хищными звѣрями.

Въ ночь на 19 марта, мы встрѣтили на дорогѣ между Tesau (Тесовымъ?) и Зарѣчьемъ (два шанца, занятые шведскими гарнизонами) Ламберта Масса, брата Исаака Масса. Онъ повернулъ назадъ и слѣдовалъ за нами до Зарѣчья. Онъ отправленъ былъ изъ Амстердама, 7 января, съ письмами отъ В. Д. В. къ царю Россіи; но онъ не имѣлъ ни писемъ къ намъ, ни копій съ писемъ къ царю, которыя могли бы увѣдомить насъ о предметѣ его путешествія. Въ Ригѣ, онъ нашелъ пакетъ съ письмами В. Д. В., отъ 26 октября прошедшаго года, въ коихъ Вы увѣдомляете насъ о прибытіи въ Нидерландахъ русскаго посланника, о предложеніяхъ, сдѣланныхъ имъ и объ отвѣтѣ данномъ ему на тѣ предложенія. Въ письмахъ этихъ находилось также донесеніе Исаака Масса и описаніе того, какъ онъ позванъ былъ ко двору Е. Ц. В-ва, какъ онъ имѣлъ публичную аудіенцію съ торжественною церемоніею, какъ, отлично угостивъ, его съ почестью проводили въ Архангельскъ; въ этихъ же письмахъ находилось описаніе подарковъ, полученныхъ имъ отъ Е. Ц. В-ва и многія другія еще дѣла. Мы въ тотъ же день отправили далѣе означеннаго Ламберта Масса, снабдивъ его рекомендательными письмами къ г. графу Делагарди, чтобъ ему доставить свободный проѣздъ въ Москву.

21 марта, мы прибыли въ Ямъ, а 22 въ Нарву. Мы вездѣ были привѣтливо приняты новыми градоначальниками, такъ какъ жороль, возвращаясь изъ Пскова, осмотрѣлъ границы и перемѣнилъ градоначальниковъ въ Гдовѣ, Ивангородѣ, Ямѣ и Конорьѣ.

24 марта, мы въ Нарвѣ получили письмо его вел. короля шведскаго....

Въ Нарвѣ оставались до 27 марта, потому что весьма было трудно получить лошадей и сани, на которыхъ мы должны были съ кладью отправиться далѣе; такъ что мы принуждены были оставить въ Нарвѣ часть нашихъ вещей. При отъѣздѣ, насъ почтили пушечными и ружейными выстрѣлами; то же было сдѣлано и при вѣздѣ нашемъ въ городъ. Градоначальникъ Ниль Янсень (Nilus Janssen) и нѣкоторые другіе офицеры проводили насъ на полмили за городъ. Въ числѣ этихъ офицеровъ находились: Самуиль Кабронъ (Samuel Cabron), полковникъ, командующій полкомъ шотландцевъ, который, вмѣстѣ съ другими еще, изъявилъ желаніе вступить въ службу В. Д. В. и предложилъ привести въ Нидерланды отличный полкъ въ распоряженіе В. Д. В., не требуя впередъ денегъ; онъ настоятельно просилъ насъ рекомендовать его В. Д. В. Онъ съ значительнымъ отрядомъ полка своего стоялъ въ городѣ или маленькомъ укрѣпленіи, лежащемъ подъ крѣпостью Ивангородомъ, куда спаслись многіе русскіе изъ окрестныхъ мѣстъ съ имуществомъ своимъ во время войны; городокъ этотъ въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ, какъ уже упомянуто нами прежде, сгорѣлъ до тла, несчастіе, причинившее сильный убытокъ королю и жителямъ.

Прибывъ, 29 марта, въ Толзбургъ (Tolzburg), мы должны были остаться тамъ на слѣдующій день по причинѣ слабости лошадей. Они съ трудомъ довели насъ, 31 числа, до Колке (Kolcke), помѣстья и замка, принадлежащаго графу Лескокскому, который, желая выразить благорасположеніе свое къ В. Д. В. и въ Нидерландамъ, изъ Новгорода далъ приказаніе принять и угостить насъ приличнымъ образомъ въ его замкѣ. Онъ чрезъ письмо просилъ знатнаго лифляндскаго дворянина Ганса Шаренберга (Hans Scharenbergh), заступитъ его мѣсто, принять и угостить насъ.

2 апрѣля, мы прибыли въ Ревель. Недоѣзжая города, именемъ губернатора эстляндскаго, Гавріила Оксенштерна, принялъ насъ баронъ Ниль Бьелкенсъ (Nilus Byelkens), въ сопровожденіи нѣсколькихъ дворянъ и слугъ. При вѣздѣ нашемъ въ городъ почтили насъ пушечными выстрѣлами изъ города и изъ крѣпости. Губернаторъ приказалъ извиниться въ томъ, что не встрѣтилъ насъ лично, потому именно, что получилъ письма отъ короля и занятъ былъ чтеніемъ ихъ и отвѣтами на нихъ; онъ долженъ былъ спѣшить отправить вѣстниковъ, ибо они должны были ѣхать льдомъ чрезъ Финскій заливъ, а погода грозила оттепелю. Онъ посѣтилъ насъ 5 числа, а на другой день былъ

у насъ г. Генрихъ Горнъ, государственный маршалъ, одинъ изъ уполномоченныхъ короля на переговорахъ, и о которомъ говорено было выше. Мы словесно уведомили его о томъ, что происходило на переговорахъ. За три дня передъ этимъ, когда онъ находился еще въ помѣстьи своемъ въ Венденѣ, въ 12 или 13-ти миляхъ отъ Ревеля, мы, по просьбѣ его, сдѣлали краткое письменное изложеніе переговоровъ. Магистратъ отправилъ также нѣкоторыхъ изъ членовъ своихъ, посѣтить насъ; они подарили намъ бочку рейнскаго вина и въ незначительности подарка извинились малыми доходами города. На другой день послѣ приѣзда, мы—9 лошадей, оставшихся при насъ изъ 21-й, которыя даны были намъ именемъ короля въ Ивангородѣ, Ямѣ и въ лагерѣ подъ Псковомъ, для совершенія путешествія нашего, представили къ губернатору съ тѣмъ, чтобы возвратить ихъ въ конюшни его величества.

7-го апрѣля, возвратился къ намъ Андрей фанъ-Вуве, посланный нами изъ Глѣбова съ письмомъ къ королю шведскому вмѣстѣ съ вѣстникомъ посла Великобританіи. Путешествіе его чрезъ Финляндію было чрезвычайно затруднительно, вслѣдствіе того, что народъ разбѣжался, и совершенно обѣднѣлъ отъ безпрестанныхъ походовъ шведскаго войска въ Россію и обратно. Мы чрезъ него получили письмо отъ короля....

23 числа сего мѣсяца, мы препроводили къ В. Д. В. краткое содержаніе этого письма и рапортовали о томъ, какъ и почему разбѣжалось собраніе. Мы уведомили также о полученіи письма вашего, отъ 26 октября. Чрезъ другое письмо, отъ 27 числа, мы просили, чтобы В. Д. В. благоволили приказать заплатить г. бургомистру Яну Питерсу Рекселю (Jan Pieterss Rexel), въ Амстердамѣ, 1,500 рейхсталеровъ, взятыхъ нами у него на дорогу. По приѣздѣ въ Ревель, и прежде, мы не имѣли случая отправить писемъ въ Нидерланды, такъ какъ ледъ покрывалъ еще Финскій заливъ, вслѣдствіе того, что въ этомъ году, въ здѣшнихъ мѣстахъ, зима была холоднѣе, чѣмъ въ послѣднія 25 или 30 лѣтъ, а сухимъ путемъ также ѣхать нельзя было, потому что на рѣкахъ начиналъ таять ледъ.

Пока мы въ Ревелѣ ожидали открытія судоходства, нѣсколько человекъ изъ свиты нашей занемогли. Въ городѣ было также много больныхъ между жителями; они страдали отъ болѣзни, которая отърывается около этого времени года и называется голодною лихорадкою (hungersche kortse). Многіе изъ больныхъ умирали; изъ нашихъ умерло двое, а именно, 24 апрѣля, Янъ Экзальто (Jan Exalto), сынъ покойнаго Ивана Экзальто, доктора медицины въ Лейденѣ, и 29, Томасъ Бурманія (Thomas

Вирманія), изъ Фрисландіи, которые, въ разные дни, похоронены были одинъ возлѣ другого, съ почестью, по тамошнему обычаю.

7 мая, новаго стиля, прибылъ въ Ревель, моремъ, съ большимъ трудомъ, Бернардъ Гельфрихъ (Bernard Helfrich), лифляндскій дворянинъ, секретарь короля. Онъ отправлялся въ Ригу съ порученіемъ узнать о состояніи дѣлъ въ Польшѣ. Онъ вручилъ намъ письмо короля, и послѣ разныхъ привѣтствій, просилъ насъ расположиться къ отъѣзду въ Россію въ слѣдующему числу мая мѣсяца. Намъ неизвѣстно, приглашалъ ли онъ насъ на это, по приказанію короля или самъ отъ себя, какъ то дѣлали всѣ лифляндскіе помѣщики, которые почитали миръ между Швеціею и Россіею весьма для себя выгоднымъ....

Тогда прибыло нѣсколько кораблей изъ Голландіи, а между тѣмъ, узнавъ, что королевскій корабль, о коемъ писалъ намъ Его Величество, едва могъ быть въ Ревелѣ ранѣе трехъ или четырехъ недѣль, — мы рѣшились нанять одно изъ голландскихъ судовъ и отправиться въ Або, коль скоро мы извѣстимся, что фарватеръ между финскими шхерами очистился отъ льда; о такомъ намѣреніи нашемъ мы извѣстили короля....

Мы пробыли въ Ревелѣ еще до 19 мая, ожидая погоды и попутнаго вѣтра; 19 мая, когда все благопріятствовало нашему отъѣзду, мы сѣли на корабль послѣ обѣда, около трехъ часовъ. Наканунѣ мы увѣдомили В. Д. В. о намѣреніи нашемъ оставить Ревель. Г. маршалъ, Генрихъ Горнъ, который въ Ревелѣ также ждалъ корабля, чтобы отправиться къ королю, и г. губернаторъ Гавріиль Овсенштерна, равно и бургомистры города Ревеля, проводили насъ до самаго корабля. Насъ весьма учтиво приняли и угощали во все время пребыванія нашего въ Ревелѣ, и съ нами особенно ласково обошлись губернаторъ и другіе корельскіе офицеры. За нѣсколько дней до отъѣзда, маршалъ Горнъ, самъ отъ себя и частнымъ образомъ, снабдилъ насъ: быкомъ, зайцами, хлѣбомъ и другими припасами на дорогу. При отъѣздѣ нашемъ, издержки, сдѣланныя нами, были поставлены на счетъ короля, и корабль нашъ снабженъ хозяйномъ, у котораго мы жили, значительнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ для насъ и свиты нашей.

Вѣтеръ былъ такъ попутенъ, что, 20-го числа утромъ, мы находились уже въ финскихъ шхерахъ, а около обѣда недалеко отъ Барезонда (Baresond), гдѣ обыкновенно зимуетъ часть военныхъ кораблей короля. Командиръ ихъ, Яковъ Фейерротъ (Feuerrot), родомъ Шотландецъ, посѣтилъ насъ, отдалъ въ наше распоряженіе одинъ изъ лучшихъ кораблей, по имени «*Мерку-*

рий», и послалъ намъ навстрѣчу нѣсколько плюпокъ, которыя, на веслахъ, доставили насъ въ Барезондъ, гдѣ приняли насъ съ большимъ числомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Мы отблагодарили губернатора за посѣщеніе и услуги и на другой день отправились далѣе. Онъ около вечера слѣдовалъ за нами съ тремя кораблями. Въ этотъ же день, мы встрѣтили вѣстника, отправленнаго королемъ, чтобъ ожидать нашего приѣзда и увѣдомить короля, какъ только мы доѣдемъ до Терфзонда (Terfsond), въ четырехъ миляхъ отъ Або. Недоѣзжая этого мѣста, 22-го числа, передъ обѣдомъ, встрѣтилъ насъ лифляндскій дворянинъ Робертъ Розенъ, съ двумя лодками, на коихъ находились живые бараны, быки и другіе съѣстные припасы и напитки. Онъ, именемъ короля, просилъ насъ направить путь прямо на Стокгольмъ, не заѣзжая въ Або, потому что король самъ готовъ былъ къ отѣзду и ждалъ только прибытія кораблей изъ Барезонда. Хотя мы предпочли бы откланяться королю и проститься съ нимъ въ Або и вовсе оставить путешествіе въ Стокгольмъ, — однакожь, мы исполнили волю короля. Мы принуждены были держаться на якорѣ, на разстояніи одной мили отъ Або, ожидая лодмана, который долженъ былъ быть посланъ въ намъ изъ города. Между тѣмъ, подъ вечеръ, посѣтилъ насъ на кораблѣ, отъ имени Его Величества, г. Янъ Делагарди, баронъ Эхгольмскій, намѣстникъ Абоскій, а чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того былъ у насъ г. Ажсель Оксенштерна, канцлеръ Его Величества и государства Шведскаго, съ которыми мы много говорили о всемъ происшедшемъ на переговорахъ. Сановники эти разстались съ нами на зарѣ, которая показалаь прежде, чѣмъ мы успѣли замѣтить наступленіе ночи; въ то время года, ночи весьма коротки. Канцлеръ просилъ насъ пробить на якорѣ еще нѣсколько часовъ, пока онъ успѣетъ сообщить королю все, что онъ узналъ отъ насъ. Онъ послѣ этого прислалъ намъ единственнаго лодмана, котораго въ то время можно было сыскать въ Або, и который зналъ мѣстность и фарватеръ, не болѣе какъ на одну милю отъ того мѣста, гдѣ мы находились, такъ что мы принуждены были искать другихъ лодмановъ на шхерахъ и островахъ, изъ коихъ многіе обитаемы и почти всѣ украшены деревьями и другими растеніями. Путь между островами кажется весьма пріятнымъ и удобнымъ на взглядъ, но опасенъ, особенно осенью или во время сильной погоды, по причинѣ подводныхъ камней, на вторые мы нѣсколько разъ ударялись, не смотря на то, что, по тамошнему обычаю, мы всякіе 2 или 3 мили перемѣняли штурмановъ.

25-го числа, получивъ свѣдущаго штурмана, мы проѣхали

черезъ Аландскій заливъ; градоначальникъ Аланда пришелъ къ намъ на корабль и предложилъ намъ свѣжихъ припасовъ, если мы хотимъ подождать часъ или полтора; но такъ какъ мы были достаточно запасены всѣмъ нужнымъ и вѣтеръ былъ весьма хорошъ, то мы поблагодарили его и поплыли далѣе черезъ Ботническій заливъ. 26-го числа, мы достигли шведскихъ шхеровъ у Стевезунда, (Stekesunt) отдаленнаго менѣе, чѣмъ на полмили отъ замка Ваксгольма, (Waxholm), мимо котораго всѣ корабли, идущіе въ Стокгольмъ, должны проходить черезъ узкій проливъ и заплатить королевскую пошлину. Мы въ этотъ день совершили не много менѣе 30 миль.

28 числа подъ вечеръ, мы имѣли опять попутный, но весьма слабый вѣтеръ. Мы проѣхали мимо Ваксгольма, гдѣ насъ почтили барабаннымъ боемъ, пушечными и ружейными выстрѣлами и ракетами, а въ слѣдующую ночь мы отправились въ Стокгольмъ, съ намѣреніемъ держаться на якорѣ въ полмили отъ города, потому что, на другой день, 29-го числа, долженъ былъ праздноваться въ городѣ Троицынъ день. Но утромъ рано былъ у насъ адмиралъ Клеркъ, (Clercq) шотландецъ, который былъ въ службѣ В. Д. В. въ качествѣ капитана флота. Онъ получаетъ еще небольшую пенсію изъ Роттердамской конторы и изъ благодарности оказываетъ при случаѣ услуги голландскимъ купцамъ, торгующимъ въ Швеціи. Онъ просилъ насъ пересѣсть на двѣ большія яхты, съ которыми онъ прибылъ къ намъ и на которыхъ находились королевскіе флаги и гербы, и потомъ отправиться въ городъ. Мы, ранѣе 6-ти часовъ утра, прибыли въ городъ, прежде нежели національная стража узнала о нашемъ прибытіи. Изъ крѣпости салютовали изъ пушекъ и вскорѣ послѣ приѣзда нашего, насъ посѣтили совѣтники: Яковъ Якобсонъ Баатъ (Baat), древняго королевскаго происхожденія, и Ооке (Ooske) Аксельсъ (Axels); двумъ этимъ сановникамъ поручено было принять насъ отъ имени государственныхъ совѣтниковъ, которые, пользуясь праздникомъ, почти всѣ уѣхали въ загородные дома свои*).

*) Последняя часть донесенія голландскихъ уполномоченныхъ, отъ прибытія ихъ въ Стокгольмъ, до возвращенія въ Гагу, 4 августа, не имѣетъ ближайшаго отношенія къ русской исторіи, и потому мы ее опускаемъ.

III.

ТРИ ПИСЬМА ИСААКА МАССЫ КЪ ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ ШТАТАМЪ.

(1616—1618).

Первое письмо.

Прибытіе въ Архангельскъ.—Помѣщеніе Массы въ городѣ.—Раздоры между Кондеровымъ и секретаремъ посольства Неферовымъ.—Письма воеводамъ, заключающія инструкцію, какъ провожать въ Москву посланниковъ изъ Франціи и Голландіи.—Масса не можетъ ѣхать съ Кондеровымъ въ Москву.—Невѣрность извѣстій изъ Москвы.—Дорога въ Астрахань по Волгѣ очищена отъ разбойниковъ.—Слухъ о женитьбѣ царя.—Письмо на имя капитана Канта съ приказаніемъ отправиться въ Гренландію.—Встрѣча голландскими судами 6 датскихъ военныхъ кораблей.—Осада Смоленска продолжается.—Мяѣніе англійскаго посла о голландскихъ посланникахъ, бывшихъ на переговорахъ.—Донесеніе московскихъ уполномоченныхъ о голландскихъ посланникахъ.—Причина разлада Кондерова и Неферова.—Масса проситъ не оставить милостію брата его, подателя этого посланія.—Недостатокъ извѣстій.

Посланіе Исаака Массы Генеральнымъ Штатамъ, писанное изъ Архангельска 25 іюля, а полученное 23 октября 1616 года*).

Благородные, высочайшеуважаемые Господа, мои всемилостивѣйшіе Господа Генеральные-Штаты Соединенныхъ Нидерландскихъ провинцій, и пр.!

Господа мои! 12-го іюля мы всѣ вмѣстѣ благополучно прибыли въ Архангельскъ послѣ 37-ми дневнаго плаванія, исполнивъ въ точности приказаніе В. Д. В. относительно Посла Его Царскаго Величества. При нашемъ приближеніи, 12-го іюля, въ Архангельскому острогу (slot), за мной посланъ былъ на корабль одинъ изъ здѣшнихъ капитановъ; по старинному обычаю, отвели мнѣ квартиру въ одномъ изъ городскихъ домовъ, принесли лучшихъ, по ихъ вкусу, кушаній и напитковъ; если что мнѣ недостасть или если мнѣ что нибудь не по вкусу, я самъ покупаю на свой счетъ; затѣмъ дали мнѣ въ приставы одного изъ дворянъ, ко-

*) Оригинальный текстъ этого посланія помѣщенъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи князя Оболенскаго и Линде въ приложеніяхъ къ т. I, но безъ французскаго перевода.

торый долженъ сопровождать меня до Москвы, гдѣ, какъ слышу, не все въ наилучшемъ порядкѣ; объ этомъ братъ мой, который прибылъ сюда изъ Москвы и отправляется въ Голландію, на словахъ донесетъ В. Д. В. Посоль Иванъ Кондеровъ и Секретарь Неферовъ безпрестанно между собою находятся въ раздорѣ по дѣламъ, устроеннымъ ими въ Голландіи и Франціи. Они доносятъ другъ на друга намѣстникамъ и воеводамъ. Кондеровъ съ величайшею поспѣшностію отправилъ двухъ курьеровъ въ Москву и самъ намѣренъ ѣхать туда черезъ 5 или 6 дней. Сюда, до приѣзда нашего, присланы изъ Москвы письма воеводамъ, относительно насъ и другихъ часто отправляемыхъ посланниковъ изъ Франціи и Голландіи—какимъ образомъ слѣдуетъ ихъ провожать въ Москву. Мнѣ невозможно исполнить приказанія В. Д. В., т. е. отправиться вмѣстѣ съ Кондеровымъ; мы уже разлучены, и теперь онъ не можетъ даже со мною говорить. Извѣстій изъ Москвы я дать не могу, такъ какъ они всѣ невѣрны, и ложь здѣсь вещь самая обыкновенная. Но при возвращеніи изъ Москвы обо всемъ будетъ обстоятельно донесено В. Д. В.; впрочемъ, я во всемъ ссылаюсь на то, что вамъ донесутъ благородные, высокоученые, мудрые Гг. послы, отправленные В. Д. В. чрезъ Швецію на мирные переговоры. Они расскажутъ вамъ, что такое москвитяне.

Дорога въ Астрахань по Волгѣ свободна и очищена отъ разбойниковъ, такъ что много купцовъ прибыло безопасно въ Москву съ множествомъ шелковыхъ товаровъ.

Сегодня пришло извѣстіе, что царь намѣренъ вступить въ первый законный бракъ съ дочерью одного изъ подданныхъ своихъ. Дай Богъ, чтобы черезъ это улучшилось правленіе, которое, если останется въ теперешнемъ положеніи, долго продлится не можетъ.

Послѣдніе корабли изъ Голландіи привезли письмо къ капитану Канту (Cant), съ приказаніемъ въ скорѣйшемъ времени отправиться къ военнымъ кораблямъ, находящимся въ Гренландіи при китовой ловлѣ, что и будетъ исполнено немедленно.

Нѣкоторые изъ нашихъ кораблей видѣли 6-ть датскихъ военныхъ кораблей, идущихъ въ Гренландію, изъ коихъ самый меньшій имѣлъ 20 чугунныхъ орудій. Они говорили съ ними, и датчане сказали, что на возвратномъ пути они встрѣтятъ ихъ въ Бѣломъ морѣ, когда наши съ грузомъ воротятся изъ Архангельска. Объ этомъ здѣсь не сомнѣваются.

Смоленскъ сильно осажденъ, и здѣсь народъ чрезвычайно боится поляковъ. Что изъ этого будетъ, тому насъ время научить.

Англійскій агентъ говоритъ здѣсь, что еслибъ на переговорахъ не было голландскихъ уполномоченныхъ, то давно миръ былъ бы заключенъ: это онъ говоритъ московскимъ купцамъ и простонародью, прибавляя, что голландцы болѣе привязаны къ шведамъ, нежели къ русскимъ. Впрочемъ, англійскій посоль Іоаннъ Мервъ въ эту зиму признался нѣкоторымъ изъ нашей націи, что нидерландскіе послы¹⁾ были мудрые, умные люди.

Московскіе уполномоченные доложили великому князю и всей думѣ, что они никогда не видывали людей умнѣе нидерландскихъ уполномоченныхъ, и что они, своими московскими крючками (*tresken*), ни въ какихъ дѣлахъ не могли получить верхъ надъ ними.

Я упомянулъ выше, что русскій посоль и секретарь посольства въ большомъ разладѣ между собою; причина тому слѣдующая: посоль—московскій царедворецъ (*courtisaen*), знаетъ нравъ государственнаго канцлера въ Москвѣ и ищетъ собственныхъ своихъ выгодъ. Онъ хочетъ доказать, что его усердіемъ и благодаря его уму, дѣла во Франціи имѣли столь выгодный успѣхъ, и хлопочетъ здѣсь съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ о воеводствѣ или имѣніи въ награду за службу свою. Секретарь же рассказываетъ и намѣренъ повторить въ Москвѣ, что еслибъ въ Голландіи, В. Д. В. Господа Штаты не дали имъ полного содержанія, то они жили бы тамъ какъ нищіе или бродяги (*lantloopers*) и никогда не добрались бы до Франціи, еслибъ не были снабжены рекомендательными письмами В. Д. В., равно принца и принцессы Оранскихъ, и не получили бы того приѣма во Франціи, который имъ былъ сдѣланъ; что если В. Д. В. не дали бы военныхъ судовъ, то они, кромѣ стыда, ничего бы не нажили; еслибы во Франціи имъ не оказалъ помощь Мортань (*Mortagne*²⁾, то никогда не добились бы того, чего требовали, а напротивъ того, получилибъ на свою шею лишь стыдъ и срамъ отъ предложеній, которыя они намѣрены были сдѣлать Франціи. Онъ намѣренъ высказать всю правду и доложить обо всемъ; посоль же хочетъ доказать, что всей удачѣ обязаны лишь его умѣнію, а что секретарь дѣла своего не знаетъ, не заботился объ исполненіи своихъ обязанностей, а предавался пьянству, пироваль, въ Гагѣ хотѣлъ соблазнить дѣвку въ домѣ Мерскенса (*Meuergkens*), и много прочаго подобнаго вздора. Наконецъ, посоль

¹⁾ Бредероде, Басъ и Іоакими.

²⁾ Въ голландскомъ текстѣ, помѣщенномъ въ сочиненіи гг. Оболенскаго и Линде, фамилія его написана *Mortague*. Это былъ, слѣдуетъ полагать, нидерландскій посланникъ во Франціи.

хочетъ теперь ѣхать сухимъ путемъ, тогда какъ сначала онъ намѣревался ѣхать водою въ Москву, единственно на зло секретарю, который весьма тученъ и нездоровъ.

Дорога въ Москву трудна и составляетъ 300 нѣмецкихъ миль, такъ что секретарю невозможно будетъ за нимъ слѣдовать; а тѣмъ не менѣе онъ долженъ будетъ на то рѣшиться.

Во всемъ, что я увижу и услышу, я исполню приказанія В. Д. В. и вездѣ употреблю всевозможное стараніе въ чести нашей родины и въ точности донесу обѣимъ сторонамъ¹⁾: а впрочемъ да будетъ воля Божія.

Нижайше прошу брата моего, подателя этого посланія, милостиво распросить и выслушать о путешествіи, совершенномъ имъ съ большими издержками. Онъ обо всемъ донесетъ вамъ, и я надѣюсь, что В. Д. В. не откажете ему въ милости своей.

У насъ сегодня 25-го іюля; мнѣ сказано, что чрезъ два дня я долженъ отправиться въ верхъ²⁾ (на boven), согласно данному приказанію. Такъ какъ я ничего особеннаго не слышалъ и не получалъ достовѣрныхъ извѣстій сверху (van boven); то я ни о чемъ доносить не могу, и за тѣмъ молю Всемогущаго Бога и пр.

Исаакъ Масса.

Второе письмо.

Благополучный пріѣздъ 22-го августа.— Хорошее расположеніе русскихъ къ голландцамъ, вслѣдствіе отзыва русскаго посла.— Приемъ англійскаго посла.— Почести, ему оказанныя.— Отѣздъ его въ Холмогоры.— Его побѣгъ.— Тайный пріѣздъ въ Архангельскъ.— Тщетныя увѣщанія англійскаго агента и дворянъ.— Окончательный его отѣздъ.— Страхъ воеводъ архангельскихъ.— Винодность пристава и стрѣльцовъ, сопровождавшихъ посла.— Толки о причинахъ, побудившихъ англійскаго посла къ такому поступку.— Разсужденія Массы о выгодныхъ для голландцевъ послѣдствіяхъ поступка англійскаго посла.— Надежды англичанъ на свою ссуду царю денегъ.— Тяжкія условія займа.— Нападенія датчанъ на голландскія суда у Лапландскихъ береговъ.— Милостивое обращеніе съ голландскими купцами.— Умѣренность пошлины.— Извѣстіе о смерти великаго канцлера.

Посланіе Исаака Массы Генеральнымъ Штатамъ, писанное изъ Архангельска 4-го сентября, а по-

¹⁾ Это относится къ голландскимъ политическимъ партіямъ.

²⁾ Въ Москву.

лученное 17-го ноября 1619 ¹⁾
(1618) ²⁾.

Благороднымъ и высокомогущественнымъ Господамъ Генеральнымъ Шта-тамъ Соединенныхъ Нидерландовъ.

Господа мои! Наше прибытіе ³⁾ сюда совершилось въ полномъ благополучіи 22-го августа; дорогою мы были очень довольны, и насъ здѣсь, по существующимъ обычаямъ, приняли съ почестію; рапортъ, который посоль о насъ отправилъ, произвелъ такое дѣйствіе, что всѣ сердца вдоль по Двинѣ такъ лежатъ къ нашей націи, что если онъ одинаковымъ образомъ будетъ говорить про насъ царю и князю въ Москвѣ, намъ лучшаго и желать нечего.

Англійскій посоль давно до насъ прибылъ въ Архангельскъ и былъ весьма великолѣпно принятъ со стрѣльбою. Къ нему были необыкновенно гостепріимны и старались его чрезвычайнымъ образомъ угощать на счетъ обѣднѣвшаго городского общества. Прошло 2 или 3 недѣли, пока онъ рѣшился отправиться въ Москву. Наконецъ, онъ пустился вверхъ, но остановился въ Холмогорахъ: содержаніе его обходилось ежедневно до 300 гульденовъ и болѣе. Изъ Холмогоръ онъ не хотѣлъ ѣхать далѣе, не взирая на просьбы воеводъ. Узнавъ о нашемъ прибытіи въ Архангельскъ, онъ, чрезъ 4 дня послѣ того, ночью тихо бѣжалъ изъ Холмогоръ съ лучшимъ народомъ и деньгами, обманувъ приставовъ и комиссаровъ на содержаніе забранное имъ на два или 3 дня впередъ. Достигнувъ утромъ Архангельскаго острога, онъ повернулъ въ сторону и проселочною дорогою прибылъ сюда, подкрѣпивъ себя людьми съ двухъ англійскихъ кораблей. На другой день лишь въ обѣдъ узнали въ Холмогорахъ о томъ, что онъ бѣжалъ на двухъ русскихъ лодкахъ. Приставъ по всѣмъ городамъ послалъ людей въ погоню, но уже было поздно. Приставъ самъ былъ захваченъ и въ кандалахъ привезенъ въ Архангельскъ къ воеводамъ, которые его будутъ содержать, пока не получатъ приказаній изъ Москвы, куда они отправляютъ на-

¹⁾ Тутъ поставленъ 1619 годъ, а въ концѣ письма 1618, но первая цифра ошибка, такъ какъ, въ послѣдующемъ донесеніи (см. ниже), Исаакъ Масса ссылается на это посланіе отъ 4-го сентября 1618 г.; въ сочиненіи князя Оболенскаго и Линде также это посланіе обозначено отъ 4-го сентября 1618, при ссылкѣ на него.

²⁾ Посланіе это не находится въ сочиненіи князя Оболенскаго и ванъ - Линде.

³⁾ Въ оригиналѣ слово *Armentent*, очевидно, ошибка; слѣдуетъ полагать, что Масса употребилъ слово *arrivement* (?).

рочнаго за нарочнымъ, чтобы обо всемъ донести Его Царскому Величеству. Стрѣльцы, которые на конвой и караулъ даны были послу, преданы почти всѣ пыткамъ: они признались во всемъ, а теперь оказалось, что приставъ виновенъ въ томъ, что не хорошо исполнилъ своей обязанности. Начальники города въ чрезвычайномъ страхѣ; какъ они будутъ за это отвѣчать передъ царемъ, это ужь ихъ дѣло, но они надѣются еще оправдаться. Посла старались уговаривать нѣкоторые изъ дворянъ и англійскій агентъ, но онъ ничего слышать не хотѣлъ и, 2 сентября, отправился со своею добычею на 2 корабляхъ, стрѣляя ядрами во всѣ стороны. Одно изъ ядеръ пролетѣло чрезъ одинъ изъ домовъ. Русскіе зѣвали и остались въ большомъ раздумьи, отославъ въ Москву племянника его и секретаря на посрамленіе; причины же я еще вполне добиться не могу: одни говорятъ, что тому были причиною дурныя извѣстія сверху, другіе утверждаютъ, что причина тому мой пріѣздъ, и носится слухъ, будто мы прибыли съ большими субсидіями (assistantie) и совсѣмъ иначе, нежели англичане. Говорятъ также, что ему страна не понравилась и что Остъ-Индская компанія въ Англии обманута была Московскою компаніею. Словомъ, всякій говорить свое и толку добиться трудно: одно лишь вѣрно, а именно — англичане здѣсь осрамлены, а наша рѣчь теперь въ силѣ. Наконецъ, въ Москвѣ князья узнаютъ истину относительно всего, что прежде говорилось о торговлѣ съ англичанами, отъ которой, въ теченіи 50 лѣтъ, царь не получилъ никакой выгоды, между тѣмъ какъ отъ голландцевъ ежегодно поступаютъ значительныя суммы въ таможеню; теперь узнаютъ, кто лучше и усерднѣе служилъ Россіи во всѣхъ частяхъ. Русскіе сознаются, что никогда не было нанесено Московскому государству обиды, подобной поступку англійскаго посла, даже отъ турокъ во всѣ съ ними войны. Имъ никакъ не перенести этой обиды. Сколько здѣсь прежде англичанъ уважали, столько ихъ нынѣ презираютъ; сколько они прежде здѣсь гордились, столько они теперь повѣсили носъ и сдѣлались чрезвычайно ласковы къ намъ; имъ впрочемъ быть нельзя иначе, и если не представится какое-либо средство, то компанія ихъ рухнетъ въ этомъ году, такъ какъ у нихъ въ этомъ году именно прибыло лишь 3 корабля въ Архангельскъ, а нашихъ было болѣе 30, продавшихъ весь почти товаръ; они возвращаются въ Голландію, нагруженные русскими произведеніями. Воеводы дали мнѣ также пристава и почетную стражу и спросили меня о намѣреніяхъ моихъ. Я отвѣтилъ, что я готовлюсь ѣхать къ Его Царскому Величеству съ подарками, посылаемыми царю В. Д. В. Они меня спросили, что я привезу, на что я отвѣтилъ, что я въ

Москвѣ объ этомъ объявлю, и что я прошу нарядить мнѣ людей и подводъ на провозъ означенныхъ вещей, что и было исполнено. Мы намѣрены ѣхать завтра; во всемъ употребимъ всевозможное стараніе и воспользуемся настоящими удобными обстоятельствами.

По случаю, здѣсь въ Архангельскѣ, сгорѣвшаго монастыря, русскіе говорятъ въ насмѣшку, что они отведутъ на монастырь англійскій дворець, потому что другого годнаго на тотъ предметъ зданія не находится, и потому, что англичане въ нынѣшній годъ не производили никакой почти торговли. Они полагали эту ссудою совершенно вытѣснить голландцевъ и оставить торговлю за собою. Но дѣло пошло на-оборотъ; даже въ случаѣ, если бы ихъ посоль и отправился въ Москву, то его отправили бы назадъ, узнавъ въ совѣтѣ (гает) его корыстныя условія, о которыхъ я стыжусь писать. Впрочемъ, такъ какъ я ихъ не знаю навѣрно, то я по возвращеніи лишь изъ Москвы донесу объ нихъ В. Д. В.

Датчане напали на наши корабли близъ Лапландскихъ береговъ и сильно тѣснили ихъ, такъ какъ и они выслали кораблей и купцовъ и крѣпко жаловались на голландцевъ именемъ короля ихъ, но такъ какъ ихъ нѣсколько помазали и они къ тому же пріятеля нашимъ купцамъ, то они ихъ отпустили.

Съ нашими купцами въ нынѣшній годъ поступлено чрезвычайно милостиво. Они съ продажи и покупки не заплатили болѣе двухъ со ста пошлинъ; не смотря на это, нѣкоторые недовольные изъ нихъ еще жалуются; но мы можемъ обойтись безъ этихъ жалобъ; со времени моего приѣзда русскіе даютъ нашимъ такую свободу въ торговлѣ, что многіе изъ нашихъ купцовъ утаили половину своего товара и слѣдовательно заплатили половинную пошлину. Они мною нахвалиться не могутъ. Это впрочемъ болѣе для чести.

Я никакихъ не имѣлъ издержекъ на порохъ и свинець, доставилъ даже бесплатно балластъ капитану; мнѣ необходимо было нанять еще одного бочара. Теперь я не въ состояніи сообщить другихъ достовѣрныхъ извѣстій; данныя же мнѣ порученія исполню усердно и такъ что В. Д. В. останетесь довольны; буду молчать и дѣйствовать, предоставляя В. Д. В. милостивому покровительству Всевышняго, да дастъ Онъ В. Д. В. счастливое и мирное правленіе, а мнѣ постоянную охоту служить отечеству.

Архангельскъ, 4-го сентября 1618.

P. S. Сегодня получено извѣстіе, что (въ Москвѣ) скончалась большая страусовая птица, т. е. великій канцлеръ, всегда боль-

шой пріятель англичанъ, а нашъ противникъ. Полагаютъ, что онъ былъ отравленъ. Дай Богъ всѣмъ врагамъ нашей отчизны подобный вонецъ или лучшій образъ мыслей (sinnen).

Исаакъ Масса.

Донесеніе Исаака Массы о приключившемся съ нимъ во время путешествія его къ Великому Князю Московскому, читано 2-го марта 1620 ¹⁾.

Третье письмо.

Масса ссылается на посланіе 4-го сентября 1618. — Отправленіе его въ Москву. — Благополучный путь до Хоробрицы. — Несчастное приключеніе съ лодкою. — Опасность утонуть. — Наказаніе приставовъ. — Проѣздъ мимо Устюга въ Вологду. — Причины остановки въ Вологдѣ. — Извѣстія отъ дяди царя изъ Ярославля. — Неудачный приступъ принца Владислава на Москву. — Желаніе поляковъ заключить миръ. — Дальнѣйшее отправленіе Массы съ кладью. — Слухи въ народѣ. — Прибытіе въ Ярославль. — Опасность дорогою. — 12-ти-недѣльное пребываніе въ Ярославлѣ. — Пожаръ. — Извѣстіе о заключенномъ мирѣ между Россією и Польшею. — Отправленіе въ Москву. — Прибытіе въ Москву. — Встрѣча и помѣщеніе. — Образъ жизни Массы. — Его свиданіе съ канцлеромъ Самовъ Романшизовымъ. — Совѣтъ, который даютъ Массѣ его друзья не просить аудиенціи. — Старанія англійскаго агента доставить Массѣ аудиенцію. — Причины къ тому. — Ожидаемая переѣзды отъ пріѣзда изъ плѣна отца царя. — Интриги англійскаго агента. — Разные слухи о цѣли посольства Массы. — Аудиенція англійскаго агента. — Ему возвращаютъ его подарки. — Англійскому посланнику запрещаютъ просить впредь объ аудиенціи. — Неудачный исходъ его мисси. — Отъѣздъ его. — Аудиенція Массы. — Разговоръ съ царемъ. — Собраніе 22 іюня въ кельѣ Патріарха. — Разрѣшеніе производить персидскую торговлю. — Разговоръ Массы съ Курбатовымъ о торговлѣ голландцевъ. — Торжественный вѣздъ въ Москву Филарета. — Освобожденіе польскихъ плѣнныхъ. — Прощальная аудиенція. — Неисполненіе царскихъ приказаній относительно подарковъ, назначаемыхъ иностраннымъ посланникамъ. — Возвратное путешествіе въ Архангельскъ. — Пожаръ въ Архангельскѣ, приписываемый англичанамъ. — Увѣренія Массы въ тщательномъ исполненіи своего порученія. — Замѣтка на счетъ высокой цѣнности, которую придали аммуниціи.

Высокомогущественные Господа! Господа мои! В. Д. В. усмотрѣли изъ писемъ, которыя я писалъ В. Д. В. 4 сентября, 1618 г., что я прибылъ въ Архангельскъ съ подарками и съ посломъ Его Всероссийскаго Величества, возвращающимся изъ Голландіи. В. Д. В. также узнали о бѣгствѣ за море англій-

¹⁾ Rapport van *Isaac Massa* van't gene hem wedervaren is op syne reyse aen den grootfürst, van Moscovien. — Этого донесенія также нѣтъ въ сочиненіи кн. Оболенскаго и ванъ-Лянде.

скаго посла съ тѣмъ, что онъ привезъ въ помощь (assistantye) Его Русскому Величеству, равно и о разныхъ другихъ происшествiяхъ, случившихся въ тоже время.

Путь нашъ вверхъ къ Москвѣ былъ удаченъ до 12 сентября, въ который день мы доѣхали до окрестностей Хоробрицы (Chorobritsa), гдѣ лодка, на которой я самъ находился съ людьми своими, платьемъ, шелковою мебелью, ночью потонула по причинѣ дурного ея устройства. Мы, къ удивленiю многихъ, съ трудомъ спаслись съ лодки. Мы должны были нанять нарочныхъ и отправить ихъ къ воеводѣ Архангельскому за другою лодкою и припасами; все тотчасъ было намъ прислано. Пристава наши были схвачены за то, что дали намъ первую, негодную лодку и принуждены были заплатить намъ за весь ущербъ, за исключенiемъ двухъ ящиковъ съ платьемъ, которые мы потеряли.

16 числа, мы вновь отправились далѣе мимо Устюга (Ust-Jûga) и Тотмы на другихъ лодкахъ и съ припасами, поставленными на счетъ приставовъ. 11 октября, мы благополучно прибыли въ Вологду: здѣсь воевода прислалъ за мною собственную лошадь, и я въѣхалъ въ городъ при конвоѣ, состоящемъ изъ городского гарнизона; меня помѣстили въ одномъ изъ значительнѣйшихъ домовъ; въ означенномъ городѣ мы должны были пробить до 18 ноября, не только въ ожиданiи установленiя зимняго пути, но собственно потому, что дорога между Вологдою и Ярославлемъ была опасна, такъ какъ непрiятель показывался ежедневно съ 7 или 8-ми тысячами черкасовъ (Tsercassen); даже подходили къ городу, такъ что мы могли считать себя осажденными.

Между тѣмъ воеводы получили письма отъ дяди Великаго Князя, который съ дружиною стоялъ подъ Ярославлемъ, чтобъ помѣшпать непрiятелю перейти чрезъ рѣку Вологду и послать отрядъ на помощь Москвѣ, осажденной принцемъ польскимъ Владиславомъ. Въ это время Владиславъ ночью напалъ на Москву съ 16 т. войска, состоящаго изъ французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, ирландцевъ, шотландцевъ, поляковъ и черкасовъ. Но онъ былъ отбитъ, отступилъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ столицы, такъ что онъ на вторую попытку уже болѣе не покушался. Поляки даже начали просить мира, такъ какъ по всей странѣ разнесся слухъ, будто англiйскiе и нидерландскiе посланники прибыли съ аммуниціею, деньгами и 4000 нидерландскаго войска. Извѣстiе это поселило страхъ между поляками, но нѣмцы ему обрадовались, потому что весьма не хорошо содержались польскимъ принцемъ и безпрестанно находились въ необходимости перебѣгивать. Къ этому присоединилось извѣстiе

о Богемской войнѣ¹⁾, которое поторопить поляковъ заключить миръ. Пришло также приказаніе насъ съ большимъ конвоемъ отправить въ Ярославль со всѣмъ, что было при насъ. Но сначала проводили туда англійскаго посла, а потомъ мнѣ дали ротмистра съ 500 войска и, кромѣ того, еще нѣсколько человекъ изъ дворянъ. Порохъ и свинець повезены были сухимъ путемъ на саняхъ. Провозъ аммуниціи изъ Вологды до Ярослава по моему расчету обошелся втрое дороже стоимости ея. Народъ полагалъ, что по образу клади, мы веземъ серебро, а не свинець; но господа начальники того желали для славы. Во всѣхъ церквахъ молились о нашемъ здравіи, и мы такимъ образомъ прибыли 24 ноября въ Ярославль. Дорогою мы ночью два раза были окружены неприятелемъ, числомъ до 4 т. человекъ, и котораго мы видѣли въ разныхъ деревняхъ, на разстояніи даже не полной мили. Но ротмистръ все держалъ меня при себѣ для огражденія меня и говорилъ: «Пусть хоть все пропадетъ, лишь бы я тебя довезъ невредимымъ; иначе я жизнью буду отвѣчать». Такимъ образомъ, мы два раза выбились изъ бѣды, верхами съ 10-ю людьми изъ свиты моей. Я сдѣлалъ ротмистру значительный подарокъ, безъ чего уже изъ одной чести обойтись не могъ. Затѣмъ и вся поклажа благополучно дошла до Ярославля. Тамъ я былъ съ почестію встрѣченъ, имущество все сложено въ казенные подвалы, мнѣ отведена квартира. Здѣсь русскій посоль сдѣлалъ первое донесеніе свое въ самыхъ выгодныхъ для насъ выраженіяхъ, въ чемъ я удостовѣрился по обращенію со мною и почестямъ оказываемымъ мнѣ; такъ напр. меня провезли чрезъ Волгу до дома моего па собственномъ конѣ племянника Великаго Князя, каковая почеть до настоящаго времени никому не была оказана, и которая не вполнѣ понравилась англичанамъ.

Въ городѣ Ярославлѣ, который никогда не былъ завоеванъ, мы пробыли 12 недѣль, дожидаясь заключенія мира между русскими и королемъ польскимъ и княжествомъ литовскимъ, каковой миръ и заключенъ между Москвою и Ярославлемъ въ большомъ монастырѣ Троицкомъ, въ 10-ти миляхъ отъ котораго стояли сынъ короля и Левъ Сапѣга со всею арміею. Они нивѣкъ не могли взять этотъ монастырь, который сильно укрѣпленъ и вооруженъ множествомъ орудій. Между тѣмъ въ Ярославлѣ случился сильный пожаръ, причинившій много ущерба. Онъ открылся въ домѣ, занимаемомъ англійскимъ посланникомъ и произошелъ отъ куренія табаку и пьянства; въ немъ погибло трое

¹⁾ То-есть начало тридцатилѣтней войны.

англичанъ и двое русскихъ; сгорѣло также много хлѣба въ зернѣ. Посланникъ, дворяне и люди его свиты съ трудомъ спасли жизнь, но все имущество было жертвою пламени; однакожь остальные изъ посылаемыхъ Его Величеству денегъ къ счастью находились въ острогѣ на храненіе.

4 января, мы узнали, что миръ заключенъ; можно себѣ представить сколько всѣхъ обрадовало извѣстіе это. Русскіе, по ихъ обычаю, служили благодарственное молебствіе (*Te Deum laudamus*). Трезвонили во всѣ колокола, которыхъ великое множество и которые почитаются лучшимъ украшеніемъ церквей; звонъ былъ такой, что слухъ заглушалъ. Затѣмъ тотчасъ пришло изъ Москвы повелѣніе отправить съ конвоемъ въ Москву англійскаго и нидерландскаго посланниковъ, по сначала англійскаго, который и отправился 14 января 1619 года съ 500 дворянъ верхами, назначенныхъ проводить его до Москвы.

24 января, отправился я въ Москву съ 300 дворянъ, которые были наряжены мнѣ въ конвой. Надъ ними начальствовалъ князь Давидъ Ярославскій. Порохъ и свѣнецъ намъ приказано было оставить въ Ярославлѣ, потому что, по этой дорогѣ, не достало бы лошадей на провозъ ихъ. Мы направили путь чрезъ Ростовъ, Переславль (*Pereslau*) и Троицу и прибыли въ Москву 1 февраля. Въ города насъ встрѣтили лица, особо на то назначенныя, и проводили въ отведенныя намъ квартиры. Меня помѣстили въ домѣ епископа Босдальскаго (*Boesdael*); опредѣлены были, по русскому обычаю, для меня припасы и напитки въ большемъ количествѣ, нежели въ прошедшемъ годѣ. Повара однакожь, кухонной посуды, постелей и прочихъ подобныхъ вещей дано не было, и я самъ всѣмъ этимъ долженъ былъ записаться.

Подобно тому, какъ дѣлалось въ другихъ городахъ, мнѣ въ Москвѣ дали караулъ, такъ что никто не могъ быть у меня и никто изъ нашихъ не могъ по прежнему выходить со двора. Я испросилъ позволеніе, чтобъ нѣкоторые изъ знакомыхъ могли посѣщать меня; позволеніе это было дано мнѣ, но съ тѣмъ, чтобъ посѣщенія эти производить тайно. Англичанъ же въ Москвѣ и въ другихъ городахъ содержали весьма строго.

Англійскій посланникъ и я часто просили объ аудіенціи, но намъ всегда весьма учтиво отвѣчали, что намъ нужно потерпѣть потому, что сначала миръ долженъ быть заключенъ и укрѣпленъ посольствами, посылаемыми другъ другу обоими государями, что требовало многихъ издержекъ и времени. Но мнѣ, между тѣмъ, позволено было быть въ канцеляріи у канцлера Саввы Романщикова (*Sava Romantsicooff*), который въ то время исправлялъ

должность умершаго великаго канцлера; онъ привѣтствовалъ меня отъ имени Его Величества Государя съ величайшею вѣжливостію и любезностію. Онъ побесѣдовалъ со мною о путешествіи моемъ и о случившемся со мною дорогою; а потомъ меня снова проводили домой. Въмѣсто стола (Tafel), какъ это обыкновенно называютъ, мнѣ въ этотъ день принесли на домъ особенное кушанье и напитки. Это происходило въ концѣ марта.

Друзья и пріятели мои, равно и родной дядя Его Царскаго Величества, Иванъ Никитичъ (Mikitowits), который нынѣ шталмейстеръ, совѣтовали мнѣ не просить аудіенціи у Его Величества. Англійскій же агентъ, пребывающій въ Москвѣ, всячески старался и дѣлалъ большіе расходы, чтобъ я получилъ аудіенцію, на что онъ имѣлъ свои причины; въ это время почти всѣ чины великой канцеляріи были преданы англичанамъ и чрезвычайно корыстолюбивы. Они перепортили бы наше дѣло, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Его Ц. В. не только терпѣлъ хладнокровно, что дѣлалось въ разныхъ областяхъ государства, но смотрѣлъ сквозь пальцы и на дѣйствія придворныхъ и прочихъ служителей съ великою кротостію (побуждало его къ тому множество непріятелей, не только внѣ, но и внутри государства) до возвращенія родителя своего, которому онъ намѣренъ былъ ввѣрить управленіе цѣлымъ государствомъ, какъ мужу, который одинъ былъ въ состояніи поддержать достоинство великовняжеское. Для меня всего лучше было обождать переменъ, которыхъ одни ожидали съ надеждою, а другіе опасались, и которые дѣйствительно произошли съ возвращеніемъ родителя царскаго и прочихъ государственныхъ мужей, которые содержались 8-мъ лѣтъ въ плѣну у поляковъ. По этой, а не по другой причинѣ, Россія уступила Польшѣ 14 городовъ, принадлежавшихъ болѣе ста лѣтъ Литвѣ и по большей части лежащихъ на рѣкѣ, прежде называемой Бористеномъ, а нынѣ Днѣпромъ.

Между тѣмъ англійскій агентъ употреблялъ всѣ средства, чтобъ узнать, зачѣмъ именно я былъ посланъ; онъ полагалъ, что цѣль моего посольства была совершенно другая, потому что я продолжалъ жить тихо и спокойно. Здѣсь же распускались разные ложные слухи: иные говорили англичанамъ, что я прибылъ для того, чтобъ населить Россію голландскими выходцами, что шведамъ досталось отъ русскихъ и проч. Онъ насъ изобразилъ самыми худыми красками. Англичане выпросили аудіенцію, которая и была дана имъ въ самое неудобное время, а именно—въ великій постъ.

Когда онъ ¹⁾ предсталъ предъ царемъ, то при немъ не было

¹⁾ Англійскій посланникъ.

подарковъ отъ Его К. В., такъ какъ бѣжавшій англійскій по- соль увезъ ихъ съ собою. Онъ однакожъ поднесъ нѣсколько подарковъ собственно отъ себя и отъ кавалеровъ, находящихся при немъ, каковыя подарки, предъ отбѣздомъ его изъ Москвы, ему были возвращены въ стыду его и англійской компани: кромѣ того ему принесли на домъ подарки Его Ц. В., цѣнно- стію превышающіе его подарки. Когда разсмотрѣны были гра- маты Его Кор. Англійскаго Вел. и найдено, что они относились единственно до посла Сэръ-Дудлея-Дейка (S-r. Dudley Dusk), то ему (т. е. повѣренному въ дѣлахъ Томасу Фуйшъ (Thomas Fuische), дядѣ сказаннаго Д. Дейка, отправленному имъ вмѣсто себя самого съ порученіемъ въ Москву) отвѣтили, чтобъ онъ болѣе не позволялъ себѣ испрашивать аудіенціи на томъ осно- ваніи, что онъ не королевъ посланъ, а лишь рабомъ короля, безъ вѣдома Его К. В. Ему круто объявили, что съ нимъ дѣла имѣть не хотятъ, присовокупляя, что весьма удивительнымъ ка- жется, что королю англійскому, любезному брату Его Царскаго Величества, служители его не оказываютъ болѣе почтенія, и что они осмѣливаются столь дерзко бросать должность свою и вмѣ- сто себя посылать ниспаго къ столь великому государю, каковъ царь; что никогда не полагали, чтобы подобная вещь могла слу- читься, но что если при немъ находится часть денежнаго посо- бія обѣщаннаго царю, то чтобъ онъ выдалъ оную, въ чемъ онъ отказалъ: за что долженъ былъ просидѣть 3 мѣсяца подъ стра- жею. Испросивъ, наконецъ, аудіенцію у депутатовъ, и полу- чивъ ее, тутъ-то онъ и объявилъ, что не намѣренъ отдать денегъ иначе, какъ если голландцамъ вовсе запретятъ торговать съ Россіею. Ему отвѣтили, что этого слышать не хотятъ, еслибъ даже самъ король повторилъ подобное требованіе. Такъ какъ находящаяся при немъ сумма была незначительна и состояла изъ испанскихъ реаловъ нужныхъ для извѣстныхъ издѣлій въ церкви; то послали къ нему купцовъ съ порученіемъ вымѣнять реалы; ему хотѣли навязать 6-ю процентами болѣе, нежели слѣ- довало за эту монету; наконецъ, ему прямо объявлено, что съ нимъ дѣла имѣть не хотятъ. Реаловъ, какъ говорятъ, при немъ было 100 т. Съ того времени англичане, только лишь замѣтивъ расположеніе, которымъ мы пользовались, всячески старались возбудить здѣсь ненависть къ В. Д. В. Генеральнымъ-Штатамъ: они даже, наконецъ, подали записку, въ которой изъясняли, что В. Д. В. Генеральные-Штаты — народъ, желающій вмѣши- ваться въ дѣла всѣхъ государствъ и поселить въ нихъ раздоръ; что В. Д. В. были также виновниками шведской войны, кото- рая большею частію производилась ихъ силами и средствами,

что вы просили союза Польши противъ Россіи и много другихъ лживыхъ сказокъ, которыхъ я повторять стыжусь. Имъ отвѣтили, что Его Ц. В. благодарить ихъ за предостереженіе, а потомъ за спиною надъ ними смѣялись, такъ что клеветами своими они себя самихъ уронили. Я не хотѣлъ даже опровергать ихъ, но всегда могъ бы доказать все, еслибъ не опасался причинить кому либо вреда. При отъѣздѣ его изъ Москвы, предъ нимъ три раза захлопнули ворота, когда онъ намѣревался выѣхать со двора верхомъ: это дѣлали съ нимъ три дня сряду. Его проводили за городъ одни нисіе (Slechte) стряпчіе и писцы, которые, въ отношеніи своего дворянства, суть самые презрѣнные люди въ Москвѣ. Онъ такимъ образомъ отправился чрезвычайно недовольный, негодумъ не столько на русскихъ, сколько на пребывающаго въ Москвѣ англійскаго агента, котораго онъ считалъ виновникомъ всему случившемуся.

Предъ отъѣздомъ его изъ Москвы, мнѣ назначена была аудіенція. Для меня и свиты моей даны были лошади великаго князя съ фореиторами и пажами. Шествию нашему приказано было идти мимо англійскаго двора; они всѣ видѣли, къ своему великому униженію, служителей моихъ на коняхъ царскихъ, между тѣмъ, какъ они въ подобномъ случаѣ принуждены были нанимать лошадей.

Явившись предъ Его Царскимъ Высочествомъ, я почтительно привѣтствовалъ Его отъ имени В. Д. В., поднесъ подарки, данные мнѣ съ собою, равно и тѣ, которые я представлялъ собственно отъ себя, какъ то дѣлали посланники, бывшіе прежде въ Россіи. Потомъ мнѣ позволено было подойти къ рукѣ царской. Я вручилъ ему грамоты В. Д. В. и просилъ назначить мнѣ депутатовъ. Царь пожелалъ самъ со мною говорить, и я долженъ былъ отвѣчать ему безъ переводчика. Онъ спросилъ меня въ благополучномъ ли здравіи добрые друзья его В. Д. В. Господа Штаты, равно и принцъ Оранскій. Я отвѣтилъ, что при отъѣздѣ моемъ, В. Д. В. были въ вождѣльномъ здравіи и желали Его Царскому Величеству долгой жизни и мирнаго царствованія. Царь кивнулъ головою и спросилъ о моемъ здоровьи и не имѣлъ ли я дорогою какихъ-либо неприяностей въ его владѣніяхъ. Я поблагодарилъ Его Царское Высочество за оказанныя мнѣ ради В. Д. В. почести. Хотя у меня были причины жаловаться, но я подвергнулъ бы опасности жизнь виновныхъ, и кромѣ того, не желая возбудить въ себѣ ненависти, я предпочелъ умолчать и не доводить этихъ причинъ до свѣдѣнія. Затѣмъ царь отпустилъ меня и вмѣсто стола (tafel), мнѣ принесли кушанье и напитки. Это происходило 1-го іюня.

Послѣ того, я нѣсколько разъ имѣлъ аудіенцію по возвращеніи въ Москву родителя царя, который подвинулъ впередъ дѣла мои, по которымъ создано было 22 собранія въ кельѣ патриарха, въ присутствіи Его Величества и всѣхъ господъ страны (*alle de heeren des lands*). Рѣшено было никакъ не запрещать персидской торговли, но допустить насъ къ этой торговлѣ на ряду съ англичанами. Какъ только состоялось это рѣшеніе, Иванъ Никитичъ послалъ ко мнѣ надежнаго, тайнаго пріятеля завѣрить меня, что это дѣло рѣшено несомнѣннымъ образомъ, и посовѣтовать, чтобъ В. Д. В. не замедлили отправкою посланниковъ для заключенія трактата по означенному дѣлу. Посланному ко мнѣ отъ Ивана Никитича я подарилъ вызолоченный кубокъ.

Объ этомъ В. Д. В. можете впрочемъ удостовѣриться изъ писемъ Его Царс. Вел.; мнѣ же при передачѣ этихъ грамотъ, настоятельно приказано главными совѣтниками и самимъ канцлеромъ, просить В. Д. В. не замедлить отправленіемъ посланниковъ, если мы желаемъ выгодныхъ для земли нашей условій. Сами же русскіе чрезвычайно довольны и рады, ибо знаютъ, что для нихъ произойдетъ отъ того выгода и польза.

Вновь назначенный канцлеръ Иванъ (*Ferasionits*) Курбатовъ, бывшій посломъ при римскомъ императорѣ, похожъ на нѣмецкаго уроженца, уменъ и разсудителенъ во всемъ и многому научился въ плѣну у поляковъ и пруссаковъ. Онъ меня спрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ: на какомъ мѣстѣ мы построили-бъ дома, какіе мы вывозили бы и ввозили бы товары и прочія другія вещи. Въ отвѣтъ на его вопросы, я назвалъ ему произведенія, которыя для насъ нужны и выгодны, и если трактатъ заключится, то мы сойдемся. Товары эти суть: сырой шелкъ, краски, москательные товары, камлотъ, парчи, штофныя издѣлія (дамасты) и др.; изъ нашихъ странъ всякаго рода сукна безъ исключенія, холстъ ради чрезвычайной бѣлизны (которою онъ превышаетъ шелковую и бумажную матерію), и который, по этой причинѣ, русскіе чрезвычайно цѣнятъ и любятъ; нѣкоторые изъ нашихъ городовъ могутъ производить весьма выгодную торговлю холстомъ въ Россіи. Затѣмъ я назвалъ мелочные товары (*stapetue*) и нюренбергскія издѣлія.

14-го іюня, послѣдовалъ торжественный въѣздъ родителя великаго Князя, Филарета Никитича, со всѣми другими бывшими вмѣстѣ съ нимъ въ плѣну. Его Царское Величество выѣхалъ къ нему на встрѣчу за городъ на цѣлую милю со всѣмъ народомъ всѣхъ племенъ (*natuën*); народу собралось болѣе нежели

когда либо до всѣхъ бывшихъ смуть; его встрѣтили съ вербами и вѣтвями и повезли на саняхъ запряженныхъ 4-мя лошадьми, по обычаю тамошняго духовенства; звонили въ колокола и молились въ церквахъ; всѣ жители Москвы либовали нѣсколько дней, одну половину дня проводили въ церквахъ, а другую на пиршествахъ.

Польскіе плѣнные также были освобождены, имъ дали одежду, денегъ и проводниковъ до границы. Во всѣхъ вѣдомствахъ перемѣнены штаты и смѣнены служащіе; но все къ лучшему. Все сдѣлано по приказанію самого родителя царскаго, но все заранѣе уже было назначено и опредѣлено.

4-го августа, я получилъ отвѣтъ отъ государственнаго канцлера и непремѣнное приказаніе объявить В. Д. В. Господамъ Свободныхъ Соединенныхъ Нидерландовъ, не оставить отправкою полнаго посольства, въ одно время съ англичанами. Онъ увѣдомилъ меня, что онъ весьма хорошо знаетъ, что будутъ устроены дѣла выгодныя для нашей страны, выгоднѣе, нежели сказано въ грамотахъ, писанныхъ къ Его Королевскому Величеству. Мнѣ затѣмъ приказано было готовиться къ 6 августа, чтобъ откланяться у Его Царскаго Величества.

6-го августа, меня и свиту мою снова повезли во дворецъ на лошадяхъ великаго князя. Я представился Его Царскому Величеству и получилъ грамоты; мнѣ позволено подойти къ рукѣ Его Величества. Онъ изустно поручилъ мнѣ В. Д. В. отъ него поклониться, пожелать здравія и благополучнаго правленія и далъ именное приказаніе пригласить васъ прислать посла съ достаточными полномочіями. Онъ приказалъ тоже повторить принцу Маврикію, любезному его другу. Засимъ, послѣ обыкновенныхъ церемоній, я откланялся и поклонился всѣмъ князьямъ, сидящимъ по лѣвую руку царя: они встали и отдали мнѣ поклонъ.

На другой день, посланы были ко мнѣ на домъ экипажи и провожатые. Мнѣ подарено было 3 тюка соболей, стоющихъ около 900 гульденовъ, т. е. цѣною въ половину поднесенныхъ мною подарковъ, не смотря на то, что царь приказываетъ дѣлать всѣмъ посламъ и посланникамъ подарки, на половину значительнѣе тѣхъ, которые они сами подносятъ царю; но приказаніе это не исполняется, а посланнику не слѣдуетъ и не приличествуетъ жаловаться и требовать чего-либо.

7-го числа, выѣхали мы изъ Москвы и мнѣ дано до 20 человекъ рейтеровъ въ прислугу до Ярославля, тамъ мнѣ прибавлено было еще войска и проводниковъ; 14-го числа, я прибылъ въ Вологду, разстояніемъ въ 100 нѣмецкихъ миль отъ Москвы:

тутъ намъ попался вѣстовой, который увѣдомилъ насъ о пожарѣ, случившемся въ Архангельскѣ.

Изъ Вологды мы, 16 августа, отправились на большой лодѣ, съ гребцами и солдатами. Мы проплыли мимо Суэса (Soesco) (?) и Тотмы до Устюга по Сухонѣ, и 21 числа вошли въ великую рѣку Двину.

26-го августа, я прибылъ въ Архангельскъ, мнѣ на встрѣчу вышло войско и меня снабдили припасами. Я былъ свидѣтелемъ разрушенія произведеннаго пожаромъ, въ который амстердамскіе купцы потеряли на полтора милліона; они однакожь спасли болѣе половины имущества, за исключеніемъ меня, бывшаго въ отсутствіи и липившагося почти всего моего достоянія. Пожаръ приписываютъ англичанамъ. Московская компанія въ Англіи рушилась, а коммиссіонеры ея въ Архангельскѣ такимъ образомъ удобнѣе могли свести счеты свои. Извѣстно одному Богу. Здѣсь впрочемъ знаютъ, что большая часть имущества англичанъ была уже нагружена на корабляхъ и что за нѣсколько дней до пожара нѣкоторые изъ нихъ перенесли на корабли часть имущества своего. Наступала осень, и я поэтому не могъ уже выждать извѣстій изъ Москвы. Такъ какъ военнаго корабля для меня не находилось, то я долженъ былъ нанять для себя судно. Я около 9-ти недѣль странствовалъ на этомъ кораблѣ въ бурю и ненастье. Мы два раза должны были приставать въ Норвегіи, что намъ стоило много денегъ и времени.

Вотъ краткое описаніе случившагося со мною въ продолженіе этого путешествія. Я почелъ полезнымъ для В. Д. В. письменно изложить все, увѣряя В. Д. В., что я вполнѣ исполнилъ данныя мнѣ вами порученія. Теперь никогда болѣе не стану жаловаться на стѣсненіе нашей торговли во всей странѣ. Мы нынѣ пользуемся свободою на ряду съ англичанами. Какъ изъ грамоты Его Царскаго Величества явствуетъ, онъ намѣренъ былъ съ нарочнымъ отправить другое письмо, но желая избѣгнуть издержекъ, я взялъ съ собою второе письмо это и доставилъ его В. Д. В.

Я по совѣсти могу утвердить, что во всѣхъ случаяхъ, я соблюдалъ честь В. Д. В. и выгоды страны нашей. Я не сомнѣваюсь въ персидской торговлѣ, коль скоро рѣшено будетъ отправить къ Великому Князю Московскому знатное посольство, какъ того требуетъ письмо Его Царскаго Величества. Подданные ваши будутъ пользоваться большими выгодами и воротятъ всѣ прежнія издержки, понесенныя нами въ Московскомъ государствѣ.

Предоставляя себя милости вашей, молю Бога, да даруетъ онъ В. Д. В. всякаго благополучія и долговременнаго правленія.
Окончено 3 декабря 1619.

В. Д. В. низжайшій слуга вашъ

Исаакъ Масса.

P. S. Нужно замѣтить, что посланная В. Д. В. и мною доставленная Его Царскому Величеству аммуниція оцѣнена была въ 40.000 гульденовъ, и въ эту же цѣну принята и записана Его Царскимъ Величествомъ и государственными князьями, (гусхворстен) не смотря на то, что она въ Голландіи не обошлась даже въ 20,000 гульденовъ.

Всѣ три послѣднія письма Исаака Массы въ сборникѣ нашей Академіи Наукъ отдѣлены отъ донесеній перваго голландскаго посольства 1616 года, и составляютъ особый картонъ № 15. Но содержаніе писемъ и ихъ эпоха такъ тѣсно связаны съ донесеніемъ, что мы предпочли измѣнить порядокъ оригинала, и картонъ № 15 поставили рядомъ съ картонами №№ 1 и 2, заключающими въ себѣ донесенія голландскихъ пословъ.

Письма Исаака Массы заключаютъ собою первую эпоху сближенія нашего съ голландцами. Цѣль, которую преслѣдовали Штаты, осталась не вполне достигнутою, и потому Голландія рѣшилась наконецъ послѣдовать совѣту Массы, и въ 1630 году было отправлено посольство въ Москву съ прямымъ порученіемъ вести переговоры о торговлѣ. Подобно Бредероде, Иоахиму и Бассу, новые послы, Альбертъ Конрадъ Бургъ и Иоганъ ванъ-Фельтдриль, составили подробное описаніе своего путешествія по Россіи и пребыванія въ Москвѣ.

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

САМАРСКОЕ ЗЕМСТВО.

IV *).

Послѣ общаго обзора, обращаемся къ разсмотрѣнію дѣйствій земскихъ учреждений въ Самарской губерніи по отдѣльнымъ статьямъ мѣстнаго хозяйства.

Расходный бюджетъ Самарской губерніи составляетъ:

	1866 г.		1867 г.	
	Уѣздный СВОРЪ.	Губернскій СВОРЪ.	Уѣздный СВОРЪ.	Губернскій СВОРЪ.
На содержаніе административныхъ мѣстъ, лицъ и учреждений	12.813 р.	14.654 р.	17.126 р.	11.951 р.
На содержаніе поземельнаго мирового института	—	59.380 >	—	70.755 >
На содержаніе земскихъ управъ	69.865 >	25.448 >	62.525 >	25.565 >
На отправление и переложение на денежные натуральныхъ повинностей.	224.696 >	19.169 >	—	10.995 >
На медицинскую часть	70.668 >	14.108 >	43.965 >	4.631 >
На народное образованіе	38.880 >	2.900 >	26.495 >	3.990 >
На уплату разныхъ долговъ	17.575 >	7.084 >	33.024 >	6.588 >
На устройство сельской почты	1.187 >	—	1.690 >	—
На устройство богадельни въ Николаевскомъ уѣздѣ	—	—	1.595 >	—
Въ пособіе губернскимъ и уѣзднымъ гласнымъ (въ Бугульминскомъ и Ново-Узенскомъ уѣздахъ)	2.265 >	—	—	—
Жалованье архитектору при губернской управѣ	—	1.000 >	—	1.000 >
На заготовленіе рабочихъ книжекъ	—	681 >	—	300 >
На непредвидѣнные и разныя мелкіе расходы	3.662 >	—	110 >	—
Итого	441.611 р.	144.424 р.	186.530 р.	135.685 р.
		586.035 р.		322.215 р.

*) См. выше стр. 385—398.

По уѣздамъ, этотъ расходъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	УѢЗДНЫЙ РАСХОДЪ.	ГУБЕРНСКІЙ РАСХОДЪ.	Итого.	НА КАЖДУЮ ДУШУ МУЖСКАГО ПОЛА НАСЕЛЕНІЯ СЕЛЬСКАГО И ГОРОДСКАГО.
Самарскій	25.913 р.	20.245 р.	46.158 р.	по 48 к.
Ставропольскій	12.042 »	18 667 »	30 709 »	> 32 »
Бугульминскій	40.475 »	12.719 »	53.194 »	> 53 »
Бузулукскій	33 025 «	25.160 »	58.185 »	> 37 »
Бугурусланскій	22.846 »	20.342 »	43.188 »	> 32 »
Николаевскій	19.610 »	28.402 »	48.012 »	> 32 »
Новоузенскій	32.619 »	15.131 »	47.750 »	> 45 »
Итого	186.530 р.	140.672 р.	327.202 р.	

Отсюда мы видимъ, что *относительная тяжесть всего земскаго сбора въ уѣздѣ*,—выраженная цифрою, падающею на единицу мужскаго населенія,—зависитъ какъ отъ *отношенія между собою размѣровъ уѣзднаго сбора* въ каждомъ уѣздѣ, такъ и отъ *относительной плотности населенія*. Последнее выражается вездѣ болѣе или менѣе одинаковою формулою: *тяжесть земскаго сбора обратно пропорціональна плотности населенія*; т. е., чѣмъ уѣздъ гуще населенъ, тѣмъ тяжесть земскаго сбора менѣе ощутительна, и на оборотъ.

Но мы коснемся только главнѣйшихъ отраслей земской дѣятельности. *Медицинская часть* въ Самарской губерніи получила болѣе сильное развитіе, нежели гдѣ нибудь: мы видѣли, что по уѣзднымъ бюджетамъ первоначально ассигновано было 70,668 р.; но отчасти неутвержденіе смѣтъ, отчасти болѣе близкое знакомство съ ходомъ дѣла заставило земскія собранія отказаться отъ своихъ предположеній, въ прежнихъ размѣрахъ.

Въ организаціи медицинской помощи въ Самарской губерніи принимаетъ значительное участіе губернская управа.

Здѣсь ея дѣятельности прежде всего подлежатъ благотворительныя заведенія, переданныя бывшимъ приказомъ, въ числѣ которыхъ самое важное мѣсто вездѣ занимаетъ *больница*. Постоянное увеличеніе числа больныхъ и необходимость обзаведенія больницы разными необходимыми принадлежностями возвысили расходы, такъ что въ 1866 году, Самарское земство должно было приплатить 10,062 р. на покрытіе дефицита по содержанію благотворительныхъ заведеній бывшаго приказа; но уже въ 1867 г. дефицитъ этотъ уменьшился до 538 р. Ревизіонная коммиссія, осматривавшая благотворительныя заведенія, завѣдуемыя губернской управою ¹⁾, нашла, что они содержатся хорошо, но помѣщеніе больницъ въ трехъ наемныхъ домахъ въ высшей степени

¹⁾ Больница и богадельня.

неудобно, и потому собраніе, по предложенію комиссіи, рѣшило отвратить тѣсноту помѣщенія больныхъ, доведенную недостаткомъ помѣщенія до крайности, — наймомъ особаго дома. Постройка собственнаго дома для больницы собраніемъ отложена. При больницѣ, по инициативѣ управы, устроена *фельдшерская школа* на 10 воспитанниковъ, на содержаніе которой собраніе отпускаетъ 1,805 р., и *родильный домъ* на 5 родильницъ и 5 ученицъ, на который отпускается 2,288 р.

Потомъ, въ мартѣ и ноябрѣ 1866 года принята въ Самарѣ управою въ свое завѣдываніе медицинская часть бывшихъ удѣльныхъ и казенныхъ имѣній, вмѣстѣ съ особымъ сборомъ съ крестьянъ и капиталами. Также по инициативѣ управы, собраніе сосредоточило въ губернской управѣ завѣдываніе особо медицинскою частію въ бывшихъ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ, вслѣдствіе чего управа пригласила губернскаго медика и вошла въ сношеніе съ уѣздными управами о лучшемъ устройствѣ этой части общими усиліями. Насколько намъ извѣстно, во многихъ губерніяхъ передача медицинской части земскимъ учрежденіямъ совершилась въ видѣ простой формальности, не вызвавшей никакой дѣятельности ни со стороны губернской, ни со стороны уѣздныхъ управъ, — чему, въ особенности, послужило причиною то обстоятельство, что изъ казеннаго и удѣльнаго вѣдомства болѣею частію переданы только дѣла: медики разошлись, фельдшера и повивальныя бабки уволены, больницы закрыты, остатковъ сбора не оказалось на лице.

Медицинское устройство въ уѣздахъ Самарской губерніи представляетъ пока не полные опыты, результаты которыхъ можно будетъ оцѣнить только въ будущемъ. Въ настоящее же время нѣтъ данныхъ рѣшить, — ни насколько развитіе медицинской части въ предположенныхъ размѣрахъ возможно по средствамъ населенія и удобству приглашенія въ отдаленные уѣзды свѣдущихъ медиковъ и фельдшеровъ; ни насколько подобное устройство соответствуетъ потребностямъ края и приноситъ дѣйствительную пользу населенію.

V.

На народное образованіе въ 1867 г. ассигновано: по губернской смѣтѣ 3,900 р., въ Самарскомъ уѣздѣ 1,500 р., Ставропольскомъ 120 р., Бугульминскомъ 6,500 руб., Бузулукскомъ 5,500 руб., Николаевскомъ 6,300 р. ¹⁾ Новоузенскомъ 11,075 р.

Изъ суммъ губернскаго сбора отпускается 900 р. въ пособіе Самарской гимназіи на содержаніе приготовительнаго класса и вспомо-

¹⁾ Въ смѣтѣ николаевского собранія выставлено только 1,800 р.

ствование бѣднымъ ученикамъ; 2,000 р. ¹⁾ въ пособіе Самарскому женскому училищу, по недостаточности его средствъ, выѣсто отпущавшихся прежде приказомъ 700 р. сер., и 1,000 р. (съ 1867 года) на содержаніе стипендіатовъ, приготовляющихся въ сельскіе учителя въ педагогическихъ классахъ Самарской духовной семинаріи. Совѣтъ женскаго училища уведомилъ управу, что земское пособіе составляетъ главнѣйшій источникъ его существованія ²⁾.

Изъ уѣздовъ въ дѣлѣ народнаго образованія, повидимому, первое мѣсто занимаетъ Новоузенскій уѣздъ. Тамъ, въ началѣ открытія земства, въ сентябрѣ 1865 г. происходили самыя прогрессивныя усилія привить народное образованіе въ размѣрахъ, у насъ неизвѣстныхъ. Собраніе, 27 сентября 1865 г., положило: существующія школы оставить въ прежнемъ видѣ, а открыть 3 женскія и 4 мужскія школы, съ 4-лѣтнимъ курсомъ, гдѣ должны преподаваться: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика вся, начальныя основанія землемѣрія и геометріи, начальныя основанія географіи, особенно русской, начальныя понятія объ исторіи, въ особенности русской, общія основанія естественныхъ наукъ, общія понятія о судостроительствѣ, судопроизводствѣ и земскихъ учрежденіяхъ, черченіе и чистописаніе, а въ женскихъ училищахъ и рукодѣлія. На содержаніе такого училища ассигновано 1,500 р., въ томъ числѣ 700 р. на жалованье учителю или учительницѣ, и 400 р. помощнику или помощницѣ. Учителя и учительницы допускаются безразлично и въ мужскія, и въ женскія школы. Собраніе ассигновало на открытіе этихъ школъ въ 1866 г. 10,500 р. и поручило управѣ въ сессію 1866 г. внести соображенія объ открытіи еще 3-хъ школъ въ пунктахъ, наиболѣе нуждающихся. Собраніе въ этомъ случаѣ руководилось слѣдующими убѣжденіями: 1) что начальныя народныя школы могутъ быть основаны согласно потребностямъ каждаго общества или самими обществами или приходскими попечительствами; вмѣшательство въ это дѣло земскихъ учреждений можетъ возобновить прежнія ошибки: пріучать общество къ надеждѣ на чужую стороннюю помощь, отклоняя ихъ отъ самодѣятельности; 2) на земскія средства должны быть основаны школы съ общеобразовательнымъ направленіемъ, которыя должны служить цѣлому уѣзду и недоступны средствамъ отдѣльнаго общества. Министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило открытіе такихъ школъ, исключивъ (!) изъ программы естественныя науки, судостроительство и изученіе положенія о земствѣ и, причисливъ эти школы

¹⁾ Въ томъ числѣ по ходатайству ген. маіора Половцева, 500 р. на содержаніе и обученіе воспитаницъ, кончившихъ курсъ въ Старо-Майнской женской школѣ.

²⁾ Въ Самарской губерніи между прочимъ принято, что члены училищныхъ совѣтовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ получаютъ билеты на бесплатныя разѣзды на обывательскихъ лошадяхъ.

въ разряду частныхъ учебныхъ заведеній, подчинило ихъ надзору губернскаго училищнаго начальства, помимо (1) училищнаго совѣта. Новоузенскія земскія школы въ свое время составляли предметъ оживленнаго литературнаго обсужденія и потому любопытно бы было видѣть ихъ результаты на дѣлѣ. Къ сожалѣнію, при устройствѣ ихъ встрѣтилось много разныхъ препятствій; но важнѣе всего то, что противъ нихъ существуетъ реакція въ самомъ мѣстномъ населеніи. Уже во второмъ очередномъ собраніи (въ сентябрѣ 1866 г.), гдѣ коммиссія изъ 6 членовъ разсматривала, по порученію собранія, вопросъ объ измѣненіи программы школъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, 4 члена высказались противъ подобныхъ школъ, въ виду обременительности налога и предлагали взять въ руки земства заброшенныя сельскія училища, надѣясь этимъ достигнуть болѣе вѣрныхъ и полезныхъ результатовъ. Два члена, настаивавшіе на учрежденіи школъ въ прежнемъ размѣрѣ, — главнымъ доказательствомъ приводили то, что теперь, когда предположенія Новоузенскаго земства опубликованы въ цѣлой Россіи, — отступленіе было бы *непослѣдовательно и невраственно*. Собраніе ¹⁾ согласилось съ мнѣніемъ этихъ двухъ членовъ, но населеніе заявляетъ себя въ смыслѣ предположеній большинства коммиссіи. Любопытно, что управа, устранивая дѣло народнаго образованія на такихъ широкихъ размѣрахъ, въ тоже время заявляетъ, что «въ теченіи 2-хъ минувшихъ лѣтъ, неурожай хлѣбовъ и травъ и падежъ скота обезсилил край до послѣдней степени и что населеніе, для избѣжанія голода, вынуждено будетъ закладывать и продавать все, — и даже себя, — спекулянтамъ на какихъ угодно условіяхъ».

Бугульминское собраніе, въ первую очередную сессію полжило открыть 10 народныхъ училищъ съ тѣмъ, чтобы преподаватели были исключительно лица духовнаго званія; и кромѣ того признало полезнымъ имѣть на свой счетъ 20 мальчковъ въ уѣздномъ училищѣ для приготовленія въ сельскіе учителя. Въ сессію 1866 года, собраніе рѣшило открыть при уѣздномъ училищѣ четвертый классъ, съ тѣмъ, чтобы въ немъ, въ числѣ прочихъ предметовъ, преподавалась бухгалтерія, и дать пособіе отъ земства городскому женскому училищу, съ тѣмъ, чтобы часть суммы была употреблена на содержаніе 10 бѣднѣйшихъ дѣвицъ изъ семействъ уѣзда.

Въ Вузулукскомъ собраніи на содержаніе сельскихъ школъ ассигновано на 1867 годъ 5,500 р., которыя раскладываются на всѣ имуществва, кромѣ земель удѣльныхъ крестьянъ, у которыхъ существуетъ на школы особый сборъ и онѣ устроены въ достаточномъ количествѣ.

¹⁾ Т. е. пять гласныхъ-крестьянъ, ибо все собраніе состояло изъ 16 гласныхъ, въ томъ числѣ 3 члена управы, представившихъ проектъ, 6 членовъ коммиссіи его разсматривавшихъ и 2 чиновника отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и удѣла.

Сумма, ассигнованная собраніемъ, поступаетъ въ распоряженіе членовъ училищнаго совѣта, на покупку учебныхъ пособій и на содержаніе учителей. Здѣсь же заявлено было гл. Кавзаномъ объ установленіи пошлинъ съ браковъ и крестинъ на содержаніе школъ.

Николаевское собраніе ассигновало на пособіе школамъ, въ распоряженіе училищнаго совѣта 6000 р., съ тѣмъ, чтобы преподаваніе, за исключеніемъ закона Божія, поручено было свѣтскимъ наставникамъ съ жалованьемъ въ 150 р. и уплатою за cadaго ученика 2—3 р. изъ суммъ земства. Кромѣ того, изъ той же суммы оно предположило въ теченіи 3—4 лѣтъ содержать 20 мальчиковъ въ уѣздномъ и главномъ колоніальномъ училищѣ, для подготовленія ихъ въ званіе сельскихъ учителей, съ обязательствомъ прослужить 6 лѣтъ въ земствѣ; и особо собраніе ассигновало 300 р. жалованья предсѣдателю училищнаго совѣта.

Въ Самарскомъ уѣздѣ, по неимѣнію средствъ за неутвержденіемъ раскладки, управа ограничилась въ 1866 году покупкою для существующихъ училищъ книгъ на 369 р. Собраніе на будущее время избрало слѣдующія мѣры: а) снабжать училища книгами; б) давать добавочное жалованье учителямъ, гдѣ недостаточно мѣстныхъ средствъ; в) помогать въ первоначальномъ образованіи вновь открываемымъ училищамъ, также въ случаѣ недостатка средствъ отъ самихъ обществъ.

Ставропольское собраніе вовсе не внесло въ свѣту расходовъ на народное образованіе, ссылаясь на крайнее свое затрудненіе даже въ средствахъ содержанія управы, по случаю неутвержденія раскладокъ на 1866 годъ.

Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ на первомъ очередномъ собраніи рѣшено было учредить въ г. Бугурусланѣ женское училище, но во вторую очередную сессію гласные отъ крестьянъ настояли на отмѣнѣ этого постановленія, признавая учрежденіе училища совершенно бесполезнымъ.

VI.

Сельская почта предположена къ устройству во всей Самарской губерніи кромѣ Бугульминскаго уѣзда. Честь самаго первоначальнаго введенія сельской почты принадлежитъ Ставропольскому уѣзду, гдѣ она была учреждена еще при введеніи положенія, въ 1861 г., по предложенію А. Б. Тургенева и за тѣмъ узаконена первымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Кромѣ того, до сихъ поръ, сельская почта открыта въ Самарскомъ и Бугурусланскомъ уѣздахъ. Изъ вѣдомости, приложенной Самарскою уѣздною управою видно, что въ теченіи полугодя (съ марта по сентябрь 1866 г.) по сельской почтѣ переслано

было частныхъ простыхъ и денежныхъ писемъ и повѣстокъ 1346, казенныхъ пакетовъ, журналовъ и газетъ 12,811, выручено въ доходъ земства 107 р. 61 к., а ежегодное содержаніе почты стоитъ по сметѣ 240 р. Денежныя пересылки отъ одного лица принимаются въ каждый разъ не болѣе 10 р. За утрату денежной корреспонденціи земство принимаетъ на себя отвѣтственность и на этомъ основаніи взимаетъ по 1 к. съ рубля страховыхъ, какъ почтовыхъ учрежденій. За пересылку простыхъ писемъ взыскивается 3 к. въ пользу пріемщика и 5 к. въ пользу земства, за письма, доставляемыя въ предѣлахъ уѣзда, и 8 к. въ другіе города (разумѣется кромѣ почтовой платы). При выдачѣ платится 3 коп. въ пользу выдающаго. Книги, газеты и журналы пересылаются и выдаются бесплатно. По расчету члена управы, гл. Молина, земство принимаетъ на себя, ограничивая пересылку корреспонденціи 10 рублями, опредѣленную отвѣтственность не выше 340 р. въ разъ, съ тѣмъ, что въ случаѣ первой утраты пріемъ денежной корреспонденціи прекращается. Новоузенская сельская почта принимаетъ деньги до 30 р. и посылки не выше 5 фунтовъ, но земство не отвѣчаетъ за утрату, а предоставляетъ взыскивать съ виновныхъ. — При такихъ результатахъ, какъ-то странно читать отзывъ многихъ московскихъ и нижегородскихъ уѣздныхъ собраній, что «населеніе нисколько не нуждается въ сельской почтѣ.»

VII.

Переходимъ къ системѣ составленія *земскихъ раскладокъ*.

Въ первоначальныхъ раскладкахъ дополнительнаго земскаго сбора уѣздными собраніями, до открытія губернскаго, земли, по неимѣнію никакихъ свѣдѣній, обложены были, болѣею частію, *подесятиннымъ сборомъ*.

Первое (экстренное) губернское собраніе (въ февралѣ и мартѣ 1865 г.) постановило, въ отношеніи къ раскладкѣ губернскаго сбора, слѣдующія правила: 1) на 1866 годъ не облагать фабрикъ, заводовъ, торговыхъ и промышленныхъ заведеній, оброчныхъ статей; 2) При обложеніи земель *принять за единицу* не десятину, а *размѣръ высшаго душевого надѣла, опредѣленный положеніемъ 19 февраля 1861 г.*, допустивъ для нѣкоторыхъ мѣстностей Николаевскаго и Новоузенскаго уѣздовъ увеличеніе и уменьшеніе этихъ размѣровъ; 3) Предоставить уѣзднымъ собраніямъ производить раздѣлку земель въ предѣлахъ каждаго уѣзда по собственному ихъ усмотрѣнію, съ тѣмъ, чтобы земельная единица была оцѣнена не выше 150 и не ниже 120 р., — примѣняясь къ цѣнности высшаго душевого надѣла.

Въ *первомъ очередномъ* собраніи (въ декабрѣ 1865 г.) открылось:

1) что освобожденіе фабрикъ, заводовъ, промышленныхъ заведеній и оброчныхъ статей отъ губернскаго сбора вполне оправдалось: оказалось, что уѣздныя собранія не выработали правильной системы для ихъ обложенія и, за исключеніемъ ставропольскаго собранія, привлекли ихъ къ тяжелому налогу на мѣстныя уѣздныя потребности. Такимъ образомъ установилось сохранившееся до сихъ поръ основное начало Самарской губернской раскладки — что *фабричныя и промышленныя заведенія облагаются сборомъ только для мѣстныхъ уѣздныхъ потребностей*. 2) Относительно земель, уѣздныя земскія учрежденія единогласно заявили о крайней стѣснительности оцѣнки земель по единицѣ душевого надѣла между 150 и 120 рублями: дѣйствительная разница въ цѣнахъ на земли нигдѣ не умѣщалась въ этихъ крайнихъ предѣлахъ. Напримеръ, по этому расчету въ Самарскомъ уѣздѣ десятина земли должна бы стоить не дороже 30 и не дешевле 24 р., тогда какъ капитализація по 6% расчету дѣйствительнаго дохода съ десятины опредѣлила стоимость ея отъ 30 до 6 рублей. Кроме того, такъ какъ губернское собраніе не установило общихъ основаній для примѣненія высшей и низшей оцѣнки къ даннымъ мѣстностямъ, то одни уѣзды причисляли огромное количество земель къ низшему разряду, а другіе на оборотъ.

Въ виду этихъ затрудненій и при отсутствіи данныхъ, губернское собраніе замѣтно колебалось въ установленіи раздѣлки уѣздовъ, по относительной стоимости земель. Оно приняло три основанія, изъ которыхъ выработалась настоящая губернская поземельная раскладка. Собраніе прежде всего приняло заключеніе комиссіи, разсматривавшей протестъ губернатора о необходимости раздѣленія земель на населенныя, ненаселенныя и лѣсныя. Потомъ оно одобрило и признало обязательнымъ для составленія губернской раскладки предложеніе другой комиссіи, разсматривавшей проектъ раскладки губернскаго сбора на 1866 годъ, составленный управою. Последняя комиссія положила въ основаніе распредѣленія губернскаго сбора на земли отдѣльныхъ уѣздовъ количество состоящихъ въ нихъ «равноцѣнныхъ поземельныхъ единицъ». Подъ именемъ такой равноцѣнной поземельной единицы собраніе приняло высшій надѣлъ, назначенный положеніемъ для каждаго уѣзда, но съ нѣкоторыми отступленіями. Соотвѣтствіе между высшимъ надѣломъ по положенію и по назначенію собранія таково:

Уѣзды	Высшій надѣлъ по положенію.	Размѣръ равноцѣнной поземельной единицы, принятой собраніемъ.
Самарскій	5	5 д.
Ставропольскій	4	4 и 5
Бузулукскій	5 и 6	6 и 7
Бугурусланскій	5	6
Бугульминскій	5	6
Николаевскій	5 и 8	5, 6, 8, 10, и 12.
Новоузенскій	8 и 12	8, 10, 12 и 16.

Распределеніе мѣстностей по этому масштабу въ отдѣльных уѣздахъ указано было въ общихъ чертахъ собраніемъ, но впоследствіи оно было окончательно разработано самими *уѣздными управленіями* и доставлено въ губернскую управу, для руководства при составленіи губернской раскладки. Къ этому общему правилу сдѣлано было предсѣдателемъ собранія дополненіе, принятое собраніемъ, но весьма неясно формулированное въ журналѣ. Сущность его состоитъ въ томъ, что 1) для опредѣленія валовой цифры, падающей на уѣздъ, поземельныя единицы, введенныя выше означеннымъ способомъ, помножаются на 100, или другими словами, равноцѣнность всѣхъ установленныхъ надѣловъ принимается въ 100 рублей; 2) этотъ валовой итогъ раскладывается въ уѣздахъ совершенно самостоятельно, примѣняясь къ основаніямъ, принятымъ каждымъ уѣздомъ для раскладки уѣзднаго сбора. Такимъ образомъ, двухъ-лѣтній опытъ указалъ Самарскому собранію: 1) что опредѣленіе какихъ-либо общихъ основаній для поземельной раскладки въ отдѣльных уѣздахъ ведетъ къ стѣсненію ихъ мѣстныхъ соображеній и не приноситъ никакихъ полезныхъ результатовъ; 2) что распределеніе поземельнаго губернскаго налога по цѣностямъ на земли, введеннымъ самими уѣздными учрежденіями, при крайнемъ разнообразіи и несовершенствѣ уѣздныхъ раскладокъ невозможно, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ выработаются до болѣе правильнаго устройства. Такимъ образомъ, между этими двумя системами, въ Самарѣ, какъ и вездѣ, избрана третья средняя и указанная мѣстными соображеніями, по которой губернское собраніе опредѣляетъ только *валовую цифру* или *математическій расчетъ доли сбора* падающаго на каждый уѣздъ, по отправленію общихъ губернскихъ потребностей. Главное основаніе заключается въ уѣздной раскладкѣ, которая непосредственно имѣетъ дѣла съ имуществами или плательщиками и отъ степени уравнительности которой зависитъ какъ общее благосостояніе уѣзда, такъ и сохраненіе интересовъ всѣхъ живущихъ въ немъ сословіи и экономическихъ группъ. Въ Самарѣ этотъ расчетъ основанъ на двойномъ масштабѣ: а) съ торговыхъ свидѣтельствъ и патентовъ на выдѣлку и продажу питей, съ которыхъ опредѣлено отсчитывать на губернской сборъ $\frac{2}{5}$ налога, установленнаго закономъ 21-го ноября, предоставляя остальные $\frac{3}{5}$ на удовлетвореніе уѣздныхъ потребностей; и б) съ *удобныхъ земель*, за исключеніемъ принадлежащихъ г. Самарѣ, въ вознагражденіе за излишне отбываемую губернскимъ городомъ воинскую квартирную повинность; сборъ съ земель исчисляется указаннымъ выше способомъ. Городскіе дома, фабрики и заводы и вообще торговыя и промышленныя заведенія при губернской раскладкѣ въ расчетъ не принимаются.

Губернскій сборъ на 1867 г. опредѣленъ слѣдующимъ образомъ:

На мировныя учрежденія . . .	съ 1.708,755 надѣловъ	71,767 р	} или 96,77%
	съ 1.838,952 —	64,363 р.	
На общій губернский сборъ .	съ свидѣтельствъ на право торговли .	4,541 р.	} или 3,23%

Уѣздный сборъ въ процентномъ отношеніи распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Съ город- скихъ до- мовъ.	Съ торго- выхъ сви- дѣтельствъ	Съ патен- товъ на продажу пштой.	Съ фабрикъ и заводовъ.	Съ зе- мель.
Самарскій	—	—	—	—	68,8
Бугурусланскій	—	2,4	3,4	—	94,1
Бугульминскій	1,9	0,08	—	7,6	72,7
Бузулукскій	—	2,5	—	3,3	94,2
Ставропольскій	вмѣстѣ съ фабриками и заводами	3,0	2,6	12,2	82,2
				4,0	
Николаевскій	—	2,1			93,9
Новоузенскій	—	1,1	5,0	11,3	82,5

Итакъ, вся тяжесть земскаго сбора въ Самарской губерніи лежитъ исключительно *на земляхъ*, какъ на главномъ цѣнномъ имуществѣ. Оттого законъ 21 ноября не затронулъ интересовъ Самарской губерніи и не вызвалъ такого энергическаго и вынужденнаго силою вещей протеста, какъ въ промышленныхъ губерніяхъ, гдѣ, на оборотъ, цѣнное имущество заключается въ торговыхъ капиталахъ и промышленныхъ предпріятіяхъ.

VIII.

Принятое губернскимъ собраніемъ въ основаніе поземельныхъ раскладокъ правило о раздѣленіи земель на *населенныя* и *ненаселенныя*, какъ мы видѣли, заключаетъ въ себѣ самое первоначальное примѣненіе *вліянія, оказываемаго густотою населенія на цѣнность земель*. Но рѣшеніе вопроса о томъ, что называть населенною и ненаселенною землею, допускаетъ много произвола и неопредѣленности, — ибо здѣсь нѣтъ видимаго признака, на которомъ можно бы было остановиться. Кромѣ того, существуетъ для этого административное опредѣленіе, изложенное въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 5 іюня 1864 года за № III, по которому всѣ земли помѣщиковъ, оставшіяся за надѣломъ крестьянъ, причислены къ разряду ненаселенныхъ. Такимъ образомъ, при введеніи подобнаго термина въ земскую раскладку, всегда зависитъ отъ усмотрѣнія начальника губерніи, протестовать или не протестовать противъ всякаго способа раздѣленія земель на населенныя и ненаселенныя, несогласнаго съ приведеннымъ выше циркуляромъ. Чтобы придать понятію о населенныхъ и ненаселенныхъ земляхъ извѣстную условную опредѣленность и однообразіе, председа-

тель губернской управы, А. Б. Тургеневъ, въ проектѣ, разосланномъ по уѣзднымъ управамъ, предлагалъ принять за населенную землю то количество, которое можетъ быть обработано собственными рабочими силами уѣзднаго населенія, со включеніемъ земли, занятой поселеніями, т. е. усадебной и выгонной. Остальную землю считать незаселенною. Мысль эту приняли самарское, бугульминское и бузулукское собраніе.

Такимъ образомъ, поземальные расклады въ Самарской губерніи распредѣляются на 2 группы: къ одной принадлежать три выше названные уѣзда, и Бугурусланскій, расклады которыхъ въ общихъ или главныхъ чертахъ сходятся между собою; а къ другой остальные уѣзды, изъ которыхъ каждый избралъ своеобразную и непохожую на другія систему.

Общія черты первой группы состоятъ въ слѣдующемъ: 1) всѣ они кромѣ Бугуруслана опредѣляютъ, согласно мысли г. Тургенева, количество десятинъ, которое можетъ быть, по мѣстнымъ условіямъ, воздѣлано силами одного работника, и принимаютъ это количество Самарскій и Бугульминскій уѣзды въ $1\frac{1}{2}$ высшихъ душевыхъ надѣловъ или $7\frac{1}{2}$ десятинъ, а Бузулукскій уѣздъ 8 десятинъ. Такимъ образомъ, *общее количество* населенной земли въ уѣздѣ опредѣляется, помножая выведенный размѣръ ($7\frac{1}{2}$ и 8 десятинъ) на число мужского населенія въ уѣздѣ, считая и городъ; въ дѣйствительности же къ населеннымъ землямъ причисляются городскія (за исключеніемъ Самары) и земли крестьянскихъ обществъ до выведеннаго размѣра (т. е. до $7\frac{1}{2}$ и 8 десятинъ). Недостающее за тѣмъ количество до общаго количества населенной земли въ уѣздѣ пополняется изъ земель владѣльческихъ, казенныхъ и удѣльныхъ, отсчитывая изъ каждой дачи опредѣленный %. Въ окончательномъ результатѣ къ населеннымъ землямъ причисляется такимъ образомъ отъ 25 до 30% земель владѣльческихъ, удѣльныхъ и казенныхъ. 2) Всѣ эти раскладки отъ *воздѣланной* земли отдѣляютъ *лѣсную*, относя ее къ низшему разряду или составляя изъ нея особый разрядъ. Подъ именемъ лѣсной земли разумѣютъ большія и сплошныя лѣсонасажденія, преимущественно принадлежащія казнѣ. 3) Уѣзды подраздѣляются на *мѣстности* или *разряды* по качеству почвы, удобству сбыта и степени густоты населенія и въ каждой мѣстности или разрядѣ выводится цифра доходности. 4) Для опредѣленія доходности каждаго разряда принимается средняя арендная плата, по сдаточнымъ цѣнамъ удѣльныхъ оброчныхъ земель въ Самарскомъ уѣздѣ и по среднему выводу изъ сдаточныхъ цѣнъ казны, удѣла и частныхъ владѣльцевъ въ Бузулукскомъ и Бугурусланскомъ уѣздахъ. Для опредѣленія цѣнности доходъ капитализуется изъ 6%. Въ Бугульминскомъ уѣздѣ принимается въ расчетъ прямо *цѣнность* земель, при чемъ высшая цѣнность назначена за *единицу обложенія* въ раз-

рядѣ *населенныхъ земель* до 150 р., примѣняясь къ опредѣленію цѣнности высшаго надѣла по положенію (согласно постановленію перваго очереднаго губернскаго собранія); а для остальныхъ разрядовъ цѣнность эта понижается въ 120, 100 и 80 р. (для лѣсныхъ земель). За высшій разрядъ вездѣ принимаются земли *населенныя*.

Чтобы познакомить читателей съ практическими результатами этой системы и взглядомъ на нее самихъ собраній, мы обращаемся къ постановленіямъ самарскаго уѣзднаго собранія, въ этой группѣ посмотрѣвшаго на дѣло вѣсѣхъ пристальнѣе и разумнѣе. Первое уѣздное очередное собраніе въ Самарѣ къ населеннымъ землямъ причисляло всѣ земли сельскихъ обществъ и г. Самары, а изъ владѣльческихъ, казенныхъ и удѣльныхъ земель 5% съ 100 десятинъ, принадлежащихъ каждому владѣльцу. Управа отступила отъ этого предположенія въ раскладѣ на 1867 годъ, представленной второму очередному собранію (сентябрь и октябрь 1866 г.). Она отиравается отъ мысли г. Тургенева, не упоминая, впрочемъ, о томъ и предполагая, что на каждого взрослого работника слѣдуетъ считать до 20-ти десятинъ земли, которая онъ собственными силами можетъ обработать. На этомъ основаніи, считая одного работника на 2½ души, управа на каждую ревизскую душу принимаетъ 7½ десятинъ земли и на все мужское население Самарскаго уѣзда (со включеніемъ и города) отсчитываетъ по 7½ десятинъ, какъ количество, *которое можетъ быть обработано собственными мѣстными силами уѣзда* и потому должно считаться землею *населенною*. Практически, такое отступленіе оказалось весьма важнымъ. Въ Самарскомъ уѣздѣ удѣльные крестьяне имѣютъ въ надѣлѣ болѣе 7½ десятинъ, но, по прежнему способу, не смотря на 5-тидесятинный расчетъ, вся земля ихъ считалась населенною, — по расчету же управы, не имѣющему сослоннаго основанія, изъ земель, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ болѣе 12% отошло къ землямъ *ненаселеннымъ*, а изъ владѣльческихъ земель къ населенной землѣ, вмѣсто прежнихъ 5%, причислено 30%. Коммиссія, обсуждая эту систему, выражается, что «она не позволяетъ себѣ утверждать, чтобы соображенія, на которыхъ управа основала всю систему своей раскладки, имѣли хоть нѣкоторое основаніе въ дѣйствительности и могли быть доказаны неопровержимыми фактами. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, коммиссія не можетъ представить никакихъ фактическихъ доказательствъ въ опроверженіе этой системы и находить, что и та мѣра, которая была принята собраніемъ въ минувшемъ году, т. е. отчисленіе въ разрядъ населенныхъ изъ владѣльческихъ земель только 5%, а не 30%, какъ предлагаетъ управа, точно также было лишено фактическаго основанія. Такого рода бездоказательныя предположенія обяжутся новизною земскаго дѣла и, вѣроятно, будутъ еще не разъ

повторяться, покуда наконецъ не выработаются прочныя и вполне разумныя основанія для раскладки земскаго налога.»

Поэтому комиссія предложила собранію принять проектъ управы, на что собраніе и согласилось. Но комиссія не ограничилась критическими замѣчаніями. Сознывая необходимость болѣе рациональнаго разрѣшенія настоящаго вопроса, она пришла къ заключенію, что «большая или меньшая густота населенія имѣетъ непосредственное вліяніе на способъ хозяйства и что количество воздѣлываемой въ каждой мѣстности земли находится въ прямой зависимости отъ запроса, въ свою очередь обусловливаемого имѣющимися въ данной мѣстности рабочими силами. Оттого въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ интересъ побуждаетъ владѣльца воздѣлывать возможно большее количество земли, трехпольное хозяйство уступаетъ мѣсто плодоперемѣнному, гдѣ безъ посѣва остается только $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ часть обработанной земли. Въ Самарской губерніи, напротивъ, изобиліе земель заставляетъ отказываться отъ трехпольной системы и сохранять *переложное* хозяйство, гдѣ распахивается гораздо меньшее пространство, нежели по трехпольному сѣвообороту. На этомъ основаніи комиссія предлагаетъ отнести въ разрядъ населенныхъ земель всѣ земли, на которыхъ введено трехпольное хозяйство, или которыя находятся подъ луговыми покосами; земли же, на коихъ существуетъ переложное или заложное хозяйство причислить къ ненаселеннымъ.

Бугурусларское земство отступило, при раздѣленіи земель на населенныя и ненаселенныя въ самомъ основаніи отъ проекта г. Тургенева. Комиссія предлагала отнести къ *населеннымъ землямъ* всѣ городскія и крестьянскія земли, и пять процентовъ всѣхъ земель владѣльческихъ, казенныхъ и удѣльныхъ, пропорціонально высшему душевому надѣлу въ 5 десятинъ. Но предсѣдатель собранія, ссылаясь на приведенный нами выше циркуляръ, предложилъ отнести всѣ владѣльческія, казенныя и удѣльныя земли къ населеннымъ, что и принято было собраніемъ.

Отъ всѣхъ остальныхъ раскладокъ рѣзко отличается новоузенская, не принимающая дѣленія на мѣстности и на разряды и основанная на кадастровой оцѣнкѣ.—Земли *казенныя* и *общественныя* бывшихъ казенныхъ крестьянъ и колонистовъ обложены по свѣдѣніямъ, собраннымъ при кадастровой оцѣнкѣ, *удѣльныя* по арендной суммѣ, за которую дѣйствительно сданы, а удѣльныя, *не сданныя въ аренду*, и земли *частныя владѣльцевъ*—по сравненію ихъ доходности съ сданными въ аренду. Но такъ какъ удѣльныя и казенныя земли Новоузенское земство предположило не привлекать къ расходамъ по переложенію натуральныхъ повинностей, то съ нихъ предположенъ сборъ въ $3\frac{1}{4}$ % съ доходнаго рубля, а съ остальныхъ 8%.

Такимъ образомъ общій выводъ для Самарской губерніи будетъ таковъ:

1) Тягость земскаго сбора неравномѣрно распредѣляется между уѣздами, и при томъ уѣзды многоземельные и малонаселенные вездѣ отягощены болѣе.

2) Крестьянскія земли по десятинному разсчету обложены въ $1\frac{1}{2}$ и 2 раза выше владѣльческихъ, пропорція, которая далеко не соответствуетъ существующей въ лѣсныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьянскія земли платятъ въ 4 или 7 разъ болѣе помѣщичьихъ, что условливается малоцѣнностію въ послѣднихъ губерніяхъ лѣсныхъ пространствъ, оставшихся за надѣломъ.

3) Казенные лѣса и вообще лѣсныя пространства обложены въ Самарской губерніи самымъ незначительнымъ налогомъ: при несравненно болѣе цѣнности и доходности, лѣса платятъ въ Самарской губерніи равный или низшій подесятинный налогъ съ сѣверными губерніями, гдѣ ихъ громадное пространство и малопродуктивность требуютъ въ земскій налогъ уплаты отъ 15 до 30% чистаго дохода, въ размѣрѣ самой нехозяйственной ежегодной вырубки.

Н. КОЛЮПАНОВЪ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ БАРОНА Н. КОРФА

ЗЕМСТВО НА ЮГѢ РОССИИ, ВЪ БОРЬБѢ ЕГО СЪ СУСЛИКАМИ

(Объ одной изъ причинъ голода).

Въ «Вѣстникѣ Европы», за мартъ настоящаго года, помѣщена статья барона Николая Корфа: «Земство на югѣ Россіи, въ борьбѣ его съ сусликами (Объ одной изъ причинъ голода)».

Во главѣ сказанной статьи приведенъ отзывъ Екатеринославскаго губернатора въ Александровскую уѣздную земскую управу, отъ 18-го октября прошлаго 1867 г., который и принять г. Корфомъ въ основаніе для обвиненія Екатеринославскаго губернатора Дунинь-Борковскаго въ произвольномъ, будто бы противодѣйствіи предпринимаемому земствомъ Александровскаго уѣзда мѣрамъ по истребленію сусликовъ, между тѣмъ, какъ означенный отзывъ вовсе не останавливаетъ принятія Александровскою земскою управою возможныхъ мѣръ въ истребленію сусликовъ, а лишь излагаетъ причины, по которымъ полиція лишена

будетъ возможности принимать принудительныя мѣры къ исполненію опредѣленнаго земскимъ собраніемъ обязательнаго истребленія сусликовъ посредствомъ натуральной повинности, какъ неизмѣющаго основаній въ законѣ; поэтому очевидно, что постановленіе Александровскаго собранія признано *не дѣйствительнымъ* лишь по отношенію къ тѣмъ дѣйствіямъ администраціи, которыя должны бы были вызваны этимъ постановленіемъ, если бы оно вошло въ силу.

Всякое постановленіе земскаго собранія, если оно законно, обязательно къ исполненію всѣми, до кого касается, и, сверхъ того, по устанавливаемымъ земскимъ собраніемъ повинностямъ, мѣры къ исполненію ихъ возлагаются и на полицію. Между тѣмъ Александровское земское собраніе установило обязательное для всѣхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ обществъ истребленіе сусликовъ, въ пропорціональномъ размѣру землевладѣнія количествѣ, посредствомъ особаго вида натуральной повинности, непредусмотрѣннаго въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ; и такъ какъ земскія учрежденія, по ст. 24 врем. для нихъ правилъ, не имѣютъ права вводить новыхъ родовъ или видовъ натуральной повинности, кромѣ существующихъ уже, то постановленіе Александровскаго земскаго собранія и не могло быть дѣйствительнымъ для того, чтобы къ исполненію установленной имъ повинности могли быть принимаемы принудительныя мѣры со стороны полиціи, что и вызвало со стороны губернатора вышеозначенный отзывъ. Вопреки толкованію г. Корфа, проектированное Александровскимъ собраніемъ, обязательное для всего уѣзднаго земства, истребленіе сусликовъ было бы дѣйствительно новою натуральною земскою повинностью, такъ какъ по прямому смыслу ст. 179, пунктъ 7 и 180 общ. полож. о крестьянахъ, обязательныя для сельскихъ обществъ работы по истребленію сусликовъ признаются *мирскою натуральною повинностію*. Хотя и можно согласиться съ авторомъ въ томъ, что эта повинность, названная самымъ Александровскимъ земскимъ собраніемъ *натуральною овражскою повинностію* (Сборникъ постановлений Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія, октября 1866 года стр. 132), предназначена не для прямыхъ правительственныхъ надобностей, а для земско-хозяйственной цѣли — истребленія сусликовъ, наносящихъ вредъ хлѣбнымъ посѣвамъ, но это не могло послужить для администраціи основаніемъ допустить отступленіе отъ прямого смысла закона, тѣмъ болѣе, что годъ опыта въ примѣненіи овражковой повинности обнаружилъ и крайнюю неравномѣрность ея раскладки, и невозможность правильнаго взиманія ея.

Чтобы оцѣнить мѣры по истребленію сусликовъ, принятыя Александровскимъ земствомъ, которыя баронъ Корфъ излагаетъ *съ земской точки зрѣнія*, необходимо взглянуть на мѣры, по тому же предмету, принятыя Екатеринбургской администраціей съ весны 1866 года.

Въ апрѣлѣ 1866 года, когда существоваѣа еще Екатеринославская комиссія народнаго продовольствія, вопростъ о мѣрахъ, какія необходимо было принять по истребленію сусликовъ, былъ обсужденъ въ этой комиссіи. Мѣры, признанныя комиссіею полезными, заключались, главнѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобы истребленіе сусликовъ производить посредствомъ мірской сельскихъ обществъ натуральной повинности (ст. 179 общ. полож. о крест. 19 февраля 1861 г.), нарядомъ людей отъ обществъ крестьянъ всѣхъ наименованій, а равно отъ всѣхъ безъ исключенія сельскихъ обывателей податнаго состоянія, съ употребленіемъ ихъ на необходимыя работы на всѣхъ безъ различія сосѣднихъ съ селеніями поляхъ, а дворяне-помѣщики и другіе частные землевладѣльцы приглашены были къ содѣйствію въ этомъ дѣлѣ, какъ непосредственнымъ принятіемъ мѣръ къ уничтоженію на принадлежащихъ имъ земляхъ сусликовъ, такъ и оказаніемъ матеріальнаго пособія тѣмъ, труды коихъ будутъ направлены на сбереженіе ихъ полей отъ этихъ вредныхъ животныхъ. Эти главныя начала, на которыхъ признавалось полезнымъ основать дѣйствія по истребленію сусликовъ, сообщены были въ циркулярѣ Екатеринославскаго губернатора, отъ 5 апрѣля 1866 года, уѣзднымъ предводителямъ дворянства, а въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ въ то время были уже открыты уѣздныя земскія управы, — предсѣдателямъ этихъ управъ, для оказанія, со стороны сихъ послѣднихъ, содѣйствія къ истребленію сусликовъ.

Вслѣдствіе этихъ распоряженій истребленіе сусликовъ въ 1866 году, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, шло далеко съ болѣешимъ успѣхомъ, сравнительно съ предшествовавшими годами, и многія поля спасены были отъ опустошенія, а потому Екатеринославскій губернаторъ призналъ необходимымъ циркулярно предписать исправникамъ продолжать распоряженія по истребленію сусликовъ и въ 1867 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ 1866 г., съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, соотвѣтственно указаніямъ опыта минувшаго года, заключавшимся въ томъ, чтобы къ истребленію сусликовъ приступлено было *возможно ранѣе* съ открытіемъ весны, и притомъ *одновременно* во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они появятся. Кромѣ того, въ виду законоположенія, содержащагося въ пункт. VIII ст. 2 пол. о зем. учрежд., по которому на земскія учрежденія возлагается содѣйствіе по охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ отъ истребленія сусликами, поручено было исправникамъ войти въ ближайшее по этому предмету соглашеніе съ уѣздными земскими управами.

Къ распоряженіямъ этимъ мѣстное населеніе отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ и готовностію подчиняться имъ. Многія уѣздныя земскія управы засвидѣтельствовали, что ослабленіе, если не совершенное прекращеніе зла, причиняемаго полямъ сусликами, возможно только при

неуклонномъ исполненіи распоряженій, указанныхъ въ вышеприведенномъ циркулярѣ, и ходатайствовали о приведеніи ихъ въ исполненіе.

Затѣмъ, безошибочно можно сказать, что, при бывшемъ во многихъ мѣстностяхъ губерніи хорошемъ урожаѣ 1867 года, обильной жатвѣ въ значительной степени способствовало принятіе заблаговременно къ истребленію сусликовъ мѣръ, по соглашенію земскихъ управъ съ административными властями.

На 1868-й годъ повторены распоряженія предыдущаго года. При чемъ, въ виду того, что нѣкоторыми уѣздными земскими собраніями, въ сентябрьскихъ прошлаго года сесіяхъ, предопредѣлены различныя мѣры къ истребленію сусликовъ, такъ напримѣръ: установленіе денежнаго на этотъ предметъ сбора, распределеніе уѣздовъ на участки, съ порученіемъ каждаго участка наблюденію особыхъ попечителей изъ гласныхъ, приобрѣтеніе оказавшихся на опытѣ полезными снарядовъ для истребленія сусликовъ, и во вниманіи къ тому, что такія предположенія земскихъ собраній несутъ въ себѣ дѣйствительное содѣйствіе къ истребленію сусликовъ, поручено исправникамъ войти по этому предмету въ ближайшее соглашеніе съ земскими управами, въ тѣхъ видахъ, чтобы оказать имъ, для приведенія предположеній собраній въ исполненіе, полное со стороны полиціи содѣйствіе. Объ этомъ были поставлены въ извѣстность земскія управы и, кромѣ того, такъ какъ истребленіе сусликовъ отнесено закономъ къ обязательнымъ, мірскимъ повинностямъ крестьянскихъ обществъ, то признано полезнымъ пригласить къ содѣйствію въ дѣлѣ истребленія сусликовъ и мировыхъ посредниковъ.

Принятія губернскимъ начальствомъ мѣры къ истребленію сусликовъ основывались, съ одной стороны, на прямомъ указаніи закона, содержащагося въ ст. 179 Общ. Полож. о крест. и въ сплу коего крестьянскія общества могли быть привлечены, административнымъ распоряженіемъ, къ обязательнымъ работамъ по истребленію сусликовъ, а съ другой стороны, эти мѣры обусловливались отсутствіемъ законоположенія, которое разрѣшало бы привлеченіе помѣщиковъ и частныхъ землевладѣльцевъ, не входящихъ въ составъ сельскихъ обществъ, къ обязательнымъ работамъ по истребленію этихъ вредныхъ животныхъ на принадлежащихъ имъ земляхъ, т. е. къ истребленію сусликовъ посредствомъ *натуральной повинности*.

Въ ст. 179 Общ. Полож. о крест. пункт. 7, установлено истребленіе сусликовъ или овражковъ, какъ мірская повинность; а, по своему свойству, эта повинность, на основаніи ст. 180 того же положенія, составляетъ натуральную повинность. Назначеніе и раскладка этой мірской натуральной повинности, согласно 182 ст. того же положенія, производится между сельскими обществами, а въ сельскихъ обществахъ между отдѣльными крестьянами, волостными или сельскими схо-

дами, по принадлежности. Въ виду такихъ положительныхъ указаній закона, губернское начальство, сознавая настоятельность принятія дѣятельныхъ мѣръ къ истребленію сусликовъ, не могло не предусматривать, что земскія учрежденія, которымъ не предоставлено ни установленіе и раскладка мірскихъ крестьянскихъ повинностей, ни какое либо въ исправленіе этихъ повинностей вмѣшательство, будутъ лишены возможности установить для истребленія сусликовъ работы, обязательность которыхъ для сельскаго населенія имѣла бы опредѣлительное основаніе въ законѣ. Между тѣмъ, такъ какъ истребленіе сусликовъ не отнесено къ земскимъ натуральнымъ повинностямъ, предусмотрѣннымъ уставомъ о земскихъ повинностяхъ и временными для земскихъ учреждений правилами, то не представлялось для земскихъ учреждений основанія къ установленію ни для крестьянскихъ обществъ, ни для помѣщиковъ и частныхъ землевладѣльцевъ обязательныхъ по истребленію сусликовъ работъ, въ порядкѣ истребленія земскихъ натуральныхъ повинностей. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ губернское начальство сознало своею обязанностію сдѣлать распоряженія, выраженные въ упомянутыхъ выше циркулярахъ начальника губерніи. При этомъ, для достиженія самой цѣли охраненія хлѣбныхъ посѣвовъ на земляхъ крестьянскихъ обществъ отъ набѣговъ сусликовъ и нанесенія ими вреда посѣвамъ, было признано необходимымъ истребленіе сусликовъ производимъ посредствомъ наряда людей отъ сельскихъ обществъ и вообще обывателей податныхъ сословій, съ употребленіемъ ихъ на работы *на встѣхъ, безъ различія*, сосѣднихъ съ селеніями полей. Это распоряженіе вызывалось тѣмъ соображеніемъ, что хлѣбные посѣвы на крестьянскихъ земляхъ, большею частію, окружены землями помѣщиковъ и частныхъ землевладѣльцевъ, которые для содержанія значительнаго овцеводства и для другихъ хозяйственныхъ цѣлей, оставляютъ большія пространства своихъ земель въ толочныхъ поляхъ, на которыхъ суслики и устраиваютъ преимущественно свои жилища, и что при такомъ положеніи земельныхъ угодій немислимо охраненіе хлѣбныхъ посѣвовъ крестьянскихъ обществъ отъ наносимаго имъ вреда сусликами, набѣгающими съ толочныхъ полей на эти посѣвы, если бы истребленіе сусликовъ ограничивалось чертою крестьянскихъ надѣловъ. А такъ какъ при этомъ крестьяне должны были трудиться не только въ свою пользу, но въ значительной степени и въ пользу частныхъ землевладѣльцевъ, то послѣдніе, какъ сказано выше, за невозможностью возложить на нихъ обязательнаго истребленія сусликовъ, были *примашены* къ содѣйствію въ этомъ дѣлѣ, какъ непосредственнымъ принятіемъ мѣръ къ уничтоженію сусликовъ на принадлежащихъ имъ земляхъ, такъ и оказаніемъ матеріальнаго пособія тѣмъ, труды коихъ будутъ направлены на охраненіе ихъ полей отъ этихъ вредныхъ животныхъ.

Отъ уѣздныхъ земскихъ учреждений зависѣло, установленіемъ съ земель помѣщиковъ и частныхъ землевладѣльцевъ на истребленіе сусликовъ денежной повинности, восполнить вышеуказанную неравномѣрность, представлявшуюся обременительною для крестьянскихъ обществъ. Если бы земскими собраніями установлена была, изъ собираемыхъ такимъ образомъ суммъ, плата за cadaго истребленнаго и представленнаго по назначенію суслика, то этимъ путемъ были бы привлечены къ справедливому участию въ истребленіи сусликовъ всѣ члены земства, сельское населеніе получало бы должное вознагражденіе за производимыя имъ обязательныя на пользу общую работы, а сверхъ того, означенная денежная повинность вызвала бы частныхъ землевладѣльцевъ къ истребленію собственными средствами сусликовъ на принадлежащихъ имъ земляхъ, въ особенности, если бы цѣна, платимая управами за уничтоженныя сусликовъ, была рассчитана такъ, что представляла бы вознагражденіе высшее противъ дѣйствительной стоимости труда по истребленію этихъ вредныхъ животныхъ.

Между тѣмъ, Александровское уѣздное земское собраніе, въ первую же свою сессію, вмѣсто *содѣйствія* по охраненію хлѣбныхъ посявовъ отъ сусликовъ, возлагаемаго на земскія учрежденія закономъ (п. VIII ст. 2 полож. о зем. учрежд.), отнеслось къ этому предмету слѣдующимъ образомъ. Въ печатномъ сборникѣ постановленій этого собранія въ апрѣльскую 1866 года сессію (стр. 50) читаемъ: «Во время засѣданія получено и доложено собранію отношеніе начальника Екатеринбургской губерніи къ Александровскому предводителю дворянства о принятіи мѣръ къ истребленію овражковъ. Предлагаемая въ этой бумагѣ мѣры падаютъ исключительно на податныя сословія. Уже по этой причинѣ земское собраніе не находитъ возможнымъ принять предложеніе начальника губерніи и единогласно постановляетъ: перейти къ очереднымъ занятіямъ, такъ какъ вопросъ объ истребленіи овражковъ, съ земской точки зрѣнія, имъ уже разсмотрѣнъ и рѣшенъ».

Хотя настоящее отношеніе губернатора къ предводителю дворянства и не подлежало обсужденію земскаго собранія, въ смыслѣ принятія или непринятія указанныхъ въ немъ мѣропріятій, такъ какъ они должны были быть приведены въ исполненіе административнымъ распоряженіемъ, тѣмъ не менѣе вышеприведенное постановленіе показываетъ, что собраніе рѣшительно отказало въ содѣйствіи своимъ распоряженіямъ губернскаго начальства по истребленію сусликовъ и, рѣшивъ вопросъ объ этомъ съ земской точки зрѣнія, признало за лучшее идти въ этомъ дѣлѣ путемъ самостоятельнымъ.

Для вѣрной оцѣнки мѣръ, принятыхъ Александровскимъ земствомъ по этому предмету, необходимо взглянуть на положеніе крестьянскихъ земель въ томъ уѣздѣ. Крестьянскіе надѣлы здѣсь большею частію

расположены такъ, что врѣзываясь во владѣльческія дачи, они окружены землями помѣщиковъ. Подъ посѣвы на этихъ земляхъ отдѣляется незначительная часть и при томъ всегда на отдаленныхъ отъ крестьянскихъ земель участкахъ, для предупрежденія потравъ и похищенія хлѣба съ полей, такъ что посѣвы тѣхъ и другихъ всегда отдѣляются значительными толочными пространствами. Остальныя земли владѣльцы оставляютъ также подъ толокой, для выпаса многочисленныхъ стадъ овецъ, а извѣстно, что суслики исключительно водятся на толокахъ и оттуда дѣлаютъ набѣги на хлѣбныя поля. Крестьяне, напротивъ, не имѣя овцеводства, употребляютъ земли свои исключительно подъ посѣвъ и сѣнокосы и если оставляютъ подъ толокой, то самую незначительную часть; большею же частію подъ толоку для скота они нанимаютъ земли у помѣщиковъ и другихъ частныхъ землевладѣльцевъ. Ясно по этому, что опасность отъ сусликовъ грозитъ болѣе всего крестьянскимъ хлѣбнымъ полямъ со стороны владѣльческихъ толокъ и, естественно, вызываетъ со стороны крестьянъ наибольшія усилія къ истребленію сусликовъ; но такъ какъ на своихъ дачахъ крестьянамъ, по отсутствію толочныхъ мѣстъ, придется истребить весьма немного сусликовъ, то охраняя хлѣбныя посѣвы свои отъ набѣга ихъ съ толокъ сосѣднихъ владѣльцевъ, они должны, волею неволею, истреблять сусликовъ на владѣльческихъ земляхъ. Такъ оно бываетъ на самомъ дѣлѣ, не только у крестьянъ, но и у нѣмцевъ-колонистовъ, которые, вслѣдствіе особаго способа веденія полеводства, не имѣютъ на земляхъ своихъ сусликовъ, и самъ баронъ Корфъ, постоянный секретарь Александровскаго земскаго собранія, надѣмся, не станетъ отрицать невольнаго усердія крестьянъ въ истребленіи сусликовъ на его собственныхъ поляхъ.

Въ апрѣльской сессіи, Александровское собраніе установило обязательное для всѣхъ землевладѣльцевъ и крестьянскихъ обществъ истребленіе сусликовъ *посредствомъ натуральной повинности*, въ пропорціональномъ къ размѣру землевладѣнія количествѣ, съ пониженіемъ подесятинной нормы овражковаго налога по мѣрѣ увеличенія землевладѣнія. Введенный въ этой сессіи, регрессивный расчетъ овражковаго налога подвергался нѣкоторому измѣненію въ послѣдующихъ сессіяхъ, такъ что въ сентябрьской 1867 г. сессіи принятая собраніемъ таблица (Сборникъ постановленій этой сессіи, стр. 118) показываетъ, что помѣщики и другіе частныя землевладѣльцы должны истребить на состоящихъ въ ихъ владѣніяхъ 524,059 дес. земли всего 241,275 сусликовъ, т. е. менѣе $\frac{1}{2}$ суслика отъ каждой десятины, крестьяне же всѣхъ наименованій, колонисты и поселяне должны истребить, по количеству принадлежащихъ имъ 973,474 дес., 4,897,570 сусликовъ, т. е. по 5 отъ каждой десятины, или въ *десять* разъ бо-

лѣе, нежели помѣщики и другіе частныя землевладѣльцы, не входящія въ составъ сельскихъ обществъ.

Такой порядокъ истребленія сусликовъ очевидно возлагаетъ эту повинность почти исключительно на однихъ крестьянъ, которые должны истреблять сусликовъ какъ на своихъ поляхъ, такъ и на владѣльческихъ, далеко безъ должнаго вознагражденія. Каждый землевладѣлецъ очень хорошо знаетъ, что сосѣдніе съ нимъ крестьяне, чтобы сберечь свои посѣвы отъ набѣга сусликовъ и истребить требуемое отъ нихъ земскою управою количество сусликовъ, придутъ по необходимости истреблять ихъ на его толокѣ, хотя бы за это крестьянамъ и ничего не заплатили, и такимъ образомъ вознагражденіе вызваннаго необходимостію труда крестьянъ поставлено по прежнему въ зависимость отъ доброй воли сосѣда — землевладѣльца. Правда, и землевладѣлецъ, при установленномъ Александровскимъ собраніемъ порядкѣ, обязанъ представить извѣстное количество истребленныхъ сусликовъ, а чтобы добыть это количество, онъ заплатитъ крестьянамъ; но изъ вышеприведенныхъ цифръ ясно видно, что землевладѣльцу далеко не придется заплатить за все то количество сусликовъ, какое крестьяне истребятъ на его землѣ. Какимъ ничтожнымъ денежнымъ расходомъ можетъ отдѣлаться владѣлецъ при регрессивной системѣ отъ обязательнаго для него овражковаго налога, видно изъ слѣдующаго разсчета. Приобрѣтеніе сусликовъ возможно отъ $\frac{1}{2}$ до 2-хъ копѣекъ за штуку; слѣдовательно самое крупное владѣніе, въ 16 тысячъ и болѣе десятинъ, обязанное представить, по принятой Александровскимъ земскимъ собраніемъ таблицѣ распределенія овражковаго налога, всего 5 тысячъ сусликовъ, можетъ отбыть повинность эту за 25 — 100 рублей.

Если принять во вниманіе, что податныя сословія подлежатъ, по закону, обязательной мірской натуральной повинности для истребленія сусликовъ, а въ отношеніи помѣщиковъ и частныхъ землевладѣльцевъ не могли быть принимаемы принудительныя мѣры исполненія опредѣленной съ нихъ земскимъ собраніемъ овражковой натуральной повинности и такимъ образомъ исполненіе оной зависѣло отъ ихъ доброй воли, и что, наконецъ, они могутъ требовать отъ нихъ количество сусликовъ приобретать отъ крестьянъ за деньги и по весьма низкой цѣнѣ, которая могла бы стоять на соотвѣтственной труду по истребленію сусликовъ высотѣ въ такомъ лишь случаѣ, если бы земская управа производила уплату по опредѣленной цѣнѣ за представленныхъ ей убитыхъ сусликовъ, то принятая Александровскимъ земскимъ собраніемъ система обязательнаго истребленія сусликовъ едва ли соотвѣтствуетъ земской равноправности, а сверхъ того и на дѣлѣ увѣнчалась самымъ неблагополучнымъ успѣхомъ: Александровскій уѣздъ, какъ видно изъ № 14 «Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣ-

домостей», въ ряду тѣхъ уѣздовъ, по коимъ имѣются свѣдѣнія, занимаетъ послѣднее мѣсто по количеству истребленныхъ сусликовъ въ 1867 году. Тогда какъ въ другихъ уѣздахъ это количество простирается отъ 4 до 7 сусликовъ на десятину, въ Александровскомъ уѣздѣ приходится менѣе 4 отъ десятины земли, если вѣрить свѣдѣніямъ, представленнымъ Александровскою уѣздною управою въ ея отчетѣ за 1867 годъ.

Мысль денежной повинности съ землевладѣльцевъ, съ платою за истребленіе сусликовъ, принятая нѣкоторыми земскими собраніями, подана была въ Александровскомъ собраніи, въ октябрьской 1866 года сессіи, гласнымъ отъ землевладѣльцевъ, Д. Т. Гнѣдинымъ, который много сдѣлалъ полезнаго для бывшихъ своихъ крестьянъ, и всегда является въ собраніи защитникомъ всякаго дѣла, клонящагося на пользу сельскаго сословія. Въ печатномъ сборникѣ постановленій Александровскаго земскаго собранія, октябрьской 1866 года сессіи (стр. 132), читаемъ: «Гласный Гнѣдинъ остановилъ вниманіе собранія на томъ, что еще въ апрѣльскую сессію онъ указывалъ на необходимость денежнаго налога, вмѣсто натуральной овражковой повинности. По его мнѣнію, истребленіе нѣсколькихъ тысячъ овражковъ землевладѣльцемъ не приноситъ ни малѣйшей пользы, а было бы необходимо собирать съ землевладѣльцевъ деньги, на которыя администрація, употребивъ къ тому всѣ усилія, истребляла бы овражковъ повсемѣстно. Теперешнее истребленіе не болѣе, какъ шутка, и онъ увѣренъ, что, если весьма многими землевладѣльцами теперь не доставлено овражковъ, то собственно потому, что и они считали шуткой тотъ размѣръ истребленія, который установленъ собраніемъ и отъ котораго они ни малѣйшей пользы себѣ не ожидали. Если спросятъ: откуда брать деньги, то онъ отвѣтитъ, что пациентъ платитъ медику, если онъ ему нуженъ, т. е. заплатятъ тѣ, на землѣ которыхъ будутъ уничтожать овражковъ». Къ сожалѣнію, предложеніе г. Гнѣдина объ установленіи денежной повинности на истребленіе сусликовъ встрѣтило оппонента въ лицѣ секретаря собранія, барона Н. Корфа, который возражалъ, «что если землевладѣльцы не доставили овражковъ натурой, потому что считали это шуткой, то они бы сочли еще болѣе шуткой требованіе отъ нихъ денегъ; что *не у всѣхъ* пациентовъ есть деньги и потому многіе и умираютъ, не призывавъ на помощь медика». Денежная повинность была отвергнута собраніемъ. А между тѣмъ баронъ Корфъ упустилъ изъ виду, что *овражковъ* полиція не взыщетъ съ недомщика - землевладѣльца, а *деньги* непремѣнно взыщетъ: дѣятельность полиціи въ этомъ отношеніи не можетъ не быть извѣстна барону Корфу. Вотъ почему и отзывъ екатеринославскаго губернатора противъ постановленія Александровскаго земскаго собранія объ обязательномъ истребленіи сусликовъ въ видѣ натуральной повинности ува-

зываетъ на то, что если земское собраніе признавало необходимымъ изыскать средства содѣйствія, согласно пунк. VIII ст. 2 полож. о земск. учр., къ истребленію сусликовъ, то могло установить денежный на этотъ предметъ сборъ. Это указаніе истекало какъ изъ полноправности земскихъ учреждений къ установленію такого сбора, такъ и изъ опыта тѣхъ уѣздовъ, гдѣ на истребленіе сусликовъ установлена была денежная повинность, давшая самые удовлетворительные результаты.

Доказывая неосновательность отзыва екатеринославскаго губернатора противъ постановленія Александровскаго земскаго собранія о мѣрахъ къ истребленію сусликовъ, баронъ Корфъ, между прочимъ, какъ на согласіе губернатора съ постановленіями Александровскаго земскаго собранія о мѣрахъ къ истребленію сусликовъ, указываетъ на то, что губернаторъ далъ дальнѣйшій ходъ ходатайству этого собранія объ установленіи штрафа за неистребленіе сусликовъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ передалъ это ходатайство на заключеніе екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія. Но установленіе штрафа за неистребленіе сусликовъ могло быть разрѣшено лишь въ законодательномъ порядкѣ, и представленіе губернаторомъ высшему правительству ходатайствъ земскихъ собраній по этому предмету никакъ не могло нести въ себѣ значенія признанія губернаторомъ правильности установленія Александровскимъ земскимъ собраніемъ натуральной овражковой повинности, не имѣющей основанія въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ, а могло лишь свидѣтельствовать, что губернаторъ признавалъ и съ своей стороны полезнымъ предоставить земскимъ учреждениямъ, путемъ закона, право опредѣленія *обязательныхъ* для всего земства работъ по истребленію сусликовъ, такъ какъ только при обязательности этихъ работъ и возможно было бы наложеніе штрафа за неисполненіе ихъ.

Въ опроверженіе взгляда губернатора на то, что установленный Александровскимъ земскимъ собраніемъ порядокъ истребленія сусликовъ составляетъ особый видъ натуральной повинности, баронъ Корфъ желаетъ доказать, что собраніе вовсе не имѣло въ виду истребленію сусликовъ придавать значенія натуральной повинности, и если сдѣлало это истребленіе обязательнымъ для всего земства, то единственно съ тою цѣлю, чтобы побудить каждаго отдѣльно заботиться о себѣ, съ чѣмъ вмѣстѣ выигрываетъ и все общество. Изъ изложеннаго выше нельзя, кажется, не прийти къ тому убѣжденію, что обязательныя работы по истребленію сусликовъ не могутъ быть признаваемы иначе, какъ натуральною повинностію; по крайней мѣрѣ въ отношеніи крестьянскихъ обществъ онѣ такъ именуются и въ законѣ (ст. 179 общ. полож. о крест.). Кромѣ того, изъ подлинныхъ словъ самихъ постановленій Александровскаго земскаго собранія и принятыхъ въ основаніе ихъ докладовъ (Сборникъ постановленій Александровскаго зем-

скаго собранія, апрѣльской 1866 года сессіи, стр. 39 и 84) видно, что собраніе, установивъ обязательное для всего населенія истребленіе сусликовъ, именуеть его *натуральною повинностію*. Наконецъ, самъ баронъ Корфъ, въ докладѣ своемъ очередному октябрьскому 1866 г. собранію (Сборникъ постановленій этого собранія, стр. 193), называетъ устанавливаемый порядокъ истребленія сусликовъ — *овражковою натуральною повинностію*.

Далѣе баронъ Корфъ старается доказать, что истребленіе сусликовъ въ томъ видѣ, какъ оно установлено земскимъ собраніемъ, имѣетъ значеніе добровольныхъ работъ, производимыхъ каждымъ въ свою пользу. Если такъ полагало собраніе, то не было надобности истребленіе сусликовъ дѣлать обязательнымъ и вводить въ дѣло, которое зависеть отъ доброй воли каждаго, характера повинности, съ опредѣленіемъ притомъ штрафа за неисполненіе оной. Наконецъ, если эти работы не признавать повинностію, то желательно знать, какими мѣрами можно было бы побудить, какъ предполагаетъ баронъ Корфъ, частнаго землевладѣльца къ обязательному истребленію сусликовъ, когда каждый изъ нихъ очень хорошо знаетъ, что обязательность эта не имѣетъ основанія въ законѣ, и на какомъ затѣмъ основанія могла бы принимать мѣры ко взысканію съ землевладѣльцевъ недоимки въ овражковомъ налогѣ полиція, на которую баронъ Корфъ, въ докладѣ своемъ октябрьскому очередному Александровскому земскому собранію (Сборникъ постановленій, стр. 194) предполагалъ возложить обязанность немедленнаго исполненія *законныхъ*(?) требованій участковыхъ попечителей ко взысканію означенной недоимки?

Баронъ Корфъ нѣсколько разъ въ статьѣ своей указываетъ на то, что на постановленія первыхъ двухъ сессій Александровскаго собранія объ обязательномъ истребленіи сусликовъ изъявили согласіе и министръ и губернаторъ, и что по этому они вошли въ законную силу. Такое предположеніе, вѣроятно, основано на томъ, что ни министръ, ни губернаторъ не возразили противъ означенныхъ постановленій; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы за симъ постановленіа, какъ выражается баронъ Корфъ, вошли въ *силу закона*. Въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, въ ст. 6, говорится, что законъ опредѣляетъ *случай и порядокъ*, въ которыхъ дѣйствія и распоряженія земскихъ учрежденій подлежатъ утвержденію и наблюденію общихъ правительственныхъ властей, а въ ст. 90 и 92 означено, по какимъ именно предметамъ постановленія земскихъ собраній требуютъ на приведеніе ихъ въ исполненіе согласія правительственной власти. Постановленія Александровскаго собранія объ истребленіи сусликовъ не принадлежатъ къ разряду тѣхъ, кои указаны въ вышеприведенныхъ ст. 90 и 92 Полож., они могли лишь вызывать, по ст. 9 Полож., приостановленіе исполненія ихъ, если бы признаны были противными законамъ или об-

шимъ государственнымъ пользамъ. Останавливать подобныя постановленія есть право, но никакъ не обязанность правительственныхъ властей передъ земскими учреждениями, и считать, что постановленія земскихъ собраній, не пріостановленныя ими въ исполненіи, получаютъ *силу закона*, нѣтъ никакого основанія. Существуетъ законъ (ст. 14 Высочайше утвержденнаго 13 Іюня 1867 г. мнѣнія государственнаго совѣта), по которому всякое незаконное постановленіе земскихъ собраній дѣлается само собою недѣйствительнымъ.

Противъ того пункта отзыва губернатора, въ которомъ говорится, что истребленіе сусликовъ посредствомъ натуральной повинности могло составлять лишь предметъ ходатайства со стороны земскаго собранія къ губернатору, власти котораго принадлежитъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, баронъ Корфъ выражаетъ сомнѣніе, принадлежитъ ли губернскому начальству разрѣшать ходатайства земскихъ собраній, и затѣмъ говоритъ, что если истребленіе сусликовъ посредствомъ натуральной повинности не вправѣ было устанавливать земское собраніе, какъ новаго вида повинности, не предусмотрѣннаго въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ, то дѣлать распоряженіе объ истребленіи сусликовъ посредствомъ натуральной повинности не могъ и губернаторъ, если не желалъ преступить закона, содержащагося въ 11 ст. вышеприведеннаго Устава. Противъ этого можно замѣтить, что Александровское земское собраніе не разъ представляло ходатайства свои по разнымъ предметамъ на непосредственное разрѣшеніе екатеринославскаго губернатора. Законъ, предоставляющій земскимъ учреждениямъ право ходатайства у высшаго правительства, безъ сомнѣнія, не исключаетъ права для этихъ учрежденій заявлять губернатору такія ходатайства, удовлетвореніе которыхъ зависитъ отъ его власти, а губернатору не воспрещаетъ принимать эти ходатайства къ непосредственному своему разсмотрѣнію и разрѣшенію. Что же касается собственно того ходатайства, по поводу котораго баронъ Корфъ возбуждаетъ сомнѣніе въ правѣ губернатора разрѣшить его, то необходимо замѣтить, что кромѣ общихъ натуральныхъ земскихъ повинностей существуютъ мірскія сельскихъ обществъ натуральныя повинности, въ томъ числѣ работы по истребленію сусликовъ, въ установленіе и раскладку которыхъ земскія учрежденія, по ст. 7 Полож., не имѣютъ права вмѣшательства; а такъ какъ мѣры побужденія къ исполненію сельскими обществами всѣхъ вообще повинностей принадлежатъ административной власти, то безспорно, что во власти губернатора было бы принять мѣры къ исполненію сельскими обществами и повинности по истребленію сусликовъ.

Обращаясь къ послѣдствіямъ отзыва губернатора, баронъ Корфъ указываетъ на то, что управою упущено самое удобное время для предварительныхъ распоряженій по истребленію сусликовъ, которыя

слѣдовало сдѣлать въ декабрѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ числахъ января. Такимъ образомъ относятся къ распоряженіямъ губернатора могущія быть послѣдствія отъ несвоевременнаго принятія мѣръ къ истребленію сусликовъ. Но выше было сказано уже, что отзывъ губернатора вовсе не пріостанавливалъ принятія Александровскою земскою управою опредѣленныхъ тамошнимъ собраніемъ мѣръ по истребленію сусликовъ, а признавалъ лишь постановленіе недействительнымъ въ отношеніи невозможности для полиціи принятія принудительныхъ мѣръ къ исполненію его. Александровская же управа, если увѣрена была въ готовности населенія подчиниться опредѣленнымъ собраніемъ мѣропріятіямъ по истребленію сусликовъ и въ виду важности своевременнаго принятія мѣръ противъ этого общественнаго бѣдствія, не могла встрѣчать никакихъ препятствій къ своевременнымъ распоряженіямъ по этому предмету, особливо въ тѣхъ ихъ подготовительныхъ частяхъ, которыя вполнѣ зависѣли отъ управы; притомъ послѣ созыва 1-го февраля чрезвычайнаго Александровскаго земскаго собранія, въ которомъ по обсужденіи отзыва губернатора рѣшено было привести въ исполненіе постановленіе собранія 24-го сентября 1867 года, до открытія весны, когда обыкновенно приступаютъ къ истребленію сусликовъ, было достаточно времени для необходимыхъ распоряженій со стороны управы. Въ виду этого, причины неудовлетворительныхъ результатовъ по истребленію сусликовъ, если бы они и оказались, очевидно не могутъ быть приписаны отзыву губернатора, который не несъ въ себѣ пріостановленія занятій земскою управою по подготовительнымъ работамъ для приведенія въ свое время въ возможное исполненіе предложенныхъ мѣръ.

Сообщено.

ЕЖЕМЪСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

Прошло то время, когда въ нашей политической печати серьезно обсуждался вопросъ о предпочтительности «созиданія» предъ «разрушеніемъ». Что этотъ вопросъ былъ въ сущности скорѣе каламбуръ, чѣмъ вопросъ, это разъяснилось только впоследствии. У насъ любятъ заниматься именно тѣми вопросами, которые, въ сущности, только каламбуры, и, къ сожалѣнію, практическая разработка многихъ въ самомъ дѣлѣ серьезныхъ вопросовъ иногда приводитъ ихъ только къ тому, что и они начинаютъ казаться каламбурами.

Когда знаменитый вопросъ о томъ, что лучше: «созиданіе» или «разрушеніе», былъ рѣшенъ, и рѣшенъ повидимому удовлетворительно—въ пользу созиданія, надо было ожидать, что тутъ-то мы и начнемъ созидать. Между тѣмъ, оказалось, что именно съ тѣхъ поръ, какъ мы вполне убѣдились въ превосходствѣ созиданія, мы не создали ничего особеннаго, такъ что, когда мы посмотримъ вокругъ себя, то всѣ крупныя, замѣтныя факты: крестьянская, земская, судебныя реформы, окажутся исшедшими именно изъ того періода, въ которомъ знаменитый вопросъ о пользѣ созиданія и пагубности разрушенія еще не былъ выясненъ съ достаточной очевидностью.

Печать «созидательная», одержавъ побѣду, правда, не успокоилась на лаврахъ; она продолжала дѣйствовать очень энергически; но замѣчательно вотъ что: ея дѣятельность представила характеръ по преимуществу обличительный, хотя обличеніе это было совсѣмъ иного рода, чѣмъ то, которое вышло изъ моды, но оно все-таки было обличеніе, и дѣятельность этой печати была, стало быть, все-таки по преимуществу отрицательною.

Возьмемъ вопросъ объ устройствѣ дѣлъ въ западномъ краѣ и объ обрусеніи этого края. Основная реформа въ этомъ краѣ, какъ и во всей Россіи, совершена было положеніемъ 19-го февраля. Съ тѣхъ поръ мѣстныя исключительныя обстоятельства потребовали ряда мѣръ для

борьбы съ польскимъ вліяніемъ, вызвали ломку прежняго строя въ краѣ. Пока продолжалась собственно одна эта ломка, и «созидательная» организаторская дѣятельность еще не начиналась, пока принимались мѣры по самому своему характеру временныя, все шло успѣшно, и печати оставалось только провозглашать хвалу дѣятелей. Но вотъ пришло наконецъ время, когда временную ломку должно замѣнить правильное, спокойное, прочное «созиданіе.» Тутъ все перепуталось. Та печать, которая нѣкогда такъ удовлетворительно рѣшила вопросъ о пользѣ дѣятельности домостроительной, продолжаетъ поддерживать въ западномъ краѣ мѣры исключительныя, временныя, продолжаетъ требовать борьбы, а къ дѣлу относится съ отрицаніемъ. Одна часть этой печати настаиваетъ на томъ, чтобы сохранялись до малѣйшей подробности всѣ приемы той системы, которая возникла во время мятежа, видить измѣну русскому дѣлу въ малѣйшей склонности мѣстныхъ дѣятелей къ хладнокровной и безпристрастной полтикѣ, къ соглашенію порядковъ въ западно-русскомъ краѣ съ общими порядками въ имперіи. Эти воздѣльватели западно-русской почвы не желаютъ ни засѣвать, ни боронить ее; они все требуютъ распашки; имъ бы все пахать ее вдоль и поперекъ. Ни дождь, который вызываетъ ростки, ни солнце, которое развиваетъ всходы своимъ пріѣтомъ, не входятъ въ ихъ программу. Они знаютъ только одно орудіе — плугъ, признаютъ только одну силу въ культурѣ: силу вола, которая переворачиваетъ почву.

Другіе органы, тоже изъ партіи толковавшей нѣкогда о созиданіи, желали бы еще ломки на ломкѣ: крестьянскій вопросъ, который въ томъ краю имѣетъ не только соціальное, но и первостепенное политическое значеніе, былъ рѣшенъ въ 1861 и потомъ, вслѣдствіе мятежа, уже однажды рѣшеніе это было «перевѣрено.» Мы не беремъ рѣшить, была ли эта перевѣрка, совершенная съ политической цѣлью при исключительныхъ обстоятельствахъ, столь же справедлива во всѣхъ своихъ подробностяхъ, сколько она была несомнѣнно-практична, какъ средство борьбы. Обстоятельства были въ то время таковы, что перевѣрка дѣйствій прежнихъ мировыхъ посредниковъ, принадлежавшихъ въ большинствѣ къ польскому дворянству, не могла не быть тенденціозною, какъ были и эти дѣйствія, только въ другую сторону, а тенденціозность уже сама по себѣ исключаетъ строгое безпристрастіе.

Но вопросъ теперь уже не въ томъ: спрашивается, можно ли касаться снова крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ, подвергать снова сомнѣнію состоявшееся распредѣленіе земель? Можно ли отрѣзывать обратно земли у крестьянъ или выгонять ихъ, безъ вознагражденія, изъ помѣщичьихъ лѣсовъ, въ которыхъ имъ присвоены пастыбы, хотя бы даже при прежней перевѣркѣ и не было соблюдено вездѣ самое строгое безпристрастіе?

Вѣдь это значило бы колебать фундаментъ зданія, которое еще только строится. Это значило бы не только «ослабить нашъ гарнизонъ» въ западномъ краѣ, какъ говорятъ въ Англии объ уничтоженіи господства протестантской церкви въ Ирландіи. Гарнизонъ можно даже совсѣмъ вывести изъ страны успокоенной; но перевершеніе земельного раздѣла въ ущербъ крестьянамъ было бы отнятіемъ послѣ побѣды того, что дано во время борьбы — дѣйствіе и сомнительно-нравственное и, во всякомъ случаѣ — крайне опасное.

Но органы тѣхъ неутомимыхъ пахарей, которые роютъ западно-русскую землю, такъ какъ въ легендѣ вѣчный жидъ ходитъ: т. е. не для того чтобъ прийти къ чему нибудь, а для самаго процесса вѣчной, бесплодной работы, неустанно вопіяли, что такое перевершеніе предполагается и ожидается, и по этому случаю впередъ изливали весь ядъ своей подозрительности, своихъ доносовъ, на все и вся.

Возможно ли, при такомъ вѣчномъ застрачиваніи, такой системѣ вѣчнаго сомнѣнія и вѣчной подозрительности, успокоеніе края? Привлекателенъ ли край въ такомъ положеніи для русскихъ людей и русскихъ капиталовъ? Официальный органъ, объявляя несправедливыми всѣ подобныя толки и объясняя, что единственные мѣры, какія предполагаются только для устраненія столкновеній между крестьянскими и помѣщичьими хозяйствами, не будутъ заключать въ себѣ никакой переповѣрки сдѣланнаго, ни отобранія у крестьянъ земли, сдѣлавъ органамъ, вѣчно-блещущимъ тревогу, замѣчаніе, что имъ слѣдовало бы «съ большей разборчивостью относиться къ слухамъ, передаваемымъ въ видѣ опредѣленныхъ и точныхъ извѣстій; невѣрно проведенный слухъ», продолжаетъ «Сѣверная Почта», часто неблагопріятно подготавливаетъ общество, а при возникшей у насъ, безспорно, силѣ общественнаго мнѣнія, предубѣжденіе легко можетъ отозваться даже и на самомъ исходѣ дѣла.»

Мнѣніе, высказываемое официальнымъ органомъ о силѣ общественнаго мнѣнія у насъ, лестно, и намъ слѣдовало бы только гордиться этимъ признаніемъ. Къ сожалѣнію, самый тотъ фактъ, на который указываетъ «Сѣверная Почта», скорѣе свидѣтельствуетъ, что общественное мнѣніе у насъ далеко еще не возмужало. Неточные слухи передаются нѣкоторыми органами въ видѣ точныхъ вовсе не по ошибкѣ. Это цѣлая система вѣчнаго запугиванія, вѣчнаго раздуванія, обличенія. Неточные слухи создаются самими корреспондентами газетъ, которые, какъ видно изъ недавняго циркуляра одного изъ начальниковъ въ западномъ краѣ, сами — мѣстные чиновники; ихъ цѣль — мутить воду, придавать себѣ значеніе, а иногда въ мутной водѣ утопить врага. Цѣль статей, которыми приправляются ихъ обличенія — таже самая. Роль обличителя во имя патріотизма такъ благодарна! Сыгравъ ее, во время, можно ли отъ нея отказаться? вѣтъ, послѣ этой

вкусной и весьма питательной пищи, не идутъ въ ротъ водянистые овощи трактатій о созиданіи и его преимуществахъ предъ разрушеніемъ.

Къ числу такихъ же слуховъ, рассчитанныхъ на произведеніе тревоги въ положеніи сословіи не успокоившагося края, мы относимъ и передаваемый одною газетою слухъ, что въ Вильнѣ ожидается коммиссія для переповѣрки дѣйствій бывшихъ дворянскихъ депутатскихъ собраній по утверженію въ дворянствѣ. Пора понять, что есть совершившіеся факты, которыхъ касаться не слѣдуетъ, хотя бы въ нихъ и можно было найти неточное соблюденіе справедливости. Иначе, если мы будемъ вѣчно перерывать землю, вѣчно пахать, то трудно ожидать, чтобъ что-нибудь взросло на западно-русской нивѣ. Пора отказаться отъ ломки, пора перестать работать однимъ плугомъ. Дадимъ краю успокоиться, на основаніи сдѣланнаго, и довершимъ замиреніе его введеніемъ тамъ общаго русскаго права, т. е. судебной и земской реформы. Вѣдь исключительное положеніе, въ какомъ онъ находился доселѣ — тоже своего рода сепаратизмъ.

Успѣхъ предпріятій нравственныхъ для обществъ, не дошедшихъ еще до извѣстной степени развитія, до той именно зрѣлости, когда подобныя предпріятія вызываются не случаемъ, а сознательнымъ стремленіемъ возмужалаго общества — вообще говоря, труднѣе, чѣмъ успѣхи на полѣ матеріальныхъ предпріятій. Стоитъ сравнить короткую исторію нашей желѣзно-дорожной предпріимчивости съ исторію нашихъ усилій къ обрусенію западныхъ окраинъ — чтобы увидѣть всю разницу силъ, какія требуются тѣмъ и другимъ родомъ начинаній.

Исторія развитія желѣзно-дорожнаго дѣла у насъ, послѣ постройки дороги между Петербургомъ и Москвою, тоже очень не продолжительна; въ ней считаются всего какихъ-нибудь десять лѣтъ (съ учрежденія Главнаго Общества). Между тѣмъ, у насъ за это время уже окончено постройкою болѣе 3½ тысячъ верстъ желѣзнаго пути; если же считать всю сѣть построенную и строящуюся, то у насъ уже около 7½ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ.

Недавно открылись работы на азовско-харьковской и ярославской (далѣе Сергіевскаго монастыря) дорогахъ. По уральской дорогѣ производится изслѣдованіе, и снова заговорили о желѣзной дорогѣ въ Крымъ, сдана съ торговъ постройка дороги отъ Харькова до Кременчуга, чрезъ Полтаву, выдана концессія на дорогу отъ Тамбова до Саратова, и т. д.

Въ ряду новыхъ фактовъ по желѣзно-дорожному дѣлу появляются и новые принципы и новые вопросы. Такъ возникъ принципъ о построеніи желѣзныхъ дорогъ съ гарантіею уже не отъ правительства, а отъ земствъ. По поводу дороги отъ Тамбова къ Саратову, которая предложена земству безъ правительственной гарантіи, заявленъ вопросъ

о земской гарантіи вообще, вопросъ, въ какой мѣрѣ представители земства имѣютъ право своимъ рѣшеніемъ обязывать всѣхъ личныхъ владѣльцевъ мѣстности къ подобной гарантіи.

Здѣсь представляется еще другой вопросъ, именно объ отношеніи, въ какое будетъ поставлено, относительно земской гарантіи, правительство, выдающее концессию. Выдавая концессию на предпріятіе, обусловленное земскою гарантіею, правительство тѣмъ самымъ какъ бы утверждаетъ это условіе; что же оно должно будетъ дѣлать впоследствии, если условіе это не будетъ исполняемо, если гарантія земства, по какой либо причинѣ, окажется несостоятельною?

Намъ кажется, что первый изъ этихъ вопросовъ разрѣшается самымъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, которое предоставляетъ имъ заключать для земства обязательные договоры и устанавливаетъ новые сборы для удовлетворенія общихъ потребностей земства. Что касается второго вопроса, то онъ, при нашей непривычѣ разграничивать контроль администраціи отъ дѣйствій казны, какъ предпринимателя, онъ довольно естественъ. Между тѣмъ, такое разграниченіе здѣсь сдѣлать не трудно: выдавая концессию, правительство совершить только актъ принадлежащаго ему административнаго контроля; оно выдаетъ концессию, если находитъ направленіе дороги согласнымъ съ общимъ планомъ и самое предпріятіе признаетъ серьезнымъ. Но этимъ оно не налагаетъ на себя никакого обязательства, кромѣ общей своей обязанности — продолжать контроль надъ дѣломъ и тогда, когда оно уже будетъ осуществляться.

Другое дѣло, если, выдавая концессию, правительство само обезпечиваетъ доходъ дороги; тогда оно уже является какъ бы товарищемъ предпріятія и, во всякомъ случаѣ — его поручителемъ.

Земствамъ, безспорно, принадлежитъ право ручаться за общественныя предпріятія, и дѣлая это, земства становятся участниками его. Но по отношенію къ правительству предпріятіе, такимъ образомъ, сохраняетъ свой частный характеръ. Современемъ, какъ дѣятельность земскихъ учрежденій разовьется и укрѣпится, нѣтъ сомнѣнія, починъ ихъ въ экономическихъ дѣлахъ станетъ многообразенъ и будетъ очень важенъ; но, во всѣхъ предпріятіяхъ, которыя земство сочтетъ нужнымъ поощрить какимъ-либо обязательствомъ, правительство останется въ сторонѣ.

Развитіе желѣзно-дорожнаго дѣла идетъ теперь у насъ такъ быстро, что можно уже указать примѣръ, въ которомъ представляется очевидный *излишекъ* предпримчивости. Мы говоримъ о дѣлахъ трехъ линіяхъ, которыми предполагается соединить низовье Волги съ центромъ и сѣверомъ Россіи: самарской (продолженіе рязско-моршанской), гразе-борисоглѣбской (которая пойдетъ къ Камышину) и тамбовско-саратовской (продолженіе козловско-тамбовской). Эти три линіи всѣ при-

мыкають къ одной и той же, рязанско-воронежской. Спрашивается, вознаградится ли въ будущемъ, даже не самомъ близкомъ, такая очевидная роскошь? Что это представляется сомнительнымъ, видно уже изъ отказа правительства гарантировать доходъ тамбовско-саратовской дороги.

Мы должны быть приготовлены къ тому, что желѣзно-дорожная дѣятельность почти вездѣ проходила періодъ чисто-лихорадочный. Подъ вліяніемъ лихорадочнаго настроенія предпріимчивость вела къ неизбѣжному результату отчаянной конкуренціи: къ бездоходности, даже къ невозможности окончить начатія работы и къ ходатайству у правительства снисхожденія разнаго рода и пособій. У насъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо необходимо широкое развитіе желѣзно-дорожной сѣти; по сѣти эта не будетъ достигнута, если предпріимчивость будетъ бросаться на линіи параллельныя, взаимно себѣ вредящія.

Лихорадочный періодъ ни въ какой общественной дѣятельности въ западной Европѣ не былъ такъ силенъ, какъ въ дѣлѣ построенія желѣзныхъ дорогъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь клонятъ къ отчаянной, безрасчетной конкуренціи, и алчность, соперничество разныхъ мѣстностей, и безусловная выгодность постройки для самихъ строителей, хотя бы вполнѣдствіи построенная дорога и вовсе не доставляла дохода. Въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ сплетается много интересовъ, которые далеко не всѣ солидарны. Учредители линіи, получающіе концессию, обыкновенно преувеличиваютъ ея выгодность и уменьшаютъ смѣту расходовъ. Образовавъ затѣмъ компанію на акціяхъ, они сбываютъ свои акціи по высокой, относительно, цѣнѣ (во Франціи бывали примѣры, что акціи желѣзной дороги продавались по цѣнѣ болѣе чѣмъ тройной противъ номинальной; такъ было съ Сѣверной дорогой) и устраниются отъ предпріятія; затѣмъ, новымъ акціонерамъ, заплатившимъ дорого за акціи, представляется положеніе дѣлъ въ настоящемъ его свѣтѣ: доходъ еще далекъ и, во всякомъ случаѣ, онъ не представитъ значительнаго процента на затраченный капиталъ, а расходы огромною цифрою превышаютъ смѣту. Что интересы строителей дороги несовсѣмъ солидарны съ интересами компаніи, объ этомъ излишне распространяться. Наконецъ, при сильномъ развитіи конкуренціи, компаніи параллельныхъ линій вступаютъ въ борьбу, начинается такъ называемая *guerre des réseaux*, и все это ведетъ къ необходимости послѣдовательныхъ выпусковъ облигацій, все это ложится на будущность предпріятія. Такимъ образомъ, за лихорадочнымъ періодомъ слѣдовалъ кризисъ желѣзно-дорожнаго дѣла. Въ Англіи и Франціи эти кризисы произвели крайне неблагоприятные экономическіе результаты: въ первой изъ этихъ странъ — бездоходность дорогъ; во второй — продленіе концессій и невозможность пониженія тарифовъ.

Все это мы напоминаемъ, конечно, не потому, что желѣзно-дорож-

ная предприимчивость въ Россіи, въ своей общности, кажется намъ уже выходящею изъ границъ; далеко нѣтъ. Но, слѣдя за первыми успѣхами этого дѣла, которое у насъ еще только находится въ началѣ, мы считаемъ необходимымъ припоминать себѣ чужой опытъ, дабы избѣгнуть кризиса именно чрезмѣрнымъ сосредоточеніемъ предприимчивости на одномъ направленіи сѣти, чему первый примѣръ, какъ намъ кажется, представляется именно въ предполагаемыхъ трехъ линіяхъ къ волжскому низовью.

Главною артеріею нашей желѣзнодорожной сѣти суждено быть николаевской дорогѣ; къ ней примыкаютъ всѣ линіи, связывающія съ центромъ нашъ югъ и востокъ. Рыбинская, ярославская, нижегородская, рязанская и тульская дороги съ различными развѣтвленіями двухъ послѣднихъ на югъ и юго-востокъ, всѣ будутъ направлять громадную массу товаровъ со всѣхъ сторонъ къ этой артеріи, въ которой потекутъ могущественныя струи экономической жизни нашего отечества.

Вотъ почему вопросъ о томъ, въ какомъ положеніи находится николаевская дорога, съ каждымъ годомъ становится все важнѣе для всей Россіи. Неудовлетворительное состояніе пути и недостаточность подвижного состава на этой дорогѣ парализуетъ торговлю. Предполагая, что подобное положеніе николаевской дороги сдѣлалось бы нормальнымъ, пришлось бы сказать, что, напримѣръ, постройка рыбинской дороги, которой все значеніе связано съ николаевскою — было бы совсѣмъ излишне.

Николаевская дорога вступаетъ теперь въ новый періодъ существованія. Надняхъ эксплуатація ея уже должна была на дѣлѣ перейти въ руки Главнаго Общества. Въ одной изъ нашихъ «Хроникъ», говоря о нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ, мы изложили, сравнительно, условія трехъ конкурентовъ, имѣвшихъ притязаніе на николаевскую дорогу. Мы не высказывали никакого приговора въ этомъ случаѣ уже потому, что въ рѣшеніи подобныхъ дѣлъ голосъ печати до сихъ поръ имѣетъ мало значенія, и только та часть прессы носится съ такими приговорами, которая вообще считаетъ обязанностью кипятиться со своимъ мало спрашиваемымъ и рѣдко принимаемымъ въ расчетъ усердіемъ.

Въ настоящемъ случаѣ обнаружилось, что даже обсужденіе болѣе «призванное» къ дѣлу, чѣмъ журнальное, не перешло въ область реального.

Какъ бы то ни было, при сравнительной оцѣнкѣ условій представленныхъ съ трехъ сторонъ, мы указали на важное соображеніе въ пользу Главнаго Общества: на его уже существующую солидарность съ казною, солидарность съ гарантіею по двумъ огромнымъ линіямъ, и громаднымъ долгомъ, къ уплатѣ котораго хотя бы отчасти необходимо содѣйствовать, и наконецъ, сильнымъ непосредственнымъ вліяніемъ,

какое имѣетъ правительство въ самомъ составѣ управленія Главнаго Общества.

По всей вѣроятности, это-то весьма важное соображеніе и обусловило рѣшеніе дѣла въ пользу Главнаго Общества. Рѣшенію этому могла также содѣйствовать простота предложенной Главнымъ Обществомъ комбинаціи. По слухамъ, передача рѣшена на тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя первоначально были предложены Обществомъ. Напомнимъ о нихъ въ нѣсколькихъ словахъ. Главное Общество изъ дохода дороги прежде всего отчисляетъ долгъ ежегодно *шесть* милліоновъ рублей *звонкою монетою*, и вноситъ правительству на уплату процентовъ и на погашеніе какъ уже сдѣланнаго правительствомъ долга подъ дорогу, такъ и новыхъ облигацій, которыя будутъ выпущены подъ тотъ же залогъ. Такимъ образомъ, Главное Общество приобрѣтаетъ право пользованія дорогою втеченіи 84 лѣтъ (условія относительно права выкупа дороги ранѣе этого срока, такъ какъ подобное право предоставлено правительству относительно другихъ линій, принадлежащихъ обществу, уставомъ 1857 года, конечно, будутъ определены въ контрактѣ). Изъ остального дохода $\frac{3}{4}$ идутъ казнѣ же (на пополненіе ею гарантіи по другимъ линіямъ Общества и затѣмъ на уплату 84-милліоннаго долга Общества правительству), и $\frac{1}{4}$ — въ пользу акціонеровъ Главнаго Общества. Эта четверть составитъ прибавочный дивидендъ въ пользу акціонеровъ и представляетъ собственно весь чистый барышъ отъ николаевской дороги для Общества. Но этотъ добавочный дивидендъ, эта четверть чистаго дохода (за исключеніемъ упомянутыхъ 6 милл. металломъ) не должны превышать 15% на 15 милліоновъ рублей; такъ какъ акціонерный капиталъ общества — 75 милл. рублей, то это составляетъ 3% съ него. Если же эта четверть составила бы болѣе 3% съ 75 милл. руб., то излишекъ долженъ пойти на пониженіе тарифа. Изъ суммы новаго займа, подъ дорогу, правительство предоставитъ Обществу 15½ милл. (только эта цифра, повидимому, и представляетъ измѣненіе противъ первоначальныхъ условій) на исправленіе дороги; собственно на замѣну деревянныхъ мостовъ желѣзными и вообще на исправленіе мостовъ, Общество сверхъ того имѣетъ право брать изъ валовою дохода ежегодно 1½% втеченіи 14½ лѣтъ (эта ½ объясняется предположенною передачею дороги въ половинѣ года). Наконецъ, расчетъ съ г. Уайнсенсомъ по уничтожаемому контракту съ нимъ и всѣмъ остальнымъ его претензіямъ, правительство, какъ того желало Главное Общество съ самого начала, беретъ на себя.

Эта послѣдняя забота немаловажна, такъ какъ нашъ «заатлантичскій другъ» запрашиваетъ почти 14 милліоновъ для раздѣлки. Будемъ надѣяться, что за уничтоженіе контракта, который правительство имѣло право прекратить уже въ 1872 году, т. е. четыре года

г. Уайненсу не причтется такое вознагражденіе, хотя бы пришлось рѣшить этотъ вопросъ судебнымъ порядкомъ. Было бы большою ошибкою со стороны администраціи, если бы она согласилась на несправедливыя пожертвованія въ пользу г. Уайненса, лишь бы только избѣгнуть процесса съ нимъ. Конечно, въ такомъ случаѣ нашлись бы люди для доказательства, что такимъ процессомъ мы повредили бы своему кредиту за границу. Но кредитъ нашъ пострадать не можетъ отъ обращенія къ суду, который нынѣ независимъ — и вотъ какъ на каждомъ шагѣ обнаруживаются благія послѣдствія судебной реформы. Кредиту нашихъ общественныхъ предпріятій за границу скорѣе можетъ вредить именно то обстоятельство, что къ намъ нерѣдко успѣваютъ пристроиться контрагенты съ такими почти неограниченными правами, какія были присвоены г. Уайненсу, и дѣлаютъ недостаточно доходными даже такія громадно-выгодныя предпріятія, какъ николаевская желѣзная дорога.

Дорога эта, можно сказать, самая выгодная въ свѣтѣ, что зависитъ главнымъ образомъ отъ того обстоятельства, что два важныхъ центра, между которыми преимущественно происходитъ перевозка пассажировъ и товаровъ, Петербургъ и Москва, — такъ отдалены одинъ отъ другого. Разсчитано, что во Франціи среднее число верстъ, проходящееся на пассажировъ и на товары составляетъ всего 37 верстъ; а на николаевской дорогѣ эта средняя поперстная цифра составляетъ до 300 верстъ. Доходъ съ николаевской дороги, составлявшій вначалѣ только 5 милліоновъ, уже достигъ почти до 15-ти милліоновъ, и какъ мы уже замѣтили выше, долженъ еще возвыситься съ окончаніемъ разныхъ примыкающихъ къ ней вѣтвей.

Сумѣетъ ли Главное Общество воспользоваться всею выгодностію этой первостепенной линіи и обезпечить удовлетворительное нормальное положеніе этой главной желѣзно-дорожной артеріи Россіи — покажетъ будущее. Пятнадцать съ половиною милліоновъ, выговоренныя Обществомъ на исправленіе пути, кажется, должны будутъ служить достаточнымъ средствомъ для приведенія ея въ исправность, тѣмъ болѣе, что на исправленіе мостовъ опредѣленъ еще другой источникъ. Совѣтъ Главнаго Общества уже прінялъ мѣру, которая представляетъ хорошее личное ручательство: инженеръ, который назначенъ имъ для управленія дорогою, довель нижегородскую линію до того блестящаго положенія, въ которомъ она находится, доставляя Обществу большій доходъ, чѣмъ линія варшавская; тотъ же инженеръ былъ нѣсколько лѣтъ начальникомъ петербургскаго отдѣленія николаевской дороги, во время удовлетворительнаго ея состоянія; стало быть, ему извѣстны всѣ условія ея эксплуатаціи. Лучшаго выбора нельзя было и желать.

Извѣстіе о передачѣ николаевской дороги Главному Обществу не могло не отразиться на цѣнѣ его акцій; съ 118 р. они поднялись до

124. Большаго возвышенія и нельзя было ожидать въ первые дни, потому что тѣ условія, на какихъ дорога передается Обществу, не составляютъ ничего выходящаго изъ ряду вонъ по выгодности; это не Уайнensoвъ контрактъ. Но если Обществу удастся уменьшить значительно расходы по эксплуатаціи; что сдѣлать, кажется, не трудно, такъ какъ они въ настоящее время простираются до 70% сбора, да сверхъ того, когда самый сборъ возрастетъ, что вѣроятно — то положение Общества можетъ значительно улучшиться. Но для него чрезвычайно важно владѣть николаевскою дорогою уже потому, что она — посредствующая между двумя главными его линіями.

Для государства же передача николаевской дороги Главному Обществу представляетъ слѣдующія несомнѣнныя выгоды: единство управленія и порядковъ на этой дорогѣ съ дорогами нижегородскою и варшавскою, возможность возвращенія хоть части огромнаго долга Общества казнѣ, наконецъ, — самое положеніе Главнаго Общества какъ въ Россіи, такъ и за границею. За границею оно уже приобрѣло серьезный кредитъ, какого, конечно, не имѣла бы московская компанія; въ Россіи же оно подчинено сильному вліянію правительства и на самомъ дѣлѣ представляетъ всѣ выгоды правительственнаго предпріятія, не имѣя его экономическихъ неудобствъ.

Вотъ это послѣднее обстоятельство, бывшее, какъ мы думаемъ, едва ли не главнымъ мотивомъ при окончательномъ рѣшеніи вопроса въ пользу Общества, и примиряетъ насъ съ установленіемъ монополіи на многіе десятки лѣтъ, сосредоточеніемъ въ рукахъ одной большой компаніи такихъ громаднхъ по важности вѣтвей. По принципу, мы не принадлежимъ къ приверженцамъ долгосрочныхъ монополій и вообще подчиненія всего желѣзно-дорожнаго дѣла нѣсколькимъ большимъ компаніямъ, какъ то было сдѣлано во Франціи.

Въ исторіи минувшаго мѣсяца видное мѣсто занимаетъ указъ, измѣняющій систему замѣны рекрутъ охотниками, «замѣстителями» — какъ они названы въ указѣ — и зачета рекрутскихъ квитанцій. Сущность этой мѣры состоитъ въ томъ, что она клонится къ сосредоточенію найма охотниковъ въ рукахъ самого правительства. Желаящіе откупиться отъ военной службы теперь уже не будутъ имѣть надобности прискиывать охотниковъ сами или чрезъ тайныхъ комиссіонеровъ, при чемъ водятся многочисленныя злоупотребленія, а могутъ просто вносить правительству опредѣленную сумму, которая будетъ назначаемая ежегодно въ манифестѣ о наборѣ. Мѣра эта, заимствованная изъ Франціи, полезна тѣмъ именно, что ведетъ къ уменьшенію разныхъ продѣлокъ, какими увлекаютъ людей въ солдаты. Но цѣна выкупа назначенная на первый разъ (570 рублей) такъ высока,

что едва ли эта мѣра получить непосредственно большое примѣненіе, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, гдѣ денегъ мало. Шестьсотъ рублей платили крестьяне за охотника до сихъ поръ и здѣсь, подѣ Петербургомъ, а легко ли собрать подобную сумму крестьянину Архангельской, Витебской или хотя бы Полтавской губерній, и не предпочтутъ ли они вольный наемъ, со всѣми его злоупотребленіями?

Изъ 570 рублей, 70 рублей идутъ на расходы по водворенію отставныхъ солдатъ. Устройство участи отставныхъ солдатъ дѣлаетъ честь военному министерству, которое недавно сдѣлало серьезное начинаніе въ этомъ дѣлѣ. Но упомянутые 70 руб. всетаки налогъ на наемъ охотника, и спрашивается, практично ли относить эту тяжесть на этотъ именно источникъ?

Замѣтимъ, что выкупныя суммы будутъ оставаться въ вѣдѣніи военного министерства, не поступая въ государственное казначейство. Итакъ, вотъ у военного министерства новый особый капиталъ, между тѣмъ какъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ заботились о единствѣ кассы.

Въ новомъ законѣ примѣчательно еще то, что онъ допускаетъ поступленіе охотника въ военную службу даже всего на пятилѣтній срокъ дѣйствительной службы. Это — новый шагъ къ необходимому сокращенію сроковъ военной службы, которые у насъ все еще гораздо выше, чѣмъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ.

Въ Вормсѣ, недавно, посреди огромнаго стеченія протестантовъ изъ разныхъ странъ, въ присутствіи короля прусскаго, съ поздравленіемъ отъ королевы великобританской открытъ памятникъ, памятникъ Лютеру. Статуя его стоитъ на пьедесталѣ, обнесенная бронзовою зубчатою стѣною, которая напоминаетъ его гимнъ и девизъ протестантскаго движенія: *Eine feste Burg ist unser Gott.*

Почти въ то же время, въ Римѣ была прибита къ дверямъ церкви булла: *Aeterni Patris Unigenitus Filius*, которою папа созываетъ католическихъ епископовъ на новый вселенскій соборъ, первый послѣ знаменитаго тріентскаго, происходившаго 1545 — 1563. Соборъ созывается въ Римѣ, къ 8 декабря 1869 года.

Вотъ два факта, которые переносятъ насъ въ прошлое на рубежъ средневѣковой исторіи европейскаго Запада. Но три вѣка прошли не даромъ, и оба эти факта представляютъ только религіозное воспоминаніе, а реальное въ нихъ совсѣмъ чуждо религіи, какъ католической, такъ и протестантской. Въ Вормсѣ, Германія въ дѣйствительности праздновала только еще разъ свое единство, а въ Римѣ папа хочетъ укрѣпить догматомъ свою непогрѣшимость, которая на языкѣ времени есть не что иное, какъ сохраненіе его свѣтской власти.

Созваніе собора въ Римъ вызвало во французскомъ законодательномъ корпусѣ отголосокъ современности, сомнѣвающейся и нерѣшительной, въ рѣчи остроумнаго депутата Олливье.

Олливье доказалъ историческими фактами, что и до триентскаго собора, и во время его, и послѣ, обязательность папскихъ буллъ во Франціи была обусловлена согласіемъ свѣтской власти. Въ то же время онъ напомнилъ о прежней независимости французской церкви, славныхъ преданіяхъ галликанизма. Теперь, все это измѣнилось. Папа даже не извѣщаетъ свѣтскихъ владѣтелей о соборѣ, не пишетъ о немъ и епископамъ, а ограничивается обнародованіемъ своей буллы. Такимъ образомъ, папа, по мнѣнію Олливье, заявляетъ въ одно время со своей непогрѣшимостью и окончательное отчужденіе церкви отъ государства. Самъ папа приводитъ въ исполненіе теорію Кавура. Олливье выставилъ затруднительность положенія въ этомъ случаѣ Франціи, которая сама отдала низшее духовенство въ рабство епископамъ, окончательно подчинившимся папской непогрѣшимости. Онъ совѣтовалъ правительству не стѣснять ни обнародованія буллы во Франціи, ни поѣздки французскихъ епископовъ на соборъ, но требовалъ, чтобы само правительство воздержалось отъ всякаго признанія собора или участія въ немъ посредствомъ представителя.

Олливье окончилъ рѣчь хвалою американской свободѣ церкви и словами: «Да, я вѣрю, что когда мечъ свѣтской власти отдѣлится отъ пастырскаго посоха, тогда-то именно и произойдетъ не смѣшеніе, но сближеніе, полное обѣтованіе, между идеаломъ религіи и человѣческимъ разумомъ».

По поводу рѣчи Олливье нельзя не сдѣлать двухъ замѣчаній о нашемъ положеніи относительно затронутого имъ вопроса. То, что французскій ораторъ сказалъ о возрастающемъ въ католической церкви деспотизмѣ папѣ, и о рабствѣ низшаго духовенства, оправдываетъ оборонительное положеніе, въ какое стало, въ послѣднее время, наше правительство по отношенію къ папству. Такое положеніе можетъ только охранить само католическое духовенство въ предѣлахъ имперіи отъ быстро возрастающей, старческой притязательности ветхаго Рима.

Положеніе низшаго католическаго духовенства относительно епископовъ также не должно быть упускаемо изъ виду.

Но, кромѣ того, нельзя не признать, что и въ православной церкви смѣшеніе «свѣтскаго меча» съ «пастырскимъ посохомъ» должно же когда нибудь прекратиться, если мы, дѣйствительно, намѣрены довершить наше социальное освобожденіе. У насъ тоже есть клерикалы, но они сами твердятъ, что церкви необходима независимость. Мы не беремся судить о потребностяхъ церкви, но намъ очень ясны нужды общества. Оно нуждается въ томъ, чтобы было измѣнено то положе-

ніе, при которомъ, какъ недавно оказалось, въ монастыряхъ недостаетъ мѣста для мірянъ, заключенныхъ на церковное покаяніе; оно нуждается, чтобы за убѣжденія не ссылали людей, чтобы каждый могъ исповѣдывать ту вѣру, какая ему по душѣ, и никто не удерживался силою въ иной, не принуждался къ исполненію, съ неискреннимъ сердцемъ, священныхъ обрядовъ. Въ этомъ отношеніи Австрія теперь подала намъ примѣръ: одной свободы богослуженія для признанныхъ исповѣданій недостаточно; нужна настоящая *свобода совѣсти*.

Наше время на практикѣ то разбиваетъ старыя оковы, то куетъ новыя; въ послѣднемъ обстоятельствѣ служить утѣшеніемъ первое. Какія бы новыя тягости ни налагало настоящее на будущее, утѣшительно сознание, что то, что налагается на насъ вновь — налагается временно, а то, что разрушается предъ нами изъ стараго — разрушается навсегда. Нынѣшнему году выпала, между прочимъ, доля окончательно стереть съ памятной доски вѣками вписанное понятіе о солидарности папы и императора: *Caesar et Pontifex, der Papst und der Kaiser*, эти два слова сливаются въ нераздѣльное созвучіе, которое проходитъ чрезъ исторію семи вѣковъ. Не всегда папы были согласны съ императорами; въ до-протестантскія времена даже почти никогда. Но тѣмъ не менѣе, имена ихъ представляли понятіе о двухъ солидарныхъ властяхъ, понятіе объ авторитетѣ, въ двойственномъ проявленіи.

Преданію объ этой солидарности нанесенъ окончательный ударъ. Папа въ аллокуціи называетъ дѣйствія австрійскаго императора *pe-fanda* и мѣры его — *abominabiles*, и самого императора не исключаетъ изъ числа «враговъ церкви», принимающихъ «безбожныя» мѣры, изъ числа тѣхъ, кому онъ угрожаетъ всѣми наказаніями церкви. Въ чемъ же дѣло? Какія это мѣры папа громить осужденіемъ и объявленіемъ *nullius in vobis*?

Дѣло въ томъ, что Австрія обновляется и въ обновленіи своемъ отбросила конкордаты, заключенный съ папою 13 лѣтъ тому назадъ. Въ декабрѣ прошлаго года изданъ тамъ законъ о полной свободѣ совѣсти, религіознаго ученія и исповѣданія, въ силу котораго всякій можетъ перемѣнить вѣру и исповѣдывать какую хочетъ, даже изъ христіанина обратиться въ магометанина или іудея, пользуясь равнымъ покровительствомъ законовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнена всякая духовная цензура; въ маѣ текущаго года, провозглашенъ законъ, въ силу котораго дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ считаются принадлежащими къ вѣрѣ отца или матери, смотря по ихъ полу, и отмѣняются всѣ обязательства, какимъ, на основаніи конкордата, подвергались въ этомъ отношеніи не-католики, вступая въ бракъ съ католиками; вмѣстѣ съ

тѣмъ изданъ законъ о гражданскомъ бракѣ, и законъ полной независимости свѣтскихъ училищъ отъ всякаго надзора и вліянія со стороны духовенства ¹⁾).

Итакъ, отнынѣ императоръ австрійскій, къ которому перешла царская корона, уже отбросилъ всякую связь съ папою; понятія о папѣ и императорѣ перестаютъ быть солидарными, потому что второй торжественно отрицаетъ авторитетъ, на которомъ стоятъ первый.

Безъ этого освобожденія государства отъ клерикальнаго рабства, никакое государство не можетъ считать себя культурнымъ, и Австрія, ставъ нынѣ свободною отъ нравственныхъ оковъ, заняла законное мѣсто въ ряду культурныхъ государствъ.

Но преобразование австрійской имперіи не ограничилось и этимъ, столь важнымъ успѣхомъ. Въ наслѣдственныхъ земляхъ произведена полная административная и экономическая реформа, по отношенію къ землямъ венгерской короны окончательно рѣшенъ политическій вопросъ. Недавно обнародованный законъ объ устройствѣ управленія значительно расширяетъ административную самостоятельность округовъ и общинъ; этотъ законъ наноситъ послѣдній ударъ прежнему всемогуществу бюрократіи, а съ нею и централизаціи, и германизаціи. Кромѣ того, правительство провозгласило принципъ свободной торговли, и основавъ на этомъ принципѣ торговые трактаты, которые оно заключило съ Сѣверогерманскимъ Союзомъ и съ Англіею. Излишне было бы настаивать на громадной важности всѣхъ этихъ реформъ. Взятая въ совокупности, онѣ представляютъ полное обновленіе внутренней жизни имперіи, если только сами реформаторы дѣйствуютъ искренно, и если настоящее теченіе идей въ Австріи не будетъ смѣнено скоро прямо обратнымъ направленіемъ, что съ ней случалось уже не разъ.

Венгерскій вопросъ, который уже года полтора рѣшенъ въ главномъ своемъ пунктѣ, въ соглашеніи собственно съ Венгріею, теперь рѣшенъ окончательно устройствомъ отношеній между Венгріею и такъ называемымъ Трїединнымъ королевствомъ. Извѣстно, что кроаты не пожали плодовъ отъ той службы, какую они сослужили деспотизму въ 1849 году; на развалинахъ венгерской свободы, они думали воздвигнуть свою самостоятельность. Но сказка о судьбѣ доктора Фауста всегда осуществляется надъ тѣмъ народомъ, который для собственнаго блага заключаетъ союзъ съ духомъ тьмы. Вѣрные кроаты, наравнѣ съ мятежными венграми, подпали подъ полную безправность и баховскую центра-

¹⁾ По новому закону, гражданскій бракъ дѣйствителенъ и безъ церковнаго, а церковный не можетъ имѣть мѣста безъ гражданскаго. Относительно школъ, допускается только *равный* надзоръ духовенства каждаго исповѣданія за преподаваніемъ различныхъ катихизисовъ въ народныхъ школахъ.

лизацію. Сеймъ, созванный въ Загребѣ, въ 1861 году упорно стоялъ на исключительномъ положеніи, какое создали Кроація событія 1849 года и сеймъ этотъ, требовавшій, чтобы въ награду за вѣрность права славянъ были уважены, хотя бы права мадяровъ были попораны, — былъ закрытъ въ одно время съ сеймомъ венгерскимъ, предъявлявшимъ знаменитый деаковскій адресъ, на которомъ впоследствии и состоялось соглашеніе съ Венгрією.

Кроаты наконецъ сознали, что историческія права ихъ не могутъ быть удовлетворены съ нарушеніемъ венгерской конституціи, потому именно, что они основываются на этой же конституціи. Они поняли, что даже уступки въ ихъ пользу со стороны Венгріи могутъ быть сдѣланы прочно только законнымъ образомъ, то-есть на пештскомъ сеймѣ, въ присутствіи представителей Кроаціи и Славоніи, а не канцелярскимъ патентомъ изъ Вѣны.

Предварительное соглашеніе, которое теперь состоялось между Кроацією и Венгрією, необременительно для первой; на общія издержки королевства св. Стефана, пойдетъ только менѣе половины суммы податей собираемыхъ въ Кроаціи и Славоніи. Что городъ Фиуме остается за собственною Венгрією, это, какъ намъ кажется, соотвѣтствуетъ желанію самихъ жителей Фиуме, которые всѣ эти послѣдніе года непрерывно устраивали демонстраціи въ смыслѣ соединенія съ Венгрією. Сеймъ кроатскій будетъ все-таки имѣть большее значеніе, чѣмъ какое имѣютъ областные сеймы въ земляхъ наслѣдственныхъ, и банъ кроатскій будетъ болѣе, чѣмъ губернаторъ. Это соотвѣтствуетъ историческому положенію, которое принадлежало *partibus adnexis regni Hungarici*.

Для полнаго успѣха «возрожденія» Австріи недостаетъ еще соглашенія съ чехами. «Поѣздка императора Франца-Иосифа въ Прагу и происходившіе тамъ переговоры между канцлеромъ имперіи и предводителями старой чешской національной партіи, Палацкимъ и Ригеромъ, обратили вниманіе Европы на чешскій вопросъ. Чехи, съ своей стороны, рядомъ демонстрацій, по поводу закладки народнаго театра, юбилея Палацкаго, празднованія памяти Гусса въ Констанцѣ, сдѣлали все, что могли, для оживленія этого вопроса, для доставленія ему, такъ сказать, правъ гражданства въ ряду многочисленныхъ вопросовъ тяготящихся надъ Европою.

Такое, нѣсколько искусственное подогрѣваніе чешскаго вопроса обуславливается тѣми обстоятельствами, среди которыхъ совершалось пробужденіе Чехіи къ національному самосознанію. Дѣло въ томъ, что австрійскіе нѣмцы, продолжая считать себя господствующимъ по праву народомъ въ имперіи, сперва отрицали самое существованіе чешской націи, а существованіе чешскаго вопроса отрицали до сихъ поръ. Они доказывали, что надъ національною самостоятельностью чеховъ

свершилась уже политическая давность. Нѣмцевъ австрійскихъ, въ этомъ случаѣ, поддерживаетъ съ трогательнымъ единогласіемъ и сѣверо-германская публицистика. Нѣмцы, которые считаютъ Эльзась и Лотарингію нѣмецкими землями на томъ основаніи, что эти земли когда-то принадлежали къ Германіи, на восточныхъ своихъ окраинахъ безцеремонно отрицаютъ самостоятельность иныхъ народностей, на томъ основаніи, что эта самостоятельность отмѣнена исторіею. Это—коренное самопротиворѣчіе такъ называемаго принципа національностей, противорѣчіе, которое въ будущемъ сулитъ долги, бесплодныя войны, если только общее увлеченіе національнымъ началомъ въ политической жизни продолжится, какъ то очень вѣроятно.

Вотъ это-то отрицаніе и побуждаетъ чеховъ ко всякаго рода заявленіямъ своей національной самобытности и своихъ правъ. Нѣмцы поступаютъ въ этомъ случаѣ положительно непрактично: своими обидными отрицаніями, они подстрекаютъ чеховъ; не будь этого подстрекаательства, признавая нѣмецкая литература и журналистика чешскую націю и чешскій вопросъ, нѣтъ сомнѣнія, что чешская агитація была бы гораздо спокойнѣе, и самыя требованія чеховъ оставались бы въ границахъ практически-возможнаго. Но удерживая этотъ вопросъ на полѣ теоретическаго пренія, пренія объ основныхъ принципахъ, нѣмцы тѣмъ самымъ не даютъ чехамъ возможности ступить на практическую почву, гдѣ уступки оказались бы неизбѣжными, а загоняютъ ихъ въ неопредѣленныя сферы, въ область отвлеченныхъ принциповъ, гдѣ подъ ногами не чувствуется реальной почвы и гдѣ уступки невозможны потому, что онѣ представляются самоотреченіемъ и самоуниженіемъ.

Нѣмцы любятъ поражать чеховъ вопросомъ: кто ихъ трогаетъ, кто подвергаетъ преслѣдованію ихъ національность? Но на этотъ вопросъ нельзя не отвѣчать, что преслѣдуетъ и оскорбляетъ чеховъ вся нѣмецкая публицистика, которая не можетъ упомянуть безъ сарказма о коронѣ св. Вячеслава, не можетъ обойти имени Браунера не давъ понять, что онъ нѣмецъ, не можетъ вспомнить о Краледворской рукописи, не назвавъ ее подложною и Ганку—обманщикомъ.

Литературныя дразги! скажутъ намъ, пожалуй. Да, но онѣ очень важны въ томъ вопросѣ, котораго вся постановка сдѣлана именно литературою. Открытіе Краледворской рукописи было, можно сказать, эрою для стремленій Чехіи; весь починъ въ пробужденіи чешскаго національнаго чувства принадлежалъ литературѣ; потому-то литературные споры здѣсь и представляютъ собою національную борьбу.

Роль будильника народности, исполненная чешскою литературою, нисколько не уменьшаетъ серьезности нынѣшнихъ національныхъ стремленій чеховъ. Литература не только служитъ органомъ народному сознанію,—она также и пробуждаетъ и направляетъ его. Дѣйствіе общества и литературы взаимное, и кто можетъ опредѣлить, насколько

важнѣйшіе моменты новѣйшей исторіи были обусловлены именно дѣйствіемъ литературы? Чешское національное движеніе никакъ не можетъ быть признано искусственнымъ на томъ только основаніи, что оно было возбуждено литературою: она только примѣнила къ Чехіи общую идею извѣстнаго историческаго момента въ Европѣ—стремленіе къ національной особности.

Но такъ какъ происхожденіе чешскаго движенія и характеръ встрѣченнаго имъ противодѣйствія были литературныя; то этотъ фактъ наложилъ на все чешское дѣло вовсе не существенный для него характеръ мелочности, характеръ литературно-полемическій. До сихъ поръ въ борьбѣ чеховъ съ нѣмцами, менѣе обращается вниманія на реальные факты, на этнографическія и экономическія условія Богеміи, чѣмъ напр. на такіе факты, что Палацкій въ послѣднемъ своемъ сочиненіи причислялъ нѣмцевъ къ народамъ «разрушающимъ», а славянъ къ народамъ «созидающимъ», и что г. Фричъ, который произнесъ рѣчь въ Констанцѣ, получилъ будто бы отъ австрійскаго правительства деньги, чтобы ѣхать въ Америку, но туда не поѣхалъ; или: какъ нужно писать фамиліи гг. Дучмана и Смоляра — такъ, какъ мы написали ихъ теперь, или же Дейчманъ и Шмалеръ, а г. Фрича именовать Фрицомъ.

На подобныя нападенія чехи отвѣчаютъ въ родѣ того, какъ мы сейчасъ сказали, что причисляютъ нѣмцевъ къ одной категоріи съ турками, а если нѣмецкая журналистика, припомнивъ старое, опять заявится, что Краледворская рукопись, этотъ палладіумъ обновленной Чехіи—подложна, то чехи стануть доказывать, что Гуттенбергъ былъ не кто иной, какъ Янъ Крутогорскій.

Но подѣ всей этой мелочностью и непрактичностью, въ которыхъ нѣмцы нарочно стараются заглушить чешское дѣло, а между тѣмъ вызываютъ прямо противоположный результатъ, раздражая чеховъ и подстрекая ихъ къ самовосхваленію и самообольщенію, — несомнѣнно лежитъ очень серьезный, реальный вопросъ: на какиихъ условіяхъ чешскій народъ согласится участвовать въ перерожденіи Австріи, какими взаимными обязательствами можетъ быть обусловлено его содѣйствіе, и какія послѣдствія можетъ имѣть полный отказъ со стороны чеховъ, для Австріи?

Вопросъ въ настоящее время представляется именно въ такомъ видѣ, потому что за устройствомъ прочихъ междунаціональныхъ дѣлъ въ австрійскомъ комплексѣ, очередь положительно пришла къ дѣлу чешскому, и безъ искренняго согласія чеховъ участвовать въ пересозданіи Австріи, это пересозданіе останется неоконченнымъ.

Вопросъ не только представляется такъ, но и сознается такъ въ настоящую минуту тамъ, откуда можно ожидать практической инициативы — въ совѣтѣ императора. Поѣздка императора и канцлера въ Прагу, и переговоры барона Бейста съ гг. Палацкимъ и Ригеромъ до-

казываютъ, что вѣнское правительство признаетъ чешскій вопросъ, какъ бы эти факты ни были лишены обстановки оффиціальной.

Императоръ съ большимъ тактомъ поручилъ эти предварительные, частные переговоры именно барону Бейсту. Этотъ государственный человѣкъ, такъ рѣшительно отбросившій свои саксонскія, «усмирительныя» преданія—главный двигатель, если не главный виновникъ возрожденія Австріи. Удовлетворительное рѣшеніе венгерскаго вопроса, надъ которымъ шесть лѣтъ трудились даромъ его предшественники, гг. Шмерлингъ и Белькреди, полное примиреніе съ Венгрією, а вмѣстѣ и проведеніе общихъ законовъ либеральнаго характера, въ томъ числѣ заключается отъѣна конкордата—безспорно составляютъ заслугу г. Бейста. Онъ, наиболѣе содѣйствовавшій устройству внутреннихъ дѣлъ Австріи на либеральныхъ началахъ и энергически охранявшій эти начала отъ могущественныхъ въ Вѣнѣ противныхъ вліяній, имѣлъ наиболѣе авторитета для переговоровъ, которые клонились къ довершенію устройства внутреннихъ дѣлъ, къ примиренію съ одной изъ главныхъ народностей. Авторъ дуализма былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ приверженцами федерализма, чехами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, открытіе переговоровъ съ чехами канцлеромъ имперіи, лишало ихъ всякой оффиціальности, такъ какъ оффиціальнымъ образомъ такіе переговоры могли бы быть ведены цислейтанскимъ министерствомъ¹⁾.

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ разговора бар. Бейста съ вождями старой чешской партіи, какъ онъ былъ переданъ въ газетахъ, уже потому, что гг. Палацкій и Ригеръ протестовали противъ точности этого разсказа. Сверхъ того, приписанное австрійскому канцлеру заявленіе, будто въ планѣ раздѣла Австріи, о которомъ шла одно время рѣчь между Пруссією и Россією, Россія *не выговаривала себѣ Богеміи*, — противорѣчитъ дипломатической сдержанности канцлера. Нѣтъ даже основанія предполагать, чтобы случайность подобная приведенной уже была предметомъ положительныхъ переговоровъ.

Но передъ нами, во всякомъ случаѣ, одно вполне точное заявленіе программы — заявленіе самихъ Палацкаго и Ригера и одна очевидная, хотя и не доказанная истина: еслибы когда-либо пришло время для подобныхъ переговоровъ между Пруссією и Россією, то Россія *не выговорила бы себѣ Богеміи*, а Пруссія не уступила бы Россіи эту область. Вотъ на этомъ-то фактѣ, и на этой-то истинѣ мы и остановимся въ нашей замѣткѣ.

¹⁾ Впрочемъ бар. Бейстъ дѣйствовалъ не безъ вѣдома президента министерства наслѣдственныхъ земель. Это очевидно изъ присутствія самого кн. Ауерсперга въ Прагѣ и взаимныхъ визитовъ обоихъ этихъ сановниковъ.

Переговоры барона Бейста съ чехами, повидимому, не привели ни къ какому подготовительному соглашенію, иначе чешскіе патриоты не говорили бы того, что они говорятъ теперь. Они протестуютъ въ своей преданности габсбургской монархіи ¹⁾, допускаютъ случай, когда племенная борьба, вызванная противниками славянскаго дѣла, могла бы довести чешскій народъ до отчаянія и обусловить важное вліяніе расовой солидарности чеховъ съ Россіею на судьбу чешскаго народа. Но объ этомъ гг. Палацкій и Ригеръ выражаются очень тѣмно. Притомъ, они тутъ же высказываютъ увѣренность, что Россія не помышляетъ о присоединеніи Богеміи ²⁾. Это признаніе, если оно искренне, очень важно. Въ этомъ отношеніи необходимо устранить всякое недоразумѣніе; иначе одна партія въ Чехіи можетъ ожидать отъ Россіи, а другая опасаться съ ея стороны того, чего не можетъ быть. Необходимо выяснить, что Россія, и по политическимъ, и по географическимъ соображеніямъ не можетъ даже желать присоединенія къ себѣ Богеміи, и что наши сочувствія къ чехамъ, стало быть, чисты отъ всякой задней мысли и корысти. Усиливать западно-славянскій, католическій элементъ въ своемъ составѣ Россія нѣтъ никакого расчета. Чехи, изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, наиболѣе имѣютъ общаго съ поляками, даже въ отношеніи клерикализма. Не надо забывать, что австрійскій клерикализмъ находилъ самыхъ ревностныхъ для себя слугъ именно въ отечествѣ Гуса. Что выиграла бы Россія отъ присоединенія къ пяти-милліонному населенію царства польскаго — шестимилліоннаго чешскаго населенія, которое по исторіи, литературѣ и общественному складу гораздо ближе къ польскому, чѣмъ къ русскому элементу, на которомъ основывается единство и могущество нашего государства?

Но это еще не все. Богемія отдѣлена отъ нашей границы не только кускомъ Галиціи, но еще австрійскою и прусскою Силезіею, которыхъ Пруссія не уступитъ намъ ни въ какомъ случаѣ. Да если допустить раздѣлъ Австріи, то можно ли думать, что Пруссія пожертвуетъ намъ двумя пятими населенія Богеміи, которые принадлежатъ къ нѣмецкой національности?

Respicere finem — правило, которое необходимо соблюдать въ каждомъ предпріятіи. Чтобы отвергать безусловно то, что, какъ слышно, предлагаетъ теперь вѣнское правительство чехамъ, именно: коронаваніе императора въ Прагѣ чешскимъ королемъ, отдѣльнаго министра

¹⁾ «Мы открыто заявляли въ Петербургѣ, какъ и въ Парижѣ», говорятъ они, «наше убѣжденіе, что соединеніе королевства Богеміи съ великою державою Австріею, предполагая федеративное устройство послѣдней, представляетъ самое лучшее обезпеченіе историко-политической индивидуальности нашего народа и языка». Въ Петербургѣ едва ли кто *замѣтилъ* такое заявленіе.

²⁾ «Столько мы могли узнать изъ достовѣрнаго источника, что Россія не думаетъ о присоединеніи Богеміи ни въ какомъ случаѣ».

по дѣламъ Чехіи въ послѣдствіи кабинетѣ и полную административную автономію — надо имѣть въ виду возможность добиться чего-либо лучшаго. Это лучшее не можетъ состоять для чеховъ въ раздѣлѣ австрійской монархіи, на паденіе ея они спекулировать не могутъ, потому, что, вслучаѣ ея паденія, ихъ, по всей вѣроятности, ожидало бы присоединеніе не къ Россіи, а къ Пруссіи, то-есть совершенное уничтоженіе автономіи и полная германизація, такая, какъ въ прусской Польшѣ.

На это наметнулъ ихъ представителямъ баронъ Бейстъ, если вѣрить разсказу газетъ ¹⁾. Гг. Палацкій и Ригеръ въ своей поправкѣ не опровергаютъ, что этотъ намекъ былъ имъ сдѣланъ. Они даже считаютъ нужнымъ отвѣчать на него, хотя и обращаютъ отвѣтъ разумѣется не къ министру, а къ автору разсказа, стало быть какъ бы подтверждаютъ самый фактъ. Отвѣчаютъ же они возраженіемъ очень слабымъ, ссылаясь на то, что государство, которое начертало на своемъ знамени принципъ національностей, не можетъ нарушить его въ этомъ случаѣ предъ лицомъ всей Европы. Рѣчь идетъ о Пруссіи, хотя она и не названа. Но если чехи только въ этомъ видятъ ручательство противъ своего поглощенія Пруссіею въ случаѣ паденія австрійской имперіи, то это не дѣлаетъ чести ихъ практичности. Развѣ въ Шлезвигѣ Пруссія стѣснялась нарушить провозглашаемый ею принципъ національностей? Пора, наконецъ, понять, что этотъ «принципъ», провозглашенный въ Европѣ завоевателемъ, никогда не остановитъ завоеваніе, что въ рукахъ дипломатіи безконтрольной — не что иное, какъ новый молотъ простой, грубой силы, новое оправданіе для честолюбія и вызываемыхъ имъ насилій. Въ XVI и XVII вѣкахъ дипломатія точно также ссылалась на принципъ «равновѣсія», въ XVIII на принципъ «округленія», въ первой четверти XIX на принципъ «легитимизма». Въ глазахъ дипломатіи «принципъ національностей», какъ и предшествовавшіе ему «принципы», ничего не обусловливаетъ, не ограничиваетъ, не *исключаетъ*, а только призывается въ оправданіе дѣйствій, совершенно отъ него независимыхъ.

Но если чехи не могутъ ожидать для себя лучшаго отъ расторженія Австріи, то напрасно они поступаютъ такъ, какъ будто существованіе ея для нихъ индифферентно, напрасно угрожаютъ ей крайними послѣдствіями, которыхъ сами должны бояться. Благоразуміе требуетъ, чтобы они приняли предлагаемыя имъ нынѣ относительно-выгодныя условія и послали своихъ представителей въ рейхсратъ.

Чехи требуютъ для своего королевства положенія равнаго съ Венгріею, то есть хотятъ, чтобы Богемія была соединена съ австрійскою имперіею только личной связью, въ особѣ императора-короля и ос-

¹⁾ Ему приписываютъ слова: «никакoй германскій монархъ не уступитъ Богемію».

новываютъ это требованіе какъ на «непрерывности» своего государственнаго права (Rechtscontinuität), такъ и на принципѣ національности. Они хотятъ единства Богеміи, Моравіи и Силезіи подъ короною св. Вячеслава и полной государственной обособленности этой короны (koruna česká). Но это требованіе не выдерживаетъ критики ни съ практической, ни даже съ теоретической точки зрѣнія. На практикѣ исполненіе требованія чеховъ предполагало бы переустройство всей габсбургской монархіи въ союзъ нѣсколькихъ государствъ, въ полную федерацію. Уступивъ требованію королевства Богеміи, пришлось бы уступить подобнымъ же требованіямъ королевства Иллирии, королевства Галиціи, графства Тироль, эрцгерцогства Австріи, однимъ словомъ — всѣхъ наслѣдственныхъ земель. Нѣтъ сомнѣнія, что даже нѣмецкія земли предпочли бы каждая полную обособленность; и тирольцамъ пріятнѣе было бы имѣть не губернатора, а вице-графа, не областную сеймъ, а сеймъ государственный, который могъ бы наприм. отвергнуть всѣ либеральныя преобразованія нынѣшняго министерства и оставить Тироль твердынею клерикализма, согласно съ фанатическимъ настроеніемъ его жителей.

Но такая федерація несомнѣстна съ монархическимъ образомъ правленія. Она несомнѣстна и съ ходомъ исторіи въ настоящее время. Въ то время, какъ вся Европа болѣе и болѣе группируется въ большіе военные лагеря, подъ предлогомъ націонализма, къ чему бы повело такое громкое противорѣчіе этой системѣ, какъ образованіе на Дунаѣ, Эльбѣ и Молдавѣ совершенно децентрализованной группы земель, соединенныхъ между собою только личной связью, земель разныхъ, взаимно-нерасположенныхъ національностей? Если германская федерація погибла, хотя она представляла одну національность, то долго ли могла бы продержаться федерація австрійская? Какое вавилонское столпотвореніе представляли бы всѣ эти совершенно-самостоятельные сеймы и эти десять министерствъ, которые окружали бы одного императора. Соединенные-Штаты устроены совсѣмъ иначе, но и тамъ ученіе о полной независимости, о «государственности» отдѣльныхъ штатовъ оказалось несомнѣстнымъ съ существованіемъ республики. А тутъ — монархическая, габсбургская Австрія, посреди Франціи, Пруссіи и Россіи, имѣя подъ бокомъ бочку съ порохомъ — восточный вопросъ!

Мысль о превращеніи Австріи въ федерацію, очевидно, нелѣпа; попытка къ ея осуществленію повела бы къ паденію Австріи. Тѣмъ лучше! — скажутъ намъ пожалуй; но это — другой вопросъ, о которомъ намъ нѣтъ повода говорить. Но скажутъ ли: тѣмъ лучше! чехи, которыхъ ожидаетъ прежде всего поглощеніе Пруссіею?

Ссылки на «непрерывность государственнаго чешскаго права» — простое подражаніе примѣру Венгріи и подражаніе, надо сказать, очень не-

удачное. Что венгры стояли на исторической законности, это понятно потому, что у нихъ оно было *живымъ фактомъ*, а не добытымъ изъ архивовъ преданіемъ. Венгерская законность, существованіе всего *Magyarország*'а, какъ государства, прекращено было всего одиннадцать лѣтъ, когда венгры представили свою безусловную программу ¹⁾. Чешское же «государственное право» не существуетъ на практикѣ съ начала XVI столѣтія. Это право — пока археологическое, и серьезно основывать на немъ тѣ или другія надежды — нельзя.

Западныя дѣла, въ послѣднее время, нейдутъ дальше комбинаціи различныхъ союзовъ на случай чего-нибудь неожиданнаго. Толки остановились на замыслахъ Наполеона III составить «таможенный» союзъ изъ Франціи, Голландіи и Бельгіи, въ надеждѣ, что и Франція придетъ къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ пришла Пруссія своимъ *Zollverein*, разчистившимъ путь къ послѣднимъ завоеваніямъ въ Германіи. Но въ исторіи нѣтъ общихъ рецептовъ, и то, что удалось одинъ разъ, другой разъ не удастся именно потому, что уже разъ удалось.

КОРРЕСПОНДЕНЦІА ИЗЪ БЕРЛИНА.

27 (15) іюля 1868.

Кто въѣзжаетъ въ Берлинъ черезъ Бранденбургскіе ворота (отдѣляющіе городъ отъ *Thiergarten*'а), передъ тѣмъ развертывается вдругъ широкая, оживленная улица, съ двумя рядами липъ, образующими посрединѣ бульваръ (*Unter-den-Linden*),—и на заднемъ планѣ ея справа возвышается королевскій замокъ, съ высокимъ куполомъ дворцовой церкви, а слѣва и немного далѣе четырехугольная, еще недостроенная, красивая башня. Это — башня новаго зданія городской думы, которое начали строить нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и которое стобитъ городу уже слишкомъ два милліона талеровъ. Хотя въ архитектурномъ отношеніи это зданіе далеко не совершенство, тѣмъ не менѣе оно производитъ нѣкоторое впечатлѣніе какъ своими размѣрами, такъ и пропорціональностью отдѣльныхъ частей, а также красивыми и тщательно обработанными орнаментами. Осматривая внѣшность зданія, вы сначала, быть можетъ, подумаете, что передъ вами не больше, какъ пре-

¹⁾ Периодъ «беззаконности» въ Венгріи, 1850—1861.

красный памятникъ, воздвигаемый гражданами Берлина для прославления себя и своего города; но, переходя отъ одной мысли къ другой, вы кончите тѣмъ, что придадите этому зданію болѣе широкое значеніе, не ограничивающееся предѣлами Берлина, и увидите въ немъ памятникъ гражданскаго самоуправленія вообще.

Но позвольте. Шильдбургцы, какъ говорятъ у насъ (а подъ Шильдбургомъ народный нѣмецкій юморъ разумѣетъ городъ глупцовъ), тоже строили думу и выстроили ее, только забыли окна пробить. Также можно сказать и о берлинскихъ гражданахъ, хотя они и гордятся своимъ высокими умственнымъ развитіемъ. Окно-то они, правда, не забыли пробить, но они не имѣли въ виду «ростъ» своего города, а Берлинъ-то между тѣмъ росъ да росъ, такъ что новая дума, еще недоконченная, оказывается уже слишкомъ малою;—приходится или лишать квартиры оберъ-бюргермейстера (высшаго голову), или нанять въ частныхъ домахъ помѣщенія для нѣкоторыхъ отдѣленій думскаго управленія. Этого мало, — постройка этой ратуши повела къ дефицитамъ въ городскомъ бюджетѣ, и эти дефициты не покрываются уже нѣсколько лѣтъ сряду, не смотря на то, что берлинскіе «отцы-благодѣтели» не перестаютъ ломать свои головы надъ этимъ страшнымъ вопросомъ, который и дѣйствительно можетъ поколебать городское самоуправленіе.

Самоуправленіе — прекрасное слово; въ немъ звучитъ благородная, живая струна. Однако, всмотрѣвшись по-пристальнѣе, вы найдете въ практикѣ и слабыя стороны его: иногда мнѣ кажется даже, что на европейскомъ материкѣ оно остается пока искусственнымъ растеніемъ. Какъ бы то ни было, замѣчая недостатки въ политическихъ учрежденіяхъ, мы не должны отвергать ихъ, не подвергнувъ предварительно серьезному испытанію. Пессимизмъ — самая плохая и бесполезная политика.

Дальманнъ говоритъ въ своей «Политикѣ», что баронъ фонъ-Штейнъ, освободивъ городскія общины изъ подъ административной опеки, и положивъ такимъ образомъ прочную основу для спасенія Пруссіи изъ-подъ иностраннаго ига, приобрѣлъ больше правъ на титулъ «создателя городовъ» (въ Германіи), чѣмъ древній король Гейнрихъ, строившій одни лишь крѣпости. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что изъ всѣхъ реформъ, происхожденіемъ которыхъ мы обязаны іенской катастрофѣ, ни одна не оказалась столь благотворною, какъ городской уставъ (Städte-Ordnung) 19-го ноября 1808 года. Чтобы оцѣнить этотъ уставъ по его достоинству, для этого необходимо бросить взглядъ на историческое развитіе городского управленія въ Германіи, и особенно въ Пруссіи. Большинство городовъ, находящихся теперь въ маркграфствѣ Бранденбургскомъ, приобрѣло свой общинный или городской уставъ (Gemeindevorfassung), свои цехи, своихъ магистратовъ, которыхъ граждане избирали сами, и вообще всѣ городскія учрежденія, весьма давно,

съ XII столѣтія. Всѣми этими «привилегіями» — ихъ жаловали маркграфы изъ рода Асканіевъ;—при династіяхъ баварской и люксембургской, города достигли высшей степени самостоятельности. Въ образованіи магистратовъ принимали участіе гильдіи и другіе граждане, въ гильдіи не записанные. Магистраты имѣли право на изданіе мѣстныхъ законовъ. Со вступленіемъ на престолъ Гогенцоллерновъ (1418) началась реакція. Уже въ 1515 году Іоакимъ I издаетъ особый полицейскій уставъ, обязательный для городовъ. Наслѣдники Іоакима слѣдовали по тому же пути, имѣя въ виду захватить въ свои руки верховное управленіе въ городахъ и потомъ извлечь изъ гражданъ возможно большее количество податей въ пользу государства. Городскіе совѣты были отданы въ строжайшее подчиненіе податныхъ совѣтниковъ (Steuergräthe) изъ мѣстныхъ комиссаровъ (commissarii locorum), при чемъ бывали еще высшія инстанціи — военныя палаты и палаты государственныхъ имуществъ. Однако всѣ эти стѣсненія не уничтожили еще городскихъ уставовъ, — совѣты продолжали наполняться сами собою; города удержали самосудъ и свою собственную полицію, свои попечительскія права надъ церквами и школами, и, вообще говоря, чувствовали себя хорошо, пользуясь самостоятельною общинною жизнью. Но духъ времени—сильное стремленіе королевской власти расширить предѣлы государства, нашель въ городской силѣ орудіе для своихъ цѣлей и, вдвинувъ ее въ борьбу, воспрепятствовали развитію общинной жизни. Фридрихъ Великій, не смотря на свой трезвый умъ, полагалъ, что все должно нисходить сверху посредствомъ разныхъ регламентацій, — онъ значительно усилилъ вмѣшательство государственной власти и въ конецъ истребилъ даже послѣдніе корни самоуправленія. Ни общины, ни магистраты не осмѣливались уже дѣлать какія-либо распоряженія по городскимъ дѣламъ, безъ дозволенія администраціи. Общія государственныя законы основали представительство городского общества на цехахъ и корпораціяхъ, но ихъ опредѣленія были такъ неясны и недостаточны, что не было никакого соединительнаго пункта, который могъ служить въ рукахъ гражданъ хорошимъ орудіемъ для заявленія своихъ желаній. Такимъ образомъ, все бюргерство почти цѣликомъ лишилось участія въ управленіи общинными дѣлами, и привыкло не обращать серьезнаго вниманія на все, что происходитъ въ магистратахъ;—вмѣстѣ съ разрывомъ тѣсныхъ связей, существовавшихъ прежде между думой и гражданами, исчезло и ихъ взаимное довѣріе другъ къ другу. Мало того,—граждане лишились теперь всякой возможности развивать въ себѣ способность къ обсужденію общественныхъ дѣлъ и къ цѣлесообразному употребленію городскихъ силъ на общую пользу. Въ магистратахъ появился вредный духъ равнодушія, соединеннаго съ упрямствомъ; при прежней своей незрѣлости, магистраты, обуреваемые этимъ духомъ, были окончательно парализованы въ своихъ умственныхъ и

нравственныхъ способностяхъ. Ко всему этому присоединились еще разныя другія причины, усугубившія недостатки городского управленія. Главнѣйшими изъ нихъ были: необходимость замѣщать магистратскія и полицейскія должности (если въ нихъ не требовалось отправленія судебныхъ обязанностей) инвалидами, и вмѣшательство гарнизоннаго начальства въ полицейскія и общинныя дѣла. «Солдаты—по справедливому замѣчанію Ренне въ его сочиненіи ¹⁾ о городскомъ уставѣ прусскаго государства (*Über die Gemeindeverfassung des preussischen Staats*),—солдаты не могутъ считаться членомъ бюргерства въ городѣ, онъ не что иное, какъ случайный житель города; онъ не упрочиваетъ полицейскихъ учрежденій, хотя и пользуется ихъ выгодными сторонами. Онъ не имѣетъ, поэтому, ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ дѣла городского управленія.» Но администрація не руководилась такими понятіями о правахъ, и городское управленіе, особенно въ мелкихъ городахъ, пало окончательно, ибо ни одинъ порядочный и добросовѣстный гражданинъ не соглашался занимать должности бюргермейстера (голова) или городского гласнаго (въ совѣтѣ), такъ какъ никто изъ нихъ не хотѣлъ подчиняться грубымъ приказамъ и упрекамъ, а иногда и насиліямъ со стороны мѣстнаго гарнизоннаго начальства.

Что касается до замѣщенія военными лицами гражданскихъ должностей, то оно продолжается и до сихъ поръ. Теперь еще лица, служившія въ арміи, пользуются большими преимуществами по гражданской службѣ, но они не приносятъ и части того вреда, который приносили они прежде. Эти благотворныя перемѣны въ военномъ сословіи произошли отчасти отъ того, что срокъ военной службы значительно сократился (унтеръ-офицеры, фельдфебеля и т. п. приобретаютъ право вступать въ гражданскія должности за 12-тилѣтнюю безпорочную службу), отчасти потому, что самое образованіе такъ широко распространено въ арміи, что солдаты могутъ вступать въ должности субальтерновъ и отправлять ихъ также хорошо, какъ и не-военные люди. Впрочемъ, дѣлать подобное различіе между военными и штатскими нынѣ совсѣмъ невозможно, такъ какъ въ настоящее время всякій пруссакъ, здоровый тѣломъ, обязанъ нести службу и въ арміи.

Государство Фридриха Великаго разбито Іенскою катастрофою. Военный погромъ и страшное несчастіе прервали дремоту безпечности, комфорта и пошлости. Армія была разсѣяна, государственное управленіе парализовано, чиновники разбѣжались или пошли служить побѣдителямъ. Непріятель предъявилъ громадныя требованія съ общинъ, не упуская случая придавить и угнетенное государство. Когда французы приближались къ Берлину, губернаторъ графъ Шуденбургъ приказалъ прыгнуть на улицахъ плавать, въ которомъ было слѣдующее:

¹⁾ Оно издано еще въ 1843 году.

«Король потерпѣлъ поражение въ битвѣ. Первый долгъ гражданъ — спокойствіе. Я призываю къ нему всѣхъ гражданъ Берлина!» Эта прокламація можетъ служить девизомъ старой системы. Ни одной патріотической мысли, ни одной мысли о сопротивленіи не возникло въ городахъ. Ясно было, что многія гражданскіи добродѣтели погибли, что въ городахъ исчезла всякая общность интересовъ, что утрачена уже способность приносить жертвы въ пользу общаго блага, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, государство лишилось лучшей основы — истинной любви къ отечеству. Всякій разъ, когда какому-либо городу угрожала опасность и являлась необходимость въ энергическихъ усиліяхъ для удовлетворенія потребностямъ минуты, — всегда оказывалось тогда, что существовавшее городское уложеніе не соответствовало требованіямъ новаго положенія, и приходилось все городское управление со всѣми его частями быстро передавать въ руки самихъ гражданъ. При этомъ ощущался всегда сильный недостатокъ въ твердой рѣшимости. Гражданамъ Кёнигсберга принадлежитъ честь перваго шага на новомъ пути. Старѣйшины этого города представили королю, 15 іюля 1808 года, особое прошеніе, въ которомъ изложены были всѣ недостатки тогдашняго городского устава и представленъ проектъ объ улучшеніи его; — проектъ требовалъ дать гражданамъ право общаго, законнаго представительства. Не прошло и десяти дней, какъ король передалъ этотъ проектъ государственному министру, фонъ-Шрёттеру, вмѣстѣ съ королевскимъ указомъ, въ которомъ сказано: «Такое учрежденіе есть только часть полнаго муниципальнаго устава; оно даетъ городскимъ обществамъ и ихъ представителямъ такія права, посредствомъ которыхъ они приобретаютъ дѣйствительное цѣлесообразное существованіе, и которыя не только освобождаютъ ихъ отъ бесполезныхъ стѣсненій ненужныхъ формальностей, но и оживляютъ то гражданское чувство и тотъ общественный духъ, которые были уничтожены вслѣдствіе удаленія гражданъ отъ всякаго участія въ управленіи городскими дѣлами».

На основаніи этого королевскаго указа было выработано сперва особое уложеніе для городовъ Восточной Пруссіи. Однако вскорѣ замѣтили, что и всѣ другіе города точно также нуждаются въ новомъ уставѣ. Быстрыя, но серьезныя, основательныя совѣщанія окончились, поэтому, обнародованіемъ знаменитаго городского уложенія 19 ноября 1808 года, въ введеніи къ которому сказано почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ вышеупомянутомъ королевскомъ указѣ, что законное участіе гражданъ въ управленіи городскими дѣлами должно развить и поддержать общественный духъ. Существенныя начала этого городского устава сохранились до сихъ поръ, хотя самъ уставъ подвергался нѣкоторымъ измѣненіямъ, противнымъ духу его статей и вреднымъ для самоуправленія; — и въ этомъ случаѣ бюрократія истинно возставала противъ самостоятельности гражданской жизни: дур-

ной примѣръ Франціи съ ея чрезмѣрною централизаціею и опекою, не смотря на очевидныя дурныя послѣдствія, все еще находятъ у насъ, къ несчастію, восторженныхъ подражателей. Основное начало новаго городского устава даетъ городамъ самостоятельность, какъ говоритъ Дальманъ, но не устраиваетъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ, какъ было нѣсколько столѣтій тому назадъ. Городамъ возвратили теперь все, чего ихъ лишили,—то есть, ихъ собственное хозяйственное управленіе, но имъ не дали того, что принадлежитъ государству: полицію и юстицію. Городскія общества не управляютъ уже ни пожизненными, почти наследственными членами независимыхъ корпорацій, ни государственными чиновниками, но общественными дѣятелями, которые избираются самими гражданами въ постоянно мѣняющійся городской совѣтъ. Для достиженія этихъ цѣлей, въ законѣ находятся слѣдующія постановленія. — Государству предоставляется право высшаго надзора за управленіемъ городскимъ имуществомъ, а также за тѣмъ, чтобы внутри городскихъ управленій не происходило ничего такого, что могло бы противоѣствовать государственнымъ стремленіямъ и существующимъ законамъ, и чтобы свято соблюдались постановленія городского устава. Во всѣхъ городскихъ дѣлахъ прямымъ представителемъ гражданъ является городское собраніе, члены котораго избираются гражданами, пользующимися избирательнымъ правомъ. Городское собраніе избираетъ магистратъ, члены котораго подлежатъ утвержденію со стороны правительства. Этотъ магистратъ ведетъ управленіе, а надзоръ за управленіемъ принадлежитъ городскому собранію. Особенною благотворностью вѣяло отъ прогрессивнаго, мужественнаго духа новаго уложенія. Такъ, на примѣръ, въ отдѣлѣ о правахъ членовъ городского собранія сказано: «Они не нуждаются ни въ особыхъ инструкціяхъ, ни въ полномочіяхъ отъ гражданъ, они не обязаны также отдавать отчетъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Законъ и избраніе—ихъ полномочіе; ихъ убѣжденіе и понятіе о лучшемъ устройствѣ города—ихъ инструкція;—только передъ собственною совѣстью обязаны они отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ».

Участіе въ выборахъ членовъ городского собранія не обусловливалось ни званіемъ, ни происхожденіемъ, ни вѣроисповѣданіемъ;—въ тѣ времена евреи еще не пользовались всѣми правами гражданства. Избирателями и избираемыми были, однако, только городскіе граждане, но не такъ называемые «Schutzverwandten», не получавшіе правъ гражданства. Эта разница между дѣйствительными гражданами и жителями, не пользовавшимися правомъ гражданства, истекала изъ средне-вѣкового образа мыслей; но такъ какъ и Штейнъ никакъ не могъ исполнѣ отказаться отъ всѣхъ древнихъ представленій, то и ему не показалось страннымъ лишить избирательнаго права, на примѣръ, ученыхъ, не имѣющихъ ни земли, ни какого-либо производства въ го-

родѣ. Какъ Штейну, такъ и другимъ казалось, что эти ученые люди не имѣютъ никакого интереса въ городскомъ управленіи. Новое время держится именно въ этомъ отношеніи совершенно иныхъ воззрѣній. Вначалѣ и въ продолженіи первыхъ тридцати лѣтъ, пренія членовъ городского собранія совершались не публично, какъ теперь. Какъ бы то ни было, новое устройство городского управленія принесло тѣ плоды, которыхъ отъ него ожидали. Подъ покровительствомъ монархической власти граждане приучались къ самодѣтельности, пробуждался общественный духъ, народъ привыкалъ къ практическому обращенію съ общественными дѣлами. Основное положеніе, только недавно выработанное однимъ изъ новѣйшихъ профессоровъ государственнаго права и состоящее въ томъ, что политическимъ правамъ всегда соотвѣтствуютъ и опредѣленныя обязанности,—это основное положеніе заключалось уже въ городскомъ уставѣ. Ни одинъ гражданинъ не долженъ и не смѣетъ отказываться отъ исполненія обязанностей, налагаемыхъ на него общиною въ интересахъ самоуправленія. Я припоминаю теперь одного почтеннаго и дѣятельнаго купца, избраннаго два года тому назадъ въ одну изъ городскихъ должностей. Крайне огорченный этою «помѣхою въ его дѣлахъ», онъ наивно объявилъ членамъ городского собранія, что не желаетъ занимать мѣста въ городскомъ управленіи — и досталось же ему за это! 74-й параграфъ устава объявляетъ каждаго гражданина обязаннымъ принять безвозмездную должность въ управленіи или представительствѣ города и исполнять ее три года сряду. Причинъ, по которымъ можно было бы отказаться отъ этихъ должностей, весьма немного,—хроническая болѣзнь, 60-ти-лѣтній возрастъ и т. п. Кто отказывается отъ должности не по этимъ причинамъ, того члены городского собранія могутъ приговорить къ лишенію правъ гражданства на три и до шести лѣтъ, и къ увеличенію получаемыхъ съ него прямыхъ налоговъ на одну восьмую и даже на цѣлую четверть. Противъ купца поднялась однако такая буря въ собраніи, что онъ успѣшилъ совнать свою вину и принять предложенную ему должность. Подобное чувство долга могло укрѣпиться лишь долгою привычкою въ самоуправленіи. Когда шла народная перепись, здѣсь тысячи людей готовы были принять въ ней самое дѣятельное участіе, лишь бы собрать самыя точныя цифры. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, напротивъ, послѣднюю перепись пришлось производить руками наемныхъ чиновниковъ,—и этотъ-то Франкфуртъ хвалился своимъ прозвищемъ «вольнаго города»!

Съ теченіемъ времени убѣдились, однако, какъ говоритъ Дальманъ, что не вездѣ въ Пруссіи возможно полное приложеніе городского устава 1808 года. Какъ въ приложеніи многихъ другихъ узаконеній, такъ и въ приложеніи городского устава опытъ показалъ необходимость даровать городамъ дозволеніе въ изданіи особыхъ мѣстныхъ статутовъ

(Ortsstatuten), основанныхъ на обычномъ правѣ; эти статуты становятся обязательными не иначе, какъ съ согласія правительства. Городской уставъ подвергался пересмотру два раза: въ 1831 году и въ 1853, — въ послѣдній разъ во время процвѣтанія реакціонерной системы. Какъ бы то ни было, принципъ устава сохранился, поле государственнаго надзора расширилось однако, и расширилось, конечно, такимъ образомъ, что принципъ самоуправленія потерпѣлъ нѣкоторое ограниченіе. Такъ, во время «внутренняго столкновенія» правительства съ палатою депутатовъ, утвержденіе въ городскія должности стало орудіемъ правительства противъ всѣхъ лицъ, придерживавшихся либеральныхъ воззрѣній. Не смотря на то, можно съ положительностью надѣяться, что со вступленіемъ въ управленіе перваго либеральнаго министерства, принципъ самоуправленія будетъ возстановленъ снова въ полной силѣ.

Величавое зрѣлище весьма высоко развитаго самоуправленія представляетъ, само собою разумѣется, городъ Берлинъ, жители котораго, какъ по своимъ богатствамъ такъ и по образованію, весьма способны къ рѣшенію трудныхъ задачъ городского управленія. Во главѣ берлинскаго управленія стоитъ магистратъ, состоящій изъ оберъ-бюргермейстера, бюргермейстера и 32 городскихъ совѣтниковъ, половина которыхъ состоитъ на жалованьи. Магистрату въ помощь, въ качествѣ контролирующей власти, придано городское собраніе, члены котораго, не пользуются никакимъ вознагражденіемъ. Для этихъ обоихъ учрежденій образуются депутаціи центральнаго управленія, во главѣ котораго поставленъ городской совѣтъ. Эти депутаціи суть: для призрѣнія бѣдныхъ, для управленія школами, для постоянной и другихъ военныхъ повинностей, для осмотра мастерскихъ и разныхъ заведеній, для проложенія и расширенія улицъ, для кладки тротуаровъ, для приготовленія горючихъ матеріаловъ, для запаса матеріаловъ на топку печей, для содержанія улицъ въ чистотѣ и порядкѣ, депутація лѣсоводства и сельскаго хозяйства, финансовая депутація, бюджетная депутація, попечительство о городскомъ освѣщеніи, опека надъ городскими сберегательными кассами, попечительство гимнастическихъ упражненій въ городѣ, комиссія для завѣдыванія народными читальнями, и комиссія для набора рекрутъ; — кромѣ того, есть еще 20 разныхъ комиссій для управленія разными благотворительными учрежденіями. Къ этимъ центральнымъ управленіямъ примыкаютъ мѣстныя. Во-первыхъ, городъ раздѣленъ на участки (Stadtbezirke), число которыхъ постоянно возрастаетъ по мѣрѣ расширенія города и доходитъ теперь до 210. Въ каждомъ участкѣ есть четыре лица, служащихъ безвозмездно городу, это: участковый смотритель (Vorsteher), депутатъ участка, участковый судья и участковый членъ городского собранія. Всѣ они принимаютъ на себя обязанность давать свидѣтельства о годности и

состояніи здоровья отдѣльныхъ жителей своего участка. Одинъ или два, а иногда и три городскихъ участка даютъ еще по одной комиссіи для призрѣнія бѣдныхъ, — число этихъ комиссій доходитъ до 116, и состоятъ онѣ обыкновенно изъ двухъ лицъ, тоже не получающихъ никакого жалованья: изъ надзирателя за бѣдными и надзирателя за сиротами. Городъ дѣлится еще на 61 участокъ для врачебнаго призрѣнія бѣдныхъ; всѣ врачи получаютъ жалованье. Изъ этого очерка ясно, какую массу труда исполняютъ сами граждане безвозмездно въ дѣлѣ городского управленія. Еслибъ опредѣлить сумму этихъ работъ въ деньгахъ, то мы получили бы цифру весьма почтенную. Какъ бы то ни было, не въ этихъ сбереженіяхъ — если ихъ можно назвать сбереженіями — замѣчается главное достоинство и драгоцѣнность самоуправления, но въ той особенной формѣ труда (совершенно отличной отъ бюрократической), которая развиваетъ въ гражданахъ наклонность къ общественной дѣятельности, составляющей неизбежное основное условіе всякаго политическаго развитія. Можно лично видѣть, какъ простой бюргеръ, какойнибудь купецъ или виноторговецъ, просидѣвшій лѣтъ пять или десять въ городскомъ собраніи, приобретаетъ часто такія административныя способности, что передъ ними блѣднѣетъ ученое образованіе чиновниковъ, специально готовившихся къ административной дѣятельности и политической жизни. Считаю нужнымъ прибавить, что полиція и пожарная команда причислены здѣсь не къ городскому управленію, а къ государственному, — въ мелкихъ городахъ и эти обѣ отрасли городского хозяйства переданы въ вѣдѣніе общиннаго управленія.

Основа городского управленія, въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ только что описалъ, могутъ быть сопоставлены съ англійскимъ self-government, и изъ этого сопоставленія весьма удобно показать ихъ особенное развитіе и характеристическія черты. Въ Англии вовсе не знаютъ разницы между городомъ и деревнею; въ Германіи разница между ними громадная, такъ какъ сельское самоуправленіе, истекая изъ феодализма, послѣдніе слѣды котораго все еще не стерты, развивалось до сихъ поръ весьма туго и несовершенно. Саксонцы строились не деревнями, но дворами, которые соединялись въ Markgemeinde, иногда весьма большихъ размѣровъ. Англійская деревня, поэтому, не то, что нѣмецкая или славянская, которая имѣютъ органическое существованіе. Дѣйствительныя крестьянскія деревни — говоритъ Финель въ своемъ превосходномъ сочиненіи объ англійской конституціи («Verfassung Englands»), — великая рѣдкость въ Англии. Нынѣшнія англійскія деревни заселены, главнымъ образомъ, вовсе не крестьянами, но рабочими всякаго рода, наемными земледѣльцами, фабричными рабочими, а также фермерами и домовладѣльцами, занимающимися сельскимъ хозяйствомъ. По этой самой причинѣ въ словарѣ Уэбстера слово де-

ревня — *village* — обозначается такъ: «Деревня есть нѣкоторое число домовъ (меньшее чѣмъ въ городѣ), обитаемыхъ фермерами и рабочими». Такое опредѣленіе не говоритъ ничего опредѣленнаго. Городомъ, *town*, по Уебстеру можно назвать такое собраніе домовъ, которое обуславливаетъ возможность рынка. Наконецъ, «*city*» называется такой большой городъ, въ которомъ въ прежнія времена имѣли свое пребываніе епископы. Итакъ, какъ города такъ и деревни въ Англии суть только экономическія единицы. Многія изъ нихъ, подобно одинокимъ деревнямъ, вдвинуты въ управленіе графствъ (*county*) и управляются тамошними властями. Подъ графствомъ разумѣется сельскій округъ. Другіе города исключены изъ графствъ и обладаютъ, поэтому, муниципальными корпораціями. До билля о реформѣ въ англійскомъ общинномъ управленіи господствовалъ аристократическій характеръ. Въ графствахъ землевладѣческая *gentry* пользовалась исключительнымъ правомъ отправлять мѣстное самоуправленіе. Въ городахъ, какъ и въ церковныхъ приходахъ, управленіе перешло мало по малу въ руки олигархіи мелкихъ кликъ. Значительное число гражданъ не принимало никакого участія въ городскомъ управленіи. При этомъ и число наемныхъ высшихъ чиновниковъ было весьма ограниченное, такъ что, почти всѣ должности въ городскомъ управленіи были почетныя. Дѣятельность мѣстнаго управленія состояла главнымъ образомъ въ отправленіи правосудія, въ устройствѣ полиціи охранительной и промышленной, и въ призрѣніи бѣдныхъ. Послѣдняя дѣятельность возлагалась вездѣ на приходъ и сельскихъ властей, она никогда не подлежала вмѣшательству городовъ, пользовавшихся самостоятельными муниципальными учрежденіями. Со времени билля о реформѣ призрѣніе бѣдныхъ перестало быть дѣломъ церковныхъ приходовъ; оно перешло въ вѣдѣніе бюрократически централизованныхъ, спеціальныхъ учреждений. Тоже самое случилось и съ общественнымъ попечительствомъ о здоровьѣ, съ опрятностью на улицахъ и т. п. Всѣ эти новыя интересы и обязанности мѣстнаго управленія, вызвали вездѣ новыя мѣстныя учрежденія, которыя или существуютъ одновременно съ старыми учрежденіями, или вполне замѣнили ихъ. Это превращеніе обратило на себя особенное вниманіе Фншеля, и онъ говоритъ о немъ слѣдующее: — «Вездѣ, гдѣ самоуправленіе пришло въ упадокъ, гдѣ ослабѣлъ общественный духъ, вмѣсто церковныхъ приходовъ является парламентское законодательство и социальная бюрократія. Эта новая бюрократія основана на принципѣ болѣе или менѣе демократическихъ выборовъ. Избирателемъ и теперь въ большей части случаевъ считается церковный приходъ, но онъ уже есть не что иное, какъ соединеніе всѣхъ плательщиковъ податей, живущихъ въ одномъ приходѣ, — всѣ они, безъ различія въ религіи, пользуются всѣми правами въ одинаковой степени. Результатомъ этой истины является, главнымъ

образомъ, значительное число временныхъ или пожизненныхъ чиновниковъ, состоящихъ на жалованьи. Духъ среднихъ классовъ современной Англiи понимаетъ подъ «self-government» свое собственное участіе въ выборахъ и отправленіе дѣйствительныхъ функций самоуправленія черезъ наемныхъ людей, между тѣмъ какъ основой общественнаго самоуправленія въ древности считалось даровое отправленіе общественныхъ должностей. Между избирателями и избираемыми нѣтъ прямой дѣйствительной связи, [такъ какъ новые чиновники ведутъ свое управленіе по большей части путемъ тайныхъ совѣщаній. Участіе въ выборахъ, поэтому, слабѣетъ, и выборъ падаетъ на лицъ извѣстныхъ котерій. Все это ведетъ къ тому, что мѣстныя власти теряютъ довѣріе въ обществѣ; однако, зло, истекающее изъ такого положенія вещей, приписывается обыкновенно не недостаточной самодѣятельности гражданъ, а только служить поводомъ къ дальнѣйшему умноженію бюрократіи.

Это сужденіе есть приговоръ. Какъ древнимъ римлянамъ, во времена упадка, не нравилось тяжелое вооруженіе, и они, поэтому, предпочитали идти открытою грудью противъ непріятеля—ибо недостатка въ мужествѣ у нихъ никогда не было,—такъ и нынѣшнимъ англичанамъ слишкомъ тяжело становится подъ древнимъ, неуклюжимъ самоуправленіемъ. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, и въ эту область человѣческой дѣятельности не внести принципа раздѣленія труда, давашаго столь благотворные результаты во всѣхъ другихъ областяхъ? Купецъ, фабрикантъ, врачъ, зарабатывая ежечасно по два фунта стерлинга, поступаетъ—какъ оно кажется съ перваго взгляда—весьма неблагоразумно, если рѣшится употребить часть своего времени на отправленіе общественныхъ дѣлъ, которыя и безъ него могутъ быть прекрасно, и даже лучше исполнены за нѣсколько шиллинговъ, отдаваемыхъ наемному чиновнику, специально занимающемуся общественными дѣлами. Но это только такъ кажется. Чиновники эти, правда, выборные,—они, повидимому, вполне зависятъ отъ своихъ избирателей, но тѣмъ не менѣе современемъ они станутъ своего рода начальствомъ. Законы политики не то, что законы общества или политической экономіи. Человѣкъ же прежде всего животное политическое, какъ назвалъ его Аристотель — *Zōon politikon*. Превосходно, хотя и нѣсколько неудобопонятнымъ слогомъ изложены основныя положенія политическаго развитія въ недавно обнародованномъ сочиненіи Юсіфа фонъ-Гельда: «Основанія общаго государственнаго права» (*Grundzüge des allgemeinen Staatsrechts*. Leipzig, 1868, bei Brockhaus). Авторъ не причисляетъ себя ни къ одной изъ существующихъ политическихъ партій, но беретъ за всѣ политическія явленія разомъ, чтобы извлечь изъ нихъ самостоятельныя заключенія, независимыя отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ теорій. Вполнѣ обладая всѣмъ научнымъ матеріаломъ,

онъ приходитъ къ выводамъ отчасти крайне консервативнаго свойства, отчасти крайней лѣвой стороны. Постараюсь передать вкратцѣ развитіе авторской мысли. «Политическое право — говорить онъ — мыслимо только въ государствѣ, какъ исполненіе государственныхъ обязанностей. Мѣра политическихъ правъ опредѣляется, поэтому, степенью способности и желанія принять и исполнять политическія обязанности. Человѣкъ несетъ въ себѣ двойную природу: *свободную или индивидуальную* и *прикрьпленную или общественную*; эти оба свойства проникаютъ человѣка во всѣхъ направленіяхъ въ продолженіи всей его жизни. Такъ какъ общественная личность человѣка заключаетъ въ себѣ еще государственную или политическую личность, и человѣческую или международную, то является тройная сущность и тройная личность человѣка. Въ государственномъ правѣ мы имѣемъ дѣло только съ двумя личностями человѣка: *persona publica* и *persona privata*—личность политическая и личность общественная. Политическая личность имѣетъ нѣсколько степеней. Управляемые и управляющіе въ государствѣ различаются только по большей или меньшей степени политическаго характера своей личности, такъ какъ и тѣ и другіе, какъ личныя звенья государства, имѣютъ въ сущности одно и тоже положеніе въ государствѣ. Между этими двумя категоріями людей нѣтъ никакого противоположенія; занимая одно и тоже положеніе въ государствѣ, они представляютъ только одно отличіе, основанное на порядкѣ, который опредѣляется положительнымъ закономъ соразмѣрно съ политической способностью и соответствующимъ ей политическимъ управленіемъ, политической обязанностью. Это отличіе потеряло значительную долю своего значенія вслѣдствіе истинно самостоятельной (*selfgovernmentale*) дѣятельности гражданъ (которая есть не что иное, какъ расширеніе и увеличеніе *personæ publicæ*), основаніемъ которой послужили конституціонныя уложенія, и которыя, въ силу стремленій нашего времени, продолжаютъ расширяться и распространяться. Единую и нераздѣльную дѣятельностью въ юридическомъ смыслѣ можно признать только правительственную дѣятельность монарха въ неограниченной монархіи. Всѣ прочіе виды участія въ жизненной дѣятельности государства, какъ бы многообразны они ни были, имѣютъ ту общую отрицательную черту, что они не царственны (*soverain*) въ юридическомъ смыслѣ, хотя и составляютъ по общему принципу государственной обязанности нѣчто единое съ общественною дѣятельностью главы государства.»

«Если такимъ образомъ отличить, по нынѣшнему праву культурныхъ государствъ, государственную личность неограниченнаго монарха отъ государственной личности каждаго гражданина въ государствѣ, то можно послѣднихъ, по ихъ политической личности, разбить на три класса. Первый классъ заключаетъ въ себѣ тѣхъ, которые нашли при-

звание своей жизни въ исполненіи общественныхъ обязанностей (государственные чиновники) внутри государственной организаціи, и дѣятельность которыхъ требуетъ особой технической подготовки. Ко второму классу принадлежатъ тѣ, которые принимаютъ активное участіе, тоже для извѣстнаго рода политическихъ организацій, въ государственныхъ дѣлахъ, а именно, въ законодательствѣ, правосудіи и правленіи, — это такъ называемое *активное, полное* государственно-гражданское право (*actives, volles Staatsbürgerrecht*). Наконецъ, третій классъ гражданъ образуютъ всѣ лица, пассивное участіе (повиновеніе законамъ, военная служба и обязанность нести налоги) которыхъ определено закономъ, между тѣмъ, какъ активная дѣятельность ихъ на пользу государства остается въ юридическомъ смыслѣ неопредѣленною или опредѣленною лишь посредственно, напримѣръ путемъ охраненія и конституціонной защиты гарантированныхъ въ силу государственнаго уложенія общихъ правъ или особыхъ правъ отдѣльнаго сословія, — это такъ называемое *неполное пассивное* государственно-гражданское право (*unvollständiges, passives Staatsbürgerrecht*). Но членамъ этого класса людей, составляющихъ низшую ступень государственной личности (*persona publica*), не воспрещается вступленіе въ который-либо изъ высшихъ классовъ. Исходя изъ идеальной точки зрѣнія, нельзя не признать, что характеръ второго класса соответствуетъ всего лучше органической государственной идеѣ и идеѣ объ отношеніи человѣка къ государству. Здѣсь именно мы видимъ въ одномъ и томъ же недѣльномъ обѣ личности — государственную и общественную — активно соединенныя другъ съ другомъ и въ полномъ равновѣсіи между собою. Характеристическая черта нашего времени состоитъ въ томъ, что оно старается по возможности расширить предѣлы второго класса на счетъ остальныхъ двухъ, и оно достигнетъ этого посредствомъ сокращенія бюрократическихъ должностей и расширеніемъ самостоятельной гражданской дѣятельности, т. е. облегченіемъ условій, необходимыхъ для этой дѣятельности.»

Я предоставилъ автору развивать свои мысли, насколько возможно, его собственными словами. Его опредѣленія, кажется, охватываютъ общность и каждое отдѣльное явленіе политическаго развитія гораздо лучше, чѣмъ опредѣленія другихъ писателей. Но, что особенно важно въ его разсужденіяхъ, это идея самоуправленія, красною ниткою прошивающая всю его книгу, приложимая къ настоящему положенію вещей. Исторія постоянно учила насъ, что народы, подобно отдѣльными личностямъ, бываютъ юными, становятся зрѣлыми и наконецъ достигаютъ періода дряхлости, періода убывающей энергіи, послѣ котораго они исчезаютъ, уступая свое мѣсто другимъ, — что, слѣдовательно, слово: «вѣчно», также мало примѣнимо къ государствамъ и народамъ, какъ и ко всякой другой земной твари. Я почти убѣжденъ

въ томъ, что всякій народъ доходитъ до высшей точки развитія и переступаетъ ее въ то самое время, когда онъ, достигнувъ высшей степени самоуправленія и, пользуясь имъ въ продолженіи вѣковъ, добровольно отрывается отъ него, какъ это мы видимъ теперь въ Англіи.

Кромѣ самоуправленія, въ развитіи народа имѣютъ не менѣе глубокое значеніе церковь и школа. Какъ разъ въ настоящее время эти обѣ области общественной дѣятельности въ Пруссіи переживаютъ серьезный кризисъ. Въ настоящую минуту, можно сказать, борцы противоположныхъ партій успѣли нанести и получить множество ударовъ, но публика не обращала на нихъ нивакого вниманія; публика ждала энергическаго слова или благой вѣсти. Наконецъ, послѣ церковныхъ споровъ, выступилъ проповѣдникъ Кнакъ, и всѣ обратили свои взоры и слухъ къ этому странному человѣку. Кнакъ рѣшительно объявилъ, что онъ вѣритъ въ неподвижность земли и въ движеніе солнца.—На школьномъ поприщѣ всѣхъ пробудило рѣшеніе парламента ввести во всѣ государства сѣверной Германіи десятичную систему мѣръ и вѣсовъ,—всѣ вспомнили по этому поводу, что «учебныя правила» (regulative) 1854 года самымъ положительнымъ образомъ воспретили преподавать десятичное счисленіе въ учительскихъ семинаріяхъ; теперь же съ десятичною системою должны ознакомиться всѣ, даже самые необразованные люди.

По уставу евангелической церкви въ Пруссіи, каждая епархія (Diocese) имѣетъ свой самостоятельный органъ — синодъ, то есть, собраніе, составляющееся въ извѣстные промежутки времени изъ духовныхъ лицъ епархій и такого же числа избранныхъ членовъ изъ прихожанъ — церковныхъ старшинъ. Всѣ эти окружные синоды (Kreissynod) подчиняются провинціальнымъ синодамъ (Provinzialsynod). Король Фридрихъ Вильгельмъ IV имѣлъ въ виду подвести провинціальныя синоды еще подъ одинъ общій сѣздъ — генеральный синодъ (Generalsynod), но эта мысль осталась на бумагѣ, такъ какъ и провинціальныя-то синоды еле-еле существуютъ. По всей вѣроятности, три четверти берлинскихъ жителей даже не знали вовсе, что въ Берлинѣ есть нѣчто въ родѣ синодовъ. Фридрихсвердерская епархія (такъ называется она по имени острова на рѣкѣ Шпрее и по имени городского квартала, къ которому причисляется островъ) вмѣщаетъ въ себѣ часть Берлина, населенную знатными и богатыми людьми. Духовенство этой епархій частію состоитъ изъ людей, придерживающихся либеральнаго образа мысли, частію изъ лицъ стараго закала. 29 октября 1867 года было обычное полугодное собраніе синода, на которомъ одинъ изъ либеральнѣйшихъ священниковъ, проповѣдникъ Лиско (Lisco) представилъ

предсѣдателю годовой отчетъ о церковномъ и нравственномъ состояніи синодальнаго округа. Этотъ отчетъ, впоследствии обнародованный ¹⁾, есть трудъ, который сдѣлалъ бы честь каждому статистику, каждому историку и каждому философу. Имѣя подъ рукою всѣ вспомогательныя средства, требуемыя для научныхъ изслѣдованій, авторъ успѣлъ представить находившійся у него сырой матеріалъ въ самой совершенной формѣ и съ изумительною ясностью. Начиная съ воспоминаній о 1866 годѣ, когда Берлинъ выслалъ на войну 25,000 чело- вѣкъ своихъ жителей, отчетъ обращается сперва къ топографическимъ отношеніямъ епархіи, потомъ опредѣляетъ имущество и жилище обывателей, семейныя отношенія (браки и разводы), отношенія между господами и слугами, работодателями и рабочими; отчетъ описываетъ народныя увеселенія (прогулку, въ театрахъ, на лекціяхъ), описываетъ сиротскую опеку и состояніе тюремъ, и наконецъ берется даже за «соціальное зло», какъ называютъ англичане проституцію. Всѣ эти отдѣлы содержатъ въ себѣ много поучительнаго и возбуждающаго душевную тревогу, въ каждомъ изъ нихъ есть дѣльныя совѣты,—вся книга вообще проникнута теплымъ религіознымъ и патріотическимъ чувствомъ и оканчивается весьма замѣчательными заключительными словами:— «Уже нѣсколько десятилѣтій сряду политика занимаетъ первое мѣсто во всѣхъ интересахъ жизни, и намъ трудно уже припомнить то время, когда это мѣсто принадлежало интересамъ литературнымъ, художественнымъ или религіознымъ. Мы признаемъ преобладаніе государственныхъ интересовъ надъ всѣми другими въ настоящую минуту какъ фактъ, имѣющій свои причины въ исторіи и состояніи всего нашего отечества. Но можно ли оправдывать также то, что значительная часть высокообразованныхъ людей, принимая участіе отчасти теоретическое, а также и практическое, въ великихъ политическихъ вопросахъ дня, робко отступаетъ назадъ всякій разъ, когда ихъ приглашаютъ обсуждать и рѣшать важнѣйшія дѣла гражданской или церковной общины? Не кроется ли въ этомъ явленіи остатокъ того легко пристающаго къ намъ идеализма, послѣдній ударъ которому нанесенъ Кёниггрецкою битвой? Эта побѣда помогла намъ устранить безстыдное господство фразы; она могла бы принести намъ величайшее благо, еслибъ, пробудивъ однажды народное сознаніе, доказала намъ, что въ новомъ зданіи нѣмецкаго государства каждый гражданинъ въ отдѣльности долженъ принимать участіе и въ мелкихъ отношеніяхъ общественной или общинной жизни. Мы много выиграли бы, еслибъ могли убѣдиться, что пора зарыть ту пропасть, которая отдѣляетъ образованные слои народа отъ того, что называется «на-

¹⁾ Zustände des sittlichen und kirchlichen Lebens in Berlin, dargestellt von Gustav Lisso. Berlin, 1868. Verlag von Franz Lobeck.

родомъ» въ узкомъ смыслѣ слова; мы приобрѣли бы тогда самое энергическое средство провести по всѣмъ вышеупомянутымъ отношеніямъ христіанскій духъ, который, правда, прикоснулся къ нимъ отчасти, но еще далеко не вносить туда той чистоты, которая необходима для этихъ отношеній».

Вторая часть отчета посвящена изображенію церковной жизни въ епархіи, и здѣсь-то Лиско пользуется случаемъ, чтобы прямо напасть на противниковъ защищаемаго имъ либеральнаго направленія въ церкви. Онъ жалуется на тотъ вредъ, который терпитъ церковь вслѣдствіе того, что въ ней оспаривается право свободнаго изслѣдованія. «Число юныхъ богослововъ возрастаетъ весьма слабо, умнѣйшія головы рѣдко посвящаютъ себя на службу церкви. Нашъ городъ, наша епархія даетъ на службу церкви крайне незначительное число юношей. Причины этого явленія, насколько онѣ не коренятся въ матеріалистическомъ направленіи времени, служатъ всѣмъ намъ упрекомъ, и этотъ упрекъ, къ нашему глубокому огорченію, истекаетъ изъ сужденій серьезно-мыслящихъ людей. Они желали бы видѣть своихъ сыновей людьми, приверженными къ наукѣ, нестѣсненными въ совѣсти и живущими согласно съ своими убѣжденіями. Они увѣрены, что всего труднѣе достигается эта цѣль на духовномъ поприщѣ. Ни въ одной профессіи не видятъ они такой сильной опасности для молодого ума,—они опасаются умственной ограниченности, внутренней лжи и сознательнаго лицемерія. Вотъ почему вездѣ, во всѣхъ слояхъ просвѣщенной части общества господствуетъ скрытное или гласное отвращеніе отъ духовной профессіи. Какъ жаль, что это такъ!»

Но не это, а другое мѣсто въ отчетѣ послужило поводомъ къ самымъ жестокимъ препирательствамъ. Въ какомъ положеніи, спрашиваетъ авторъ, находится теперь христіанское ученіе? и отвѣчаетъ на это: «теперь уже разбито то простое религиозное міросозерпаніе, которое столь глубоко удовлетворяло души нашихъ отцовъ, когда они смотрѣли на міръ въ зеркало клопштоковской поэмы; могущественный культурный процессъ унесъ это міросозерпаніе. Естественныя науки замѣнили библейское изображеніе міра своимъ собственнымъ, въ которомъ нѣтъ мѣста чудесамъ, идущимъ наперекоръ мировымъ законамъ. Съ изумительнымъ смиреніемъ, далеко превосходящимъ всякое смиреніе богословія, наука показала всю недостаточность человѣческаго познанія къ полному уразумѣнію Вѣчнаго и Безконечнаго, — она научила понимать, что все, чтó возможно сказать о Богѣ, есть лишь изображеніе и подобіе той дѣйствительности, которая не можетъ быть уловима въ словахъ и мысляхъ, и этимъ самымъ опредѣленіемъ она отняла почву изъ-подъ религиознаго фанатизма. Критика и исторія научили смотрѣть на религиозное развитіе человѣчества и на библейскіе факты съ новой точки зрѣнія, при новомъ освѣщеніи. Нѣ-

мецкій народъ смѣется надъ мыслью о пришествіи такого великана, который могъ бы поворотить вспять этотъ научный складъ мысли. Во всякомъ случаѣ старое религиозное міросозерданіе еще не замѣнилось новымъ, столь же общимъ для всѣхъ, какъ и прежде; — въ настоящее время до одинаковаго убѣжденія дошли только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ: въ вѣрѣ въ вѣчную мудрость и любовь небеснаго Отца, въ вѣрѣ въ такъ или иначе выраженное религиозно-нравственное величіе Христа, въ вѣрѣ въ пришествіе царствія божія. Что наши прихожане чутко встаютъ противъ всякой пасторской опеки, любятъ смотрѣть на вещи своими собственными глазами, и имѣютъ склонность вырабатывать свое собственное религиозное убѣжденіе, иногда противное предписаніямъ древне-христіанской религіи и не одобряемой церковью, — во всемъ этомъ всѣ мы видимъ, надѣюсь, лишь простое пользованіе протестантскимъ правомъ».

Противъ этого отрывка посыпались возраженія тотчасъ по прочтеніи отчета, но особенно сильный шумъ поднялся противъ него, когда отчетъ явился въ печати и притомъ озаглавленный «синодальнымъ отчетомъ». 29 апрѣля было новое собраніе синода, въ которомъ обѣ стороны вступили въ горячій споръ, при чемъ большинство собранія представило особое объясненіе, въ которомъ прямо сказано, что церковная кафедра должна быть закрыта для ученій, проповѣдуемыхъ Лиско, и что поэтому — неужгодно ли Лиско отказаться отъ пасторскаго званія. Среди горячаго спора о томъ мѣствѣ, гдѣ сказано, что наука разрушила библейское воззрѣніе на міръ, Лиско вдругъ обратился къ самому отъявленному изъ своихъ противниковъ, Кнаку, и спросилъ его — не хочетъ ли онъ доказать по библіи, что земля стоитъ и что солнце движется вокругъ земли. Кнакъ отвѣчалъ на это: «да, желаю». Только это заявленіе, появившееся сперва въ евангелической церковной газетѣ («Kircherzeitung») вмѣстѣ съ отчетомъ о синодальныхъ преніяхъ, и потомъ перепечатанное въ политическихъ изданіяхъ, возбудило всеобщее вниманіе публики къ тому, что происходитъ въ синодахъ. Въ этомъ заявленіи, впрочемъ, не было ничего особеннаго, такъ какъ суперинтендентъ Францъ въ Зангергаузенѣ еще недавно серьезно требовалъ удалить изъ школьныхъ книгъ всякія объясненія коперниковой міровой системы. Какъ бы то ни было, публика поднялась на ноги, умѣренные либералы вступились за Лиско, консисторія (состоящая на половину изъ духовныхъ лицъ, на половину изъ свѣтскихъ) приняла выжидательное положеніе, порицая Лиско за то, что онъ спросилъ Кнака, и Кнака за то, что онъ далъ свой отвѣтъ, надѣлавшій столько шуму, и наконецъ пустились въ крайне раціоналистическое толкованіе чуда, совершеннаго Иисусомъ Навиномъ. Затѣмъ послѣдовали еще нѣкоторыя объясненія съ обѣихъ

сторонѣ, и споръ перешель бы въ архивъ, если бы не начались новыя вспышки на двухъ другихъ мѣстахъ.

Я не стану обременять васъ подробностями этой борьбы, но не могу не остановиться на одномъ вопросѣ большой важности. Всѣ, кто желаетъ замѣть истинную причину спора и значеніе его, говорятъ обыкновенно: «Коперникова міровая система доказана, *насколько вообще доказываются подобныя вещи,*» что собственно значить, что въ дѣйствительности она все-таки не доказана, и что есть, во всякомъ случаѣ, вѣроятность, что въ ней кроется заблужденіе. Какъ бы то ни было, она доказана только для астрономовъ, а не-астрономы лишь *вѣрятъ* астрономамъ, какъ вѣрятъ христіане въ догматы своей религіи. Это мнѣніе безпрестанно повторяется въ «Крестовой Газетѣ» и сроднымъ ей органамъ здѣшней печати, — и это, конечно, въ порядкѣ вещей; но изумительно, что такой развитой человѣкъ, какъ Лекки (Lecky), въ своей «History of the rise and influence of Rationalism in Europe» (два тома), о которой я поговорю ниже, — тоже стоитъ почти на той же точкѣ зрѣнія. Въ его превосходномъ изслѣдованіи о природѣ «мнѣній», онъ замѣчаетъ, что еслибъ въ обществѣ обыкновенныхъ образованныхъ людей кто-нибудь сталъ спорить противъ движенія земли или кровообращенія по жиламъ, его возраженія приняли бы съ насмѣшками, «хотя весьма вѣроятно, что нѣкоторые изъ слушателей не могли бы доказать справедливость первой истины, и что только немногіе изъ нихъ привели бы факты въ пользу послѣдней». Вы можете — такъ объясняетъ онъ сущность этого явленія — не доказать вашего положенія, «но вы убѣждены, что въ извѣстные періоды исторіи объ этихъ предметахъ были важные споры и что эти споры порѣшены были извѣстными писателями, которые привели доказательства и опыты въ подтвержденіе вашихъ истинъ, и что эти доказательства и опыты были признаны всѣмъ ученымъ міромъ окончательными и рѣшительными». Это объясненіе невѣрно. Научныя истины становятся всеобщими не потому вовсе, что ихъ *однажды* доказывали, но потому, что эти доказательства повторялись потомъ ежедневно во всѣхъ наукахъ, во всѣхъ изслѣдованіяхъ и во всемъ развитіи всего міра, а также потому, что онѣ могутъ быть доказаны всѣмъ и каждому во всякое время. Кто не допускаетъ этого, тотъ оспариваетъ превосходство человѣческаго разума надъ человѣческимъ чувствомъ и долженъ, если желаетъ быть хоть сколько-нибудь послѣдовательнымъ и вести свое сомнѣніе далѣе, дойти до положенія чисто древнегреческаго скептика, который вовсе не допускалъ никакой доказатель-

ности, для котораго все было одно лишь *представленіе* и не было ни какой реальности.

Второе заблужденіе въ пониманіи нынѣшняго движенія заключается въ утвержденіи многихъ, что оно возбуждено агитаторами и имѣеть цѣлью возбудить интересъ къ политическимъ дѣламъ, къ которымъ, въ послѣднее время, что-то охладѣли. Это неправда. Нынѣшнее движеніе есть скорѣе слѣдствіе тридцатилѣтней скрытной агитаціи реакціонерной партіи въ области церковныхъ дѣлъ и такой же агитаціи (лѣтъ 20 сряду) въ области народнаго образованія. Первая изъ нихъ даетъ себя знать теперь въ появленіи строго *мютерскаго* направленія въ евангелической церкви. Но о подробностяхъ этого явленія говорить не стану, и перехожу прямо къ школамъ. И здѣсь только «особенный случай» обратилъ вниманіе общества на такія вещи, которыми прежде никто не занимался. Сѣверо-германскій парламентъ принялъ десятичную систему въ основаніе нѣмецкихъ мѣръ и вѣсовъ. Кому нужно знать мѣры и вѣсы, долженъ, поэтому, познакомиться съ десятичною системою, — а кому этого не нужно? Заговоривъ о десятичной системѣ, заговорили и о томъ, что регулятивъ 1-го октября 1854 года о преподаваніи въ учительскихъ семинаріяхъ запрещаетъ, какъ упомянуто выше, преподаваніе десятичнаго счисленія, допуская его только въ *исключительныхъ* случаяхъ, «гдѣ положеніе семинаріи и провинціи служатъ къ тому рѣшительнымъ поводомъ.» Нигдѣ нелѣпость и неблагоразуміе бюрократическихъ распоряженій не доказываются съ такою поразительною ясностью, какъ въ этомъ случаѣ. Разсуждаютъ о томъ, слѣдуетъ ли обучать будущихъ народныхъ учителей такому-то предмету и приходятъ къ отрицательному рѣшенію; но не проходятъ и 15 лѣтъ, какъ знаніе этого предмета становится почти обязательнымъ не только для учителей, но и для людей совершенно безграмотныхъ.

Вскорѣ узнали, впрочемъ, что въ 1859 году, во время либеральнаго министерства Гогендоллернъ-Шверинъ-Ауэрсвальда, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, Беллингъ-Хольвегъ, отложилъ это распоряженіе. Тѣмъ не менѣе, этимъ объясненіемъ не удовлетворились и стали серьезно разбирать сущность и вліяніе регулятива, подъ давленіемъ котораго воспитывались 14 лѣтъ сряду народные учителя. Регулятивъ 1) — плодъ высшей степени реакціи, господствовавшей въ

1) *Die drei preussischen Regulative vom 1, 2, und 3 October 1854. Im amtlichen Auftrage zusammen gestellt und zum Druck befördert von F. Stiehl, Geh. Oberregierungs-rath, etc. Восьмое изданіе. Berlin 1868. Wilhelm Hertz.*

Actenstücke zur Geschichte und zum Verständniss der preussischen Regulative, von F. Stiehl, 1855.

Пруссія послѣ бурныхъ 1848—49 годовъ. Въ то время Сталь, вождь консерваторовъ, говорилъ: «Кому принадлежитъ школа, тому и будущность»; — министръ народнаго просвѣщенія, Раумеръ, не пропустилъ этихъ словъ мимо ушей и нашелъ преданнаго исполнителя своихъ предписаній въ тайномъ совѣтникѣ Стилѣ. Въ первыхъ числахъ октября 1854 года обнародованы всѣ три регулятива, изъ которыхъ первый занимается преподаваніемъ въ учительскихъ семинаріяхъ, второй — въ такъ называемыхъ «Präparanden» — приготовительныхъ (въ учительскія семинаріи) школахъ, существующихъ частнымъ образомъ подъ руководствомъ духовныхъ лицъ, а третій — устройствомъ и преподаваніемъ въ *одноклассныхъ элементарныхъ училищахъ*.

Если принять во вниманіе только численные результаты народнаго образованія, во время господства регулятивовъ 1854 года, то можно признать ихъ довольно благоприятными и подтвердить ту мысль, что подъ Кёниггрецомъ побѣда одержана не игольчатыми ружьями, а, какъ говорили въ 1866 году, прусскими школьными учителями надъ австрійскими. Въ 1866—68 годахъ въ армію было поставлено, въ Пруссіи, 99,760 молодыхъ рекрутъ, изъ которыхъ только 3,800 или 3,81 процента не имѣли школьнаго образованія. Болѣе благоприятныхъ результатовъ грамотности не представляетъ ни одно изъ европейскихъ государствъ. Но научиться читать и писать легко, если подъ грамотностью разумѣть только механическое искусство слагать буквы въ слова и т. п.; важнѣе другая задача ученія, которая поставлена Песталлоцци, требовавшимъ приучать дѣтей къ умственной самостоятельности. Великій преобразователь Пруссіи, баронъ фонъ-Штейнъ, сказалъ про Песталлоцци, что путемъ его педагогическаго «метода, основаннаго на внутренней природѣ челоуѣка, развиваются всѣ душевныя силы, возбуждаются и питаются всѣ благородные принципы жизни и устраняется всякое одностороннее направленіе, — что такимъ образомъ этотъ методъ раститъ физически и нравственно крѣпкое племя, которое обѣщаетъ отечеству лучшую будущность.» Оказываютъ ли регулятивы такое вліяніе, которое прямо противоположно требованіямъ Песталлоцци, — доказать трудно, такъ какъ невозможно опредѣлить въ такой короткій срокъ (14 лѣтъ), развилась ли или подавлена духовная самостоятельность школьныхъ учителей; и это тѣмъ труднѣе, что большинство нынѣшнихъ учителей подготовлено къ своему дѣлу въ прежнія времена, до регулятивовъ.

Изъ трехъ регулятивовъ, самый важный — первый, касающійся преподаванія въ учительскихъ семинаріяхъ, изъ которыхъ выходитъ гро-

Was steht in der preussischen Schulregulativen? (Что заключается въ прусскихъ учебныхъ правилахъ?) Von Dr. Wolfgang Eras. Leipzig 1868, Otto Wigand.

мадное большинство народныхъ учителей. Подъ видомъ похвальнаго стремленія упростить по-возможности семинарское образованіе, этотъ регулятивъ основываетъ свои предписанія на совершенно нелѣпомъ положеніи, что семинариста нужно учить только тому, что ему необходимо для его будущей преподавательской дѣятельности въ народныхъ школахъ, и притомъ въ той именно мѣрѣ, насколько требуетъ школьное преподаваніе. Составитель регулятива, должно быть, большой знатокъ въ библейскихъ разсказахъ, но, читая Евангеліе, онъ кажется пропустилъ притчу о сѣятелѣ, иначе онъ не забылъ бы того, что много сѣмянъ падаетъ на землю, не давая всходовъ. Если уровень образованія учителя не долженъ быть выше—и значительно выше того, который предполагается дать ученику, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что уровень образованія ученика долженъ постепенно падать. Регулятивъ опредѣляетъ только нѣкоторые предметы преподаванія. Во главѣ предметовъ поставлена наука о школѣ (*Schulkunde*), которая преподается по два часа въ недѣлю; все, что преподавалось прежде въ отдѣльныхъ семинаріяхъ подъ рубриками: педагогика, методика, дидактика, антропология, психологія и т. п., — все это замѣнено одною *Schulkunde*. Что касается до *воспитанія* дѣтей вообще, будущіе наставники народныхъ школъ изучаются ему исключительно по тѣмъ положеніямъ, которыя находятся въ Библии, ибо, какъ говорить регулятивъ, «ученіе о грѣхѣ, о человѣческой беспомощности, о законѣ, о божественномъ искупленіи и страданіи, есть само по себѣ такая *педагогика*, что для приложенія ея въ народныхъ школахъ учителю понадобится развѣ нѣсколько *вспомогательныхъ свѣдѣній* изъ антропологии и психологіи». Изъ преподаванія грамоты и нѣмецкаго языка исключается вся «такъ называемая *классическая литература*»; она не дозволена къ чтенію даже въ свободные часы. «За то — прибавляетъ регулятивъ — допускается къ чтенію все, что по своему содержанию и направленію можетъ воспитывать христіанскую нравственность, церковную жизнь, патріотизмъ и разумный взглядъ на природу». Неужели есть еще другая такая нація, среди которой столь безцеремонно обходятся съ ея классическою литературою? какую жалкую роль долженъ играть нѣмецкій учитель въ образованномъ обществѣ, гдѣ говорятъ про какого-то Гёте, либо Шиллера, либо Лессинга? Преподаваніе географіи и исторіи ограничивается одною лишь Пруссіею да — Обѣтованною Землею. Библейская географія, даже библейская археологія предлагаются весьма подробно. Относительно музыки сказано, что она должна быть, по возможности, *священною*, такъ какъ изящныя искусства въ семинаріяхъ не могутъ служить сами себѣ цѣлью. Всѣ эти ссылки даютъ порядочно ясное понятіе о духѣ регулятива, объ учительскихъ семинаріяхъ. Регулятивъ объ элементарныхъ

школахъ замѣчательнѣе только тѣмъ, что онъ крайне обременяетъ дѣтскую память, такъ какъ дѣти должны выучивать наизусть, кромѣ молитвъ и литургій, еженедѣльно по одному отрывку изъ Библии, «не менѣе» тридцати церковныхъ пѣсень и «по крайней мѣрѣ» всѣ (52) воскресныя чтенія изъ Евангелія, да еще катихизисъ, разумѣется. Когда регулятивы только-что вступили въ дѣйствіе (народное образованіе въ Пруссіи и прежде подвергалось попыткамъ склонить его къ этому направленію), извѣстный американецъ, Самъюэль Лэйнгъ, сказалъ о нихъ слѣдующее: «Если конечная цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы возвысить человѣка до самосознанія, до вѣрной оцѣнки своего достоинства и своихъ силъ, развить въ немъ чувство отвѣтственности передъ обществомъ и собственною совѣстью, и обратить его въ самостоятельное, мыслящее существо, — то прусская система народнаго образованія — система никуда негодная, такъ какъ, обучая гражданъ съ дѣтства и до смерти, она стремится достигнуть прямо противоположной цѣли.

Однако въ Пруссіи не всегда было такъ. Съ признательностью и гордостью взираетъ она на свои прежнія школы. Уже Фридрихъ Великій понималъ необходимость имѣть дѣйствительно образованныхъ учителей, и онъ много старался объ этомъ въ своихъ распоряженіяхъ по народному образованію. Съ того времени явились въ Пруссіи особенныя образовательныя учрежденія для народныхъ учителей, такъ называемыя семинаріи. Эти учрежденія были заведены для того, чтобы мѣста учителей доставались, какъ выражается одинъ изъ тогдашнихъ министровъ, не «какимъ-нибудь ремесленникамъ или необразованнымъ холопамъ» (Bediente). Тотъ же министръ, Роховъ, обозначаетъ цѣлью семинаріи обученіе учителей «правильному мышленію вообще и, сверхъ того, правильнымъ и цѣлесообразнымъ наукамъ». Въ 1799 году, верховная консисторія (Oberconsistorium) въ Берлинѣ открыто и официально заявляла, «что обученіе закону Божію въ школахъ должно ограничиваться лишь общими для всѣхъ церковныхъ партій нравственными началами; специальное же преподаваніе догматовъ вѣры слѣдуетъ предоставить священнику при приготовленіи учениковъ къ приобщенію Св. Тайнъ». Нынѣ господствуетъ совершенно противоположный взглядъ на обученіе закону Божію, и министръ народнаго просвѣщенія до того строго проводитъ предписаніе о томъ, что всѣ школы, и высшія въ томъ числѣ, должны быть «конфессіональными», то есть, или католическими или евангелическими, что городъ Бреславль не открываетъ только-что выстроенной имъ гимназіи по той единственной причинѣ, что министръ не дозволяетъ не-конфессіональной гимназіи. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ III, въ прусскихъ школахъ тоже господствовалъ свободный духъ, и сами школы служили образцами для

всей Германіи. Иностранныя правительства послали тогда своихъ педагоговъ изучать состояніе и устройство прусскихъ школъ. Но, со вступленіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV началось обратное движеніе, которое повело къ удаленію знаменитѣйшаго германскаго педагога, Дистервега, занимавшаго тогда въ Берлинѣ мѣсто директора казенной учительской семинаріи. Всѣ проекты о свободѣ преподаванія и о всемъ преподаваніи вообще, внесенные позже въ училищный уставъ, остались безъ всякихъ послѣдствій.

Какъ бы то ни было, опасеніе того, что нынѣшняя система успѣть убить духъ просвѣщенія въ возрастающемъ и будущихъ поколѣніяхъ, пока бесполезно: опасность еще не такъ велика. Слишкомъ силенъ духъ времени, слишкомъ могущественны тѣ матеріальные интересы, охраненіемъ и развитіемъ которыхъ занимаются всѣ современныя правительства наперерывъ другъ передъ другомъ, ибо въ этихъ интересахъ они видятъ возможность содержать громадныя арміи и развивать до-нельзя податныя силы народовъ. Гдѣ матеріальные интересы подвергаются видимой опасности, тамъ быстро исчезаетъ вся скрытная привязанность къ такъ называемымъ охранительнымъ, а въ дѣйствительности же рѣшительно реакціонернымъ стремленіямъ на поприщѣ умственнаго образованія. Да и простое умѣнье читать и писать уже служить сильнымъ противодѣйствіемъ противъ всѣхъ усилій лишить человѣка возможности употребить свои познанія на развитіе умственной свободы: просвѣщеніе идетъ впередъ неудержимо.

Дописывая послѣднюю мысль, я невольно перехожу къ вышеупомянутому сочиненію Лекки, которое появилось недавно и въ нѣмецкомъ (не очень удачномъ) переводѣ Еловица ¹⁾ подъ заглавіемъ «Исторія происхожденія и вліянія просвѣщенія въ Европѣ»; — англійское слово: «раціонализмъ», Еловицъ передалъ по-нѣмецки: «просвѣщеніе». Лекки ученикъ Бокля, — его ученость не такъ объемиста, но систематичнѣе боклевской. Лекки — писатель въ высшей степени краснорѣчивый и талантливый. Его трудъ состоитъ изъ шести главъ. Первые двѣ занимаются изображеніемъ паденія вѣры въ чудесное, какъ въ магію и волшебство, такъ и въ другія чудеса. Третья глава озаглавлена: «Эстетическое, научное и нравственное развитіе раціонализма», — въ ней описаны взаимныя отношенія между религіею и наукою, между

¹⁾ Geschichte des Ursprungs und Einflusses der Aufklärung in Europa, von W. E. Hartpole Lecky. Übersetzt von Dr. H. Jolowicz. Leipzig. u. Heidelberg. 1868. C. F. Winter'scher Verlag.

религією и политическими и соціальными учреждениями. Въ четвертой главѣ приведены причины и исторія религиозныхъ преслѣдованій. Пятая посвящена секуляризаціи политики, а послѣдняя — исторія промышленности и вліянію промышленности на просвѣщеніе. Лекки пропнцательнѣе Бокля;—онъ безстрастенъ, объективенъ, онъ не питаетъ ненависти, какъ Бокль, къ врагамъ просвѣщенія, но старается объяснить, какъ и почему стали они врагами просвѣщенія; — и въ своихъ объясненіяхъ Лекки заходитъ даже слишкомъ далеко, хотя, вообще говоря, онъ правъ, утверждая, что преслѣдованія исходятъ изъ общей суммы возрѣвній того или другого времени. Однако, едва ли можно отрицать и то, что личныя побужденія бывали причиною преслѣдованій гораздо чаще, чѣмъ полагаетъ Лекки. Просвѣтителі XVIII вѣка объясняютъ религиозное преслѣдованіе, какъ фактъ противный основнымъ началамъ христіанства, исключительно эгоистическими побужденіями, — въ сочиненіяхъ Вольтера и его школы лицемѣріе является постояннымъ спутникомъ преслѣдованій. «Этотъ взглядъ, говоритъ Лекки, теперь уже негоденъ, и несомнѣнно справедливо, что нѣкоторыя преслѣдованія и притомъ самыя ужасныя, возникли изъ чисто эгоистическихъ побужденій. Но всѣ допускаютъ также, что эти побужденія далеко не могутъ служить соотвѣтственнымъ объясненіемъ всѣхъ фактовъ. Сжиганіе на кострахъ, пытки, тюремныя заключенія, конфискаціи имущества, истязанія, долги войны и еще болѣе долгая вражда, — всѣ эти явленія, истекавшія изъ вѣковыхъ распрій между большими богословскими корпораціями, должны быть приписаны главнымъ образомъ такимъ людямъ, въ характерѣ которыхъ самая враждебная и рѣзкая критика не имѣла ни одного пятна, и жизнь которыхъ была посвящена безусловному служенію той истинѣ, которой они вѣрили. Преслѣдователи, даже въ самыхъ отвратительныхъ своихъ поступкахъ, были только вѣстниками и представителями желаній большей части гражданскаго общества, а эта часть общества состояла обыкновенно изъ людей самыхъ серьезныхъ и наименѣ эгоистическихъ».

Между тѣмъ, какъ Бокль основываетъ весь прогрессъ на возрастающемъ образованіи, Лекки находитъ, что человѣкъ обладаетъ не только разумомъ, но и сердцемъ, и что въ человѣческихъ дѣлахъ сердце или, лучше сказать, душевное настроеніе всегда играетъ и будетъ, по всей вѣроятности, играть болѣе важную роль, чѣмъ простой, холодный разумъ. Лекки, поэтому, понялъ цѣлаго человѣка гораздо лучше и вѣрнѣе Бокля. Его опредѣленія, вся его манера аргументацій — изумительны; не менѣе превосходенъ его тонкій скептицизмъ, который даетъ ему возможность избѣгать всякой предвзятой мысли и ненавидѣть заманчивыя фразы. Я упоминалъ уже объ его

изслѣдованіи природы мнѣній. Неужели не сама неотразимая истина говоритъ подь перомъ Лекки, когда онъ пишетъ: — «Внимательный наблюдатель знаетъ очень хорошо, что большинство даже тѣхъ людей, которые много думаютъ о своихъ мнѣніяхъ, приходитъ къ своимъ выводамъ путемъ болѣе или менѣе отличнаго отъ мышленія процесса. Очень можетъ быть, что они и не подозрѣваютъ объ этомъ фактѣ, но тѣмъ не менѣе они все-таки подлежатъ своему обычному единенію идей; въ громадномъ большинствѣ случаевъ, люди всевозможныхъ направленій кончаютъ свои изслѣдованія просто тѣмъ, что остаются при заученныхъ ими мнѣніяхъ. Они судятъ о всевозможныхъ вопросахъ, сами не замѣчая того, по умственному масштабу, внесенному въ нихъ воспитаніемъ, и усиливаютъ или уменьшаютъ свое вниманіе или сочувствіе къ предмету настолько, насколько факты или аргументы даютъ точку опоры ихъ прежнимъ заключеніямъ; этимъ путемъ они скоро убѣждаются, что аргументы *въ пользу* прибрѣтенныхъ ими мнѣній неотразимо убѣдительно, между тѣмъ какъ аргументы *противъ* этихъ мнѣній приходятся въ высшей степени не по вкусу». Этотъ справедливый доводъ всякій испытывалъ на самомъ себѣ.

Объ обонхъ основныхъ нравственныхъ элементахъ религіи, особенно христіанской, Лекки говоритъ такъ: — Есть два нравственныхъ ощущенія, которыя присущи всему человѣческому роду и которыя можно принять за центральныя точки, около которыхъ вращаются всѣ религіозныя системы. Это чувство добродѣтели, которое побуждаетъ людей придавать извѣстнымъ поступкамъ идею о заслугѣ, и чувство грѣха, которое научаетъ человѣка, что его отношеніе къ Богу должно быть не требовательное, но просительное. Хотя эти чувства въ извѣстной степени противоположны другъ другу, однако едвали существовало когда-нибудь такое религіозное сердце, въ которомъ они не находились другъ возлѣ друга; какъ два выдающіеся элемента развитія, они проходятъ по каждому историческому періоду, по каждой религіи, хотя относительная важность ихъ не всегда бываетъ одинакова. Въ извѣстныя времена главнымъ источникомъ религіи является чувство добродѣтели, въ другія—это мѣсто занимаетъ чувство грѣховности. Философическія системы древней Греціи опирались рѣшительно на чувство добродѣтели; христіанство—на чувство грѣха. Разсматривая жизнь христіанскаго святого или живопись древняго христіанскаго художника, нельзя не замѣтить, что господствующимъ представленіемъ ихъ были самоотрицаніе и недовѣріе къ самимъ себѣ. Въ ранніе и непорочныя дни церкви это проявлялось главнымъ образомъ въ особомъ набожномъ настроеніи духа, котораго было тогда обычнымъ, и въ сопровождавшемъ это настроеніе высокомъ и нѣжномъ

чувствѣ. Христіанство было тогда религіею въ строгомъ смыслѣ, то есть, оно состояло не изъ умозрительныхъ положеній, а изъ чувственныхъ ощущеній. Только въ третьемъ вѣкѣ нравственные ощущенія, послужившія ему началомъ и основой, выработались въ богословіе».

Во многихъ мѣстахъ сочиненія, Лекки впадаетъ въ возвышенный пафосъ, въ иныхъ онъ богатъ тонкимъ юморомъ. Послѣдній обнаруживается въ немъ особенно при описаніи суевѣрнаго образа мыслей въ Лютерѣ, котораго, какъ реформатора, авторъ ставитъ весьма высоко (стр. 65—67 перваго тома); первый проявляется въ культивномъ описаніи жертвъ вѣры въ колдовство. Даже изъ-подъ пера Борке, великаго мастера патетическихъ изліяній, не исходило лучшихъ строевъ, чѣмъ у Лекки, когда онъ говоритъ объ этихъ несчастныхъ людяхъ. «Невозможно — говоритъ онъ — покинуть исторію колдовства, не подумавъ о томъ, какое огромное число страданій, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, устранено прогрессомъ раціоналистической цивилизаціи. Знаю я, что если припомнить страшныя бѣдствія, которыя истекали отъ времени до времени изъ религіозныхъ распрей, и если представить себѣ безчисленныхъ мучениковъ, погибшихъ въ тюрьмѣ или на кострахъ, и миллионы другихъ, павшихъ жертвою религіозныхъ войнъ, если, наконецъ, принять во вниманіе всѣ элементы гибельнаго раздора, посѣяннаго между столь многими благородными націями, — то судьба немногихъ тысячъ невинныхъ людей, сожженныхъ живыми, является сравнительно ничтожностью. Но, тѣмъ не менѣе, вѣроятно, что ни одинъ классъ жертвъ не несъ своихъ мученій столь ужасно и одиноко. Ихъ не облегчалъ тотъ дикій фанатизмъ, который возбуждаетъ душу противъ гибели и почти закаляетъ тѣло противъ мученій. Они не имѣли увѣренности въ славную вѣчную жизнь, которая давала мученикамъ возможность съ восторгомъ взирать на поднимающееся надъ нами пламя, какъ на колесницу Иліи, которая понесетъ ихъ души въ небеса. Ихъ не утѣшали оплакивающіе друзья, у нихъ не было сознанія того, что память о нихъ будетъ уважаема потомствомъ. Они умирали одни, ненавидимые и неоплакиваемые. Они были осуждены всѣмъ человѣчествомъ, какъ злѣйшіе преступники. Ихъ собственные родственники отрекались отъ нихъ, какъ отъ проклятыхъ и проквашенныхъ. Суевѣріе, вошедшее въ нихъ съ молокомъ матери, вмѣстѣ съ заблужденіями вѣка и съ ужасомъ ихъ положенія, убѣждало ихъ самихъ, во многихъ случаяхъ, что они дѣйствительно рабы сатаны, и что имъ предстоитъ перейти изъ страшныхъ мученій земной жизни въ агонію душевной, которая столь же мучительна, и притомъ вѣчна».

Но довольно о Лекеи. Мыѣ необходимо сообщить вашимъ читателямъ хотя что-нибудь о той литературной борьбѣ, которую ведутъ теперь на нѣмецкой почвѣ нѣкоторые русскіе нѣмцы противъ русскаго правительства ¹⁾. Въ ней замѣтны два направленія — одно ультраконсервативное, основывающееся на привилегіяхъ, и представителемъ котораго является фонъ-Боккъ; другое либеральное, представитель котораго Экардтъ, признаетъ глубокой застой во всей умственной и политической жизни прибалтійскихъ провинцій, вызванный тамошнимъ дворянствомъ и рыцарствомъ. Оба писателя смотрятъ на Россію съ враждебной точки зрѣнія. Консерваторъ заговорился, въ своей ярости съ пѣной у рта, до желанія возбудить національную ненависть, которая во всѣ времена всегда составляла одно изъ величайшихъ препятствій ко всякому прогрессу, и противодѣйствіе которой есть долгъ каждаго просвѣщеннаго и гуманнаго человѣка. Боккъ отличается не только яркою ненавистью противъ всего русскаго, но становится на такую фантастическую точку зрѣнія, куда не могутъ слѣдовать за нимъ его соотечественники, такъ какъ имъ приходится имѣть дѣло съ даннымъ обстоятельствомъ и при помощи находящихся подъ рукою средствъ. Если вѣрить Экардту, автору второй книги, то нѣмцы въ прибалтійскихъ провинціяхъ имѣютъ всѣ причины радоваться тѣмъ успѣхамъ, которые достигнуты ими впродолженіи послѣднихъ десяти или двѣнадцати лѣтъ.

Въ области нѣмецкой литературы новаго пока весьма мало, и потому о ней въ другой разъ.

Б.

¹⁾ Livländische Beiträge, herausgegeben von W. v. Bock (выходитъ отдѣльными выпусками). Berlin.

Die Baltischen Provinzen Russlands. Politische und culturgeschichtliche Aufsätze, von Julius Eckardt. Leipzig 1868. Duncker und Humblot.

КРИТИКА

И

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

І Ю Л Ъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества.
Два тома. С.-Петербургъ. 1867—1868.

Эти два тома представляютъ собой первый результатъ трудовъ «Русскаго Историческаго Общества», которое учредилось два года тому назадъ съ цѣлью собиранія и обнародованія матеріаловъ и документовъ, относящихся къ отечественной исторіи. «Общество» состоитъ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника, и въ числѣ его членовъ мы встрѣчаемъ не мало лицъ съ важнымъ общественнымъ положеніемъ (назовемъ, напр., кн. П. А. Вяземскаго, А. Ф. Гамбургера, К. К. Злобина, бар. М. А. Корфа, гр. Б. А. Перовскаго, гр. Д. А. Толстаго, и др.), такъ что изданіе можетъ расчитываться на самые богатые источники историческаго матеріала, особенно точники, недоступные обыкновенно частнымъ лицамъ...

Большинство документовъ, изданныхъ въ вышедѣнныхъ двухъ томахъ «Сборника», относится къ царствованію императрицы Екатерины. Въ 1-мъ томѣ помѣщены: рескрипты и письма императрицы къ гр. А. Г. Орлову, относя-

щіеся къ архипелажской экспедиціи; бумаги изъ дѣла о самозванкѣ Таракановой; бумаги изъ дѣла о генераль-прокурорѣ Глѣбовѣ и сибирскомъ слѣдователѣ Крыловѣ; переписка по дѣлу объ открытіи въ Бѣлоруссіи іезуитскаго новиціата; письма императрицы Екатерины къ г-жѣ Жоффренъ, и др.; во 2-мъ томѣ: извлеченія изъ бумагъ гр. Г. Г. Орлова; записка Димсделя (перваго оспопрививателя въ Россіи) о пребываніи его въ Россіи; записка Гримма, автора извѣстной «Корреспонденціи», о началѣ его преданности императрицѣ Екатеринѣ II; новые документы по дѣлу Новикова, и т. д. Къ царствованіямъ императоровъ Павла и Александра: депеши графа Литты, мальтійскаго посланника въ Петербургѣ, писанныя въ концѣ 1796 и началѣ 1797 года; автобіографическая записка Поццо-ди-Борго, представленная имъ русскому послу въ Вѣнѣ, гр. Разумовскому, въ 1804 г.; «Дипломатическія сношенія между Россією и Швецією въ первые годы царствованія императора Александра I до присоединенія Финляндіи къ Россіи», на основаніи дипломатической переписки, хранящейся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ,

и т. д. Немногіе только матеріалы относятся къ болѣе раннему времени.

Многіе изъ этихъ матеріаловъ, конечно, важны для исторіи, раскрывая подробности событій, которыя до сихъ поръ извѣстны въ нашей исторіи очень неполно и отрывочно. Такъ, очень любопытны матеріалы (сообщенные кн. Н. А. Орловымъ) объ архипелажской экспедиціи: въ письмахъ и рескриптахъ императрицы можно найти новыя доказательства удивительнаго разнообразія ея ума и наблюдательности, съ которыми обдумывалась и готовилась эта экспедиція. Документы по дѣлу Таракановой сообщаютъ нѣсколько новыхъ подробностей къ запискѣ и документамъ, напечатаннымъ въ «Чтеніяхъ» Московскаго Общества исторіи и древностей. Описание подвиговъ Крылова — примѣръ чиновническаго самоуправства, доходившаго до невообразимаго безобразія, — даетъ образчикъ оборотной стороны медали, о которой слишкомъ часто забываютъ панегиристы «добраго стараго времени». Записка Димслея, того англійскаго врача, который вызванъ былъ при Екатеринѣ II въ Россію для введенія оспопрививанія и который привилъ оспу самой императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу, — сообщаетъ довольно характеристическія подробности о томъ, какими трудностями обставлено было это нововведеніе, вслѣдствіе народныхъ предразсудковъ противъ прививанія оспы, и съ какимъ благоразуміемъ Екатерина дѣйствовала въ этомъ случаѣ. Переписка съ г-жей Жоффренъ и записка извѣстнаго Гримма о покровительствѣ ему императрицы Екатерины бросаютъ много свѣта на исторію отношеній императрицы къ французскому просвѣщенію и литературѣ. Въ письмахъ къ г-жѣ Жоффренъ императрица говоритъ о д'Аламберѣ, Дидро, Монтескье, съ величайшимъ уваженіемъ къ ихъ талантамъ и произведеніямъ; также какъ съ большимъ уваженіемъ и крайней любезностью относится къ самой г-жѣ Жоффренъ, одной изъ тѣхъ салонныхъ знаменитостей тогдашняго Парижа, общественное вліяніе которыхъ осталось историческимъ. Записка извѣстнаго Гримма едва ли не въ первый разъ даетъ понятіе о матеріальныхъ размѣрахъ того покровительства, которое императрица оказывала автору извѣстной Корреспонденціи. Гриммъ получилъ вообще весьма

значительныя суммы за свои услуги.... Д исторіи русской литературы и общества высшей степени любопытны новыя документы по дѣлу Новикова, изданные А. Н. Поповымъ: держаніе ихъ извѣстно читателямъ «Вѣстни Европы» изъ статьи г. Попова, составленной на ихъ основаніи, и мы прибавимъ только нѣсколько замѣчаній.

Эти документы даютъ важное пособіе для пониманія отвѣтовъ Новикова на допросъ, и данныхъ г. Лонгиновымъ, во-первыхъ тѣмъ, что они сообщаютъ недостающіе въ этомъ дѣлѣ *вопросы*, изъ которыхъ объясняется сущность процесса. Вопросы любопытны и сами по себѣ, по той формѣ, въ какой они обрѣтаемы были къ Новикову: эта форма, грубая и оскорбительная, весьма характеризуетъ процессъ. Во-вторыхъ, въ этихъ документахъ не только не хватаетъ, недостающіе у г. Лонгинова, отвѣты Новикова на 21-й вопросный пунктъ, относящійся къ сношеніямъ мартинистовъ съ *известной особой*, т. е. съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Новиковъ начинаетъ свой отвѣтъ довольно странно. Какъ видно изъ самаго отвѣта, сношенія ихъ съ великимъ княземъ никогда особенно далеко не заходили: помышленія ихъ кончались кажется на предположеніи, не можетъ ли онъ когда-нибудь сдѣлаться гротмейстеромъ ордена (какъ бывали примѣры въ другихъ странахъ, что гротмейстеры выбираемы были изъ владѣтельныхъ особъ), — въ этомъ смыслѣ очень просто отвѣчалъ на подобный вопросъ Лопухинъ. Тогда могъ бы сдѣлать и Новиковъ. Въместо того онъ начинаетъ свой отвѣтъ такъ:

«Сдѣсь, не говоря еще ничего, яко совершившій преступникъ въ истинномъ и сердечномъ моемъ *раскаяніи* и сокрушеніи, повергаю себя къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, яко недостойный никакого милосердія и помилуванія, но повинный всякому наказанію, которое воля Ея Императорскаго Величества мнѣ опредѣлитъ. Сіе истинное и сердечное мое *раскаяніе* исповѣдаю предъ Богомъ Спасителемъ моимъ и предъ его помазанницею, Ея Императорскимъ Величествомъ, и повергаю себя къ стопамъ ея, ожидая своей судьбы отъ воли ея и *все искренно открою*», и пр.

И за тѣмъ не открываетъ ничего особеннаго, что бы давало достаточный поводъ къ подобному предисловію. Оно, конечно, должно было

больше придавать Новикову видъ совершенной виновности, въ глазахъ его судей, которые такъ смотрѣли на него уже впередъ. Новиковъ самъ, судя по этимъ словамъ, считалъ себя ужаснымъ преступникомъ. Но въ чемъ же могло состоять его преступленіе, если, какъ мы замѣтили, самый *corpus delicti* былъ не такъ ужасенъ, и если другіе, какъ Лопухинъ, могли относиться къ нему довольно спокойно? Дѣло, кажется, только въ томъ, что Новиковъ преувеличилъ дѣло изъ своихъ известій. Известны были отношенія, существовавшія между императрицей и великимъ княземъ; эти отношенія не были благопріятныя; великій князь жилъ въ удаленіи отъ двора, не въ Гатчинѣ свой дворъ, своихъ приближенныхъ, и при сильныхъ недоразумѣніяхъ и опасностяхъ обѣихъ сторонъ, не безопасно становилось между ними и завлечь какинбудь особенное усердіе къ Гатчинѣ, но бы это усердіе ни было невинно и даже подушно. Посылка книгъ, какого-нибудь *Томы* или *Фомы Кемпійскаго*, становилась для ней смѣлостью и могла стать дѣломъ опаснымъ. Такъ это и случилось. Сдѣлать это—значитъ имѣть шансъ навлечь на себя опалу; Новиковъ, конечно, понималъ это и пришелъ въ великій страхъ, повидимому, преувеличенный, но, впрочемъ, совершенно понятный при тогдашнихъ понятіяхъ и нравахъ. Правда, эти книги были часто очень мягкіе и наши историки тѣхъ временъ постоянно восхваляютъ ихъ въ этомъ смыслѣ, какъ нѣчто безпримѣрно справедливо при сравненіи предъидущими, а иногда и съ послѣдующими временами, но тѣмъ не менѣе, и въ этотъ періодъ личность тайнаго совѣтника Прозоровскаго представляетъ явленіе, въ которомъ это время было похоже на всякое другое. Новиковъ, конечно, зналъ лучше многихъ своего времени, и отсюда его страхъ, и преувеличенное самообвиненіе; ему могло дѣйствительно представиться, что онъ совершилъ ужасное преступленіе черезъ упомянутого Арнда и *Фому Кемпійскаго*...

Письма, очень курьезныя въ этихъ документахъ, письма князя Прозоровскаго къ Шешковскому, которому онъ сообщалъ свѣдѣнія о розыскахъ въ Москвѣ, когда Новиково дѣло перенесено было въ Петербургъ. Эти письма писаны въ самомъ дружескомъ

тонѣ, какъ между людьми, вполне понимающими другъ друга; выраженія о Новиковѣ весьма наглядно рисуютъ отношеніе къ дѣлу его слѣдователей и судей. «Экова плута тонкаго мало я видалъ», пишетъ князь Прозоровскій о Новиковѣ. «Птицу Новикова къ вамъ отправилъ, правда, что не безъ труда вамъ будетъ съ нимъ, лукавъ до безконечности, безсовѣстенъ, и смѣлъ, и дерзокъ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: «Вѣрю, что вы замучились, а не много съ нимъ имѣлъ дѣла, да по полету уже примѣтнѣлъ, какова сія птичка, какъ о томъ и Ея Величеству донесъ»... Дѣло онъ считалъ вообще тонкимъ и очень мудренымъ, для котораго онъ желалъ и наставленій Шешковскаго: «дѣло нежное». «Вы подлинно угадали, что Богъ помогъ открыть сіе зло». Свои тонкія соображенія по поводу плановъ Дружескаго Общества онъ излагаетъ такъ: «Слава Богу, что сіе уничтожается, они совершенные іезуиты, слѣдственно и всѣ ихъ положенія имѣютъ касательно (касательство?) до персоны государевой. А чтобъ они противъ не были правительства, то это онъ утайлъ (т. е. Новиковъ); вотъ почему я догадываюсь, какъ сказано въ законѣ, что мы предъ Богомъ всѣ равны. Начально люди были равны, доколѣ не стали собираться въ обществахъ и правились старшими въ родѣ. Вы изъ бумагъ ихъ видите послѣднее, а законъ они показываютъ исполнять во всей точности, *смыслственно* и есть равенство людей и право человѣка (!), а если бы успѣли они персонѣ привести (т. е. привлечь въ орденъ великаго князя), какъ и старались на сей конецъ, чтобъ привести конецъ злему своему намѣренію, то бѣ хуже сдѣлали фр. краля»... (Sic). То есть, по мнѣнію Прозоровскаго, мартинисты выводили изъ св. писанія явобинскія начала равенства и естественныхъ правъ человѣка, и намѣревались, привлекая къ себѣ великаго князя, осуществить это равенство на дѣлѣ, и тогда дѣло кончилось бы хуже, чѣмъ было тогда (1792) съ французскимъ королемъ... Правда, нить этого разсужденія перескакиваетъ здѣсь съ пятаго на десятое, но письмо было дружеское, и Шешковскій вѣроятно понялъ.—Ходъ дѣла въ Петербургѣ былъ, кажется, мало извѣстенъ Прозоровскому, и онъ съ любопытствомъ спрашиваетъ у Шешковскаго: «*P. S. По дружбѣ* вашего пр—ва ко мнѣ спрощу васъ три-

отно: прочія учредныя сей шайки, яко то: Ламалгій, Поздеевъ, Чудковъ, Енгальчевъ, Херасковъ, Чеботаревъ и Ключаревъ по допросамъ извѣстной персоны (т. е. относительно извѣстной персоны, т. е. опять великаго князя), развѣ не такъ важны, какъ сіи трое...

Такъ относился къ дѣлу одинъ слѣдователь, князь Прозоровскій. Шешковскій относится не лучше, какъ это видно изъ самой редакціи вопросовъ: онъ также не старался вовсе понять характера масонскихъ порядковъ,—выдуманныхъ не Новиковымъ и принятыхъ до него множествомъ русскихъ масоновъ, въ числѣ которыхъ были и многіе изъ важныхъ государственныхъ сановниковъ; напротивъ,—слѣдователь какъ будто считаетъ одного Новикова изобрѣтателемъ всѣхъ этихъ вещей, которыя кажутся ему богопротивными и законопреступными,—не говоря уже о томъ, что Новиковъ долженъ былъ отвѣчать и за умершаго Шварца и за другихъ своихъ товарищей, которые были живы и должны бы нести отвѣтственность за себя сами. Когда отвѣты были написаны Новиковымъ, на нихъ составлены были возраженія, кѣмъ—неизвѣстно, вѣроятно, самимъ слѣдователемъ, какъ и предполагать г. Поповъ. Эти возраженія еще яснѣе показываютъ, какъ смотрѣлъ слѣдователь на дѣло... Допросъ вообще едва ли можетъ назваться «безпристрастнымъ».

Далѣе, въ числѣ этихъ документовъ важны для исторіи масонства списки ложъ разныхъ системъ, и ихъ членовъ,—списки, написанные самимъ Новиковымъ. Въ нихъ исчисляются ложи и ихъ члены по системамъ: английской—подъ управленіемъ Елагина; шведской—подъ управленіемъ Курагина и Гагарина; рейхелевской—подъ начальствомъ Рейхеля, а потомъ соединившейся съ ложами елагинскими; наконецъ системы «берлинскаго масонства», начавшагося по приѣздѣ Шварца. Эти списки, впрочемъ, не полны, какъ относительно системъ, такъ и числа ложъ и ихъ членовъ,—Новиковъ писалъ на память; но они доставляютъ однако не мало важныхъ указаний для внѣшней исторіи распространенія ложъ,—особенно по розенкрейцеровской системѣ, или «берлинскому масонству», къ которому собственно принадлежалъ самъ Новиковъ. Относительно английской системы замѣтимъ не встрѣчавшееся до сихъ поръ свидѣніе: здѣсь

упомянуто, что «англицкое масонство... поименовано отъ *какого-то* лорда Питера». Это есть Робертъ Эдуардъ лордъ Питръ (Petre), который наследовалъ въ гроссмейстерствѣ английской Великой Ложи герцогу Бофортскому 4-го мая 1772 года. По английскимъ свидѣніямъ, патентъ Елагину на званіе провинціалаго гроссмейстера русскихъ ложъ былъ поданъ еще герцогомъ Бофортскимъ; но, вместе съ тѣмъ, утвержденіе ложи английской въ Россіи относится и къ гроссмейстерству лорда Питра или Питера (ср. Handb. der Freimaur. II, 555), согласно съ указаннымъ свидѣніемъ,—вонечно, на томъ основаніи, что при лордѣ Питрѣ могли продолжаться какіе-нибудь формальности утвержденія, неконченныя при герцогѣ Бофортскомъ, и вообще при немъ (онъ оставался гроссмейстеромъ въ 1772—1773 годахъ) елагинскія ложи въ первый разъ установились и начали свое правильное дѣйствіе. Этотъ лордъ Питръ занимаетъ вообще важнѣе мѣсто въ исторіи английской Великой Ложи, онъ далъ, между прочимъ, извѣстному Престо свое одобреніе на изданіе его классической масонской книги: *Illustrations of Masonry*, 1772, это было первое изданіе, разрѣшенное Великой Ложей послѣ «Конституцій» Андерсона; съ другой стороны въ это же время, нѣсколько позже, получила такое одобреніе и книга Дж. Чинсона, *Spirit of Masonry*, которая не считается довольно ортодоксальнымъ изложеніемъ масонскихъ принциповъ. Лица, управлявшие тогда Великой Ложей, вообще не были строгими хранителями старыхъ преданій и отчасу отступали отъ нихъ,—что могло отражаться у Елагина удаленіемъ отъ старой масонской простоты.

Замѣтимъ еще нѣкоторыя неточности въ изданіи этихъ документовъ. Въ показаніи Новикова на 21-й вопросный пунктъ говорится о компрометировавшей ихъ запискѣ Баженова, гдѣ шла рѣчь объ «извѣстной особѣ»: «Бушисія, показанная мнѣ, писана рукою коллегіальскаго совѣтника Баженова, въ 1775 году въ концѣ, или въ началѣ 1776 года. Баженова кажется, въ 1774 году сдѣлался знакомымъ намъ и пр. (стр. 117). Годы были, конечно, 1784 и 1786, потому что вся исторія относится ко времени розенкрейцеровской дѣятельности Новикова въ Москвѣ, слѣдовательно во время послѣ 1782 года. Въ спискѣ ложъ английской

темы и ихъ начальниковъ, ложа «Владимира Ивановича Лунина» есть, конечно, ложа адмирала Игнат. Лунина, который былъ одинъ изъ важныхъ и извѣстныхъ «мастеровъ» петербургской системы.

Для исторіи русскаго законодательства и общества за болѣе старыя времена очень любопытны матеріалы, изложенныя въ статьѣ г. Попова: «Законодательная коммиссія при Петрѣ II, 1728 г.» Эта коммиссія учреждена была бывшимъ тогда верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, для довершенія дѣла, начатаго при Петрѣ I,—надобно было дополнить уложеніе. Работа должна была состоять въ разборѣ указовъ и подведеніи ихъ къ статьямъ уложенія, и чѣмъ должны были быть уничтожены пороки, а гдѣ нужно—составлены новые указы; коммиссія поручалась предварительная работа; эта работа должна была поступить на разсмотрѣніе сената, а затѣмъ представлена верховному совѣту. Для этого разбора и подведенія указовъ велѣно было «выслать къ Москвѣ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и вѣрныхъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Финляндіи и Эстляндіи и Сибири, по пяти человекъ, за выборомъ отъ шляхетства», — высылку ихъ приказано было безъ всякаго отлагательства къ 1-му сентябрю 1728 г. Сенатъ, которому поручено было исполненіе этого указа, представилъ тайному совѣту, что по его указу, данному еще въ 1726 году, велѣно было сочиненія Уложенія духовнымъ, гражданскимъ, воинскимъ и изъ купечества по два человека; но такъ какъ нѣкто еще не былъ оповѣщенъ съ тѣхъ поръ къ этому дѣлу, то сенатъ спрашивалъ, кому находится при сочиненіи Уложенія, особымъ ли членамъ, и кому именно, или тѣмъ, которые назначались по каждому указу. Верховный совѣтъ не далъ никакого отвѣта на вопросъ и въ новомъ указѣ значилъ только содержаніе выборнымъ, по истинѣ въ день на человека. Тогда сенатъ принялся о выполненіи указа о высылкѣ офицеровъ и дворянъ.

Но офицеры и дворяне стѣзжались медленно, и что въ сентябрѣ явились только немногіе, и сенату было не безъ хлопотъ. Онъ подражалъ губернскимъ канцеляріямъ о немедленномъ исполненіи указа, канцеляріи оправдывались: выборные медлили, или даже вовсе не явились отъ поѣздки въ Москву. Такъ въ

Новгородской губерніи, за однимъ выборнымъ отъ канцеляріи три раза посылались солдаты, но онъ оказывался ослушнѣе и не ѣхалъ. Тогда губернская канцелярія «послала за нимъ подъячаго и трехъ солдатъ съ приказаніемъ, ежели онъ укроется, то *взять жену его и привести въ Новгородъ подъ карауломъ (!)*, а если и она тоже будетъ укрываться, то за преслушаніе движимое и недвижимое ихъ имѣніе отписать на государя, и людямъ ихъ и крестьянамъ ни въ чемъ ихъ не слушать». Это подѣйствовало: выборный явился въ канцелярію и былъ отправленъ съ солдатами въ Москву.

Въ другомъ случаѣ, разсыльщики, не находя выборнаго, взяли двухъ человекъ дворовыхъ его людей, «которые показали, что помѣщики ихъ, еще до прибытія разсыльщиковъ, выѣхали въ Петербургъ для отчета. Привезенные же во Псковъ люди его *оставлены тамъ подъ карауломъ*».

Изъ Бѣлгородской губернской канцеляріи доносили сенату, что сначала воеводы не прислали никого изъ выборныхъ, и «хотя послѣ того и было прислано нѣсколько лицъ, но они были неспособны къ предположенному дѣлу, потому что по осмотру одни оказались *мудрецы и хромые*, а другіе *стары и дряхлы*. Всѣ они были отправлены *обратно*».

Въ Казани дворяне были собраны въ то время по другому дѣлу; имъ сообщенъ былъ сенатскій указъ; но по отъѣздѣ губернатора дворяне, «за отбытіемъ главнаго начальника, не приступая къ выбору кого-либо изъ своей среды къ сочиненію Уложенія, самовольно разѣхались изъ Казани».

За то, впрочемъ, одинъ «царедворецъ суздальской провинціи», Сіяновъ, на первыхъ же порахъ явился въ сенатъ безъ всякихъ выборовъ, «самъ собою»: при немъ не было никакой бумаги, ни караульнаго солдата, по которымъ можно было узнать депутата отъ шляхетскаго сословія. Но справивъ оказалось, что Сіянова дѣйствительно нѣкто не выбиралъ, и канцелярія присоветовала, что, по ея мнѣнію, онъ «къ тому дѣлу не заобмыленъ».

Наконецъ, къ началу 1729 года выборные съѣхались, подъ надзоромъ разсыльщиковъ и караульныхъ. Подробности осмотра ихъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ неизвѣстны; но изъ дальнѣйшаго указа сената отъ 16-го мая 1729 года видно, что этихъ офицеровъ и дво-

ранъ велѣно отпустить по домамъ, а на мѣсто ихъ приказано губернаторамъ выбрать «другихъ знатныхъ и добрыхъ людей изъ каждой губерніи по два человѣка, которые къ тому дѣлу, т. е. къ сочиненію Уложения, были бы достойны».

Авторъ статьи дѣлаетъ объ этой законодательной комиссіи слѣдующее заключительное замѣчаніе:

«Не смотря на то, что учрежденіе этой законодательной комиссіи, въ самомъ началѣ своемъ, было безуспѣшно и что она, наконецъ, вовсе не была осуществлена, она замѣчательна, во-первыхъ потому, что въ ней проявилось *въ первый разъ выборное начало*, которое, спустя сорокъ лѣтъ, получило широкое и болѣе правильное развитіе въ знаменитой Екатерининской комиссіи. Другая сторона, которая въ комиссіи 1728 года обращаетъ на себя вниманіе,—та, что въ ней совершенно *устранено* было *иноеземное начало*, которое намѣревался ввести въ наши законы императоръ Петръ Великій, установленіемъ комиссіи 1720 года. Онъ, какъ извѣстно, повелѣлъ ей составить такое Уложение, въ которомъ были бы помѣщены и шведскіе законы. Указъ 14-го мая 1728 года не только обходитъ комиссію 1720 года, но ставитъ на первый планъ намѣреніе Петра Великаго привести въ болѣе правильное состояніе русское Уложение» (стр. 405).

Но комиссія 1728 г. вызываетъ и другія замѣчанія,—относительно ея собственнаго состава и причинъ, почему она не могла осуществиться. Въ этомъ смыслѣ она представляетъ въ высшей степени характерный образчикъ нравовъ, какіе уже складывались въ обществѣ непосредственно при Петрѣ и въ первое время послѣ него. Время Петра было временемъ крайняго господства государственнаго авторитета и вмѣшательства. Этотъ авторитетъ былъ слишкомъ силенъ и въ эпоху московскаго царства; но тамъ онъ еще не проникалъ жизни въ такой степени: нѣкоторая распушенность власти, старыя привычки сохраняли еще остатки мѣстнаго самоуправленія, которое даже сосредоточивалось изрѣдка и въ цѣлое земское самоуправленіе, на земскихъ соборахъ. При Петрѣ земскій соборъ становился дѣломъ немислимымъ; онъ только мѣшалъ бы властнымъ распоряженіямъ энергическаго и нетерпѣливаго реформатора. Европейское государство

того времени, служившее ему образцомъ, вступило тогда въ періодъ «просвѣщеннаго деспотизма», который переходитъ теперь и на русскую почву. Понятно, что самый принципъ просвѣщеннаго деспотизма не былъ особенно благопріятенъ, часто даже совсѣмъ противорѣчилъ свободному развитію общественной дѣятельности. Въ настоящемъ случаѣ это выразилось тѣмъ, что когда правительство, въ учрежденіи комиссіи 1728 года, выставило, по словамъ г. Полѣнова, *выборное начало и устраненіе иноеземнаго начала* (слѣдовательно принципы самыя національные и самыя русскіе, имѣнію славянофиловъ), общество съ своей стороны отвѣтило на это тѣмъ, что послало въ комиссію своими депутатами—дряхлахъ, глухихъ и увѣчныхъ, или совершенно ни къ чему неспособныхъ. Едва ли можно однако сваливать это жалкое и смѣшное явленіе только на то вліяніе, какое оставило самовластіе Петра. Правда, и это послѣднее имѣло свою часть въ этомъ результатѣ, и дворяне, запуганные принудительной службой, могли руководиться желаніемъ—свалить эту обузу на безотвѣтныхъ членовъ своего сословія, какъ до послѣднихъ временъ выборныя должности въ крестьянскомъ, мѣщанскомъ и купеческомъ быту считались вовсе не знакомъ вниманія общества къ избираемымъ, и не преимуществомъ, а только тягостью, и даже прямымъ притѣсненіемъ. Но, съ другой стороны, нельзя, кажется, не извлечь отсюда и иного заключенія: если сознаніе *выборнаго начала* могло быть подавлено такъ скоро,—въ теченіе одного царствованія,—и исчезнуть до такой степени, что его не могли пробудить теперь даже заявленія самаго правительства, значитъ, въ немъ не было достаточно той силы, какой должны бы отличаться коренные національные мотивы понятій и нравовъ. На дѣлѣ оно, конечно, такъ и было. Старая самобытность «земли», о которой говорятъ славянофилы, была слишкомъ слаба, и была скорѣе только терпима властью, чѣмъ признана съ ея стороны какъ нѣчто дѣйствительное и юридическое. Это земское самоуправленіе существовало тогда какъ остатокъ удѣльныхъ порядковъ; власть не уничтожала этого остатка (какъ уничтожила все главное изъ удѣльныхъ порядковъ), потому что въ этомъ не было особенной надобности; самоуправленіе, хорошо мирившееся съ центральнымъ

дѣстью (т. е. подчинявшееся ей), оставалось между статьями административнаго обихода, и ими пользовались, когда находили нужнымъ. Но само это начало было очень слабо, и далеко не составляло общественно-политической силы, сознающей свои права и пользующейся ими. Вслѣдствіе того, оно и могло такъ скоро утратить свое значеніе при Петрѣ. Новое явленіе въ нашемъ обществѣ потребностей самостоятельной дѣятельности было уже результатомъ, не возвращенія къ принципамъ старины, а усиленія общественнаго самосознанія вслѣдствіе нѣкоторой вновь пародившейся образованности. Это были уже явленія новаго, постъ-петровскаго развитія нашего общества.

Можно съ нѣкоторой увѣренностью ожидать, что изданіе Русскаго Историческаго Общества будетъ доставлять нашей литературѣ много полезнаго матеріала. По первымъ книжкамъ «Сборника» легко уже видѣть, что члены «Общества» и редакция «Сборника» располагаютъ богатыми источниками разнообразныхъ матеріаловъ и свѣдѣній по новѣйшей русской исторіи. Но, для изучающихъ эту исторію является особенный интересъ въ томъ, какіе матеріалы преимущественно будутъ находить мы въ этомъ изданіи. Въ распоряженіи «Общества» и редакціи, могутъ быть самые разнообразныя матеріалы, между которыми редакція останется только выбрать то, что, по ея мнѣнію, будетъ въ особенности заслуживать изданія: исторія военная и дипломатическая, исторія финансовъ и администраціи, двора и государственныхъ учреждений, церкви, нравовъ, образованія, литературы, и т. д. Всѣ эти отдѣлы составляютъ, конечно, важныя источники историческаго изученія, но очевидно, что они важны — больше или меньше. Поэтому и изданіе, дѣлая выборъ между ними и обращаясь къ однимъ преимущественно передъ другими, можетъ также приносить пользу литературѣ — больше или меньше, именно смотря по тому, насколько оно удовлетворитъ существующимъ потребностямъ литературы. Эти потребности, кажется намъ, состоятъ теперь въ томъ, что интересы изученія обращаются больше не къ той только внѣшней государственной, военной, генеалогической и дипломатической исторіи, какая прежде исключительно наполняла историческія книги, но въ особенности къ исторіи внутренняго развитія, — бытъ, нравовъ, понятій,

образованности, учреждений, въ ихъ непосредственной связи съ жизнью, и т. д. Эта внутренняя исторія за послѣднія два столѣтія представляетъ еще слишкомъ много пробѣловъ, которые во многихъ случаяхъ могутъ быть пополнены только при тѣхъ обильныхъ источникахъ матеріала, какими, повидимому, владѣетъ Историческое Общество, и которые всего чаще бываютъ недоступны для частныхъ изслѣдователей. Здѣсь, въ содѣйствіи изученію этой внутренней исторіи націи и общества, и могла бы заключаться лучшая заслуга, какую Историческое Общество можетъ оказать въ дѣлѣ русской исторіи и какую оно безъ сомнѣнія окажетъ, если рѣшится смотрѣть съ современной точки зрѣнія на относительную важность историческаго матеріала.

А. П.-нъ.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Свят. Правит. Синода. Т. I. (1542—1721) С. П. Б. Стр. 776. Прилож. стр. CCCCLXXVI. Ц. 4 р.

Коммиссія, учрежденная первоначально въ концѣ 1865 г., собственно для разсмотрѣнія тѣхъ дѣлъ архива св. синода, которыя предполагались къ уничтоженію (около 44,000 д.), приступивъ къ исполненію этого порученія, нашла болѣе соответственнымъ цѣли своего учрежденія, представить въ хронологическомъ порядкѣ подробное описаніе всего, что хранится въ этомъ архивѣ любопытнаго для исторіи русской церкви и церковнаго законодательства, и что въ какомъ нибудь отношеніи важно вообще для исторической науки. Нельзя не быть признательнымъ духовному вѣдомству за такое распространеніе коммиссіею ея задачи, тѣмъ болѣе, что система описанія, которой она слѣдовала, такова, что трудъ ея, если не всегда замѣнитъ для изслѣдователя собственное обращеніе въ синодальный архивъ — именно потому, что даже лучшее описаніе историческаго акта не вполне можетъ замѣнить его, — то, по крайней мѣрѣ, значительно облегчитъ пользование этимъ архивомъ. Въ этомъ описаніи прежде всего сообщается нумеръ, подъ которымъ дѣло можно найти въ архивѣ, затѣмъ въ заголовкѣ вкратцѣ означаетъ содержаніе самаго дѣла, и если оно въ какомъ-нибудь отношеніи заслуживаетъ вниманія и не было еще нигдѣ напечатано, напр. въ Полн. Собр. Зак. или въ Читеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др.,

то вслѣдъ за заголовкомъ помѣщено болѣе или менѣе обширное извлеченіе изъ дѣла. При этомъ найденные въ дѣлахъ историческіе документы извлечены изъ нихъ, и нѣсколько такихъ документовъ, представлявшихъ наиболѣе интереса, напечатано въ приложеніи. Впрочемъ, нужно замѣтить, что не одни въ собственномъ смыслѣ документы напечатаны цѣликомъ въ этомъ приложеніи. Въ немъ занимаютъ очень много мѣста обширныя описи нѣсколькихъ ризницъ, и жалъ, что, при назначеніи материаловъ въ печать, не была соблюдена въ этомъ отношеніи нѣкоторая экономія, такъ какъ въ подобныхъ описяхъ можетъ представлять еще нѣкоторый интересъ то, что заключалось въ книгохранительныхъ кельяхъ, и совершенно лишены его тянущіяся въ каждой описи на цѣлыхъ страницахъ перечисленія одинаковыхъ въ каждой ризницѣ саккосовъ, омфорій, эпитрахилей, клобуконъ, парчей и т. д. Независимо отъ документовъ, отпечатанныхъ въ приложеніи цѣликомъ, этотъ томъ представляеть уже одно описаніе: 1) небольшого числа документовъ XVI, XVII и начала XVIII стол.; 2) нѣсколькихъ дѣлъ, поступившихъ въ св. синодъ изъ монастырскаго приказа и камеръ-коллегіи; и наконецъ 3) дѣлъ, начатыхъ производствомъ въ св. синодѣ въ продолженіи 1721 г. Этого послѣдняго рода дѣла, тянувшихся часто многіе года, всего больше. Дѣлъ же и документовъ, относящихся къ XVI и XVII ст. (1542—1697 г.), въ синодальномъ архивѣ всего 16 нумеровъ, и описаніе ихъ, состоящее почти изъ однихъ заголовковъ, занимаетъ въ настоящемъ изданіи очень немного мѣста. Челобитная московскаго митрополита Макарія и всего духовнаго чина Іоанну Грозному о вольностяхъ церковныхъ и о неогнати движимыхъ и недвижимыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ имѣній; двѣ царскія жалованныя грамоты волостнымъ крестьянамъ, одна 1555, другая 1622 г., которыми за разъ опредѣленную ежегодную сумму предоставлено крестьянамъ избирать изъ среды себя, для суда и расправы, старость, дѣловальниковъ, земскихъ дьяковъ и мірскихъ выборныхъ судеевъ; грамота патріарха Іоаннима объ изыятіи изъ общаго порядка епархіальнаго управленія церквей патріаршей области; сказки и именныя исповѣдныя росписи о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди—таково

главнымъ образомъ содержаніе этихъ древнѣйшихъ актовъ.

Изъ дѣлъ, начатыхъ производствомъ дѣла учреждения св. синода въ 1721 году и послѣ переданныхъ въ него, болѣе другихъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдственное дѣло о растратѣ архимандритомъ Георгіемъ Дашковымъ денежной казны и монастырскаго имущества (№ 83/103). Началось это дѣло въ 1718 по донесенію казначея Троицкаго Сергіева монастыря и продолжалось послѣ до 1729 г. Изъ дѣла этого видно, что архимандритъ Георгій любилъ весело позитъ, тратилъ монастырскую казну на хорошіе экипажи и на хорошіе столы, который имѣлъ не за трапезою съ братьями а въ своей кельѣ, любилъ принимать у себя многочисленныхъ родственниковъ своихъ сужеными и дѣтьми, гостившими у него по недѣлѣ, а самъ онъ, когда отправлялся по приписнымъ монастырямъ или къ роднымъ своимъ въ гости, то «вздитъ по часту дугомъ и забираетъ съ собою столовые многіе припасы и монастырскихъ служителей беретъ человекъ по 150, а лошадей по 200, и въ тѣхъ монастырѣхъ живетъ многія числа, а у шатровъ и у палатокъ стоятъ на караулѣхъ отъ гвардіи отставные солдаты»... Это былъ настоящій prince d'église, и мы думаемъ, что если бы великолѣпный князь Тавриды, какъ поэты называли Потемкина, исполнилъ свое первоначальное намѣреніе и постригся, то вѣроятно жилъ бы въ монастырѣ не лучше архимандрита Георгія. Связи у Георгія были большія: зять у него былъ князь Давыдовъ, о которомъ упоминается, что онъ монастырскими людьми заготовилъ себѣ лѣсъ на хорошее строеніе и на монастырскихъ же подводахъ перевезъ лѣсъ къ себѣ въ Москву; а князю Якову Фед. Долгорукову архимандритъ Георгій далъ изъ монастырскаго казны 200 руб. и цугъ лошадей—значитъ, еще одно подтвержденіе, что князь этотъ, пользовавшійся до исторіи С. М. Соловьева репутацией великаго патриота, и о которомъ Пушкинъ вдохновенно восклицаетъ: «не всякъ князь Яковъ Долгорукій», былъ не совсѣмъ чистъ на руку. Слѣдствіе, порученное первоначально майору Ушакову, замѣчательно только необыкновеннымъ умѣньемъ Георгія затягивать дѣла и увертываться отъ него, да еще развѣ огромнымъ, едва вѣроятнымъ, числомъ свидѣтелей, которыхъ допрашивали: по нѣкоторымъ пуни-

дѣла обвиненія было сиршено болѣе 800 ченовъ. Не ускорилось производство слѣдствія и съ передачею его св. синоду, указовъ котораго Георгій, рукоположенный между тѣмъ въ епископа ростовскаго, не исполнять. Объясняется все это тѣмъ, что Георгій оказалъ большія услуги по усмирению астраханскаго бунта, и государь не забывалъ этихъ услугъ. Изъ дѣла не видно, чтобы слѣдствіе привело къ какому-нибудь результату.

Къ 1720 году относится одно любопытное письмо (№ 69/2) нижегородскаго епископа Питирима, известнаго своими «Отвѣтами раскольникамъ» къ архимандриту Антонію въ Москвѣ. Питиримъ, котораго раскольники называли своимъ гонителемъ, пишетъ, что раскольники боятся отъ Антонія страхъ, «понеже Михайлоде пощъ истязуетъ ихъ зѣло», а у нихъ въ Нижнемъ ни въ чемъ раскольниковъ не истязуютъ, да и не слѣдуетъ; также проситъ Питиримъ приказать священникамъ, если позовутъ раскольники, молитвы давать и младенцевъ ихъ крестить и причащать, «понеже младенецъ, что знаетъ и за что его лишать такого таинства»... Очевидно, что здѣсь высказывается крайне гуманнѣйшій взглядъ и совершенно противоположный тому, по которому дѣти раскольниковъ, происшедшіе отъ браковъ, не въбчанныхъ православною церковью, призываются въ гражданской жизни незаконно-рожденными.

Въ числѣ документовъ, напечатанныхъ въ приложеніи и относящихся также ко времени до учрежденія св. синода, прежде всего слѣдуетъ указать на пятнадцать писемъ Петра В. къ митрополиту рязанскому Стефану. Эти письма, за время съ 1703 по 1720 г., писаны частью собственноручно съ походовъ, и содержать увѣдомленія о «викторіи» или о бракахъ и рожденіяхъ въ царскомъ семействѣ, или же наконецъ касаются управления церкви. Изъ позднѣйшихъ писемъ любопытно письмо о взятіи Нарвы отъ 14 августа 1704 г. потому, что изъ него между прочимъ видно, до какого ожесточенія дошли наши войска въ этомъ дѣлѣ: послѣ того, что «непріятель подкопомъ крѣпко нашихъ подорвалъ», онъ бросился въ старую крѣпость и въ замокъ, въ которомъ, когда наши отъ него ворвались, «непріятелю добрый трактamentъ былъ, что и младенцевъ немного пощадилъ.» — Въ письмѣ отъ 31 октября 1708 г. о

преданіи Мазепы анаемѣ, Петръ В. пишетъ: «Чеснѣйшій отче! Понеже паче всякаго чаянія Мазепа второй Юда нравомъ и образомъ, паче же дѣйствомъ явился я, оставя православіе, къ еретикамъ шведамъ ушелъ, обманя три персоны старшинъ же... и вмѣсто защищенія, такожъ какъ великій строитель оныхъ былъ святымъ церквамъ, нынѣ проклятый гонитель онымъ учинился (понеже недалеко отъ Новгорода шведы въ одной церкви лошадей поставили), о чемъ сей народъ, отъ сего Юды проклятаго зѣло утѣсненный всегда плакалъ (чего мы не въдали доселѣ), а наипаче нынѣ, того ради извольте онаго за такое его дѣло публично въ соборной церкви проклятію предать. *Piter.*» —

При письмѣ отъ 22 генв. 1722 г. приложено было особое изъясненіе, по которому архіереи, при посвященіи своемъ, должны были объѣщаться: ради ссоръ никою не проклинать, съ противниками св. церкви поспугать съ разумомъ и кротостію, монаховъ содержать по положеннымъ правиламъ и уставамъ, не давая имъ съитаться изъ монастыря въ монастырь или входить, безъ особаго разрѣшенія, въ дома мірянъ; церковей свыше потребности «для пріхотей» самому не строить и другимъ не позволять, дабы онѣ послѣ не дустѣли; священно- и церковнослужителей, прибытка ради, не ставить; паству объѣзжать каждагодно или покрайней мѣрѣ каждые два или три года и заботиться объ искорененіи расколовъ и суетврія, а также смотрѣть, чтобы несвидѣтельствоваанныхъ отъ церкви гробовъ за святиню не почитали и чтобъ «святыхъ иконъ не боготворили и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли, отъ чего противнымъ способъ дается въ поношенію на православныхъ, но почитали бы оныя по разуму святыхъ православныхъ католическія церкви»...

Изъ другихъ помѣщенныхъ въ «Описаніи» писемъ, упомянемъ о письмѣ управлявшаго монастырскимъ приказомъ, гр. Ив. Мусина-Пушкина, къ митрополиту рязанскому Стефану, отъ 15 сентяря 1716 г., по поводу сочиненія его противъ иконоборцевъ: «Камень вѣры». Книгу слѣдовало отдать въ печать, если въ ней уже сдѣланы были необходимыя исправленія. Имена Лютера, Кальвина и иныхъ противниковъ не возбраняется написать: «... тоемо съ доводомъ письма святаго и святыхъ соборовъ и отцевъ, въ противность имъ многого поношенія и брани

видится неприлично быть, но истинною обличить, нежели бранить»...

14-го февраля 1721 г. происходило открытіе св. синода. Воплотившись въ коллегіи, въ учрежденіи, высшая духовная власть въ государствѣ должна была прежде всего опредѣлить свое мѣсто среди другихъ государственныхъ учреждений и свои отношенія къ сенату, стоявшему во главѣ этихъ учреждений. Всѣ коллегіи были подчинены сенату, но очевидно, что эта новая духовная коллегія, сознававшая, что она замѣнила собою власть патриарха, не могла стать въ подобныя отношенія подчиненности къ сенату. Отсюда частыя пререканія между св. синодомъ и сенатомъ о власти и рангѣ. Ближайшій поводъ къ такимъ пререканіямъ былъ въ сущности довольно ничтожный. Мы именно видимъ, что на первыхъ же порахъ по официалномъ открытіи св. синода, вниманіе его отвлечено отъ высокихъ интересовъ вѣры и духовной жизни народа и поглощено — увь! — заботами объ образованіи своей канцеляріи, о вызовѣ въ нее секретарей и подъячихъ. Опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ гражданскаго вѣдомства зависѣло отъ сената. Но св. синодъ, основываясь на докладѣ, съ которымъ онъ вошелъ, тотчасъ по своемъ открытіи, прямо къ государю, послалъ отъ себя въ Москву и въ другіе города солдатъ преображенскаго полка за чиновниками, переведенными, какъ видно, безъ ихъ вѣдома, на службу въ синодальную канцелярію. Объ этомъ распоряженіи, когда оно было сдѣлано, синодъ увѣдомилъ сенатъ. Тогда сенатъ, съ своей стороны, объяснилъ синоду, что онъ можетъ требовать къ себѣ на службу только тѣхъ дьяковъ и подъячихъ, которые служатъ въ духовныхъ приказахъ или въ монастыряхъ, а изъ гражданскихъ чиновниковъ лишь тѣхъ, которые находятся не у дѣлъ въ коллегіяхъ и подчиненныхъ имъ мѣстахъ. Синодъ обидѣлся этимъ и послалъ съ жалобою на сенатъ переводчика своего Розенблута въ Ригу, гдѣ въ то время находился государь. Очевидно, что такая посылка ни въ какомъ случаѣ не могла возстановить добраго согласія между двумя высшими государственнымнiи установленіями. Судя по одному дѣлу, можно заключать, что сенатъ, неисполняя вѣдѣній синода о присылкѣ служившихъ уже по гражданской части лицъ, назначенныхъ секретарями въ духовную коллегію, основываясь на генеральномъ регла-

ментѣ, которымъ положено: «въ секретари ты сказывать въ сенатѣ». По мнѣнію же тогда это могло относиться только къ тѣмъ чиновникамъ, о назначеніи которыхъ преденты и члены коллегій будутъ доносить сенату, а не къ тѣмъ, которые были опредѣлены на новыя мѣста по собственному докладу синода государю. Такимъ образомъ, весь споръ съ точки зрѣнія сената, сводился къ вопросу: зачѣмъ же синодъ прямо отъ себя докладываетъ государю о такомъ предметѣ, который по регламенту уже принадлежать къ вѣдомству и власти сената? — Но всего любопытнѣе то, что на службу въ св. синодъ вообще никто не желалъ вступать: отъ нея одинаково уклонились и служившіе въ гражданскомъ вѣдомствѣ и тѣ, которые служили въ присутственных мѣстахъ, находившихся подъ вѣдѣніемъ самаго синода. Относительно послѣднихъ очевидно не могло быть противодѣйствія со стороны сената, отъ котораго однако синодъ требовалъ сатисфакціи. Въ чемъ же заключалась дѣйствительная причина всеобщаго уклоненія отъ перехода на службу въ синодъ, — изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ «Описаніи», не вполне ясно. Невыгодна была эта служба, или чувствовался, можетъ быть, въ ту эпоху реформъ, такъ назыв. недостатокъ въ людяхъ, подъ которымъ у насъ часто разумѣютъ собственно недостатокъ въ чиновникахъ и подъячихъ, — положительно сказать нельзя. Видно только, что для удержанія на мѣстахъ лицъ уже разъ назначенныхъ, но тѣмъ не менѣе укрывавшихся и бѣгавшихъ отъ этихъ мѣстъ, св. синодъ долженъ былъ прибѣгать къ угрозамъ вѣчною работою на галерахъ и къ съяскамъ чрезъ полицію (МѢМ^{104/25} и ^{250/414}

Въ томъ же затруднительномъ положеніи, какъ самъ синодъ, находились, вслѣдствіе недостатка въ приказныхъ, и назначенный судьей въ монастырскій приказъ Ершовъ. Требованія Ершова, послышавшаго въ синодѣ доношеніе за доношеніемъ о назначеніи въ приказъ «потребныхъ людей довольнаго числа» были, конечно, не малыя. Въ одномъ изъ такихъ доношеній онъ, между прочимъ, пишетъ, что ему для разныхъ отправъ въ приказѣ «надобно человекъ больше ста», что въ вотчинахъ монастырскихъ настало время дѣловое, приказчиковъ же нѣтъ. А между тѣмъ при отъѣздѣ изъ Петербурга въ Москву на новое свое мѣсто, Ершовъ взялъ

уже съ собою нѣкоторое число отпущенныхъ изъ синода приказныхъ. По крайней мѣрѣ онъ ссылался на нихъ, когда, получивъ казенные прогоны и право воспользоваться ямскими подводами, отъѣзжалъ въ Москву съ женою и со всѣмъ домою и жаловался синоду на несправедливую обиду, учиненную ему ямскимъ приказомъ, именно, что въ этомъ приказѣ «опредѣляютъ ему только десять подводъ, а ему меньше двадцати пяти подводъ управиться не безъ малыхъ трудностей» (№ 259/).

Крайне напряженныя отношенія между св. синодомъ и сенатомъ сдѣлали то, что св. синодъ въ вѣдѣніяхъ своихъ и указахъ сталъ безпрестанно изъяснять, что «его повелѣно всѣмъ, всякаго чина духовнымъ и мірскимъ персонамъ за важное и сильное правительство имѣть; — что оный синодъ имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже есть соборъ; — что синодъ имѣетъ равную честь и силу въ духовномъ правительствѣ, какъ сенатъ въ свѣтскомъ» и т. п. Выставляя это на видъ, св. синодъ не пропускалъ случая опротестовать всякое, хотя бы и кажущееся только умаленіе его чести. Встрѣчаясь съ подобными протестами, нельзя не подумать, что истиническія понятія, по которымъ всякое установленіе имѣло свою честь, не исполнѣ еще вымерли въ періодъ петровской реформы. Но не это одно было причиной крайне ревнивыхъ береганій синодальной чести: заступивъ мѣсто патріарха, св. синодъ долженъ былъ блюсти, чтобы какъ-нибудь не уронить, сравнительно съ прошедшимъ, значенія высшей духовной власти въ государствѣ, а между тѣмъ для этого прошедшаго въ преобразованномъ государствѣ уже не было мѣста, и для новыхъ свѣтскихъ учреждений, съ сенатомъ во главѣ, синодъ, былъ прежде всего коллегіей, вѣдавшей духовныя дѣла. Къ тому же новыя требованія государственнаго управленія сами по себѣ были такого рода, что о прежней отдѣльности и безответности духовнаго вѣдомства, особенно въ дѣлахъ денежныхъ, вообще не могло быть рѣчи. А это опять давало поводъ къ столкновениямъ. Такъ, напр., сенатъ сообщилъ однажды (26 мая 1721 г.) синоду, чтобы положенныя съ раскольниковъ двойныя окладныя деньги отсылать въ штатсъ-конторъ-коллегію, т. е. въ тогдашнее государственное казначейство, а штрафы по духовнымъ дѣламъ брать въ правит. синодъ,

но рапортовать о нихъ въ камеръ и въ штатсъ-конторъ-коллегіи. Въ такомъ чисто дѣловомъ требованіи очевидно ничего обиднаго не было, такъ какъ должны же были центральныя финансовыя учрежденія имѣть свѣдѣнія о количествѣ поступающихъ въ духовное вѣдомство штрафныхъ денегъ, и единственно, что духовная коллегія могла бы въ настоящемъ случаѣ не безъ основанія возразить, такъ это то, что сообщаться посредствомъ рапортовъ съ другими коллегіями ей не приходится. Но синодъ, видя въ этомъ требованіи прежде всего «приказаніе», которое предложено къ уменьшенію данной ему отъ царскаго величества чести и къ нарушенію равенства его съ сенатомъ, отвѣчалъ между прочимъ: «что правительство духовное имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, а къ патріаршескому лицу отъ свѣтскаго правленія повелительныхъ писемъ не посылалося...» Кроме того, самое представленіе отчетности въ камеръ-коллегію казалося для синода напраснымъ отягощеніемъ и основаннымъ, будто бы, на одномъ только обидномъ для него подозрѣніи, «аки бы синодъ въ интересахъ невѣроугоденъ былъ», тогда какъ онъ не менѣе камеръ-коллегіи и сената обязанъ оберегать государственный интересъ, «а въ похищеніи интересовъ не тоцію не явился, но никогда тому еще и не учился и впредь учиться не намѣренъ» *).

При такихъ отношеніяхъ между синодомъ и сенатомъ, не удивительно, что когда одинъ изъ дьяковъ монастырскаго приказа, Артемьевъ, начавъ противъ подъячихъ этого же приказа изслѣдованіе о злоупотребленіяхъ по отдѣчѣ ими на откупъ одного завода въ вотчинѣ Чудова монастыря, донесъ о томъ прямо сенату, то синодъ наложилъ на Артемьева штрафъ въ 100 руб. за то, что онъ «доношеніе мимо св. правит. синода писалъ въ правит. сенатъ.» Все по той же причинѣ св. синодъ видѣлъ во всякой опискѣ въ его титулѣ неуваженіе къ себѣ и налагалъ на провинившихся штрафъ. Такъ митрополитъ сарскій Игнацій обвинялся въ противностяхъ св. синоду и въ умаленіи синодальной чести за то, что онъ замедлил высылкою изъ Москвы въ Петербургъ подъячихъ бывшаго патріаршаго приказа и при этомъ въ

*) №№ 321/358, 118/371, 280/414, 492/283, 123/260.

донесеніи своемъ, вмѣсто того, чтобы писать: «свят. правит. синоду», написалъ: «въ духовную коллегію св. правит. синоду». Это первоначальное названіе—духовная коллегія—стало особенно неприятнымъ. Но митрополитъ Игнатій оправдывался тѣмъ, что видѣлъ «публикованіе печатными листами, за собственною его величества рукою, что сочинена духовная коллегія». Не лишено интереса также и слѣдующее обстоятельство. Для сына раскольниковъ и взыскація съ нихъ двойного оклада, а также штрафа съ неисповѣдывавшихся, посланъ былъ въ новгородскую епархію поручикъ Коптѣловъ, который въдомости о собранныхъ деньгахъ и самыя деньги долженъ былъ высылать въ св. синодъ. Но такъ какъ осенью 1721 г. большая часть синодальныхъ членовъ, чтобы присутствовать на торжествѣ по случаю заключенія мира съ Швеціею, перѣѣхала въ Москву, то Коптѣловъ свои въдомости посылалъ не въ Петербургъ, а въ Москву, гдѣ, какъ онъ выразился, «главныя вашего святѣйшества персоны обрѣтаются.» Оставшіеся же въ Петербургѣ члены обвиняли Коптѣлова въ нарушеніи данной ему инструкціи. «А что онъ, Коптѣловъ, сумѣсляетъ своимъ св. синодъ въ персонахъ раздѣляетъ, — то велѣно ему написать въ указѣ, чтобы онъ впредь такъ собою не малоумничалъ.» Когда же Коптѣловъ началъ оправдываться отъ такого сумыслия тѣмъ, что о порученномъ дѣлѣ туда и должно докладывать, гдѣ главныя персоны, то св. синодъ, видя въ подобномъ оправданіи презрѣніе своей власти и объясняя ему въ указѣ, что онъ «учинилъ сугубую глупость и оною въ бусловіе преклонися,» — грозилъ ему судомъ *).

Всего больше мѣста занимаютъ въ «Описаніи» многочисленныя дѣла и документы по части раскола. Видно, что на заботы о преслѣдованіи и искорененіи раскола главнымъ образомъ обращено было вниманіе и уходила дѣятельность новаго духовнаго правительства. На другой же день по открытіи св. синода, именно 15 февраля 1721 г., Петръ Великій писалъ къ князю Ромодановскому, чтобы дьяки преображенскаго приказа, въ которомъ до того вѣданы дѣла о расколѣ, въ нихъ болѣе не вступались, такъ какъ они поручены духовной коллегіи. Положеніе, въ которое раскольники по-

ставлены были указомъ 18 февраля 1716 г., и которое св. синодъ засталъ, было таково, что ихъ переписывали съ положеніемъ въ двойной окладъ и брали съ нихъ «почему купечество въ посады, а крестьяне съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ платять — вдвое.» Этихъ, записанныхъ въ двойной окладъ, называли *записными раскольниками*, въ отличіе отъ тайныхъ, «крыющихся». Положеніе записныхъ раскольниковъ было вообще терпимое, и оттого встрѣчаются примѣры открытой, добровольной записки въ расколъ. Такъ, нѣкимъ Кузьмой Истоппениковымъ подано было юрьевскому провинціальному воеводѣ прошеніе о томъ, что онъ со всѣмъ семействомъ желаетъ имѣть вѣру по старопечатнымъ московскимъ книгамъ и будетъ платитъ двойной окладъ, но при этомъ онъ желалъ бы получить указъ, чтобы приходскій священникъ не принуждалъ его къ исповѣди. Изъ этого же дѣла видно, что въ Шуѣ кушцы съ семьями ихъ также открыто записались въ расколъ. Но главная дѣятельность духовнаго правительства заключалась въ изысканіи «крыющихся» раскольниковъ, въ обложеніи ихъ двойнымъ окладомъ, въ зысканіи окладныхъ и разныхъ штрафныхъ денегъ и въ наблюденіи за священниками, чтобы они не утаивали ни раскольниковъ, ни тѣхъ прихожанъ, которые не бывають у исповѣди. Всѣ эти дѣла сосредоточивались въ состоявшей при св. синодѣ тунской палатѣ, переименованной потомъ въ приказъ церковныхъ дѣлъ. Впрочемъ, на тунскую палату возложена была обязанность наблюдать не за одними раскольниками, но и за церковнымъ благочиніемъ въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему новозавоеванныхъ городахъ. Тунъ долженъ былъ смотрѣть: «протопопы, священники, діаконы и прочіе церковники въ своемъ званіи исправноль пребываютъ, не пьянствуютъ ли и въ церкви не кощунствуютъ ли; не таскаются ли сѣмо и овамо оставившіе церкви священники и діаконы...» Здѣсь же прописывается встать, что замѣнявшіе въ духовномъ въдомствѣ фискаловъ инквизиторы должны смотрѣть: «... дабы не происходили отъ церковниковъ непотребныя *блжности*, а именно: не шумѣли-бы и не ложились бы спать по улицамъ, или что горшее, въ святыхъ церквахъ не шумѣли пьяни, не дѣлали-бы церковнаго молебствія двоегласно, не ссорились бы по мужичью на

*) № № 263/418, 230/168 и 260/261.

обѣдахъ, не истязовались бы въ гостяхъ подчиванья, и не являли бы силы и храбрости къ питью, не мужались бы въ бояхъ кулачныхъ» и т. д. Мы видѣли, что для дѣйствій на мѣстѣ по раскольниковымъ дѣламъ, именно для переписки раскольниковъ, сбора съ нихъ двойного оклада и штрафныхъ денегъ, назначенъ былъ въ новгородскую епархію поручикъ Коптѣловъ. И въ другихъ епархіяхъ, въ которыхъ было значительное число раскольниковъ и много дѣлъ объ нихъ, встрѣчаются особыя, «опредѣленные въ нимъ персоны»: въ нижегородской епархіи, гдѣ съ расколомъ боролся духовнымъ оружіемъ Питиримъ, такой персоной былъ вице-губернаторъ Ржевскій, въ Москвѣ полковникъ Плещеевъ, въ Лмбургѣ и въ Копорьѣ поручикъ Зиновьевъ. Сохранилась инструкция, данная св. синодомъ, 26 іюня 1721 г., Коптѣлову, при отправленіи его въ новгородскую епархію. Изъ нея видно, что сборъ двойного оклада онъ долженъ былъ начать съ самаго 1716 года, когда былъ изданъ вышеупомянутый указъ. При этомъ дана была Коптѣлову присланная изъ камеръ-коллегіи вѣдомость «сколько купецкіе люди и крестьяне какихъ податей платяютъ, противъ которыхъ надлежитъ оныхъ расколщиковъ вдвое обложить». Этотъ двойной окладъ, точно такъ же какъ и штрафныя деньги съ небывшихъ у исповѣди, въ случаѣ неплаты ихъ добровольно, велѣно было взыскивать правеземъ. До какихъ значительныхъ размѣровъ доходили иногда денежныя взысканія съ раскольниковъ, видно изъ того, что съ одного тягльца причитывалось за 1720 и 1721 года двойного оклада 320 руб., да за исправленіе у него въ домѣ двухъ требъ раскольниковымъ попомъ, за каждую потребу вдвое противъ податей, еще 320 р., а всего 640 руб.,—сумма, по тому времени, весьма не малая. Очевидно, что остроумная политика: «бить по карману» не есть вовсе изобрѣтеніе нашихъ дней и, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ расколу, давно практиковалась въ русской исторіи.—При исчисленіи двойного оклада брали въ расчетъ всѣ подати, подъ какими бы названіемъ онѣ ни платились. Такъ напр., оброчные крестьяне одного села московской губ. въ челобитьи своемъ, поданномъ царю Екатериной Алексѣевной, просятъ въ видѣ милости, чтобы государь ихъ пожаловалъ, избавилъ отъ конечнаго разоренія и велѣлъ, за

совершеніе у нихъ требъ по старопечатнымъ книгамъ, брать съ нихъ противъ указа 1716 г. съ тяглыхъ жеребьевъ ихъ вдвое, но освободилъ отъ двойного оклада тѣхъ податей, которыя они платили съ торговъ и промысловъ и о которыхъ приказъ церковныхъ дѣлъ потребовалъ уже свѣдѣній изъ московской таможи, для опредѣленія двойного ихъ оклада. Въ разрѣшеніе сомнѣнія, сколько слѣдуетъ взыскивать штрафа съ женъ раскольниковъ, дочерей ихъ и вдовъ, св. синодъ постановилъ брать съ нихъ тоже, что и съ мужчинъ, «понеже отъ женска полу паче происходятъ раскольниковскія мерзостныя прелести». Раскольниковъ изъ разночинцевъ, которые, не смотря на правезъ, оказались бы несостоятельными, велѣно было посылать для заработка штрафныхъ денегъ: мужчинъ въ адмиралтейство на галерную и другія работы, а женщинъ въ придѣльный домъ въ С.-Петербургѣ. Такихъ несостоятельныхъ въ вѣдѣніи приказа церковныхъ дѣлъ насчитывалось болѣе 2000 человекъ*).

Расколъ въ это время имѣлъ своихъ адептовъ не только въ средѣ крестьянъ, купцовъ и разночинцевъ, но и въ высшихъ сферахъ. Въ этомъ убѣждаетъ дѣло о князѣ Ефимѣ Мещерскомъ, который, по доношенію тайной розыскной канцеляріи, присланъ былъ, вмѣстѣ съ показавшими на него свидѣтелями, въ св. синодъ и, по уличеніи въ расколъ, сосланъ въ 1721 г. въ Соловецкій монастырь, гдѣ оставался въ заточеніи до 1730 г., когда, по случаю коронаціи Анны Іоанновны, былъ возвращенъ. Въ домѣ у кн. Мещерскаго открыта была комната съ устроенными крестообразно окнами и найдены дароносица, образъ, книга «сложенія его, Мещерскаго» о чудесахъ того образа, мощи, два хлѣба артуса и стеклянный колоколь. Свидѣтели показывали, что когда они были у князя Ефима въ домѣ, то онъ съ начала службы трижды ударялъ въ стеклянный колоколь, дѣлил ихъ какими-то сухариками, говоря, чтобы принимали этотъ хлѣбъ со страхомъ, а тѣхъ, которыхъ ударяло о-земь, билъ четками, приговаривая: «изъиди нечистый духъ», и кропилъ изъ водосвятной чаши водою. Сознаваясь во всемъ этомъ, Мещерскій раскольниковъ

*) Прилож. № XIX и №№ 502/523, 507/508, 608/300, 610/304.

себя не считалъ, а говорилъ, что дѣлалъ это «съ-проста и въ томъ виноватъ». Богомолье же у себя въ домѣ устроилъ вскорѣ постѣ нарвскаго похода, за избавленіе отъ смерти, благодаря образу, который былъ тогда при немъ и для котораго обѣщаль построить церковь. Отъ этого образа бывали чудеса, которыя онъ и описалъ въ своей книгѣ. Свидѣтели, принадлежавшіе къ молитвенному обществу вв. Мещерскаго и бывшіе вмѣстѣ съ нимъ на допросѣ, молились двуперстно, въ чемъ нѣкоторые изъ нихъ сознались уже въ застѣвкѣ. Одинъ изъ нихъ, пересылаемый для допросовъ изъ преображенскаго приказа въ приказъ церковныхъ дѣлъ и обратно, долгое время колебался относительно двуперстнаго сложенія и соглашался отъ него отказаться только въ такомъ случаѣ, если ему покажутъ руку св. апостола Андрея съ треперстнымъ сложеніемъ. Потомъ онъ снова отказывался отъ соединенія съ церковью, говоря, что «и руки св. Андрея видѣть не желаетъ». Наконецъ, въ Петербургѣ съ розыску онъ вторично соглашался быть въ такомъ соединеніи, но подъ условіемъ, чтобы креститься ему дозволено было двуперстно, такъ какъ это не противно царскимъ указамъ, допускающимъ, при платежѣ двойного оклада, двоперстіе (№ 388—268).

Въ апрѣлѣ 1722 года, государь велѣлъ послать къ олонецкимъ раскольникамъ духовное лице, для «разглагольствія» съ ними и ради увѣщанія ихъ. Выборъ синода палъ на іеромонаха Неофита, который былъ рекомендованъ ему Питиримомъ, какъ искусный обличитель. Неофитъ, чтобы приготовить къ своей миссіи, цѣлый мѣсяцъ рылся въ приказахъ церковныхъ дѣлъ и въ книжныхъ лавкахъ, отыскивая необходимыя ему для диспутовъ съ раскольниками книги. Когда, наконецъ, по распоряженію синода, всѣ книги были доставлены, что составило небольшую бібліотеку, то Неофитъ отправился въ путь и въ концѣ сентября прибылъ на Петровскіе заводы. Тамошніе раскольники уже давно знали о назначеніи къ нимъ Неофита и, какъ только онъ пріѣхалъ, послали къ нему трехъ челоѣкъ просить его, чтобы разглагольствіе съ ними онъ отложилъ до зимняго пути, когда замерзнетъ Онежское озеро и имъ легче будетъ собраться, а также, чтобы онъ изложилъ имъ на письмѣ, о чемъ онъ будетъ съ ними разговоры вести. Неофитъ

уважалъ обѣ просьбы и въ ноябрѣ послалъ имъ въ выговскую обитель сочиненные имъ вопросы съ увѣщаніемъ, а явку ихъ для преній о вѣрѣ отложилъ до конца декабря. Выговцы отозвались, что въ такое короткое время они не могутъ составить отвѣта на вопросы толикой важности, что состязанія о великихъ церковныхъ догматахъ требуютъ общихъ собраній всѣхъ пустынниковъ, да и кромѣ того, «чтобы разглагольство отвѣтное чинити», имъ нужно предварительно пріобрѣсти какъ стародеревянную, такъ и новопечатную книги, люди же они занятые, сыскиваютъ руду по государевымъ указамъ. Мѣсяцъ за мѣсяцемъ проходилъ, а отвѣты все не являлись. Тщетно посылались изъ канцеляріи Муравьева, бывшаго ландратомъ на заводахъ, указы о немедленной присылкѣ отвѣтовъ. Выговцы назначали новые сроки, по наступленіи которыхъ они снова объявляли, что отвѣты еще не изготовлены. Наконецъ уже черезъ полгода, 1-го іюля 1723 г., старообрядцы доставили Неофиту эти давно ожидаемые отвѣты, которые, какъ доносилъ онъ синоду, «преисполнены ко святой церкви всякаго грубословія и противословія». Всего обиднѣе для Неофита было то, что сами расколочители постоянно уклонялись отъ всякихъ сношеній съ нимъ, являлись же къ нему все болѣе второстепенныя личности. На самомъ разглагольствіи, окончателно состоявшемся въ сентябрѣ мѣсяцѣ, т. е. уже черезъ годъ послѣ пріѣзда Неофита, раскольники или отмалчивались отъ обличеній, ссылаясь на письменные свои отвѣты, или отвѣчали весьма уклончиво и двусмысленно. Напр., на вопросъ о треперстномъ сложеніи: православіе оно или ересь, они отвѣчали: «судомъ де облагати не дерзаемъ, а пріяти не можемъ». А на вопросъ Неофита о государѣ, о св. синодѣ и о всѣхъ православныхъ христіанахъ: «въ православной ли они вѣрѣ, или ни?» — выговцы отвѣчали «императорское-де величество именуемъ благочестива и православна»,—а св. правит. синодъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, не смотря на всѣ увѣщанія Неофита и бывшаго съ нимъ духовенства и властей, «не возмogli назвати православными», сказали только: «мы-де не зазираемъ». Въ этомъ же родѣ они отвѣчали и на другіе вопросы (№ 403/262).

Миссія видимо не удалась и неусгѣхъ ея Неофитъ приписывалъ полной свободѣ, кото

рою пользовались олоонецкіе раскольники. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ свои донесенія въ синодъ и предлагалъ, взаимнѣ всякихъ дальнѣйшихъ разглагольствій, принять противъ нихъ болѣе или менѣе строгія мѣры. Синодъ, соглашаясь съ этими донесеніями, послалъ указъ на имя Муравьева о перепискѣ раскольниковъ и обложеніи ихъ двойнымъ окладомъ. Съ своей стороны выговцы, обратившіеся сначала съ письмомъ къ Муравьеву, въ которомъ, прописавъ, что онъ исполнени свое дѣло и волю правительства, просили его засвидѣтельствовать, что они отъ разглагольства не отбывали, послѣ подали открыто сказку, что имъ не слѣдуетъ платить двойного оклада, такъ какъ имъ вѣрно сыскивать руду на повѣнецкіе заводы. Ссылаясь въ этомъ на указы, они отказались дать о себѣ вѣдомость. Обвиняя Муравьева въ потворствѣ раскольникамъ, св. синодъ потребовалъ на него у сената сатисфакціи; но сенатъ, «если не открыто держалъ сторону раскольниковъ, то дѣйствовалъ крайне слабо». Въ такомъ нерѣшительномъ состояніи дѣло и осталось и имѣло своимъ послѣдствіемъ только то, что обнаружилось нѣкоторое различіе во взглядахъ на расколъ у духовной и свѣтской власти.

Вообще мы видимъ, что духовная власть была недовольна свѣтскою и жаловалась на нее, что она по разнымъ побужденіямъ, иногда даже не безкорыстнымъ, норовила раскольникамъ. Съ другой же стороны, встрѣчается множество извѣстій, судя по которымъ нельзя не прийти къ заключенію, что всего больше потворства оказывали расколу сами священники, которые должны были подавать вѣдомости о бывшихъ у исповѣди прихожанахъ своихъ, и которые за деньги включали въ эти вѣдомости и неисповѣдывавшихся. Указъ 18 февраля 1718 г. говорить объ этой «манѣ» раскольникамъ и грозитъ за такую ману денежными и другими наказаніями. Но этотъ указъ мало помогъ. По крайней мѣрѣ въ одномъ проектѣ, поданномъ св. синоду въ 1721 г. объ искорененіи раскола, именно — «въ пунктахъ, какъ можно раскольническую прелесть позвать и изслѣдовать кратко» *), говорится, что отягченные, незаписанные въ двойной окладъ живутъ подъ охраненіемъ отцовъ своихъ духовныхъ, или ихъ имѣютъ подъ видомъ». По-

слѣднее, очевидно, обходилось дешевле двойного оклада. Названный проектъ, сочиненный бывшими управителями тѣнсской палаты, двумя священниками Феофистовымъ и Михайловымъ, заключался въ томъ, чтобы по составленіи, на основаніи исповѣдныхъ росписей, списковъ раскольниковъ, списки эти изъ всѣхъ епархій прислать въ Москву, и затѣмъ всякій переходъ изъ прихода въ приходъ, съ квартиры на квартиру, а равно и всякую поѣзду по какому бы то ни было надобностямъ позволить не иначе, какъ по священническимъ писмамъ и поручнымъ записямъ, что лице не принадлежитъ къ расколу и съ раскольническими учителями не водится. Это значило во всѣмъ безчисленнымъ препятствіямъ къ передвиженію населенія съ мѣста на мѣсто, прибавить, по поводу раскола, еще сильнѣйшее. Аттестация отъ священника и еще больше поручительствъ, что человекъ не зараженъ расколомъ, — эта мѣра показала и въ XVIII столѣтіи, такъ усердно стягивавшемъ народную жизнь разными путями, уже черезчуръ странною. Нелѣпность подобнаго способа борьбы съ расколомъ обнаруживалась изъ тѣхъ самыхъ фактическихъ данныхъ, которыя встрѣчаются въ этомъ проектѣ, и которыя собственно одни только и любопытны.

Впослѣдствіи стало опасно изобличать раскольниковъ: въ Калугѣ дьячка Іосифа Петрова, за то, что онъ показалъ о принадлежности къ расколу тамошняго фискаля, почитенный послѣднему вабацкій бургомистръ Кузьма Золотаревъ, «захватя, билъ батогами... Такъ доносителя батожемъ и застѣли». Вся калужская администрація была, по тому же свидѣтельству, наполнена раскольниками: они были и въ ратушѣ, и въ тамошнѣ, и на кабакахъ и у соли... И все это, замѣтимъ, въ противность указа 1718 г., запрещаваго выбирать ихъ въ какія бы то ни было выборныя должности. По проискамъ же раскольниковъ, въ самой тѣнсской палатѣ назначаютъ къ дѣламъ однихъ и устраняютъ другихъ, и чинится часто «воровской подставочный розскасъ», для турбованія обличителей раскола. Въ примѣръ коварства потаенныхъ раскольниковъ, между прочимъ, приводится, что скажутъ они своимъ приходскимъ священникамъ, будто духовниковъ у себя имѣютъ, у которыхъ исповѣдывались, и которыхъ церквей тѣ духовники, «а по разбору такихъ и церквей не явилось, не токмо, что свя-

*) Прилож. № XXV.

щенниковъ»; или, принесутъ раскольническіе духовники повинную въ противностяхъ своихъ св. церкви, а дѣтей своихъ духовныхъ и прихожанъ во всемъ закроютъ; или наконецъ: по государевымъ указамъ повелѣно было брадоносцевъ, т. е. кромѣ крестьянъ и ямщиковъ, ловить, представлять въ туевскую палату и тамъ допрашивать, не ставятъ ли кто изъ нихъ брадобритія въ грѣхъ, а брады въ какую святость, «и не безъ того есть, что потаенные раскольники многіе брады обрили и допрашивать не кого и потому слѣду раскольническаго не мало потаено». О такихъ потаенныхъ раскол-

никахъ доносилъ подъячій Иванъ Соболевъ, «которой въ нынѣшнемъ 722 году въ генварі мѣсяцѣ явился мертвъ и изрѣзанъ безвѣстно»...

Мы остановились такъ долго на расколѣ потому, что въ дѣлахъ и документахъ 1-го тома «Описанія», какъ уже выше замѣтили, все болѣе разсѣяно о немъ любопытныхъ свѣдѣній. Нѣкоторыхъ другихъ предметовъ дѣятельности и заботъ духовнаго вѣдомства въ XVIII стол., о которыхъ встрѣчаются пока въ «Описаніи» одни болѣе или менѣе отрывочныя извѣстія, мы коснемся, когда выйдетъ продолженіе этого «Описанія».

В. У.

Некрологъ. — 4-го іюля, утонуть, во время купанья, въ Дуббельнѣ, около Риги, Дмитрій Ивановичъ Писаревъ (род. 1840 г.). При всей краткости своей жизни и небольшомъ числѣ глѣ литературной дѣятельности, онъ успѣлъ составить себѣ большое имя, благодаря своимъ личнымъ талантамъ и благородству характера, именно всему тому, что въ писателѣ не умираетъ и само обращается, по смерти его, въ новый предметъ изученія и размышленія. Покойный Писаревъ принадлежалъ къ числу тѣхъ талантовъ, которые даются людямъ не даромъ, а подъ условіями весьма благоприятной внѣшней обстановки; не случись этихъ условій, или встрѣтись даже условія неблагоприятныя, и талантъ этихъ людей обращается для нихъ въ тяжкое испытаніе, которое натура переноситъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ товще и чувствительнѣе ея внутренняя организація. Вотъ почему судьба Писарева вызываетъ къ себѣ сильную симпатію, основанную уже не на сходствѣ убѣжденій, взглядовъ партій, но на томъ, что дѣлаетъ намъ близкимъ и роднымъ все человеческое. Тревога слишкомъ рано проснувшейся души составила его удѣлъ, и кто отъ всего сердца не пожалѣетъ, что конецъ сомнѣніямъ, волновавшимъ его и устремлявшимъ къ непрерывной дѣятельности ума, положила смерть, а не новый фазисъ развитія, за которымъ для него могъ бы начаться второй и блестящій періодъ дѣятельности. Только незнаніе законовъ общественнаго развитія и той таинственной связи, которая представляетъ намъ судьба отдѣльныхъ, высокоталантливыхъ натуръ съ законами общественнаго развитія — заставляетъ насъ ожесточенно относиться къ своеобразнымъ мыслямъ и убѣжденіямъ подобныхъ натуръ, ищущихъ въ отрицаніи заглушить неудовлетворенное чувство правды и стремленія къ абсолютной истинѣ. И въ борьбѣ съ такими отрицательными натурами, мы, принимающіе себя за людей положительныхъ, мы-то и являемся собственно отрицателями высшихъ законовъ развитія человеческого духа: мы возлагаемъ на такихъ людей отвѣтственность за ихъ заблужденія, какъ будто бы отъ отдѣльнаго человѣка безусловно зависитъ ходъ его мыслей и понятій, какъ отъ рельсовъ зависитъ направление локомотива. Если нашъ юноша страдалъ отрицаніемъ многого изъ нашихъ порядковъ, то не страдали ли мы, по отношенію его, отрицаніемъ гораздо болѣе высшаго порядка, еще далеко не вполне понятнаго человѣку, но уже составляющаго часть его лучшихъ убѣжденій? Безъ понятія объ этомъ высшемъ порядкѣ, мы всегда будемъ отличаться раздражительною нетерпимостью, и большой, котораго рѣшились бы мы исцѣлять радикальными средствами, вправѣ сказать намъ: «врачу, исцѣлись самъ!». Надобно желать, чтобы знавшіе покойнаго дали намъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о его жизни: это нужно, конечно, не ему, а намъ, быть можетъ, тогда мы будемъ болѣе щадить талантъ и не бояться порывовъ его развитія, зная, что увлеченіе бываетъ часто признакомъ дарованія, и что увлеченіе пройдетъ, а дарованіе останется съ нами.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ 1868.

Книга седьмая. — Іюль.

	стр.
СМЕРТЬ ВАЛЕНШТЕЙНА.—Трагедія Шиллера, въ пяти дѣйствіяхъ.—I-III.—К. К. ПАВЛОВОЙ	5
НОВОУСТРОЕНІЕ.—Разсказы изъ быта осыльныхъ.—II.—На каторгѣ.—С. В. МАКСИМОВА	121
РУССКОЕ МАСОНСТВО ДО НОВИКОВА.—II. Елагинская система.—А. Н. ПЫШИНА.	167
ДРЕВНѢЙШІЙ ПЕРІОДЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНЪ.—Глава первая.—Славяне въ ряду другихъ племенъ арійскихъ.—А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГА	223
ПРОИСХОЖДЕНІЕ РУССКИХЪ ВЫМЦЕВЪ.—XI-XIV.—В. В. СТАСОВА	292
СВѢТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЦЕРКОВЬ СЪ XVII-го вѣка.—В. И. УТИНА	346
ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Современные вопросы.—А. Н-въ	361
ЗЕМСКОЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Самарское земство.—I-III.—Н. П. КОЛЮПАНОВА.	385
ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРЫ	399
КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.—Іюнь.—I. Русская литература.—II. Иностранная литература	423

Книга восьмая. — Августъ.

	стр.
Смерть Валленштейна. — Трагедія Шиллера, въ пяти дѣйствіяхъ. — IV-V. — К. П. ПАВЛОВОЙ	463
Несчастные. — Разсказы изъ быта ссыльныхъ. — III. Въ бѣгахъ. — С. В. МА- КСИМОВА	539
Школьные воспоминанія. — 1814 — 1820 гг. — Изъ моихъ записокъ. — М. П. ПО- ГОДИНА	605
Позднѣйшія волненія въ Оренбургскомъ краѣ. — Историческій разсказъ. — П. Самозванецъ 1845-го года. — Н. А. СЕРЕДЫ	631
Россійское Библейское Общество. — 1812-1826. — I. Основаніе Общества и внѣшняя его дѣятельность до удаленія кн. А. Н. Голицына	639
Сектаторы-колонисты въ Россіи. — Историческіе очерки. — III. Меннониты. — VII-XII. — А. А. КЛАУСА	713
Записки о Россіи XVII и XVIII вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резиден- товъ. — II. Посольство Вредероде, Басса и Іоакими въ Россію, и ихъ донесеніе Генеральнымъ Штатамъ, 1615 — 1616 гг. — III. Три письма Исаака Массы къ Генеральнымъ Штатамъ, 1616 — 1618 гг. — Перев. съ голландск. рукоп.	767
Земское Овозрѣніе. — Самарское земство. — IV-VIII. — Н. П. КОЛЮПАНОВА.	815
По поводу статьи барона Н. Корфа: «Земство на югѣ Россіи и борьба его съ сусліями (объ одной изъ причинъ голода)». — Сообщено	828
Ежемесячная Хроника исторіи, политики, литературы	841
Корреспонденція изъ Берлина. — Самоуправленіе, церковь и школа въ Пруссіи. — К.	862
Критика и Литературныя Извѣстія. — Іюль. — I. Русская литература	889

